This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,099,457

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Томъ V

ЯНВАРЬ — МАРТЪ

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Редакція журнала „ТРУДЪ“
Садовая улица № 22 (16).
1890

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го марта 1890 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

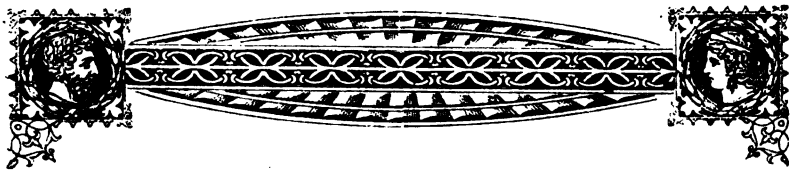
-c5a.329951

99
2915
8886
41

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
I.	**Ханъ, свинья и три ученыхъ**, восточная сказка *В. А. Величко*	1.
II.	**На новыя земли**, замѣтки о переселенческомъ движеніи въ славяносербскомъ уѣздѣ, *С. Видьбина*	33, 142.
III.	Стихотворенія *І. І. Ясинскаго*	48, 370.
IV.	**Психологія войны**, очеркъ *Д. А. Коропчевскаго*	40, 162.
V.	**Застѣнокъ, пытки и палачи**, историческій очеркъ *М. И. Пыляева*	63.
VI.	Разсказы *Ларса Диллинга*	77.
VII.	**Привракъ**, разсказъ *Н. Ѳ. Бажина*	113.
VIII.	Стихотворенія *К. М. Фофанова*	141, 458.
IX.	Стихотвореніе *А. В. Круглова*	160.
X.	**Сестосъ и Абидосъ**, изъ воспоминаній путешественника, *В. А. Теплова*	174, 267.
XI.	Стихотворенія *А. Будищева*	185, 625.
XII.	**Приговоренный къ пожизненной каторгѣ**, романъ *Юнаса Ли*	187, 306, 407.
XIII.	**Болотные огни**, романъ *Вас. Ив. Немировича-Данченко*	225, 337, 459, 561.
XIV.	Стихотворенія *В. Л. Величко*	263.
XV.	**П. И. Чайковскій**, очеркъ музыкальной дѣятельности *В. С. Баскина*	277, 487.
XVI.	Стихотвореніе *И. В. Быкова*	293.
XVII.	**„Не любо — не слушай“**, библіографическая замѣтка *Nemo*	296.
XVIII.	**Письма о литературныхъ вопросахъ. „Художники-реалисты“**, ст. *Д. А. Коропчевскаго*	373, 479.
XIX.	Стихотворенія *Ѳ. А. Червинскаго*	392.
XX.	**О преподаваніи отечественнаго законовѣдѣнія**, ст *Н. П. Дружинина*	393, 497.
XXI.	**Джекъ**, разсказъ *І. І. Ясинскаго*	449.
XXII.	Стихотвореніе *А. Н. Аванасьева*	477.
XXIII.	**Дурнушка**, новелла *Переса Гальдоса*	509.
XXIV.	Стихотвореніе *А. Вербова*	594.
XXV.	**Двойное сознаніе въ здоровомъ состояніи**, этюдъ *Альфреда Бине*	595.
XXVI.	**Вокругъ Малой Азіи**, изъ путешествія на востокъ, *Е. Л. Маркова*	608.
XXVII.	**Іисусъ**, романъ изъ библейскихъ временъ *Георга Эберса*	626.
XXVIII.	**Хорошій тонъ**, изъ „Американскихъ разсказовъ“ *Ж. Судана*	653.

105a-329951



AP
50
.T85
v.5

Ханъ, свинья и три ученыхъ

Восточная сказка

Посв. Н. С. Лѣскову

I

Шайтанъ, людскаго рода врагъ,
Не отдыхаетъ ни минуты:
По міру бродитъ, сѣетъ смуты, —
И, побывавъ въ его когтяхъ,
Выходятъ праведники въ плуты,
Мудрецъ глупѣетъ, какъ ишакъ *),
Кто былъ съ нагайкой — носитъ путы!...

2

Года, столѣтія прошли
Съ тѣхъ поръ, какъ въ древности когда-то
Былъ повелителемъ Герата
Алмазъ востока — Ширъ-Али, —
Его да будетъ имя свято!
Его ни грома битвъ раскаты,
Ни кровь, ни слава не влекли:
Былъ тихъ душой ханъ Ширъ-Али!
Его плѣняли пѣсенъ звуки

*) Ишакъ — оселъ.

И говоръ вѣщихъ струй науки.
И отовсюду мудрецы,
Врачи, разсказчики, пѣвцы,
Какъ рѣки въ лоно океана,
Стекались въ пышные дворцы
Привѣтствовать Ширъ-Али-хана.
Лагоръ и древній Бенаресъ,
Моссулъ, Бухара, Мекка, Джидда,
Марокко, западный Гадесъ,
Какъ въ дни Гаруна-аль-Рашида, —
Весь разумъ свой, весь даръ небесъ
Ему съ привѣтомъ посылали.
Когда-жъ у хана пировали,
Весь міръ, казалося, тогда
Глупѣлъ — и дома оставались
Глупцы, ихъ жены и стада,
Да тѣ, что ханскихъ глазъ боялись,
Изъ глупцами притворялись!
Такъ въ блескѣ радостнаго дня
Пылаетъ ты станешь звѣздъ напрасно:
Лишь одинъ солнце властно
Весь міръ потоками огня...

I

Хотя такъ очень полнъ духовной жажды,
Что утолить она не смогли
Всѣ мудрые земли,
Но вотъ предъ очи Ширъ-Али
Предстали три волхва однажды
И рѣчь такую повели:
«Изъ тайныхъ дебрей Гималая
«Мы, ханъ, къ престолу твоему

»Научной бѣдности суму
»Несемъ, почтить тебя желая!
»Прими насъ въ мудрости чертогъ,
»Прими въ свой садъ благоуханный
»Ничтожный полевой цвѣтокъ;
»Въ колодезь, мрамором убранный,
»Росинку малую прими!...
»Снося лишенья и невзгоды,
»Въ лѣсахъ, пещерахъ, со звѣрьми
»Мы скоротали дни и годы
»На лонѣ царственной природы,
»Горя желаніемъ однимъ:
»Проникнуть разумомъ своимъ
»Въ ея заманчивыя тайны!
»Постичь глухую рѣчь волны
»И каждый вѣтра вздохъ случайный,
»Деревъ таинственные сны...
»Узнать, зачѣмъ мы рождены,
»Дойти къ невѣдомымъ предѣламъ
»Господства разума надъ тѣломъ....
»Хоть уроженцы разныхъ странъ,
»Хоть матерей мы разныхъ дѣти,—
»Но, цѣль одну избравъ на свѣтѣ,
»Слились въ науки дружный станъ,
»По духу братьями мы стали:
»Учились вмѣстѣ, наблюдали,
»Не спали, думали, страдали —
»И...«

— »Что?! вы межъ собой дружны,
»Хоть предались одной наукѣ?!
»Да вы, друзья мои, больны!...«
Воскликнулъ ханъ: — »при трубномъ звукѣ

»Я это міру возвѣщу!...
»Но дальше слушать я хочу!...«
— »Да, властелинъ, мы дружно вмѣстѣ
»Природу силились познать
»И пологъ тайны приподнять,
»Что̀ ей дарованъ, — какъ невѣстѣ
»Дана стыдливая чадра.
»Но жениху придетъ пора
»Красу увидѣть безъ покрова,—
»Мы-жъ были встрѣчены сурово:
»Съ презрѣньемъ, въ прахѣ насъ влача,
»Томила долго насъ природа!
»Прошли мучительные годы,
»Пока, отъ гнѣва трепеща,
»Намъ за труды, за всѣ страданья
»Она швырнула... крохи знанья!...
»Мы рады были и тому,
»И то снесли мы еле-еле:
»Отъ этихъ крохъ мы опьянѣли —
»И вмигъ безумно захотѣли
»Похвастать знаньемъ! — Но кому?!!
»Другъ другу развѣ, да пустынѣ?!...
»И вотъ, подумавъ, мы пришли
»Къ тебѣ, великій Ширъ-Али, —
»Но — вѣрь — пришли не хвастать нынѣ
»(Избави Богъ насъ отъ гордыни!):
»Научной бѣдности суму
»Несемъ къ престолу твоему!
»Я, рабъ смиренный, Бенъ-Аму,
»Постигъ всѣхъ менѣе науку:
»Пусть мнѣ палачъ отрѣжетъ руку!
»Попрозорливѣй братъ Аббасъ:

»Ему пусть вырвутъ правый глазъ!
»Касимъ же всѣхъ насъ превосходитъ:
»Онъ, по желанью своему,
»Не ѣстъ, не пьетъ... гулять не ходитъ!—
»Желудокъ вырѣжьте ему!
»Пусть будетъ сложено въ корыто
»Все это и ковромъ покрыто,
»И женщинѣ такой дано
»(Ее найти-то мудрено!),
»Которая-бъ еще ни разу
»За весь свой вѣкъ не солгала,
»Молчать безъ скуки бы могла
»И тайну свято берегла.
»Пускай хранитъ все до намазу *),
»Пока чернѣетъ ночи мгла.
»Наукою руководимы,
»Мы утромъ это все возьмемъ,
»Къ тѣламъ приложимъ — и потомъ
»Вновь будемъ цѣлы-невредимы!...«

4

Въ восторгѣ молвилъ ханъ волхвамъ:
— »Да это... это просто чудо!
»Гостите-жъ у меня покуда,
»А я сейчасъ приказъ отдамъ
»Достать мнѣ женщину такую,
»Что-бъ всякой лжи чужда была.
»Отшельникъ есть тутъ, — Абдалла:
»Онъ жизнь завѣдомо святую
»Ужъ много-много лѣтъ ведетъ.
»Такъ вотъ, — чтобъ женъ безъ опасенья

*) Намазъ — молитва мусульманъ.

»Давалъ испытывать народъ,
»Отшельникъ праведный пойдетъ
»Исполнить это порученье!
»Къ тому-жъ, отъ женщинъ Абдалла
»Вкусилъ и радостей, и зла,
»Бывалъ и счастливъ, и несчастенъ, —
»Теперь же страсть въ немъ умерла;
»Ужъ онъ-то будетъ безпристрастенъ!...«
— »О нѣтъ!« отвѣтили ему
Аббасъ, Касимъ и Бенъ-Аму: —
»На стариковъ, святыхъ и дряхлыхъ,
»Повѣрь, властитель, плохъ разсчетъ!
»Пусть опрометчивый народъ
»Лишь юношей боится чахлыхъ,
»Въ которыхъ страсть и не жила!
»Но все-жъ опасенъ Абдалла!
»Его святыня ненадежна:
»Соблазна плотскаго боясь,
»Сознавъ, что въ мірѣ все возможно,
»Онъ святъ, — порвавши съ міромъ связь!
»Вѣдь онъ не скрылся бы въ пещеру,
»Когда въ себя питалъ бы вѣру!
»Вѣдь онъ, поди, еще начнетъ
»Дурачить бабъ, смущать народъ,
»Лечить затѣетъ отъ неплодья!
»Козлу не мѣсто — огородъ!
»Коню нельзя бросать поводья!
»Къ тому же, вѣрь: кто женщинъ зналъ,
»Кто только былъ къ любви причастенъ,
»Пылалъ, безумствовалъ, страдалъ, —
»Ужъ тотъ не будетъ безпристрастенъ!
»Ты лучше евнуха пошли,

»Котораго бы обрекли
»Безбурному существованью
»Съ тѣхъ лѣтъ, когда отца и мать
»Онъ могъ съ трудомъ лишь отличать
»По бородѣ, да одѣянью.
»Онъ жгучихъ мукъ не испыталъ
»И не пылалъ любовью страстно,
»А дни въ гаремахъ скороталъ
»И тонко женщинъ тамъ узналъ.
»Вотъ онъ разсудитъ безпристрастно!
»Для нихъ онъ — что-жъ за существо?! —
»Съ нимъ будутъ меньше лицемѣрить!
»Ну... и безвредности его
»Мужья недаромъ будутъ вѣрить!«
— »Вы правы«, рекъ Ширъ-Али-ханъ: —
»Житейской мудрости въ васъ много!« —
И тотчасъ евнуху былъ данъ
Приказъ отправиться въ дорогу.

5

Прошло три года и три дня
До той поры, когда съ коня
Всталъ вѣрный евнухъ передъ ханомъ.
— »Я по твоимъ обширнымъ странамъ
»Бродилъ съ печалію въ душѣ:
»И во дворцахъ, и въ шалашѣ
»Я женщинъ злобныхъ и строптивыхъ,
»И добрыхъ (больше, чѣмъ я ждалъ!),
»Прекрасныхъ, сносныхъ, некрасивыхъ,
»Простыхъ, безстыдныхъ и стыдливыхъ
»Мильоновъ семь перевидалъ,—

»Не встрѣтилъ только я правдивыхъ!
»Геройство въ нѣкоторыхъ есть:
»За мужа, за семью, за честь
»Онѣ на подвиги готовы!
»Но лгали всѣ! Хоть разъ!... хоть слово!...
»Ну, гдѣ ужъ имъ съумѣть молчать
»И тайны свято сберегать?!...
»Одна, быть можетъ, исключенье
»Составитъ нужное для насъ:
»Она — нѣмая отъ рожденья...
»Ее и взялъ я про запасъ.
»Нельзя, конечно, знать навѣрно,
»Что лжи невѣдома ей скверна, —
»Но только можно полагать,
»Что ей довольно трудно лгать;
»Къ тому-жъ, нетрудно ей молчать,
»И развѣ очень ужъ случайно
»Сболтнетъ она чужую тайну.
»А, можетъ быть, ты женъ своихъ,
»Халифъ, испытывать желаешь?
»Онѣ...«
— »Молчи! Еще что̀ скажешь!
»Оставь въ покоѣ женъ моихъ!«
Ханъ злобно крикнулъ въ тотъ же мигъ,
Бровь соколиную нахмуря.
И ждали всѣ, что будетъ буря:
Вѣдь ханъ сердитъ, — не кто нибудь!
Но ханъ склонилъ чело на грудь,
Объятый горестнымъ раздумьемъ:
— »Коль женщины такъ склонны лгать,
»То ясно: было бы безумьемъ
»Отъ женъ моихъ инаго ждать!

»Пусть ложь ужасна, недостойна;
»Но я, не думая о ней,
»Живу пріятно и спокойно
»Перебираю четки дней!
»А испытанье лишь встревожитъ
»Меня — и... дѣлу не поможетъ!«
И ханъ, вздохнувъ, сказалъ волхвамъ:
— »Мой евнухъ глупъ! Нѣмая вамъ,
»Неправда-ль, можетъ пригодиться?!«
— Тѣ поспѣшили согласиться.

6

И, просіявъ, ханъ Ширъ-Али
Продолжилъ: — »Свѣточи земли,
»Мужи, великіе наукой!
»Пусть все, чѣмъ въ жизни дорожу,
»Пусть небо будетъ вамъ порукой
»Въ томъ, что́ я нынѣ вамъ скажу
»И слово ханское сдержу.
»Во-первыхъ, я спрошу васъ прежде: —
»Быть можетъ, вы пришли въ надеждѣ,
»Что женъ у насъ правдивыхъ нѣтъ?
»Тогда примите мой совѣтъ:
»Пока избѣгнуть можно пытки,
»Бѣгите вонъ, собравъ пожитки,
»Да покажите, сколь вы прытки!
»Я не предамъ васъ палачу:
»За остроуміе прощу!...
»А если въ правду вы собрались
»Свершить все то, что́ обязались, —
»То, знайте, завтрашній же день
»Я, Ширъ-Али, Аллаха тѣнь,

»Властитель славнаго Герата,
»Васъ награжу, волхвы, богато:
»Дамъ вамъ коней, гаремы, злато,
»Рабовъ, оруженосцевъ тьму *);
»Я возвеличу вашу долю —
»И васъ къ престолу моему
»Всѣхъ трехъ приблизить я изволю!
»Съ рукой чудесной, Бенъ-Аму,
»Ты могъ бы стать и сераскиромъ **);
»Но всѣ горазды воевать
»У насъ, — а я плѣняюсь миромъ! —
»Такъ лучше подати сбирать
»Ты постарайся мнѣ искусно,
»Чтобъ мнѣ казны не истощать,
»Чтобъ могъ я пить и кушать вкусно!...
»Пригоденъ будетъ мнѣ, Аббасъ,
»И чудодѣйственный твой глазъ: —
»Ты будешь »визиремъ порядка«,
»Чтобъ могъ твой ханъ спать ночью сладко!...
»Ну, что жъ, мудрѣйшій, что̀, Касимъ,
»Съ желудкомъ сдѣлаемъ твоимъ?
»Въ дѣлахъ желудочныхъ ты дока, —
»Корми жъ народы и войска!
»Ты будешь — житница востока,
»Мускомъ текущая рѣка!...«
Такъ молвилъ ханъ — и чрезъ мгновенье
Три плаща не безъ смущенья
Вошли исполнили приказъ.
Потомъ рукъ, желудокъ, глазъ —
Все было сложено въ корыто,

*) [illegible]
**) [illegible]

Ковромъ узорчатымъ покрыто,
Все женщинѣ сдано нѣмой —
И та отправилась домой.
Пошелъ искать уединенья
Объятый грустью Ширъ-Али.
Волхвовъ-страдальцевъ увели...
На грудь усталую земли
Ужъ ночь легла неслышной тѣнью,
А горожане не могли
Придти въ себя отъ изумленья
И по гаремамъ рѣчь вели:
— »Вотъ чудеса! подумать жутко!
»Ну... Бенъ-Аму, ну... хоть Аббасъ
»Пусть руку отдали и глазъ,
»Такихъ-то видѣли у насъ!
»Но вотъ Касимъ-то! безъ желудка —
»И живъ! Да!... это ужъ не шутка!...«

7

Объятъ глубокимъ сномъ Гератъ,
Обвороженный лаской ночи.
Сапфиры звѣздные горятъ —
Небесъ безчисленныя очи,
И въ тихо дремлющій просторъ
Луна льетъ кроткое сіянье.
Вдали чуть видны очертанья
Твердыни грозной мощныхъ горъ;
Фатой туманною одѣты
Дворцы, мечети, минареты
И стройныхъ тополей ряды,
И ароматные сады.
И лунный свѣтъ скользитъ, играя,

По кровлямъ каравансарая,
По лентѣ вьющейся рѣки...
Трепещутъ, въ нѣгѣ замирая,
Чинаръ и нѣжныхъ миртъ листки,
И блещутъ радостныя слезы
На лепесткахъ у каждой розы.
Все спитъ. *Нѣмая* лишь одна
Не поддается чарамъ сна.
Предметъ заботы драгоцѣнный,
Она корыто стережетъ,
Да съ нею старый черный котъ,
Ея товарищъ неизмѣнный.
Кругомъ все тихо... Сонъ глубокъ...
И лишь струитъ благоуханье,—
Что̀ райской гуріи дыханье,—
Шумя чуть слышно, вѣтерокъ,
Да плещутъ воды Герируда...

8

Но вдругъ — невѣдомо откуда —
Явилась тучъ нѣмая мгла
И небо мигомъ облегла.
Исчезли звѣзды безъ числа,
Смѣнился лучъ луны отрадный
Завѣсой черной, непроглядной,
И наступилъ глубокій мракъ...
Шайтанъ, людскаго рода врагъ,
Давно подстерегалъ минуту,
Чтобъ тамъ посѣять зло и смуту,
Гдѣ мудрость много лѣтъ жила,
Гдѣ жизнь, безбурна и свѣтла,
Рѣкой широкою текла.

Злой духъ на все воздвигъ гоненье,
Все то погибели обрекъ,
Въ чемъ блещетъ правды огонекъ,
Надъ чѣмъ любвеобильный Богъ
Простеръ свое благословенье.
Шайтанъ проклятьемъ отравилъ,
Порока грязью осквернилъ
Небесныхъ благъ колодезь каждый,
Источникъ радостей и силъ
Для всѣхъ, чей духъ томился жаждой.
Въ сердцахъ людей онъ вспѣнилъ кровь,
Зажегъ неистовыя страсти —
И часто кроткая любовь,
Ослѣплена, раба ихъ власти,
Бралася жадно за кинжалъ;
И часто злобой недостойной
Шайтанъ ликъ вѣры искажалъ,
Ликъ всепрощающій, спокойный,
Во имя вѣры воздвигалъ
Братоубійственныя войны,
На убѣжденья налагалъ
Насилья грубаго оковы,
Казнилъ за мысль, за взоръ, за слово...
И вѣра, и любовь слаба,
Живя въ сердцахъ, гдѣ страсть пылаетъ:—
Науку-жъ хладный умъ питаетъ,
И съ ней не такъ легка борьба!
Гдѣ страсти разума? — Сомнѣнье,
Тщеславье, зависть, ложный стыдъ...
Пускай позорныя стремленья
Шайтанъ ученому внушитъ:
Пусть мужъ свободный сильнымъ льститъ

И мало честью дорожитъ;
Старикъ пускай, какъ мальчикъ, споритъ
И гордо глупости твердитъ:—
Онъ лишь собратьевъ насмѣшитъ,
Науку-жъ онъ не опозоритъ,
Не нанесетъ онъ ей вреда!
Она — высокая звѣзда,
И не докинетъ грязью черной,
До ней слуга ея позорный!
Въ какой уродливый сосудъ
Струю науки ни вольютъ, —
Цѣлебнымъ будетъ все-жъ напиткомъ
Ея расплавленный кристалъ!
Не разъ шайтанъ ужъ испыталъ,
Что съ ней не совладать ни пыткамъ,
Ни звону золота, ни лжи!
Мудрецъ! Ты правду *лишь скажи*! —
Въ бой за нее вступать не надо,
Ничто предъ ней кровавый бой!
Она сильна сама собой,
Неугасимая лампада!
Идетъ по трудному пути
Наука тихо, величаво;
Сомнѣній горькая отрава
Ей лишь поможетъ путь найти;
Ей въ пользу все: враговъ нападки,
Полезны страсти, недостатки
И даже немощи ума.
Вредна-жъ — лишь *склонность къ волхвованью*,
Невѣрная тропинка къ знанью.
Но все-жъ не сгубитъ свѣта тьма,—
И, чтобъ съ нимъ справиться, покуда

По меньшей мѣрѣ нужно чудо!...
Отлично понялъ то шайтанъ.
Ему былъ ненавистенъ ханъ
И весь Гератъ, очагъ науки.
— »Ну, попадитесь вы мнѣ въ руки!«
Шепталъ онъ яростно не разъ:
— »Будь только случай! Я бы васъ!...«
И надъ наукой черной тучей
Нависъ въ ту ночь подобный случай
И погубилъ ея очагъ:
Трехъ мудрецовъ извѣстный шагъ
И былъ опаснымъ волхвованьемъ,
Невѣрною тропинкой къ знаньямъ,
Въ крутой ведущею оврагъ!...
Ну, и смекнулъ шайтанъ, что чудо
Какъ разъ теперь свершить не худо!
Столицу бросивши свою
(Онъ жилъ, конечно, въ Византіи!),
Призвалъ на помощь онъ стихіи
И, взявъ гяурскую свинью,
Съ ней прилетѣвъ въ Гератъ,— ей строго
Велѣлъ свершить... довольно много...
Въ тиши сидитъ нѣмая... Вдругъ
Раздался въ дверь нежданный стукъ.
На бой съ врагомъ рѣшившись твердо,
Взяла нѣмая въ руки ножъ...
Открылась тихо дверь — и что-жъ?! —
Просунулась свиная морда!...
Ну, кто-бъ свиньи здѣсь ожидалъ,
Въ странѣ, въ странѣ святой, откуда
Исламъ давно свиней изгналъ?!
Но тѣмъ не кончилося чудо!

Отъ страху чуть не умерла
Нѣмая, пуще онѣмѣла!...
Свинья-жъ вошла спокойно, смѣло
Коверъ съ корыта сорвала —
И все, что̀ было тамъ, — дотла,
Понюхавши, немедля съѣла...
Тогда, преодолѣвъ испугъ,
Нѣмая встрепенулась вдругъ,
Дрожа, какъ будто въ лихорадкѣ,—
И въ сердце, вплоть до рукоятки,
Свиньѣ вонзила острый ножъ.
Но было поздно! Не вернешь
Того, что̀ въ ротъ къ свиньѣ попало,
Что̀, разжевавъ, свинья пожрала,—
Какъ дней минувшихъ не вернешь!...
Прекрасно это сознавая,
Сперва отчаялась нѣмая,
Была готова пасть на ножъ!...
Потомъ раздумала: — »Ну что-жъ?
»Коль не вернутся эти члены,
»Нельзя-ль найти для нихъ замѣны?!« —
И всѣ старанія свои
Къ тому нѣмая приложила,
Чтобъ все скорѣй въ порядкѣ было:—
Взяла желудокъ у свиньи
Для велемудраго Касима,
А у кота достала глазъ,
Чтобъ окривѣть не могъ Аббасъ;
Потомъ сейчасъ неутомимо
Вездѣ искать руки пошла,
Искала долго — и нашла
Ее... у висѣльника-вора,

Что былъ казненъ, но для позора
Еще межъ двухъ столбовъ висѣлъ:
Шайтанъ помочь ей захотѣлъ!
Потомъ сложила все въ корыто, —
И все осталось шито-крыто.
Она при этомъ не лгала
И тайну свято сберегла.....

9

Зардѣлся яркій лучъ востока.
Свершивъ намазъ — завѣтъ пророка,
Три мудреца къ нѣмой пришли
И... все въ порядкѣ тамъ нашли:
Стояло въ горницѣ корыто,
Ковромъ, какъ слѣдуетъ, покрыто, —
И въ немъ рука... желудокъ... глазъ...
Они къ тѣламъ своимъ сейчасъ
Приставили всѣ эти члены,
Сказавъ: »*Мигузередъ*! — пройдетъ!« *)
Прошло мгновеніе — и вотъ
Срослися глазъ, рука, животъ! —
Какъ не бывало перемѣны!
Нѣмая, видно, не лгала
И молча тайну сберегла...

. . . . . .

Нѣтъ силъ моихъ! Языкъ нѣмѣетъ,
Рука съ *калямомъ* **) цѣпенѣетъ,
И сердце замерло въ груди!
Ко мнѣ, Фирдуси, Бога ради!
Ко мнѣ, Мослихуддинъ-Саади!

*) *Мигузередъ* — по арабски значитъ *пройдетъ*.
**) *Калямъ* — тростникъ, замѣняющій на востокѣ перо.

Гафизъ плѣнительный, приди!
Моимъ калямомъ ты води!...
Но нѣтъ! похитила могила
Всѣхъ васъ, чья рѣчь фонтаномъ била,
Благоухала, какъ цвѣтокъ,
Чья рѣчь пылала, какъ востокъ,
Востокъ багряный утромъ рано!
Нѣтъ никого, кто бы помогъ
Мнѣ описать восторги хана,
Восторги хана Ширъ-Али...
Волхвовъ немедля облекли
Въ золототканные халаты,
Имъ дали пышныя палаты,
Сады, коней, гаремы, злато —
Всѣ блага лучшія земли!
Пиры смѣнялись; ликованье
Шло дни и ночи напролетъ —
И, веселясь, твердилъ народъ:
»Да! ханъ исполнилъ обѣщанье...«
Ханъ все исполнилъ — и сейчасъ,
Какъ прозорливецъ, былъ Аббасъ
Назначенъ »визиремъ порядка«,
Дабы могъ ханъ спать ночью сладко;
Рукой чудесной Бенъ-Аму,
Какъ было сказано ему,
Сбирать сталъ подати искусно,
Чтобъ ханъ могъ пить и кушать вкусно;
Касимъ, чья мудрость велика,
Кормить сталъ щедрою рукою
Семью народовъ и войска.
Ханъ обнялъ ихъ — и межъ собою
Они, какъ братья, обнялись

И страшной клятвой поклялись:
Нести достойно хану службу,
А межъ собой блюсти ту дружбу,
Что̀ ихъ связала такъ давно.
Уйдя-жъ домой, еще одно
Другъ другу дали обѣщанье:
»Доколѣ намъ существованье
»Влачить на свѣтѣ суждено,—
»Разъ въ мѣсяцъ, выбравъ часъ досуга,
»Поочередно другъ у друга
»Втроемъ мы будемъ пировать—
»И, за вина запретной чашей,
»Все откровенно повѣрять,
»Все, что̀ случится въ жизни нашей,
»Иль сердце будетъ волновать!...«

10

Дни быстро шли — и вотъ на ужинъ
Собралъ Касимъ друзей своихъ.
Усѣлись. Ѣли... Но былъ тихъ,
Невеселъ первый ужинъ ихъ;
Какъ будто чѣмъ нибудь сконфуженъ,
Иль грустенъ каждый былъ изъ нихъ.
Хоть откровенность обѣщали
Друзья, — упорно всѣ молчали
И даже глазъ не подымали...
Но налилъ всѣмъ Касимъ вино
(Съ того-бъ и начинать давно!),—
Къ запретной чашѣ приложились
И понемногу оживились.
Касимъ былъ склоненъ больше всѣхъ

Свершать съ виномъ ужасный грѣхъ.
Онъ выпилъ, крякнулъ, подбодрился
И, наконецъ, спросить рѣшился:
— »Что ты молчишь, мой другъ Аббасъ?
»Ужъ не болитъ ли правый глазъ?!«
И, встрепенувшись, тотъ отвѣтилъ:
— »Ты развѣ что нибудь замѣтилъ?!
»Что?... развѣ видно?... есть ужъ знакъ?...«
И покраснѣлъ Аббасъ, какъ ракъ.
— »Какой тамъ знакъ! Я просто такъ
»Спросилъ тебя!... Да говори же,
»Чѣмъ ты смущенъ!...« — Тогда поближе
Къ столу придвинулся Аббасъ
И началъ: — »Глазъ мой — странный глазъ!
»И днемъ я вижу имъ отлично,
»И, — странно, — даже въ тьмѣ ночной!
»Но то, что дѣлаетъ со мной
»Мой глазъ, — буквально неприлично!
»Вѣдь вы же помните, друзья:
»Любилъ поспать, спалъ крѣпко я!
»Теперь ужъ это невозможно!
»Я сонъ люблю, — но сплю тревожно:
»Малѣйшій шорохъ — и сейчасъ
»Вдругъ открывается мой глазъ,
»Горитъ огнемъ... чего-то ищетъ...
»То, значитъ, мышка гдѣ-то рыщетъ!
»Мнѣ до нея вѣдь дѣла нѣтъ,
»Я не ее ловить назначенъ! —
»Но прерванъ сонъ, покой утраченъ —
»И я, чтобъ мышь съискать мою,
»Всю ночь по комнатамъ сную!
»Да это что!... Я разъ у хана

»Былъ въ засѣданіи Дивана *).
»Вдругъ что-то гдѣ-то заскребло...
»Такъ я, съ кинжаломъ на-голо́,
»За мышью съ полчаса гонялся!
»И ханъ, и весь Диванъ смѣялся
»Надъ этой глупой бѣготней.
»Ханъ молвилъ: — »Вотъ такъ визирь мой!
»Какъ онъ печется о порядкѣ:
»И мыши-то не дастъ повадки!
»Хвалю! Враговъ моихъ, смотри-жъ,
»Умѣй ловить, какъ эту мышь!
»Но ты забылъ про засѣданье!
»И впредь прошу: ты мелочамъ
»Не посвящай свое вниманье!
»Съ мышами справлюсь я и самъ!...« —
»Что́ могъ отвѣтить я?! Рыданья
»Душили грудь мою... Я всталъ
»И еле-еле прошепталъ: —
»Дозволь уйти мнѣ... я усталъ!...« —
»И, получивъ согласье хана,
»Ушелъ съ позоромъ изъ Дивана.
»Не визирь я! какой-то котъ!...«
— »Все вздоръ! Мигузередъ! — пройдетъ!«
Ему Касимъ, смѣясь, отвѣтилъ: —
»Лишь пей побольше! Плохо пьешь,
»Лѣниво пьешь ты, я замѣтилъ!
»Вотъ такъ! Но гдѣ же мой стаканъ?
»Какая странность! Я не пьянъ!
»Клянусь чалмою Магомета,
»Не нравится мнѣ шутка эта!
»Кто-жъ это, други, подшутилъ?

*) Диванъ — верховный совѣтъ.

»Стаканъ мой только что здѣсь былъ!
»Онъ мнѣ самимъ подаренъ ханомъ
»И тѣмъ особенно мнѣ милъ!
»Друзья!... не рыться-жъ по карманамъ!
»Стаканъ отдайте! Будемъ пить!
»Друзья, довольно вамъ шалить:
»Уходитъ время золотое!
»Друзья!... Однако... что̀ такое
»Съ тобой творится, Бенъ-Аму?
»Дрожишь ты, блѣденъ?!... Не пойму!
»Да полно! Ты наводишь скуку!
»Иль ты опять утратилъ руку?
»Эге! куда ты скрылъ ее?!«
Но тотъ рыданьемъ разразился —
И черезъ мигъ секретъ открылся:
Стаканъ со звономъ покатился —
И про несчастіе свое
Всю правду Бенъ-Аму повѣдалъ:
— »О, еслибъ кто нибудь извѣдалъ
»Мои страданья, мой позоръ!
»Я воръ! Вы поняли?! Я воръ!
»Чего смѣетесь вы?! Мнѣ больно!
»Я, Бенъ-Аму — и воръ! Довольно
»Меня успѣли вы узнать:
»Вѣдь не умѣлъ я воровать,
»Не воровалъ всю жизнь — и что̀ же?!
»Теперь я воръ! О, правый Боже!
»За что меня ты покаралъ?!...
»Сперва я самъ не замѣчалъ,
»Какъ все рука моя хватала,
»Червонцы, вещи... что̀ попало!
»Но случай мнѣ глаза открылъ.

»Однажды вышло такъ, что въ гости
»Я дней пять-шесть подъ рядъ ходилъ —
»Играть то въ шахматы, то въ кости.
»Потомъ, случайно, какъ-то разъ,
»Желая нищимъ дать абазъ *),
»Засунулъ руки я въ карманы —
»И обомлѣлъ! И, словно пьяный,
»Готовъ свалиться былъ сейчасъ!
»Халата новаго карманы
»Набиты были всѣ биткомъ
»Разнообразнѣйшимъ добромъ!
»Но чьимъ добромъ-то?! О, проклятье!
»Вѣдь я не помнилъ, я не зналъ,
»Что̀ у кого тогда укралъ,
»Кому что̀ долженъ отослать я!
»Будь вещь одна! Я-бъ могъ тогда
»Винить разсѣянность... ну, случай!
»Но вещи вѣдь пропали кучей!
»Ужъ тутъ не случай, господа!
»Ну, я сейчасъ домой гайда —
»И письма всѣмъ послалъ, конечно,
»Всѣмъ, кто мнѣ вспомнился тогда.
»Писалъ о томъ, что я сердечно
»Всѣхъ полюбилъ ихъ, какъ родныхъ,
»О нихъ, молъ, *память* сохраняю
»И ихъ смиренно умоляю
»Принять убогіе дары!
»Послалъ коней, рабовъ толпою,
»Алмазы, жемчугъ и ковры,—
»Ну все, что̀ было подъ рукою!...
»И ввечеру того же дня

*) Абазъ — мелкая монета.

»Благодарили всѣ меня
»За щедрый даръ, достойный хана! —
»Эге! Ты, видно, очень рано
»Съ народа подати собралъ!« —
»На каждой рожѣ я читалъ!..
»И правда вѣдь! Съ такой рукою,
»Скажите, могъ ли я, друзья,
»Не поживиться и казною?!
»Вотъ какова судьба моя!
»Я кралъ у женъ и у прислуги,
»У самого себя — и, други,
»Вотъ что̀ случилось, наконецъ:
»Пришелъ я какъ-то во дворецъ
»И, самъ того не сознавая,
»Снялъ со стѣны два базалая *),
»При ханѣ взялъ, средь бѣла дня!
»Ханъ засмѣялся: — »Забываешь,
»Мой другъ, что подать собираешь
»Ты *для меня*, а не съ меня!
»Раненько началъ ошибаться!« —
— »Ахъ, я не зналъ, куда дѣваться!
»Какой позоръ! Мои друзья!
»Себя убить намѣренъ я!...
»Ну, полно! полно убиваться!
»Все вздоръ! Мигузередъ! — пройдетъ!
»Одна разсѣянность! впередъ
»Будь осторожнѣй! — а покуда
»Винца-бъ еще хлебнуть не худо!
»Подамъ примѣръ сейчасъ вамъ я!...«
Изрядно выпили друзья,

*) Базалай — кинжалъ лезгинской работы; онъ очень дорого цѣнится на востокѣ.

Такъ оживились понемногу,
Что скорбь смѣшной казалась имъ.
Тутъ показалъ себя Касимъ! —
На столъ протягивать сталъ ногу,
Сталъ какъ-то чавкать, хрюкать, выть —
И, не смолкая, непрерывно
Гостямъ такое говорить,
Что слушать стало имъ противно.
— »Что̀ мнѣ пророкъ?!« кричалъ Касимъ: —
»Я не хочу и знаться съ нимъ!
»Вино, свинину воспрещаетъ!...«
— »Молчи, Касимъ, ты пьянъ!«
— »Я... пьянъ?!
»Что... что ты лжешь!... ну... пусть баранъ
»Свинью, пожалуй, замѣняетъ, —
»А чѣмъ замѣнишь ты вино?!
»А! ну, не глупо-ль? не смѣшно?!
»Того нельзя, а то нечисто!...
»Такъ знай же, старый Магометъ...
»Всѣ Магометы, будь васъ триста! —
»Въ природѣ все бери! все чисто,
»Нечистоты въ природѣ нѣтъ!...
»Ну... пусть мнѣ жены надоѣли! —
»Что-жъ! Я могу для этой цѣли...«
— »Молчи, Касимъ! довольно! брось!
»Ужъ намъ домой пора, небось!...«
— »Домой хотите?... Что̀ такое?!
»А обѣщаніе святое?!
»Вы пировать должны со мной —
»И вдругъ затѣяли домой,
»Чтобъ въ сердце мнѣ вонзить занозу!...
»Чего-бъ намъ съѣсть еще? помой?!

»Хотите, можетъ быть, навозу?
»Я васъ немедля угощу!
»Чего башками замотали?!
»Навозъ — вѣдь прелесть! Вы не знали?!
«Чѣмъ бы меня ни угощали,
»Свинаго корму я хочу!...«
— »Молчи! вѣдь это намъ обидно!
»Касимъ! тебѣ вѣдь самому,
»Какъ завтра вспомнишь, будетъ стыдно!«
Кричатъ товарищи ему.
— »Нравоученья прочь нельзя ли!
»Что? вамъ обидно?! Почему?
»Да я и хану самому,
»На дняхъ, когда мы пировали,
»Сказалъ то самое, что̀ вамъ!...«
И въ ужасѣ друзья вскричали:
— »Что-жъ ханъ въ отвѣтъ такимъ словамъ?!«
»Что̀ ханъ? — Смѣялся до упаду,
»Потомъ сказалъ: — »Свою отраду
»Въ чемъ хочешь, можешь находить,
»Что̀ хочешь, можешь ѣсть и пить!
»Пей самъ, — но помни, что не надо
»Кормить Богъ знаетъ чѣмъ войска!
»Вѣдь такъ ты зайдешь далеко!
»Вотъ вамъ и житница востока,
»Молокомъ текущая рѣка!...«—
»Ну, гдѣ-жъ постичь помои хану!
»Что-жъ? не хотите-ль? я достану!
»Вкуснѣй нѣтъ мірѣ ничего!...«
Но тѣ не слушали его
поскорѣе убѣжали.
До изступленья хохотали

Надъ этимъ случаемъ друзья;
Потомъ, утихнувъ понемногу,
Сказали: — »Ахъ! Касимъ, ей Богу,
»Вѣдь настоящая свинья!
»Нѣтъ тѣни прежняго Касима,
»Того, что̀ могъ неутомимо
»Не ѣсть, не пить... и не гулять,
Что̀ былъ такъ набоженъ, приличенъ!
»Онъ спьяну, надо полагать,
»Сдурѣлъ: къ вину вѣдь непривыченъ!
»Пусть лишь, какъ слѣдуетъ, уснетъ —
»И все — мигузередъ! — пройдетъ!...«

II

Но нѣтъ! невѣренъ былъ разсчетъ,
Не видно было исцѣленья!
Что̀ день, — то новое явленье,
Что̀ день, — то новая бѣда!
Роптали глухо города,
Впадали въ нищенство селенья,
Сосѣдей хищныхъ нападенья
Случаться стали иногда —
И гибли пашни и стада!...
И въ краѣ все пришло въ разстройство.
Усугублялъ лишь безпокойство
Порядка визирь самъ, Аббасъ.
Его проклятый правый глазъ
Овладѣвать имъ сталъ всецѣло:
Не видя тучи, что̀ висѣла
Надъ бѣдной родиной его,
Ловить мышей — одно лишь дѣло
Онъ зналъ — и больше ничего!

Да какъ ловить! — въ гаремы даже
Врываться къ гражданамъ со стражей
Въ любви и сна пріятный часъ!
Чѣмъ спать, — Аббасъ повсюду рыщетъ, —
Мышей, извольте видѣть, ищетъ!...
— »Чего же хочетъ онъ отъ насъ?«
Народъ твердилъ: — »ужъ это гадко!
»Ну, далъ Богъ визиря порядка!...«
Грѣшилъ не меньше Бенъ-Аму:
Онъ подати сбиралъ такъ рьяно,
Что сталъ чуть не богаче хана —
И было мало все ему!
Народу, войску и обозамъ
Давалъ Касимъ паекъ навозомъ –
И дерзокъ, наглъ, невозмутимъ,
Неузнаваемъ сталъ Касимъ:
Онъ говорилъ ужъ всѣмъ открыто,
Что ѣсть пріятнѣй изъ корыта,
Что жены дрянь, что лучше имъ
Предпочитать... Но умолчимъ!...
Другіе два — ну, хоть въ началѣ
Свой грѣхъ порою замѣчали:
Чтобъ какъ нибудь помочь бѣдѣ,
Чтобъ корень зла узнать — вездѣ
Искали горестно нѣмую, —
Но отъ нѣмой и слѣдъ простылъ!...
Тогда угасъ ихъ честный пылъ,
Грѣшить пошли напропалую
Воръ Бенъ-Аму и котъ Аббасъ.
Ужъ замѣчалъ и ханъ не разъ,
Тревогой смутною объятый,
Что плохо стало жить въ странѣ...

И только въ адской глубинѣ
Рукоплескалъ шайтанъ проклятый!
И мысль жестокая пришла
Тогда лукавому шайтану:
Онъ зналъ, что слышалъ Абдалла,
Какъ про него сказали хану,
Когда о старцахъ рѣчь зашла. .
И неотвязно, ежедневно
Онъ сталъ отшельника мутить:
— »Пора ученымъ отомстить!...«
И Абдалла воспрянулъ гнѣвно,
Бродилъ вездѣ, не ѣлъ, не спалъ,
Народъ рѣчами волновалъ,
Науку, съ яростью слѣпою,
И всѣхъ ученыхъ проклиналъ.
Народъ ходилъ за нимъ толпою,
Народъ весь былъ съ нимъ заодно!
Онъ видѣлъ зло уже давно,
Но тихо все сносилъ въ началѣ:
— »И не такіе, молъ, бывали
»У насъ визири надъ страной!
»Ихъ должность, вѣрно, въ томъ виной,
»Что всѣ творятъ одно и то же!«
Но что̀ за дни пришли, о Боже!...
Всѣхъ Бенъ-Аму привелъ въ раззоръ,
Аббасъ совался въ каждый дворъ,
А отъ Касимова кормленья
Проникли въ войско и въ селенья
Заразы всякія и моръ!...
И стало очень ужъ обидно:
— »Наука въ томъ виною, видно!...
Когда ввѣряли насъ глупцамъ,

»Терпѣть случалось намъ немало,—
»Но такъ ужъ плохо не бывало!
»Теперь вѣдь — просто смерть настала,
»Какъ дали волю мудрецамъ!
»Эхъ! имъ урокъ бы дать примѣрный!...«
И такъ, внимая духу зла,
Не могъ понять, въ чемъ суть была,
Народъ, слѣпой и легковѣрный!
Все пуще сердце Ширъ-Али
Народа бѣдствія терзали.
Волхвы-жъ грѣшили, пировали
И межъ собою рѣчь вели:
— »Пускай народъ насъ ненавидитъ!
»Да ханъ-то ничего не видитъ!«
Когда-жъ ихъ началъ ханъ корить —
Они давай вину валить
Во всѣхъ несчастьяхъ другъ на друга!
Потомъ, опомнясь отъ испуга,
Опять сближались межъ собой
И разсуждали: — »Шутъ какой!
»Вѣдь ничего не понимаетъ,
»А насъ еще стращать желаетъ!
»Чего бояться намъ его?!
»Что̀ ханъ?! Конечно, ничего!«
Но ханъ совсѣмъ не ничего!...
Онъ взялъ, — да посадилъ ихъ на-колъ!...
Потомъ, въ чертога глубинѣ,
Съ тоской своей наединѣ,
Простершись ницъ, онъ горько плакалъ...
И были посланы гонцы,
Чтобъ возвѣстить во всѣ концы:
»Пускай не лѣзутъ мудрецы!«

И много дней, какъ въ заточеньѣ,
Ханъ проводилъ въ уединеньѣ...
Вокругъ дворца его народъ
Плескалъ, какъ плещутъ волны моря.
Шумѣлъ: — »Пусть солнышко взойдетъ!
»Гдѣ ханъ, прозрѣвшій наше горе?!
»Зачѣмъ же къ дѣтямъ не идетъ
»Отецъ желанный и любимый?!...«
Но, жгучей горестью томимый,
Забывъ покой, не зная сна,
Ханъ во дворцѣ, для всѣхъ незримый,
Страданій чашу пилъ до дна!...

12

Мрачнѣй, чѣмъ туча грозовая,
Грознѣй, чѣмъ левъ, пустыни царь,
Предсталъ Герата государь,
Мольбамъ народа уступая!
То не былъ прежній Ширъ-Али,
Мудрецъ привѣтливый и нѣжный!
Его узнать едва могли!
То разрушенья духъ мятежный,
То божій бичъ — не Ширъ-Али!
Блестятъ доспѣхи боевые
Красою мощною на немъ,
Взоръ мечетъ стрѣлы огневыя!...
И замеръ весь народъ кругомъ:
Всѣ ждутъ, что ханъ промолвитъ слово—
Но ханъ молчитъ, молчитъ сурово!...
Такъ молчалива и мрачна
Предъ бурей, страшныхъ тайнъ полна,
Нѣмая бездна океана...

И тишь, такая тишь вкругъ хана,
Что слышно, какъ сердца стучатъ,
И какъ мгновенія летятъ...
Но вотъ уста вождя дрожатъ...
И, средь молчанья гробоваго,
Одно срывается съ нихъ слово...
То слово было: »*газаватъ*!« *)
Какъ шумный лѣсъ въ часъ непогоды,
Какъ разъярившіяся воды,
Все загудѣло вкругъ него:
— »Умремъ за хана своего!«
И за добычею, за славой
Вдаль потекло все жгучей лавой!...
И съ той поры уже не шли
Въ Гератъ изъ разныхъ странъ земли
Пѣвцы, врачи, мужи науки,
Не слышны были пѣсенъ звуки!
Погашенъ мудрости очагъ!
Гремятъ кровавыхъ битвъ раскаты,
И рукоплещетъ имъ проклятый
Шайтанъ, людскаго рода врагъ!...

В. Величко

*) Газаватъ — священная война.

НА НОВЫЯ ЗЕМЛИ

Замѣтки о переселенческомъ движеніи въ славяносербскомъ уѣздѣ

„Народъ ѣдетъ — какъ съ кручи бросается!“ *Народная характеристика переселенческаго движенія.*

I

Неурожаи, падежъ скота и другія хозяйственныя невзгоды, разорявшія нашъ уѣздъ въ теченіе двухъ лѣтъ (85 и 86) непрерывно, возбудили въ нашемъ крестьянскомъ населеніи довольно сильное стремленіе покинуть старыя, истощенныя земли и переселиться на новыя, за Уралъ, въ Сибирь, вообще на востокъ. Года за три-четыре передъ этими неурожайными и во всѣхъ отношеніяхъ тяжкими годами, крестьяне большей части деревень нашего уѣзда еще и „слыхомъ не слыхали“ о томъ, что есть гдѣ-то „новыя мѣста“, „свободныя земли“. Правда, были и тогда случаи переселенія, но только единичные, и остальные крестьяне смотрѣли на этихъ смѣльчаковъ очень скептически, относились довольно равнодушно ко всякимъ слухамъ, разговорамъ и разсказамъ о какихъ-то „новыхъ мѣстахъ“, и неособенно интересовались даже письмами, получавшимися отъ „смѣльчаковъ“ — переселенцевъ уже устроившихся на новыхъ мѣстахъ. Долгое время нашихъ крестьянъ почти не трогали за живое самыя соблазнительныя приманки, которыми устроившіеся на чужой сторонѣ смѣльчаки заманивали своихъ однодеревенцевъ: масса народа не трогалась, и переселенія продолжали быть единичными; рѣшались переселяться сюда находившіеся почему либо въ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Съ неурожаемъ 85 года, уже началось броженіе. Въ концѣ этого года по нѣкоторымъ деревнямъ разнесся слухъ, что „*теперешняя Сибирь уже уничтожена, — туда будутъ переселять*

вольныхъ людей, — а здѣшнія мѣста „пойдутъ подъ Сибирь“: сюда будутъ ссылать воровъ и разбойниковъ“. Это потому, объясняли крестьяне, что „здѣшняя земля для пахарей стала хуже сибирской, что теперь можно работать только *подъ землей*, въ каменноугольныхъ копяхъ, а для этого и будутъ присылать сюда каторжниковъ“...

Въ началѣ 86 года нѣкоторыя деревни рѣшились наконецъ подняться, и прежде всего послали развѣдчиковъ на новыя земли, большею частью на юго-востокъ, отъ оренбургской губ. до сыръ-дарьинской области. По возвращеніи этихъ развѣдчиковъ въ ту деревню, которая ихъ посылала, стали ходить крестьяне и изъ другихъ деревень, чтобы разспросить и разузнать объ этихъ „новыхъ земляхъ“. Иногда, впрочемъ, и сами развѣдчики — по приглашенію и, конечно, за деньги — ходили въ сосѣднія деревни и разсказывали о томъ, что видѣли. Разсказываютъ, между прочимъ, что изъ села Васильевки были посланы на новыя мѣста два развѣдчика. Проѣздивъ нѣсколько мѣсяцевъ, они возвратились и, не говоря никому ни слова, начали поспѣшно готовиться къ отъѣзду. На вопросы крестьянъ, которые ихъ посылали, они отвѣчали съ напускнымъ хладнокровіемъ: — „Хотите — поѣзжайте, а не хотите — оставайтесь! Намъ здѣсь не рука оставаться: здѣсь адъ, а тамъ рай!“ — какъ эти слова, и особенно необыкновенная поспѣшность, съ которою развѣдчики собирались въ дорогу, — конечно, произвели на народъ сильное и заразительное впечатлѣніе въ смыслѣ стремленія изъ ада въ рай. Разсказываютъ, что вмѣстѣ съ развѣдчиками собралось ѣхать три четверти дворовъ деревни. Но неожиданно противъ этого движенія возсталъ священникъ. Онъ сталъ говорить, что некому будетъ содержать церковь божію, если всѣ уѣдутъ. Крестьянъ это тронуло, и они порѣшили отпустить въ переселеніе только треть дворовъ, для чего и кинули жребій всей деревней.

Не знаю, насколько этотъ разсказъ правдивъ; но дѣло въ томъ, что подобнаго рода разсказы, слухи и письма начали все больше и больше распространяться и волновать умы полуголодныхъ и голодныхъ крестьянъ, возбуждая въ нихъ надежду на лучшую жизнь. Въ 86-мъ году изъ нѣкоторыхъ деревень уѣхало уже по 5, 10 и больше семействъ. Но это движеніе все таки еще не успѣло охватить многія деревни; многихъ удерживала надежда на урожай 86 года.

Неурожай 86 года и свирѣпствовавшій все лѣто падежъ скота почти во всемъ уѣздѣ распространили стремленіе къ переселенію почти во всѣхъ деревняхъ. Въ настоящее же время едва ли можно во всемъ уѣздѣ найти хоть одну деревню, гдѣ бы не толковали и не разсуждали о переселеніи. Между дерев-

нями идетъ постоянная пересылка писемъ, получающихся отъ переселившихся уже сельчанъ. Письма ходятъ изъ одной деревни въ другую и перечитываются съ напряженнымъ вниманіемъ. И несмотря на это, нельзя сказать, чтобы наши крестьяне имѣли о „новыхъ земляхъ“ какія нибудь опредѣленныя понятія. Объ Амурѣ, напримѣръ, сказываютъ, что тамъ даютъ по 500 дес. на душу, 100 руб. „награды“ и освобождаютъ на 20 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Объ „Уралѣ“ ходятъ тоже различные разсказы: одни говорятъ, что тамъ даютъ по 50 дес. на душу, другіе — что только 8 дес.; насчетъ „награды“ также говорятъ различно. Кромѣ этихъ совершенно неопредѣленныхъ свѣдѣній о земельныхъ преимуществахъ той или другой мѣстности — и самыя мѣстности, о которыхъ идутъ разговоры, часто перепутываются въ понятіяхъ крестьянъ: Амуръ смѣшиваютъ съ сыръ-дарьинской областью (Уралъ) а сыръ-дарьинскую область — съ Амуромъ.

Одно только всѣ знаютъ хорошо и твердо, это именно то, что „*тамъ*“ — *земли вольныя*, слѣдовательно, голода тамъ уже нечего бояться. И для большинства достаточно быть увѣреннымъ только въ этомъ, чтобы ужъ не задумываться передъ трудностью переселенія.

Бо́льшая часть нашихъ переселенцевъ идетъ „на Уралъ“, т. е. въ сыръ-дарьинскую область. На Амуръ переселяются теперь немногіе, и объ этой мѣстности, сколько мнѣ приходилось слышать, существуютъ два совершенно противоположныхъ представленія: одни представляютъ себѣ Амуръ золотымъ дномъ (въ отношеніи земли, конечно), но находятъ, что добраться туда — нужно имѣть большія денежныя средства. Другіе, напротивъ, считаютъ, что на Амурѣ земля гораздо хуже здѣшней. По этому поводу разсказываютъ слѣдующее: изъ какой-то деревни нѣсколько семействъ уѣхало на Амуръ. Имъ нужно было проѣхать 12.800 верстъ. Проѣхали они уже 12.000 верстъ — и въ то время, когда имъ осталось сдѣлать всего только 800 верстъ, они встрѣтили партію „обратныхъ“ переселенцевъ. Возвращающіеся разсказали новымъ переселенцамъ объ амурской землѣ, что она ни къ чему негодна: въ первый годъ она дастъ очень хорошій урожай, но больше уже на ней нельзя сѣять. Простой она хоть 12 лѣтъ — на ней уже ничего не будетъ расти: только разъ перевернулъ ее, она дѣлается какъ зола, даже и бурьянъ на ней не растетъ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, новые переселенцы тоже возвратились обратно.

Главные распространители переселенческаго движенія — письма и разсказы. За письмомъ, за „бумагой“ иногда идутъ верстъ за 40 или 50, и даже больше. Переписываютъ и читаютъ десятки разъ. И замѣчательно вниманіе, съ какимъ крестьянами идетъ постоянная пересылка писемъ, получающихся отъ переселившихся уже сельчанъ. Письма ходятъ изъ одной деревни въ другую и перечитываются съ напряженнымъ вниманіемъ. И несмотря на это, нельзя сказать, чтобы наши крестьяне имѣли о „новыхъ земляхъ“ какія нибудь опредѣленныя понятія. Объ Амурѣ, напримѣръ, сказываютъ, что тамъ даютъ по 500 дес. на душу, 100 руб. „награды“ и освобождаютъ на 20 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Объ „Уралѣ“ ходятъ тоже различные разсказы: одни говорятъ, что тамъ даютъ по 50 дес. на душу, другіе — что только 8 дес.; насчетъ „награды“ также говорятъ различно. Кромѣ этихъ совершенно неопредѣленныхъ свѣдѣній о земельныхъ преимуществахъ той или другой мѣстности — и самыя мѣстности, о которыхъ идутъ разговоры, часто перепутываются въ понятіяхъ крестьянъ: Амуръ смѣшиваютъ съ сыръ-дарьинской областью (Уралъ) а сыръ-дарьинскую область — съ Амуромъ.

яне слушаютъ этакую „бумагу“: большинство съ перваго разу запоминаютъ ее со всѣми подробностями, а все таки никому не надоѣдаетъ слушать ее хоть и десять разъ. Но главнымъ образомъ крестьяне интересуются не письмами, а стараются разыскать *предписанія* съ подписью или печатью, и часто принимаютъ простое письмо за такое предписаніе отъ правительства. Письма же, — хотя они и сильно возбуждаютъ слушателей и читателей, и большинство переселяется единственно только подъ вліяніемъ этихъ писемъ, — все таки письма эти не внушаютъ такого довѣрія, какъ бумага „за печатью“. — Мало ли для чего одинъ пишетъ такъ, а другой иначе, разсуждаютъ крестьяне: — можетъ быть, все это неправда, а кто нибудь нарочно „выпустилъ“ такое или иное письмо, *по злобѣ*: — „я молъ попался, пусть и другой попадется“. А иной, можетъ быть, писалъ такъ, а не иначе, единственно изъ какихъ нибудь исключительно личныхъ цѣлей.— Въ подтвержденіе этого предположенія приводятъ слѣдующій разсказъ: уѣхалъ одинъ крестьянинъ съ семействомъ на Амуръ, пробылъ тамъ нѣкоторое время и началъ писать отцу письмо за письмомъ, чтобы и онъ туда пріѣхалъ. Писалъ онъ, что у него есть 3 пары воловъ, много хлѣба, и что все вообще у него въ хозяйствѣ идетъ несравненно лучше, чѣмъ было на родинѣ. Въ каждомъ письмѣ онъ настоятельно совѣтовалъ отцу переселиться и говорилъ, что лучше всего ѣхать въ своемъ фургонѣ на своихъ лошадяхъ. Отецъ раньше не соглашался ѣхать, но потомъ вполнѣ повѣрилъ письмамъ сына и уѣхалъ. Ѣхалъ онъ больше года и наконецъ добрался таки до того селенія, гдѣ жилъ его сынъ. Спрашиваетъ у людей: — „гдѣ тутъ такой-то живетъ?“ — ему указываютъ на конецъ слободы. Подъѣзжаетъ — и видитъ: — землянка изъ земли не видна, ни двора, ни хлѣва, ни сарайчика, а сынъ писалъ, что живетъ хорошо. Увидѣла пріѣзжаго его невѣстка, выбѣжала, заплакала, начала цѣловать и съ удивленіемъ спрашиваетъ: „зачѣмъ пріѣхали?“ Онъ разсказалъ ей, какія письма писалъ ему сынъ. Невѣстка сказала, что она даже и не знала, что мужъ писалъ такія письма; что, напротивъ, они сами живутъ крайне бѣдно.

— А гдѣ сынъ?

— Овецъ пасетъ: онъ здѣсь пастухомъ у общества нанялся.

Послали за сыномъ. Сынъ прибѣжалъ и чистосердечно признался отцу, что онъ только затѣмъ вызвалъ его и просилъ пріѣхать въ своемъ фургонѣ, чтобы и самому уѣхать съ нимъ обратно: у него не было никакой возможности выбраться отсюда, а здѣсь оставаться было непричемъ. Отецъ ни слова не сказалъ, велѣлъ все хозяйство положить въ фургонъ, посадилъ

сына, невѣстку и внуковъ — и даже не переночевалъ тамъ, а уѣхалъ въ тотъ же день.

Въ промежутокъ времени отъ половины апрѣля до первыхъ чиселъ мая запрошлаго (87-го) года ушла бо̀льшая часть переселенцевъ нашего уѣзда. Говорятъ, въ село Васильевку были собраны всѣ желавшіе переселиться изъ окружающихъ ближнихъ деревень; тамъ раздѣлили ихъ на двѣ партіи, въ 50 семействъ каждую, и вручили каждую партію провожатому изъ ходоковъ, ходившихъ въ прошломъ году на развѣдки изъ этой деревни.

Отъ нѣкоторыхъ получены уже съ дороги письма. Такъ, отъ переселенцевъ села Лозовой-Павловки получено было письмо, что двое изъ нихъ умерло отъ воды; отъ этого же самаго у нихъ пало нѣсколько лошадей. Переселенцы пишутъ, что умершіе напились изъ какого-то горькаго источника; оттуда же поили лошадей, которыя пали.

По собраннымъ мною отъ самихъ крестьянъ свѣденіямъ (крайне неполнымъ), въ запрошломъ году переселились крестьяне изъ селъ: Васильевки — 20 семействъ, Павловки — 7 сем., Хорошаго („12-й роты"), Нижняго („7-й роты"), „Шестой роты", и деревень: Борисовки — 1 сем., Замковки — 5 сем., Краснополья — 3 сем., Еленовой — 12 сем., Сабовки — 9 сем., Орловки — 10 сем., Николаевки (Чутиной) — 3 сем., Голубовки — 4 сем., Самсоновки (Михайловки) — 1 сем., Орѣховой — 5 сем., Тошкевки — 5 сем. (иные, впрочемъ, говорятъ, что гораздо больше), Хвощевки — 32 сем. (уѣхали на Аралъ), Ящиковой, Каменки, Уткиной, Бѣлой-Горы и мн. др.

Почти всѣ эти переселенцы ушли въ киргизскій край, преимущественно въ сыръ-дарьинскую область.

Изъ деревни, въ которой я прожилъ зиму и весну запрошлаго года, тоже уѣхало нѣсколько семействъ въ сыръ-дарьинскую область. Благодаря тому, что желавшіе переселиться обращались ко мнѣ за чтеніемъ и перепиской разныхъ „бумагъ", я имѣлъ возможность отчасти познакомиться съ ходомъ переселенія этихъ нѣсколькихъ семействъ. Разскажу объ этомъ по возможности подробнѣе.

II

Было уже около 11 часовъ февральской ночи. Я сидѣлъ и читалъ. Въ это время кто-то слабо постучалъ ко мнѣ въ окно.

— Еще не спите? услышалъ я знакомый голосъ.

— Нѣтъ, войдите!

Въ комнату вошелъ мой знакомый крестьянинъ Климъ Ш—ко, человѣкъ лѣтъ 35, средняго роста, съ крайне добродушнымъ, но какимъ-то замученнымъ, страдальческимъ выра-

женіемъ лица. Подъ воскресенье или, вообще, подъ праздникъ этотъ Климъ всегда приходилъ ко мнѣ, а иногда и приводилъ съ собою еще нѣсколькихъ людей — посидѣть, поговорить, а главное — „послушать книжечку“. Иногда онъ просиживалъ у меня до 12 часовъ ночи и позже, разговаривая и разсуждая на всевозможныя темы. Особенно онъ любилъ жалостныя темы: жизнь нехороша, земли мало, урожаевъ нѣтъ, народъ распущенъ. Часто онъ договаривался до слезъ. Впрочемъ, на слезы онъ вообще былъ очень мягокъ: сколько нибудь трогательная книжка, изд. „Посредника“, непремѣнно дѣлала его глаза влажными. Но вообще, въ общежитіи, онъ всегда былъ тише воды, ниже травы. По семейному положенію онъ былъ вполнѣ несчастный человѣкъ. На десятомъ году онъ остался круглымъ сиротой, и общество у него отняло надѣлъ. Тогда принялъ его къ себѣ бездѣтный дядя, у котораго онъ прожилъ много лѣтъ — остался жить даже и послѣ женитьбы и живетъ съ нимъ до сихъ поръ на его надѣлѣ. Другаго надѣла общество не даетъ, да и онъ самъ неособенно настоятельно проситъ. Дядя же, теперь уже старикъ, и притомъ сварливый и отчаянный пьяница, совершенно пересталъ работать, наваливъ всю работу — и домашнюю, и полевую — на Клима и его семью, въ благодарность за что, каждый разъ, когда напивается пьянымъ, гонитъ и Клима, и его семью изъ дому вонъ. Климъ всегда сносилъ это съ образцовымъ терпѣніемъ, но разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ дядѣ, чтобы тотъ его отдѣлилъ. Дядя ему на это отвѣтилъ, что онъ можетъ хоть сейчасъ отдѣлиться, но изъ хозяйства ничего ему дано не будетъ: — „въ чемъ пришелъ, въ томъ и уходи, твоего здѣсь ничего нѣтъ — все мое!“ Съ этихъ поръ Климъ сталъ еще терпѣливѣе и тише. Ему, правда, совѣтовали обратиться къ сходу, чтобы его съ дядей раздѣлили, но онъ, хотя и до сихъ поръ думаетъ объ этомъ, врядъ ли рѣшится когда нибудь это сдѣлать: не любитъ онъ заводить „дѣлъ“ и обращать на себя вниманіе всей деревни.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и спросилъ съ добродушной улыбкой:

— Не помѣшалъ вамъ?.. А я думалъ, вы уже спите: должно, не рано?

— Нѣтъ, ничего, садитесь.

Онъ сѣлъ и вытащилъ изъ-за пазухи какой-то засаленный листъ.

— Это вы когда нибудь видѣли? спросилъ онъ меня съ какимъ-то задоромъ и разложилъ по столу листъ. Это былъ „Царь Соломонъ“, гадальщикъ. Посреди листа было намалевано круглое лунообразное лицо, съ цифрами кругомъ въ видѣ лучей.

Климъ порылся въ карманѣ, досталъ оттуда кусокъ воску съ горошину и опять спросилъ:

— А вы знаете, какъ гадать?

Я отвѣтилъ утвердительно. Климъ бросилъ воскъ на середину листа. Воскъ, покатившись, остановился на какой-то цифрѣ на лучахъ. Я прочелъ въ отвѣтахъ пророчество, значившееся подъ этой цифрой. Тамъ, конечно, была какая-то безсмыслица. Но Климъ слушалъ мое чтеніе разгадки съ напряженнымъ вниманіемъ, и глаза его заискрились радостью.

— Значитъ — хорошо? проговорилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ. — Значитъ — слава Богу?

— Да вы, Климъ, на что и о чемъ задумали гадать-то? спросилъ я его.

— А вотъ постойте: надо еще два раза погадать, что-то опять скажетъ. Пока — слава Богу!

Онъ опять бросилъ воскъ, бормоча что-то про себя и волнуясь, когда воскъ не попадалъ на цифры или скатывался на столъ. Когда я ему прочелъ опять таки почти непонятные двусмысленные отвѣты, онъ по прежнему радостно повторялъ:

— Слава Богу! хорошо!.. это значитъ — хорошо!..

— На что же вы гадаете? спросилъ я опять.

Онъ помолчалъ немного, какъ бы обдумывая и собираясь мнѣ что-то важное сообщить.

— Парни у насъ ушли въ одно мѣсто!.. съ осторожностью и разстановкой сказалъ онъ наконецъ. — Пошли еще на той недѣлѣ. И вотъ хочу я узнать, когда они придутъ?.. и что принесутъ?.. Отвѣтъ, кажется, ничего себѣ, хорошій!.. Далъ бы Богъ!

— Что-жъ, парни по какому нибудь дѣлу ушли?

— Погодите маленько: объ этомъ я вамъ послѣ разскажу. Погадаю раньше еще на одно дѣло, тогда уже все разскажу!

Опять погадали, и отвѣтъ опять получился: „слава Богу, ничего себѣ... хорошо!“

— Вотъ видите какія дѣла-то, заговорилъ наконецъ Климъ, послѣ того какъ кончилось гаданье, и онъ бережно сложилъ и тщательно спряталъ „Соломона“ за пазуху: — изъ нашей деревни на лѣто собираются четыре семьи уѣхать на Уралъ! Собираемся ѣхать туды на вѣки вѣковъ... Вотъ я насчетъ этого и погадалъ... Вышло, кажется, слава Богу!..

— Что же это вамъ вдругъ вздумалось ѣхать? спросилъ я.

— Трудно прожить здѣсь, отвѣтилъ онъ со вздохомъ: — а тамъ, говорятъ, жить можно: земли много. Не слыхали?

— Да, говорятъ, что тамъ земля вольнѣе, чѣмъ здѣсь, отвѣтилъ я.

Климъ оживился.

— Письмо получено оттуда отъ одного человѣка, горячо заговорилъ онъ: — такъ вотъ какъ пишетъ онъ: „какъ пришелъ ты туда, даютъ тебѣ 20 десятинъ земли на душу, одну дес. подъ усадьбу, 2 дес. фруктоваго сада, 30 деревъ на постройку и 30 рублей деньгами. И подати разныя снимаются съ тебя на 10 лѣтъ... Только нужно проходной листъ взять, записаться нужно“... Вотъ какъ тамъ! закончилъ онъ съ торжествующимъ видомъ.

— Все таки на одни слухи и письма нельзя совершенно полагаться, замѣтилъ я.

— Вѣдь мы это понимаемъ! отвѣтилъ онъ поспѣшно. — Мы не зря поѣдемъ-то! Этакъ-то безъ толку сунуться, не дай Богъ, можно въ конецъ разориться. Трогаться съ семьями мы пока и не думаемъ. Раньше нужно самимъ разсмотрѣть, распытать. Дѣло это не такое, не шутка!..

— Что же вы, ходока думаете послать туда?

— Нѣтъ: ходока послать можно было-бъ, еслибъ много семействъ собиралось, а вѣдь насъ только 4 семьи. А мы вотъ какъ думаемъ: послѣ великаго поста мы всѣ хозяева-мужики пойдемъ себѣ потихоньку, не спѣша, въ тотъ край. Дорогой мы будемъ останавливаться и работать: вѣдь работу, я думаю, тамъ достать можно будетъ? косовица, потомъ уборка хлѣба,— ну, какая ни на есть, а работа будетъ. Будемъ работать, переходить съ мѣста на мѣсто, а тѣмъ временемъ будемъ разсматривать, разспрашивать, искать подходящаго мѣста. А на зиму — домой. Вотъ мы и будемъ знать о той землѣ все какъ есть. Расходовъ у насъ не будетъ, и еще десятку какую домой принесемъ. А на будущую весну, если найдемъ подходящую землю, уже поѣдемъ совсѣмъ съ семьями... Какъ по вашему?

— Кто же будетъ у васъ лѣтомъ на полѣ работать, хлѣбъ убирать, когда вы уѣдете? спросилъ я.

— Это ничего: нанять можно, и бабы больше поработаютъ. А то можно кому нибудь отдать свое поле и отъ трети. А мы вотъ что̀ хотѣли, заговорилъ онъ, повернувшись вдругъ ко мнѣ всѣмъ корпусомъ: — мы хотѣли всѣ какъ нибудь праздничнымъ дѣломъ придти къ вамъ и хорошенько потолковать обо всемъ этомъ... У васъ книги есть, газеты разныя читаете, вотъ вы намъ разскажете, что̀ тамъ пишутъ объ этомъ Уралѣ?.. Да только надо придти въ такое время, чтобы у васъ никого изъ мужиковъ не было, а то они — вѣдь знаете, какой это народъ? — какъ услышатъ, сейчасъ давай смѣяться: „на Вралъ, на Вралъ!“ Я и сегодня нарочно пришелъ...

Я охотно согласился, чтобы ко мнѣ пришли потолковать, хотя объ ихнемъ „Уралѣ“ зналъ немногимъ болѣе самого Клима.

Посидѣвъ еще немного, Климъ ушелъ.

Я поискалъ въ своихъ книгахъ, но почти ничего не нашелъ въ нихъ по интересующему меня вопросу. Въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ, трактующихъ о переселеніи и переселенцахъ, я нашелъ только свѣденія, изъ какихъ губерній переселялись, почему и куда. Но какая земля на мѣстахъ поселенія, по скольку десятинъ дается на душу, и даетъ ли правительство какую нибудь помощь — объ этомъ я не нашелъ ни слова. Кромѣ того, почти во всѣхъ статьяхъ говорилось лишь о переселеніи на Амуръ или въ тобольскую и томскую губерніи.

III

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, Климъ пришелъ ко мнѣ и привелъ съ собою еще одного человѣка изъ желающихъ переселиться. Къ нимъ присоединился „отъ нечего дѣлать“ и хозяинъ моей квартиры, человѣкъ крайне флегматичный, индиферентный рѣшительно ко всему на свѣтѣ — и неособенно далекій, хотя и довольно добродушный. Посидѣли, поговорили, разобрали всевозможные способы удобнаго и нерискованнаго переселенія и остановились, конечно, на томъ, что и раньше думали: лѣтомъ идти на развѣдки однимъ мужчинамъ. Изъ разговора я узналъ, что мысль о переселеніи была возбуждена у нашихъ крестьянъ письмомъ, полученнымъ отъ одного переселенца. Это письмо переселенецъ писалъ своему отцу, уговаривая его тоже переселиться. Но отецъ отвѣчалъ, что онъ до тѣхъ поръ не поѣдетъ, пока тамошніе старики не припишутъ ему и не подпишутся, что сынъ пишетъ вѣрно. Наконецъ получилось письмо и съ подписями стариковъ. Это письмо произвело уже волненіе въ деревнѣ. Отецъ писавшаго уѣхалъ, а за нимъ теперь собираются уѣхать еще нѣсколько семействъ. Одно изъ писемъ сына къ отцу какъ-то дошло до нашей деревни; писарь его прочелъ нѣкоторымъ крестьянамъ — и въ результатѣ оказалось, что 4 семьи желаютъ переселиться. Но въ письмѣ будто писалось, что для того, чтобы, переселившись, получить все обѣщанное въ письмѣ, нужно имѣть проходной листъ, и этотъ листъ находится въ с. Петропавловкѣ. Еще будто писалось въ томъ письмѣ, что петропавловцы обязаны давать этотъ листъ каждому, кто пожелаетъ снять съ него копію. И вотъ наши четыре домохозяина, задумавшіе переселиться, послали въ Петропавловку двухъ парней, чтобы узнать подробно объ этомъ листѣ и принести съ него копію. Объ этихъ-то парняхъ и гадалъ Климъ, посѣтивъ меня прошлый разъ.

— Зачѣмъ вамъ ѣхать? спросилъ я Семена, крестьянина, пришедшаго съ Климомъ: о немъ я слышалъ, что онъ человѣкъ зажиточный.

— Ѣсть нечего, отвѣтилъ онъ кратко и хладнокровно. — Вотъ у меня семья — семь человѣкъ. Въ позапрошломъ году былъ хоть и плохой урожай, я все же сколько нибудь пшеницы да собралъ, а жито таки и хорошо уродилось. Вотъ мы житомъ годъ кормились, а пшеницу, 25 мѣрокъ было, я и посѣялъ. Посѣялъ я 10 дес. со сколщины: 8 дес. пшеницы, 1 дес. жита, 1 дес. ячменя. Такъ вотъ вамъ счетъ: пшеницы я скосилъ 35 копенъ, и хоть бы одно зернышко изо всѣхъ этихъ копенъ получилъ: — даже и не молотилъ. Пробовали люди изъ любопытства молотить, собрали изъ 10-ти копенъ полъ-мѣшка или мѣшокъ зерна, да и то, какое ужъ это было зерно! Остались, значитъ, только двѣ дес., которыя я засѣялъ житомъ и ячменемъ: ну, я снялъ пять мѣшковъ жита и 5 ячменя... Ну, пшеницы въ этомъ году на посѣвъ уже не было, я и посѣялъ жита и ячмень, а для ѣды уже, значитъ, ничего и не осталось: въ амбарѣ пусто. Теперь заработаешь рубль — купишь пудъ муки, не заработаешь — и нѣтъ!.. Вотъ и нужно ѣхать. По письму выходитъ такъ, что тамъ куда лучше будетъ!

— Пишется тамъ, какой урожай былъ у нихъ въ прошломъ году? спросилъ я.

— Сказать правду, я и письма-то всего не чулъ, отвѣтилъ Семенъ, немного смутившись: — чулъ я только, что тамъ ячмень ничего не стоитъ, дешевле угля...

— Это правда, вмѣшался Климъ: — какъ-никакъ, а голодать тамъ не будешь. Только хлѣба, говорятъ, продавать тамъ некому?

— Ну! схватился Семенъ торопливо, съ радостнымъ смѣшкомъ и просіявшимъ лицомъ. — И не надо продавать! Когда хлѣба много, да податей нѣтъ никакихъ, зачѣмъ и хлѣбъ продавать? Коли хватитъ прокормиться — чего еще?

— Этого-то тамъ хватитъ! отвѣтилъ съ увѣренностью Климъ.

Семенъ засіялъ отъ удовольствія, и глаза его опять заискрились радостью.

— А кто поѣдетъ? спросилъ я.

— Думка есть у многихъ, отвѣтилъ Климъ: — а кто поѣдетъ, кто нѣтъ — этого теперь нельзя знать. Вотъ Яшка съ братомъ хотятъ ѣхать. Эти уже, значитъ, навѣрно поѣдутъ.

— Это плотники-то?

— Да, плотники. Оба они люди хорошіе: жалостливые. У самихъ едва хватаетъ, а попроси у нихъ кто другой — никогда не откажутъ! И водки не пьютъ, и работу любятъ. Имъ самая статья ѣхать; земли у нихъ нѣтъ — ихъ на одну усадьбу ссадили: они дворовые были, — что же имъ здѣсь дѣлать?

— А еще кто ѣдетъ?

— Еще одинъ дворовый хочетъ ѣхать. Потомъ Михайло, что старостой раньше былъ...

— Ну, его, може, и не пустятъ, вмѣшался все время молчавшій хозяинъ.

— Може, и не пустять, согласился Климъ. — Онъ, какъ старостой былъ, не такъ дѣла велъ, вотъ и попалъ подъ судъ... А человѣкъ хорошій!

— Чѣмъ же хорошій?

— Душевный человѣкъ: другому поможетъ, не откажетъ...

— И себя не забудетъ, перебилъ со смѣхомъ Семенъ. — Забралъ себѣ, небось, казенныхъ денежекъ 20 руб. Онъ ихъ отъ разныхъ людей штрафами получилъ, и нужно было ихъ въ казну сдать, а онъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Еще и 64 мѣрки пшеницы изъ гамазеи недостаютъ, тоже онъ забралъ... А хорошій!

— Ничего, братъ, не подѣлаешь! человѣкъ бѣдный! продолжалъ оправдывать его Климъ. — Онъ и старостой затѣмъ сталъ, чтобы поправиться, а ничего не поправился: какъ былъ бѣдный, такъ и есть.

Помолчали.

— Еще хочетъ ѣхать Марко, заговорилъ опять Климъ.

— Марко? удивился я. — А ему зачѣмъ ѣхать?

Дѣло въ томъ, что Марко считается однимъ изъ богатѣйшихъ крестьянъ нашей деревни. Говорятъ, что онъ имѣетъ нѣсколько тысячъ, и думаютъ, что эти тысячи нажиты несовсѣмъ чистымъ путемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ мѣстной экономической конторы пропала шкатулка съ деньгами. Подозрѣніе пало на Марка, его судили и, за неимѣніемъ прямыхъ уликъ, оправдали. Послѣ этого Марко вдругъ сталъ богатѣть, выстроилъ большой домъ, купилъ воловъ, началъ деньги давать на проценты, почему вся деревня и увѣрена, что „экономическія“ деньги остались именно у него. Да и онъ самъ подъ пьяную руку ужъ не разъ проговаривался, что деньги эти онъ дѣйствительно прикарманилъ. Удивило меня, что и этотъ богачъ хочетъ переселиться.

— Должно, здѣсь ему доходу мало, отозвался Семенъ: — хочется побольше.

— А, можетъ, онъ хочетъ уѣхать подальше, гдѣ не знаютъ, откуда у него деньги взялись? замѣтилъ Климъ.

— Да ему что̀! этого онъ и не стыдится.

— А все же...

Нѣсколько минутъ всѣ молчали.

— Что̀ я слыхалъ, заговорилъ вдругъ Климъ какимъ-то измѣнившимся голосомъ, грустно и полуторжественно. — Не знаю, какъ по вашему, какъ объ этомъ въ газетахъ пишутъ, а у насъ говорятъ эво про какія дѣла: настанетъ время, когда народъ будетъ ходить по-міру, какъ муравьи: одинъ туда, дру-

гой сюда, и никакимъ родомъ этому нельзя будетъ помочь. Станетъ трудно жить, пойдетъ человѣкъ на востокъ — и тамъ нехорошо, пойдетъ на западъ — и тамъ нельзя жить. Исходитъ человѣкъ всю землю, перебудетъ во всѣхъ четырехъ сторонахъ свѣта — а легче нигдѣ не найдетъ: всюду трудно будетъ жить... Какъ вы думаете, вѣрно это? обратился онъ ко мнѣ.

Я не зналъ, что отвѣтить ему, и сказалъ, что до этого, кажется, не дойдетъ.

— А мы думаемъ, что не миновать! Да, дойдетъ до этого, промолвилъ Климъ тихо, съ грустной увѣренностью и вздохнулъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Вѣдь вотъ, раньше чѣмъ воля вышла, никто и не вѣрилъ, что будетъ воля: — „что толкуешь — воля! какая тамъ тебѣ воля!“ говорили. А вотъ вышла таки. Тоже раньше чѣмъ здѣсь машина прошла, говорили: — „какая машина! Ну, развѣ можетъ это быть, чтобы возъ, да еще съ товаромъ, самъ безъ лошадей бѣжалъ? — брехня!“ А вотъ видишь, что вышло такъ. Говорили и договорились. Тоже, значитъ, и съ этимъ: какъ народъ говоритъ, что дойдетъ такое время, что людямъ нигдѣ житья не будетъ — и дойдетъ.

— А что я слыхалъ, заговорилъ, флегматически улыбаясь и почесывая голову, молчаливый хозяинъ. — Говорятъ, что эта самая машина скоро совсѣмъ уничтожится. Такъ уничтожится, что вотъ, примѣрно, моя Ѳедоска... Ей теперь 11 годовъ, она знаетъ про машину, а ея дѣти уже не будутъ знать, что такое машина.

— Отчего же уничтожится? спросилъ я.

— Сама собой уничтожится... Говорятъ, она строена только на годы, а не на вѣки. Выйдетъ 30 — 40 лѣтъ тамъ, примѣрно, насколько она строена, и тогда она уничтожится... Это вѣрно!

IV

Черезъ недѣлю послѣ этого, уже въ первыхъ числахъ марта, пришелъ ко мнѣ Климъ и привелъ съ собою и Марко: человѣка лѣтъ около сорока, съ моложавымъ лицомъ, клинообразной блѣдно-рыжей бородой и живыми, лукавыми и какъ бы ласкающими глазами. Съ торжествующимъ видомъ передалъ мнѣ Климъ, что копія съ бумаги, за которой парни ходили въ Петропавловку, уже получена, парни возвратились. Марко досталъ изъза пазухи „бумагу“ и подалъ мнѣ съ нѣкоторой важностью. Вообще, всѣми своими движеніями онъ какъ будто хотѣлъ дать мнѣ понять, что онъ стоитъ гораздо выше Клима во всѣхъ

отношеніяхъ. Привожу въ точности содержаніе бумаги, только съ исправленіемъ грубыхъ, затемняющихъ смыслъ, ошибокъ:

„Съ предписанія послѣдовавшаго отъ Сыръ-Дарьинскаго Военнаго Округа: „Для желающихъ переселиться въ Сыръ-Дарьинскую область, которые получаютъ отъ казны льготы на 20 лѣтъ, на устройство отъ казны 30 руб., лѣса 30 деревъ и земли 20 дес. на душу: удобной земли 10 дес. и гулевой — 10. Подъ усадьбу 1/2 дес. Осѣдлость усадебъ по низахъ. Урожай ежегодно бываетъ съ казенной дес. 150 пуд. зерна. На огородахъ овощь родится помногу; картофель родится въ 7 фунтовъ вѣсу. Во время бездождія бываетъ поливка огородовъ и полей: поливается съ горъ; проводя борозду вокругъ посѣяннаго хлѣба и огородовъ, напускается вода куда угодно. За 12-ти-пудовую четверть пшеницы платится 1 р. 20 к., рисъ — 50 к. пудъ. Ленъ, конопля и другіе посѣвы родятся изобильные. Рѣки Сыръ-Дарья и Толосъ — рѣки самыя рыбныя. Степь цѣлинная; лѣса большіе и звѣриные; дичь и звѣри разные; свиньи въ 20 п. вѣсу и кабаны. Плоды разные: яблоки, груши, сливы и много такихъ, безъ названія. Народы, исключая русскихъ, киргизы и каменцы (?). 12-ти-пудовая четверть ячменя — 80 коп. Воздухъ самый здоровый и благопріятный.. Село отъ села 80 верстъ. По истеченіи льготы, земля остается въ собственность тѣхъ, которые теперь таковую получаютъ, т. е. каждому въ собственность.

„Маршрутъ въ Сыръ-Дарьинскую область: Мытякинъ, Калачъ, Царицынъ, Оренбургъ, Казанскъ и Ташкентъ".

Подъ бумагой была подпись нашего сельскаго писаря, переписавшаго эту бумагу.

— Да вѣдь это не само предписаніе, замѣтилъ я: — а переписано съ предписанія, а — можетъ быть — и совсѣмъ выдумано: подписи какого нибудь начальника нѣтъ.

— То-то и я говорю, отвѣтилъ Марко: — это, можетъ, кто и отъ себя пустилъ эту бумагу: теперь такого народа много завелось.

— Нѣтъ, эта бумага вѣрная! заговорилъ Климъ тихо, но съ полною увѣренностью. — Эта бумага не первая. Оттуда много такихъ бумагъ получено, и люди, которые оттуда пріѣзжаютъ, разсказываютъ то же самое! То же писарь въ волости газету („Сельскій Вѣстникъ") читалъ, тамъ тоже про это написано...

— А вотъ, говорятъ, отозвался Марко: — изъ „Шестой-Роты" два человѣка ѣздили туда и пріѣхали назадъ ни съ чѣмъ; разсказываютъ, что тамъ солончакъ, песокъ, жара сильная, и малоягодно.

— Мало чего наболтаютъ! Это тѣ болтаютъ зря, которые и до мѣста-то не доползли! стоялъ на своемъ Климъ. — Имъ, болтунамъ-то, лѣнь было дальше идти, либо они дальней дороги испугались, и назадъ поворотили. Надо же чего нибудь болтать-то? Вотъ и разсказываютъ, что̀ въ башку взбредетъ!

— Дѣйствительно, много чего разсказываютъ, обратился ко мнѣ Марко. — Уѣхало отъ насъ семь семействъ, все на Уралъ же. Доѣхали они до города, стало быть, губернскаго, а тамъ

имъ и говорятъ: „свободной, говорятъ, земли на Уралѣ нѣтъ, что лучше всего имъ нанимать землю здѣсь, у помѣщиковъ, что тѣ, молъ, дешево ее теперь отдаютъ". Сказали имъ, и къ какому помѣщику ѣхать: за 80 верстъ отъ города. Повѣрили. — долго ли смутить-то? Поѣхали. Видятъ они: ѣдетъ баринъ въ коляскѣ. Остановили его, спрашиваютъ, какъ проѣхать къ такому-то помѣщику? А баринъ говоритъ: — „Это говоритъ, я самъ и есть тотъ помѣщикъ, къ которому вамъ надо!" Ну, спрашиваютъ они его: можно ли у него арендовать землю? Онъ такъ и обрадовался: — „Съ ве-ели-кимъ, говоритъ, удовольствіемъ! сколько хотите! Дамъ вамъ по одной дес. усадьбы на вѣчное владѣніе, будете жить возлѣ меня, а за землю возьму съ васъ по 2 р. съ дес. Все дамъ, что̀ хотите, только садитесь". Ну, мужики, конечно, обрадовались, что Богъ имъ такое счастье послалъ. Вотъ баринъ имъ и говоритъ: — „Я теперь ѣду въ городъ, черезъ 3 дня вернусь. Вы себѣ поѣзжайте; вотъ какъ подниметесь на горку, переѣдете ее, будетъ прудъ. Распродайте тамъ лошадей и ждите меня. Оттуда еще верстъ 60 будетъ. Я подъѣду, заберу васъ, и поѣдемъ". Онъ себѣ поѣхалъ своей дорогой; они подъѣхали къ пруду, распрягли лошадей, хотѣли ихъ напоить — не пьютъ лошади. Попробовали сами воду — нельзя ее пить: горька, не дай Богъ какъ. Посидѣли они тамъ день или больше и прямо повернули назадъ домой: испугались, что воды не будетъ.

Разсказъ этотъ произвелъ на Клима тяжелое впечатлѣніе. Мы всѣ помолчали.

— Вотъ въ „Седьмой-Ротѣ" тамъ дѣвушка одна есть, ее нужно разспросить, заговорилъ опять Климъ.

— Какая дѣвушка?

— Служила она у помѣщиковъ и выѣздила съ ними всѣ тѣ земли: и Уралъ видѣла, и дальше заУраломъ была — все наскрозь проѣхала. Вотъ она, говорятъ, разсказываетъ объ этихъ земляхъ все, какъ тамъ есть. Она говоритъ, что по дорогѣ туда находится контора Михаила Николаевича. Если нападешь на эту контору — хорошо: тамъ тебѣ уже все укажутъ и разскажутъ. Нужно только стараться на эту контору напасть.

— А изъ сосѣднихъ деревень многіе собираются ѣхать? спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ, отвѣтилъ Климъ. — Хотѣть-то многіе хотятъ, а кто поѣдетъ, кто нѣтъ — неизвѣстно.

— Это — какъ страна поднимется, сказалъ съ увѣренностью и достоинствомъ, поглаживая бороду, Марко. — Начнутъ ѣхать — и вся страна поднимется...

— А я такъ вотъ что̀ слышалъ, перебилъ его съ жи-

востью Климъ. — Въ Бахмутѣ, говорятъ, получено 3 пуда жребья насчетъ этого переселенія.

— Какъ это: 3 пуда жребья? спросилъ я.

— А такъ, получился цѣлый ящикъ, 3 пуда, жребьевъ, и кто хочетъ ѣхать, тотъ будетъ вынимать жребій, и какой ему участокъ земли выпадетъ по жребью, на тотъ онъ и поѣдетъ.

Окончаніе будетъ

С. Видьбинъ

* * *

Стоялъ я надъ рѣкой. Еще горѣлъ
Послѣдній лучъ зари на тучахъ мутно-красныхъ
И на мостахъ; и вѣтерокъ свѣжѣлъ,
И даль терялась въ сумракахъ неясныхъ.

Въ себѣ дворцы и храмы отразивъ,
Струилася Нева, стѣсненная гранитомъ.
И мѣрныхъ волнъ немолчный переливъ,
Будилъ мечты о чемъ-то позабытомъ.

О чемъ? Душа отвѣта не дала;
Но были тѣ мечты прекрасны и печальны,
Какъ бѣлой полночи нѣмая мгла,
Какъ вздохъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

І. Ясинскій

ПСИХОЛОГІЯ ВОЙНЫ

Знаменитый мыслитель XVII вѣка резюмировалъ отношенія между людьми въ безсмертномъ изрѣченіи „omnium bellum contra omnes“. Многіе видѣли въ этой формулѣ остроумный парадоксъ, другіе — выраженіе крайне пессимистическаго взгляда его автора. Однако легко убѣдиться, что она близка къ дѣйствительности — все равно, будемъ ли мы разсматривать исторію человѣчества съ исторической или самой первичной эпохи его существованія. Во всѣ времена мы видимъ человѣка, истребляющаго себѣ подобныхъ, истребляющаго безпощадно, съ жестокостью, незнакомой даже самымъ лютымъ звѣрямъ, которые только въ рѣдкихъ случаяхъ убиваютъ и поѣдаютъ другъ друга. Человѣкъ — современникъ мамонта — убивалъ и, быть можетъ, ѣлъ себѣ подобныхъ; современный намъ дикій человѣкъ точно также убиваетъ и съѣдаетъ своихъ враговъ. И для цивилизованныхъ людей прогрессъ въ дѣлѣ войны заключается въ усовершенствованіи оружія и въ развитіи тактики, но истребительная сила войны въ ихъ рукахъ не ослабѣваетъ, а возрастаетъ въ ужасающей степени. Если „религія любви“, которую человѣчество познало почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, оказалась безсильной смягчить духъ вражды и жестокости, живущій въ человѣкѣ, то еще менѣе этого можно ожидать отъ „мирныхъ завоеваній“ науки и промышленности, доступныхъ сравнительно немногимъ. Призракъ войны никогда не сходитъ съ нашего горизонта, онъ только временно заслоняется событіями инаго, мирнаго характера; но какъ только эти событія исчезаютъ съ нашего поля зрѣнія, мы опять чувствуемъ себя въ атмосферѣ войны. И какими бы мирными наклонностями мы ни обладали, мы не бываемъ вполнѣ чуждыми военному дѣлу. Мы внимательно слѣдимъ за успѣхами военной техники и искренно гордимся, если видное изобрѣтеніе въ ея области связано съ нашимъ національнымъ именемъ. Видъ проходящаго

войска всегда возбуждаетъ въ насъ приливъ какой-то особой энергіи; наша мысль летитъ вслѣдъ за этими мужественными, сильными людьми, которымъ грозитъ смерть, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ, — и передъ нами встаетъ славная, героическая эпопея войны, эпопея, въ которой нѣтъ ни полей сраженія, усѣянныхъ трупами, ни сожженныхъ городовъ, ни разоренныхъ деревень, а одна только величественная отвага, благородное презрѣніе къ смерти и трогательный тріумфъ побѣдителей. Если еще въ мирное время мы способны погружаться въ другіе интересы и отвлекаться отъ мысли о войнѣ, то при одномъ слухѣ о войнѣ, угрожающей нашему отечеству, мы всѣ быстро проникаемся воинственнымъ духомъ. Ничто не въ состояніи такъ поднять нравственныя силы страны, какъ война. Она подчинаетъ себѣ не однихъ сражающихся, находящихся лицомъ къ лицу съ непріятелемъ: подъ ея неотразимымъ вліяніемъ находятся и всѣ остающіеся дома, даже не имѣющіе близкихъ людей въ рядахъ войска и не подвергающіеся никакой опасности въ жизненномъ или матеріальномъ отношеніи. Въ такомъ живомъ отношеніи къ войнѣ чувствуется не одна только симпатія къ страдающему, напрягающему свои силы отечеству: здѣсь есть и извѣстная доля личнаго увлеченія войной, преклоненіе передъ ея идеальной стороной. Тогда мы ясно сознаемъ, что слово „война“ имѣетъ въ себѣ что-то магическое, неудержимо затягивающее каждаго. Она не утрачиваетъ этого значенія и въ мирное время. Общественныя преобразованія, направленныя къ возрастанію военной силы или къ поднятію воинственнаго духа въ обществѣ, всегда встрѣчаются сочувственно и легко прививаются къ жизни.

Передъ возбужденнымъ, экстатическимъ душевнымъ состояніемъ, какое вызывается войною, почти безсильны религіозныя и нравственныя понятія противоположнаго характера. Ни христіанская, ни философская мораль не могли измѣнить сущности первобытнаго отношенія къ войнѣ — страстнаго стремленія къ уничтоженію врага и гордости по поводу успѣха подобнаго уничтоженія. Въ дѣйствительности, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ спокойно уживаются рядомъ воззрѣнія весьма различныхъ культурныхъ стадій, и отношеніе къ войнѣ, какъ къ чему-то великому, героическому, возвышающему душу, сохраняется въ насъ съ первоначальной, эпической силой. Если мы и съумѣемъ отрѣшиться отъ героическаго воззрѣнія на войну, мы все таки не въ силахъ выйти изъ круга понятій, которыя полагаютъ въ ней нѣчто неизбѣжное, безусловно необходимое. Отдѣльные голоса, раздающіеся въ пользу вѣчнаго мира, третейскаго рѣшенія острыхъ международныхъ вопросовъ, остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, — и философы, какъ, напр., Гербертъ

Спенсеръ и его послѣдователи, старающіеся видѣть въ нашей эпохѣ усиленіе промышленнаго духа сравнительно съ военнымъ, вынуждены отказываться отъ своихъ воззрѣній и признавать, что милитаризмъ далеко еще не подчинился индустріализму.

Громадное, непреходящее значеніе войны, первенствующая роль ея въ исторіи народовъ, неослабѣвающее вниманіе, какое вызываетъ къ себѣ вѣчное подготовленіе къ ней и ожиданіе ея, среди которыхъ мы живемъ, обращаютъ ее въ весьма крупный факторъ въ исторіи культуры и отводятъ ей видное мѣсто въ исторіи психологіи человѣчества. Съ этой культурно-психологической или, говоря короче, антропологической точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать войну, основываясь на непосредственномъ изученіи современныхъ намъ человѣческихъ группъ и ихъ представителей въ историческомъ прошломъ.

I

Новѣйшіе путешественники свидѣтельствуютъ о существованіи дикарей, которые, какъ, напр., гуахарибы на верхнемъ Ориноко, не знаютъ ни одежды, ни жилищъ, ни орудій и бродятъ маленькими кучками въ 10 — 12 человѣкъ. Мы еще слишкомъ мало знакомы съ такими низшими представителями человѣчества и не можемъ включить ихъ въ нашъ обзоръ. Весьма вѣроятно, что они, сознавая свою слабость, робки, боязливы и предпочитаютъ бѣгство отъ врага состязанію съ нимъ. Намъ извѣстно также, что нѣкоторыя группы, обитающія въ полярныхъ странахъ, весьма миролюбивы и даже не понимаютъ возможности кровавыхъ столкновеній между людьми. Это объясняется исключительными условіями ихъ жизни, ихъ малочисленностью и особенностями ихъ характера. Во всякомъ случаѣ, человѣческія группы, избѣгающія войны, могутъ считаться исключеніемъ. На всемъ остальномъ пространствѣ земнаго шара воинственность, болѣе или менѣе, свойственна всѣмъ племенамъ и народамъ и проходитъ правильный и опредѣленный путь развитія.

Дикія племена Австраліи находятся въ почти постоянной враждѣ между собой. Въ ихъ жизни оказывается множество причинъ для вооруженныхъ столкновеній. Всякая смерть, причиняемая болѣзнью, кажется имъ насильственной, и источникъ ея они видятъ въ колдовствѣ. Подозрѣваемый въ „порчѣ“, послѣдствіемъ которой была чья либо смерть, становится врагомъ всего рода умершаго и предметомъ ихъ мести. Похищеніе женщинъ изъ другаго племени, составляющее первобытную особенность австралійцевъ, служитъ одной изъ дальнѣйшихъ причинъ столкновенія между ними. Нерѣдко случается, что женщины

или дѣти различныхъ родовъ ссорятся между собою; въ ихъ ссору вмѣшиваются мужья и отцы обѣихъ сторонъ, и это даетъ начало кровавому побоищу. Подобныя столкновенія слѣдуетъ причислить скорѣе къ разряду рукопашныхъ схватокъ или отдѣльныхъ проявленій мести, которыя могутъ быть опасными вслѣдствіе страстности и несдержанности дикарей. Но австралійцы ведутъ уже и настоящія войны, хотя съ небольшимъ количествомъ сражающихся. У нихъ одно племя иногда формально объявляетъ войну другому, посылая къ нему гонцовъ или зажигая большіе костры. Тогда враги условливаются о мѣстѣ и времени встрѣчи, и вскорѣ послѣ того слѣдуетъ битва. Чаще враги избѣгаютъ открытаго столкновенія, и война ведется посредствомъ неожиданныхъ нападеній и засадъ. Подобно животнымъ, австралійцы пользуются цвѣтомъ своей кожи, распростираясь на землѣ или становясь между деревьями, такъ что издали ихъ можно принять за сухой древесный стволъ. Такой скрытый способъ веденія войны можно считать характернымъ для низшихъ дикарей. Мы видимъ въ немъ нѣчто переходное между боязливостью первоначальныхъ человѣческихъ группъ и дальнѣйшей свирѣпостью и кровожадностью дикихъ воиновъ. У австралійцевъ почти не замѣчается того, что̀ мы называемъ военнымъ мужествомъ и храбростью. Битвы ихъ бываютъ непродолжительны и некровопролитны. Въ условленный день непріятели сходятся въ видѣ небольшихъ отрядовъ, не болѣе 200 человѣкъ, а иногда немногимъ болѣе 10. Передъ битвой враги обращаютъ другъ къ другу упреки и угрозы, выражая ихъ криками и жестами. Они стараются возбудить себя военными пѣснями, въ которыхъ иногда принимаютъ участіе и женщины. Обыкновенно, въ день сраженія, они особымъ образомъ раскрашиваютъ себѣ тѣло — краснымъ и бѣлымъ цвѣтами. Когда возбужденіе достигнетъ достаточной степени, начинается метаніе копій, причемъ каждый цѣлитъ въ противника, стоящаго прямо передъ нимъ. При ловкости и увертливости австралійцевъ, метаніе копій продолжается иногда довольно долго, никому не нанося вреда. Если кто нибудь, наконецъ, окажется раненымъ, сторонники побѣдителя поднимаютъ громкій крикъ, и сраженіе нерѣдко на томъ и заканчивается. За погребеніемъ убитыхъ и перевязкой раненыхъ, по большей части, слѣдуетъ заключеніе мира, который празднуется общей торжественной пляской. Вообще, непріязнь къ врагу быстро угасаетъ у австралійца, и недавніе непріятели легко дѣлаются друзьями. Бываютъ, однако, случаи, когда возбужденіе или раздраженіе заставляютъ австралійцевъ обнаруживать большую жестокость при нападеніяхъ: иногда они умерщвляютъ всѣхъ мужчинъ, какихъ находятъ въ непріятельскомъ родѣ, и уводятъ въ плѣнъ женщинъ. Однако случаи откры-

таго нападенія и грабежа въ войнѣ австралійцевъ, сравнительно, рѣдки. Военныя дѣйствія ихъ имѣютъ еще настолько первобытный характеръ, что въ нихъ участвуютъ нетолько всѣ взрослые мужчины, но и женщины. Послѣднія способствуютъ своими пѣснями и криками возбужденію сражающихся и, кромѣ того, сами вступаютъ въ единоборство съ лицами своего пола изъ рядовъ непріятеля. Такимъ образомъ, битвы австралійцевъ скорѣе можно назвать коллективными поединками, нежели настоящими сраженіями. Правда, австралійцы съѣдаютъ иногда убитыхъ враговъ, но дѣлаютъ это не столько изъ склонности къ человѣческому мясу, сколько изъ суевѣрнаго убѣжденія, что, съѣдая убитаго, они воспринимаютъ въ себя и его храбрость. Очевидно, у нихъ мы находимъ зачаточную стадію военнаго дѣла, какъ относительно способа веденія войны, такъ и относительно проявляемой при этомъ жестокости. Хотя Летурно, въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи: „L'evolution politique dans les diverses races humaines“ (492) называетъ войну австралійцевъ „простой охотой за человѣкомъ“, но эта охота далеко не имѣетъ той утонченности и безпощадности, какую мы увидимъ въ ней впослѣдствіи.

II

Меланезійцы, населяющіе Новую Гвинею и другіе острова, такъ называемаго „внутренняго кольца“ Океаніи и принадлежащіе къ папуасской расѣ и къ ея скрещиваніямъ съ полинезійцами, представляютъ намъ болѣе способную, энергичную и развитую человѣческую группу, сравнительно съ австралійцами. И въ военномъ отношеніи они значительно обогнали этихъ послѣднихъ. Война является у нихъ не одной необходимостью, средствомъ возстановить нарушенныя права или отомстить за оскорбленіе, а почетнымъ и въ то же время прибыльнымъ дѣломъ. Каждый взрослый меланезіецъ — прежде всего воинъ и пользуется уваженіемъ среди своихъ, соразмѣрно своимъ военнымъ успѣхамъ. Война есть почти нормальное состояніе меланезійскаго населенія, находя для себя безпрестанные поводы въ столкновеніяхъ между обитателями различныхъ племенъ, населяющими отдѣльные острова. Также задорно и враждебно меланезійцы относятся ко всѣмъ чужеземцамъ, въ чемъ европейцамъ часто приходилось убѣждаться при ихъ попыткахъ основать поселенія на Новой Гвинеѣ и другихъ островахъ Меланезіи.

Войны въ Меланезіи ведутся съ крайнимъ ожесточеніемъ. Хотя война, по большей части, объявляется формально, но въ ней большую роль играютъ тайныя нападенія, сопровождаю-

щіяся грабежомъ, насиліемъ и похищеніемъ женщинъ и дѣтей. Можно сказать, что такія нападенія составляютъ сущность меланезійскихъ войнъ. Открытыя сраженія ихъ отчасти напоминаютъ битвы австралійцевъ, о которыхъ мы говорили выше. Сраженія меланезійцевъ точно также начинаются съ метанія копій на извѣстномъ разстояніи, и уже потомъ разгоряченные бойцы берутся за палицы, и битва принимаетъ характеръ рукопашной схватки. Но эти столкновенія все таки непродолжительны и некровопролитны. Даже самыхъ свирѣпыхъ изъ меланезійскихъ воиновъ, а именно фиджійцевъ, нельзя назвать храбрыми, въ настоящемъ смыслѣ этого слова: имъ нужна извѣстная степень возбужденія для того, чтобы кинуться на вооруженнаго, стоящаго передъ ними, врага. Войско меланезійцевъ рѣдко насчитываетъ въ себѣ болѣе 1.000 человѣкъ. Кровожадность ихъ выражается по преимуществу въ отношеніи къ побѣжденнымъ. Плѣнные враги, не исключая и дѣтей, убиваются ими съ жесточайшими мученіями. Умерщвленные враги съѣдаются ими, причемъ мотивомъ людоѣдства служитъ не одно суевѣріе, какое мы видѣли у австралійцевъ, но и настоящая страсть къ человѣческому мясу. На островѣ Раки-Раки одинъ вождь хвастался тѣмъ, что онъ въ своей жизни съѣлъ 900 человѣкъ, за что пользовался величайшимъ уваженіемъ среди своихъ соплеменниковъ. Мы не приводимъ здѣсь возмутительныхъ подробностей людоѣдства меланезійцевъ; читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, можетъ найти ихъ въ сочиненіяхъ Вайца, Андрее и многихъ другихъ.

Въ смыслѣ тактики и стратегіи, меланезійцы выказываютъ уже значительный прогрессъ въ сравненіи съ австралійцами. Они умѣютъ пользоваться мѣстностью для военныхъ дѣйствій и даже строятъ укрѣпленія. Эти укрѣпленія состоятъ изъ земляного вала, прикрытаго большими камнями и увѣнчаннаго сверху палисадомъ или каменнымъ брустверомъ; съ наружной стороны онъ окруженъ рвомъ, наполненнымъ водою и снабженнымъ подъемными мостами. Крѣпости меланезійцевъ могутъ противостоять даже огнестрѣльному оружію. Онѣ бываютъ достаточно снабжены провіантомъ; такъ, въ одной изъ нихъ былъ найденъ запасъ плодовъ хлѣбнаго дерева, котораго для осажденныхъ хватило бы на четыре года. Осада такихъ крѣпостей ведется туземцами далеко не систематически. Чтобы вызвать осажденныхъ изъ-за ихъ стѣнъ, осаждающіе осыпаютъ ихъ не столько стрѣлами и пулями, сколько самыми обидными ругательствами. Хотя все это говоритъ за то, что меланезійцы въ войнѣ отдаютъ предпочтеніе скрытому или прикрытому способу веденія ея, но между ними, въ особенности на Новой Гвинеѣ, встрѣчаются уже настоящіе „головорѣзы“, воины, ставящіе

себѣ цѣлью добыть какъ можно болѣе непріятельскихъ головъ.

Полинезійцы, населяющіе остальные острова Океаніи и принадлежащіе къ малайской расѣ, выказываютъ въ своихъ военныхъ пріемахъ многія любопытныя особенности. Отдѣльные острова и различныя племена, населяющія одинъ и тотъ же островъ, нерѣдко находятся въ непрерывной вооруженной враждѣ между собою. Достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы эта непріязнь перешла въ открытое столкновеніе. Такимъ поводомъ является иногда недостаточно почтительное обращеніе съ ребенкомъ, принадлежащимъ къ высшему сословію. Богъ войны можетъ одушевить нѣкоторыхъ воиновъ, и тѣ могутъ потребовать войны. Дарвинъ, въ своемъ путешествіи, упоминаетъ объ одномъ начальникѣ племени, который замѣтилъ, что его пороховые запасы начинаютъ портиться; и для того, чтобы они не пропали даромъ, онъ объявилъ войну одному изъ сосѣднихъ племенъ. Когда война объявлена, объ этомъ извѣщается все населеніе, обязанное поднять оружіе. На Таити, герольдъ короля проходитъ по странѣ съ королевскимъ знаменемъ, призывая къ войнѣ всѣхъ способныхъ носить оружіе, которые должны собираться на установленныхъ мѣстахъ. Такого же рода призывъ происходилъ и на Сандвичевыхъ островахъ. Кромѣ оружія, полинезійскіе воины должны нести на себѣ калебассы (сушеныя тыквы) съ водою и запасъ вяленой рыбы. Изъ страха полнѣйшаго презрѣнія къ себѣ, никто изъ мужчинъ не долженъ былъ оставаться дома. Женщины, дѣти и старики оставались въ деревняхъ или переводились въ безопасныя мѣста.

Обращеніе къ богамъ за помощью и покровительствомъ въ войнѣ у полинезійцевъ выступаетъ яснѣе, чѣмъ у австралійцевъ и папуасовъ. Таитяне и гавайцы (жители Сандвичевыхъ острововъ) брали съ собою идоловъ на поле сраженія и передъ войной приносили богамъ человѣческія жертвы. Полинезійскіе жрецы просили своихъ боговъ о помощи и старались убѣдить непріятельскихъ боговъ перейти на ихъ сторону, за что обѣщали имъ щедрые дары. У каждаго изъ вождей, во время битвъ, былъ съ собою идолъ бога войнъ, сплетенный изъ сучьевъ и украшенный красными перьями. Полинезійскія божества направляли военныя дѣйствія и опредѣляли ихъ исходъ. Пораженіе на войнѣ считалось наказаніемъ за нарушеніе воли божества или какой либо проступокъ передъ нимъ, и побѣдитель признавался орудіемъ карающихъ божествъ.

Въ Новой Зеландіи сраженія въ открытомъ полѣ происходили сравнительно рѣдко. Битвѣ предшествовало тамъ словесное объясненіе воюющихъ, причемъ высказывались причины вражды,

заключавшіяся въ оскорбленіяхъ того или инаго рода. Обыкновенно объясненіе не вело ни къ чему и только усиливало раздраженіе враговъ, которое переходило въ вооруженное столкновеніе. Вѣроятно, это былъ весьма древній обычай, въ силу котораго битвы имѣли характеръ поединковъ или „божіихъ судовъ“, какъ мы это видѣли у австралійцевъ. Бо́льшая древность военныхъ обычаевъ новозеландцевъ можетъ быть подтверждена тѣмъ, что ихъ воины одушевляли себя посредствомъ плясокъ. На Таити и на Сандвичевыхъ островахъ сраженія въ открытомъ полѣ происходили гораздо чаще. На Таити существовала грубая, раздирающая военная музыка, которой инструментами служили деревянные барабаны и трубы изъ раковинъ. Передъ битвой, во время и послѣ нея, тамъ выступали особые ораторы (раути), которые старались своими рѣчами воодушевить воиновъ. Ихъ воинственныя рѣчи достигали иногда настоящей поэтической силы, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: „Катитесь впередъ, какъ волны, обрушьтесь на нихъ, какъ морской валъ на утесъ; выкажите вашу силу, вашу ярость, ярость дикаго пса, пока ряды ихъ разстроятся, и они побѣгутъ, какъ море во время отлива“, и т. д. Обязанность „раути“ принимали на себя знатныя лица и храбрѣйшіе воины, и рѣчи ихъ производили сильнѣйшее впечатлѣніе.

Полинезійскіе воины сражались обнаженными, имѣя на себѣ только головныя украшенія изъ перьевъ, которыми вожди отличались отъ простыхъ воиновъ. Иногда на го́ловахъ у нихъ были плетеные шлемы, съ украшеніями изъ перьевъ, отъ 2 до 3 футовъ высоты. На Таити воины носили нѣчто въ родѣ латъ изъ раковинъ и перьевъ, а на плечи набрасывали „типуту“, родъ епанчи. На Гавайскихъ островахъ вожди имѣли на себѣ шлемы изъ перьевъ и мантіи изъ того же матеріала; эти шлемы, сплетенные изъ вѣтвей и густо усаженные перьями, напоминали собою греческій шлемъ и были снабжены подобіемъ султана; мантіи были желтаго и краснаго цвѣта, и только король носилъ мантію чисто желтаго цвѣта. Этотъ костюмъ не имѣлъ цѣли защиты и предназначался для отличія того, кто его носилъ. На Таити войско раздѣлялось на 5 отрядовъ, и въ послѣднемъ изъ нихъ находились женщины, дѣти и багажъ. Обнаженныя части тѣла таитяне раскрашивали чернымъ и краснымъ цвѣтами. У нихъ было уже нѣсколько стратегическихъ пріемовъ. Каждый воинъ бился съ непріятельскимъ воиномъ, стоявшимъ противъ него; иногда за сражающимися находилась вторая линія, воины которой замѣняли утомленныхъ бойцовъ, а иногда въ ряды сражающихся неожиданно вторгался свѣжій отрядъ храбрѣйшихъ воиновъ. Войско строилось въ видѣ фаланги или каре, которое нападало на непріятеля въ разсыпну́ю; это построеніе но-

сило названіе „коралловой скалы“. На Сандвичевыхъ островахъ построенія и стратегическіе пріемы измѣнялись смотря по мѣстности, силѣ непріятеля и т. д.; на открытомъ полѣ войска строились въ видѣ полукружія или серпа луны; въ болѣе тѣсныхъ пространствахъ войска строились колоннами. Главный вождь, управлявшій битвой, находился въ срединѣ войска, а предводители отдѣльныхъ отрядовъ — во главѣ ихъ.

Сражающіеся разбивались во время битвы на отдѣльныя группы, и сраженіе сопровождалось сильнѣйшимъ шумомъ и крикомъ; паденіе перваго врага обозначалось еще болѣе усиленнымъ торжествующимъ крикомъ. Если этимъ первымъ убитымъ или раненымъ врагомъ удавалось завладѣть, его посвящали богамъ и тащили въ храмъ въ видѣ жертвы. Таитяне, отличавшіеся особенною жестокостью на войнѣ, поднимали иногда этого врага, еще живаго, на копья, но гавайцы обыкновенно убивали его на мѣстѣ. Во время битвы, по большей части, никому не давалось пощады, не исключая женщинъ, дѣтей и больныхъ. Война вела за собою страшное опустошеніе покоренной страны: побѣдители вырубали деревья, раздѣляли между собою землю. Трупы непріятелей уродовались самымъ жестокимъ образомъ, и плѣнные, въ особенности вожди, подвергались продолжительнымъ мученіямъ. Болѣе мягкій способъ веденія войны можно было найти на Гавайскихъ островахъ, гдѣ извѣстны были даже неприкосновенныя убѣжища для плѣнныхъ. Головы и нижнія челюсти убитыхъ непріятелей уносились домой и служили трофеями. Головы помѣщались около храма или выставлялись на высокихъ шестахъ при въѣздѣ въ деревню. Полинезійцы, подобно меланезійцамъ, ѣли трупы своихъ враговъ, что было обставлено у нихъ извѣстными правилами и обрядами. Они ѣли человѣческое мясо ради его вкуса, который имъ нравился, и пріучали къ нему мальчиковъ съ ранняго возраста. Однако, при всѣхъ этихъ жестокостяхъ, у полинезійцевъ были уже парламентеры, которые являлись съ зелеными вѣтвями или бѣлыми флагами, и предложеніе мира останавливало военныя дѣйствія.

Азіатскіе малайцы, западные родичи полинезійцевъ, обнаруживаютъ дальнѣйшее развитіе въ военномъ отношеніи, такъ какъ въ нихъ замѣчается больше личной храбрости и даже рыцарственности. Въ ихъ нравахъ поединки играютъ видную роль, какъ средство рѣшенія споровъ. Тайныя нападенія и засады въ ихъ войнахъ отступаютъ на второй планъ, и личная неустрашимость считается высшимъ качествомъ лицъ высшаго сословія. Эти лица по преимуществу занимаются военнымъ дѣломъ, а низшія сословія во время войны исполняютъ лишь служебную роль. Сраженіямъ малайцевъ часто предшествуетъ еди-

ноборство между храбрѣйшими воинами обѣихъ сторонъ. Иногда дѣло рѣшается побѣдой извѣстной стороны въ этомъ единоборствѣ; если же послѣ того все таки происходитъ сраженіе, то оно отличается большимъ кровопролитіемъ. Презрѣніе опасности и прибыль, доставляемая войною, способствуютъ развитію среди малайцевъ разбоя и, въ особенности, пиратства. Между ними мы уже находимъ „головорѣзовъ“ по профессіи, гордость которыхъ заключается въ количествѣ добытыхъ головъ. Уваженіе, какое малайцы воздаютъ храбрымъ, ведетъ иногда къ тому, что человѣкъ, совершившій какое либо позорящее его дѣйствіе, можетъ очистить себя смѣлостью и удачей не только въ военной, но и въ разбойничьей экспедиціи. Такимъ образомъ, у малайцевъ можно найти уже воиновъ по ремеслу, которые оружіемъ добываютъ себѣ и почетъ, и богатство. У нихъ нерѣдко даже владѣтельныя лица снаряжали корабли или отправляли экспедиціи съ цѣлью разбоя. Кривой широкій мечъ составляетъ необходимую принадлежность малайскаго воина и пускается имъ въ дѣло при всякомъ оскорбленіи.

III

Различіе между вооруженнымъ насиліемъ или разбоемъ и правильной войной мы можемъ наблюдать и у африканскихъ негровъ. Нѣкоторыя страны ихъ, какъ, напр., Видахъ, Ярриба и др., высылаютъ экспедиціи для грабежа сосѣднихъ странъ и по преимуществу для ловли невольниковъ. Эти экспедиціи не имѣютъ въ виду ничего другаго, кромѣ возможно большей прибыли, и производятъ свои нападенія въ темное время, изъ засадъ и на людей безоружныхъ. Онѣ рѣдко бываютъ кровавыми и своимъ участникамъ мало даютъ повода выказать ихъ храбрость. Наряду съ такими разбойничьими населеніями, мы видимъ въ Африкѣ настоящія военныя государства. Такъ, въ Ашанти воину храбрость вмѣняется въ обязанность: трусость тамъ наказывается смертью. Столкновенія ашантіевъ съ европейцами показали послѣднимъ, что они имѣютъ дѣло съ людьми большаго мужества; бывали случаи, что негры, осаждая крѣпость, падали массами, и мѣста павшихъ тотчасъ же замѣщались свѣжими воинами; небольшіе отряды иногда выдерживали нападенія превосходныхъ силъ непріятеля и оставались на мѣстахъ до послѣдняго человѣка. И въ Дагомеѣ трусость на войнѣ считалась чѣмъ-то невозможнымъ. Тамъ не только король, но и все населеніе непрерывно жаждетъ покоренія, грабежа и поимки невольниковъ; настоящею жизнью дагомеецъ считаетъ съ одной стороны — войну, а съ другой — празднества. Извѣстно, что въ числѣ тѣлохранителей короля, въ Дагомеѣ суще-

ствуетъ отрядъ женщинъ, не уступающихъ въ храбрости мужчинамъ.

Наряду съ ашантіями и дагомейцами могутъ быть поставлены еще бамбарры, также извѣстные своимъ мужествомъ; они любопытны еще въ томъ отношеніи, что ихъ военныя услуги можно купить за деньги. Весьма храбрыми считаются и жители Вадая. Всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о мужествѣ и стойкости негровъ военныхъ государствъ западной Африки, особенно интересны въ томъ отношеніи, что негры, сами по себѣ, принадлежатъ скорѣе къ мирнымъ, чѣмъ къ воинственнымъ народамъ. Ни одинъ народъ не отказывается такъ легко отъ своей свободы и не подчиняется такъ охотно какимъ бы то ни было начальникамъ, какъ негры. Эта покорность, вмѣстѣ съ физической силой и выносливостью, и придавала имъ всегда большую цѣнность въ качествѣ рабочихъ въ европейскихъ колоніяхъ. Поэтому негръ могъ переработаться въ храбраго воина, какимъ мы его видимъ въ Ашанти, Дагомеѣ и др. странахъ, только путемъ строгой военной дисциплины. Въ справедливости такого предположенія насъ убѣждаютъ различныя характеристики негровъ-солдатъ въ регулярныхъ арміяхъ. Именно, такъ наз. низамъ, отряды изъ негровъ египетской арміи, цѣнятся весьма невысоко въ военномъ отношеніи, между тѣмъ какъ негры-солдаты въ европейскихъ колоніяхъ, напр., въ Сьерра-Леоне, извѣстны своей преданностью долгу и почти безумной храбростью. Неодинаковыя качества негровъ въ различныхъ арміяхъ, очевидно, зависятъ отъ ихъ военнаго воспитанія и дисциплины, существующей въ извѣстной арміи. Послѣдняя въ европейскихъ войскахъ несомнѣнно превосходитъ то, что мы видимъ въ турецкой арміи, и въ этомъ различіи заключается причина отличія негровъ-солдатъ, находящихся подъ командой европейскихъ и турецкихъ офицеровъ. Зная, что ашантіи, дагомейцы и др. воинственные народы западной Африки развились самостоятельно въ военномъ отношеніи, и при томъ настолько, что могли являться серьезными противниками европейскихъ войскъ, мы должны отмѣтить этотъ интересный фактъ въ исторіи военнаго дѣла. Изъ него можно видѣть, что дикимъ воинамъ нужно весьма немного для того, чтобы сдѣлаться солдатами въ цивилизованныхъ арміяхъ.

Однако въ самихъ негрскихъ государствахъ вооруженная сила не бываетъ значительна ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Дагомейская гвардія, со включеніемъ женскаго отряда, заключаетъ въ себѣ не болѣе 5.000 человѣкъ; въ мирное время къ нимъ присоединяется 12.000 регулярныхъ войскъ, а въ военное время число это удвоивается. Надо замѣтить еще, что за регулярнымъ войскомъ двигается еще почти

четвертая часть всего населенія. Въ Борну, во время путешествія Барта, въ одномъ изъ походовъ участвовало 4.500 человѣкъ легкой кавалеріи, 500 чел. тяжелой и 8.000 арабскихъ всадниковъ. Хотя кавалерія, которою негры обязаны арабамъ, значительно увеличиваетъ силу туземнаго войска, но мѣстные воины, сражаясь со своими единоплеменниками, не выказываютъ еще тѣхъ качествъ, на какія они способны подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ. Такъ, во время сраженія они въ передовой линіи выставляютъ невольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они придаютъ большое значеніе различнымъ пріемамъ ворожбы, посредствомъ которой на врага можетъ быть напущена слѣпота и т. п. Въ Борну, къ непріятельской арміи высылаютъ человѣка съ калебассой, наполненной заговоренной водой, которою онъ брызжетъ на непріятеля и т. д. Аванпостовъ и карауловъ, во время войны, негры почти не знаютъ. О такихъ предосторожностяхъ мы знаемъ только относительно веевъ, которые выставляютъ денную и ночную стражу; но они дѣлаютъ это далеко не всегда. Хотя негрскіе города и деревни часто бываютъ снабжены палисадами и рвами, но эти укрѣпленія представляютъ надежную защиту лишь при удачномъ естественномъ положеніи населеннаго мѣста. Сраженія въ открытомъ полѣ не составляютъ существенной части негрскихъ войнъ. Ашантіи даютъ ихъ иногда, причемъ войска ихъ дерутся сомкнутымъ строемъ, но это бываетъ нечасто; негры, вообще, предпочитаютъ мелкія стычки и перестрѣлки. Нѣкоторый военный прогрессъ негровъ выражается въ томъ, что у нихъ въ употребленіи роговые сигналы и барабаны. Парламентерамъ, отличительнымъ знакомъ которыхъ служитъ бѣлый флагъ или шапка изъ мѣха черныхъ обезьянъ, негры всегда оказываютъ уваженіе и щадятъ ихъ.

Несмотря на различные признаки военнаго прогресса, какіе мы отмѣтили у негровъ, войны ихъ все таки отличаются большою жестокостью. Примѣры безпощаднаго ожесточенія относительно непріятеля въ особенности выказываютъ дагомейцы; но негры и вообще относятся безъ всякаго состраданія къ побѣжденному врагу. Причина этой безпощадности заключается, главнымъ образомъ, въ свойственной имъ страстности: какъ только видъ крови возбуждаетъ ихъ ярость, они уже не въ силахъ овладѣть ею. Вслѣдствіе того завоеванія негровъ сопровождаются страшными опустошеніями и разореніями покоренныхъ странъ. Исторія негрскихъ государствъ полна преданіями о царствахъ, возникавшихъ съ помощью оружія въ этихъ областяхъ и затѣмъ исчезавшихъ подъ ударами другихъ, болѣе счастливыхъ, завоевателей.

Въ новѣйшее время то же явленіе, но въ еще болѣе круп-

ныхъ размѣрахъ, представляютъ намъ кафрскія царства въ южной Африкѣ. Талантливый военный вождь, становясь во главѣ своего племени, легко покоряетъ тамъ сосѣднія области и становится ихъ властелиномъ. Если его наслѣдникъ не обладаетъ тѣми же военными способностями, доставшіяся ему отъ отца области отпадаютъ отъ него и переходятъ въ другія руки. Вслѣдствіе такого порядка вещей, въ южной Африкѣ, среди кафровъ, то одно царство беретъ верхъ надъ другимъ, то другое. Изъ этихъ царствъ наиболѣе замѣчательно своей военной силой и организаціей царство зулусовъ. Основателемъ его былъ Чака. Онъ создалъ чисто военное государство, въ которомъ его воля была закономъ; его воины должны были или побѣждать, или умирать. Заботиться о своемъ продовольствіи они должны были сами. Они раздѣлялись на 26 полковъ, отличавшихся особымъ цвѣтомъ щитовъ и шапокъ; въ ихъ общей массѣ насчитывалось отъ 30 до 50 тысячъ человѣкъ. Нѣкоторыя деревни были исключительно населены воинами, которымъ не позволялось жениться и имѣть дѣтей. Чака даже позволялъ имъ пить молоко и требовалъ, чтобы они исключительно питались мясомъ. Хотя зулусы не обладали стойкостью и хладнокровіемъ въ битвахъ, тѣмъ не менѣе Чака заставлялъ ихъ, при наступленіи, употреблять копья не какъ метательное, а какъ колющее оружіе. Войны, которыя онъ велъ, были крайне жестокими и безпощадными.

Между другими кафрскими народами извѣстны примѣры болѣе гуманнаго и рыцарственнаго способа веденія войны. Въ нормальныхъ условіяхъ, ведя войну со своими соплеменниками, кафрскіе войны выказываютъ храбрость и благородство: они никогда не начинаютъ войны безъ предварительнаго объявленія ея, дерутся въ открытомъ полѣ, на ночь заключаютъ перемиріе, котораго никогда не нарушаютъ, и, готовясь вновь вступить въ бой, извѣщаютъ о томъ противника; они не употребляютъ отравленныхъ стрѣлъ, не вынуждаютъ непріятелей къ сдачѣ голодомъ, щадятъ женщинъ и дѣтей и при заключеніи мира обмѣниваются плѣнными, взятыми безъ оружія въ рукахъ. Но, доведенные до отчаянія, какъ это бывало въ ихъ войнахъ съ бѣлыми, они выказываютъ на войнѣ истинно дикую свирѣпость и жестокость. Тѣмъ не менѣе, бѣлые не могли отказать имъ въ признаніи за ними настоящаго мужества и истинно военной доблести.

Еще большей воинственностью, чѣмъ кафры, славятся галласы, въ восточной Африкѣ. Ихъ военныя качества такъ высоко цѣнятся нѣкоторыми путешественниками, что, по словамъ ихъ, еслибы нашелся талантливый полководецъ, который съумѣлъ бы объединять галласовъ подъ своей властью, то онъ могъ бы съ ними завоевать всю Африку. Галласы на войнѣ со-

единяютъ хитрость и скрытность, свойственную дикимъ народамъ, съ замѣчательной неустрашимостью. Убійство каждаго врага даетъ право воину носить кольцо изъ слоновой кости— и чѣмъ болѣе такихъ колецъ на немъ, тѣмъ бо́льшимъ уваженіемъ онъ пользуется, и тѣмъ легче онъ находитъ для себя жену. При своей несомнѣнной храбрости, галласы отличаются и большимъ хладнокровіемъ на войнѣ. Но и холодная жестокость въ обращеніи съ плѣнными вошла у нихъ въ обычай: плѣнные, безъ исключенія, подвергаются у нихъ отвратительнымъ уродованіямъ.

Прибавимъ, что и кафрскіе, и галласскіе воины всегда носятъ при себѣ оружіе и нѣкоторыми особенностями своего костюма выдѣляются изъ среды остальнаго населенія.

Д. Коропчевскій

Окончаніе будетъ

ЗАСТѢНОКЪ, ПЫТКИ и ПАЛАЧИ

„Позорно преступленіе, а не эшафотъ".
Вольтеръ

I

Тѣлесныя наказанія, какъ исправительныя мѣры. — Пытки въ XVII вѣкѣ. — „Застѣнокъ" или тайная экспедиція. — Истязанія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. — Вѣдомые воры, подъискатели и разорители. — Заплечные мастера. — Розыскъ по разсказамъ Котошихина. — Дыба и виска. — Батожье, шелепы, кошки, подноготная. — Преданіе о селѣ Тайнинскомъ. — Высшія уголовныя наказанія при Петрѣ I. — Село Преображенское и его тайники. — Казни стрѣльцовъ. — Ссыльные монастыри. — Публичныя казни въ Петровское время. — Колесованіе, плясовая площадь, стояніе на спицахъ. — Справка о пыткахъ. — Казни при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Въ старину, по нашимъ законамъ, наказанія тѣлесныя служили главнымъ основаніемъ всей системы какъ уголовныхъ, такъ и исправительныхъ наказаній. Ошибочность этого взгляда признана давно; почти всѣ юристы и государственные люди — единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насилія и истязанія. Наказанія не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни успѣхамъ уголовнаго законодательства; они ожесточаютъ нравы, поражаютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и, если не устраняютъ вовсе, то, по крайней мѣрѣ, затрудняютъ возможность нравственнаго его исправленія. Тотъ, кто высѣченъ плетьми и изуродованъ клеймами, навсегда отверженецъ общества. Наказанія на тѣлѣ отъ руки палача почти всегда губительно дѣйствуютъ на здоровье. Жестокость публичной кары плетьми оскорбляетъ нравственное чувство народа до такой степени, что тутъ забывается преступленіе и законность возмездія, а является лишь чувство жалости къ преступнику, какъ къ мученику, а тѣмъ самымъ уничтожается и уваженіе къ правосудію.

Почти при каждомъ публичномъ наказаніи въ былое время въ провинціи бросали на эшафотъ деньги. Въ Сибири, напр., до казни, палачъ на эшафотѣ разстилалъ платокъ, въ которой

народъ кидалъ деньги; часть ихъ получалъ преступникъ, а часть бралъ себѣ палачъ. Нерѣдко старались и подкупить палача, чтобы хоть сколько нибудь облегчить участь преступника; при наказаніи женщинъ случалось даже, что лица, совершенно незнакомыя съ преступницами, приходили въ земскій судъ просить ихъ въ замужство, предполагая тѣмъ избавить ихъ отъ наказанія плетьми.

Наложеніе клеймъ имѣло единственною цѣлью предупредить побѣги каторжныхъ и, въ случаѣ побѣга, облегчить поимку ихъ. Но мѣра эта, какъ убѣдила практика, не достигала цѣли. Наложенныя клейма весьма часто вытравляли различными способами, отвратить которые не было возможности. Такая вытравка клеймъ на языкѣ преступниковъ называлась „исправленіемъ формуляра". Между тѣмъ наложеніе клеймъ, причиняя большее или меньшее тѣлесное страданіе, соединялось кромѣ того съ обезображеніемъ человѣка, который впослѣдствіи могъ оказаться даже невиннымъ, ибо всякій судебный приговоръ вообще, по несовершенству человѣческой природы, нельзя считать безусловно справедливымъ. Были случаи, когда приговоры послѣ долгихъ лѣтъ оказывались несправедливыми, и тогда съ невинно-обвиняемаго не было уже возможности снять позорное клеймо. Независимо отъ этого, нельзя не принять въ соображеніе и то, что наложеніе клейма представляло собою особаго рода тѣлесную болѣзненную операцію, исполняемую палачемъ, человѣкомъ, конечно, неискуснымъ въ дѣлѣ оперативномъ.

Но что̀ передъ этими наказаніями — прежнія казни и пытки, что̀ налагались судомъ въ XVII вѣкѣ. Такъ, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича (1649 г.), за важнѣйшія преступленія полагались: сожженіе заживо, залитіе горла расплавленнымъ свинцомъ, висѣлица, окопаніе живаго землею, рѣзаніе языка и отсѣченіе рукъ и ногъ, сажаніе на колъ, батоги, виска или дыба и затѣмъ кнутъ, который дѣйствовалъ на эшафотѣ, или еще чаще въ „застѣнкѣ". Послѣднимъ именемъ назывались казематы съ толстыми стѣнами, откуда крики и вопли терзаемыхъ не доносились снаружи. Послѣдніе носили также названіе — „казенокъ". Такая „казенка" или страшная „тайная экспедиція" помѣщалась въ Москвѣ у Никольскихъ воротъ на рязанскомъ подворьѣ *); здѣсь содержались обличенные, заподозрѣнные и оговоренные люди въ колодкахъ и кандалахъ, нерѣдко съ кляпомъ во рту; тамъ производились ночью секретныя слѣд-

*) Снегиревъ говоритъ: по стѣнѣ Московскаго Кремля, къ ней ведущей, доселѣ существуетъ крытый коридоръ съ узенькими окошечками, гдѣ содержались приговоренные къ пыткѣ съ заклепанными устами, кои расклепывались для отвѣта и для принятія скудной пищи, прикованные къ стѣнѣ, въ коей были желѣзные пробои и кольца.

ствія по доносамъ, особенно о заговорахъ, о дерзкихъ словахъ и поступкахъ, касавшихся до оскорбленія царя. Такіе политическіе преступники тогда назывались: вѣдомые воры и заводчики и всему московскому государству подыскатели и разорители. Ихъ пытали въ „государственномъ великомъ дѣлѣ"; розыски и пристрастные допросы сопровождались пытками. По Олеарію, обыкновенно сперва пытали доносчика, откуда пословица: „докащику первый кнутъ". Для увѣщанія подсудимыхъ, съ одной стороны, былъ священникъ, крестъ и евангеліе, а съ другой, для устрашенія, палачъ, плети, кнутъ, кошки и розги. Туда не допускались ни близкіе, ни знакомые; желѣзныя ворота, охраняемыя сторожами, отворялись только при особенныхъ случаяхъ, или рано утромъ, или поздно ночью. Особенно былъ также страшенъ по пыткамъ „Разбойный приказъ", переименованный позднѣе въ Сыскной приказъ. „Въ немъ засѣдали бояринъ или окольничій, стольникъ или кто либо изъ думныхъ дворянъ и два дьяка, и мастера заплечные... и будетъ тѣхъ мастеровъ, — какъ говоритъ Котихинъ, — на Москвѣ съ 50 человѣкъ, и дается имъ годовое жалованье". Объ низшей и самой употребительнѣйшей при розыскахъ пыткѣ, именуемой „дыба" или „виска", Котихинъ передаетъ слѣдующее: „Сымутъ съ вора рубашку, и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто, что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и того вора руки станутъ прямо надъ головой его, а изъ суставовъ выйдутъ вонъ. И потомъ сзади палачъ начинаетъ бить по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ 30 или 40, и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременный, плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною будетъ въ пять". Бергхольцъ про кнутъ говоритъ, что онъ есть родъ плети, состоящей изъ короткой палки и очень длиннаго ремня. Описаніе наказанія кнутомъ у него мало чѣмъ отличается отъ вышеприведеннаго, только онъ добавляетъ, что искусство палачей до того доведено, что они могутъ класть ударъ къ удару, ровно какъ бы размѣряя ихъ циркулемъ и линейкою! Наказаніе бываетъ кнутомъ двоякое: одно употребляется при допросахъ и замѣняетъ пытку, а другое есть собственно такъ называемое наказаніе кнутомъ, которое отъ перваго отличается тѣмъ, что преступника одинъ изъ палачей держитъ на спинѣ, а другой бьетъ. Иногда на пыткѣ били въ два и три кнута; въ описаніи перваго стрѣлецкаго

бунта Сильвестра Медвѣдева сказано, что стрѣльцы „доктора Данила фонъ-Гадена, родомъ еврея иже въ крещеніи Стефанъ, въ застѣнкѣ-жъ крѣпко пыташа, биша въ три кнута и огнемъ жгоша и потомъ такожде нагого выведоша на красную площадь, изсѣкоша въ мелкія части".

Снегиревъ говоритъ, что „дыба или виска" была очень сходна съ римскою „equuleus", на которой пытали рабовъ. Поднятому на дыбу къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на кои ставши, палачъ подпрыгивалъ и тѣмъ самымъ увеличивалъ мученіе: кости, выходя изъ суставовъ своихъ, хрустѣли, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались, и тѣмъ причинялось несносное терзаніе. Въ такомъ положеніи его били кнутомъ по обнаженной спинѣ такъ, что кожа лоскутьями летѣла, и потомъ особливо когда пытали на заказъ и жестоко еще встряхивали на спину зажженнымъ вѣникомъ. По разсказамъ Белюстина, такой обычай пытать зажженнымъ вѣникомъ и на кострѣ долго употреблялся у нашихъ разбойниковъ, и нерѣдко спину, обожженную горячимъ вѣникомъ, растравляли солью и вновь жгли розгами. „И буде съ первыхъ пытокъ не винятся,—продолжаетъ Кошихинъ,—и ихъ спустя недѣлю времени пытаютъ въ другой и въ третій разъ, и жгутъ огнемъ: свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь; а инымъ, разжегши желѣзными клещи накрасно, ломаютъ ребры". Когда снимали съ дыбы, тогда палачъ вмѣсто костоправа вставлялъ руки въ суставы, схвативъ ихъ и вдругъ дернувъ напередъ. Преданіе передаетъ, что, несмотря на такія жестокія муки, что, когда одного вытерпѣвшаго пытку, изувѣченнаго и окровавленнаго, вели назадъ, тогда другой, осужденный на дыбу, встрѣтивъ его, спрашивалъ: — „А какова баня?" — „Ничего, хороша,—отвѣчалъ послѣдній: — и для тебя есть еще вѣники!" — Даже въ то ужасное время существовала пословица: „Кнутъ не ангелъ, души не вынетъ, а правду вытянетъ".

Существовалъ еще родъ пытки: допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ, въ веревку ввертывали палку и вертѣли до того, что голова пригибалась къ пяткамъ. Такой пытаемый изгибался и въ мукахъ умиралъ ранѣе, нежели успѣвалъ признаться. Также сжимали голову ключемъ или заклепывали ее въ особо устроенномъ для сего станкѣ. Иногда допрашивали обвиняемаго, накормивъ соленой пищей и сажая его въ жарко истопленную баню

Не менѣе страданій приносили такъ называемые „батоги" — послѣдніе означали палки. Виновнаго клали на землю, одинъ палачъ прижималъ голову, другой садился на ноги, двое растягивали руки, двое, вооруженные батогами, били по оголенной

спинѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не говорили „довольно“. Когда палки разлетались вдребезги, брались свѣжія; когда палачи уставали, ихъ смѣняли новыми. Батожье сѣченіе не было наказаніемъ уголовнымъ, ему подвергались какъ бояре по приказу цареву, такъ и холопы по волѣ бояръ. Быть высѣченнымъ батогами не считалось безчестіемъ. Послѣ наказанія, виновные должны были цѣловать руку и колѣно исполнителя, благодаря его за кротость и милосердіе. Одинъ холопъ, — говоритъ одинъ изъ иностранцевъ, бывшій въ то время въ Россіи, — укусилъ при томъ случаѣ руку своего господина; дерзкій умеръ подъ батогами. Вообще смерть подъ палками не была въ то время явленіемъ рѣдкимъ. Наказывали или сѣкли еще „шелепами“ или мѣшками, набитыми мокрымъ пескомъ. Аббатъ Шапъ д'Атрошъ пишетъ: „Я былъ свидѣтелемъ наказанія батогами. Два холопа, сопрождаемые господиномъ, вели шестнадцатилѣтнюю, стройную красивую дѣвушку. Красота ея бѣлаго личика невольно приковала мои взоры: превосходные волосы густыми прядями ниспадали на плечи; головка ея была опрокинута назадъ, глаза подернуты слезами, она молила о пощадѣ. Ее бросили на землю, въ мгновеніе ока обнажили до пояса, и по спинѣ запрыгали палки. Послѣ наказанія дѣвушку подняли съ земли; она не могла держаться на ногахъ; спина у ней была изборождена широкими ранами, кровь обливала ея станъ. Она была наказана за то, что смѣла не исполнить какое-то приказаніе боярина своего“.

Весьма болѣзненна была пытка, извѣстная подъ именемъ „подноготной“. Допрашиваемому завинчивали ножные и ручные пальцы въ тиски, и забивали деревянныя спицы за ногти.

Не менѣе тяжка и позорна была смерть сажаемыхъ на колъ. Такъ извѣстный любимецъ Авдотьи Лопухиной, генералъ-майоръ Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ, посаженный Петромъ на высокій колъ, страшно мучился и оставался живъ, сидя на колѣ, въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ; и когда къ умиравшему въ неописанныхъ мукахъ подошелъ Петръ съ рѣзкими упреками, послѣдній плюнулъ, упорно молчалъ и испустилъ духъ.

Смерть отъ желѣзныхъ лапъ или кошекъ, надо полагать, была мгновенна; такъ, когда палачи схватили А. В. Кикина, извѣстаго тоже по дѣлу царевича Алексѣя, и готовились разорвать его на части, въ то время къ нему приблизился Петръ.— „Скажи мнѣ, Кикинъ, что побуждало тебя, при твоемъ умѣ, враждовать со мной и ненавидѣть меня?“ — „Что ты говоришь о моемъ умѣ!“ хладнокровно сказалъ Кикинъ: — „умъ любитъ просторъ, а у тебя было ему тѣсно“. — Государь подалъ знакъ, и отъ Кикина осталось нѣсколько безобразныхъ кусковъ.

О селѣ Тайнинскомъ подъ Москвой посейчасъ ходитъ преданіе, что здѣсь научили насъ татары бить кнутомъ. Страшное это было село въ царствованіе грознаго царя. Здѣсь жилъ злодѣй Малюта, тамъ видны были слѣды у пруда его „тайной“ бездонной землянки, отсюда отправляли на смерть Адашева и священника Сильверста. Тамъ надъ рвомъ стояла, — по словамъ князя Дмитрія Оболенскаго-Овчины, — Содомская палата, гдѣ шумно и буйно ликовали вмѣстѣ съ Малютою Скуратовымъ другіе любимцы Іоанновы: Басмановы, кравчій Ѳеодоръ, Василій Грязной, князь Аѳанасій Вяземскій. Тутъ нареклись приговоры Курбскому, Шереметеву, Бутурлинымъ и тысячѣ другимъ жертвамъ. Кромѣ другихъ пытокъ и мукъ, многихъ людей здѣсь сажали живыхъ въ мѣшки и затаптывали около ручьевъ и Яузы въ трясинѣ болотной. Лѣтъ за двадцать до начальныхъ годовъ нынѣшняго столѣтія объ этомъ здѣсь говорилъ еще народъ, какъ о какой-то запрещенной государственной тайнѣ.

Замученныхъ не погребали при церквахъ. Иныхъ даже живьемъ отвозили въ Москву и задѣлывали тамъ въ кремлевскія стѣны. Костяки такихъ жертвъ были найдены послѣ двухъ столѣтій.

По воинскому и морскому уставу Петра Великаго, высшими уголовными наказаніями были: сожиганіе заживо, прожженіе языка и отсѣченіе головы, аркебузированіе или разстрѣляніе, четвертованіе съ предварительнымъ рваньемъ тѣла клещами, или безъ онаго, отсѣченіе головы и вѣшаніе за ребро.

Въ Петровское время пытки и розыски процвѣтали: въ одномъ царскомъ селѣ Преображенскомъ было множество застѣнковъ; Карамзинъ говоритъ: — „Среди огородовъ села Преображенскаго я съ ужасомъ находилъ подвалы темные, подземные казематы и длинные коридоры, въ которыхъ производились пытки, дѣлались, по современному выраженію, нещадные розыски. Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго... Въ вертепахъ преображенскихъ лились потоки крови“. Снегиревъ упоминаетъ о пословицѣ: „правда у Петра и Павла“, происшедшей, по мнѣнію однихъ, отъ петропавловской крѣпости, а по преданію другихъ, отъ церкви св. Петра и Павла въ Преображенскомъ.

Въ дневникѣ Корба, цесарскаго секретаря посольства, бывшаго въ Москвѣ во времена Петра, находимъ много любопытнаго о неслыханно-жестокихъ казняхъ стрѣльцовъ въ Москвѣ и селѣ Преображенскомъ. Такъ, 21 сентября 1698 г. пятнадцать изъ приведенныхъ недавно и доведенныхъ до сознанія мятежниковъ, оставшіеся живыми послѣ пытокъ, были колесо-

ваны и обезглавлены. 24 и 25 сентября другихъ мятежниковъ, послѣ упорнаго запирательства, повели къ пыткамъ. Послѣ жестокаго сѣченія кнутомъ, ихъ жгли на огнѣ, послѣ огня опять сѣкли, и послѣ ударовъ снова подвергли огню. Въ Преображенскомъ, гдѣ ежедневно производился розыскъ, ежедневно разводимо было до тридцати костровъ и болѣе; 26 и 27 сент., невыносимая жестокость пытки лишила подполк. Вас. Колпакова способности говорить; онъ отданъ былъ царскому медику на попеченіе, для того чтобы привести его въ чувство, а потомъ опять подвергнуть пыткѣ. Колпаковъ у доктора посягалъ на свою жизнь, хотѣлъ зарѣзаться ножемъ — но его вылечили и 7-го октября снова пытали. 28 сент. двѣ постельницы царевны, захваченныя царемъ въ Кремлѣ, послѣ угрозъ и нѣсколькихъ ударовъ съ пытки, показали, что причиной мятежа была ненависть къ Лефорту и ко всѣмъ нѣмцамъ. 30 сентября Петръ, окруженный своими солдатами, топоромъ казнилъ въ Преображенскомъ пятерыхъ мятежниковъ; при этомъ никто изъ посторонних близко допущенъ не былъ. Двѣсти тридцать мятежниковъ были повѣшены, и на это ужасное зрѣлище, кромѣ великаго множества нѣмцевъ, смотрѣли: царь, иностранные министры и московскіе вельможи. 3 октября — 500 молодыхъ стрѣльцовъ, принявъ во вниманіе ихъ годы и слабость незрѣлаго образа мыслей, освободили отъ смертной казни, однако же отрѣзали имъ носы и уши и сослали въ отдаленныя пограничныя мѣста. Въ этотъ же день одна изъ постельницъ царевны Софіи приведена была къ пыткѣ; когда же сняли съ нея платье, и она, обнаженная, застонала подъ ударами кнутовъ, — оказалось, что она была беременна, и призналась царю въ преступной связи съ однимъ пѣвчимъ. 5 и 6 октября пытали Ваську Зарина, десятника полка Колзакова, главнаго виновника бунта. Заринъ все время упорно молчалъ, его четыре раза пытали. 10 и 11 октября у бѣлой стѣны, около города, при каждыхъ воротахъ городскихъ повѣшены еще двѣсти тридцать преступниковъ. 17 октября двѣ постельницы живыя зарыты въ землю. Въ этотъ же день много бояръ и вельможъ присутствовало на соборѣ, которымъ составлено опредѣленіе противъ мятежниковъ, и въ тотъ же день виновные призваны къ новому суду и распредѣлены партіями по боярамъ: каждый долженъ былъ высказать мнѣніе и привести его въ исполненіе посредствомъ топора. Князь Ромодановскій, бывшій до возмущенія воеводою четырехъ полковъ, по настоянію царя, однимъ палашемъ казнилъ четырехъ стрѣльцовъ; болѣе жестокій Меншиковъ хвастался, что онъ двадцатерымъ отрубилъ головы. Несчастный Голицынъ, оттого что дурно рубилъ, много прибавилъ страданія преступникамъ. Триста тридцать человѣкъ, вмѣстѣ выведенные на смертную

казнь, обагрили обширную площадь нечестивою, хотя и мужественно пролитою кровью. Къ обязанности палача были приглашаемы генералъ Лефортъ съ барономъ Блюмбергомъ, но они извинились, что у нихъ въ отечествѣ это не въ обычаѣ, и это извиненіе было уважено. Самъ царь, сидя въ креслахъ, спокойно (siccis oculis, сухими глазами) смотрѣлъ на всю эту трагедію и на страшную бойню такого множества людей, и сердился только на то, что бояре дрожащими руками принимались за это непривычное дѣло. 18 октября наказывали священниковъ, которые, желая привлечь простой народъ на сторону мятежниковъ, носилъ съ собой иконы и обычными молитвами у престола испрашивали помощь божію для счастливаго исхода нечестиваго замысла: одного повѣсили на висѣлицѣ предъ Троицкою церковью, другому отрубили голову, а тѣло для позора положили на колесо. Это были распопы: Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ.

Два брата, виновные въ измѣнѣ, послѣ того какъ палачъ переломилъ у нихъ руки и ноги, живые привязаны были къ колесу; и когда, въ числѣ другихъ двадцати человѣкъ, усѣченныхъ топоромъ и обрызганныхъ кровью, съ завистью усмотрѣли своего третьяго брата, — сердились и громко роптали, что оторванъ отъ нихъ ускореннымъ видомъ смерти тотъ, котораго сперва природа, потомъ проступокъ связали съ ними преступною любовью.

Неподалеку отъ Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ, представлявшихъ видъ четыреугольника, и на нихъ затянуты петлей головы 230 стрѣльцовъ; трое зачинщиковъ возмущенія, которые написали просьбу, приглашая Софью къ управленію государствомъ, повѣшены на стѣнахъ Новодѣвичьяго монастыря, близь окна Софьиной спальни. Среднему изъ этихъ висѣльниковъ вложена была въ руки бумага, сложенная по формѣ челобитной. Это было сдѣлано для того, чтобы сознаніе прошедшаго угрызало Софью непрестанною тоской. 19-го инженеръ Лавалль привезенъ въ Москву въ желѣзныхъ кандалахъ, и посаженъ въ новомъ приказѣ въ тюрьму, какъ обвиненный въ измѣнѣ. 21 и 23 октября у двоихъ мятежниковъ, главнѣйшихъ коноводовъ между измѣнниками, переломали руки и ноги и живыхъ вложили въ колеса, чтобы въ медленной смерти они приняли наказаніе, 24 октября — двадцать четыре человѣка вмѣстѣ съ священниками, обвиненные вновь въ томъ, что своимъ совѣтомъ вынуждали въ мятежникахъ мужество, взяты въ тюрьму и къ розыску. 24 ноября поймано семдесятъ человѣкъ московскихъ ночныхъ грабителей, и изъ нихъ два полицейскихъ чиновника, бывшіе прежде священниками; первые принуждены были идти на дыбу. 13 и 15 дек.—

мать съ дочерью замыслили убить мужа, и злодѣйство совершено двумя убійцами, подкупленными за 30 крестовиковъ; обѣ онѣ живыя по шею закопаны въ землю. На сильнѣйшемъ морозѣ мать прожила до трехъ дней, а дочь — больше шести дней. Трупы умершихъ вытащены изъ ямъ и рядомъ съ убійцами, погибшими на висѣлицѣ, повѣшены за ноги, головой внизъ. Корбъ замѣчаетъ, что только жены за убійство мужей преслѣдуются съ такой строгостью; а за убійство женъ мужья очень часто только штрафуются денежной пеней.

Далѣе находимъ у Корба и наказаніе фальшивымъ монетчикамъ; послѣднимъ вливали въ ротъ ихъ монету, ранѣе растопивъ ее на огнѣ.

Пытки производились до самаго уничтоженія послѣднихъ въ 1801 году. Въ Москвѣ, въ сыскномъ приказѣ у Калужскихъ воротъ, гдѣ находился острогъ, обнесенный тыномъ, тамъ въ каменномъ сараѣ, въ присутствіи судьи, приводили къ пыткѣ. По словамъ Снегирева, послѣ пытки и до пытки преступники и подозрѣваемые сидѣли въ тюрьмахъ или сибиркахъ при застѣнкахъ, или въ острогахъ, которые въ старину были мѣстами ужаса, томленія и наказанія, ибо заключенные, смотря по важности дѣла, сковывались по рукамъ и по ногамъ желѣзами, на шею надѣвалась рогатка, къ которой прикрѣплялась цѣпь со стуломъ, т. е. большимъ обрубкомъ дерева, или сажались на стѣнную, т. е. приковывались къ стѣнѣ, или забивались въ колодки. Мѣста заключенія назывались въ старину порубами, погребами, ямами, каменнымъ мѣшкомъ, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь, гдѣ часто узники томились и даже умирали отъ голода и холода, гдѣ палачъ лечилъ жестокія язвы, причиненныя пыткою, жестокими лекарствами для того, чтобы приготовить къ новымъ истязаніямъ. Наши монастыри: Соловецкій, Суздальскій, Прилуцкій и другіе хранятъ въ своихъ вѣковыхъ стѣнахъ такіе „каменные мѣшки“, похожіе на шкафы, куда сажали преступниковъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ сохранилось преданіе, какъ Петръ Великій въ бытность свою открылъ здѣсь одного изъ узниковъ, невинно тамъ заключеннаго, бывшаго прежде бояриномъ сильнымъ и знатнымъ. Онъ просидѣлъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ въ темной тюрьмѣ, и когда его вывели на свѣтъ, то онъ уже ничего не могъ видѣть — онъ былъ слѣпъ. Петръ спросилъ его, что онъ хочетъ за свое безвинное долгое страданіе? — „Ничего не желаю, государь“, отвѣчалъ бояринъ: — „повели только, чтобы отнынѣ болѣе уже не было темныхъ тюремъ въ Соловецкомъ“. И съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, перестали сажать въ темныя каморки.

Вмѣстѣ съ пытками въ Петровское время идутъ часто, какъ видимъ, и публичныя казни, и на площадяхъ, гдѣ идутъ раз-

личные торжественные маскарады, длившіе по недѣлямъ, тамъ же свершаются и страшныя драмы. Такъ, въ 1718 году, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пытки, кладутъ свои головы на плаху несчастные приверженцы царевича Алексѣя, братъ первой супруги Авраамъ Лопухинъ, протопопъ Яковъ Игнатьевъ, Аѳанасій Большой и Ѳедоръ Дубровской; два дня спустя, тѣла ихъ выставляются на площади Сытнаго рынка. Въ 1721 году, передъ юстицъ-коллегіей на Троицкой площади вѣшаютъ знатнѣйшаго и богатѣйшаго изъ петровскихъ вельможъ, сибирскаго губернатора князя Гагарина. Современники объ этой казни говорятъ неодинаково — Бергхольцъ пишетъ, что князь повѣшенъ за расхищеніе царской казны. Страленбергъ утверждаетъ, что до царя дошли слухи о намѣреніи Гагарина сдѣлаться въ Сибири независимымъ отъ Россіи владѣтелемъ. Казнь Гагарина происходитъ въ присутствіи царя и всѣхъ знатныхъ его родственниковъ. Черезъ нѣкоторое время эта висѣлица съ тѣлами переносится къ Сытному рынку. Очевидецъ этой казни, Бергхольцъ говоритъ, что князь Гагаринъ былъ повѣшенъ на высокой висѣлицѣ, подъ которой стоялъ эшафотъ, а позади его четыре высокіе столба съ орудіями для колесованія; на верху столбовъ были укрѣплены желѣзные въ полъ-аршина прутья, на которые по колесованіи должно было воткнуть головы преступниковъ. Первый лишившійся головы былъ фискалъ, сообщникъ оберъ-фискала Нестерова, который черезъ него обработывалъ свои плутни. Когда фискалу прочтенъ былъ приговоръ, то онъ обратился лицомъ къ церкви въ крѣпости и нѣсколько разъ перекрестился на нее; потомъ, повернувшись къ окошкамъ ревизіонъ-коллегіи, откуда императоръ и вельможи смотрѣли на казнь, сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, взошелъ самъ на эшафотъ съ двумя прислужниками палача, снялъ съ себя платье, поцѣловалъ палача, поклонился стоявшему вокругъ народу и, преклонивъ колѣни, совершенно свободно положилъ голову на плаху, на которой и былъ обезглавленъ. Затѣмъ такимъ же порядкомъ были казнены два старика. Послѣ нихъ слѣдовалъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, обвинявшійся въ важныхъ дѣлахъ и кражахъ, въ которыхъ, впрочемъ, рѣшительно не сознался, какъ ни былъ битъ кнутомъ и сколько ни обличали его свидѣтели и собственноручныя письма. Это былъ тучный человѣкъ съ внушающею физіономіею и сѣдыми волосами. Прежде онъ былъ въ силѣ, и къ нему былъ милостивъ царь, который часто говаривалъ въ похвалу его, что онъ лучше всѣхъ излагаетъ дѣла на словахъ и письмѣ. Передъ казнью онъ также крестился на Петропавловскую церковь, потомъ поклонился императору и долженъ былъ, по напоминанію священника, сказать: „я виноватъ.“ Нестеровъ былъ заживо колесованъ: сначала ему

изломана одна рука, потомъ нога, потомъ опять рука и, наконецъ, нога. Къ нему приблизился священникъ и увѣщевалъ его повиниться, что̀ повторилъ именемъ императора и майоръ Мамоновъ, обѣщая ему, какъ милость, кончить его жизнь обезглавленіемъ, чтобы прекратить скорѣе мученія. Однако Нестеровъ отвѣчалъ, что ему не въ чемъ сознаться, потому что сказалъ уже все, что̀ зналъ, и потомъ не издалъ ни одного звука, также какъ и въ то время, когда ему ломали члены. Наконецъ, его еще живаго втащили на эшафотъ, гдѣ уже первые трое были казнены; лицо Нестерова обагрилось кровью ихъ, и послѣ того ему отрублена голова. Девять еще человѣкъ наказаны по 50 ударовъ кнутомъ; четыремъ изъ нихъ, осужденнымъ на галеры, вырваны клещами ноздри. Между этими тринадцатью лицами только двое было молодыхъ, остальные же все сѣдые старики, бывшіе совѣтники, фискалы и писцы коллегій. Всѣ служившіе въ приказахъ и коллегіяхъ должны были присутствовать при казняхъ, чтобы, смотря на нихъ, умѣли воздержаться отъ подобныхъ преступленій. Наконецъ, тѣла четырехъ казненныхъ положены были на колеса, а головы ихъ воткнуты на столбы.

За два года съ небольшимъ до смерти самого императора, на той же Троицкой площади казнили любимаго камергера императрицы Монса и нѣсколькихъ еще съ нимъ. Судъ надъ нимъ былъ недологъ: ихъ арестовали во дворцѣ 10-го ноября, а 15-го уже извѣщалось съ барабаннымъ боемъ, что на слѣдующій день передъ сенатомъ будетъ учинена этимъ лицамъ казнь. Голштинскій министръ Басевичъ, жившій тогда въ Петербургѣ, разсказываетъ, что императрица умоляла Петра о помилованіи ея камергера. Царь во время разговора стоялъ у окна съ венеціанскимъ стекломъ. — „Видишь, — сказалъ онъ, — это стекло? Прежде оно было грубой массою, теперь облагорожено чрезъ огонь и служитъ украшеніемъ дворца. Довольно моего одного удара — и это стекло обратится въ прежнее ничтожество“. И съ этими словами онъ разбилъ стекло вдребезги. — „Достойный ли это васъ подвигъ“, возразила Екатерина, вздыхая: — „и будетъ ли отъ того красивѣе вашъ дворецъ?“ 16-го ноября казнь Монса происходила на томъ же мѣстѣ, гдѣ казненъ князь Гагаринъ. На возвышенномъ эшафотѣ Монсу была отрублена голова сѣкирою. Передъ тѣмъ ему былъ прочитанъ приговоръ. Всѣ присутствовавшіе на казни не могли надивиться, какъ Монсъ рѣшительно шелъ на казнь. По прочтеніи приговора, онъ поблагодарилъ поклономъ читавшаго его, потомъ самъ раздѣлся и, ложась на плаху, просилъ только палача поскорѣе приступить къ дѣлу. Монсъ былъ удивительный красавецъ, по словамъ Вильбуа, и, кромѣ того, имѣлъ обворожительныя манеры, кото-

рыя сохранилъ, идучи на эшафотъ, хотя зналъ, что его тамъ не ждутъ ни помилованіе, ни снисхожденіе. Онъ выслушалъ приговоръ съ спокойствіемъ и безпечностью, которыя удивили всѣхъ присутствовавшихъ. Поблагодаривъ читавшаго приговоръ, онъ отвелъ въ сторону лютеранскаго пастора и подарилъ ему золотые часы, въ которыхъ былъ вдѣланъ эмальированый портретъ императрицы. Басевичъ въ своихъ запискахъ приводитъ извѣстіе, что Петръ, прогуливаясь на другой день казни Монса въ коляскѣ съ Екатериною, проѣзжалъ мимо эшафота, на которомъ еще виднѣлась голова Монса. Императрица, посмотрѣвъ на мѣсто казни, сказала: „жалко, что между придворными столько испорченности". Вмѣстѣ съ Монсомъ на эшафотѣ пострадала генеральша Балкъ: ей дали по голой спинѣ пять ударовъ кнутомъ, на мѣсто пятнадцати; секретарю Монса дали 15 ударовъ кнутомъ, и онъ сосланъ былъ въ Рогервикъ. Петръ отличался крутымъ нравомъ — его ожесточили въ юныхъ годахъ стрѣльцы и раскольники, которые на его глазахъ убивали его родню и не разъ хотѣли убить и его. Впослѣдствіи казни стрѣльцовъ, въ которыхъ онъ — по разсказамъ — принималъ активное участіе, значительно подѣйствовали на его и безъ того крутой нравъ, и онъ творилъ розыски и пытки съ увлеченіемъ не хуже Іоанна Грознаго. Въ послѣднее время царствованія Петра Великаго по всякому маловажному поступку и за всякій оговоръ подвергали пыткѣ.

Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, описывая казни въ Малороссіи, въ Лебединѣ, во время шведской войны, говоритъ: „Казни сіи были обыкновеннаго Меньшикова ремесла: колесовать, четвертовать и на колъ сажать, а самая легчайшая, почитавшаяся за игрушку — вѣшать и головы рубить. Вины ихъ изыскивались отъ признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило препохвальное тогда таинство — пытка, которой догматъ и понынѣ извѣстенъ и сей пословицы русской: „Кнутъ не ангелъ, души не вынетъ, а правду скажетъ", и которая производима была со всею акуратностью и по узаконенію соборнаго Уложенія, сирѣчь степенями и по порядку, батожьемъ, кнутомъ и шиною, т. е. разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостью или медленностью по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и воздымались. Прошедшій одно испытаніе, поступалъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, таковой почитался за вѣрное виновнымъ и веденъ на казнь".

Въ Запорожьѣ, на Дону, въ Крыму и въ Сибири вовсе не было тѣлесныхъ наказаній, и до появленія русскихъ войскъ тамъ не знали ни кнута, ни плетей, ни розогъ: — можно себѣ представить, какой эффектъ тамъ произвели пытки, узаконенныя московской бюрократіею.

Въ описаніи Петербурга Н. Богданова находимъ еще одно истязаніе, введенное при Петрѣ. Такъ, въ Петропавловской крѣпости существовала площадь, именуемая „плясовая"; на ней была поставлена деревянная лошадь съ острою спиной, на которую сажали за штрафъ солдатъ на нѣсколько часовъ сидѣть, и притомъ еще столбъ вкопанъ былъ деревянный, и около его поставлены были спицы острыя, и вверху того столба была цѣпь, и когда кого станутъ штрафовать, то въ оную цѣпь руки его замкнутъ, и на тѣхъ спицахъ оный штрафованный долженъ нѣсколько времени стоять.

Можно себѣ представить, какое страшное вліяніе имѣли тогда судьи и подъячіе сыскнаго приказа на народъ и общество. Существуетъ документъ прошлаго столѣтія — это справка о пыткахъ, составленная по требованію императрицы Екатерины II. Вотъ этотъ документъ изъ дѣлъ тайной канцеляріи, приводимъ его нѣсколько въ сокращенномъ видѣ. „Обрядъ како обвиненный пытается".—„Для пытки въ застѣнкѣ сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ. И когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явиться долженъ въ застѣнокъ со своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, къ которому привязана веревка бѣлая, кнутья и ремень, которымъ пытаному ноги связываютъ. По приходѣ судей въ застѣнокъ и по разсужденіи, въ чемъ подлежащаго къ пыткѣ спрашивать должно, приводится тотъ, котораго пытать надлежитъ, и отъ караульнаго отдается палачу; которой бѣлую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ и положа ихъ въ хомутъ чрезъ приставленныхъ для того людей, втягивается, дабы пытанный на землѣ не стоялъ. У котораго руки и выворотитъ совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы къ столбу, и растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ и все записывается, что̀ таковой сказывать станетъ. Есть ли же изъ подлежащихъ къ пыткѣ такой случится, который изобличается во многомъ злодѣйствѣ, и онъ запирается и по дѣлу обстоятельства доказываютъ его къ подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е) тиски, сдѣланные изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, въ которые кладутся злодѣя персты, сверху большіе два изъ рукъ, а внизу ножные два, и свинчиваются отъ палача до тѣхъ поръ, пока или повинится, или не можно будетъ больше жать перстовъ и винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е) Наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ, и вертятъ такъ, что оной изумленнымъ бываетъ, потомъ

простригаютъ на головѣ волосы до тѣла и то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по каплѣ, отчего также въ изумленіе приходитъ. 3) При пыткѣ во время таково же запирательства и для изысканія истины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ онѣ связаны, бревно и на оное палачъ становится затѣмъ, чтобы на вискѣ потянуть его, дабы болѣе истязанія чувствовалъ. Если же и по тому истины показывать не будетъ, снимая пытаннаго съ дыбы, правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что и чрезъ то боли бываетъ больше. Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытанный на второй или на третьей пыткѣ рѣчи перемѣнитъ, то еще трижды пытается. И есть ли переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ибо сколько-бъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли въ чемъ нибудь разнить въ показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть, а потомъ и огонь такимъ образомъ: палачъ, отвязавъ привязанныя ноги отъ столба, висящаго на дыбѣ растянетъ и, зажегши вѣникъ съ огнемъ, водитъ по спинѣ, на что употребляется вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго. Когда пытки окончатся, и пытанный подлежать будетъ по винамъ ссылкѣ въ каторгу, то, при посылкѣ отъ палача, вырываются ноздри сдѣланными нарочно клещами. „Есть ли которые подлежатъ смертной казни, то и таковыхъ, въ силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велѣно ссылать на каторгу же, а при посылкѣ также ноздри вырѣзываются. И сверхъ того, особливыми присланными штемпелями на лбу и на щекахъ кладутся знаки: воръ, въ тѣхъ же штемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, и ими палачъ бьетъ въ лобъ и щеки и натираетъ порохомъ, и отъ того слова видны бываютъ".

До половины восемнадцатаго столѣтія эти страшныя и безчеловѣчныя казни, соотвѣтствовавшія, впрочемъ, и существовавшимъ тогда на западѣ, хотя не были прямо отмѣняемы закономъ, но употреблялись рѣже и преимущественно въ меньшей степени жестокости. Въ 1742 году императрицею Елизаветою несовершеннолѣтніе освобождены отъ пытки и отъ смертной казни, а въ 1754 году лишеніе жизни замѣнено для всѣхъ вообще преступниковъ гражданскою смертью, т. е. вырываніемъ ноздрей, наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ Сибирь.

М. Пыляевъ

Окончаніе будетъ

РАЗСКАЗЫ

ЛАРСА ДИЛЛИНГА

Минда

I

Ни о чемъ другомъ не было рѣчи, кромѣ какъ о Миндѣ Еѐ зналъ весь свѣтъ. Но весь свѣтъ былъ неособенно великъ, потому что городъ, въ которомъ находился весь свѣтъ, былъ очень малъ.

Но зато объ особѣ Минды знали все, до послѣднихъ мелочей. Знали, что она одна-одинёшенька, имѣетъ полъ-милліона и обладаетъ чуть не ошеломляющей красотой. Знали, что она выписываетъ себѣ шляпы изъ Парижа, а платья — изъ Копенгагена, что у ней есть брилліантовая булавка съ неподдѣльными брилліантами, и настоящія кружева. Знали даже и то, что ихъ было у нея по двадцать четыре каждаго сорта — изъ самыхъ дорогихъ — и всѣ великолѣпной работы.

Говорить о Миндѣ въ городѣ считалось такимъ же хорошимъ тономъ, какъ объ Аделинѣ Патти — въ Европѣ. Когда дочь учителя народной школы Іенсена встрѣтилась на улицѣ съ госпожой Ольсенъ, портнихой, она такъ громко обратилась къ ней съ вопросомъ, что мадамъ Іесперсенъ, проходившая какъ разъ въ это время мимо нихъ, могла слышать ея слова всѣ до послѣдняго:

— Вы не знаете, Минда уже пріѣхала?

— Нѣтъ, отвѣчала госпожа Ольсенъ, придавъ лицу значительное выраженіе: — нѣтъ еще. Но ее ждутъ въ самомъ скоромъ времени, потому что я должна сейчасъ идти

къ женѣ бургомистра и передѣлать ея сѣрое шелковое платье. Его надо убрать лиловыми атласными плиссе и черными блондами.

Вслѣдъ затѣмъ мадамъ Іесперсенъ отправилась къ своей подругѣ, мадамъ Петерсенъ, и разсказала ей, что — какъ она узнала изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ — Минда навѣрное пріѣдетъ на слѣдующей недѣлѣ.

Сильно также поговаривали о томъ, будто бы жена таможеннаго надзирателя хочетъ отложить празднованіе дня своего рожденія и не откроетъ своихъ »шоколадныхъ« собраній до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ Минда; но это намѣреніе осталось невыполненнымъ изъ экономическихъ разсчетовъ, такъ какъ жена таможеннаго надзирателя ежегодно, къ дню своего рожденія, получала отъ сестры изъ столицы большой сладкій пирогъ, который, къ сожалѣнію, не могъ долго стоять.

Между мужчинами Минда, разумѣется, была постояннов темою разговоровъ.

Молодежь купеческаго сословія съ завистливымъ удивленіемъ смотрѣла на кандидата богословія господина Бебеля, который составилъ мужской квартетъ, чтобы поразить Минду неожиданной серенадой.

Поручикъ Эйзенхартъ, учитель городскаго училища, былъ умышленно отстраненъ отъ участія въ квартетѣ. Однако онъ отвѣчалъ на козни своихъ соперниковъ подавляющимъ презрѣніемъ, потому что онъ зналъ, что богатыя наслѣдницы съиздавна выходятъ замужъ преимущественно за поручиковъ.

А вѣдь во всемъ городѣ одно только лицо и видѣло Минду: это — Лидія Гильдеманъ, дочь адвоката Гильдемана.

Она познакомилась съ Миндой въ столицѣ, когда гостила тамъ у своего дяди, адмирала Гильдемана, и, по возвращеніи домой, настояла на томъ, чтобы мать пригласила Минду провести у нихъ, по крайней мѣрѣ, хоть съ мѣсяцъ. Госпожа Гильдеманъ — сказать прямо — имѣла благородное намѣреніе какъ нельзя больше разозлить жену консула Самуэльсена, у которой прошлымъ лѣтомъ гостилъ молодой французъ, происходившій — какъ увѣряла госпожа Самуэльсенъ — изъ древнѣйшаго дворянскаго рода; однако злые языки города, и впереди всѣхъ — госпожа Гильдеманъ, распространяли слухъ, что иностранецъ былъ не больше и не меньше, какъ самый обыкновенный купеческій сынъ изъ Бордо.

Теперь жена адвоката могла показать ей, въ лицѣ богатой и красивой наслѣдницы, настоящую козырную даму, которой консульша не могла никоимъ образомъ убить, даже еслибы попыталась выписать изъ Франціи новаго червоннаго короля.

Госпожа Гильдеманъ и госпожа Самуэльсенъ считались, что говорится, подругами; каждая изъ нихъ порывалась занять первое мѣсто, на которое, по ихъ личному мнѣнію, каждая имѣла неоспоримое право.

Мужъ госпожи Самуэльсенъ былъ богатъ и занималъ должность купеческаго старшины, да, кромѣ того, былъ директоромъ сберегательной кассы. Но все же онъ былъ только выскочка, и ничего больше, — и ему, равно какъ и женѣ его, нехватало образованія.

Адвокатъ Гильдеманъ былъ бѣденъ, но знатнаго рода. Онъ приходился роднымъ братомъ адмиралу Гильдеману, а жена его была »урожденная« или что-то большое въ этомъ родѣ. Тѣмъ не менѣе, его положеніе въ городѣ было изъ очень скромныхъ, потому что здѣсь мало было процессовъ, и главнѣйшія средства къ жизни онъ добывалъ въ качествѣ служащаго въ сберегательной кассѣ и подчиненнаго консулу работника.

Госпожа Гильдеманъ была высокая статная женщина съ блѣднымъ аристократическимъ лицомъ, съ большимъ горбатымъ носомъ и черными волосами, ниспадавшими около ушей въ локоны. Она постоянно была одѣта въ черное платье съ пышной отдѣлкой и поношенной бахромой изъ стекляруса; свою кашемировую шаль она сама вышивала, а на ея огромномъ носу поблескивало пенсне въ золотой оправѣ.

Госпожа Самуэльсенъ была, наоборотъ, мала ростомъ и очень полна, съ лоснящимся отъ жиру лицомъ и рѣдкими волосами льняпаго цвѣта. Она любила навѣшивать на себя какъ можно больше золотыхъ украшеній и носила узкіе модные туалеты, которые, къ ея несчастію, лишь еще рѣзче и рельефнѣе выказывали ея приземистую, плотную фигуру.

Обѣ дамы посвятили свои силы благотворительности, но каждая — на свой манеръ.

Госпожа Самуэльсенъ, каждый разъ какъ представлялся случай, принимала участіе въ дѣятельности такъ называемой общественной благотворительности. Она подписывалась

на всѣхъ подписныхъ листахъ, о которыхъ говорили газеты, и съ готовностью предлагала свое имя на всѣ благотворительные базары. Однако она держалась несокрушимаго принципа — ничего не давать бѣднякамъ, которые протягивали руку за милостыней у ея дверей; также мало она заботилась и разыскивать такъ называемыхъ честныхъ бѣдняковъ, потому что ея полнота, при всемъ ея желаніи, дѣлала для нея невозможнымъ лазанье по лѣстницамъ.

Дѣятельность госпожи Гильдеманъ была, наоборотъ, болѣе частная. Она посылала цвѣты на всѣ свадьбы, вѣнки — на всѣ похороны, кушанье — ко всѣмъ родильницамъ, и съ утра до вечера бѣгала по городу, дѣлая визиты и навѣщая больныхъ. Въ рукѣ она постоянно держала большой саквояжъ изъ черной кожи съ разными ручными работами, потому что ей нужно было приготовить массу подарковъ къ святкамъ или къ днямъ рожденія...

Какъ только Минда приняла приглашеніе и дала слово пріѣхать въ теченіе лѣта, визиты госпожи Гильдеманъ значительно увеличились. Самодѣльная кашемировая шаль развѣвалась на востокѣ и на западѣ, а золотое пенсне поблескивало какъ въ квартирахъ съ улицы, такъ и въ жилищахъ на дворѣ, — но ручной работы уже не было въ черномъ саквояжѣ. Онъ былъ наполненъ Миндой, Миндой — и ничѣмъ больше, кромѣ Минды.

Госпожа Гильдеманъ выработала постоянную формулу, которою исключительно она и пользовалась во все это время. — »Я пришла къ вамъ только совсѣмъ съ коротенькимъ... я сказала бы даже — съ прощальнымъ визитомъ; теперь вы меня долго не увидите. Когда пріѣдетъ Минда, я буду страшно завалена дѣломъ«. И затѣмъ шли длинные разсказы насчетъ Минды, ея внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ, ея темныхъ глазъ, ея милой улыбки, включительно до двадцати четырехъ кусковъ кружевъ каждаго сорта.

Такимъ образомъ Минда пріобрѣла популярность...

Въ одно прекрасное августовское утро, когда произведенная Миндой горячка достигла высшей степени своего развитія, госпожа Самуэльсенъ сидѣла въ своей изящной гостинной съ книгою въ рукѣ; но она не читала ея.

Она думала. Она даже задумалась.

О какомъ нибудь базарѣ? Вѣроятно. Но въ наши дни тяжело найти серьезные, подходящіе поводы для

Дѣти идолопоклонниковъ уже вышли изъ моды, прирѣзніе бѣдныхъ казалось слишкомъ ординарнымъ, а убѣжище для благонравныхъ служанокъ — почти невозможнымъ, оелику благонравныхъ служанокъ едва ли можно встрѣтить ъ настоящее время.

Но что нибудь все же надо придумать, отчасти чтобы перекозырять госпожу Гильдеманъ, а отчасти, чтобы показать Миндѣ, что ихъ городъ, несмотря на свои незначительные размѣры, тѣмъ не менѣе не остался въ сторонѣ отъ облагораживающаго вліянія цивилизаціи.

Мечтательные взоры госпожи Самуэльсенъ бродили вокругъ комнаты, пока, наконецъ, не остановились на стеклянныхъ призмахъ люстры, сверкавшихъ въ солнечномъ свѣтѣ.

Вдругъ свѣтлая мысль пронизала ея голову. Въ очень и очень многихъ частныхъ домахъ можно встрѣтить люстры, а въ храмѣ божьемъ — нѣтъ ни одной! На этомъ основаніи до сихъ поръ никогда не могло быть и рѣчи ни о ранней и вечерней службахъ, ни о свадьбахъ при освѣщенной церкви, — а вѣдь это было бы гораздо торжественнѣе. Базаръ съ цѣлью пріобрѣтенія для церкви новой люстры — это была возвышенная и донынѣ еще никогда не практиковавшаяся идея. Госпожа Самуэльсенъ положила книгу на рабочій столикъ, какъ разъ въ ту минуту, когда въ комнату вошелъ ея сынъ.

Іосифъ Самуэльсенъ былъ недурной молодой человѣкъ съ невинными голубыми глазами и бѣлокурыми, очень свѣтлыми, волосами, надъ которыми онъ самъ и единственный парикмахеръ въ городѣ изощряли самыя невѣроятныя усилія, чтобы, по французской модѣ, начесывать ихъ на лобъ; однако всѣ ихъ старанія не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ, точно также какъ самому Іосифу не удалось придать разочарованное выраженіе своему красному круглому лицу, — хотя онъ два года провелъ въ столицѣ за ученьемъ, прежде чѣмъ вступилъ въ число служащихъ въ конторѣ своего отца.

— Гдѣ ты былъ, Іосифъ? спросила мать.

— Я встрѣтилъ Лидію Гильдеманъ, мы сдѣлали вмѣстѣ небольшую прогулку.

— Мнѣ вовсе не нравятся твои прогулки съ Лидіей.

— Но Лидія — премилая дѣвушка, и мы вѣдь даже обручились, такъ сказать, были женихомъ и невѣстой... когда мы были еще дѣтьми...

— А теперь вы оба — люди взрослые и не должны думать о такихъ ребячествахъ. Лидія вѣдь небогата, и вообще не можетъ считаться подходящей для тебя партіей.

— Но въ этомъ захолустьѣ нѣтъ больше ни одной дѣвушки, которой можно было бы сдѣлать предложеніе.

— Я уже думала объ этомъ; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что изъ тебя и Минды выйдетъ партія.

— Минда, которой я еще и въ глаза не видалъ?

— Ты ее увидишь!

— Но это еще не значитъ, что она тоже согласится выйти за меня замужъ.

— А почему нѣтъ? Ты богатъ, изъ хорошаго дома, обладаешь красивой наружностью. Если Минда пріѣдетъ — въ балахъ и вечерахъ недостатка не будетъ. Вы оба будете ежедневно встрѣчаться, и... Боже, какъ это разозлитъ госпожу Гильдеманъ! вдругъ залилась она смѣхомъ.

— Госпожу Гильдеманъ?

— Да; она, разумѣется, пригласила богатую наслѣдницу для того, чтобы почваниться своей важной знакомой; а еслибы изъ тебя и Минды составилась парочка, можно было бы на самомъ дѣлѣ сказать, что она связала розги для своей собственной...

— Гм?..

— Спины! спокойно договорила госпожа Самуэльсенъ.

Она поднялась на ноги.

— Впрочемъ, это не единственная закуска, какую я ей готовлю. Теперь я иду къ пастору Маттисену.

— Это тоже разозлитъ ее?

— И даже ужасно. У меня есть идея, которая обезсмертитъ меня въ этомъ городѣ и свяжетъ мое имя съ церковью, пока будутъ стоять ея стѣны или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы получимъ газовое освѣщеніе, — а этого мы никогда не дождемся.

— Скажи же, пожалуйста, что̀ это за великолѣпная идея?

— Имѣй терпѣнье! Одно, впрочемъ, я могу теперь же сообщить тебѣ: — недолго уже намъ остается ждать вечерней службы въ церкви.

— Мнѣ кажется, съ насъ довольно и утренней.

— Ты этого не понимаешь, сказала мать и вышла изъ комнаты.

Іосифъ неподвижно стоялъ посреди гостинной и съ изумленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ маленькой этажеркѣ, на которой стояла фотографическая карточка Лидіи Гильдеманъ въ рѣзной деревянной рамкѣ.

Онъ остановился передъ нею, засунувъ руки въ карманы брюкъ и широко разставивъ ноги, и долго смотрѣлъ на карточку.

— Бѣдная Лидія, мнѣ по совѣсти жаль ея, потому что она меня любитъ. Но нельзя же пропускать безъ вниманія такую дѣвушку, какъ Минду, т. е. — нотабене — если она меня замѣтитъ.

Онъ сѣлъ у окна и увидѣлъ въ шпіончикъ, какъ госпожа Самуэльсенъ стремглавъ летѣла вдоль улицы.

— Одно небо знаетъ, что задумываетъ мать! пробормоталъ онъ. — Но это ея дѣло.

Онъ всталъ, потянулся и зѣвнулъ.

— Загляну-ка я на минутку въ контору, — это будетъ теперь самое лучшее.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

II

Пасторъ Маттисенъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, съ лоснящимся жирнымъ лицомъ и волосами льнянаго цвѣта.

Онъ былъ поразительно похожъ на госпожу Самуэльсенъ — до такой степени, что еслибы надѣлъ модное дамское платье и золотыя серьги, то его сейчасъ же можно было бы признать за старшую сестру этой барыни. Но пасторъ Маттисенъ ходилъ не въ дамскомъ туалетѣ, а носилъ тонкій черный нарядъ съ бѣлымъ галстухомъ, какъ и подобаетъ почтенному духовному лицу, и на его мясистыхъ губахъ витала благочестивая улыбка.

Пасторъ былъ не одинъ: съ нимъ сидѣла госпожа Гильдеманъ.

Пасторъ слушалъ ее съ кроткой улыбкой и въ то же время чистилъ перламутровымъ ножичкомъ свои жирныя бѣлыя руки.

— Конечно, сударыня, я охотно приму вашу Минду въ число членовъ женскаго общества, президентомъ котораго имѣю честь быть я, недостойный. Но развѣ вы по-

лагаете, что богатая наслѣдница можетъ заинтересоваться нашей незначительной дѣятельностью?

— Во всякомъ случаѣ, она войдетъ въ нашъ кругъ съ значительнымъ денежнымъ вкладомъ.

— Она останется здѣсь слишкомъ недолго.

— Почемъ знать? Быть можетъ, кому нибудь изъ нашей молодежи удастся навсегда приковать ее къ этому городу.

Пасторъ, улыбаясь, покачалъ головою

— Господинъ пасторъ, вотъ была бы, въ концѣ концовъ, жена для васъ!

У госпожи Гильдеманъ, къ несчастію, не было сыновей но такъ какъ она была женщина доброй души, то предлагала руку Минды всѣмъ холостымъ мужчинамъ, которые попадались ей на встрѣчу.

— Какъ вы могли представить себѣ что нибудь подобное, милѣйшая госпожа Гильдеманъ! Она выберетъ себѣ другаго мужа — не бѣднаго священника, живущаго только ради своихъ обязанностей, — хотя я часто... охотно сознаюсь въ этомъ... думалъ о томъ, что еслибы я женился, то моя жена должна была бы принести мнѣ и кое-какія средства — единственно для того, чтобы я былъ въ силахъ лучше поддерживать бѣдняковъ моего прихода...

— Какъ отрадно слушать такія рѣчи! промолвила тронутая госпожа Гильдеманъ. — Еслибы всѣ мужчины думали также, какъ вы!

Послышался стукъ въ дверь.

Вошла госпожа Самуэльсенъ.

— Здравствуйте, господинъ пасторъ! здравствуйте, милѣйшая госпожа Гильдеманъ! Какъ восхитительно, что я застала васъ здѣсь. Я пришла именно по одному дѣлу, которое касается всѣхъ насъ.

— Садитесь, любезная госпожа Самуэльсенъ!

— Очень вамъ благодарна. Знаете, у меня есть идея.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Идея для базара!

— Ахъ!

— Вамъ нечего смотрѣть такъ презрительно, сверху внизъ, госпожа Гильдеманъ. Этотъ базаръ возбудитъ изумленіе по всей странѣ.

— Можетъ ли это быть!

— Позволите спросить?...

— Такъ какъ *я* первая дала идею, то я хочу также имѣть и честь быть предсѣдательницею комитета, а господинъ пасторъ и госпожа Гильдеманъ, само собою разумѣется, будутъ собирать подписку.

— Этой чести никто отъ васъ не отнимаетъ, госпожа Самуэльсенъ, возразила госпожа Гильдеманъ.

— А цѣль? спросилъ пасторъ.

— Мы устранимъ важный и глубокоощущаемый недостатокъ, сказала госпожа Самуэльсенъ важнымъ тономъ. — Я предлагаю, чтобы прибыль отъ базара была употреблена на покупку колоссальной люстры для городской церкви.

Пасторъ опустилъ голову и углубился въ размышленія, Обѣ дамы сидѣли молча, полныя ожиданія.

Пасторъ поднялъ свое лицо и сказалъ;

— Госпожа Самуэльсенъ, ваша идея прекрасна, она очень возвышенна, и все таки... я долженъ съ грустью сказать это... она невыполнима.

— Невыполнима?

— Вслѣдствіе различныхъ соображеній, подтвердила госпожа Гильдеманъ.

— А именно?..

— Во-первыхъ: какой мы возьмемъ освѣтительный матеріалъ? Быть можетъ, керосиновыя лампы? Я не могу представить себѣ керосиновыхъ лампъ — въ церкви!

— Это было бы чистѣйшимъ кощунствомъ! замѣтила госпожа Гильдеманъ, оскорбленная въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ.

— Или стеариновыя свѣчи? Онѣ слишкомъ дороги, любезная госпожа Самуэльсенъ, и кромѣ того... онѣ отекаютъ. Молящихся будетъ смущать это обстоятельство, и платье ихъ можетъ быть испорчено стеариновыми пятнами.

— Я низачто въ жизни не соглашусь, чтобы стеаринъ испортилъ мою черную кашемировую шаль, съ гнѣвомъ вскрикнула госпожа Гильдеманъ. — Я работала надъ ней два мѣсяца сплошкомъ.

Пасторъ говорилъ съ жаромъ; жестикулируя своими влажными бѣлыми руками, словно стоя на каѳедрѣ, онъ продолжалъ:

— Далѣе... кто привѣситъ эту люстру, кто будетъ зажигать ее? Быть можетъ, это будетъ стоить жизни того или

другаго, ни въ чемъ неповиннаго, подмастерья или церковнаго служителя. Но все это ничего бы не значило, если бы у меня не было еще одного довода, самого важнаго довода.

— Именно?

— Я... я не изъ самыхъ сильныхъ.

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, вы не изъ самыхъ сильныхъ, съ участіемъ промолвила госпожа Гильдеманъ.

— Мои доходы слишкомъ незначительны, чтобы я былъ въ состояніи держать помощника; мнѣ было бы невозможно проповѣдывать дважды въ сутки. И передъ кѣмъ же? — передъ нѣсколькими старухами изъ богадѣльни... Больше никто не ходитъ на вечернія службы.

Госпожа Гильдеманъ съ огорченіемъ покачала головою.

— Послѣ обѣда въ воскресенье — единственное для меня время отдыха; тогда докторъ, полицеймейстеръ, сборщикъ таможенныхъ пошлинъ и я играемъ въ самый невинный вистъ по маленькой... выигрышъ поступаетъ въ кружку для бѣдныхъ... а если церковь будетъ освѣщена...

— То ваша партія виста пропадетъ. О, да, я понимаю! сердито сказала госпожа Самуэльсенъ и поднялась на ноги.

— Прошу васъ, сударыня, не придавать моимъ словамъ ложнаго значенія.

— О, нѣтъ, я вполнѣ понимаю ваши соображенія. О моемъ предложеніи, конечно, больше и рѣчи быть не можетъ. Прощайте, господинъ пасторъ! Прощайте, госпожа Гильдеманъ! воскликнула госпожа Самуэльсенъ и, побагровѣвъ отъ бѣшенства, выбѣжала за двери.

— Какъ вѣдь люди могутъ быть безтактны и опрометчивы! сказала госпожа Гильдеманъ, какъ только вторая дама вышла.

— Надо терпѣть, если насъ не хотятъ понимать въ этомъ мірѣ.

— Но вы можете утѣшаться мыслью, что, тѣмъ не менѣе, есть небольшой кругъ лицъ, которые понимаютъ и цѣнятъ васъ, господинъ пасторъ, сказала дама и стала собираться домой.

— Благодарю васъ за доброе слово!

— Прощайте, господинъ пасторъ!

— Прощайте, госпожа Гильдеманъ!

Пасторъ Маттисенъ нѣжно положилъ на ея руку — свою. Онъ никогда и никому не жалъ руки, а только слегка ка-

сался своими влажными мягкими пальцами, такъ что при этомъ являлось ощущеніе, будто бы вы дотронулись до мокрой губки.

Еще поклонъ и улыбка съ обѣихъ сторонъ. Пасторъ оставался на лѣстницѣ до тѣхъ поръ, пока самодѣльная кашемировая шаль не исчезла за угломъ улицы....

Когда госпожа Самуэльсенъ вернулась домой, ея мужъ и сынъ сидѣли въ гостинной. Консулъ былъ маленькій толстый господинъ съ гладкимъ чернымъ парикомъ и пробивающеюся сѣдиною въ черныхъ бакенбардахъ.

— Ну, мать, улыбаясь, спросилъ консулъ: — какіе ты тамъ придумала грандіозные планы? Іосифъ говоритъ, что ты хочешь произвести реформу въ церкви?

— Ахъ, къ чему ведутъ самые лучшіе планы въ этой жалкой деревнѣ, если имѣешь дѣло съ людьми въ родѣ пастора Маттисена, идіота, и невыносимой госпожи Гильдеманъ, которая постоянно поддакиваетъ ему.

— Скажи же, что ты собственно выдумала?

— Ничего! Одно скажу я тебѣ, Самуэльсенъ: ты будешь не мужъ, если завтра, въ банкѣ, не устроишь непріятности адвокату Гильдеману...

— Онъ разсердилъ тебя?

— Не онъ, но она... его жена. Она оскорбляетъ меня, когда и гдѣ только можетъ, — и потому нужно дать почувствовать ея мужу, что ты имѣешь силу отказать ему отъ службы, когда тебѣ заблагоразсудится. Это поуспокоитъ ея надменность!

— Но я не понимаю тебя...

— Вотъ это-то и несчастіе, что ты иногда ничего не понимаешь.

— Ты въ самомъ дѣлѣ желаешь, чтобы я отказалъ адвокату отъ службы въ банкѣ?

— Такъ что-жъ такое?

— Но если я такъ сдѣлаю — мы поссоримся съ Гильдеманами.

— Такъ что-жъ такое!

— Матушка, вставилъ свое слово Іосифъ: — тогда вѣдь — прощай и все наше старое знакомство съ ними?

— Такъ что-жъ такое!

— Это было бы скверно!

— Для тебя — да, потому что ты тогда не могъ бы больше встрѣчаться съ Лидіей.

— И съ Миндой также, а вѣдь ты хочешь, чтобы я женился на ней.

— Теперь ужъ онъ женится на Миндѣ?

— Мы такъ только, слегка поговорили объ этомъ.

— Я не понимаю... Минда же вѣдь даже и не пріѣхала еще!

— Но она пріѣдетъ. Ты правъ, Іосифъ, самое благоразумное будетъ — подождать рвать отношенія съ Гильдеманами, пока сюда не пріѣдетъ Минда, и до тѣхъ поръ покориться обстоятельствамъ. Теперь ты не долженъ ссориться съ адвокатомъ, Самуэльсенъ. Однако было бы недурно, еслибы ты какъ нибудь потоньше далъ ему замѣтить, что съ нимъ можетъ случиться нѣчто скверное, если онъ будетъ черезчуръ важничать.

— Но я ничего не понимаю!

— И не надо. Зато я достаточно понимаю за насъ обоихъ, — ну, баста!

III

Весь городъ былъ въ волненіи. Словно бѣглый огонь, облетѣла его вѣсть, что сюда прибудетъ король и проведетъ здѣсь двадцать минутъ, такъ какъ »его величество имѣетъ намѣреніе проѣхать по новой желѣзнодорожной линіи и, въ продолженіе своего краткаго пребыванія на вокзалѣ, изволитъ принять легкую закуску«.

Минда на это время совсѣмъ отошла въ сторону, никто больше не вспоминалъ о ней. Всѣ были воодушевлены желаніемъ устроить его величеству возможно торжественнѣйшую встрѣчу. Квартетъ въ честь Минды, устроенный кандидатомъ Бебелемъ, соединившись съ пѣвческимъ хоромъ молодаго купечества, не только пригласилъ своимъ почетнымъ членомъ поручика Эйзенхарта, но еще былъ ревностно занятъ разучиваніемъ мелодіи: »Боже, благослови короля!«

Консулъ Самуэльсенъ, въ качествѣ купеческаго старшины, долженъ былъ держать привѣтственную рѣчь, вслѣдствіе чего онъ заперся въ своей конторѣ и безъ всякаго успѣха исписалъ нѣсколько стопъ почтовой бумаги.

Госпожи Самуэльсенъ и Гильдеманъ, въ сообществѣ со множествомъ другихъ дамъ изъ аристократіи, образовали

комитетъ для устройства торжественной встрѣчи; и когда госпожа Гильдеманъ уходила изъ его засѣданій, ея золотое пенсне и черную кашемировую шаль можно было увидѣть въ хижинахъ рабочихъ, гдѣ она старалась скупить комнатные цвѣты для вѣнковъ.

Цирульникъ, жившій когда-то въ столицѣ и научившійся тамъ причесыванію дамъ, получилъ головоломное количество заказовъ къ дню торжества, а несчастная госпожа Ольсенъ шила до потери сознанія, — между тѣмъ какъ жена бургомистра — постоянно страдавшая предчувствіями — видѣла внушеніе свыше въ томъ, что она во-время распорядилась передѣлать свое сѣрое платье и убрать его лиловымъ атласнымъ плиссе и черными блондами.

Комитетъ встрѣчи и дамскій комитетъ засѣдали вмѣстѣ въ столовой консула Самуэльсена. Самъ консулъ предсѣдательствовалъ за однимъ концомъ обѣденнаго стола, а Іосифъ, выбранный секретаремъ, сидѣлъ рядомъ съ нимъ передъ цѣлой дестью писчей бумаги.

Слово было за госпожой Гильдеманъ. Всѣ единодушно согласились убрать вокзалъ гирляндами цвѣтовъ и шведскими и норвежскими флагами.

Купецъ Стримлеръ нашелъ, что гораздо красивѣе было бы сдѣлать всюду драпировки, и позволилъ себѣ предложить для этой цѣли порядочный остатокъ краснаго каленкора: онъ охотно готовъ былъ уступить его комитету по покупной цѣнѣ.

Адвокатъ Гильдеманъ нашелъ, что флаги и знамена будутъ имѣть болѣе патріотическій и болѣе національный видъ.

Сборщикъ податей зналъ многихъ судовщиковъ. Онъ легко могъ бы достать у нихъ заимообразно флаговъ и вымпеловъ, такъ что господинъ Стримлеръ можетъ приберечь свой красный каленкоръ до другаго случая.

Госпожа Самуэльсенъ предоставила для торжества двѣ кадки олеандровъ, каковое предложеніе было принято комитетомъ съ большою благодарностью.

Госпожа Гильдеманъ замѣтила, что такъ какъ теперь всѣ пришли къ соглашенію относительно вопроса объ убранствѣ вокзала, то пора бы уже приступить къ обсужденію и самого торжества встрѣчи.

Адвокатъ Гильдеманъ хорошо зналъ всѣ порядки во многихъ подобныхъ же случаяхъ, а его братъ адмиралъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ также далъ по этому поводу нѣ-

сколько дѣльныхъ совѣтовъ. Комитетъ долженъ встрѣтить его величество на дебаркадерѣ, затѣмъ предсѣдатель скажетъ рѣчи, а въ заключеніе пѣвческій хоръ пропоетъ написанный господиномъ пасторомъ привѣтственный гимнъ.

Пасторъ Маттисенъ скромно опустилъ внизъ глаза и потеръ свои влажныя губки.

Сборщикъ податей замѣтилъ, что все хорошее никогда не будетъ черезъ мѣру.

Адвокатъ Гильдеманъ, съ разрѣшенія собранія, продолжалъ развивать устройство встрѣчи. Когда хоръ пропоетъ привѣтственную пѣсню, его величество слѣдуетъ провести въ залу, гдѣ будутъ представлены ему дамы и предложены прохладительныя, въ видѣ шампанскаго, льду и мелкаго печенья.

Госпожа Гильдеманъ позволила себѣ сдѣлать предложеніе, чтобы при отъѣздѣ его величества молодыя дамы города, въ бѣлыхъ платьяхъ, выстроились на дебаркадерѣ съ цвѣтами въ рукахъ и открыли залпъ по королевскому вагону.

Сборщикъ податей спросилъ, не нужны ли пушки для бомбардировки?

Госпожа Гильдеманъ поставлена была въ необходимость просить сборщика податей — быть серьезнымъ, бросить свои обыкновенныя остроты и позволить ей говорить дальше. Она хотѣла сказать, что молодыя дамы, въ бѣлыхъ платьяхъ, станутъ на дебаркадерѣ и будутъ бросать цвѣты въ королевское купе.

Жена доктора позволила себѣ спросить, будутъ ли дамы въ закрытыхъ платьяхъ или въ вырѣзныхъ.

Госпожа Гильдеманъ рѣшительно высказалась за вырѣзныя.

Докторша рѣшительно высказалась за закрытыя. Жена бургомистра присоединилась къ мнѣнію госпожи Гильдеманъ. Она нашла даже положительно противоестественнымъ, чтобы молодыя дѣвушки прятали свои красивыя шеи, — не говоря уже о жарѣ.

Консулъ Самуэльсенъ ничего не понималъ.

Докторша, напротивъ того, очень хорошо понимала, что жена бургомистра и въ данномъ случаѣ, какъ и много разъ до того, имѣла намѣреніе оскорбить ее. Она позволила себѣ только замѣтить, что она вовсе невиновата, если у ея дочери Жозефины — золотушные шрамы на шеѣ.

Жена бургомистра поклялась всѣми святыми, будто она и понятія не имѣла, что дочь доктора страдаетъ золотухой.

Госпожа Гильдеманъ для улаженія дѣла предложила слѣдующее: Жозефина можетъ надѣть на шею широкую черную бархатную ленту и нитку жемчуговъ.

Предсѣдатель нашелъ, что дамы слишкомъ далеко углубились въ детали.

Въ это мгновеніе Лидія Гильдеманъ просунула голову черезъ двери. Она хотѣла передать матери что-то очень важное.

Госпожа Гильдеманъ попросила извиненія и вышла изъ комнаты.

— Мама, я только что получила телеграмму отъ Минды. Она пріѣдетъ въ тотъ же день, какъ и король.

Госпожа Гильдеманъ прочла:

»Я пріѣду въ понедѣльникъ, съ вечернимъ поѣздомъ; будь на вокзалѣ. Минда«.

Это было глупо. Если Минда пріѣдетъ вечеромъ, она не увидитъ всего этого великолѣпія: вѣдь король отъѣзжаетъ уже въ половинѣ втораго.

— Но какъ ты думаешь, мама, не будетъ ли кстати устроить балъ или что нибудь въ этомъ родѣ? Вѣдь не можемъ же мы разойтись такъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разъ ужъ мы будемъ въ туалетахъ и въ праздничномъ настроеніи.

— Ты права, дитя мое. Мнѣ пришла теперь въ голову идея, чудесная идея, но высказать ее долженъ Гильдеманъ. Это ему дастъ популярность. А пока — прощай, дочурка. Меня ждутъ въ собраніи. Скажи кухаркѣ, что сегодня ей не придется готовить обѣда, такъ какъ мы, вѣроятно, вернемся домой поздно и обойдемся одними бутербродами.

Между тѣмъ собраніе воспользовалось отсутствіемъ госпожи Гильдеманъ, чтобы сдѣлать короткій перерывъ, во время котораго госпожа Самуэльсенъ распорядилась подать дамамъ шоколадъ и домашнее печенье, а мужчинамъ — хересъ.

Госпожа Гильдеманъ нѣсколько минутъ шопотомъ бесѣдовала со своимъ мужемъ, и адвокатъ утвердительно кивнулъ головою.

Когда всѣ опять заняли свои мѣста, адвокатъ попросилъ слова и началъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, надо думать, что этотъ день сдѣлается истиннымъ праздникомъ, долго памятнымъ для нашего города. Всѣ лавки будутъ закрыты, всѣ работы будутъ распущены. Но лишь немногіе избранные будутъ наслаждаться настоящимъ праздникомъ. Громадное большинство населенія останется непричастнымъ ему. Не обязаны ли мы подумать и о большинствѣ населенія, о народѣ?

Консулъ Самуэльсенъ ничего не понималъ.

— Я предложилъ бы, чтобы вечеромъ было устроено въ паркѣ народное гулянье, на которое могли бы явиться всѣ жители нашего города и гдѣ рабочіе классы и мѣщане могли бы слиться въ веселыхъ танцахъ съ цвѣтомъ нашей городской аристократіи.

Пасторъ Маттисенъ нашелъ, что нужныя на это деньги лучше было бы употребить на пропитаніе бѣдныхъ.

Жена бургомистра выразила опасеніе, что такое гулянье легко можетъ перейти въ драку. Въ послѣднюю ночь она видѣла во снѣ, что у доктора — синякъ вокругъ глаза, а это ничего добраго не предвѣщаетъ.

Докторша тотчасъ же просила избавить ее отъ подобныхъ оскорбленій. Она уже много лѣтъ видитъ бургомистра съ багровымъ носомъ, но никогда не позволяла себѣ никакихъ замѣчаній по этому поводу. Она вынуждена просить предсѣдателя, чтобы тотъ призвалъ къ порядку жену бургомистра.

Консулъ Самуэльсенъ ничего не понималъ.

Сборщикъ податей внесъ предложеніе не отклоняться отъ дѣла. Это было принято къ свѣдѣнію, и дебаты велись довольно оживленно. Бѣльшинство голосовъ было противъ народнаго гулянья, пока не попросила слова госпожа Гильдеманъ.

— Я вступаюсь не потому, что это предложеніе сдѣлалъ мой мужъ, сказала она: — нѣтъ, я сама нахожу такую мысль прекрасной и какъ нельзя болѣе подходящей къ случаю. Мы постоянно жалуемся, что низшіе классы невоспитаны и необразованы. Мнѣ кажется, мы получили бы наилучшую возможность повліять на нихъ, еслибы они хоть разъ имѣли случай увидѣть, какъ образецъ, наше обращеніе и наши обычаи. На этомъ самомъ основаніи во всемъ свѣтѣ устраиваются народныя гулянья. Кромѣ того, я была бы

очень рада, еслибы наша подруга Минда, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, увидѣла, что и мы слѣдуемъ современнымъ теченіямъ культуры.

— Минда? пріѣдетъ Минда?

— Она пріѣдетъ, но, къ сожалѣнію, только съ вечернимъ поѣздомъ. Правда, посѣщеніе короля отъ нея уйдетъ, — зато она можетъ принять участіе въ народномъ гуляньѣ.

Жена бургомистра давно уже предчувствовала, что Минда также пріѣдетъ, разъ пріѣдетъ король.

Кандидатъ Бебель, послѣ обстоятельнаго обсужденія дѣла, нашелъ, что прекрасный, полный настроенія торжественный гимнъ пастора Маттисена должны услышать по возможности всѣ жители города, и — въ качествѣ дирижера пѣвческаго общества — испросилъ разрѣшеніе исполнить его вторично на народномъ гуляньѣ.

Пасторъ съ чувствомъ сунулъ въ руку кандидату свою мокрую губку.

Госпожа Самуэльсенъ и многія другія дамы также нашли, что гулянье даетъ имъ удобный случай поразить Минду своими блестящими туалетами и въ то же время показать себя изумленнымъ обывателямъ въ полномъ своемъ блескѣ.

Консулъ Самуэльсенъ ничего не понималъ, какъ собственно будетъ организовано гулянье, — но адвокатъ обѣщалъ ему позаботиться обо всемъ.

При голосованіи было рѣшено единогласно, что народное гулянье должно состояться.

На слѣдующій день въ мѣстномъ листкѣ былъ напечатанъ рефератъ засѣданія.

Статья заканчивалась восхваленіемъ адвоката Гильдемана, который, со своимъ извѣстнымъ открытымъ взглядомъ и горячимъ участіемъ къ меньшому брату, взялъ на себя инициативу народнаго гулянья, чтобы никто въ этотъ радостный день не чувствовалъ себя обиженнымъ и обойденнымъ.

Госпожа Самуэльсенъ утверждала, что этотъ отчетъ сочинила сама госпожа Гильдеманъ, но такую догадку могла внушить ей, конечно, одна только зависть.

IV

Наступилъ день великаго торжества. Августовское солнце свѣтило мягко и тепло, и въ воздухѣ царила такая торже-

ственная тишина, что путники, проѣзжавшіе чрезъ горо съ любопытствомъ спрашивали, нѣтъ ли представленія в звѣринцѣ или какой нибудь казни?

Разодѣтые по праздничному прикащики бродили по у цамъ взадъ и впередъ, заломивъ на бекрень шапки, съ т кими тросточками въ рукахъ; молодыя мѣщаночки сид у своихъ оконъ, за чисто вымытыми занавѣсями, въ св лыхъ платьяхъ съ разными бантиками, а у дверей стоя рабочіе въ чистомъ бѣльѣ, съ трубкою во рту, и болта съ сосѣдями; ребятишки ходили, широко растопыривъ рук чтобы не испортить своихъ свѣже-выглаженныхъ платьев

На вокзалѣ царила настоящая путаница. Укрѣпля гардины и флаги, устилали ковры и разставляли кадки с цвѣтами.

Сборщикъ податей, при содѣйствіи сѣдельника и нѣскол кихъ столяровъ, взялъ на себя обязанности декоратора, а купецъ Стримлеръ въ то же время презрительными взгля дами окидывалъ развѣвающіеся надъ подъѣздомъ флаги, с грустью думая о своемъ красномъ каленкорѣ.

Дамы комитета, въ утреннихъ платьяхъ, покрывъ из предосторожности причесанныя головы платками, приходил и уходили, принося и раскладывая на блюдахъ фрукты и печенья; имъ помогали два надменныхъ лакея, спеціальн для этого торжества выписанные изъ столицы. Подъ откры тымъ небомъ, у дверей, стояла, тѣснясь и толкаясь, толпа служанокъ: — онѣ принесли сюда необходимое количество стакановъ для вина и теперь, широко раскрывъ глаза, осматривали убранство вокзала и благоговѣйно прислу шивались къ звукамъ гимна: »Боже, спаси короля«, кото рые отчасти доносились сюда изъ залы третьяго класса, гдѣ кандидатъ Бебель дѣлалъ репетицію своему хору.

Теперь дамы исчезли, чтобы сдѣлать себѣ туалеты. Нѣ сколько рабочихъ вымели пыль и обрѣзки цвѣтовъ, другіе разостлали на дебаркадерѣ послѣдніе ковры, а два лакея, выписанные изъ столицы, важно ходили взадъ и впередъ и дѣлали видъ, будто они что-то дѣлаютъ. А затѣмъ, когда стало приближаться время, къ вокзалу потекли все болѣе и болѣе густыя толпы народа, какъ участвующіе, такъ и не участвующіе въ торжествѣ.

Счастливцы избранные проходили въ вокзалъ, менѣе счастливые оставались на улицѣ, чтобы уловить хоть от-

блескъ всего этого великолѣпія. Въ залѣ перваго класса собрался цвѣтъ городской аристократіи, какъ прекрасно выразился адвокатъ Гильдеманъ.

Пасторъ Маттисенъ, еще не натянувшій своихъ бѣлыхъ перчатокъ, шагалъ взадъ и впередъ съ обязательной улыбкой на губахъ и совалъ въ пальцы присутствующимъ свои мокрыя губки; а консулъ Самуэльсенъ, стоя въ уголку, перечитывалъ свою рѣчь, которую онъ переписалъ начисто и спряталъ въ шляпѣ. Онъ зналъ ее наизустъ, но все таки считалъ необходимымъ перечитывать ее еще и еще разъ, чтобы быть увѣреннымъ, что ничего не забудетъ, — потому что рѣчь эта была написана не имъ самимъ, а его другомъ, полицеймейстеромъ.

Дамы толпились вокругъ госпожъ Гильдеманъ и Самуэльсенъ.

На госпожѣ Самуэльсенъ былъ надѣтъ туалетъ изъ желтаго и синяго атласа, и въ немъ она очень походила на воздушный шаръ изъ шведскихъ національныхъ цвѣтовъ.

Госпожа Гильдеманъ имѣла въ высшей степени аристократическій видъ въ своемъ черномъ платьѣ moirée antique, — которое появлялось на свѣтъ божій только въ особо-торжественныхъ случаяхъ, — а прическу ея украшала наколка изъ черныхъ перьевъ съ яркокрасными розами.

Молодыя дамы образовали одну оживленную группу бѣлаго тюля и болѣе или менѣе бѣлыхъ бюстовъ; несчастная дочь доктора одѣла вокругъ шеи большое цыганское ожерелье изъ позолоченныхъ монетъ, за которымъ ея золотушные шрамы почти были незамѣтны.

Въ обществѣ вдругъ обнаружилось безпокойство, началось движеніе. Купечество и пѣвческій хоръ стали на своихъ мѣстахъ. Насталъ великій моментъ.

Пробило часъ, и королевскій поѣздъ подлетѣлъ къ дебаркадеру.

Консулъ Самуэльсенъ сказалъ рѣчь полицеймейстера, а хоръ пропѣлъ сочиненіе пастора Матисена.

Ряды дамъ сплотились, словно тростникъ, колеблемый вѣтромъ, когда въ залѣ появилась красивая величественная фигура, подобно Саулу, на цѣлую голову возвышавшаяся надъ рядами публики; обаятельная улыбка играла на губахъ короля, и онъ ласково кланялся во всѣ стороны.

Консулъ Самуэльсенъ имѣлъ счастіе стоять непосред-

ственно рядомъ съ его величествомъ, пока шло представ-
ніе автора торжественнаго гимна и почетныхъ лицъ го-

Молодыя дамы дѣлили свое вниманіе между королем
придворными кавалерами, которые производили впечатл
чрезвычайно воспитанныхъ людей, несмотря на то, что
романахъ и комедіяхъ камергеры и — особенно — кам
юнкеры всегда изображаются мошенниками и въ кон
погибшимй людьми.

Королъ обернулся къ дамамъ, и его взглядъ упалъ
стройную фигуру госпожи Гильдеманъ.

— Кто это высокая дама въ черномъ?

Консулъ представилъ ее.

— А, Гильдеманъ! Родня адмиралу Гильдеману?

— Онъ мой деверь, ваше величество!

— Выдающійся, превосходный человѣкъ. Вамъ нравит
здѣсь, въ городѣ?

— Чрезвычайно, ваше величество.

Госпожа Самуэльсенъ, переваливаясь, какъ утка, по
шла къ своему мужу и шепнула ему:

— Представь меня!

— Сейчасъ, моя дорогая, сейчасъ!

— Большой этотъ городъ? продолжалъ свои разспрос
король.

— Довольно большой, ваше величество.

— Сколько жителей?

Госпожа Гильдеманъ всегда была слаба въ географ
Однако она не потеряла мужества и отвѣтила:

— Такъ... между восемью и десятью тысячами.

— Едва двѣ тысячи! съ ужасомъ прошепталъ канди
датъ Бебель.

— Неужели онъ дѣйствительно такой большой? пер
спросилъ король. — Съ вокзала онъ вовсе не производит
такого впечатлѣнія.

— Онъ довольно далеко протянулся въ томъ направле
ніи, ваше величество, возразила госпожа Гильдеманъ и ука
зала движеніемъ руки на уборную комнату для дамъ.

— Представь меня! шептала госпожа Самуэльсенъ.

— Какъ бы то ни было, въ вашемъ городѣ много мо
лодыхъ красавицъ, галантно промолвилъ король. — Въ этомъ
очаровательномъ букетѣ есть и ваши дочери?

— Одна, ваше величество, сказала госпожа Гильдеманъ

сдѣлала знакъ Лидіи, которая подошла ближе, вся заливая румянцемъ.

— Какіе у васъ чудные цвѣты, сударыня! Можетъ быть, я смѣю льстить себя надеждой, что они предназначены для меня?

— Точно такъ, ваше величество, мы хотѣли потомъ бросить ихъ въ купе.

— Я предпочту взять ихъ изъ вашихъ рукъ, любезно промолвилъ король.

Покраснѣвъ отъ гордости и застѣнчивости, Лидія, съ низкимъ поклономъ, протянула ему букетъ.

— Представь меня! шипѣла госпожа Самуэльсенъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ не понимаю...

Король обернулся къ своей свитѣ.

— Господа, къ сожалѣнію, время не терпитъ, мы должны ѣхать.

Онъ простился съ стоявшими ближе къ нему и, раскланиваясь во всѣ стороны, съ обаятельной улыбкой на губахъ, прошелъ къ своему вагону.

Вскорѣ затѣмъ королевскій поѣздъ умчался отъ вокзала, подъ цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ и при оглушительно-радостныхъ крикахъ »ура!«

Госпожа Самуэльсенъ, уничтоженная, упала на скамью. Ни одного взгляда королевскихъ очей не упало на ея полосатое желто-синее шелковое платье. Волнующаяся грудь ея угрожала разорвать воздушный шаръ, и она бросала ядовитые взоры на госпожу Гильдеманъ, которая, какъ героиня дня, была окружена дамами.

— Самуэльсенъ, шептала она: — когда будетъ въ банкѣ засѣданіе директоровъ?

— На слѣдующей недѣлѣ.

— Ты позаботишься о томъ, чтобы адвокату Гильдеману было отказано отъ мѣста.

— Но я ничего не понимаю...

— Да, ты никогда не понимаешь меня, въ этомъ и заключается все несчастіе. Но одно я заставлю тебя понять: если ты не позаботишься о томъ, чтобы адвокату отказали отъ мѣста, — я потребую развода! Да, непремѣнно! Можешь дѣлать какой угодно глупый видъ, Самуэльсенъ, я стою на этомъ, — я потребую развода, если ты не отомстишь за меня госпожѣ Гильдеманъ... Ну, пойдемъ!... Гдѣ Іосифъ?

Іосифъ былъ углубленъ въ горячую бесѣду съ Лидіей Гильдеманъ.

— Іосифъ!

— Сейчасъ, мамаша, я иду!

Все семейство поспѣшило къ выходу, гдѣ они встрѣтились съ Гильдеманами.

— Мы можемъ себя поздравить, сказала госпожа Гильдеманъ. — Не было сдѣлано ни одной ошибки.

— Ни одной! съ бѣшенствомъ отвѣчала госпожа Самуэльсенъ.

— Я должна спѣшить, продолжала госпожа Гильдеманъ. — Работы у меня еще много, потому что Минда пріѣзжаетъ въ восемь часовъ, а я пока положительно не знаю, какъ ее пристроить. У меня домъ полонъ гостей пріѣхавшихъ изъ окрестностей города, чтобы взглянуть на короля и присутствовать на народномъ гуляньѣ. Мнѣ непріятно, что Минда получитъ плохое представленіе о нашей домашней обстановкѣ, если попадетъ въ такой содомъ. Завтра всѣ мои гости опять разъѣдутся по домамъ.

— Любезнѣйшая госпожа Гильдеманъ, сказала госпожа Самуэльсенъ съ самой обязательной своей улыбкой: — вѣдь дѣло это очень легко устроить! Наша комната для пріѣзжихъ стоитъ пустая, и если Минда согласится — она можетъ провести эту ночь у насъ. Мы вмѣстѣ встрѣтимъ ее на вокзалѣ и привеземъ въ нашъ домъ, чтобы дать ей возможность переодѣться къ празднику. Завтра, когда все войдетъ у васъ въ обычную колею, она переѣдетъ къ вамъ.

— Госпожа Самуэльсенъ, вы — ангелъ! Я съ большой благодарностью принимаю ваше любезное предложеніе. Будьте же здоровы — до свиданія, и еще разъ — тысячу благодарностей!

— Бросьте, что за благодарности изъ-за такихъ пустяковъ!

Изумленный консулъ предложилъ руку своей супругѣ и сказалъ:

— Но я не понимаю...

— Господи Боже, Самуэльсенъ, ты все еще ничего не понимаешь? Часъ мести пробьетъ уже сегодня, въ восемь часовъ вечера. Минда поѣдетъ съ нами, — и ты можешь быть спокоенъ, я въ такомъ свѣтѣ представлю ей все семейство Гильдемановъ, что она больше ни ногой къ нимъ.

А когда Іосифъ и Минда съиграютъ свадьбу, и адвокату нечѣмъ будетъ жить, — посмотримъ, будетъ ли его жена и тогда такъ высокомѣрно носить свое позолоченное пенсне, какъ сегодня... Но гдѣ же Іосифъ?

Іосифъ все еще стоялъ рядомъ съ Лидіей.

— Іосифъ!

— Иду, иду! крикнулъ онъ и торопливо подошелъ къ родителямъ.

— Іосифъ, я тебѣ запрещаю говорить съ Лидіей!

— Но она слишкомъ хороша, мамаша! Развѣ она не была восхитительна, когда подавала королю букетъ? Я готовъ былъ расцѣловать ее!

— Ты также глупъ, какъ и твой отецъ, сказала госпожа Самуэльсенъ.

Въ вокзалѣ оставались еще отдѣльныя группы, погруженныя въ горячіе разговоры. Мужчины пили остатки шампанскаго, а предусмотрительныя матери разсовывали по карманамъ печенье для своихъ дѣтей.

Однако и они разошлись мало по малу, каждый въ свою сторону, и наконецъ въ вокзалѣ остались только двое надутыхъ лакеевъ изъ столицы, которые, съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія къ человѣчеству на лицѣ, ходили изъ угла въ уголъ, перемывая стаканы и убирая со столовъ.

V

Пятеро музыкантовъ изо всѣхъ силъ жарили на духовыхъ инструментовъ, на трибунѣ въ паркѣ, передъ которой былъ устроенъ большой досчатый помостъ для танцевъ.

Смѣющіяся мѣщаночки, также пышущія здоровьемъ, какъ платье ихъ — крахмаломъ, расхаживали взадъ и впередъ, довольныя комплиментами вертѣвшихся около нихъ молодыхъ прикащиковъ. Матери длинными рядами сидѣли на скамьяхъ, занятыя городскими сплетнями, а отцы стояли около буфетовъ и пропускали по рюмочкѣ по поводу радостнаго дня. Было еще слишкомъ свѣтло, чтобы зажигать разноцвѣтныя лампочки, и танцы также еще не начинались. Не явилось еще ни одной души изъ аристократіи, которая въ довольно значительномъ количествѣ отправилась теперь на вокзалъ, чтобы встрѣтить Минду.

Поѣздъ долженъ былъ придти каждую секунду, и общее

напряженіе было почти также велико, какъ и утромъ, ког
ждали пріѣзда его величества.

Госпожи Самуэльсенъ и Гильдеманъ стояли рука
руку, какъ самыя преданныя подруги, — а Іосифъ, как
и прежде, плѣненный одною Лидіей, повидимому, до сих
поръ не потерялъ охоты — расцѣловать ее.

Пасторъ Маттисенъ съ благосклонной улыбкой объясня
кандидату Бебелю и сборщику податей нѣсколько темных
мѣстъ въ своемъ торжественномъ гимнѣ, а въ нѣскольких
шагахъ отъ этой группы стоялъ поручикъ Эйзенхартъ, в
изысканно обворожительной позѣ опершись о свою сабл
Онъ удивительно хорошъ былъ въ своемъ парадномъ мун-
дирѣ и ждалъ отъ своихъ остроконечныхъ закрученных
усовъ неотразимаго дѣйствія.

Неконецъ послышался свистокъ локомотива, и наступил
тотъ великій моментъ, когда Минда, — такъ долго жданная
Минда, служившая темой такого множества разговоровъ. —
должна была явиться предъ глазами общества.

Поѣздъ остановился.

Кондукторъ крикнулъ: — »семь минутъ остановки« и
отворилъ дверцы.

Впереди, въ купе перваго класса, сидѣла молодая дама
въ изящномъ дорожномъ костюмѣ, съ плотной коричневой
вуалью на лицѣ. За нею можно было различить господина
съ большими бѣлокурыми усами и въ большой поярковой
шляпѣ. Лидія бросилась къ вагону, госпожа Гильдеманъ и
госпожа Самуэльсенъ слѣдовали за нею.

Мужчины, полные ожиданія, держались на заднемъ планѣ.

— Здравствуй, здравствуй, дорогая Минда, какъ я
рада, что ты пріѣхала! Вотъ мама!

— Очень рада, очень рада! кричала госпожа Гильде-
манъ!

— Представьте меня! шептала ей госпожа Самуэльсенъ.

— Сію минуту!

— Ты должна поторопиться выходить, Минда, понукала
ее Лидія. — Поѣздъ сейчасъ тронется дальше.

— Я не выйду, возразила Минда.

— Что ты говоришь?

— Я совершаю теперь свою свадебную поѣздку съ
моимъ мужемъ... Баронъ фонъ-Фельзенгеймъ, нѣмецкій офи-
церъ.

Бѣлокурые усы слегка приподняли поярковую шляпу.

— Великій Боже, ты вышла замужъ?

— Сегодня утромъ мы были обвѣнчаны и теперь ѣдемъ въ Берлинъ, гдѣ и будемъ жить.

— Объ этомъ я не знала ни слова!

— Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ. Впрочемъ, наше обрученіе было всего только мѣсяцъ тому назадъ, а свадьбу мы съиграли какъ можно тише.

Кондукторъ захлопнулъ двери. Локомотивъ далъ свистокъ, и поѣздъ покатился дальше. Кусочекъ коричневой вуали и быстро колеблемый бѣлый носовой платокъ — вотъ все, что было видно отъ Минды, которая также быстро исчезла, какъ и появилась.

Всѣ стояли, словно пораженные громомъ.

— Ну, я должна сказать, что это скверная исторія послѣ всѣхъ толковъ, колко замѣтила госпожа Самуэльсенъ.

— Что такое?

— Вы должны извинить меня, госпожа Гильдеманъ, но я говорю чистую правду. Въ теченіе послѣднихъ недѣль вы ни о чемъ больше не говорили, кромѣ Минды.

— Развѣ моя вина, что она вышла замужъ? холодно возразила госпожа Гильдеманъ.

— Очень хорошо, что Минда не пріѣхала, тихо сказалъ Лидіи Іосифъ.

— Почему?

— Ты при случаѣ это узнаешь... — Мамаша, сегодня вечеромъ будетъ очень, очень хорошо!

— Я хотѣла бы, чтобъ это народное гулянье пошло къ чорту! сказала госпожа Самуэльсенъ. — Какъ только твой отецъ кончитъ свою рѣчь, я сейчасъ же отправлюсь домой и лягу въ постель...

Время около полуночи.

Народное гулянье кончилось, рѣчь сказана, гимнъ пропѣтъ, и танцы прекратились. Разноцвѣтныя лампы потухли, и мѣщаночки разошлись по домамъ, а ихъ накрахмаленныя платья оказались очень измятыми.

Консулъ Самуэльсенъ и его жена уже довольно давно улеглись на свои кровати и спали, когда ихъ разбудили пѣніе и крики »ура!«

Спальная комната выходила окнами на улицу; какъ разъ напротивъ жилъ адвокатъ Гильдеманъ.

Консулъ и его супруга прокрались къ окошку. Адвокатъ и его жена, раскланиваясь и улыбаясь, стояли на балконѣ, а черезъ ведущую въ комнату дверь видны были Лидія и Іосифъ, занятые самымъ дружескимъ разговоромъ. Внизу, на улицѣ, стояла большая толпа народа съ пѣвческимъ хоромъ во главѣ, и — въ благодарность за устройство народнаго гулянья — исполнила въ честь адвоката серенаду, предназначавшуюся для Минды.

Растроганный адвокатъ сказалъ нѣсколько словъ, и толпа разошлась съ бурными возгласами »ура!«

Консулъ и его супруга влѣзли обратно въ свои постели.

— Да, смѣйтесь и кланяйтесь, злилась госпожа Самуэльсенъ, дрожа отъ холода и досады. — Кто смѣется послѣднимъ, тотъ лучше всѣхъ смѣется. Самуэльсенъ, если ты не позаботишься о томъ, чтобы адвокатъ Гильдеманъ потерялъ мѣсто въ сберегательной кассѣ, — я потребую развода съ тобой!

— Но я въ самомъ дѣлѣ не понимаю...

— Я потребую развода, рѣшительно сказала жена и повернулась лицомъ къ стѣнѣ...

Прошло нѣсколько дней, и городъ принялъ свой обыденный видъ.

Флаги и гирлянды цвѣтовъ на зданіи вокзала исчезли, а оба величественныхъ лакея опять живутъ въ столицѣ.

Пѣвческій хоръ разстроился, и пасторъ Маттисенъ, вмѣсто торжественныхъ гимновъ, пишетъ нравственныя проповѣди.

Жена доктора все еще злится на дамскій комитетъ изъза вырѣзныхъ платьевъ, а, больше чѣмъ когда либо мучимая тяжелыми снами жена бургомистра предчувствуетъ, что въ близкомъ будущемъ случится что нибудь особенно ужасное.

Льетъ дождь. Небо съ утра до вечера крыто тучами, и на улицахъ стоятъ лужи.

Къ унылой погодѣ въ домѣ Гильдемановъ присоединяется и самое унылое состояніе духа. Адвокату отказано отъ его занятій въ банкѣ. Въ слѣдующій послѣ праздника день консулъ держалъ себя съ нимъ непонятнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и съ очевидной преднамѣренностью завелъ съ нимъ такой разговоръ, который привелъ къ тому заключенію, что либо консулъ, либо адвокатъ долженъ подать въ отставку. Но такъ какъ у перваго было въ рукахъ большин-

ство акцій банка, то въ засѣданіи директоровъ была единогласно рѣшена отставка Гильдемана.

— Это дѣло его жены, она подучила своего дурака-мужа. Я прекрасно чувствовала, что она больше чѣмъ когда либо возненавидѣла меня, услышавъ, что Минда почтитъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Вниманіе, оказанное нашему семейству королемъ, черезъ край переполнило чашу ея бѣшенства, сказала госпожа Гильдеманъ.

— Эта несчастная Минда! Я желалъ бы, чтобы она никогда не пріѣзжала!

— Не пріѣзжала? Неужели же, по твоему, семь минутъ остановки здѣсь значитъ — пріѣхать?

— Истинное счастіе, что она не осталась на болѣе долгое время. Въ такое же число дней она весь городъ привела бы въ возстаніе. Почемъ знать — чего добраго, намъ пришлось бы требовать войска.

— А что будетъ съ нами, Гильдеманъ? Твоими процессами мы вѣдь жить не можемъ.

— Не теряй мужества, женка! Братъ мой, адмиралъ, часто и настойчиво убѣждалъ меня, чтобы я искалъ въ столицѣ занятія, соотвѣтствующаго моимъ способностямъ. Въ настоящее время для меня открылись тамъ болѣе видныя перспективы. Король къ нашему семейству относится очень хорошо, и такъ какъ тамъ теперь освободилось одно мѣсто, то, я надѣюсь, мое прошеніе будетъ принято въ благопріятномъ смыслѣ. Не предпочла ли бы и ты жить въ резиденціи, чѣмъ здѣсь, подъ тиранніей госпожи Самуэльсенъ?

— Я чувствовала бы себя какъ въ раю, и какъ стала бы она злиться! Еслибы только поскорѣе уѣхать.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней зашелъ Іосифъ — проститься: чтобы разлучить его и Лидію, отецъ отправилъ его въ столицу. Еслибы госпожа Самуэльсенъ слышала, какъ эти молодые люди обмѣнивались клятвами въ вѣчной вѣрности и утѣшались взаимнымъ обѣщаніямъ не покидать другъ друга, — она была бы внѣ себя отъ бѣшенства.

Но прощаніе и разлука часто вѣдь развязываютъ языкъ сердца.

Когда она узнала впослѣдствіи, что адвокатъ Гильдеманъ получилъ несравненно болѣе видное мѣсто въ резиденціи, чѣмъ то, какое когда-то давалъ ему банкъ, она чуть съ ума не сошла отъ злости. Однако консулъ не сдѣ-

лалъ ей удовольствія и не вытребовалъ обратно Іосифа. Онъ не хотѣлъ сдѣлаться посмѣшищемъ.

А Минда?

Минда счастливо и спокойно живетъ въ Берлинѣ. Она нимало и не подозрѣвала, что была поводомъ всѣхъ этихъ запутанныхъ исторій. Черезъ годъ она отъ всей души искренно поздравила свою подругу Лидію въ день обрученія послѣдней съ Іосифомъ Самуэльсеномъ.

Мамзель Гербстъ

I

У мамзель Гербстъ я учился читать.

Какъ она собственно попала въ нашъ домъ — я не знаю; помню только, что она уѣхала съ нами въ деревню, когда умеръ мой дѣдушка, и отецъ вступилъ во владѣніе старымъ родовымъ имѣніемъ. На нее постоянно смотрѣли, какъ на члена нашего семейства, хотя она не приходилась намъ родней. Какъ хорошо я помню ее!

Это была маленькая бочкообразная, упитанная женщина съ ямочками на мягкихъ, какъ квашня, бѣлыхъ рукахъ и съ цвѣтущимъ румянымъ лицомъ, которое казалось моложе, благодаря фальшивымъ каштановымъ волосамъ и тремъ милымъ локонамъ, приколотымъ шпильками съ обѣихъ сторонъ.

Въ будніе дни она носила черный шелковый корсажъ и бѣлый чепчикъ съ свѣтло-желтымъ бантомъ около ушей и свѣтло-желтыми же длинными лентами, ниспадавшими за плечи.

Ея отецъ былъ сельскій врачъ, и такъ какъ въ то время барышень всѣ называли »мамзель«, то ее и до сихъ поръ постоянно звали »мамзель«.

Мамзель Гербстъ имѣла также и свой романъ. Въ молодости она была влюблена въ одного сержанта.

Женщины — что дѣти: и тѣ, и другія очень любятъ играть блестящими пуговицами.

Но простой сержантъ былъ недостаточно хорошъ для дочери чиновника. Родители воспротивились ихъ браку, и влюбленные должны были разстаться.

Затѣмъ солдатъ началъ пить, ища въ винѣ забвенія.

Мамзель Гербстъ не сдѣлала того же, — но, ради утѣшенія, она налегла на ѣду.

И это сущая правда: сперва она ѣла жареный кофе и сырой рисъ, чтобы заглушить свое горе. Впослѣдствіи она обратилась къ болѣе солиднымъ вещамъ. Такъ какъ она не получила разрѣшенія мечтать о сержантѣ, то предалась мечтамъ о вкусной ѣдѣ. Поэтому мамзель Гербстъ не превратилась въ тощую, сухую и злую женщину, какъ многія иныя старыя дѣвы, а — благодаря своей несчастной любви — сдѣлалась толста и добродушна.

Она жила въ одномъ изъ флигелей стараго барскаго дома, въ большой веселой комнатѣ съ бѣлоснѣжными гардинами на окнахъ и съ свѣтлой мебелью березоваго дерева, обтянутою красно-бѣлой бумажной матеріей.

Тамъ она просиживала по цѣлымъ днямъ въ уголку дивана, съ вязаньемъ или романомъ въ рукахъ, и сходила внизъ только къ столу, или если были гости: тогда моя мать обязательно посылала за нею, и мамзель Гербстъ знала, что подадутъ что нибудь хорошее.

А когда она сходила внизъ, она граціозно присѣдала, и свѣтло-желтыя ленты и ямочки на ея круглыхъ рукахъ отъ всего сердца привѣтствовали гостя.

Въ опредѣленный часъ дня я поднимался къ ней наверхъ, чтобы заниматься чтеніемъ; но по большей части чтеніе длилось недолго, потому что она часто болтала со мной, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, и я — въ свою очередь — довѣрялъ ей всѣ свои дѣтскія забавы и огорченія.

Впрочемъ, не одному мнѣ подавала она утѣшеніе въ горѣ. Всѣ обитатели дома почитали ее, но особенно любила ее кухарка Анна.

Анна и мамзель Гербстъ были связаны извѣстнымъ душевнымъ сродствомъ. Обѣ онѣ стояли за хорошій столъ: Анна охотно готовила его, мамзель Гербстъ — охотно кушала.

Кромѣ того, Анна также страдала отъ несчастной любви. Предметомъ ея вожделѣній былъ Гансъ, кучеръ. У него были черные вьющіеся волосы, здоровые рыже-каштановые усы

и блестящія пуговицы на платьѣ... совсѣмъ какъ у бывшаго сержанта мамзель Гербстъ.

Любовь Анны не всегда была несчастною. Гансъ искренно любилъ ее, пока въ ихъ рай не прокралась змѣя, въ образѣ новой горничной, шведки Маріи-Лизы.

Марія-Лиза была высокая и стройная дѣвушка, съ нѣжнымъ блѣднымъ лицомъ, которое казалось еще красивѣе, благодаря ея постоянному черному платью и бѣлому тонкому платочку, который она слегка накидывала на свои черные волосы и завязывала подъ подбородкомъ въ кокетливый бантикъ.

Бѣдная приземистая Анна, съ мукой въ волосахъ и печной сажей на честномъ румяномъ лицѣ, дѣйствительно имѣла очень неважный видъ рядомъ съ красивой шведкой, — и однимъ изъ первыхъ, кто замѣтилъ это, былъ Гансъ, кучеръ.

Его отношенія къ Аннѣ со дня на день становились все холоднѣе, и глаза его съ видимымъ наслажденіемъ слѣдовали за стройной фигурой Маріи-Лизы, когда та отъ времени до времени забѣгала въ кухню, словно за дѣломъ.

Каждый день, послѣ обѣда, когда оканчивались мои уроки чтенія, кухарка Анна пробиралась наверхъ, чтобы дать исходъ своему горю около мамзель Гербстъ; и когда она спускалась затѣмъ внизъ, лицо ея сильно походило на дельту рѣки Нила: такъ оно было изборождено потоками слезъ.

Въ то же самое время моей матери бросилось въ глаза, что уксусъ расходовался у насъ въ невѣроятныхъ количествахъ.

Однажды, въ воскресенье, — когда мои родители были отозваны на обѣдъ къ знакомымъ, — я сидѣлъ наверху у мамзель Гербстъ, и туда же пришла кухарка Анна, въ глубочайшемъ отчаяніи; не въ силахъ говорить, она показывала рукой въ окно, на дворъ — и мы всѣ сдѣлались горестными свидѣтелями злодѣянія Ганса, кучера, который, вмѣстѣ съ Маріей-Лизой, ѣхалъ въ новомъ кебѣ въ городъ.

Анна была безутѣшна. Она ушла внизъ, въ свою комнатку, и въ этотъ день мы такъ и не видѣли ея.

На слѣдующій день моя мать сообщила, что Анна опасно

больна, и къ этому прибавила, что она почти угадываетъ причину ея болѣзни.

Въ столовой была найдена пустою большая бутылка крѣпкаго виннаго уксусу.

Мамзель Гербстъ сидѣла за столомъ молча и съ серьезнымъ лицомъ. Когда Марія-Лиза вошла съ мискою супа, она спросила у послѣдней, всѣ ли люди собрались въ кухнѣ къ обѣду; получивъ утвердительный отвѣтъ, она строго и важно встала съ мѣста и твердымъ шагомъ вышла изъ комнаты.

Гансъ, кучеръ, сидѣлъ на концѣ стола. Мамзель Гербстъ подошла къ нему.

— Гансъ, сказала она взволнованнымъ голосомъ.

Гансъ повернулъ голову, — и въ то же время мамзель Гербстъ энергически взмахнула своей жирной маленькой ручкой съ ямочками и дала ему здоровую пощечину, огласившую всю кухню.

Всѣ слуги онѣмѣли отъ ужаса, а Гансъ, выпустившій изъ рукъ, со страху и отъ неожиданности удара, деревянную ложку, глядѣлъ на нее широко вытаращенными глазами.

— Когда ты отобѣдаешь, приходи ко мнѣ въ комнату, тамъ я еще поговорю съ тобою, сказала мамзель Гербстъ, поворачиваясь, и также торжественно вошла въ столовую, какъ и вышла изъ нея.

Этотъ обѣдъ прошелъ чрезвычайно тихо. Марія-Лиза прислуживала на цыпочкахъ, и лишь отъ времени до времени обмѣнивалась подозрительными взглядами съ обѣдавшимъ у насъ волостнымъ писаремъ. Когда она подавала супъ мамзель Гербстъ, руки ея замѣтно дрожали.

Мамзель Гербстъ не удостоила ее ни однимъ взглядомъ, но желтыя ленты ее чепчика вздрагивали, словно отъ подавленнаго гнѣва, а каштановые локоны какъ-то ерошились.

Послѣ обѣда, во время моего обычнаго урока, къ мамзель Гербстъ пришелъ Гансъ. Повидимому, онъ рѣшилъ держать себя невѣжливо, но ея спокойное обращеніе обезоружило его.

— Мнѣ слѣдовало бы, конечно, идти въ судъ и подать

жалобу на мамзель Гербстъ за оскорбленіе дѣйствіемъ, сказалъ онъ, въ смущеніи вертя въ рукахъ шляпу: — я раньше я хотѣлъ бы узнать, за что мамзель Гербстъ — обыкновенно такая вѣжливая дама — разсердилась и побила меня?

— Это я тебѣ объясню, сказала мамзель Гербстъ и опустила свое вязанье на колѣни: — я сдѣлала это потому, что ты погубилъ честную дѣвушку, погубилъ сразу и ея душу и тѣло.

— Ну, дѣло не такъ ужъ плохо!

— Именно такъ! Анна потеряла честь, и все изъ-за тебя!

— Что-жъ она — воровка, что ли?

— Да! она украла нѣсколько бутылокъ уксусу.

— Этого ужъ мнѣ совсѣмъ не нужно! проворчалъ Гансъ, дѣлая гримасу.

— Она выпила его, чтобы стать такой же блѣдной и стройной, какъ твоя возлюбленная Марія-Лиза, — а вмѣсто того она лежитъ теперь при смерти. Ты отнялъ у нея жизнь, Гансъ, и за это я дала тебѣ пощечину. Да помилуетъ тебя Господь Богъ!

— Но... запнулся Гансъ: — она... она же вѣдь выздоровѣетъ? Пожалуй... пожалуй, я лучше пойду за докторомъ, чѣмъ въ судъ.

— Что тутъ пользы для нея? Что будетъ съ нею, если она и выздоровѣетъ? Бѣдная дѣвушка никогда ужъ не найдетъ счастія въ жизни. А я строила такіе хорошіе планы насчетъ ея будущности! Въ моемъ завѣщаніи я отказала ей всю мою маленькую обстановку и еще четыреста спеціесъ чистыми деньгами. Я думала, что ты обвѣнчаешься съ нею, и вы будете служить здѣсь до той поры, пока я закрою глаза. Потомъ, я думала... ты могъ бы купить на эти деньги лошадь и экипажъ и сдѣлался бы извозчикомъ въ городѣ, работая на себя, да на свою семью. Теперь все это пропало.

Гансъ все больше и больше терялся.

— Развѣ мамзель все это написала на бумагѣ?

— Ты думаешь, я лгу?

— Нѣтъ, Боже сохрани, ничего такого я не думалъ; но если Анна выздоровѣетъ, то все это еще можно поправить.

— Нѣтъ! Оставайся со своей Маріей-Лизой, пусть позаботится о васъ красавецъ волостной писарь.

— Писарь?

— Ну да, онъ! Я вижу отсюда, изъ этого окна, какъ онъ каждый вечеръ прогуливается по саду съ Маріей-Лизой. Между десятью и одиннадцатью часами ты можешь навѣрное застать ихъ обоихъ въ жасминовой бесѣдкѣ, если тебѣ вздумается посмотрѣть на нихъ.

— Если это такъ... рычалъ Гансъ: — если она надуваетъ меня, то между нами все будетъ кончено. Я поговорю съ нею въ бесѣдкѣ, сегодня же вечеромъ.

Онъ повернулся было къ двери, но остановился въ колебаніи.

— У тебя еще что-то есть на сердцѣ, Гансъ?

— Да, я хотѣлъ бы попросить извиненія у мамзель, потому что...

— Потому что я дала тебѣ пощечину? Собственно говоря, мнѣ бы слѣдовало просить тебя...

— О нѣтъ, мамзель! Васъ благодарить надо за это! Это то же самое, что шпанская мушка, которую мнѣ поставили на грудь, когда у меня было воспаленіе легкихъ. Вначалѣ она страшно жгла, но потомъ мнѣ отъ этого стало легче.

Съ этими словами онъ удалился.

Вечеромъ въ бесѣдкѣ случилось очень веселое событіе.

На слѣдующее утро Марія-Лиза настоятельно просила мою мать позволить ей уѣхать назадъ, въ Швецію. Она не можетъ больше жить вдали отъ родины.

Ее нимало не удерживали.

Волостной писарь просилъ извиненія, что онъ не придетъ къ обѣду. Онъ вывихнулъ ногу и долженъ нѣсколько дней пролежать дома.

Сильная натура кухарки Анны живо стала побѣждать крѣпкій винный уксусъ. Чрезъ нѣсколько дней ея лицо снова сіяло отъ избытка здоровья и отъ печнаго огня.

Гансъ принесъ повинную и получилъ прощеніе.

Слишкомъ легко даютъ его негоднымъ мужчинамъ!

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ прекрасный солнечный день, наша старая семейная коляска съ шумомъ катилась по дорогѣ въ церковь. Мой отецъ и я сидѣли на облучкѣ,

мать и мамзель Гербстъ занимали переднее сидѣнье, а Гансъ, кучеръ, и кухарка Анна — заднее, потому что они были героями сегодняшняго дня — женихомъ и невѣстою.

Анна, съ вѣнкомъ изъ миртъ и длинной бѣлой вуалью на головѣ, сидѣла молча и все время плакала, какъ и подобало — по ея мнѣнію — каждой порядочной невѣстѣ; а Гансъ сидѣлъ въ новомъ платьѣ, словно аршинъ проглотилъ, и ни разу даже не взглянулъ на невѣсту. Все его вниманіе было направлено на моего отца, который — какъ онъ опасался — непремѣнно долженъ былъ загнать лошадей на ближайшую загородь или въ какую нибудь яму.

Послѣ свадьбы новобрачные вмѣстѣ съ нами сѣли за столъ, но — казалось — они чувствовали себя неособенно хорошо. Гансъ, очевидно, никогда еще не держалъ въ рукахъ серебряныхъ вилокъ, а Анна была слишкомъ сильно взволнована, чтобы могла дотронуться до чего нибудь.

Тѣмъ веселѣе была мамзель Гербстъ и кушала всѣ блюда. Между прочимъ, подавали и маринованную семгу, которая особенно нравилась ей. Она часто приказывала дѣлать ее... чаще, чѣмъ бы слѣдовало ей... Послѣ обѣда она почувствовала себя несовсѣмъ хорошо, и легкое первоначально недомоганье такъ быстро усиливалось, что ее надо было уложить въ постель.

Анна сняла миртовый вѣнокъ и вѣнчальную вуаль и отправилась въ кухню — приготовлять припарки изъ овсяной муки; Гансъ, кучеръ, проворно натянулъ свою ливрею, готовясь ѣхать въ городъ за докторомъ. Кто-то изъ слугъ предложилъ ему съѣздить вмѣсто него, но Гансъ этого не позволилъ. — »Она много добра сдѣлала мнѣ«, сказалъ онъ: — »я долженъ оказать эту услугу. Быть можетъ, мнѣ въ послѣдній разъ приходится послужить ей...«

Врачъ пріѣхалъ — и объявилъ, что его искусство здѣсь ничего не можетъ сдѣлать.

Утреннее солнце бросило свои первые лучи въ окна и коснулось постели мамзель Гербстъ. Мои родители и я сидѣли около ея изголовья, Анна расположилась въ ногахъ, а Гансъ стоялъ поодаль, около дверей.

Она спала.

Глаза были закрыты, бѣлыя руки съ ямочками крестъ

скрестъ лежали на груди. На головѣ ея еще сидѣлъ ея
лый чепчикъ съ свѣтло-желтыми бантиками и длинными
свѣтло-желтыми лентами. Моя мать не рѣшалась снять его,
ясь привести въ безпорядокъ волосы.

Вдругъ мамзель Гербстъ очнулась отъ тупой дремоты.
на обернулась къ двери и поманила Ганса.

— Подойди ближе, мой другъ, тихо сказала она. — Какъ
ы хорошъ сегодня! Солнце весело играетъ на твоихъ пуго-
ицахъ. Онѣ кажутся золотыми. Сядь сюда, ко мнѣ.

Гансъ сѣлъ на кровать. Слезы катились по его загорѣ-
ымъ щекамъ.

— Нечего плакать, мой другъ, ты вѣдь знаешь, что я
юблю тебя, хотя ты и простой сержантъ. Ты такъ хорошъ
ъ этими большими усами и въ этомъ мундирѣ! Можетъ
ыть, будетъ война; ты отличишься и вернешься назадъ ге-
ераломъ. Тогда мы съиграемъ свадьбу, и Гансъ повезетъ
асъ въ церковь, а Анна приготовитъ обѣдъ... превосходный
бѣдъ.

И она невѣрной рукой старалась поймать что-то на
дѣялѣ.

— Садись... садись немного ближе... Мы были счаст-
ливы... это... это такъ давно...

Мать тихонько положила свою руку на ея пальцы.

— Это Гансъ, кучеръ, нѣжно сказала она. — Вы не-
много уснули и грезили.

— Да, я грезила, прошептала она. — Чудныя грёзы,
юношескія грёзы!

Она опять скрестила руки и опустила голову на подушки.

— Я такъ устала: мнѣ думается, что я еще немного
усну. Я хочу еще видѣть во снѣ тѣ же грёзы, старыя
грёзы.

Мамзель Гербстъ закрыла глаза и заснула, чтобы уже
никогда не просыпаться.

Моя мать тихо открыла окно и задернула бѣлыя гар-
дины.

Новобрачные стояли въ ногахъ у покойницы. Гансъ об-
нималъ Анну.

Веселый богъ любви, приложивъ къ губамъ палецъ, не
ввелъ ихъ въ брачный покой — пришелъ его блѣдный братъ
съ опущеннымъ внизъ факеломъ и привелъ ихъ къ смерт-
ному одру.

И все же эта мрачная свадебная ночь не служила [illegible] химъ предзнаменованіемъ ихъ будущаго.

Наоборотъ.

Казалось, бѣлая рука съ ямочками, такъ энергично вт[illegible] шавшаяся въ ихъ жизнь, и впослѣдствіи невидимо охра[illegible] и защищала ихъ обоихъ, и разсыпала на ихъ пути сча[illegible] и благословеніе свыше.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ“
НА 1890 Г.

Изданія годъ седьмой.

Въ 1890 году „Самарская Газета“ будетъ издаваться, какъ и въ прежніе годы, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1) Дѣйствія и распоряженія правительства (по оффиціальнымъ источникамъ); 2) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, *получаемыя непосредственно изъ Петербурга*; 3) Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ и проявленіямъ жизни г. Самары и Самарской губ.; 4) Самарская хроника, въ которую войдутъ: отчеты объ общественныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ, рефераты о выдающихся дѣлахъ, разбирательствахъ въ засѣданіяхъ судебной палаты, окружного суда, мирового съѣзда и у мировыхъ судей; свѣдѣнія объ артистическихъ, благотворительныхъ и промышленноторговыхъ учрежденіяхъ, обществахъ и собраніяхъ и замѣтки о событіяхъ и происшествіяхъ; 5) Внутреннія извѣстія: сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ разныхъ городовъ, посадовъ и селъ Самарской и другихъ губерній, извѣстія изъ другихъ газетъ; 6) Иностранныя извѣстія: въ этотъ отдѣлъ войдутъ: политическое обозрѣніе, составляемое еженедѣльно, о движеніи политическо-общественной жизни западно-европейскихъ государствъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ политическихъ газетъ; 7) Беллетристика; романы, повѣсти, разсказы, очерки въ стихахъ и прозѣ; 8) Сельское хозяйство: обозрѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности; 9) Критика и библіографія; 10) Смѣсь: юмористическіе разсказы, стихотворенія, сцены, анекдоты и т. п.; 11) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о положеніи Самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ рынковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; 12) Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія календарныя; указаніе дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ, съѣздѣ мировыхъ судей и въ камерахъ мировыхъ судей г. Самары; 13) Почтовый ящикъ редакціи: отвѣты на письма и заявленія; 14) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

„Самарская Газета“, имѣя основной своей задачей—служить интересамъ Самарскаго края, слѣдя за его общественно-экономическою жизнью, даетъ также своимъ читателямъ статьи по общегосударственнымъ вопросамъ и знакомитъ съ выдающимися событіями въ Россіи и за границей.

„Самарская Газета“ обращаетъ особенное вниманіе на состояніе хлѣбныхъ рынковъ Независимо отъ сообщеній о торговыхъ оборотахъ мѣстнаго Самарскаго рынка, редакція печатаетъ свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ торговыхъ рынкахъ и *два раза въ недѣлю* помѣщаетъ торговыя телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ о состояніи СПБ. фондовой и хлѣбной биржи.

„Самарская Газета“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ: въ *Петербургѣ, Москвѣ, Симбирскѣ, Царицынѣ, Оренбургѣ, Уфѣ*, а также *во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Самарской губерніи* и многихъ селахъ.

Въ настоящее время отпечатанъ и вскорѣ поступитъ въ продажу „марскій Спутникъ“,—изданіе, содержащее въ себѣ всѣ необходимыя с вочныя свѣдѣнія по г. Самарѣ и ея губерніи, календарныя свѣдѣнія, а статьи по разнымъ мѣстнымъ общественнымъ вопросамъ, украшенныя типажами.

Цѣна на это изданіе 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к. Для подписч „Самарской Газеты“ будетъ сдѣлана уступка въ размѣрѣ 20%.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Съ доставкою въ г. Самарѣ:		Съ пересылкою въ др. го	
На годъ	6 р.	На годъ	7
На 1/2 года	4 „	На 1/2 года	5
На 1 мѣсяцъ	1 „ 50 к.	На 1 мѣсяцъ	2

Подписка принимается: въ *Самарѣ*—въ главной конторѣ редакціи, рянская ул., д. Соколова, и въ редакціи, Воскресенская ул., соб. д.; въ *бурѣ*—въ магаз. А. В. Михайлова; въ *Бузулукѣ*—въ библіотекѣ Н. П. вѣева; въ *Сызрани*—въ магазинѣ Калачева.

Редакторъ-Издатель И. П. НОВИНОВЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XV годъ изданія, 1890)

въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торгов и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣст изъ оффиціальныхъ газетъ и телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Аген ства“. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвен касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщен о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ р цензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣ ныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочны свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театра ный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеороло ческій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Бе платное приложеніе къ „ОРЕНБУРГСКОМУ ЛИСТКУ“

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

Газета „ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“ выходитъ по воскресеньямъ, а „Ли стокъ Объявленій“ въ будни. Въ дни, когда „Листокъ Объявленій“ не выхо дитъ, получаемыя редакціей телеграммы Сѣвернаго Агентства выпускаю отдѣльными бюллетенями.

Подписная цѣна годовому изданію ПЯТЬ РУБЛЕЙ съ доставкою, а съ пересылкою иногороднимъ подписчикамъ 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ *Оренбургъ*, въ редакцію газеты „ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра (при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимов скаго-Мировицкаго).

Редакторъ-Издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1890 году

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и перес. въ друг. города

на годъ СЕМЬ рублей,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к., одинъ мѣсяцъ 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четыре послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс., и 1/2 мѣс., на эти сроки разсрочка не принимается. Остальныя двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается для удобства подписчиковъ на всѣ сроки и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока приплачивается только иногородными за первый мѣсяцъ 15 коп. почтовыхъ. При перемѣнѣ иногородныхъ адресовъ—25 коп.

Газета издается восемнадцатый годъ и выходитъ полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, съ ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей, сельскохозяйственныя статьи, обозрѣнія и замѣтки.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ по 10 коп. и 5 коп. за каждую строку—въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 10 до 20 разъ, дѣлается уступка 10%, отъ 20—30 разъ 15%, отъ 30—40 разъ 20%, отъ 40—50 разъ 30% и отъ 50—90 разъ 40%. За годовыя объявленія, не менѣе 100—150 разъ, уступка 50%.

За помѣщеніе адресовъ-объявленій три раза въ недѣлю, въ 4 строки, на 1-й стр.—10 руб. въ годъ; за полгода (75 разъ)—6 руб. За разсылку при газетѣ объявленій 10 руб. съ 2000 экз.; за меньшее количество [illegible]000, только для городскихъ или иногородныхъ—6 руб.

[illegible] справочномъ отдѣлѣ о промышленныхъ, торго[illegible]рикахъ, заводахъ, мастерскихъ и пр. подъ [illegible]чивается: за годъ 5 руб., за 9 мѣсяцевъ 2 мѣсяца 1 руб.

[illegible]тѣ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю.

[illegible] издательница *Н. А. Семенова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

Десятый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства". V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ мѣстъ по корреспонденціи „Южнаго Края". VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. XII. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 „ — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднимъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію с редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край": на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ **ПЕТЕРБУРГѢ**—въ конторѣ подписки и объявленій **Н. МАТИСЕНА**, Б. Конюшенная, № 29; въ **МОСКВѢ**—въ конторахъ объявленій и подписки: **А. СЕНЪ-МАРТЕНЪ**, Неглинный, проѣздъ, д. Молчанова; **Н. ПЕЧКОВСКОЙ**, Петровскія линіи; **Н. А. МЕЙЕРА**, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. **Л. МЕТЦЛЬ**, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ справочномъ Бюро **Н. ДОНИЧЪ и К°**, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ **ПОЛТАВѢ**—въ конторѣ **И. А. ДОХМАНА**. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и C°, Place de la Bourse.

Редакторъ-издатель *А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

Армянскій иллюстрированный ежемѣсячный журналъ

„ТАРАЗЪ“.

ПРОГРАММА

I. Изящныя искусства и наука.
II. Стихотворенія.
III. Романы, разсказы, сцены, путешествія.
IV. Критика, рецензія.
V. Театръ и музыка.
VI. Домашнее хозяйство.
VII. Дамскія моды и рукодѣлія.
VIII. Хроника.
IX. Фельетоны.
X. Игры, забавы, ребусы, шарады, эпизоды, шутки, карикатуры и проч.
XI. Смѣсь.
XII. Отвѣты и объявленія.

Годовая плата 3 р., отдѣльные №№ 50 к.

Адресъ: Тифлисъ, редакція иллюстрированнаго журнала „ТАРАЗЪ“, а изъ за-границы: Tiflis, (Caucase). Rédaction du journal illustré „TARAZ“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ [illegible]

„АГБЮРЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА
(VIII-й годъ)

„АГБЮРЪ“ по числу своихъ подписчиковъ считается самымъ распространеннымъ армянскимъ періодическимъ изданіемъ въ Россіи.

ПРОГРАММА.

Отдѣлъ 1-й.

I. Повѣсти, разсказы, сказки, путешествія, біографіи, поэмы, эпизоды. II. Стихотворенія. III. Наука и искусство. IV. Смѣсь. V. Мелочи. VI. Дѣтскія, педагогическія, шахматныя и другія игры, ребусы, математическія задачи, анекдоты, загадки, поговорки, пословицы. VII. Пѣсни съ нотами.

Отдѣлъ 2-й.

VIII. Статьи, касающіяся воспитанія и обученія дѣтей. IX. Проекты и совѣты. X. Библіографія. XI. Смѣсь. XII. Отвѣты и объявленія.

Годовые подписчики получаютъ три премія: 1) при подпискѣ большую гравюру

ІИСУСЪ КРЕСТОНОСЕЦЪ.

2) въ сентябрѣ: **Продажа Іосифа братьями** и 3) въ декабрѣ: **Стѣнной календарь за 1891 г.**

Годовая плата 3 руб.

Адресъ: Тифлисъ, редакція иллюстрированнаго журнала „АГБЮРЪ“; а изъ за-границы: Tiflis (Caucase). Rédaction de la Revue „AGBUR“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

Объявленія

1890 годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 51-й г. изданія.

„НУВЕЛЛИСТЪ“.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Съ 1-го января 1890 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ *во вторую половину вѣка* своего существованія и будетъ издаваться подъ той-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ предъидущіе года.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 28 до 35 страницъ музыки большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ болѣе чѣмъ въ 400 стр. и будетъ содержать до *ста* избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ:

1) **Четыре или пять салонныхъ пьесъ.**

2) **Одинъ или два танца.**

3) **Русскій романсъ. — Сверхъ того въ теченіе года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.**

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д. 3) Возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Библіографическій отдѣлъ. 5) Фельетонъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона — въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ *огромнаго* количества музыкальныхъ пьесъ, подписчики получатъ *безплатныя*

ПРЕМІИ

1) **Альбомъ транскрипцій изъ оперъ современнаго репертуара.**

2) **Большой музыкальный Альманахъ, выпущенный къ юбилею А. Рубинштейна, съ его портретомъ и біографіею.**

Эта вторая премія „Альманахъ“ будетъ выдана каждому подписчику при подпискѣ.

3) **Два портрета: А. Гензельта и Б. Годара.**

Подписная цѣна . . . . . **5** руб.
Съ доставкою и пересылкою . . . . . **6** „

Для гг. служащихъ допускается *разсрочка* черезъ ихъ казначесъ. Разсрочные подписчики платятъ: городскіе — при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 1 р.; иногородные — при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 2 р.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Невскій проспектъ, № 64, уголъ Каравайной улицы, противъ Аничкова дворца.

Редакторъ А. Бернардъ. Издатель М. Бернардъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ТЕАТРАЛЬНЫЙ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ".

ПРОГРАММА:

Правительственныя распоряженія. Драматическія произведенія съ снимками и портретами. Либретто. Режиссерскій отдѣлъ: костюмы, статьи по гриму (съ рисунками) и проч. Критическія статьи. Историческія статьи. Хроника. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. исключительно изъ міра артистовъ. Библіографія. Смѣсь. Приложенія: а) оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты и б) музыкальныя произведенія.

Въ вышедшихъ 3 книжкахъ между прочимъ помѣщено: О цѣляхъ и задачахъ нашего журнала, ст. С. А. Юрьева и В. А. Гольцева. Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій, тр. Шиллера, перев. И. Н. Грекова, рис. костюм. гр. Ѳ. Л. Соллогуба. По дорогѣ изъ театра, ст. проф. А. Н. Веселовскаго. Старый комикъ, разсказъ И. А. Салова. Корделія, повѣсть И. Л. Щеглова. Макбетъ, ст. проф. Н. И. Стороженко. „Сонъ въ лѣтнюю ночь", ст. И. И. Иванова. Деревенскій театръ, ст. С. А. Юрьева. Воспоминаніе о Ѳ. С. Потанчиковѣ, М. П. Садовскаго. „Petit prélude" для ф.-п. Ц. А. Кюи. Вальсъ „Шутка" для ф.-п. П. И. Чайковскаго. „Сновидѣніе", романсъ А. С. Аренскаго, и „Пѣсенка безъ словъ" П. И. Бларамберга. Критическія статьи: П. Д. Боборыкина, И. И. Иванова, С. Н. Кругликова, П. А. Москалева, А. А. Филонова, В. А. Чечотта и др. Курсъ театральнаго грима (съ рисунками въ краскахъ и политипажами), К. С. Шиловскаго-Лошивскаго. Сценическіе эффекты. Устройство сцены для домашнихъ спектаклей. — „Въ старые годы". Др. въ 5-ти д. И. В. Шпажинскаго. „Цѣпи". Др. въ 4-хъ д. кн. А. И. Сумбатова. „Мышеловка". Шутка въ 1-мъ д. И. Л. Щеглова. „Подъ властью сердца" Др. въ 5 ти д. И. Н. Лодыженскаго. „Разладъ". Др. въ 4-хъ д. В. А. Крылова. „Лебединая пѣсня" („Калхасъ"), драм. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова. „Водоворотъ". Др. И. В. Шпажинскаго. „Золотая рыбка", И. А. Салова и И. Н. Ге. „Maman". Ком. С. Н. Терпигорева. „Предложеніе". Шут. въ 1 д. А. П. Чехова Портретъ Г. Н. Ѳедотовой (фототипія Альберта въ Мюнхенѣ). „Милостыня", картина Фріана. „Бабушка и внучка". Сепія — К. А. Трутовскаго. „Старые соловьи". Рисунокъ Л. О. Пастернака (три фототипогравюры Буссо, Валадонъ и К°, преемникъ Гупиль и К°, въ Парижѣ). „Отецъ и сынъ". Карт. А. С. Степанова. (Фототипія Бернардъ въ Парижѣ). Портретъ А. Г. Рубинштейна (Фототипія). С. А. Юрьевъ. Набросокъ съ натуры К. А. Трутовскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Вл. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, И. Н. Грековъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, М. С. Кареллинъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. Н. Кругликовъ, А. В. Кругловъ, В. Г. Крыловъ (Александровъ), А. Ѳ. Крюковскій, Ц. А. Кюи, И. И. Лавровъ, М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, Д. М. Леонова, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттерни, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Влад. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, А. Н. Плещеевъ, Г. А.

нулся и вдругъ, поднявъ морду къ звѣздному небу, тоскливо завылъ... Одно къ одному, одно къ одному...

Сегодня утромъ пришло письмо изъ Самары. Никаноръ Семеновичъ поздравлялъ съ праздниками, сообщалъ интересныя свѣдѣнія объ общихъ знакомыхъ, а на послѣдней страницѣ сообщилъ и еще одну новость, отъ которой у Матвѣя Алексѣевича замерло сердце. — »Считаю также нелишнимъ на всякій случай увѣдомить Васъ, что Игорь Андреичъ Савеловъ, о которомъ Вы справлялись у меня лѣтомъ, на дняхъ уѣхалъ изъ нашего города, а куда — неизвѣстно. Женщина, у которой онъ жилъ нахлѣбникомъ, спрашивала его, — въ какія это мѣста вздумалъ онъ отправиться, да господинъ Савеловъ сказалъ: — Богъ вѣдаетъ. Не то въ Петербургъ попаду, не то на островъ Сахалинъ. Не знаю...« Эта новость весь день не выходила изъ головы у Матвѣя Алексѣевича и даже преслѣдовала его и во снѣ. Сейчасъ, когда онъ спалъ, ему привидѣлось во снѣ, что будто бы онъ сидитъ на бульварѣ подъ своими любимыми сестрами-березками. На дворѣ — жаркое лѣто. Рѣка внизу блеститъ, какъ зеркало. У пристани пароходъ »Почтарь« разводитъ пары. За песчаной гривкой, густо поросшей ивнякомъ, несутся въ перегонки двѣ лодки съ нарядными барышнями и молодыми людьми въ соломенныхъ шляпахъ. На самой срединѣ рѣки плыветъ тихонько, какъ будто пустая, красная лодка Стригалина, который улегся на дно ея и посылаетъ изъ своей флейты звучныя пѣсни къ облакамъ и къ синему небу. По мосту, переброшенному на Гусиный островъ, тихо подвигается какой-то бѣлый обозъ, скрыпя колесами и поднимая легкую пыль. Тепло, пріятно глазамъ, легко дышется, спокойно на сердцѣ... и вдругъ онъ чувствуетъ, что случилось что-то страшное. Торопливо идетъ къ нему покойникъ Лаврушка, соборный пѣвчій, смотритъ на него сочувственными глазами и съ испугомъ шепчетъ: — »Игорь идетъ!« Матвѣй Алексѣевичъ съ замираніемъ сердца смотритъ, куда указываетъ Лаврушка, — за рѣку,

а луга, за озера, — и видитъ, что тамъ, далеко-далеко, дѣйствительно идетъ Игорь. До Игоря будетъ по прямому направленію верстъ восемь, но Матвѣй Алексѣевичъ все-таки видитъ его совершенно ясно, — видитъ, что по пятамъ у Игоря идетъ его Діана, видитъ, что у Игоря зубы стиснуты, лицо сурово, какъ каменное, глаза упорно опущены въ землю. — »Идетъ, идетъ!« громкимъ встревоженнымъ шопотомъ повторяетъ Лаврушка и, по своей привычкѣ, толкаетъ Матвѣя Алексѣевича въ плечо. Если Матвѣй Алексѣевичъ проснулся раньше обыкновеннаго, то именно отъ этого толчка, который еще и теперь чувствуется у него въ плечѣ.

II

Надѣвъ халатъ, Матвѣй Алексѣевичъ машинально зажегъ лампу и думалъ въ это время, что ничего нѣтъ мудренаго, если Игорь и въ самомъ дѣлѣ идетъ сюда. Въ комнатахъ было жарко натоплено, и Матвѣй Алексѣевичъ по привычкѣ подошелъ съ огнемъ къ термометру, но считалъ не градусы, а время, черезъ которое Игорь можетъ пріѣхать сюда изъ Самары. Письмо Никанора Семеновича получено сегодня; Игорь выѣхалъ нѣсколькими днями раньше; слѣдовательно, если положить, что онъ по дорогѣ заѣдетъ къ своему дядѣ и пробудетъ у него дня три, четыре, то сюда его можно ожидать каждый часъ, каждую минуту... Внезапно раздавшійся трескъ въ стѣнѣ, гдѣ-то лопнувшей отъ мороза, заставилъ Матвѣя Алексѣевича вздрогнуть всѣмъ тѣломъ и потомъ еще разъ прислушаться тревожно къ подавляющей тишинѣ, которая стояла по всему дому. Ни голоса, ни звука, ни признака жизни... Что тамъ, всѣ умерли, или разбѣжались ради праздника?

Надѣвъ шапку и обмотавъ шею шарфомъ, Матвѣй Алексѣевичъ прошелъ въ кухню, отдѣлявшуюся отъ комнатъ широкими холодными сѣнями. Въ кухнѣ горѣла маленькая жестяная лампочка и освѣщала связки луку, висѣвшія на

бѣлой стѣнѣ, веревки, протянутыя изъ угла въ уголъ, бѣлыя палати, полки съ посудой, бѣлыя лавки, бѣлый некрашеный столъ и желѣзную кровать, на которой, раскрывъ ротъ и закинувъ руку за голову, спала женщина лѣтъ тридцати пяти.

— Анна! позвалъ ее Матвѣй Алексѣевичъ.

Женщина закрыла ротъ и какъ будто стала прислушиваться.

— Вставай, вставай!

Анна, все еще въ полуснѣ, нерѣшительно высвободила руку изъ-подъ головы и вдругъ, однимъ движеніемъ, сѣла на постели, спустивъ на полъ ноги, обутыя въ валенки. Густые темные волосы ея растрепались и сбились всѣ на одну сторону, около шеи; щеки были розовыя до самыхъ висковъ, губы припухли, глаза щурились и слипались.

Анна жила у Матвѣя Алексѣевича уже около семи лѣтъ. Она хорошо готовила кушанье, соблюдала во всемъ чистоту и порядокъ, очень рѣдко уходила изъ дому или созывала къ себѣ гостей, не лгала, не била посуду, ничего не крала, всегда прилично одѣвалась и вообще, по собственному сознанію Матвѣя Алексѣевича, была бы неоцѣнимою женщиною, еслибы въ нее не вселялся иногда дьяволъ. Лѣтъ пять назадъ у Анны родился отъ Матвѣя Алексѣевича ребенокъ и тотчасъ же былъ препровожденъ отцомъ въ воспитательный домъ, гдѣ и пропалъ безслѣдно для матери, — не то умеръ, не то жилъ гдѣ нибудь въ деревнѣ, среди чужихъ людей. Въ обыкновенное время Анна старалась, по возможности, не вспоминать о немъ — и, по большей части, успѣвала въ этомъ. Но иногда, то рѣже, то чаще, всѣ ея старанія отогнать отъ себя мысли о ребенкѣ оказывались тщетными: онъ видѣлся ей и днемъ и ночью, протягивалъ къ ней свои крошечныя рученки, весь обливался слезами и плакалъ тоненькимъ, мучительнымъ плачемъ, похожимъ скорѣе на писк погибающей птицы, чѣмъ на плачъ человѣка. Тогда въ Анну вселялся дьяволъ. Матвѣй Алексѣевичъ боялся взглянуть

въ ея дикіе и злобные глаза, боялся говорить съ нею, потому что каждое ея слово дышало ненавистью; боялся, что она можетъ броситься на него съ ножомъ, подсунуть въ кушанье яду, поджечь домъ, и молилъ Бога только объ одномъ — чтобы Анна поскорѣе начала пить. Обыкновенно въ тотъ же день или на другой, или — уже много — на третій она напивалась пьяною, и тогда Матвѣй Алексѣевичъ безъ церемоніи прогонялъ ее. Послѣ этого Анна пьянствовала безъ просыпу нѣсколько недѣль, покуда не пропивала рѣшительно всего, что у нея было, и не оставалась буквально въ одномъ платьѣ, безъ бѣлья, безъ башмаковъ, безъ чулокъ. Узнавъ, что она перестала пить, Матвѣй Алексѣевичъ начиналъ чуть не въ десятый разъ думать надъ вопросомъ: брать ее къ себѣ или не брать? Если не брать — въ домѣ, какъ видно, никогда не будетъ порядка, а кухарокъ придется мѣнять чуть не каждую недѣлю. Если взять — онъ можетъ быть совершенно спокоенъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ опять повторится та же исторія со всѣми ея непріятностями и тревогами. Въ концѣ концовъ, однако же, привычка къ Аннѣ брала свое, и Матвѣй Алексѣевичъ опять водворялъ ее у себя.

Теперь, взглянувъ въ ея глаза, переставшіе щуриться и злобно смотрѣвшіе на него, Матвѣй Алексѣевичъ тотчасъ же почувствовалъ, что съ Анной »опять начиналось«, хотя на этотъ разъ нѣсколько по другому, потому что нынче она, какъ видно, одновременно и напилась, и взбѣсилась.

— Да вамъ чего угодно? сухо спросила Анна, приводя въ порядокъ свои растрепавшіеся волосы.

— Самоваръ нужно ставить.

— Самоваръ... вонъ онъ стоитъ... на столѣ... Возьмите его, да и поставьте, если нужно, съ пренебрежительною вѣжливостью проговорила она. — Лучина есть въ печуркѣ, уголья — въ горшкѣ, вода — въ кадкѣ... Ставьте, сдѣлайте одолженіе, я вамъ мѣшать не стану.

Она встала и, повернувшись къ нему спиной, при-
лась укладывать въ сундукъ свои вещи.

— А гдѣ Сидоръ? спросилъ Матвѣй Алексѣевичъ, вз-
нувъ на палати и за печку.

— А гдѣ Сидоръ? насмѣшливо повторила Анна и
сдѣлала видъ, что осматриваетъ всю кухню. — Видно, ет
Сидора. И одежа его снята съ гвоздя... И полотенца нѣт
И зеркальца его не видать... И книжки съ картинкой нѣт
И мыла его на рукомойникѣ не стало... И сундукъ выд
нутъ къ двери и запертъ на замокъ. Да Сидоръ-то, долж
быть, ушелъ отъ васъ, Матвѣй Алексѣевичъ... куда не
будь подальше... другаго мѣста искать... которое получ
здѣшняго...

Матвѣй Алексѣевичъ не сомнѣвался больше, что Сид
дѣйствительно ушелъ. Сегодня утромъ, когда этотъ Сидо
семнадцатилѣтній безусый мальчишка, грамотный, съ з
думчивыми глазами, принесъ дрова въ комнаты и по не
осторожности ступилъ своими грязными ногами мимо по
вика на навощенныя половицы, Матвѣй Алексѣевичъ пну
его ногой. Сидоръ тогда не сказалъ ни одного слова, н
лицо и глаза у него сдѣлались такіе, что Матвѣй Алекс
вичъ въ ту же минуту подумалъ: — »Туда же обидѣлся, вал
ное рыло! Чего добраго, вздумаетъ еще уйти!« Оказывается,
что и въ самомъ дѣлѣ ушелъ! Въ глубинѣ души, Матвѣ
Алексѣевичу было теперь досадно на себя, что онъ обидѣл
этого смирнаго и работящаго парня, который въ свободны
минуты предпочиталъ читать лучше книжки съ картинкам
чѣмъ пить пиво въ трактирѣ или торчать за воротами съ
сосѣдскими горничными. Ну, что дѣлать! Чортъ съ нимъ!

— Ушелъ, ушелъ Сидоръ, продолжала между тѣмъ Анна,
покачивая головою и укладывая въ сундукъ свои вещи. —
Только что успѣлъ немножко присмотрѣться къ вамъ, сей-
часъ же и ушелъ подальше. Я ужъ не припомню теперь
хорошенько, пробылъ ли онъ у васъ двѣ-то недѣли, или не
пробылъ? Вѣдь нѣтъ, должно быть?

Матвѣй Алексѣевичъ, ставившій въ это время самоваръ, угрюмо молчалъ. Опустивъ въ самоваръ зажженную лучину и наставивъ желѣзную колѣнчатую трубу, онъ хмуро думалъ о томъ, что на сегодняшній вечеръ ему, какъ видно, придется остаться безъ прислуги. На дворѣ уже совсѣмъ темно, время сегодня не простое, а второй день праздника, когда чуть не всѣ въ городѣ или пьяны, или съ похмѣлья, или въ гостяхъ, или сами ждутъ къ себѣ гостей. Волей-неволей приходится ждать до утра и оставаться покуда одному въ домѣ. А между тѣмъ... между тѣмъ... кто знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Игорь ѣдетъ сюда. У Матвѣя Алексѣевича немного задрожала нижняя челюсть и щелкнула о верхнюю.

— Должно быть, ужъ такая ваша горькая судьба, Матвѣй Алексѣевичъ, что около васъ не живутъ люди, опять заговорила Анна своимъ вѣжливымъ и ровнымъ голосомъ, язвившимъ Матвѣя Алексѣевича до глубины души. — Приглашали вы завѣдывать вашимъ хозяйствомъ племянницу Зиночку, — Зиночка пожила у васъ три мѣсяца, наплакалась на цѣлые годы и съ первымъ пароходомъ уѣхала въ гувернантки къ чужимъ людямъ. Выписали вы тетеньку Ольгу Максимовну, — Ольга Максимовна на другой же мѣсяцъ отпросилась у васъ на богомолье въ пустынь, отслужила тамъ благодарственный молебенъ за свое избавленіе, да прямо изъ пустыни и проѣхала къ себѣ домой. Въ прежнее время добрые люди всетаки заглядывали къ вамъ. Лаврушка, бывало, навѣдывался чуть не каждый день... ну, тотъ умеръ, царство ему небесное, нечего о немъ говорить. Игорь Андреичъ былъ съ вами друженъ, — вы такъ повернули дѣла, что сдѣлали себѣ изъ него злаго врага. Иванъ Васильевичъ частенько бывалъ у васъ, — и онъ все мимо да мимо ходитъ, даже головы не поворачиваетъ... Вчера съ визитами у васъ, кажется, только и были, что трубочисты, полицейскіе солдаты, караульщики, почтальоны... да еще должники ваши...

Матвѣй Алексѣевичъ молчалъ и дѣлалъ видъ, что не слушаетъ ея, а занятъ самоваромъ.

— Ну, да это недолго такъ будетъ, продолжала Анна нѣсколько задрожавшимъ голосомъ и совсѣмъ съ особеннымъ выраженіемъ. — Я видѣла такой вѣщій сонъ и знаю, что скоро этому придетъ конецъ... Вотъ когда вамъ разобьютъ голову топоромъ, и когда вы будете лежать на своемъ смертномъ одрѣ, — тогда къ вамъ наберется столько народу, столько народу, что некуда будетъ и посадить всѣхъ гостей. И Игорь Андреичъ, у котораго вы отняли домъ, опять придетъ къ вамъ въ гости. И Дуня несчастная, которую вы погубили, придетъ... И ребенокъ мой невинный, котораго я даже имени не знаю, предстанетъ предъ вами. И я, грѣшница проклятая, пропойца кабацкая, приду къ вамъ, потому что вы же меня пропойцей сдѣлали... И мельникъ Зосимъ придетъ, который въ позапрошломъ году повѣсился, а передъ смертью сказалъ, что лучше ему веревочную петлю надѣть на себя, чѣмъ мучиться въ той, какую затянулъ на его шеѣ Матвѣй Алексѣевичъ... Всѣ, всѣ придутъ, и господа, и мѣщане, и большіе люди, и малыя дѣти! Всѣ мы придемъ, и всѣхъ насъ вы понесете на своей душѣ къ Богу, на судъ, отъ котораго не откупитесь вашими деньгами!..

Нижняя челюсть Матвѣя Алексѣевича опять стукнула о верхнюю, но онъ ничѣмъ не выдалъ, что слышалъ хоть одно слово Анны. Спустивъ лишнюю воду изъ вскипѣвшаго самовара, онъ поднялъ его и молча унесъ въ комнаты.

III

Заваривъ чай и собравъ на обѣденный столъ необходимую чайную посуду, Матвѣй Алексѣевичъ сѣлъ въ качальное буковое кресло, стоявшее около печки, и глубоко вздохнулъ. На душѣ у него становилось все тяжелѣе и безпокойнѣе. Одно къ одному, одно къ одному: за одной непріятностью шла другая, за другой — третья, и не было имъ

конца, какъ тучамъ, тянущимся по октябрьскому небу. Онъ думалъ объ обидахъ, нанесенныхъ ему вчера во время визитовъ, о воѣ Черныша, о письмѣ изъ Самары, о Сидорѣ, объ Аннѣ, о ея ребенкѣ, о мельникѣ Зосимѣ, о снѣ, который видѣла Анна... Какой такой еще сонъ привидѣлся этой пьяницѣ? Но о чемъ бы ни думалъ и что бы ни думалъ Матвѣй Алексѣевичъ, мысли его начинали незамѣтно уклоняться въ сторону, въ сторону и, наконецъ, останавливались все на одномъ и томъ же человѣкѣ — на Игорѣ.

Игорь былъ лѣтъ пять или шесть товарищемъ Матвѣя Алексѣевича по гимназіи. Потомъ они разстались на нѣкоторое время: Игорь, перешедшій изъ гимназіи въ юнкерское училище и поступившій въ военную службу, уѣхалъ въ Одессу, а Матвѣй Алексѣевичъ, предпочитавшій служить по гражданской части, остался здѣсь. Такимъ образомъ, имъ не пришлось увидѣться ни разу въ теченіе десяти лѣтъ. Затѣмъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, здѣсь умерла двоюродная сестра Игоря, старая дѣва, и оставила ему по духовному завѣщанію домъ въ городѣ и клочекъ земли, десятинъ около семидесяти пяти. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Игорь немедленно вышелъ въ отставку и переѣхалъ сюда на постоянное жительство. Только что пріѣхавъ сюда, онъ тотчасъ же пришелъ къ Матвѣю Алексѣевичу, и они для перваго свиданія послѣ долгой разлуки просидѣли и проговорили — за обѣдомъ, за чаемъ, за ужиномъ, потомъ просто за бутылками съ виномъ — не больше, не меньше, какъ шестнадцать часовъ подъ рядъ: съ часу дня до пяти утра. Какими они были въ гимназіи, такими и остались. Конечно, у обоихъ у нихъ прибавилось житейскаго опыта, но мысли и вкусы сохранились все тѣ же. Игорь по прежнему больше всего увлекался ружейной охотой и лошадьми, а Матвѣй Алексѣевичъ, какъ и въ старые годы, не могъ достаточно наговориться о пѣвцахъ: о теперешнемъ составѣ хора архіерейскихъ пѣвчихъ, о голосѣ Лаврушки, о нѣсколькихъ »замѣчательныхъ« голосахъ въ хорѣ женскаго монастыря.

Когда разсказывалъ Матвѣй Алексѣевичъ, Игорь сид
съ внимательнымъ лицомъ, молчалъ и задумчиво выпуск
изъ-подъ своихъ длинныхъ усовъ клубы табачнаго ды
Когда, въ свою очередь, Игорь принимался разсказыват
скачкахъ знаменитыхъ лошадей или о своихъ охотнич
приключеніяхъ, Матвѣй Алексѣевичъ тоже умолкалъ. Он
мывался и всѣмъ своимъ существомъ переносился въ
чуждую ему, но всетаки понятную и интересную область

Между старыми товарищами сразу возстановилась пр
няя дружба и, по всей вѣроятности, ненарушимо продол
лась бы и до сего времени, еслибы между ними не зам
шалась женщина. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, ко
Игорю было уже подъ сорокъ лѣтъ, Матвѣю Алексѣевич
и всѣ сорокъ, Игоря вдругъ точно околдовала одна взбал
мошная барынька, Марья Михайловна. Мужъ ея уже го
четыре лечился въ сумасшедшемъ домѣ и почти не подав
валъ надежды на выздоровленіе. Средства у Марьи Михай
ловны были небольшія, распоряжаться деньгами она н
привыкла, и поэтому только и дѣлала, что продавала чт
нибудь изъ своего имущества: то мельницу, то нѣсколь
десятинъ лѣсу, то клочокъ земли. Устраивать всѣ эти пр
дажи она обыкновенно просила Матвѣя Алексѣевича, ста
раго своего знакомаго, бывшаго въ хорошихъ отношеніяхъ
еще съ ея покойнымъ отцомъ и, къ тому же, пользовавшагося репутаціею извѣстнаго дѣльца. Матвѣй Алексѣевичъ охотно исполнялъ ея порученія и, въ концѣ концовъ, дос
стигъ того, что нажилъ себѣ въ лицѣ Марьи Михайловны самаго злѣйшаго врага. Кто подкопался подъ него такъ ловко — онъ до сихъ поръ не можетъ понять, но только въ одинъ прекрасный день Марья Михайловна пріѣхала къ нему, возмущенная до глубины души, и объявила ему прямо въ лицо, что она все знаетъ, что онъ обманывалъ ее при каждой продажѣ, что это безчестно, низко, возмутительно, въ особенности со стороны стараго знакомаго!..

Понятное дѣло, что, когда Игорь пришпилился къ юбкамъ

Марьи Михайловны, онъ уже не могъ смотрѣть на Матвѣя Алексѣевича прежними глазами. Конечно, крѣпкую дружбу и привычку, устанавливавшуюся въ теченіе столькихъ лѣтъ, трудно было порвать сразу. Игорь и Матвѣй Алексѣевичъ продолжали видѣться, но рѣже. Въ разговорахъ ихъ начало встрѣчаться все больше недомолвокъ. Игорь не одинъ разъ принимался заводить рѣчь о томъ, что охота Матвѣю Алексѣевичу пачкаться надъ всякими денежными оборотами и иногда унижаться даже до ростовщичества. Къ чему это? Онъ одинъ, нѣтъ у него ни жены, ни дѣтей, никого, а ему одному за глаза довольно и того, что̀ имъ уже нажито. Матвѣй Алексѣевичъ, привыкшій еще со школьной скамьи смотрѣть на Игоря, какъ на довольно легкомысленнаго человѣка, не безъ раздраженія отвѣчалъ, что еще никто не считалъ денегъ въ его карманѣ, — и, со своей стороны, не безъ умысла начиналъ распространяться на ту тему, что нельзя жить такъ, какъ жила попрыгунья-стрекоза въ баснѣ. Сегодня заложить что нибудь изъ имущества, завтра продать, а послѣзавтра, глядишь, нечего ужъ ни продавать, ни закладывать, ни ѣсть. Игорь самъ долженъ знать, въ какой это книгѣ сказано, что дарованные намъ таланты слѣдуетъ не зарывать въ землю и не бросать зря, а пріумножать...

— Счастіе, братъ, не въ деньгахъ, спокойно отвѣчалъ Игорь.

Земля его, постоянно сдававшаяся въ аренду и годъ отъ году становившаяся хуже, была имъ заложена. Часть большаго сада при своемъ домѣ онъ продалъ за ненадобностью. Впрочемъ, главныя средства къ жизни Игорь получалъ не отъ земли и не отъ дома, а отъ торговли лошадьми, которыхъ покупалъ въ степи, объѣзжалъ и потомъ продавалъ на ярмаркахъ и въ городѣ. Средствъ этихъ было настолько достаточно для него, что, при обыкновенномъ теченіи жизни, онъ могъ жить безъ всякой заботы о завтрашнемъ днѣ. Къ несчастію, случилось нѣчто выходящее изъ этого обыкновеннаго русла. Въ одну бурную ночь въ городѣ вспыхнулъ

пожаръ, уничтожившій около десятка домовъ, и въ ч
числѣ — домъ Игоря.

— По крайней мѣрѣ, успѣлъ ли ты возобновить
ховку? прежде всего спросилъ Матвѣй Алексѣевичъ, к
только увидѣлъ Игоря.

— Нѣтъ... забылъ, отвѣчалъ тотъ.

Матвѣй Алексѣевичъ, сотни разъ доказывавшій ему
всѣ лады, что въ жизни бываютъ мало ли какіе случ
и что сколько нибудь разсудительный человѣкъ всегда д
женъ припасать копѣйку на черный день, — торжествова
теперь.

— Ну, вотъ видишь!.. Что же ты будешь дѣлат
теперь?

— Да что дѣлать? Горѣлое мѣсто продамъ, буду жи
на квартирѣ, довольно пасмурно отвѣчалъ Игорь.

Матвѣй Алексѣевичъ рѣшительно возсталъ противъ этог
Безразсудное это дѣло! У Игоря чуть не всегда стоятъ л
шади, — иногда по пяти, по шести головъ сразу. Нужны
конюшни, сѣновалы, амбары, каретники, помѣщеніе дл
конюховъ, мало ли что еще... Во что же обойдется ем
такая квартира, въ особенности теперь, послѣ пожара, когда
и безъ того недешевыя квартиры должны вздорожать еще
больше?

— Самъ знаю... Да что же мнѣ больше дѣлать? спросил
Игорь еще угрюмѣе.

Тогда Матвѣй Алексѣевичъ вызвался ссудить ему на
постройку тысячи двѣ, даже больше, если понадобится, безъ
всякихъ процентовъ и съ однимъ только условіемъ, чтобы
Игорь выплачивалъ каждый мѣсяцъ приблизительно ту сумму,
какую ему пришлось бы платить за наемную квартиру...
Игорю страшно не хотѣлось брать эти деньги. — »Вотъ, пле-
валъ въ колодецъ, а теперь полѣзу пить изъ него!« думалось
ему. Онъ долго хмурилъ брови, забиралъ въ ротъ свои боль-
шіе усы, мялъ ихъ губами, покусывалъ.

— Не слѣдовало бы, твердилъ онъ.

— Помилуй! Какъ не слѣдовало бы?! Да это будетъ такая ...упость! Такая обида мнѣ! Помилуй! восклицалъ Матвѣй ...лексѣевичъ.

— Не слѣдовало бы, не слѣдовало бы, рѣшительно по-горилъ Игорь и тогда, когда онъ уже взялъ деньги Матвѣя ...лексѣевича и, положивъ ихъ въ карманъ, собрался идти ...ъ дома.

Теперь и Матвѣй Алексѣевичъ соглашался въ душѣ, что ...ыло бы гораздо лучше, еслибы между ними не завелись еще ...ти денежные счеты. Деньги были взяты Игоремъ въ апрѣлѣ, ...а въ концѣ августа произошла слѣдующая исторія. Въ углу ...лощади, на которую выходилъ домъ Матвѣя Алексѣевича, помѣщались, со своими столиками и корзинами, базарныя торговки, продававшія, смотря по времени года, то печеный хлѣбъ, то ягоды, то яблоки и арбузы, то лукъ и орѣхи. Въ числѣ этихъ торговокъ все чаще и чаще начала появляться премиленькая дѣвушка-подростокъ, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати. Прежде на ея мѣстѣ торговала ея мать, жена пропавшаго безъ вѣсти мѣщанина, который, какъ говорили люди, затѣмъ и пропалъ, чтобы избавиться отъ своей распутной и злой подруги жизни. Она и въ прежнее время была довольно часто навеселѣ; съ тѣхъ же поръ, какъ пропалъ ея мужъ, стала пить еще больше и, наконецъ, дошла до того, что, пославъ дочь торговать вмѣсто себя на базаръ, сама по цѣлымъ днямъ проводила въ кабакѣ или, какъ пластъ, лежала у себя на постели, мертвецки пьяная. Дуню, дочь свою, она чѣмъ дальше, тѣмъ больше не любила, потому что видѣла въ ней одну только тяжелую обузу, возложенную на нее неизвѣстно за какіе грѣхи. Какъ-никакъ, дѣвчонку всетаки надо и одѣть, и обуть, и накормить, — а откуда она возьметъ денегъ, когда ихъ не хватаетъ даже и для нея самой? Какъ только представлялся хоть малѣйшій случай придраться къ дочери, она таскала ее за волосы, посылала къ пропавшему отцу, къ чорту, била... Однако эти побои нисколько не мѣшали терпѣливой, отъ природы

веселой дѣвочкѣ черезъ какихъ нибудь четверть часа сидѣ: какъ ни въ чемъ не бывало, за своимъ столикомъ на базар вязать чулокъ, скликать къ себѣ бродячихъ базарныхъ бакъ или передразнивать сороку, стрекочущую въ сосѣдне огородѣ.

— Что, Дуня, били тебя сегодня? Перепало тебѣ? спр шивалъ Игорь, которому приходилось часто проходить этому углу площади.

— Перепало, будетъ съ меня, отвѣчала дѣвушка, пок зывая въ веселой улыбкѣ свои бѣлые мелкіе зубы.

— Больно били?

— Ой, больно сегодня! восклицала она, начиная тре тись отъ овладѣвавшаго ею смѣха. — Ухватила скалку, к какъ размахнется ею... себѣ по уху попала, а мнѣ п рукѣ, вотъ въ это мѣсто... И ей больно, и у меня рук посинѣла!

— Ну, пройдетъ... Не было бы больно на совѣсти, а рука заживетъ... Терпи казакъ — атаманъ будешь, наставительно говорилъ Игорь.

Игорь уже лѣтъ восемь зналъ Дуню черезъ ея отца, одно время служившаго у него, и, по старой привычкѣ, все еще смотрѣлъ на нее, какъ на восьмилѣтнюю дѣвочку. Нерѣдко, купивъ у нея всѣ яблоки и орѣхи, вынесенные ею на продажу, онъ нарочно расплачивался съ нею цѣлою грудою мѣдныхъ денегъ и, съ трудомъ сдерживаясь отъ смѣха, смотрѣлъ, какъ она считала всѣ эти пятаки, трешники, путалась въ счетѣ, краснѣла и принималась считать опять сначала.

— Денежки любятъ счетъ, говорилъ онъ, стараясь по возможности оставаться серьезнымъ.

Матвѣй Алексѣевичъ, вообще не любившій дѣтей, долгое время не обращалъ на Дуню никакого вниманія, но потомъ какъ-то вдругъ замѣтилъ ее, точно она въ первый разъ появилась на площади. Его поразило то, что она, совсѣмъ незамѣтно для него, превратилась изъ невиднаго ре-

ика въ женщину, положимъ, маленькую, но всетаки въ женщину или, вѣрнѣе, въ женщинку. — »Женщинка, женщинка!« повторялъ онъ про себя, разсматривая изъ окна овальное маленькое личико съ гладко причесанными свѣтлыми волосами, покатыя плечи, несовсѣмъ еще сформировавшуюся грудь, широкій, нѣсколько выдававшійся животъ, круглыя колѣни, обрисовывавшіяся подъ жидкимъ старенькимъ платьемъ. »Женщинка« все чаще и чаще стала привлекать къ себѣ его жадные глаза и занимать его мысли. — »Все равно, ей одна дорога: теперь бѣгаетъ въ кабакъ за водкой для матери, а потомъ будетъ бѣгать для себя и для своего любовника. Все равно, дальше кабака ей никуда не уйти«, размышлялъ Матвѣй Алексѣевичъ. Онъ навелъ подъ рукой подробныя справки о матери Дуни и узналъ, что она пропила уже всю одежду мужа, двѣ лодки, сарай, а теперь пропиваетъ понемногу и домъ. Послѣ этого Матвѣй Алексѣевичъ осторожными полусловами далъ понять матери Дуни, что если ей нужны деньги, то она легко можетъ получить ихъ... Почти помѣшавшаяся отъ пьянства мать Дуни тотчасъ же согласилась на эту сдѣлку и устроила все, что нужно было Матвѣю Алексѣевичу.

Матвѣй Алексѣевичъ разсчитывалъ, что эта исторія, если ненавсегда, то на долгое время, такъ и останется втайнѣ между ними троими. Но судьбѣ угодно было, чтобы его врагъ, Марья Михайловна, давно собиравшаяся взять Дуню къ себѣ въ горничныя, пріѣхала къ ней на другой же день, застала дѣвочку одну, больную, всю въ горькихъ слезахъ, и безъ особеннаго труда вывѣдала у нея, что съ нею случилось. Часа черезъ три, вечеромъ, къ неожидавшему ничего подобнаго Матвѣю Алексѣевичу пришелъ Игорь, очевидно, объѣзжавшій лошадей и только что возвратившійся домой. Мрачный, какъ туча, забрызганный грязью, въ длинныхъ сапогахъ, съ арапникомъ въ рукѣ, онъ, вмѣсто привѣтствія, погрозилъ Матвѣю Алексѣевичу кулакомъ и сказалъ:

— Ну, чортъ тебя разнеси... Когда тебя называли под-

лецомъ, я всегда за тебя заступался. А теперь я самъ ск
скажу за Дуню, что ты подлецъ... злодѣй... мерзавецъ!

Онъ размахнулся было арапникомъ, собираясь хлест
Матвѣя Алексѣевича, но тотчасъ же отвернулся въ сто
и только плюнулъ. Отъ неожиданности, злобы и стр
Матвѣй Алексѣевичъ дрожалъ до такой степени, что у не
тряслась его большая окладистая борода, тряслись толст
губы, тряслись колѣни, тряслись, казалось, самые глаза.

— Очень хорошо-съ, проговорилъ онъ наконецъ, н
сколько придя въ себя. — Подлецъ, такъ подлецъ. Очен
хорошо-съ!.. Только, надо думать, вы пришли ко мнѣ
тѣмъ, чтобы возвратить мнѣ деньги, которыя я вамъ с
дилъ...

— Нѣтъ, я пришелъ къ тебѣ только съ тѣмъ, чтоб
отхлестать тебя, подлеца. А деньги твои поганыя я те
принесу потомъ, отвѣчалъ Игорь.

— Очень хорошо-съ. Потомъ, такъ потомъ — нечего д
лать... А теперь я васъ попрошу удалиться изъ моего дом
и оставить меня въ покоѣ. Покорнѣйше прошу-съ, ска
залъ Матвѣй Алексѣевичъ, указывая трясущеюся рукою на
дверь.

Игорь продалъ свою заложенную землю, заложилъ только
что выстроенный заново домъ, призанялъ кое-гдѣ еще нѣ
сколько сотъ рублей и принесъ своему бывшему другу взя
тыя у него деньги.

— Очень хорошо-съ, сказалъ Матвѣй Алексѣевичъ, пе
ресчитавъ ихъ.

— Даже превосходно, согласился Игорь: — потому что
съ этихъ поръ у меня покончены всѣ дѣла съ однимъ лиш
нимъ мерзавцемъ.

Однако же въ этомъ онъ жестоко ошибся... Заперевъ
за нимъ дверь, Матвѣй Алексѣевичъ вернулся къ столу, въ
который положилъ деньги, и вдругъ увидѣлъ, что Игорь за
былъ на столѣ свой вексель, только что погашенный имъ...

— И это тоже превосходно-съ! съ злорадною улыбкою

проговорилъ Матвѣй Алексѣевичъ, повертывая то одною, то другою стороной этотъ документъ, который, какъ неразмѣнный рубль, тотчасъ же возвратился къ нему во всей неприкосновенности, — неперечеркнутымъ, ненадорваннымъ, безъ всякой надписи.

Онъ ни на одну минуту не задумался надъ тѣмъ, что ему дѣлать съ векселемъ. Игорь былъ чуть ли не единственный человѣкъ на свѣтѣ, къ которому Матвѣй Алексѣевичъ чувствовалъ искреннюю и совершенно безкорыстную привязанность. Игорю онъ никогда не причинилъ никакого зла, ни дѣломъ, ни словомъ. Для Игоря онъ забывалъ свою скупость, даже готовъ былъ на нѣкоторыя жертвы. И этотъ-то Игорь перешелъ на сторону его враговъ, поднялъ на него руку, обозвалъ его такими обидными словами, которыхъ еще никто не осмѣливался кинуть ему въ лицо! И изъ-за чего? Изъ-за нищей дѣвчонки, которая, все равно, не съ завтрашняго, такъ съ послѣзавтрашняго дня стала бы переходить съ рукъ на руки. И даже не изъ-за этого, а изъ-за того, что онъ попался подъ башмакъ взбалмошной и злопамятной бабенки, которая ловко воспользовалась случаемъ, чтобы натравить своего поклонника на ненавистнаго ей человѣка!

Сердце Матвѣя Алексѣевича было полно злобы и ожесточенія. Еслибы случай далъ ему въ руки не этотъ вексель, а какой нибудь такой документъ, съ помощью котораго можно было бы сослать Игоря на самую тяжелую каторжную работу, куда нибудь въ рудникъ, подъ землю, — то и тогда Матвѣй Алексѣевичъ не пощадилъ бы его. Съ какой это стати онъ станетъ щадить кого бы то ни было? Развѣ его самого щадилъ и жалѣлъ кто нибудь? Развѣ въ теченіе всей своей жизни онъ видѣлъ какое нибудь добро даже отъ тѣхъ людей, которымъ былъ преданъ всѣмъ своимъ сердцемъ? Никого, никого онъ не хочетъ щадить и жалѣть!

Матвѣй Алексѣевичъ передалъ вексель для взысканія своему постоянному ходатаю по дѣламъ, а самъ, во избѣ-

жаніе всякихъ непріятныхъ случайностей и столкновеній, уѣхалъ въ Нижній. Но даже и эта предосторожность оказывалась совершенно ненужною. Игорю было не до него и ни до чего на свѣтѣ, потому что какъ разъ въ это самое время Марья Михайловна, жестоко простудившаяся на пикникѣ, лежала при смерти. Когда ему сдѣлалось извѣстно, что съ него вторично взыскиваютъ уже уплаченныя имъ деньги, онъ порылся въ своемъ большомъ ветхомъ бумажникѣ и, не найдя векселя, пожалъ плечами. Не было ничего удивительнаго ни въ томъ, что онъ забылъ положить вексель въ карманъ, ни въ томъ, что такой отъявленный мерзавецъ, какъ Матвѣй Алексѣевичъ, деретъ вторую шкуру съ одного и того же вола. Поговоривъ при случаѣ со знакомымъ адвокатомъ и услышавъ отъ него, что отстояться отъ Матвѣя Алексѣевича крайне, крайне трудно, Игорь махнулъ рукой.

— Э, что̀ тутъ! Пропадай моя телѣга — всѣ четыре колеса! съ горечью сказалъ онъ, думая не столько объ этомъ дѣлѣ, сколько о своей умирающей Машѣ. — Все равно!

Скоро Матвѣй Алексѣевичъ въ Нижнемъ получилъ отъ своего повѣреннаго извѣстіе, что у Игоря Андреевича Савелова продано съ аукціона все его имущество, и что самъ онъ, не желая послѣ смерти Марьи Михайловны оставаться въ здѣшнемъ городѣ, завтра уѣзжаетъ отсюда въ Самару. Матвѣй Алексѣевичъ тотчасъ же поѣхалъ домой, разсчитывая, что если ему и придется еще встрѣтиться когда нибудь съ Игоремъ, то, во всякомъ случаѣ, нескоро. Однако первое знакомое лицо, которое онъ увидѣлъ, сойдя раннимъ утромъ съ парохода, былъ Игорь, замѣшкавшійся въ городѣ и, очевидно, уѣзжавшій только теперь. Съ дорожной сумкой черезъ плечо, замѣтно похудѣвшій, онъ стоялъ, прислонившись къ телеграфному столбу, и задумчиво смотрѣлъ вверхъ, на гору, по склону которой раскидывался только что начавшій просыпаться городъ со своими оврагами, мостами, садами, бѣлыми церквами. Онъ прощался мысленно со всѣми этими знакомыми домами, бѣлыми, красными, сѣрыми, —

со всѣми этими, точно изломанными на мелкіе куски, улицами и переулками, взбѣгавшими съ холма на холмъ. Прощай, городъ! Прощай, дорогая свѣжая могилка, тамъ, подъ высокими, постоянно зелеными соснами кладбища, расположеннаго нѣсколько въ сторонѣ, надъ крутымъ обрывомъ горы! У ногъ Игоря стояла бѣлая съ коричневыми пятнами собака, Діана, и съ недоумѣніемъ поглядывала то на своего, словно окаменѣвшаго, хозяина, то вдаль, туда, куда были устремлены его печальные глаза.

Когда Матвѣй Алексѣевичъ проѣзжалъ мимо, Игорь взглянулъ на него, сначала разсѣянно, потомъ пристальнѣе. Его глубоко ввалившіеся глаза, казалось, ввалились еще больше, суровое лицо сдѣлалось еще суровѣе, но онъ не тронулся съ мѣста, не сказалъ ни слова, даже не пошевелилъ губами. Настроеніе его въ эту минуту было вовсе не такое, чтобы заводить исторію изъ-за какихъ-то тамъ денегъ. — »Вотъ... тоже... чуть не всю жизнь были друзьями!« съ горечью подумалъ онъ, смотря на сгорбившуюся фигуру проѣхавшаго Матвѣя Алексѣевича, за экипажемъ котораго вилось легкое облачко пыли, поднятой колесами.

IV

Матвѣй Алексѣевичъ пріѣхалъ домой очень веселый, радуясь, что эта неожиданная встрѣча обошлась для него безъ всякихъ непріятностей, и что Игорь теперь уже далеко. Весь день Матвѣй Алексѣевичъ былъ занятъ своими дѣлами. Но вечеромъ, когда онъ покончилъ съ ними, ему опять вспомнилась утренняя встрѣча — и на этотъ разъ представилась уже совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Поведеніе Игоря начало казаться Матвѣю Алексѣевичу въ высшей степени подозрительнымъ. Не можетъ быть, чтобы человѣкъ, разоренный, что̀ называется, дотла, не питалъ злобы противъ разорившаго его человѣка и не хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь отомстить ему. Невѣроятное это дѣло!.. Всякій другой на мѣ-

стѣ Игоря написалъ бы Матвѣю Алексѣевичу нѣсколь
писемъ, наполненныхъ проклятіями и угрозами, всячес
искалъ бы случая увидѣться съ нимъ лично и отвести ду
хоть бранью. Если же Игорь не прибѣгъ ни къ чему п
добному и даже при сегодняшней случайной встрѣчѣ н
проронилъ ни одного слова, то, очевидно, онъ замыслил
отомстить Матвѣю Алексѣевичу не пустыми разговорами,
чѣмъ-то инымъ, болѣе существеннымъ... Сначала Матвѣ
Алексѣевичъ подумалъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, чт
чѣмъ же это Игорь ухитрится повредить ему? Однако в
томъ, когда онъ обсудилъ этотъ вопросъ серьезнѣе, у не
похолодѣло на сердцѣ. Да мало ли что можетъ сдѣлать озло
ленный человѣкъ! Можетъ сказать, что уѣзжаетъ въ Са
мару, а на самомъ дѣлѣ вернуться обратно съ половины
дороги и ночью зарѣзать разорившаго его человѣка, за
стрѣлить черезъ окно, незатворенное ставнемъ, сжечь
живьемъ вмѣстѣ съ домомъ и со всѣмъ имуществомъ. С
измѣнившимся отъ страха лицомъ, Матвѣй Алексѣевичъ об
шелъ весь домъ, осмотрѣлъ — не сорвалась ли съ цѣпи со
бака, заперты ли ворота и двери, закрыты ли ставни...

На другой день утромъ Матвѣй Алексѣевичъ проснулся
совсѣмъ успокоившимся и, вспомнивъ о своихъ вчерашнихъ
страхахъ, пришелъ къ заключенію, что они овладѣли имъ
просто вслѣдствіе того, что онъ усталъ съ дороги и нѣсколько
разстроился нервами. Однако къ ночи, часу въ двѣнадца
томъ, когда онъ возвратился домой отъ знакомыхъ и собп
рался лечь въ постель, ему опять припомнилась вчерашняя
встрѣча у пристани. Опять онъ какъ будто увидѣлъ передъ
собой суровое, точно каменное лицо Игоря со ввалившимися
глазами, съ глубокой морщиной между бровями, — и опять
имъ овладѣли мрачныя мысли предчувствія. Тревожно вслуши
ваясь въ казавшуюся ему зловѣщей ночную тишину, Мат
вѣй Алексѣевичъ началъ даже раскаиваться въ томъ, что
поступилъ такъ жестоко съ Игоремъ. Положимъ, Игорь
страшно оскорбилъ его, — но всетаки не слѣдовало взыски-

вать вторично деньги по векселю, нѣтъ, не слѣдовало. Глупо это было сдѣлано, сгоряча, безъ надлежащаго обсужденія! Достаточно было отобрать у Игоря только тѣ деньги, которыя были ему даны на постройку дома, — и тогда Матвѣй Алексѣевичъ могъ бы сказать со спокойнымъ сердцемъ хоть въ церкви, что не онъ въ долгу передъ Игоремъ, а Игорь кругомъ виноватъ и въ долгу передъ нимъ. Тогда было бы совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло!

Въ теченіе слѣдующихъ дней, Матвѣй Алексѣевичъ началъ замѣчать, что нѣкоторые изъ его знакомыхъ стали относиться къ нему холоднѣе, чѣмъ относились прежде. — »Это все изъ-за Игоря, все изъ-за Игоря!« повторялъ онъ, кипя злобой противъ этихъ знакомыхъ и собираясь, при случаѣ, жестоко отплатить имъ. Этихъ, явно измѣнившихся къ нему въ своихъ отношеніяхъ, людей было всего двое, трое, но въ иныя минуты Матвѣю Алексѣевичу стало казаться, что онъ окруженъ врагами, что противъ него рѣшительно всѣ въ городѣ, и если до поры, до времени не обнаруживаютъ явно свою непріязнь къ нему, то потому только, что однимъ онъ нуженъ, другіе его боятся, третьи положили себѣ за правило находиться по возможности въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми. На душѣ у Матвѣя Алексѣевича сдѣлалось еще неспокойнѣе и тяжелѣе.

Потомъ пришло письмо изъ Самары отъ стараго его знакомаго и сослуживца, Никанора Семеновича, котораго онъ просилъ навести, если возможно, справки о томъ, какъ устроился Игорь на новомъ мѣстѣ. — »Игорь Андреевичъ Савеловъ дѣйствительно находится теперь въ Самарѣ«, писалъ Никаноръ Семеновичъ. — »Покуда онъ не пристроился еще ни къ какому занятію и, вообще, ведетъ такую жизнь, какъ будто пріѣхалъ сюда только повидаться съ знакомыми, а потомъ опять уѣдетъ. Одинъ мой знакомый, который иногда встрѣчается съ нимъ у своихъ родственниковъ, говорилъ мнѣ, что господинъ Савеловъ всегда очень задумчивъ и, должно быть, или скучаетъ здѣсь, или крайне озабоченъ

чѣмъ-то«. По мѣрѣ того, какъ Матвѣй Алексѣевичъ прочитывалъ, слово за словомъ, эти неразборчиво написанныя строки, сердце его стучало все сильнѣе и сильнѣе, руки, державшія письмо около лампы, дрожали больше и больше. Прочитавъ письмо до конца, онъ опустилъ его на столъ и задумался. Когда Игорь уѣзжалъ отсюда, онъ положительно говорилъ, что ѣдетъ въ Самару и поселится тамъ на постоянное жительство. Теперь же оказывается, что въ Самарѣ онъ не ищетъ мѣста и, вообще, не думаетъ устраиваться сколько нибудь прочно. »Покуда«, пишетъ Никаноръ Семеновичъ. Слѣдовательно, надо думать, что если Игорь и собирается заняться въ Самарѣ какими нибудь дѣлами, то не теперь, а впослѣдствіи, потому что теперь онъ »крайне озабоченъ« чѣмъ-то другимъ. Но чѣмъ можетъ быть озабоченъ такой цыганъ, какъ Игорь, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, ни семьи, ни близкихъ людей, ни какихъ нибудь старинныхъ привязанностей, ни дома? »Или скучаетъ, или крайне озабоченъ«, говоритъ знакомый Никанора Семеновича. Конечно, Игорь можетъ скучать по Марьѣ Михайловнѣ; но, очевидно, въ письмѣ идетъ рѣчь не объ этомъ, потому что тамъ ясно сказано: »скучаетъ здѣсь«. Слѣдовательно, знакомый Никанора Семеновича имѣлъ возможность замѣтить, что Игоря покуда не интересуетъ Самара, и мысли его не въ ней, а гдѣ-то далеко, заняты чѣмъ-то не имѣющимъ никакого отношенія къ окружающей его новой обстановкѣ. Но гдѣ же онѣ могутъ быть, какъ не здѣсь? Чѣмъ же Игорь можетъ быть »крайне озабоченъ«, какъ не тѣмъ, чтобы отомстить человѣку, который разорилъ его и, что̀ называется, сбилъ съ ногъ?

Матвѣй Алексѣевичъ опять поднесъ къ лампѣ письмо Никанора Семеновича и еще разъ внимательно прочиталъ то мѣсто, гдѣ говорилось объ Игорѣ. — »Да... все такъ... *Покуда* ни къ чему не пристроился...« — »Какъ будто опять собирается уѣхать...« — »Всегда раздумчивъ... скучаетъ здѣсь... крайне озабоченъ чѣмъ-то...«

Пройдясь задумчиво по комнатѣ, Матвѣй Алексѣевичъ припомнилъ странное молчаніе Игоря въ то время, когда у него отняли и продали имущество, припомнилъ еще разъ свою встрѣчу съ нимъ на пристани — и сопоставилъ все это со свѣдѣніями, сообщаемыми теперь Никаноромъ Семеновичемъ. Выводъ можно было сдѣлать только одинъ: именно тотъ, что Игорь уже давно рѣшился отомстить Матвѣю Алексѣевичу не праздными словами, а чѣмъ-то инымъ, и уѣхалъ въ Самару единственно для того, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ покинетъ Самару и, ни для кого незамѣтно, проберется сюда, чтобы свести свои счеты съ разорившимъ его человѣкомъ.

У Матвѣя Алексѣевича выступилъ на лбу холодный потъ и задрожали колѣни.

V

И вотъ, на второй день Рождества, вечеромъ, Матвѣй Алексѣевичъ, сидя съ поникшею головою въ качальномъ креслѣ, думалъ, что все идетъ именно такъ, какъ онъ и ожидалъ. Онъ давно предчувствовалъ, что рано или поздно Игорь уѣдетъ изъ Самары, — а теперь оказывается, что дѣйствительно уѣхалъ. Куда уѣхалъ? Игорь говоритъ, что самъ не знаетъ, и, въ сущности, говоритъ одну только правду, потому что ему самому неизвѣстно, чѣмъ можетъ кончиться и куда можетъ его привести задуманное имъ дѣло. По дорогѣ онъ, разумѣется, заѣдетъ сюда на самое короткое время, на ночь, на нѣсколько часовъ, можетъ быть, даже всего на полчаса, а куда приведется ему отправиться отсюда — это кто же вѣдаетъ? Если ему сойдетъ удачно съ рукъ задуманное имъ дѣло, тогда онъ можетъ направиться куда угодно — въ Петербургъ, на югъ, обратно въ Самару... Если же ему непосчастливится въ рѣшительную минуту, ну, тогда онъ долженъ будетъ совершить совсѣмъ другое

путешествіе, — въ центральную тюрьму, въ Сибирь, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ на островъ Сахалинъ.

Все это Матвѣй Алексѣевичъ предвидѣлъ давно и принялъ заблаговременно надлежащія мѣры. Домъ свой онъ всегда страховалъ и прежде, но теперь застраховалъ, кромѣ того, и все свое движимое имущество. Къ окнамъ и къ стеклянной двери на террасу сдѣланы новыя ставни, затворяющіяся не снаружи, а изнутри. Къ калиткѣ и ко всѣмъ наружнымъ дверямъ — въ сѣни, на улицу, на дворъ — придѣланы надежныя предохранительныя цѣпочки. Въ карманахъ у Матвѣя Алексѣевича постоянно лежатъ два заряженные револьвера. Наконецъ, по вечерамъ, какъ только закатится солнце, онъ совсѣмъ не выходитъ изъ дому. И однако же, несмотря на всѣ эти мѣры, Матвѣй Алексѣевичъ ясно видитъ, что онъ не можетъ быть спокоенъ ни на одну минуту, что онъ просто беззащитенъ, беззащитенъ, беззащитенъ противъ своего врага. Позднею ночью этотъ врагъ придетъ и подожжетъ домъ. Если не хочетъ сгорѣть живьемъ, Матвѣй Алексѣевичъ вынужденъ будетъ выйти изъ дому, а тамъ, на улицѣ, застилаемой дымомъ, среди безпорядочно мечущихся людей и лошадей, его уже будетъ ждать озлобленный врагъ съ топоромъ, ломомъ или желѣзнымъ багромъ въ рукахъ. Ни о какой защитѣ нечего и думать, ибо превратишься въ бездыханный трупъ прежде, чѣмъ замѣтишь опасность.

Въ дверь постучалась Анна и сказала, что она уходитъ.

— Съ Богомъ! сухо проговорилъ Матвѣй Алексѣевичъ.

Онъ надѣлъ теплое платье, ощупалъ въ карманахъ револьверы и пошелъ проводить ее до воротъ, думая въ это время съ нервною дрожью, что вотъ тоже удобная минута для того, кто собирается убить его. Стоитъ только пробраться во дворъ и притаиться гдѣ нибудь въ темномъ углу, вотъ тутъ, около двери, или вонъ тамъ, въ палисадникѣ. Положимъ, на дворѣ злая собака, но собаку недолго и нетрудно отравить... Окликнувъ собаку, заперевъ за Ан-

ой калитку и двери, Матвѣй Алексѣевичъ опять воротился ъ комнату, въ которой сидѣлъ прежде.

Матвѣй Алексѣевичъ усталъ отъ той постоянной нервой тревоги, въ которой находился уже нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ захотѣлъ успокоить себя и сказалъ самому себѣ, что онъ, можетъ быть, напрасно тревожится и ждетъ Игоря. Весьма можетъ быть, что прежде у Игоря и была мысль отомстить ему, — но мало ли мыслей и замысловъ зарождается въ головѣ человѣка подъ впечатлѣніемъ минуты, растетъ, зрѣетъ, развивается въ тонко обдуманные планы и потомъ безслѣдно разсѣевается, какъ дымъ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. То же самое могло случиться и съ замысломъ Игоря... Но, какъ будто въ отвѣтъ на эти успокоительныя размышленія, Матвѣю Алексѣевичу вспомнился его сегодняшній послѣобѣденный сонъ. — »Игорь идетъ!« предупреждалъ его Лаврушка и потомъ еще разъ повторилъ: »Идетъ, идетъ!« и даже толкнулъ его въ плечо, какъ будто хотѣлъ поскорѣе разбудить, поднять на ноги, въ виду приближающейся опасности. Лаврушка былъ благодарный и преданный человѣкъ. Матвѣю Алексѣевичу, любившему его за голосъ, случилось однажды довольно существенно помочь ему въ трудную минуту, и съ тѣхъ поръ Лаврушка только и искалъ случая оказать ему какую нибудь услугу. Кто знаетъ... Въ жизни случается много необъяснимыхъ явленій... Къ Разумову приходилъ же во снѣ его покойный отецъ и предупреждалъ его...

Пробило одиннадцать часовъ, пробило двѣнадцать. Матвѣй Алексѣевичъ, обыкновенно укладывавшійся спать въ одиннадцать, теперь ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и думалъ, что сегодня лучше будетъ совсѣмъ не ложиться въ постель, тѣмъ болѣе, что ему, все равно, не заснуть. Лицо горитъ, голова точно налита горячей водой, сердце бьется тревожно... Положимъ, онъ нынче платитъ особое жалованье городскому ночному караульщику, чтобы тотъ повнимательнѣе слѣдилъ за его домомъ; но вѣдь это такой народъ, ко-

торый будетъ тѣмъ больше пить водки и тѣмъ крѣпче спать по ночамъ, чѣмъ больше получитъ лишнихъ денегъ. Сегодня, ради большаго праздника, этотъ подлецъ, должно быть, и совсѣмъ не вышелъ караулить, потому что за весь вечеръ не было ни разу слышно трещотки.

Подойдя къ двери на балконъ, Матвѣй Алексѣевичъ немного пріотворилъ ставень и посмотрѣлъ на площадь. Отъ полнаго мѣсяца, свѣтившаго сзади дома, отъ ослѣпительно-бѣлаго снѣга, покрывавшаго землю, кровли, деревья, было совсѣмъ свѣтло. Ни души не было видно на площади, ни одного звука не слышалось на всемъ этомъ обширномъ бѣломъ пространствѣ. Вдругъ Матвѣю Алексѣевичу показалось, что изъ-за угла каменной церковной ограды выдвинулась какая-то тѣнь и сейчасъ же опять скрылась. Онъ подозрительно смотрѣлъ на то мѣсто минуты три, но не видѣлъ больше ничего, кромѣ бѣлаго блестящаго снѣга и бѣлой же каменной ограды, — и пришелъ къ тому заключенію что ему просто такъ показалось.

»Показалось ли, полно?« подумалъ Матвѣй Алексѣевичъ пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ опять подошелъ къ балкону, отперъ ставень и посмотрѣлъ на площадь. Тамъ, около угла ограды, гдѣ ему показалась движущаяся тѣнь, все было неподвижно, бѣло, однообразно-свѣтло. Но когда онъ отвелъ глаза нѣсколько влѣво, онъ замеръ отъ ужаса, на нѣсколько мгновеній точно окаменѣлъ на мѣстѣ и уже потомъ, обезсилѣвшими, полуонѣмѣвшими руками началъ машинально притворять ставень все больше, больше, покуда, наконецъ, не затворилъ его совсѣмъ. Тогда онъ притаился за нимъ и опять замеръ, боясь перевести стѣснившееся дыханіе. Тамъ, саженяхъ въ десяти отъ балкона, у столба съ незажженнымъ сегодня фонаремъ, онъ увидѣлъ Игоря. Никто другой не увидалъ бы на этомъ мѣстѣ рѣшительно никого, потому что тамъ никого и не было; но Матвѣй Алексѣевичъ совершенно ясно видѣлъ Игоря въ его обыкновенномъ зимнемъ охотничьемъ костюмѣ — въ корот-

омъ полушубкѣ, крытомъ чернымъ сукномъ, въ длинныхъ апогахъ, перевязанныхъ ремнями, въ черной барашковой апкѣ съ назатыльникомъ. У ногъ Игоря виднѣлась почти ливпаяся со снѣгомъ бѣлая собака — его Діана. Онъ гоялъ неподвижно, какъ тогда, у пристани, и, очевидно, мотрѣлъ, есть ли огонь въ комнатахъ Матвѣя Алексѣевича, ли уже погашено все, кромѣ лампадки.

Матвѣй Алексѣевичъ, не шевелясь, стоялъ за ставнемъ ять, десять минутъ и, насколько ему позволяло біеніе его ердца и шумъ крови въ ушахъ, старался слушать, не заскрипитъ ли снѣгъ подъ окнами. Снѣгъ не хрустѣлъ, на лощади по прежнему не было слышно ни звука. Но когда, черезъ нѣсколько времени, Матвѣй Алексѣевичъ рѣшился чуть-чуть пріотворить ставень и взглянуть въ окно, у столба съ фонаремъ не было уже никого.

Въ головѣ Матвѣя Алексѣевича, какъ искра, промелькнула мысль, что если Игорь захочетъ теперь войти во дворъ, то войдетъ не иначе, какъ черезъ садъ. Торопливо, насколько позволяли ему дрожавшія ноги и угнетенное ужасомъ дыханіе, Матвѣй Алексѣевичъ перешелъ въ заднюю комнату, выходившую своимъ единственнымъ окномъ во дворъ. Онъ съ трудомъ отперъ ставень и, пріотворивъ его настолько, что образовалась узкая щель, сталъ смотрѣть въ нее. Направо были ворота, налѣво тянулись темною сплошною массою сараи и погреба; прямо передъ окномъ, по ту сторону двора, виднѣлся садъ. На чистомъ, только вчера выпавшемъ, снѣгу отчетливо лежали тѣни садовыхъ воротъ съ шарами на столбахъ, низенькой рѣшетки, скворешницы, высокой старой березы, крошечнаго домика для садовыхъ инструментовъ. Но вдругъ, среди этихъ знакомыхъ тѣней, Матвѣй Алексѣевичъ увидѣлъ новую, точно сейчасъ и сразу легшую на снѣгъ. Опять таки никто другой не увидѣлъ бы на этомъ мѣстѣ никого, потому что тамъ никого и не было; но Матвѣй Алексѣевичъ совершенно ясно видѣлъ, что Игорь стоялъ передъ палисадникомъ,

опершись на него обѣими руками, и, очевидно, осматривалъ дворъ.

Сердце Матвѣя Алексѣевича не вынесло напора той волны крови, которая прихлынула къ нему. Онъ разомъ рухнулъ назадъ, на полъ, отворивъ при своемъ паденіи ставень, за который держался рукой. Мѣсяцъ, свѣтившій теперь прямо въ окно, освѣтилъ его запрокинутую голову, раскрывшійся ротъ, остеклянѣвшіе, полные ужаса, глаза.

Н. Бажинъ

* *
*

Сегодня музыка звучитъ въ душѣ моей...
Не смерти ли то зовъ? Не шопотъ ли забвенья?
Не отзвукъ ли глухой былаго вдохновенья?
Иль возрожденіе мятущихся страстей?

Я вслушиваюсь въ нихъ, въ загадочные звуки...
Они баюкаютъ задумчиво меня.
Я плачу... Я томлюсь предчувствіемъ разлуки,
Сгорая, какъ тростникъ, въ дыханіи огня.

Что̀ значатъ звуки тѣ? Прибой воспоминанья,
Иль медленный отбой земнаго бытія?...
Мнѣ жаль моей весны; мнѣ жаль очарованья...
Постой, не отлетай, жизнь блѣдная моя!...

К. Фофановъ

НА НОВЫЯ ЗЕМЛИ

Замѣтки о переселенческомъ движеніи въ славяносербскомъ уѣздѣ

Окончаніе

V

Черезъ нѣсколько дней, поздно ночью, пришелъ ко мнѣ Климъ, радостный и веселый.

— Ну, есть! заговорилъ онъ, едва переступивъ порогъ.— Теперь мы раздобыли бумагу отъ самого тамошняго губернатора! Тутъ написано все подлинно, все какъ есть!

— Какъ же это вамъ удалось раздобыть?

— Ѣздили за ней въ „Шестую Роту“ и оттуда привезли. И еще одну бумагу, письмо... продолжалъ онъ и захлебнулся отъ восторга. — Двѣ бумаги. И вы сдѣлайте милость, не откажите намъ копіи съ нихъ списать, намъ надо ихъ отсылать обратно.

— Ну, давайте бумаги!

— То-то что при мнѣ-то нѣтъ ихъ сейчасъ! отвѣтилъ онъ слегка упавшимъ голосомъ и какъ бы съ сожалѣніемъ. — Присилъ — не дали: только что пріѣхали съ ней, сами разбирать. Звалъ я ихъ сюда — не пошли, думали, что спите. А я вотъ зашелъ, думаю, если не спите, дай зайду, обрадую.

— Спасибо! Ну, а что же тамъ, въ губернаторской бумагѣ написано — не знаете?

— Все какъ въ первой, да еще съ прибавками. Въ первой бумагѣ нѣтъ пол-десятины лѣсу — въ этой пол-десятины лѣсу тамъ не сказано, сколько можно тамъ заработать парой лошадей — въ этой написано: 500 руб.; въ той нѣтъ про зеленый шелкъ, а въ этой сказано и про зеленый шелкъ: онъ тамъ растетъ. И еще много, много всего!...

Онъ перевелъ дыханіе и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на меня въ безмолвномъ восторгѣ.

— А что, милый ты мой человѣкъ! ласково и какъ-то заки-ивающе сказалъ онъ: — можетъ ли быть, чтобы все это было авда? И будто бы все это такъ таки и есть на самомъ дѣлѣ?!

Послѣдняя фраза съ сильнымъ волненіемъ вырвалась у него ъ глубины души.

Долго еще сидѣлъ Климъ у меня, разсуждая все о томъ же едметѣ. Порѣшили мы, что завтра ночью я перепишу бумагу. лимъ предложилъ, чтобы ко мнѣ пришли съ бумагой, но я чше захотѣлъ переписать ее у Марка, дома: туда, я зналъ, берется больше людей, и они въ домѣ своего односельчанина удутъ чувствовать себя несравненно свободнѣе, чѣмъ у меня.

На завтра Климъ не пришелъ, а пришелъ черезъ два дня, одъ праздникъ сорока мучениковъ, и мы пошли вмѣстѣ къ Марку. Къ Марку я пришелъ въ первый разъ и былъ очень дивленъ какъ обстановкой его дома, такъ и самымъ домомъ. омъ былъ вдвое выше крестьянскаго обыкновеннаго домика: нутри онъ былъ разгороженъ деревянными выкрашенными пе-егородками; большія окна занавѣшены занавѣсками; стѣны вѣшаны картинами и иконами разной величины, между кото-ыми находилась и одна саженная, масляная, съ совершенно епонятнымъ содержаніемъ. Въ переднемъ углу стоялъ, накры-ый хорошей фабричной скатертью, столъ, на которомъ лежалъ для украшенія (хозяева безграмотные) громадной величины псалтырь. Марко встрѣтилъ меня очень учтиво, немножко ри-суясь и, очевидно, желая обратить мое вниманіе и на то, что его обстановка совершенно не мужицкая, и что онъ понимаетъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ „образованными“ людьми. Климъ (я это сразу замѣтилъ) держался здѣсь очень приниженно, въ сторонкѣ, больше молчалъ и былъ очень предупредителенъ къ Марку.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прихода Климъ вызвался пойти за Яшкой и его братомъ, и за другими. Скоро онъ привелъ ихъ всѣхъ. Пришли четыре человѣка: Яшка съ братомъ, люди еще молодые, отъ 25 до 30 лѣтъ, здоровые, загорѣлые, съ добродушными лицами, на которыхъ все таки лежалъ отпечатокъ многихъ пережитыхъ невзгодъ. Третій былъ бывшій староста, человѣкъ подъ 40 лѣтъ, съ серьезнымъ озабоченнымъ лицомъ. Наконецъ былъ еще одинъ, какой-то маленькій, черненькій, невзрачный человѣкъ, тоже однодворецъ. Онъ все время молчалъ, хлопалъ какъ-то удивленно глазами и держался все у стѣнки. Семенъ, бывшій у меня за нѣсколько недѣль передъ этимъ съ Климомъ, не пришелъ: у него вышла какая-то ссора съ женою и тещей, и поэтому онъ совершенно бросилъ мысль о переселеніи (все хозяйство было женино и ея дѣтей, оставшихся ей отъ перваго мужа).

Марко подалъ мнѣ двѣ бумаги. Одна изъ нихъ была цѣла, другая же имѣла красновато-желтый цвѣтъ отъ удержанія ея въ рукахъ, въ складкахъ была разорвана на четыре части и сшита нитками.

Я прочелъ первую бумагу, по словамъ крестьянъ, „предписаніе“. Вотъ ея содержаніе, по исправленіи нѣкоторыхъ явныхъ мѣстъ:

„Адресъ:

Его высокопревосходительству господину генералъ-губернатору Дарьинской области и кавалеру. Въ городъ Ташкентъ отъ крестьянъ-то, и такой-то губерніи, и такого-то уѣзда, волости и слободы. И фамилія должны быть на конвертѣ отъ уполномоченныхъ, которые уполномочены именоваться по выбору на подачу прошенія о причисленіи къ городу Луліяту, а также на рѣчку Вислаевки — Ахъ-Чей или же по городу Туркестану. Относительно того житья, по причисленію въ вышеименованную мѣстность: по пріѣзду туда, выдается на каждаго домохозяина для постройки 30 деревъ громадной мѣры, и 30 руб. вспомоществованія, 1/2 дес. рощи, и одна дес. усадьбы, и 20 дес. земли на каждую душу мужского пола, и льготы на 20 лѣтъ отъ солдатчины и повинностей, кромѣ того что съ души платятъ по 20 коп. въ годъ для содержанія школъ и прочихъ. Земля родитъ пшеницу, рисъ, разные фрукты, сирой шелкъ, хлопчатую бумагу, т. е. вату. Относительно урожая: съ каждой посѣянной десятины получается 300 пуд. А торговля идетъ оживленная пшеницей, рисомъ, фруктами; торгуютъ также скотомъ и сѣдлами. Если держать одну пару лошадей, то среднимъ числомъ можно пріобрѣсти 500 руб. въ годъ. Скотъ нерослый, но сильный и недорогой. Воздухъ чистый, свѣжій; воды хорошія и рыбныя; лѣса громадные; овощи и дичи разной весьма много водится также и виноградъ. Зимы нѣтъ, такъ что скотъ почти и не стоится: ходитъ круглый годъ по степямъ. Пшеница — на подобіе нашего лаго ячменя; озимые и яровые крѣпкіе. Относительно желѣзнаго матеріала то ему пока цѣны нѣтъ; а какъ будете ѣхать, то надо будетъ брать съ собою земледѣльческія орудія, какъ-то: лемешъ, чресло, лопату и т. п.

Слобода Райгородка, младшій медицинскій фельдшеръ Терентій Лапыгинъ“.

— Ну, что скажете? обратился ко мнѣ Климъ, когда я кончилъ читать. — Теперь, значитъ, уже правда?

— Вы думаете, что эта бумага — предписаніе отъ самого губернатора? спросилъ и я.

— А какже? произнесъ Климъ уже упавшимъ голосомъ.

— Нѣтъ! Тутъ только сверху написанъ адресъ губернатора, куда ему писать; а самую бумагу писалъ какой-то фельдшеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не отъ губернатора, подтвердилъ авторитетно мои слова Марко, посмотрѣвъ небрежно на Клима, отчего тотъ еще болѣе смѣшался. — Тутъ и подписи губернатора нѣтъ. Это писано, должно быть, съ чьихъ нибудь словъ.

Климъ замолчалъ и отошелъ. Эта неожиданная вѣсть, по-видимому, сильно огорчила его.

— Ну, прочтите намъ, пожалуйста, и другую! любезно обратился ко мнѣ Марко.

Другая бумага (порванная и сшитая) оказалась письмомъ. На верху листа было карандашомъ написано: „Съ Обросимовой“. Должно быть, это письмо приведено изъ с. Абросимова, отстоящаго на 100 слишкомъ верстъ отъ нашей деревни.

Я прочелъ и это письмо:

„Дорогіе мои родители! Увѣдомляю васъ, что мы, слава Богу, живы и здоровы. Еще я васъ прашиваю, дорогой мой родитель, Харитонъ Антоновичъ, изъ чего вы это взяли, что вы мнѣ пишете, можетъ я обдумаю и будто мнѣ васъ не жаль? Вы меня этимъ письмомъ привели къ жалостному положенію. До полученія вашего письма мы и дѣти наши радовались о томъ, что вотъ весной пріѣдутъ до насъ отецъ и мать, дѣдушка и бабушка. Мы васъ не знаемъ съ какого краю выглядать. Мы получили отъ брата письмо. Еще вы спрашиваете поскольку дес. на душу, — нѣтъ, не на душу, а на дворъ по 20 дес. А по прибыванію нашему мы получили по 50 руб. награды и по 30 деревъ на постройку. А платежа нѣтъ никакого. Хлѣба я посѣялъ 7 пуд., а жители удивляются: — „что ты будешь дѣлать съ этимъ хлѣбомъ? тебѣ его не убрать!“ Лошадью пашу, пашу и удивляюсь, что около дома вода и трава. Если будете ѣхать, то везите съ собою разный инструментъ: тутъ хотя и есть, такъ здѣсь дорогой. Хлѣбъ у насъ дешевый: 12-ти-пудовая четверть пшеницы 1 руб. 20 к. Житу и ячменю почти и цѣны нѣтъ. Мы хлѣбъ такой ѣдимъ, какой у васъ только на Свѣтлый праздникъ ѣдятъ, а нѣкоторые и тогда не ѣли такого хлѣба. Лѣсу много разнаго и сколько угодно и звѣрю разнаго много дикаго: козы, олени, кабаны и всякаго звѣрю много, а лютыхъ звѣрей нѣтъ. Много также птицы разной дикой; много даже въ усадьбахъ нашихъ. Корова стоитъ 15 руб., также и овца старая стоитъ 1 р. 20 к., а овчина 7 к. Сѣна сколько угодно косить и гдѣ угодно. У насъ вода хорошая, даже около хатъ бѣжитъ. Овощь всякая; рожки, орѣхи и разные фруктъ, рыба всякая есть. Товары у насъ разные, также какъ и у васъ; цѣна дешевле противъ вашей. Масло деревянное 80 к. за фунтъ, газъ 20 к. ф., постное масло 5 коп. ф. Если будете ѣхать, то запаситесь сухарями мѣсяца на три: вы за три мѣсяца доѣдете до насъ. Везите лемешъ для плуга, здѣсь дорого купить. Въ Царицынѣ, въ тульскомъ магазинѣ два ружья двухстволныхъ: тамъ дешево купить. Еще увѣдомляю, что у насъ, слава Богу, все дешево: хлѣбъ дешевый, хлѣбъ поливной, но поливать очень легко: во время, когда дождя нѣтъ, съ горъ воду напускаютъ. Но дождь невсегда бываетъ. Мы уже не думаемъ о томъ, гдѣ брать земли или травы или надо за корову платить. Боченка на покосъ и на жниво не надо съ собою возить: у насъ вода кругомъ, слава Богу, есть. Кто думаетъ идти, то не бойтесь и идите, да смотрите не слушайте никого по дорогѣ, кто бы вамъ чего не говорилъ, и вамъ тогда самимъ понравится, когда прибудете до насъ. Мы уже прибыли на свою землю и ни объ чемъ не горюемъ. А если будете ѣхать, то выѣзжайте пораньше, а то много людей, согласныхъ до насъ идти изъ разныхъ губерній. Когда соберетесь, кто съ моимъ будетъ согласенъ, то увѣдомите письмомъ, когда выѣдете въ дорогу: мы васъ будемъ ожидать, какъ дорогихъ гостей съ небесъ. Если вы мнѣ не вѣрите, то повѣрьте Богу и кресту.

Вотъ вамъ маршрутъ, на какіе города идти до насъ: — Оксайская станица, Маннинская дор. (?) Напльнку, гор. Царицынъ, посадъ Дубовка. Изъ Дубовки на перевозъ черезъ Волгу, 1 р. отъ повозки. Потомъ на Савенку, Малый-Узенъ, Большой-Узенъ, гор. Уральскъ, Илекъ, Соляную-Защиту, мѣстечко Актюбу, гор. Карабучоекъ (Карабутайсвъ?), гор. Иргизъ, гор. Казалинскъ, гор. Джучекъ, гор. Фортъ-Перовскій, гор. Туркестанъ, гор. Чемкентъ, гор. Луліятъ, а отъ Луліята до насъ въ выселокъ Акчи, 80 в. Всего отъ васъ до насъ 4163 версты. — 1886 года, мая 4 дня. Писалъ Елисей Моргуновъ“.

Это письмо произвело на слушателей гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ прежняя бумага, Но какъ въ той, такъ и въ этой ихъ приводила въ восхищеніе дешевизна хлѣба.

Меня заинтересовалъ и тонъ этого послѣдняго письма, самое письмо, совершенно непохожее на обыкновенныя деревенскія письма, въ которыхъ первое мѣсто отводится поклонамъ, а о дѣлѣ пишется только между прочимъ, какъ бы случайно. Я спросилъ крестьянъ, не знаютъ ли они чего нибудь объ авторѣ этого письма. Оказалось, что староста его знаетъ или слышалъ о немъ. Этотъ С. Моргуновъ—солдатъ и всю свою службу пробылъ въ Киргизскомъ краѣ. Выслуживъ срокъ, онъ пріѣхалъ домой, забралъ жену и дѣтей, и уѣхалъ съ ними обратно туда, гдѣ онъ служилъ. Потомъ онъ буквально началъ бомбардировать отца письмами, чтобы и онъ съ семьей пріѣхалъ. Въ короткій промежутокъ времени онъ прислалъ отцу шесть писемъ и, наконецъ, уговорилъ его. Отецъ уѣхалъ, а теперь родичи тоже собираются ѣхать туда же, по оставленному отцомъ письму, которое я только что привелъ.

Я сѣлъ переписывать бумаги, а крестьяне тѣмъ временемъ бесѣдовали о своемъ.

— Говорятъ, въ Бахмутѣ получили 6 пудовъ жеребья? заговорилъ Яшка. — Будемъ, значитъ, теперь ѣхать по жеребью, а не по охотѣ: кому какая земля выпала, туда и поѣзжай!

— Это плохо, лучше какъ вольно ѣдешь! отозвался его братъ.

— Какъ же можно! подтвердилъ Марко. — По жеребью-то По жеребью ни къ чорту негодится! А какъ я ѣду вольный, то могу я поѣхать и туда, и сюда загляну, и здѣсь понюхаю, там посмотрю, пошатаюсь годъ, можетъ и два, — а нѣтъ? не понравилось? — и назадъ домой ворочусь. А нашелъ мѣсто подходящее, — слава Богу, тогда и съ семьей тронусь.... А то по жеребью! Сохрани Богъ отъ этого!

— Разбредется тогда народъ и оттуда, особливо кому мѣсто нехорошее попадется, произнесъ съ увѣренностью Яшка.

— Хорошо еще, когда тамъ по близости можно будетъ прикупить или нанять землю, заговорилъ задумчиво бывшій староста: — а если нельзя, то навѣрное и оттуда разбредутся.

— Нанять-то и здѣсь можно! заговорилъ, откашливаясь Климъ, стараясь казаться серьезнымъ и солиднымъ. — Когда народу меньше станетъ, тогда и наши помѣщики дешевле станутъ землю отдавать. Что они съ нею будутъ дѣлать? Примѣрно, у нашего помѣщика 9000 десятинъ.

— Толкуй тамъ, ты много знаешь! перебилъ его Марко, посмотрѣвъ на него полупрезрительно, полунасмѣшливо. — Приравнялъ землю! И то земля, и это земля, да не равны! То, го-

зорятъ, земля еще свѣжая, сочная, а наша стала, какъ щепка какая...

Еще долго разсуждали они на эту тему. Уходя, порѣшили опять съѣздить куда-то за бумагой за какой-то и начать стараться насчетъ паспортовъ. Они придумывали какъ бы нибудь изловчиться, хитростью выманить ихъ у старшины, выманить пока только на годъ: иначе, если сказать ему прямо, въ чемъ дѣло, онъ — пожалуй — и не пуститъ.

VI

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пришелъ ко мнѣ Климъ, мрачный, осунувшійся.

— Что съ тобой?

— Да все съ дядей! отвѣтилъ онъ съ горькой усмѣшкой.— Раньше онъ не препятствовалъ: — „Поѣзжай, говоритъ, себѣ съ Богомъ!“ — обѣщалъ даже и кобылу мнѣ дать, и пару бычковъ, телѣгу. А теперь, какъ увидѣлъ, что я и не въ шутку задумалъ уйти отъ него, онъ и назадъ повернулъ: — „ничего тебѣ не дамъ“. Что тутъ съ нимъ дѣлать?

Я ему посовѣтовалъ то же самое, что и другіе совѣтовали ему еще раньше меня: обратиться къ обществу.

— Хорошо-то оно хорошо, я бы ничего, и на сходъ бы пошелъ! Да что тамъ сказать-то? Вѣдь надо бы сказать, что онъ, дядя-то, меня гонитъ со двора безъ имущества, отдѣлиться не даетъ? Да вѣдь и онъ не дуракъ: теперь онъ меня не трогаетъ, ласкается, говоритъ: — „живи со мной, скоро умру, все тебѣ оставлю, никому ничего не отпишу, а все тебѣ!“ Вотъ вѣдь какъ говоритъ. Значитъ, что я самъ что-то съ нимъ не лажу, а онъ вишь невиноватъ ни въ чемъ!

— Что-жъ изъ этого можетъ выйти?

— Да не выпуститъ общество-то! скажетъ: живи съ дядей по старому!

— Врядъ ли скажетъ общество такъ: вѣдь оно знаетъ, что онъ васъ раньше гналъ?... Наконецъ, можете и такъ сдѣлать, чтобы онъ васъ выгналъ: вѣдь вы сами сказали, что довольно ему, пьяному, слово не такъ сказать, чтобы онъ сундукъ выбросилъ?

— А вѣдь, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ можно такимъ оборотомъ сдѣлать? оживившись, весело сказалъ Климъ. — Придетъ онъ пьяный, я ему только слово скажу, что ѣхать хочу, — онъ сейчасъ все добро на улицу выброситъ. А я тогда сейчасъ въ сборню: вотъ онъ меня гонитъ, а отдѣлить, какъ слѣдуетъ, не хочетъ. Разсудите!... Да, именно такъ я и сдѣлаю! рѣшительно закончилъ Климъ.

Онъ ушелъ отъ меня повеселѣвшій, но я зналъ очень хорошо, что у него не хватитъ духу самому сдѣлать вызовъ дядѣ.

Прошло недѣли три. Во все это время я не видѣлъ никого изъ собиравшихся ѣхать: мнѣ къ нимъ некогда было идти, а ко мнѣ никто изъ нихъ не приходилъ. Климa я раза два встрѣтилъ, но онъ какъ-то старался ускользать отъ меня, и на мой вопросъ, отчего онъ не заходитъ, — отговаривался „недосугомъ", но обѣщалъ придти на праздникахъ. На второй день Пасхи онъ дѣйствительно зашелъ ко мнѣ. За это время онъ немного осунулся и вообще былъ невеселъ, или старался казаться такимъ. Я ждалъ, что онъ заговоритъ о переселеніи, но онъ, какъ бы нарочно, говорилъ все о другомъ, а объ этомъ ни слова. Наконецъ, я спросилъ, что новаго слышно на счетъ „Урала"?

Нѣсколько минутъ Климъ молчалъ, принужденно улыбаясь и смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Я уже отдумалъ... не ѣду!... промолвилъ онъ тихо, отрывисто, продолжая смотрѣть на меня не то со страданіемъ, не то съ мольбой. Мнѣ стало ужасно жаль его, и я видѣлъ, что ему очень непріятно продолжать разговоръ объ этомъ трудномъ для него дѣлѣ; но всетаки я не могъ удержаться, чтобы не выразить ему своего удивленія.

Онъ опять помолчалъ и потомъ заговорилъ тверже и убѣдительно:

— Вѣдь тутъ вотъ какое дѣло. Я разсчиталъ, что мнѣ незачѣмъ ѣхать. Другое дѣло, еслибъ я безземельный былъ; а то у меня, слава Богу, и земля, гдѣ работать, есть, и уголъ есть, и домъ, — а тамъ Богъ его еще знаетъ, какъ будетъ? У кого земли нѣтъ, тому ничего. И еще: теперь я на свою шею ничего не беру: все идетъ на дядину шею, — а тогда бери все на свою! И опять, какъ вы сказали: нищимъ, безъ гроша, нельзя ѣхать и опасно, — какъ разъ пропадешь ни за что... Вотъ я и надумалъ: пусть пока другіе, безземельные, поѣдутъ, я пока на готовомъ поживу... Какъ вы думаете?...

Онъ посмотрѣлъ на меня болѣзненнымъ, умоляющимъ взглядомъ, какъ бы прося меня, чтобы я не сталъ его опровергать, — я ему, поэтому, ничего и не отвѣтилъ. Потомъ онъ сообщилъ мнѣ, что и Марко тоже не ѣдетъ:

— Раньше онъ хотѣлъ домъ продать, хозяйство, купить лошадей и уѣхать. Но дома продать теперь некому. Кто его купитъ? Вотъ и онъ тоже передумалъ. — „Подожду, говоритъ, нонишняго урожая (онъ посѣялъ 50 дес.), а тогда посмотрю. Пусть пока безземельные ѣдутъ: тогда виднѣе будетъ".

— Ну, а отставной староста? а другіе? спросилъ я.

— Староста тоже не ѣдетъ! отвѣтилъ Климъ уже оживлен-

нѣе: — его не пускаютъ, паспорта не даютъ. Хлѣбъ 64 мѣрки общество ему прощаетъ, а деньги взыскиваетъ... А вотъ Яшка съ братомъ и еще два безземельныхъ — они ѣдутъ: стараются насчетъ паспортовъ.

Еще съ полчаса просидѣлъ у меня Климъ, но, какъ я замѣтилъ, онъ чувствовалъ себя неособенно ловко, и скоро ушелъ.

Вечеромъ вошелъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ, пьяный-препьяный, съ краснымъ лицомъ и осоловѣлыми глазами. Онъ остановился въ дверяхъ, еле сдерживая на губахъ пьяную улыбку: повидимому, онъ хотѣлъ дать мнѣ время замѣтить, въ какомъ состояніи онъ находится.

Я разсмѣялся.

Широкая, пьяная добродушная улыбка разлилась по его лицу. Онъ подошелъ къ столу, сѣлъ и началъ на цѣлый часъ разсказывать мнѣ, что онъ пьянъ, что теперь онъ будетъ пить всю недѣлю, что у него такая ужъ натура, и что онъ никого не боится.

Вдругъ онъ прервалъ свою пьяную рѣчь и заговорилъ, стараясь казаться серьезнымъ:

— А твой Яшка-то, не ѣдетъ на Враль-то! не ѣдетъ!

— Почему?

— Паспорта не даемъ!... Прошалъ у насъ, у общества — мы сказали: не дадимъ!

Онъ съ гордостью мотнулъ головой.

— Отчего же не даете?

Онъ не выдержалъ серьезнаго тона и разсмѣялся.

— А песъ ихъ знаетъ, отчего они, подлецы, не даютъ!... Я бы ему далъ паспортъ: пусть ѣдетъ бѣднята,—а міръ не даетъ, не хочетъ!... Ну, съ него деньги слѣдуютъ, заговорилъ было онъ опять серьезно, но сейчасъ же прервалъ свою рѣчь и заговорилъ весело.

— А пойдемъ, паря, ко мнѣ, выпьемъ? я полкварту принесъ... Я, паря, ей Богу, всю эту недѣлю буду водку жрать!... Ѣсть не буду, а водку сосать буду... Пойдемъ?...

VII

Назавтра, въ полдень, пришелъ ко мнѣ Яшка. Онъ былъ очень взволнованъ. Войдя и поздоровавшись, онъ тотчасъ же заговорилъ охрипшимъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ такъ обчество у насъ, пропади оно пропадомъ!... Вѣдь они намъ паспортовъ-то не даютъ, хоть ты иди и топись!... Вотъ и говори, что хрещены люди. Хрещены — а хуже нехристей! Еврея упросишь, а ихъ нѣтъ...

— Почему же не даютъ? спросилъ я.

— Деньги требуютъ, вотъ отчего!

Онъ присѣлъ и заговорилъ спокойнѣе.

— Мы, видите ли, люди дворовые, намъ надѣлу не дали: на то была воля панская, такъ насъ и записали. Будто мы Бога теля украли, что намъ вышло хуже, чѣмъ всѣмъ... Вѣ жили мы безъ надѣла, плотничествомъ занимались. Потомъ общество дало намъ надѣлы, дало, а черезъ два года „жи-силомъ“ и опять отняло. Остались мы тогда должны общест 20 р.: я—8 р. 10 к., а братъ—12 р. Потомъ мы брали об ственнаго хлѣба, какъ считаютъ, рублей на 10... Тутъ, са знаете, неурожаи подскочили; общество, правду сказать, и крѣпко требовало отъ насъ эти деньги, а теперь вотъ требуе чтобы сразу всѣ 30 р. отдали, а то не пустить...

— Что же вы сказали?

— Я вотъ что сказалъ: у меня домъ есть, мой домъ новы хорошій, если продать его, дадутъ рублей восемдесятъ; вотъ свернулъ на свой домъ и долгъ брата, и сказалъ обществу: — „Братцы, подождите, оттуда вышлю всѣ 30 р., а домъ вы въ залогъ“. Нѣтъ, не хотятъ!.. Ну, я нашелъ человѣка, ч хочетъ поручиться за меня обществу: если я до Петра не уплачу, то онъ уплатитъ, — тоже не хотятъ! Галдятъ въ одинъ голосъ: — „Сейчасъ деньги вноси, тогда и летай вѣтромъ п полѣ!“ Вотъ народъ-то! Они, видишь, хотятъ, чтобъ я выдал К. (мѣстный кулакъ) вексель у нотаріуса на эти 30 р. подъ домъ а К. сейчасъ ихъ уплатитъ обществу. А вы знаете К.? — ем только задолжи, а ужъ домъ навѣрно за нимъ останется з тридцать-то рублей, навѣки вѣковъ!

— Отчего же вы теперь же не продадите дома?

— Какъ можно! отвѣтилъ онъ энергично. — Вотъ когда доѣду туда и буду знать, что тамъ останусь, тогда и напишу своимъ родичамъ, чтобы продали домъ. А купитъ его Василь Васильевичъ, тотъ, что хочетъ поручиться обществу за эти 30 р. А теперь я не могу продать: кто его знаетъ? какъ тамъ будетъ? можетъ, придется и назадъ сюда пріѣхать. Остается у меня домъ, я къ нему всегда могу пріѣхать: въ своемъ домѣ я всегда двери найду; тогда и землю достать можно. А продалъ — ты ужъ здѣсь чужой человѣкъ.

Онъ помолчалъ немного.

— Я бы имъ теперь отдалъ эти 30 р., у меня и у брата найдутся эти деньги, заговорилъ онъ опять: — да чѣмъ же намъ тогда ѣхать? Какъ намъ ѣхать тогда безъ гроша? Выѣхать на первый бугоръ и бѣжать въ первую слободу кусокъ хлѣба просить? Вѣдь такъ нельзя!..

На глазахъ у него навернулись слезы, и онъ замолчалъ.

— Кто же главные крикуны? спросилъ я.

— Кто? оживился онъ, отеревъ рукавомъ глаза: — всѣ! Всѣ кричатъ! Вѣдь это стадо овечье! Видѣли вы, какъ овцы идутъ: бе-е, бе-е!—такъ и тутъ. Стоишь только и голову поворачиваешь на всѣ стороны. Одинъ кричитъ: „не пустимъ!“ другой: „сейчасъ деньги неси!“ третій: „домъ продай!“ И не знаешь, кому прежде отвѣчать...

— За что же міръ на васъ такъ серчаетъ? спросилъ я. — Не можетъ же быть, чтобы всѣ нападали на одного человѣка безъ всякой надобности?

— Да на меня никто не серчаетъ, отвѣтилъ онъ тихо, съ горечью. — Я никому худа не дѣлалъ... Вы знаете, какъ у насъ на сходкѣ бываетъ? — всѣ говорятъ: „отпустить человѣка, что̀ его держать, пусть ѣдетъ“, а одинъ или два загалдятъ: „нѣтъ, чтобъ деньги раньше уплатилъ!“ — и ничего не подѣлаешь: и прежніе, что̀ говорили „отпустить“, или замолчатъ, а не то тоже закричатъ „нѣтъ“... Говорите — сердиты, заговорилъ онъ опять, помолчавъ. — Вотъ старый С—ко кричитъ громче всѣхъ, а я ему никогда ничего худаго не дѣлалъ. А кричитъ онъ вотъ почему: онъ судится съ „Комаромъ“, а „Комаръ“ дворовый,— вотъ онъ и сердитъ на всѣхъ дворовыхъ: „чтобъ безземельныхъ дворовыхъ, кричитъ, здѣсь не было! Уплати деньги, и съ Богомъ!“ Кричитъ, ругается старикъ, а загибаетъ такія слова, что и молодому грѣхъ. Ему и на сходку-то ходить не полагается, — ему, по годамъ, Богу молиться, грѣхи отмаливать пора, а онъ какія слова-то на сходкахъ гнетъ!.. Другіе кричатъ тоже не по злобѣ на меня, а хотятъ, чтобъ я ведро водки выставилъ. А я водки не выставлю. Другое дѣло, еслибъ мнѣ что̀ простили. А то намъ и хлѣба, что̀ брали, не хотятъ простить, а по совѣсти его не слѣдуетъ отъ насъ требовать: мы каждый годъ на общественную кассу работали, гамазіи даромъ поправляли, а окромя этого хлѣба ничего изъ кассы не брали!

Онъ тяжело вздохнулъ и съ горечью посмотрѣлъ на меня.

— Такая-то бѣда, заговорилъ онъ опять черезъ минуту: — прямо голову потерялъ! Вѣдь вчера я уже было совсѣмъ отдумалъ ѣхать — ничего съ обществомъ не подѣлаешь! Да проѣзжіе люди опять подняли меня ѣхать и ѣхать... Вы, можетъ, видѣли, вчера проѣхали здѣсь люди съ колесами, — вотъ они разсказали, что въ прошломъ году до самаго Урала, до Дарьи-рѣки доходили. Видѣли тамъ, говорятъ, нашихъ покровскихъ, 5 семействъ. Хорошо, говорятъ, живутъ: 30 коп. пудъ пшеничной муки... Вотъ я опять и положилъ — ѣхать...

— Что̀ же вы думаете теперь дѣлать?

— Думаю завтра на сходку пойти и опять просить. Скажу: „или отпустите, или дайте здѣсь землю, чтобъ я зналъ, что я

тоже у Бога человѣкъ, и никуда тогда не поѣду". А ко опять мнѣ ничего не скажутъ, я пойду въ волость и попро чтобы мнѣ хоть полугодовой пашпортъ дали. Вѣдь я къ волост то и приписанъ; всѣ безземельные къ волости приписаны...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вамъ у нашего обще просить паспортъ? обращайтесь прямо въ волость, замѣтилъ

— Да общество-то, должно, раньше сказало старшинѣ, что онъ намъ пашпортовъ не выдавалъ, потому, молъ, должны... А полугодовой, я считаю, онъ намъ дастъ. На заработки отъ насъ долженъ отпустить. А если не отпуститъ — я въ ста пойду... А какъ дастъ намъ полугодовые пашпорта, намъ больше ничего и не надо. Мы пойдемъ себѣ съ семействами, будем по дорогѣ останавливаться и работать. Будемъ до крови работать, заработаемъ 15 р. и пришлемъ имъ. Намъ вышлютъ опять на полгода. Потомъ мы опять пришлемъ 15 р. — и совсѣмъ чисты будемъ. Такъ, я думаю, самое лучшее.

— А мнѣ кажется, замѣтилъ я: — какъ пойдете сейчасъ съ семействами, вамъ трудно будетъ по дорогѣ столько заработать, чтобы и себя прокормить, и сюда посылать.

— Ничего, заработаемъ! отвѣтилъ онъ съ увѣренностью. — Вѣдь мы плотники, а тамъ въ плотникахъ, говорятъ, нужда. Въ Донщинѣ, говорятъ, плотниками-то какъ нуждаются!.. Вотъ нашего мужика возьмите: даромъ, что онъ всю жизнь волламъ хвосты крутитъ, — а вѣдь колушка самъ не умѣетъ отесать, телѣги не сладитъ. А мы все сдѣлаемъ: и телѣгу сладитъ, и колеса сдѣлаемъ, и амбаръ выстроимъ. Мы пойдемъ полегоньку, ну, и заработаемъ. Будемъ до крови биться, мы къ этому, слава Богу, уже привычны!..

VIII

Назавтра утромъ, только я вышелъ изъ дому, встрѣчаю Яшку. По его лицу я сейчасъ угадалъ, что у него есть какая-то хорошая новость.

— Ну, что, идете въ сборню? спросилъ я.

— Куда! отвѣтилъ Яшка весело: — въ сборнѣ и души живой нѣтъ: народъ пьянъ... Да я, Богъ дастъ, совсѣмъ обойду ихъ.

— Какъ такъ?

— Получилась, говорятъ, въ волости бумага, чтобы безземельныхъ за долги не задерживали. Братуха мой двоюродный прибѣжалъ вчера изъ О., говоритъ, „слышалъ, что такая бумага получена!" Вотъ я въ волость-то и бѣгу (волость въ сосѣднемъ селѣ)... Ей Богу, даже въ башкѣ словно бы посвѣтлѣло! закончилъ онъ, радостно посмотрѣвъ на меня, и разсмѣялся.

Ходилъ онъ въ волость, но никого тамъ не нашелъ, и че-

зъ нѣсколько дней „легкость душевная“ у него опять прола. Онъ пришелъ ко мнѣ съ братомъ.

— Плохо, С. А., заговорилъ онъ съ отчаяніемъ: — не даютъ не даютъ паспортовъ! хоть ты тутъ умирай!.. Въ волости я лъ, да никого тамъ не нашелъ. Люди говорятъ: — „есть, ворятъ, предписаніе, чтобъ народъ не задерживали“, да вѣдь звѣ намъ скажутъ объ этомъ? Мы думаемъ идти въ Лугань, крестьянское присутствіе, чтобы намъ тамъ паспорты выдали. акъ по вашему это?

Я отвѣтилъ, что, по всей вѣроятности, ихъ отправятъ за аспортами обратно въ ихнюю волость.

— А я такъ вотъ опять слышалъ, заговорилъ Яшка: — что епремѣнно есть указъ, какъ можно чтобы больше переселять ароду изъ нашей губерніи. Какъ же тутъ быть-то? Говорятъ, ашлось будто бы огромнѣйшее урочище, и совсѣмъ одна новина: отѣли, видишь ли, казаки туда переселиться и уже начали ереѣзжать, да ихъ остановили, сказали: — „вамъ еще и такъ ить можно, а вотъ изъ екатеринославской губ. нужно переелить одинъ или два уѣзда...“ И, говорятъ, черезъ 5 лѣтъ азна сама начнетъ переселять...

— Тутъ человѣкъ былъ, что̀ перепись дѣлаетъ, перебилъ го братъ: — стоялъ онъ около М—кова дома. Вотъ кое-кто изъ нашихъ стали его спрашивать: — зачѣмъ дѣлаетъ онъ эту перепись? Онъ и отвѣтилъ: „Пока, говоритъ, вамъ этого еще ельзя знать, а черезъ 5 лѣтъ вы все сами узнаете. Будутъ у асъ новости всякія!“ Больше ничего не сказалъ. Потомъ, когда нъ остался одинъ съ сыномъ М—ко, онъ ему сказалъ: „Хоешь — я тебѣ и сейчасъ скажу, какія новости у васъ будутъ?“ отъ говоритъ: — „Хочу!“ — „А хочешь, такъ дай, я тебѣ языкъ утрѣжу, а потомъ и скажу: никто и не узнаетъ: ты — неграмотный, написать — не напишешь, а сказать безъ языка тоже никому не скажешь, — вотъ никто и не узнаетъ“. Говорятъ, что эти новости будутъ насчетъ „новыхъ земель“.

Интересно, что разсказъ, очень похожій на этотъ, я слышалъ года 3 назадъ отъ старосты одной изъ сосѣднихъ деревень. — Былъ тутъ одинъ человѣкъ, перепись дѣлалъ, разсказалъ онъ мнѣ: — онъ намъ вотъ что̀ сказалъ: „Царь все знаетъ. Не останетесь вы при этомъ надѣлѣ. Много у васъ будетъ перемѣнъ. Черезъ 3, а — можетъ — черезъ 5 лѣтъ вы все узнаете, а пока ничего еще нельзя сказать вамъ. Говорите правду, сколько кто засѣялъ, сколько скота и все другое?“ Должно быть, это насчетъ земли, что̀ у пановъ отберутъ, а намъ отдадутъ, закончилъ тогда староста.

Я вполнѣ увѣренъ, что ничего подобнаго никогда не практиковалось нашими статистиками; но также вѣрно знаю, что

всякое слово, сказанное крестьяниномъ съ кѣмъ бы то ни
и притомъ о какомъ бы то ни было крестьянскомъ дѣлѣ,
перетолковывается имъ на свой собственный образецъ.

Въ тотъ вечеръ Яшка съ братомъ ушли отъ меня чрез
чайно унылые, близкіе даже къ отчаянію. Я уже ду
что это конецъ невеселой исторіи двухъ братьевъ, но вы
не такъ.

Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ Яшка веселый, споко
совсѣмъ не прежній Яшка-горемыка.

— Ну, поздравляйте! промолвилъ онъ съ достоинств
спокойно и добродушно улыбаясь.

— Неужели выдадутъ паспортъ?

— Да ужъ выдали! Бланки у меня, нужно только съѣ
въ Лугань подписать ихъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ какъ: старшина вчера былъ у насъ въ сборнѣ.
пристали къ нему, чтобы онъ намъ бланки далъ. Тутъ на
чили на него наши и заорали: „Не давать! не давать! не
тимъ!“ Старшина разсердился и самъ захрапѣлъ, — деска
„я и самъ начальство!“ — „У васъ, закричалъ, не спрашивал
Они къ вамъ не касаются; они къ волости приписаны, и вы
имѣете права ихъ задерживать. Я долженъ ихъ отпускать
заработки, а вы за свои долги разбирайтесь съ ними, вы
знаете“. Взялъ и выдалъ намъ 4 бланки! Вотъ какъ дѣло
обернулось!

— Кто же еще ѣдетъ?

— Ѣду я съ братомъ, ѣдетъ тотъ черненькій, что у Мар
былъ, когда вы бумаги переписывали, и еще одинъ ѣдетъ; о
никогда у васъ не былъ: только недавно надумалъ. Тоже, как
мы, безземельный, дворовый.

— А когда ѣдете?

— Черезъ недѣлю или больше, примѣрно 25-го (апрѣля
Мнѣ еще надо въ Лугань ѣхать, бланки надписать.

Возвратившись изъ Лугани, Яшка пришелъ ко мнѣ, при
несъ мнѣ листокъ почтовой бумаги съ конвертомъ и просил
написать письмо какому-то его дядѣ, извѣщая его о своем
отъѣздѣ. Просилъ онъ меня также дать ему конвертъ съ моим
адресомъ, чтобы онъ могъ написать съ дороги, и просилъ пер
писать ему бумагу съ маршрутомъ. Онъ такъ спѣшилъ, и ми
никакъ нельзя было такъ скоро исполнить его желанія. Я обѣ
щалъ сдѣлать все къ вечеру, что и было исполнено. Но вече
ромъ онъ не пришелъ, назавтра его тоже не было, а черезъ
день я узналъ, что онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ съ братом
и другими семействами днемъ раньше.

Черезъ нѣсколько недѣль Климъ мнѣ сказалъ, что отъ ни

ло получено будто извѣстіе, что они доѣхали до Волги, а мъ стоятъ, дожидаются, пока вода спадетъ.

IX

„Народъ идетъ — какъ съ кручи бросается!“ толковали естьяне, когда стремленіе къ переселенческому движенію въ шей мѣстности приняло почти эпидемическій характеръ. Но одолжалось это недолго, — на второй ужъ годъ стали появиться „обратные“, возвращавшіеся, большею частью, съ дороги, е дойдя до мѣста, и приносившіе всегда самыя недобрыя вѣсти. Ѣ изъ переселенцевъ, которымъ удалось устроиться на новыхъ емляхъ“, занятые обзаведеніемъ и поглощенные хозяйственными заботами, не баловали своихъ однодеревенцевъ пріятными звѣстіями. Очевидно, имъ было не до переписки. Но тѣ, что возвращались обратно, — а такихъ, къ сожалѣнію, было большинство, — значительно окоротили своими разсказами размѣры народныхъ мечтаній о новыхъ земляхъ. „Уралъ“, о которомъ никогда никто не имѣлъ никакого опредѣленнаго представленія, изъ обѣтованной земли очень скоро превратился въ представленіяхъ крестьянъ — въ нѣчто ужасное, отъ чего надо бѣжать и куда заманиваютъ людей только шарлатаны и обманщики. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовали этотъ таинственный „Уралъ“ тѣ именно изъ переселенцевъ, которые, какъ я уже сказалъ выше, вернулись съ дороги, не видя никакихъ новыхъ земель, не имѣя объ нихъ никакого понятія и не выходя во все время своего путешествія даже изъ предѣловъ внутренней Россіи. Всѣ свѣдѣнія, которыя они почерпали о новыхъ земляхъ, получались ими на пути, отъ „встрѣчныхъ“, т. е. иногда отъ такихъ же обратныхъ, какъ и они сами, или же и отъ такихъ, которые могли и въ самомъ дѣлѣ разочароваться въ своихъ мечтаніяхъ, которые были на новыхъ земляхъ, видѣли неурядицы, попробовали канцелярской волокиты и беззащитности. Но вообще, какъ въ началѣ движенія *слухи* о благодатныхъ новыхъ мѣстахъ возбуждали народъ къ переселенію, такъ — годъ или два спустя — тотъ же народъ разочаровывался въ своихъ фантазіяхъ также, главнымъ образомъ, при помощи слуховъ. Но, разочаровываясь въ надеждѣ поправить свои дѣла помощью переселеній, они, однако-жъ, не покидали мысли о поправленіи дѣлъ и изобрѣтали новыя фантазіи.

Въ с. Черногоровкѣ мнѣ встрѣтился одинъ изъ вернувшихся переселенцевъ.

— Что-жъ это ты назадъ-то? спросилъ я его.

— Большую ошибку дали! Такую дали ошибку — ввѣкъ не развязаться!.. Чего вздумали! Того вздумали, что вотъ теперь

я и дома не имѣю, — продалъ его, какъ уходилъ; и хлѣба у
нѣтъ, и годъ даромъ у меня пропалъ, и задолжалъ я, гдѣ
можно, запутался — а все таки я Господу Богу возношу
благодарность и до вѣку буду благодарить, что сподобил
мнѣ домой воротиться! Дома я — слава тебѣ, Господи!

— Вы что же — до самыхъ „мѣстъ“ доходили?

— Нѣтъ! Сподобилъ Господь на дорогѣ добрыхъ л
встрѣтить, не далъ пропасть! Встрѣтились люди, идутъ обр
разсказали — „земля тамъ негодная, воды нѣту, жара
тельная, а звѣрья всякаго тьма!..“

— А вѣдь въ письмахъ-то другое писано?

— Чего тамъ письма!.. Это все, чтобы самимъ назадъ
вратиться... Письмами заманятъ, затащатъ туда, а тамъ
чутся — „отвезите назадъ“. Нашего брата кто не обманетъ.

— Далеко ли вы дошли?

— Да передъ Оренбургомъ, на двадцать на восьмой в
насъ добрые люди-то встрѣтили, разговорили... Какъ они дру
то наши разбили, — мы и не знаемъ, куда идти... Пошли
Оренбургъ, посылали людей къ губернатору, земли просил
Три раза просили — отказано. — „Земли, говорятъ, нѣту
арендуйте участки у владѣльцевъ и живите...“ А у нас
денегъ-то не было ужъ ни копѣечки...

— Такъ всѣ и вернулись?

— Гдѣ всѣ! Разбрелись, какъ мухи. Намъ еще раньше л
говорили: — „Разбредетесь вы, говорятъ, какъ мухи, растер
тесь невѣдомо гдѣ!..“ А мы не вѣрили — какъ можно! Всѣ м
58 семей въ одно мѣсто безпремѣнно сядемъ. А, однако,
самомъ-то дѣлѣ и вышло, что разбрелись... Какъ перешли Во
такъ и пошло: то одинъ отстанетъ, то другой, — и что дальш
то больше подводъ стало отставать... Пораспроситъ встрѣчна
съ Урала, испугается и отстанетъ... Такъ всѣ и расползли
измаялись, разорились. Какъ туда шли, по 80 к. за паров
черезъ Волгу съ подводы платили, а оттуда ужъ Христовы
именемъ перевезли... Ошибка, однимъ словомъ, вотъ какая. —
ввѣкъ не изжить! Хоть живы-то воротились — и то слава те
Господи!

Черезъ день, черезъ два встрѣчаю и другаго такого
горемыку; почти слово-въ-слово разсказалъ онъ мнѣ то же, ч
и первый, но закончилъ свой разсказъ не только благодарност
Богу за счастіе возвращенія домой, а присовокупилъ къ не
нѣкоторое собственное соображеніе.

— Что намъ на Уралъ шляться! Не надо намъ этого... Э
только одно разоренье. А думаемъ мы, что и здѣсь Госпо
надъ нами смилуется...

— Какимъ образомъ?

— А сказываютъ такъ, что будетъ на арендаторскія земли семдесятъ пять копѣекъ налогу, какъ теперь, а по десять блей на десятину... Вотъ тогда арендаторы-то и должны сать земли, а мы ихъ подберемъ!

— Вздоръ все это! Болтовня пустая!

— Болтовня!.. Нѣтъ, ужъ это не такъ! Какъ только о чемъ народѣ заговорятъ, — оно хоть сначала и кажется, что оръ, чепуха, — а потомъ рано ли, поздно ли, а ужъ выйтъ точно такъ, какъ говорено... Болтовня! Никто вѣдь не рилъ, что крестьянъ-то освободятъ? Анъ вотъ освободили... про машину тоже... Нѣтъ! Ужъ пошла молва — такъ оно детъ!

Я, быть можетъ, не обратилъ бы вниманія на эти дѣтскія разжденія, еслибы черезъ нѣсколько дней мнѣ не пришлось имѣть е болѣе интереснаго разговора съ однимъ крестьяниномъ.

Я ѣхалъ на пароходѣ по Днѣпру. Большинство пассажировъ 3-го класса состояло изъ крестьянъ, возвращавшихся домой послѣ окончанія работъ по „сплаву“. Между ними обралъ на себя особенное вниманіе какой-то очень оригинальный ловѣчекъ, видимо непринадлежавшій къ сплавникамъ. Оставливало вниманіе его лицо — до того доброе, что его нельзя ло не отличить среди множества лицъ пароходной толпы. бродушнѣйшая улыбка не переставала освѣщать его добраго, сковаго выраженія лица, кажется, ни на одну минуту. Онъ къ хорошо смотрѣлъ на всѣхъ и каждаго, что, кажется, тѣлъ сказать: — „Чѣмъ бы мнѣ услужить тебѣ, добрый человѣкъ?“ Меня тянуло поговорить съ нимъ, для чего я и сѣлъ изко около него Но онъ, раньше чѣмъ я вздумалъ сказать го нибудь, уже самъ спрашивалъ меня:

— Далеко ли ѣдете, господинъ?

— До Гомеля! отвѣтилъ я...

— До Гомеля? Вотъ и я также! обрадовался онъ почему-то. -Я цегельникъ, цеглы дѣлаю. Работалъ я здѣсь въ екатеринославской губ. у одного помѣщика, почетнаго мироваго судьи. теперь кончилъ тамъ работу... Слава Богу, заработалъ и ду домой, отдохну!..

Онъ все это высказалъ такъ мило, что невольно передалъ нѣ частицу своей радости по случаю хорошаго заработка и адостной возможности воротиться домой.

Разговорились. Между прочимъ, я спросилъ его и о крестьянахъ той деревни, гдѣ онъ работалъ.

— Бѣдно живетъ тамъ народъ! очень бѣдно живетъ! Земли ало, народъ работаетъ-работаетъ, а толку нѣтъ, жить нельзя... бѣдствуетъ народъ, бѣдствуетъ! закончилъ онъ со вздохомъ.

— А не переселяются на „Уралъ“? спросилъ я.

— На Уралъ... Это, значитъ, на „новыя земли“?.. Ка
ѣдутъ, ѣдутъ! Да вѣдь этимъ горю не пособишь!.. Тутъ дѣло
„нехорошаго“ не обойдется! закончилъ онъ вдругъ энергич
— Т. е. какъ безъ „нехорошаго“? спросилъ я съ нѣк
рымъ удивленіемъ.

— А такъ: непріятности будутъ всякія! Безъ этого, в
увидите, дѣло не обойдется... Ужъ очень неправильно все ид
Вотъ, примѣрно, у мироваго судьи, гдѣ я жилъ, — онъ хо
ный мировой судья уже 25 лѣтъ, съ самаго положенія. —
него 1.500 десят. земли, онъ одинъ владѣетъ этимъ, а на
лую слободу — тамъ, можетъ быть, 500 душъ — тоже стол
же земли, а можетъ — еще меньше. Ну, вотъ и судите сам

— Да изъ-за чего же могутъ быть непріятности? И съ кѣм

— Да съ кѣмъ — промежъ себя заведутъ... Землю бу
рвать! Такъ не можетъ остаться: неправильно!

— Это справедливо, подтвердилъ со вздохомъ, сидѣвш
неподалеку и все время внимательно прислушивавшійся къ
говору, крестьянинъ.

— Развѣ что, продолжалъ послѣ нѣкотораго раздумья
собесѣдникъ: — развѣ прибавятъ налогу на арендаторскія зем
Слухъ идетъ, что налогъ будетъ большой, сами побросаю
Тогда другое дѣло, тогда все обойдется хорошо!

Самымъ рѣшительнымъ образомъ я доказалъ полную н
смыслицу такого слуха. Но собесѣдникъ мой рѣшительно
вѣрилъ ни одному моему доводу.

— Нѣтъ, не говорите! стоялъ онъ на своемъ. — По все
видно, что дѣло къ тому идетъ. Вы видѣли новыя бумажк

— Видѣлъ.

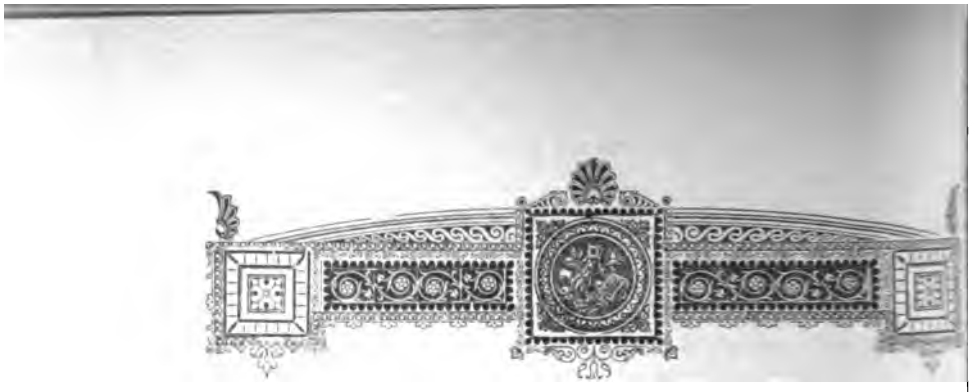
— И двадцатьпятныя, и десятки — все новыя. А зачѣ
это дѣлается? Вотъ вы не знаете, а я за вѣрное слыхалъ. О
чего теперь будутъ бумажки разныхъ сортовъ: для аренда
ровъ однѣ, для мужиковъ другія, а для евреевъ третьи, — и
разныя. И чтобъ не мѣнялись деньгами: всякій чтобъ при се
свои деньги имѣлъ, а другія не принималъ, будто и не день
Вотъ тогда мужикамъ нельзя будетъ работать по найму: и
нельзя будетъ разсчитываться, потому что арендаторскія день
для мужика все одно, что простая щепка. А безъ мужика ка
же арендаторъ, жидъ какой нибудь, будетъ землю держа
что онъ съ нею будетъ дѣлать? Вотъ онъ ее и броси
Хе-хе-хе!..

И онъ радостно и добродушно разсмѣялся.

Такіе и еще болѣе оригинальные толки „насчетъ земл
мнѣ приходилось слышать въ разныхъ мѣстахъ отъ крестья
десятки разъ, — но все это было нѣсколько лѣтъ тому назад

тѣхъ поръ какъ началось у насъ переселенческое движеніе, эти толки и легенды о землѣ какъ-то вдругъ исчезли. Ихъ только не было слышно, но даже воспоминаніе о нихъ возкдало въ крестьянахъ насмѣшку, какъ надъ пустыми бредми. Однако миновали и дни увлеченія переселеніемъ, неравдавшимъ народныхъ ожиданій, — и опять стали оживать генда, небылица, невѣроятное толкованіе факта въ совершенно отивоположномъ ему смыслѣ.

С. Видьбинъ



ЭЛЕГІЯ

Изъ варіантовъ

Погасъ короткій день. Окутана столица
Осеннихъ сумерокъ холодной пеленой;
Колясокъ и каретъ изящныхъ вереница,
Спѣша, проносится по грязной мостовой.

Мы медленно идемъ, мое дитя, съ тобою
Панелью скользкою; тебя волнуетъ шумъ,
И блескъ покинутый съ завистливой тоскою
Припоминаешь вновь, полна тяжелыхъ думъ:

Укромный уголокъ и рядомъ — роскошь зала,
Поношенный костюмъ — брильянты и цвѣты,
Однообразный трудъ — веселье карнавала,
Ярмо заботъ, а тамъ — безпечныя мечты!..

И снова призраки далекой, шумной жизни,
Дразня, влекутъ къ себѣ, ты вся — во власти ихъ.
И слово горькое горячей укоризны
Готовится слетѣть съ дрожащихъ губъ твоихъ.

, не скрывай, мой другъ, боясь, что станетъ больно
нѣ правду выслушать... Я знаю, все равно,
то ты уйдешь туда, куда мечтой невольно,
ь часы тоскливыхъ думъ, уносишься давно.

е буду предъ тобой напрасно лицемѣрить,
ь другими заодно не обвиню тебя, —
о сердцу хочется, но сердцу сладко вѣрить,
то если ты уйдешь, — то ты уйдешь, скорбя!

А. Кругловъ

ПСИХОЛОГІЯ ВОЙНЫ

IV

Вооруженныя столкновенія европейцевъ съ индѣйцами Сѣверной Америки доставили намъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ качествахъ этихъ дикарей. Ихъ доблесть и выносливость въ страданіяхъ послужили благодарной темой для романистовъ и дали читающей публикѣ нѣсколько преувеличенное понятіе о мужествѣ и благородствѣ индѣйцевъ-воиновъ. Имъ нечужды недостатки, какіе мы видѣли у другихъ воинствующихъ дикарей — хитрость, скрытность нападеній, утонченная жестокость въ убійствахъ плѣнныхъ и непримиримая вражда къ непріятелямъ, оканчивающаяся полнымъ уничтоженіемъ болѣе слабыхъ племенъ. Но индѣйцы, дѣйствительно, не уступаютъ своимъ собратьямъ другихъ частей свѣта и положительными военными качествами — мужествомъ, презрѣніемъ къ смерти и равнодушіемъ къ самымъ жестокимъ мученіямъ. Мы можемъ найти у нихъ любопытныя черты, указывающія то значеніе, какое война и ея представители имѣютъ въ глазахъ дикаря.

Войну можно назвать главною страстью индѣйца и его настоящей жизненной сферой; заслужить репутацію храбреца составляетъ высшее изъ его стремленій. Для нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ война являлась непреодолимой потребностью и обычнымъ занятіемъ для извѣстной части года. Индѣецъ, не отличившійся на войнѣ, былъ осужденъ на низшія общественныя должности и считался за ничто; онъ не имѣлъ права жениться, участвовать въ народныхъ собраніяхъ и общественныхъ празднествахъ. Напротивъ, за людьми, прославившимися своею храбростью, признавались даже сверхъестественныя качества, напр., способность общенія съ духами.

Мы не находимъ у индѣйцевъ той строгой дисциплины, какую выработали себѣ дикія войска Африки. Военноначальникъ

ользуется у нихъ лишь ограниченной властью: ирокезы, самые инственные народы сѣв. Америки, выбирали не одного, а зухъ главныхъ вождей; эти вожди должны были составлять анъ кампаніи, но для приведенія его въ исполненіе требо-алось одобреніе народнаго собранія. Каждое отдѣльное лицо, обуждаемое местью, оскорбленіемъ и т. п., могло навербовать рядъ и съ нимъ отправиться въ экспедицію противъ непрія-ельскаго племени. Воинъ, давшій свое согласіе на участіе въ кспедиціи не могъ уже взять его назадъ изъ опасенія про-ыть человѣкомъ вѣроломнымъ и трусомъ, что̀, напр., у гу-оновъ, наказывалось смертью. Возмущенія противъ начальни-овъ бывали частымъ явленіемъ; иногда, при первой военной еудачѣ, отрядъ отказывался повиноваться ему. Свободолюби-ые, исполненные чувства собственнаго достоинства, индѣйцы еохотно покорялись власти вождей, и это служило одною изъ ричинъ ихъ слабости въ ихъ борьбѣ съ европейцами. Не олько отсутствіе храбрости, сколько отсутствіе организаціи сплоченности давали легкое преимущество надъ индѣйцами нглійскимъ и французскимъ войскамъ. Въ смыслѣ дисциплины, сполнительности и единодушія, индѣйцы уступаютъ темноко-имъ воинамъ другихъ частей свѣта, но они стоятъ выше ихъ ъ выработкѣ личныхъ военныхъ качествъ и въ пониманіи до-тоинства воина. Индѣецъ менѣе другихъ воинствующихъ ди-арей заботится о коллективной военной славѣ своего племени: нъ стремится пріобрѣтать личную славу, чтобы враги знали возможно большемъ количествѣ храбрыхъ воиновъ среди его племени. Онъ не столько привыкаетъ опираться на поддержку своихъ братьевъ по оружію, сколько на собственную храбрость и сообразительность.

Поводомъ къ войнѣ для индѣйцевъ бываетъ всего чаще на-рушеніе охотничьей территоріи ихъ племени, и цѣлью войны служитъ не завоеваніе или разореніе непріятельскихъ обла-стей, а истребленіе ихъ населенія. Индѣйцы находятся въ не-прекращающейся войнѣ со своими непріятелями и при всякомъ удобномъ случаѣ возобновляютъ нападенія на нихъ. По боль-шей части, это—тайныя нападенія, но войны индѣйцевъ иногда имѣютъ и открытый, болѣе правильный характеръ. Врагамъ, какъ эмблема объявленія войны, высылается пукъ стрѣлъ или сѣкира съ рукояткой краснаго цвѣта, а къ дружественнымъ племенамъ въ то же время отправляется поясъ въ знакъ при-глашенія ихъ къ союзнымъ дѣйствіямъ. У ирокезовъ, вслѣдъ за объявленіемъ войны, во всѣхъ деревняхъ выставлялись сѣ-киры съ красными рукоятками и украшеніями изъ красныхъ перьевъ: это значило, что каждый воинъ долженъ приготов-ляться слѣдовать за главнымъ отрядомъ или можетъ организо-

вать отдѣльную экспедицію. У всѣхъ индѣйскихъ племенъ религіозные и очистительные обряды играли большую роль приготовленіи къ войнѣ, и предзнаменованію удачи или неудачи похода придавалось важное значеніе. Въ походѣ индѣйцы соблюдали величайшую осторожность: для того чтобы скрыть отъ непріятеля свою численность, они шли линіей и ступали въ одинъ слѣдъ другъ послѣ друга. Прежде всего они старались вывѣдать число, положеніе и дѣйствія враговъ, и дѣлали это съ такой скрытностью, что, прячась въ кустахъ, закрывали глаза, чтобы не выдать себя ихъ блескомъ. Они переодѣвались въ звѣриныя шкуры и давали другъ другу сигналы звѣриными голосами. Однако лишь немногіе, и въ томъ числѣ ирокезы, умѣли организовать караульную службу во время войны: индѣйцы надѣялись болѣе на покровительствующихъ имъ духовъ. Сигналомъ къ нападенію у индѣйцевъ служили военные клики, рѣзкій тонъ которыхъ наводилъ ужасъ даже на животныхъ. Объ ихъ необыкновенной увертливости и ловкости въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи сѣкиръ свидѣтельствуютъ еще самые ранніе путешественники. Передъ сраженіемъ у нихъ происходили иногда единоборства между вождями или храбрѣйшими воинами обоихъ отрядовъ; это единоборство въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняло битву. Считая позволительными всякаго рода хитрости въ тайныхъ нападеніяхъ, индѣйцы не любятъ пользоваться случайными преимуществами надъ врагами въ открытомъ бою: такъ, однажды, арканзасцы подѣлились съ казавами порохомъ, котораго у тѣхъ недоставало, и, уравнявъ такимъ образомъ шансы, перешли въ настоящее наступленіе и одержали надъ ними побѣду. Въ другой разъ, когда алгонкины одолѣвали ирокезовъ, тѣ послали имъ напомнить, что приближается ночь, — и алгонкины отложили продолженіе боя до слѣдующаго утра.

Въ войнахъ индѣйцевъ почти не было рѣчи о пощадѣ побѣжденныхъ. Военнымъ трофеемъ индѣйцевъ служили скальпы враговъ, и они придавали величайшее значеніе этимъ трофеямъ. Просить о пощадѣ или сдаваться во время битвы считалось непозволительнымъ: каждый отрядъ бился до послѣдняго изнеможенія, даже до полнаго истребленія. Военныя потери индѣйцевъ бывали такъ велики, что даже храбрѣйшія и многочисленнѣйшія племена послѣ войны нерѣдко должны были принимать постороннихъ въ свое племя для пополненія убыли. Послѣднее обстоятельство служило одной изъ исключительныхъ причинъ дарованія жизни плѣннымъ. Такъ какъ для каждаго очутиться въ рукахъ враговъ предвѣщало вѣрную гибель, то плѣнные переставали существовать для своего племени, считаясь умершими. Женщины и дѣти, взятыя въ плѣнъ, еще не-

дко оставлялись въ живыхъ и должны были исполнять низ-
я служебныя должности въ племени побѣдителей; но взрос-
е мужчины, если никто не хотѣлъ взять ихъ въ свои семьи,
едавались мучительной смерти. Ихъ привязывали къ столбу,
ружали хворостомъ, который зажигался. Ихъ жгли также
скаленнымъ желѣзомъ, и у живыхъ отрѣзывали куски мяса:
тѣмъ ихъ скальпировали — и голову, лишенную кожи, посы-
ли горячей золой; въ этомъ видѣ ихъ заставляли бѣгать,
ка несчастному не измѣняли силы. Храбрый воинъ долженъ
лъ хладнокровно относиться къ своимъ страданіямъ и осы-
ать насмѣшками своихъ мучителей.

Для того чтобы достигнуть такой нечеловѣческой выдержки,
итавшейся обязательной для индѣйскаго воина, въ нихъ съ
ѣтства развивались терпѣливость и хладнокровная выноси-
ость физической боли. Объ ирокезахъ разсказываютъ, что
нихъ мальчики 5 — 6 лѣтъ спорили, кто въ состояніи дольше
ыдержать на рукѣ раскаленный уголь. Такимъ образомъ, уже
ъ этого возраста начиналось закаливаніе индѣйца и пріученіе
го ко всевозможнымъ испытаніямъ и лишеніямъ. Юноши, до-
игшіе зрѣлости, принимались въ среду взрослыхъ, только
ройдя цѣлый рядъ жестокихъ истязаній. Таковъ былъ путь
ъ славѣ индѣйскаго воина.

Жизнь дикарей представляетъ ни однѣ темныя стороны:
ъ ней много и свѣтлыхъ сторонъ, но мы не касаемся ихъ
дѣсь, такъ какъ задались цѣлью прослѣдить постепенное уси-
еніе воинственности въ человѣчествѣ и связанной съ нею жес-
окости. Люди, живущіе жизнью близкою къ природѣ, остано-
ившіеся на первобытныхъ стадіяхъ культуры, представляютъ
лагодарный объектъ для изученія нашего душевнаго міра.
Многія изъ нашихъ склонностей и потребностей, мотивы кото-
ыхъ, вслѣдствіе сложности нашей психической жизни, неясны
ля насъ, у первобытныхъ людей являются въ болѣе элемен-
арномъ видѣ и распознаются легче. Разсматривая дикарей
исключительно въ ихъ отношеніи къ войнѣ, мы должны при-
знаться, что, по мѣрѣ ихъ умственнаго и общественнаго раз-
витія, у нихъ усиливаются смѣлость и искусство въ истреб-
леніи себѣ подобныхъ. Низшіе дикари еще робки и неумѣлы
на войнѣ; но чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ болѣе храб-
рости, стойкости и тактической сноровки они себѣ вырабаты-
ваютъ, въ такой степени, что, отставая во всемъ отъ культур-
ныхъ народовъ, они по военнымъ качествамъ могутъ близко
подходить къ нимъ. При изученіи различныхъ типовъ человѣ-
чества съ военной стороны, мы убѣждаемся и въ томъ, что
только для низшихъ изъ нихъ война является необходимой
обороной или крайнимъ средствомъ добыть для себя пропитаніе;

высшіе дикари почти всѣ ведутъ войну чаще и свирѣпѣе, чѣмъ это нужно: у нихъ каждый мужчина — воинъ по профессіи, по ремеслу, и война обращается для нихъ въ рискованное, но выгодное дѣло. Для лучшаго успѣха въ ней, для бо́льшаго устрашенія непріятеля, они вырабатываютъ въ себѣ все бо́льшую и бо́льшую жестокость, сперва возбужденную, внушаемую местью, а затѣмъ хладнокровную, переходящую въ обычай. Всѣ дикіе народы, уцѣлѣвшіе и взявшіе верхъ въ непрерывной, вооруженной борьбѣ, какая шла и идетъ среди человѣчества, достигли своего успѣха путемъ военной силы и безпощаднаго истребленія или полнаго подчиненія побѣжденныхъ. Мирныя, трудолюбивыя населенія всегда становились добычей смѣлыхъ завоевателей, которые только по праву сильнаго отнимали у нихъ и плоды ихъ трудовъ, и землю, и самую жизнь. Всѣ части свѣта представляютъ намъ примѣры этого процесса поглощенія мирныхъ земледѣльческихъ народовъ воинственными кочевниками. Такъ, среди дикихъ народовъ постепенно вырабатывалась военная сила со всѣми ея атрибутами, и преобладаніе ея надъ нравственной и умственной силой стало незыблемымъ правиломъ. Посмотримъ теперь, насколько высшія религіи, научная культура и промышленный прогрессъ могли измѣнить ту воинственность, какую культурное человѣчество должно было заимствовать отъ своихъ дикихъ предковъ.

V

Переходъ отъ некультурныхъ къ культурнымъ народамъ представляютъ государства Америки — Мексика и Перу. Они выработались изъ тѣхъ элементовъ, какіе мы видѣли въ этой части свѣта, являясь дальнѣйшей стадіей развитія туземной культуры. Изъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ ирокезы были самыми развитыми и въ то же время самыми воинственными. Мексиканцы пошли еще гораздо дальше на пути политическаго развитія и техническаго прогресса, но соразмѣрно съ тѣмъ подвинулись и въ военномъ отношеніи. Когда испанцы ознакомились съ ацтеками, послѣдніе считали своимъ призваніемъ покорить всѣ извѣстныя имъ земли власти своего царя и своего бога войны Уитцилопахтли. Религія у нихъ сливалась съ войною, и война была для нихъ величайшимъ жизненнымъ дѣломъ. Богъ войны требовалъ постоянныхъ человѣческихъ жертвъ, и этими жертвами бывали побѣжденные. „Теуктли“ или царь мексиканцевъ долженъ былъ прежде всего обладать личною храбростью и военными способностями. Онъ долженъ былъ дослужиться до высшаго военнаго положенія тѣмъ же путемъ, какъ и обыкновенные воины, и слава полководца всего

легче открывала ему дорогу къ престолу. Юноши изъ высшаго сословія съ 15 лѣтъ подготовлялись къ военному поприщу и съ 20-лѣтняго возраста обязаны были добывать себѣ знаки отличія и чины. Дальнѣйшее общественное положеніе ихъ зависѣло не отъ званія отцовъ, а отъ ихъ собственныхъ военныхъ заслугъ. Различныя военныя званія отличались цвѣтомъ одежды и украшеніемъ изъ перьевъ. Монтесума II основалъ даже три военныхъ ордена, знаки которыхъ носились на шеѣ. Проявленія истинной храбрости, кѣмъ бы они ни были оказаны, получали высокія награды. Воину, павшему въ битвѣ, обѣщалось высшее блаженство въ загробной жизни.

Такимъ образомъ, военное дѣло лежало въ основѣ государственной жизни Мексики. При покореніи страны испанцы должны были убѣдиться, что мужество въ одинаковой степени свойственно всему народу. Въ борьбѣ съ тласкаланцами, находившимися въ вассальныхъ отношеніяхъ къ ацтекамъ, Кортесу пришлось выдержать нѣсколько значительныхъ сраженій. Главный городъ, осажденный испанцами, страдая отъ болѣзни и голода, отвергалъ всѣ предложенія о сдачѣ, и жители его, послѣ пораженія, отступили въ правильномъ порядкѣ. Испанскіе писатели разсказываютъ, что мексиканское войско имѣло очень бодрый видъ и двигалось въ правильномъ порядкѣ; въ костюмѣ одной части его преобладали красный и бѣлый, другой — желтый и голубой цвѣта, и т. д. Отряды могли исполнять сложныя атаки одновременно на нѣсколькихъ пунктахъ, и кампанія совершалась по плану, начертанному царемъ, гдѣ, впрочемъ, были обозначены только общія диспозиціи. Въ каждомъ отрядѣ насчитывалось до 8 тысячъ человѣкъ, а въ общемъ число войска равнялось 200.000. Эта военная сила была орудіемъ для покоренія и опустошенія сосѣднихъ странъ: всѣ они оказались въ бо́льшей или меньшей зависимости отъ мексиканцевъ и эксплуатировались ими. Власть ихъ была такъ тяжела, что весь успѣхъ Кортеса, обладавшаго ничтожными силами, былъ основанъ на томъ, что ему легко было народы, покоренные ацтеками, поднять противъ ихъ притѣснителей. Громадныя гекатомбы, совершавшіяся въ честь бога войны, главнаго бога мексиканцевъ, слишкомъ извѣстны, какъ крайнія проявленія жестокости, для того чтобы о нихъ надо было говорить.

Въ Перу военная организація стояла еще выше. Тамъ существовала всеобщая воинская повинность, въ силу которой каждый обязанъ былъ прослужить извѣстное число лѣтъ въ рядахъ войска. Во время похода войско, численность котораго доходила до 200.000, имѣло палатки изъ хлопчатобумажной ткани. Во время сраженія оно строилось въ опредѣленномъ порядкѣ: въ первой линіи становились пращники, слѣдующіе

воины, вооруженные палицами или бердышами и сѣкирами; вооруженіе дальнѣйшаго ряда состояло изъ дротиковъ и послѣдняго — изъ пикъ. Каждый отрядъ состоялъ подъ властью особаго начальника и имѣлъ свой значекъ. Искусство постройки укрѣпленій стояло въ Перу также на весьма высокой степени. Инка считался главнымъ военачальникомъ, и храбрость для него была настолько обязательна, что, если онъ не оправдывалъ своей репутаціи, послѣ его смерти имя его не прославлялось въ пѣсняхъ и предавалось полному забвенію. Инки вели почти непрерывныя войны, ставя для себя долгомъ возможно широкое распространеніе перуанской религіи и власти. Но это было только предлогомъ для угнетенія сосѣднихъ, болѣе слабыхъ народовъ; даже собственное земледѣльческое населеніе Перу, кромѣ жертвъ, которыя вызывались съ его стороны непрерывными военными экспедиціями, страдало непосредственно отъ насилій солдатъ. Хотя перуанцы, повидимому, не приносили своимъ богамъ такихъ страшныхъ кровавыхъ жертвъ, какъ мексиканцы, но изъ ихъ обычаевъ, — въ силу которыхъ инки пили изъ чашъ, сдѣланныхъ изъ непріятельскихъ череповъ, и нѣкоторыя перуанскія племена украшали свои хижины трофеями изъ человѣческихъ головъ и носили ожерелья изъ человѣческихъ зубовъ, — можно заключить, что перуанцы по отношенію къ побѣжденнымъ недалеко отошли отъ воиновъ-людоѣдовъ, о которыхъ мы говорили выше.

VI

Военный строй американскихъ государствъ близко подходитъ къ строю государствъ древняго міра. То, что мы знаемъ о древнемъ Египтѣ, во многомъ напоминаетъ то, что испанскіе завоеватели сообщили намъ о Перу. Египтяне съ глубокимъ презрѣніемъ относились къ другимъ народамъ и вели съ ними войну съ цѣлью подчиненія ихъ. Фараонъ считался верховнымъ предводителемъ войска и признавалъ себя подъ особымъ покровительствомъ бога войны. На одной изъ надписей въ Карнакѣ богъ Аммонъ говоритъ царю: „Я пришелъ, я разрѣшаю тебѣ уничтожить азіатскихъ варваровъ“, и т. д. Кастовый строй общества обозначается уже и въ средней Америкѣ, но въ Египтѣ онъ еще рѣзче и опредѣленнѣе. Военное дѣло находилось тамъ въ рукахъ особой касты, и каждый воинъ получалъ участокъ земли, который давалъ ему возможность обезпеченнаго существованія. Въ Египтѣ не было людоѣдства и кровавыхъ жертвъ Мексики, но войны и тамъ велись съ большой жестокостью. У убитыхъ отрѣзались руки и другія части тѣла, тщательно сосчитывались и отправлялись къ фараону. При фараонѣ Менефтѣ

XIX династіи), при отраженіи нападенія ливійцевъ было сорано 12.523 такихъ остатковъ.

Жестокій способъ веденія войны египтянами до сихъ поръ ще живетъ въ современной Абиссиніи, гдѣ члены отрѣзыаются не только у мертвецовъ, но и у живыхъ непріятелей. Въ Абиссиніи войны ведутся почти непрерывно между королемъ и его вассалами или между послѣдними. Во время кампаніи солдаты продовольствуются тамъ награбленной добычей; въ мирное время они бродятъ по странѣ и отыскиваютъ себѣ стоянки, гдѣ бы имъ давали помѣщеніе и прокормленіе. Еще не такъ давно прическа абиссинца свидѣтельствовала объ его военныхъ подвигахъ: каждый убитый или взятый въ плѣнъ непріятель давалъ право заплетать одну косу; послѣ 10 убитыхъ враговъ можно было заплетать уже всю голову.

Войны древнихъ ассирійцевъ отличались еще большей свирѣпостью. Они сжигали города, избивали побѣжденныхъ, уродовали плѣнныхъ. Всѣ эти ужасы совершались также въ честь боговъ, покровительствовавшихъ ассирійскимъ воинамъ. Другіе семитическіе народы древности не уступали ассирійцамъ въ военной жестокости. Евреи стремились къ полному уничтоженію своихъ непріятелей. Въ книгѣ Царствъ можно видѣть, какой ужасной участи подвергались аммонитяне и др. Карѳагеняне отрубали руки своимъ плѣнникамъ, если не имѣли въ виду обратить ихъ въ рабство. Въ болѣе позднее время, арабы еще до ислама занимались грабежами, какъ средствомъ къ существованію. Исламъ узаконилъ эти насилія, когда они касались другихъ народовъ, придалъ имъ еще болѣе жестокій характеръ и религіозное одушевленіе. Коранъ ставилъ въ обязанность всѣмъ своимъ послѣдователямъ вести безпощадную войну съ невѣрными. Военные успѣхи арабовъ были необыкновенно быстры: еще въ VII вѣкѣ о нихъ почти не было слышно, а съ VIII вѣка они наполняютъ славой своихъ подвиговъ Азію, Африку и Европу. Но эта слава покупалась безпощаднымъ истребленіемъ плѣнныхъ, опустошеніемъ цѣлыхъ странъ и страшными насиліями надъ личностью и имуществомъ побѣжденныхъ.

Арабскихъ завоевателей смѣнили въ Азіи монголы, которые основали одну изъ обширнѣйшихъ имперій, когда либо существовавшихъ, простиравшуюся отъ Тихаго океана до Карпатовъ. Наша исторія сохранила достаточно подробностей о военныхъ пріемахъ монголовъ для того, чтобы о нихъ нужно было говорить. Воинственность монгольской расы не исчезла еще въ нѣкоторыхъ ея представителяхъ. Въ Индо-Китаѣ мы находимъ небольшія деспотическія монархіи, гдѣ всѣ мужчины считаются воинами, и правители всего болѣе заботятся о своей военной славѣ. Въ Сіамѣ каждый шесть мѣсяцевъ въ году обязанъ слу-

жить въ арміи. Въ Кохинхинѣ $^2/_3$ мужскаго населенія, за ничтожное вознагражденіе, находятся подъ знаменами. Японія, бывшая еще недавно чисто феодальнымъ государствомъ, и до сихъ поръ сохранила слѣды феодальнаго строя. Такой порядокъ не давалъ возможности организаціи обширныхъ центральныхъ армій, но наполнялъ всю Японію воинами, мечтавшими о военной славѣ. И въ настоящее время Японія, слѣдуя по пути европейскаго прогресса, обращаетъ большое вниманіе на усовершенствованіе своихъ военныхъ силъ.

Китай можно назвать единственнымъ государствомъ, гдѣ мирныя, земледѣльческія занятія ставятся выше военныхъ успѣховъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Летурно, въ названномъ выше сочиненіи (510), китайскій народъ первый изъ всѣхъ оцѣнилъ всю ужасную сторону военной славы и отказался отъ нея. Китай — чисто мирное государство, управляемое гражданскими чиновниками. Тамъ военная служба возложена на манджуровъ, которые стоятъ лагерями въ различныхъ частяхъ территоріи и пополняютъ свои ряды среди обитателей монгольскихъ степей, которые имѣютъ вполнѣ военную организацію, раздѣляясь на отряды или „знамена“. Китайскія войска по своему кодексу обязаны побѣждать или умирать; потерпѣвшему пораженіе грозитъ обезглавленіе. Въ обращеніи этихъ воинствующихъ монголовъ съ побѣжденными варварство смѣшивается съ гуманностью. Врагъ, когда онъ сопротивляется, убивается безъ пощады, и иногда безъ различія пола и возраста, — но китайскимъ воинамъ запрещается убивать путешественниковъ и разрушать дома и храмы; имъ предписывается мягкое обхожденіе съ врагомъ, сдающимся добровольно.

Китайскіе философы и всѣ образованные китайцы смотрятъ на войну съ правильной и гуманной точки зрѣнія. Летурно, въ той же книгѣ, приводитъ мнѣніе Конфуція, который говоритъ: „Миръ, даже ничѣмъ не прославленный, лучше самой блестящей побѣды“. Другой китайскій философъ высказывалъ: „Воздавайте побѣдителямъ только погребальныя почести, принимайте ихъ съ плачемъ и рыданіями въ воспоминаніе совершенныхъ ими человѣкоубійствъ, и пусть памятники ихъ побѣдъ будутъ окружены гробницами“. Одинъ современный китаецъ говорилъ европейцу: „Наша нація цивилизованнѣе вашей; война внушаетъ ей ужасъ, и потому въ ней она менѣе искусна“. Тѣмъ болѣе надо сожалѣть, какъ замѣчаетъ Летурно, что Европа оскорбленіями и насиліями развиваетъ въ Китаѣ духъ воинственности, т. е. отодвигаетъ ее назадъ.

Исключеніе изъ обще-распространеннаго воззрѣнія на войну представляютъ и древніе индусы. Діодоръ замѣчаетъ съ удивленіемъ, что даже въ пылу битвы индусскіе воины щадили

земледѣльцевъ и никогда не позволяли себѣ рубить деревья и сжигать нивы. Законы Ману не дозволяли употребленія тайнаго оружія, какъ, напр., зазубренныхъ, отравленныхъ или зажженныхъ стрѣлъ; они не позволяли воину, находящемуся на колесницѣ, разить пѣшаго врага, просящаго о пощадѣ, сдающагося въ плѣнъ, спящаго, безоружнаго, больнаго, раненаго, огорченнаго и трусливаго. Они вмѣняли въ обязанность царю-побѣдителю уважать законы побѣжденнаго народа. Если эти правила и рѣдко исполнялись на практикѣ, — мы не можемъ не отмѣтить ихъ, какъ отрадное явленіе среди суровыхъ картинъ военной исторіи человѣчества.

VII

Вступая въ область исторіи европейскихъ народовъ, мы можемъ ограничиться немногими бѣглыми указаніями. Предки нынѣшнихъ народовъ Европы повсюду отличались большой воинственностью. Мы знаемъ это и о скиѳахъ, и о македонянахъ, и о ѳракійцахъ, и объ иберахъ, и о др. Въ Германіи всѣ мужчины, способные носить оружіе, половину года должны были проводить въ войскѣ. Женщины слѣдовали за отрядами, и нѣкоторыя изъ нихъ, въ качествѣ жрицъ, закалывали плѣнниковъ. Отраженіе этихъ нравовъ мы находимъ и въ болѣе позднее время у норманновъ. Въ ихъ пѣсняхъ прославляется убійство массами, воспѣваются поля, усѣянныя трупами, дающія роскошную трапезу хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, и т. п. Въ гомеровской Греціи города вели безпрерывную войну между собою, грабя, разоряя и обезлюдивая другъ друга. Нѣкоторыя государства, какъ, напр., Спарта, ставили себѣ идеаломъ превратиться въ военную общину; тамъ царь былъ безсмѣннымъ военачальникомъ, а въ Аѳинахъ должность стратеговъ замѣщалась ежегодными выборами наряду съ другими общественными обязанностями. Войны у грековъ велись съ большимъ ожесточеніемъ. Извѣстна возмутительная жестокость, совершавшаяся во время Пелопонезской войны, когда, напр., послѣ взятія Платеи, было перерѣзано все мужское населеніе. Въ отношеніи жестокости римляне не уступали грекамъ: жизнь раненыхъ и плѣнныхъ никто не охранялъ, и убійство ихъ могло происходить безнаказанно; кромѣ того, они во множествѣ отдавались дикимъ звѣрямъ въ циркахъ. Цѣлые народы безслѣдно уничтожались римскими легіонами.

Римская имперія уступила свое мѣсто полчищамъ варваровъ. Послѣ обширныхъ передвиженій и громадныхъ опустошеній, эти новые завоеватели образовали государство на основахъ феодальной системы. Войны, которыя велись при существованіи

этого строя, отличались крайней безпощадностью: цѣлые го[illegible] уничтожались, сдававшіеся враги избивались массами. [illegible] жестокости продолжались и далеко послѣ паденія феодальн[illegible] порядка. Во время возмущенія Нидерландовъ, испанскія во[illegible] возмутительно обращались съ побѣжденными; города отдава[illegible] тогда въ полную власть разнузданныхъ солдатъ и т. д. Въ тр[illegible] цатилѣтнюю войну потрясающія подробности взятія Магдебу[illegible] заставили содрогнуться всю Европу. О прошломъ и нынѣшн[illegible] вѣкахъ мы не говоримъ, такъ какъ ихъ кровопролитныя во[illegible] достаточно извѣстны.

Мы сдѣлали бы крупную ошибку и пришли бы къ сов[illegible] шенно невѣрнымъ заключеніямъ, еслибы стали игнорирова[illegible] это воинственное прошлое нашей расы. Мы не должны обо[illegible] щать себя утѣшеніями въ великомъ гуманизирующемъ значе[illegible] религіозной и философской морали и въ усиленіи раціональн[illegible] мышленія, благодаря развитію положительнаго знанія. Въ дѣ[illegible] ствительности эта мораль все еще остается для насъ недост[illegible] жимымъ идеаломъ, и научное міросозерцаніе кажется намъ а[illegible] стракціей, имѣющей мало общаго съ жизнью. Предки передаю[illegible] намъ уже готовую мозговую организацію, опредѣляющую на[illegible] стремленія и наклонности. Если неисчислимый рядъ предш[illegible] ствующихъ намъ поколѣній считалъ войну самымъ достойны[illegible] дѣломъ, привыкъ имѣть при себѣ оружіе и обнажать его пр[illegible] первомъ узаконенномъ поводѣ, мы напрасно стали бы увѣрять себя, что мы, дѣти этихъ вооруженныхъ и покрытыхъ кровь[illegible] людей, можемъ совершенно иначе смотрѣть на вещи, такъ как[illegible] религія достаточно умиротворила насъ, наука сообщила нашим[illegible] мыслямъ логическое теченіе, и мирныя сферы дѣятельност[illegible] вполнѣ овладѣли нами. Умиленіе по поводу мирныхъ торжеств[illegible] науки и промышленности, въ родѣ выставокъ, ученыхъ съѣздовъ и т. п., гордость по поводу блестящаго проявленія человѣческаго генія въ области теоретическаго и практическаго знані[illegible] возможны лишь въ то время, когда духъ войны ничѣмъ не заявляетъ себя. Но уже при отдаленныхъ раскатахъ военной грозы мы всѣ преображаемся: наша мирная жизнь кажется намъ чѣмъ-то мелкимъ, почти постыднымъ по своему эгоизму, и единственно благородной, возвышенной, завидной дѣятельностью для насъ является война. Если намъ нельзя принять въ ней непосредственнаго участія, мы относимся къ ней съ самымъ искреннимъ, задушевнымъ сочувствіемъ. Мы жадно слѣдимъ за военными извѣстіями и при этомъ не только глубоко симпатизируетъ усиліямъ нашихъ войскъ и гордимся ихъ успѣхами, но и ненавидимъ непріятелей и радуемся ихъ неудачамъ и потерямъ. Насъ охватываетъ нѣчто въ родѣ опьянѣнія: чѣмъ крупнѣе цифры убитыхъ и раненыхъ непріятелей, тѣмъ

льнѣе въ насъ ощущеніе радости и гордости. Въ это время ши враги совсѣмъ изъяты изъ области гуманнаго чувства, кое, по нашему убѣжденію, мы питаемъ ко всему человѣчеву: всякаго рода страданія и гибель ихъ кажутся намъ чѣмъ какъ нельзя болѣе желательнымъ и законнымъ. Если торество на нашей сторонѣ, мы готовы простить врагу; въ противномъ случаѣ, мы ненавидимъ его еще долго спустя по окончаніи войны. Даже національная дружба отдѣляется отъ національной ненависти весьма тонкой чертой: вторая незамѣтно внезапно можетъ образоваться изъ первой. Всякое чувство скорбленія, нанесеннаго нашей націи, заставляетъ насъ инстинктивно протягивать руку къ оружію — и если мы не обнажаемъ го, то не изъ сожалѣнія къ врагу, а изъ опасенія послѣдствій ойны и ея высокой финансовой стоимости. Въ доказательство гихъ простыхъ истинъ, которыя и сами по себѣ едва ли подежатъ спору, достаточно сослаться на впечатлѣніе франко-русской войны въ Германіи и на возбужденіе русскаго общества во время послѣдней турецкой войны, не говоря уже о черныхъ точкахъ", безпрестанно появляющихся на политическомъ горизонтѣ.

На самомъ дѣлѣ одна и та же причина заставляетъ юношу забывать всѣхъ, кого онъ привыкъ любить, и стремиться въ ряды арміи, а почтеннаго нѣмецкаго профессора — вплетать въ свои лекціи или ученые трактаты выраженія восторга по поводу торжества германскаго оружія. И тѣмъ и другимъ движетъ тотъ же духъ воинственности, инстинктъ истребленія, упоеніе жестокимъ наслажденіемъ побѣды надъ врагомъ. И всѣ мы, съ нашего внутренняго согласія или противъ него, явно или скрытно, раздѣляемъ это отношеніе къ войнѣ. Это и не можетъ быть иначе, такъ какъ воинственность не прерывалась въ нашей исторіи, и въ области безсознательнаго нашей души инстинкты войны залегаютъ прочно и глубоко съ почти первобытной силой. Вотъ почему и въ наше время такъ легко торжествуетъ „политика крови и желѣза", такъ легко утверждаются парламентами военные бюджеты, такъ безпрекословно крупнѣйшая часть государственныхъ доходовъ отдается на военныя потребности, и такъ безсильны и жалки голоса, раздающіеся противъ военнаго строя европейской жизни. По всей вѣроятности, пройдетъ еще много вѣковъ, прежде чѣмъ мы сдѣлаемся дѣйствительно мирными людьми, согласно ученію Христа, и истинными сторонниками прогресса въ области наукъ, искусствъ и промышленности.

Д. Коропчевскій

СЕСТОСЪ и АБИДОСЪ

Изъ воспоминаній путешественника

Послѣ двадцатипятиминутнаго переѣзда въ лодкѣ изъ Чанакъ-кале (Дарданеллъ) на европейскій берегъ пролива, мы высадились въ бухтѣ Акъ-баши-лиманъ, гдѣ въ древности был Сестосъ. Здѣсь нашелъ свою смерть Леандръ, жившій на противоположномъ берегу Дарданельскаго пролива, въ Абидосѣ. Страстно влюбленный въ Геро, жрицу богини Венеры, въ Сестосѣ, Леандръ, желая скрыть тайну своихъ свиданій съ ней, выбралъ довольно героическое средство, чтобы, никѣмъ незамѣченнымъ, являться въ Сестосъ. Онъ вплавь переправлялся чрезъ Геллеспонтъ, причемъ путеводною точкою былъ для него свѣтильникъ, который Геро выставляла на вершинѣ башни. И вотъ, въ одну бурную ночь, силы измѣнили Леандру, волны поглотили его, какъ нѣкогда Геллу, злосчастную дочь Атамаса. Геро не пережила смерти своего возлюбленнаго: при видѣ его трупа, несомаго волною, она бросилась въ воду, чтобы погибнуть одинаковою смертью съ человѣкомъ, отдавшимъ за нее жизнь. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія подвигъ Леандра былъ повторенъ Байрономъ, этимъ поклонникомъ классической старины, переплывшимъ въ часъ десять минутъ проливъ именно между Абидосомъ и Сестосомъ и поплатившимся за то лихорадкою, отъ которой онъ уже не могъ избавиться до самой смерти. Въ Абидосѣ до сихъ поръ цѣлъ домъ, гдѣ жилъ лордъ Байронъ.

Прокопій разсказываетъ, что императоръ Юстиніанъ велѣлъ построить въ Сестосѣ, на берегу, замокъ Цеменикъ, на мѣстѣ древней крѣпости Хойридокастронъ (свиная крѣпость). Теперь еще видны развалины этого укрѣпленія, основанія стѣнъ котораго сложены изъ тесаныхъ камней. Башня, бывшая на одной оконечности цитадели, круглая, наполовину разрушена; за-

тны еще остатки свода, составлявшаго первый этажъ. Стѣны ѣпости сложены изъ известняка, между которымъ на извѣстмъ разстояніи проложенъ слой изъ трехъ-четырехъ рядовъ ирпичей. Вообще, можно легко различить по склону холма татки стѣнъ, окружавшихъ самый городъ. Цеменикъ былъ рвымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, которымъ завладѣли турки Европѣ.

Въ 1356 г. Солиманъ, сынъ Орхана, храбрый воинъ, прилъ въ Абидосъ съ четырехтысячнымъ войскомъ. Не имѣя какихъ перевозочныхъ средствъ, Солиманъ, отобравъ восемсятъ наиболѣе отважныхъ солдатъ, рѣшился переправиться резъ проливъ ночью, при лунномъ свѣтѣ, на трехъ плотахъ, ѣланныхъ изъ досокъ, положенныхъ на надутые воздухомъ ячьи мѣха. Переправа удалась; на берегу поймали нѣсколькихъ окрестныхъ поселянъ, которыхъ деньгами и угрозами ставили указать тайный подземный ходъ въ замокъ, — и Цеменикъ былъ взятъ врасплохъ, а захваченныя въ портѣ суда ослужили для перевозки оставленныхъ въ Абидосѣ воиновъ олимана, которые вскорѣ затѣмъ завладѣли Галиполемъ, считавшимся ключемъ Константинополя.

Турки, живущіе на берегу Дарданельскаго пролива, съ горостью показываютъ небольшую бухту, въ разстояніи трехъетырехъ верстъ выше Сестоса, которую они называютъ Газиеръ-искелеси (бухта побѣдителей) — тамъ высадились ихъ храбрые предки, направлявшіеся на приступъ Цеменика.

На противоположномъ Сестосу берегу пролива, въ разстояніи 35 минутъ ѣзды на лодкѣ отъ Чанакъ-кале, выступаетъ мысъ Нагара-бурну, гдѣ расположена сильнѣйшая изъ защищающихъ Дарданеллы батарей: тамъ находится и чудовищное крѣпостное орудіе, подаренное султану Круппомъ въ 1876 году.

На прилегающемъ къ Нагара-бурну плоскомъ берегу былъ нѣкогда раскинутъ древній городъ Абидосъ, о которомъ упоминаетъ еще Гомеръ и который былъ уже разъ возстановленъ изъ развалинъ милетцами, съ разрѣшенія Гигеса, лидійскаго царя, тогдашняго повелителя всей этой страны. Теперь на этомъ мѣстѣ нѣтъ ни развалинъ, ничего, что̀ напоминало бы о существовавшемъ здѣсь значительномъ городѣ. Одиноко высится лишь холмъ, искусственно возведенный абидосцами, по приказанію Ксеркса, для постановки на немъ трона, откуда персидскому царю угодно было взглянуть на свои безчисленныя полчища, разсѣянныя на сушѣ и на морѣ, на переправу ихъ чрезъ Геллеспонтъ и на примѣрный морской бой между судами финикійскими, египетскими, киликійскими и греческими (т. е. малоазійскихъ и островныхъ грековъ), въ которомъ болѣе всѣхъ отличились финикіяне сидонскіе.

Персія была страною бѣдною, населеніе ея долго сохран простой, суровый образъ жизни; оно отличалось сильнымъ лосложеніемъ, и изъ него легко было сформировать превос ное войско. Создателемъ его явился Киръ, изъ царской ди стіи Ахеменидовъ.

Главную силу персидскаго войска, его ядро, составляли ные полки, которымъ пѣхота служила какъ бы дополнен Воины, сражавшіеся съ колесницъ, были одѣты Киром крѣпкіе панцыри, самыя колесницы замѣнены болѣе прочн причемъ оконечность дышла и часть кузова были усаж острыми серповидными ножами въ два локтя длиною, — лош тяжелой кавалеріи были покрыты металлическими налобни и нагрудниками.

Вооруженная сила персовъ была огромна потому, что в дый, бывшій въ состояніи носить оружіе, обязанъ былъ в скою повинностью. Армія была разсѣяна по всей имперіи крѣпостямъ и по особымъ сборнымъ мѣстамъ, сосредоточивш лишь въ случаѣ крайней необходимости, для чего отправля нарочные гонцы.

За исключеніемъ правильно организованныхъ частей п сидскаго войска — пѣшихъ, конныхъ и сражавшихся съ кол ницъ, — раздѣленныхъ на полки по 10.000 человѣкъ, отря по 1.000 человѣкъ и сотни — остальная масса его, набир шаяся предъ каждою войною со всѣхъ областей царства, пр ставляла относительно одежды и вооруженія пеструю см племенныхъ особенностей. Созванная на войну, эта громад масса вооруженнаго народа шла безпорядочными толпами самыхъ границъ непріятельской земли, и только достигнув ихъ, раздѣлялись на полки и отряды. Обозъ посылали обык венно впереди войскъ. О величинѣ его можно судить потом что съ нимъ отправлялись не только множество ремесленн ковъ разнаго рода для починки оружія, одежды и пр., но цѣлыя толпы женщинъ и прислужниковъ, охранявшихъ р личныя драгоцѣнныя вещи, принадлежащія военачальникам Ксенофонтъ поясняетъ, что, по общепринятому обычаю, азіат скіе народы любятъ быть сопровождаемыми на войну всѣм чѣмъ только они дорожатъ; присутствіе предметовъ, которы намъ дороги, говорятъ они, возбуждаютъ въ бою наше муж ство, напоминая намъ о необходимости защищать ихъ всѣм нашими силами.

Обиліе прислуги и всякаго обоза въ арміи, предводимой ц ремъ, обусловливалось неслыханною пышностью и блескомъ пер сидскаго двора. Заимствовавъ у мидянъ покрой ихъ одежды Киръ перенялъ отъ нихъ же блестящее великолѣпіе придвор ной жизни и этикета.

По уставу, которымъ опредѣлялся весь порядокъ жизни ря, царь могъ употреблять въ пищу только самыя дорогія тва и питія. Соль привозилась изъ оазиса Сива, вода изъ оаспа, рѣки протекающей въ Сузѣ, — для чего за царемъ, да бы онъ ни пошелъ походомъ, двигались многія четырехко-есныя повозки съ серебряными сосудами, наполненными этою рокипяченною водою, — вино изъ Сиріи, пшеница изъ греческой асти Малой Азіи. Для царскаго стола на походѣ убивалось жедневно до 1000 головъ скота.

Одежда знатныхъ всадниковъ, составлявшихъ отборную часть ерсидскаго войска, была чрезвычайно богата и лишь немно-имъ отличалась отъ царской; дорогія украшенія возвышали лескъ ихъ нарядовъ, которыя они надѣвали частью поверхъ ооруженія, частью подъ него. Недаромъ Эсхилъ называетъ оиновъ Ксеркса „блистающими золотомъ".

Самую блестящую часть войска составляла царская стража. Учрежденная Киромъ по мидійскому образцу и умноженная го преемниками, она заключала въ себѣ 2000 отборныхъ всад-иковъ, 2000 пѣшихъ копейщиковъ и 10000 пѣшихъ воиновъ, азывавшихся „безсмертными", потому что каждая убыль въ томъ отрядѣ немедленно пополнялась, и онъ во всякую минуту ылъ въ полномъ составѣ.

Подчинивъ себѣ при Кирѣ малоазійскія греческія колоніи и завоевавъ при Даріи Ѳракію и Македонію, персы пришли въ соприкосновеніе во многихъ точкахъ съ греческимъ міромъ. Съ одной стороны жажда владычества, съ другой — любовь гре-ковъ къ независимости должны были привести къ враждебнымъ столкновеніямъ. Попытка же малоазійскихъ грековъ сбросить съ себя персидское иго послужила поводомъ къ открытой войнѣ.

Возмутившіеся греки сожгли Сарды, но ихъ скоро смирилъ персидскій военачальникъ, разбивъ ихъ близь Эфеса; тѣмъ не менѣе Дарій поклялся жестоко отомстить аѳинянамъ, какъ подстрекателямъ усмиреннаго бунта.

Приготовленія къ походу длились четыре года, и начать войну пришлось уже преемнику Дарія — Ксерксу.

Сборнымъ мѣстомъ арміи были Сарды, откуда она отправилась сухопутьемъ въ Абидосъ, въ то время какъ флотъ, состоявшій изъ 1200 триремъ и 3000 перевозочныхъ судовъ, съ 24000 человѣкъ экипажа, направился туда же вдоль береговъ Малой Азіи.

Армія Ксеркса представляла изъ себя странную смѣсь народовъ, языковъ, одеждъ и вооруженія, такъ какъ каждый изъ входившихъ въ нее 46 народовъ сохранилъ свой національный костюмъ и вооруженіе: персидскіе латники на горячихъ коняхъ, полуобнаженные арабы на верблюдахъ, племена изъ восточнаго

Ирана съ луками и сѣкирами, малоазійскія и кавказскія в. съ плетеными щитами, деревянными шлемами, эѳіопы, покр. львиными и леопардовыми шкурами.

Вся эта масса медленно двигалась къ Абидосу: шеств. мого Ксеркса, по обыкновенію, было обставлено пышно путь, которымъ онъ направлялся, былъ усыпанъ миртами.

Впереди несли священный огонь на серебряныхъ алтар. ихъ окружали пѣвшіе гимны жрецы-маги, одѣтые во все бѣ. не носившіе на себѣ никакихъ драгоцѣнностей, а лишь ли. шевые посохи. Слѣдомъ за ними прислужники — 365, по чи. дней года, красивѣйшихъ юношей, одѣтыхъ въ богатыя пу. ровыя одежды. Колесница, посвященная высшему божеств. солнцу, была запряжена восемью бѣлыми нисейскими лошад. которыхъ вели конюшіе въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ золоты. жезлами. За нею шелъ огромнаго роста конь, тоже посвящен. Митрѣ — солнцу. Затѣмъ слѣдовало десять повозокъ, обитыхъ лотомъ и серебромъ, и кавалерійскій отрядъ изъ предст. телей двѣнадцати народовъ — каждый въ своемъ національ. костюмѣ и вооруженіи. Потомъ шли 10000 „безсмертныхъ". туникахъ съ длинными рукавами и золотыми цѣпями на гр. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ шли 15000 дворянъ. сившихъ почетный титулъ „родственниковъ царя": одѣ. ихъ — съ капюшонами, прикрывавшими плечи и всю голо. кромѣ лица — роскошныя и усыпанныя драгоцѣнными камня. болѣе походили на женскія, а не мужскія одѣянія. Копейщ. въ тіарахъ и длинныхъ плащахъ, имѣя за спиною пра. предшествовали высокой колесницѣ, на которой сидѣлъ Ксерк. высоко вздымаясь надъ всею окружающею свитою. Дышло. лесницы было украшено самыми рѣдкими драгоцѣнными ка. нями. На передней части колесницы помѣщались большія з. лотыя изваянія Нина и Бела, между которыми былъ орелъ. распростертыми крыльями.

Одѣяніе Ксеркса состояло изъ пурпуровой нижней одежды - сарапись, во всю длину которой отъ шеи до подола тянул. широкая бѣлая полоса, и изъ пурпуровой же верхней одежд. накидывавшейся, какъ плащъ. Все одѣяніе было вышито зол. тыми изображеніями соколовъ и ястребовъ — птицъ, посвящен. ныхъ Ормузду. На ногахъ у него были сапоги изъ желт. кожи, за золотымъ поясомъ — короткій мечъ, рукоятка и ножн. котораго богато осыпаны самоцвѣтными камнями. На головѣ у него былъ кидаръ — высокая заостренная кверху стоячая шапк. обвитая спиралью бѣлыми и голубыми лентами — фамильны. цвѣтами рода Ахеменидовъ: на передней сторонѣ кидара сія. большая звѣзда изъ алмазовъ и бирюзы. Драгоцѣнныя укра. шенія — ожерелья, браслеты и пр. — дополняли царскій нарядъ

Ьнность котораго доходила до 12000 талантовъ (18 милліо-овъ рублей).

По бокамъ колесницы шествовали 200 изъ знатнѣйшихъ царскихъ родственниковъ", сзади колесницы 7000 тѣлохранителей съ серебряными бердышами, 40 коней, подводимыхъ одъ царское сѣдло, и 30000 пѣхотинцевъ замыкали шествіе. атѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ послѣднихъ, двигались колесницы матери и женъ царя, одѣтыхъ тоже въ великолѣпныя одежды. Роскошные наряды западно- и малоазійскихъ женщинъ представляли персіанкамъ большой выборъ образцовъ для подражанія. А что онѣ очень любили наряжаться и убирать себя всякаго рода драгоцѣнностями — доказывается тѣмъ, что нѣкоторые персидскіе цари дарили своимъ женамъ цѣлыя области на „поясныя" деньги. Самыми дорогими принадлежностями женскаго наряда были богато вышитая обувь и драгоцѣнный головной уборъ, въ видѣ круглой шапочки съ вышитымъ золотомъ покрываломъ. Любимая жена Ксеркса, пользовавшаяся одинаковымъ почетомъ съ царицей-матерью, выдѣлялась своею пурпуровою, протканною золотомъ, одеждою и царской тіарою, украшенною діадемой.

Огромное количество женщинъ и прислужницъ сопровождали верхомъ эти колесницы. Пятнадцать армамаксъ — носилокъ, прикрѣпленныхъ къ лошадямъ — заключали въ себѣ царскихъ дѣтей и ихъ воспитателей. 600 вьючныхъ животныхъ и 300 верблюдовъ, окруженные стрѣлками, везли царскія сокровища и казну. Родственники царскихъ женъ, разумѣется, тоже были сопровождаемы безчисленнымъ множествомъ поваровъ и прочей прислуги.

Наконецъ, легковооруженное войско шло въ арьергардѣ всей этой длинной процессіи.

Вся эта пестрая толпа и вся армія, подступивъ къ Абидосу, раскинулась шумнымъ станомъ на равнинѣ между проливомъ и находящимися въ трехъ часахъ отъ него горами.

Царскій шатеръ, отличавшійся отъ всѣхъ остальныхъ своею обширностью и убранствомъ, расположился въ центрѣ стана: входъ въ него, въ силу религіозныхъ соображеній, былъ, какъ и всегда, обращенъ къ востоку: одно изъ отдѣленій шатра было предназначено для царскихъ женъ, въ другомъ же было просторное помѣщеніе, гдѣ царь пировалъ со своими многочисленными приближенными.

Вокругъ царскаго шатра раскинулись ставки царскихъ приближенныхъ, за ними палатки всадниковъ и возничихъ, къ которымъ примыкали ставки копейщиковъ и стрѣлковъ. Ставки рядовыхъ воиновъ были просты, но такъ просторны, что въ нихъ могли умѣститься до ста человѣкъ. Ставки полководцевъ

и начальниковъ отрядовъ можно было различить по выстав-
нымъ на нихъ особымъ знакамъ. Наконецъ, ставки тяжел-
оруженныхъ расположились по окружности стана, охватыв-
какъ стѣною, все въ немъ находившееся.

Бряцаніе оружія, скрипъ повозокъ, блеяніе и мычаніе ск-
предназначеннаго питать это громадное скопленіе людей, зв-
мидійскихъ военныхъ трубъ, фригійскихъ флейтъ, пафла-
скихъ бубенъ, іонійскихъ струнныхъ инструментовъ, сирійск-
барабановъ и литавръ, дрожащія мелодіи бактрійскаго рож-
суетня и гамъ огромнаго военнаго лагеря — наполняли р-
нину, которая такъ безжизненно развертывается теперь пр-
мною. Сухой вересковъ и песокъ разстилаются тамъ, гдѣ стоя-
богатый шатеръ Ксеркса, тамъ, гдѣ въ своемъ сказочномъ в-
ликолѣпіи показывался народу повелитель, владѣнія котор-
простирались отъ снѣжныхъ вершинъ Гиндукуша до пусты-
Египта и устьевъ Дуная.

Переправить персидское войско на европейскую сторону п-
лива было дѣломъ нелегкимъ.

Первоначально построенные финикіянами и египтянами д-
моста были разбиты бурею. Геродотъ разсказываетъ (кн. VI
что разгнѣванный Ксерксъ велѣлъ обезглавить строителей мос-
и, чтобы наказать Геллеспонтъ, приказалъ дать ему 300 у-
ровъ бичемъ и бросить въ воду оковы, причемъ исполнител-
приказанія говорили: „о горькая вода! Государь тебя наказ-
ваетъ за то, что ты его оскорбила, тогда какъ онъ не сд-
лалъ тебѣ никакой обиды. И царь перейдетъ чрезъ тебя, х-
чешь ли ты того, или нѣтъ. Люди же совершенно правы, ч-
не приносятъ жертвъ тебѣ, какъ коварной и соленой рѣкѣ.
Жилль, впрочемъ, полагаетъ, что Геродотъ не такъ понял
относящееся къ этому случаю преданіе; по его мнѣнію, 3
ударовъ означаютъ 300 якорей, удержавшихъ суда, которы-
послужили для постройки втораго моста, а оковы — тѣ цѣп-
которыя соединяли суда между собою *).

Новые мосты строителями были поставлены между Абид-
сомъ и Сестосомъ въ мѣстности, гдѣ ширина пролива рав-
няется семи стадіямъ (625 саженямъ), почему впослѣдств-
оно было извѣстно подъ названіемъ Гептастадіума; связавъ
суда вмѣстѣ, 360 они поставили подъ мостъ, который был
ближе къ Пропонтидѣ, и 314 подъ другой. Мосты были по-
ставлены по отношенію къ Пропонтидѣ косвенно, а по Гел-
леспонту — прямо по теченію, дабы самое теченіе поддерживал
напряженіе канатовъ. Къ каждому мосту привязали по дв-
каната изъ бѣлаго льна и по четыре изъ папируса: на нихъ

*) Gyllii de Bosporo Thracio, lib II, cap. XII.

были положены и плотно связаны древесные стволы равной длины, на нихъ положенъ былъ хворостъ, поверхъ котораго была насыпана земля. Съ боковъ мосты были заграждены, чтобы рогатый скотъ и лошади не пугались, смотря съ мостовъ въ море.

Въ ночь, предшествующую переправѣ, высокія серебряныя курильницы съ самаго заката солнца распространяли на мостахъ ароматы: самые мосты были усыпаны миртовыми вѣтвями.

У Абидосской оконечности моста собрались, въ ожиданіи восхода солнца, маги въ широкихъ таларахъ, со священными поясами; во главѣ ихъ былъ дестуръ, главный жрецъ. Собравшіеся кругомъ воины и разные сановники были въ своихъ обыкновенныхъ одеждахъ, только съ миртовыми вѣнками поверхъ головнаго убора. Какъ никто не могъ приблизиться къ царю, не прикрывъ рта, такъ точно никто не могъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ и другихъ обрядахъ, не обернувъ себѣ рта и носа особою полотняною повязкою (падомъ).

Всѣ ожидали пріѣзда царя: вотъ громкіе трубные звуки возвѣстили его прибытіе, и при первыхъ лучахъ восходившаго солнца было приступлено къ совершенію жертвоприношеній: туши убитыхъ животныхъ были посолены и распластаны на мягкомъ слоѣ изъ трилистника, миртовыхъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ, дабы ничто мертвое, либо окровавленное, не осквернило дорогой дочери Ормузда — терпѣливой и святой земли.

Верховный жрецъ, выступивъ впередъ, бросилъ въ огонь кусокъ свѣжаго масла. Огромный столбъ огня поднялся чуть не до облаковъ. Всѣ персы пали на колѣни и закрыли себѣ лица при видѣ пламени, устремившагося на соединеніе съ его божественнымъ отцомъ. Затѣмъ дестуръ взялъ ступку, растолокъ въ ней листья и стебель священнаго растенія — *сома* — и вылилъ въ огонь красноватый ея сокъ, пищу боговъ. Воздѣвъ руки къ небу, онъ запѣлъ длинный гимнъ къ Богу, въ то время какъ остальные жрецы не переставали подбавлять въ огонь масла.

По окончаніи церемоніи, самъ Ксеркъ приблизился къ Геллеспонту и, сдѣлавъ возліяніе въ море изъ золотаго фіала, обратился къ солнцу и сталъ молиться, чтобы ничего не случилось съ нимъ такого, что могло бы уклонить его отъ покоренія Европы прежде, нежели дойдетъ до послѣднихъ ея границъ. Помолясь, онъ бросилъ въ Геллеспонтъ фіалъ вмѣстѣ съ золотою чашею и особымъ персидскимъ мечемъ, называемымъ акинакою.

Затѣмъ Ксеркъ возсѣлъ на тронъ, поставленный на холму, о которомъ я говорилъ выше, и съ него любовался своими полчищами, разноцвѣтною массою переходившими изъ Азіи въ

Европу. Къ золотому трону вела мраморная лѣстница и шести ступеней; на каждой стояли, какъ сторожа, по два золотыхъ изваянія собаки. Надъ тономъ поднимался пурпуровый, шитый золотомъ, балдахинъ, поддерживаемый четырьмя золотыми колоннами, унизанными драгоцѣнными камнями. На верху балдахина помѣщались два крылатыхъ диска — ферверъ царя *).

Картина нашествія персовъ на Европу, нарисованная Геродотомъ, заставляетъ проходить предъ нами, какъ живыя, народности западной Азіи со всѣми ихъ особенностями и, безъ сомнѣнія, является однимъ изъ самыхъ блестящихъ и поучительныхъ описаній, оставленныхъ намъ „отцомъ исторіи".

Теперь на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ тронъ могущественнѣйшаго государя своего времени, желтѣетъ лишь сожженная палящимъ солнцемъ травка: на вершинѣ холма пріютился случайный гость — бѣдный сынъ далекаго сѣвера. И чудится ему, что онъ перенесенъ снова въ глубь вѣковъ, что вся окрестность ожила и наполнилась шумомъ, какъ въ тотъ день, когда въ 480 г. до Р. Х., тронулись при звукахъ трубъ по мостамъ соединенныя силы Азіи, собравшіяся громить маленькую Грецію.

Вотъ, ранѣе всѣхъ, двинулись по мосту 10.000 „безсмертныхъ": впереди ихъ развѣвалось государственное знамя Персіи изъ цвѣтовъ голубаго, краснаго и золотаго, — украшенное изображеніемъ орла — птицы, признанной священною въ священныхъ книгахъ персовъ и бывшей военнымъ знакомъ рода Ахеменидовъ. Тутъ же несли хоругвь Кова, состоявшую изъ кожанаго передника этого храбраго кузнеца, который, по персидскимъ преданіямъ, поднялъ возмущеніе противъ жестокаго Зохака и помогъ Феридуну низвергнуть его.

За „безсмертными" двигалось персидское и мидійское войско отдѣльными отрядами; каждый имѣлъ во главѣ свое особое знамя, украшенное разными символическими изображеніями. Простые ратники были въ кожаной обуви, кожаномъ кафтанѣ съ поясомъ и кожаной шапкѣ — кирбазіи; только тяжеловооруженные шли въ желѣзныхъ, а иногда мѣдныхъ шлемахъ. На воинахъ нѣкоторыхъ отрядовъ были стоячія ассиро-мидійскія тіары, на воинахъ другихъ — шапки въ видѣ фригійскаго колпака, которыя закрывали затылокъ вмѣстѣ съ ушами и завязывались подъ подбородкомъ. На одной рукѣ надѣтъ у нихъ былъ щитъ, либо большой плетеный, либо круглый металлич-

*) Ферверъ — это духовная сторона человѣка, его душа и разумъ; а такъ какъ чрезъ посредство его возносится къ Богу молитва, то потому онъ и изображался крылатымъ.

ческій; за поясомъ прямой мечъ о двухъ лезвіяхъ. Въ другой рукѣ длинное копье, либо сѣкира, либо, наконецъ, употреблявшіеся въ особенности для рукопашнаго боя, двухконечные молотки на короткихъ или длинныхъ молотовищахъ. Затѣмъ легкимъ шагомъ проходили персидскіе лучники, необыкновенное искусство которыхъ вошло въ поговорку даже у грековъ.

За ними шли киссіяне, ирканцы, бактріане — съ камышевыми луками и короткими копьями, парѳяне въ широкихъ штанахъ — сарабаллахъ, хоразмійцы, согдійцы, гандарійцы, арійцы и дадики. Вотъ скиѳское племя саковъ, въ остроконечныхъ шапкахъ; въ рукахъ у нихъ сагариды — двойныя сѣкиры, какъ у бѣлыхъ амазонокъ; индійцы и саранги въ красивыхъ цвѣтныхъ одеждахъ. Каспійцы, пактіанцы, утійцы, микійцы и паринканцы были въ короткихъ епанчахъ — сисирнахъ; оружіемъ ихъ были сабли, луки и сики — криво-изогнутые кинжалы. Копья аравійцевъ были изукрашены цвѣтною матеріею, а иногда даже двумя пучками страусовыхъ перьевъ. У западно-арійцевъ панцырь покрывалъ грудь и спину, шлемы же были съ украшеніемъ, представлявшимъ полумѣсяцъ въ соединеніи съ солнечнымъ дискомъ. Серпъ луны былъ однимъ изъ символовъ Астарты — богини войны у сидонянъ и филистимлянъ.

Вслѣдъ имъ направлялись странныя фигуры эѳіоповъ, ливійцевъ и восточныхъ эѳіоповъ, одѣтыхъ въ барсовыя, львиныя и лошадиныя шкуры, причемъ кожа, содранная съ головы животнаго, служила имъ вмѣсто шлема. Копья у нихъ оканчивались заостреннымъ рогомъ дикой козы; у нѣкоторыхъ одна половина тѣла выбѣлена мѣломъ, другая окрашена сурикомъ — знакъ, что они приготовились къ сраженію.

Виѳиняне тоже имѣли лисьи шкуры на головахъ, а поверхъ хитона — пеструю короткую одежду, зиру.

За ними тянутся пафлагоняне, фригійцы, армяне, лигійцы, матіины, маріандины, каппадокійцы и мары, въ плетеныхъ шишакахъ, съ кожаными щитами и небольшими копьями, — лидійцы и мизяне въ эллинскомъ вооруженіи, — ласоняне, миліане въ кожаныхъ шлемахъ, вооруженные по преимуществу копьями, — мосхи, тиварины, макроны, мосинники, колхи, алародійцы и состиры въ деревянныхъ шлемахъ, со щитами изъ сырой бычачьей кожи, — разные народы съ Чернаго моря и наименѣе вооруженные изъ всѣхъ, халивы; въ мѣдныхъ шлемахъ въ видѣ бычачьей головы съ рогами и ушами: колѣна ихъ были обвиты пурпуровыми тесьмами, а двѣ рогатины были ихъ единственнымъ оружіемъ.

Лучше всѣхъ вооружены были, послѣ персовъ, египтяне, ассирійцы и вавилоняне.

Египетское войско двигалось скорымъ шагомъ, съ множе-

[illegible] знаменъ, имѣвшихъ іероглифическій характеръ. – [illegible] ванныя эмблематическія фигуры, прикрѣпленныя [illegible] шестамъ и иногда украшенныя пучками разно[illegible] [illegible]. Низшій разрядъ войска состоялъ изъ пращни[illegible] [illegible] которыхъ заключалась въ кожаномъ перед[illegible] [illegible] же пѣхота была въ чешуйчатыхъ латахъ со щи[illegible] [illegible] копьями, топорами, палицами, стрѣлами и бо[illegible] [illegible] у нѣкоторыхъ воиновъ были большіе кожаные [illegible] [illegible] человѣка; въ срединѣ ихъ было отверстіе, забр[illegible] [illegible] металлической бляхой, позволявшее, не открываясь [illegible] [illegible] движеніями своего противника. Начальниковъ [illegible] [illegible] было различить по ихъ головнымъ повязкамъ и [illegible] [illegible] ихъ круглыхъ кожаныхъ съ бляхами шлемахъ: на р[illegible] [illegible] [illegible] перстень съ фигурой скарабея — символи[illegible] [illegible] [illegible] принадлежности къ военному сословію.

[illegible] красивы были кольчуги, сдѣланныя изъ разноц[illegible] [illegible] металловъ: желтыя, синія, красныя и зеленыя чешуи [illegible] [illegible] [illegible] нихъ систематическими рядами, подобранны[illegible] [illegible] [illegible] вкусомъ. Носить ихъ могли лишь важнѣйшіе [illegible] [illegible] [illegible] другимъ признакомъ которыхъ были бердыш[illegible] [illegible] [illegible], сдѣланные золотомъ и цвѣтною эмалью.

У [illegible] и вавилонскихъ войскъ головнымъ убор[illegible] [illegible] были [illegible], остроконечные мѣдные шлемы съ *назатыльн*[illegible] [illegible] [illegible] – короткіе до колѣнъ у пѣхотинцевъ, у конни[illegible] [illegible] [illegible] до пятъ съ вышитыми узорами. Особенно *ярки*[illegible] цвѣтами отличались ткани храбрыхъ и стойкихъ вавилонян[illegible]

За широкимъ поясомъ заткнутъ короткій мечъ. Въ рукахъ [illegible] короткія палицы кистени, луки, на древкѣ которыхъ привязаны [illegible] [illegible] ленты и кисти. Панцыри изъ войлока или изъ проклеенна[illegible] [illegible] [illegible] толстаго холста, на ногахъ кольчуга. Знатные воины отлич[illegible] [illegible] [illegible] кожаными фуфайками съ нашитыми на нихъ металлич[illegible] [illegible] [illegible] бляхами.

Окончаніе будетъ

В. Тепловъ

* *
*

Какъ тиха эта ночь, какъ прозрачна она!
Словно лебедь по зеркалу водъ,
Въ голубыхъ небесахъ золотая луна
Отъ востока на западъ плыветъ;
И, мѣняя цвѣта, тучъ разрозненныхъ рой
Вслѣдъ за нею бѣжитъ на закатъ,
Гдѣ не то облака громоздятся горой,
Не то горы, какъ тучи, стоятъ.
Какъ тиха эта ночь, какъ прозрачна она!
Какъ нѣжны сочетанья цвѣтовъ!
Эта тихая ночь вся истомы полна,
Вся полна опьяняющихъ сновъ!
Въ эту ночь не кричитъ коростель за рѣкой,
Приозерный камышъ не дрожитъ,
А въ саду каждый кустъ переполненъ росой,
Каждый вѣнчикъ раскрыться спѣшитъ.
Въ эту ночь до зари ты готова бродить,
Въ эту ночь ты не въ силахъ заснуть;
Не пытайся-жъ насильно себя усыпить
И мечтой утолить свою грудь!
И красивъ, и наряденъ узоръ облаковъ,
Дунулъ вѣтеръ — и съ неба ихъ снесъ!
А широкая жизнь обольстительнѣй сновъ
И прочнѣй, и наряднѣе грезъ!

Коротка эта ночь!... побѣднѣлъ серпъ лу
На долины туманы легли...
Не замедли-жъ собрать въ эти ночи весь
Всѣ лары и небесъ, и земли!...

Ал. Будищевъ

ПРИГОВОРЕННЫЙ КЪ ПОЖИЗНЕННОЙ КАТОРГѢ

РОМАНЪ

ЮНАСА ЛИ

Переводъ съ норвежскаго

I

»Точно принцъ въ колыбелькѣ, окруженный невидимыми феями и осѣненный миромъ дѣтской невинности« — такъ принято говорить о новорожденномъ. Но нелегко было сказать, какая фея стояла у колыбельки маленькаго Николая, сына Барбро. Дворецъ, въ которомъ онъ родился — маленькая лачуга жестяника, съ разбитыми стеклами, заткнутыми тряпками, на самой окраинѣ города — былъ полонъ жильцовъ, особенно по ночамъ, когда неимѣніе комфортабельной квартиры чувствительнѣе всего для разной голи. Жильцы часто напивались, и не разъ бывало, что люлька малютки качалась отъ толчковъ дерущихся, или какой нибудь пьяный мужикъ во весь ростъ валился на нее.

Мать Николая Барбро была родомъ изъ Хеймдальса — небольшаго мѣстечка дальней горной провинціи — настоящая горная дѣвушка, краснощекая и бѣлая, высокая, сильная, широкоплечая, такъ и пышущая здоровьемъ, съ зубами бѣлыми, какъ пѣна парнаго молока. Она столько наслышалась о городѣ отъ торговцевъ скотомъ, проходившихъ черезъ горы, что ее непреодолимо потянуло туда.

Итакъ, Барбро отправилась въ городъ, въ услуженіе. Но она также подходила къ красивымъ городскимъ улицамъ, какъ пасмурный осенній день, какъ корова къ изящной, устланной коврами, лѣстницѣ, т. е. совсѣмъ не подходила.

Къ тому же, у нея была привычка останавливать... терять время со всякимъ мимоѣдущимъ мужикомъ с... номъ. Ей непремѣнно нужно было осмотрѣть и ощ... сѣно: »нѣтъ, это не то, что горная трава... совсѣмъ н... даже и сравнивать невозможно!.. горная трава такая ... и шелковистая... и такая ароматная... куда этой до ...

Но хозяйкамъ служанка нужна не для стоянья за ... тами и болтовни съ мужиками; поэтому Барбро пост... переходила съ мѣста на мѣсто, все болѣе и болѣе опус... и въ жалованьѣ, и въ хозяевахъ. А между тѣмъ это ... ея единственный недостатокъ, потому что она была ... ная, тихая, честная дѣвушка; но бѣда въ томъ, что ... жительно неспособная и непригодная ни для какой ... ской службы.

Впрочемъ, какъ всѣмъ извѣстно, общество имѣетъ ... вительную способность утилизировать, сливать съ со... употреблять для своихъ услугъ все, повидимому, самое ... способное, самое безсмысленное. Поэтому-то скоро и Ба... стала тѣмъ, въ чемъ она единственно могла быть полезной ... т. е. кормилицей.

Тяжело было сначала, пока еще не улегся стыдъ — по... невозможно было пережить это время — и ей, конечно, ... разу не пришло на мысль вернуться въ Хеймдальскъ: ... самое тяжелое ожидало ее еще впереди.

Многочисленныя обязанности, которыя въ наше вре... общество, особенно высшее, наложило на женщину, отк... кая ее такимъ образомъ отъ дома, сказались и въ этом... городѣ все бо́льшимъ и бо́льшимъ спросомъ на кормилиц...

— Главная причина этого, объяснялъ докторъ Шв... бель: — вполнѣ естественна: невозможно быть въ одно... то же время и интеллигентной женщиной, и молочной ко... вой. Искусственное обновленіе крови и нервовъ может... быть произведено заимствованіемъ ихъ отъ женщинъ, бли... стоящихъ къ природѣ. — И онъ смѣло беретъ на себя об... занность отыскать образцовую, здоровую, крѣпкую, как... ядреный орѣхъ, кормилицу для новорожденныхъ генера... наго консула Вейерганга. Онъ даже можетъ сказать, чт... ужъ имѣетъ въ виду удивительный экземпляръ настоящ... здоровья изъ самаго, такъ сказать, корня народа. — Можн... право, подумать... гм!.. гм!.. что такъ какъ г-жа консульш... не имѣетъ возможности ѣхать въ горы, то сами горы был...

съ любезны и пришли къ ней... Конечно, отъ этой кормилицы, можетъ быть, еще несетъ скотнымъ дворомъ; но дь если хорошенько подумать, то это служитъ только ньшей гарантіей неподдѣланности, — что̀ очень важно, милостивыя государыни, въ наше время, когда фальсифицируютъ даже и невыдоенное молоко!.. и совсѣмъ еще молодая дѣвушка, не больше двадцати лѣтъ!

Барбро Хогденъ и въ мысляхъ не имѣла, что отъ своего глубоко унизительнаго положенія она — которая теперь ходитъ вденно стирать, по цѣлымъ часамъ стоитъ у проруби, полощa бѣлье, берется за самую грубую работу, чтобы только имѣть чѣмъ заплатить жестянику за себя и своего малютку — разу перемахнетъ къ должности, пользующейся исключительными привилегіями, сразу станетъ важной и *уважаемой* особой. Да, уважаемой, потому что кормилица — особа значительная; она записана даже въ городской списокъ служащихъ, и одно это дѣлаетъ ее лицомъ глубокоуважаемымъ.

Докторъ Шнебель вполнѣ былъ увѣренъ въ согласіи Барбро. Вѣдь должна же она понимать, что, вскормивъ господскаго ребенка (и будучи при этомъ недобросовѣстной матерью къ своему собственному, забылъ онъ сказать), она кончитъ тѣмъ, что станетъ спать на пуху, и ее будутъ носить на рукахъ (пока новая кормилица для слѣдующаго ребенка не свергнетъ ее съ пьедестала). Но еслибы она предпочла дать своему собственному малюткѣ единственное богатство, которымъ она обладаетъ, — свою грѣшную грудь, — еслибы она дѣйствительно была такъ равнодушна къ собственному благу — о, тогда дѣло будетъ обстоять — и подѣломъ! — совершенно иначе! Тогда, говоря словами доктора Шнебеля, на основаніи общественнаго экономическаго устройства, которому она должна подчиниться, общественный организмъ отброситъ ее, какъ безполезный, ни къ чему непригодный избытокъ, или — выражаясь болѣе популярно — она, покрытая стыдомъ и презираемая, будетъ бѣдствовать со своимъ незаконнорожденнымъ ребенкомъ. Въ частности, разсматриваемая, какъ отдѣльный индивидъ, она, конечно, права; но соціально, какъ членъ общества!..

Бѣдная Барбро Хогденъ, равнодушная къ этимъ совсѣмъ ей непонятнымъ разсужденіямъ, сначала просто отказывалась съ упрямствомъ настоящей горной лошади, которую ничѣмъ невозможно заставить посторониться ни вправо, ни влѣво.

[illegible] докторъ Шнебель, съ тросточкой подъ [illegible] въ третій разъ входилъ въ домъ жестяника. [illegible] какъ его гиггъ ожидалъ на дорогѣ. Съ каждым[illegible] все увеличивалъ докторъ и жалованье, и аргум[illegible] выставлялъ Барбро на видъ, какъ дурно отзовется [illegible] на мальчикѣ ея упрямство. Онъ взывалъ, нак[illegible] собственному разсудку. Какъ могла она над[illegible] мать и выростить мальчика при такой бѣдн[illegible] тѣмъ ей стоило бы только отдавать часть [illegible] жестянику — и она можетъ быть увѣрена [illegible] пользуется хорошимъ уходомъ. Къ тому же [illegible] могла бы даже навѣщать иногда сына, по кра[illegible] разъ въ мѣсяцъ, — это онъ, докторъ, обѣщаетъ [illegible] имени Вейерганговъ, хотя и знаетъ, какой бо[illegible] будетъ это съ ихъ стороны, принимая въ со[illegible] что имъ хотѣлось бы подольше остаться на дачѣ.

Докторъ Шнебель говорилъ то дружелюбно, то стро[illegible] [illegible]шно, то ѣдко; онъ уговаривалъ ее »почти какъ отец[illegible]

Сердце Барбро сжималось каждый разъ, какъ т[illegible] [illegible]видитъ фигуру доктора, пробиравшагося между к[illegible] мусора къ покосившемуся, обросшему мохомъ [illegible] она слѣдила за нимъ также ревниво-испуганно, к[illegible] которая боится за свое гнѣздо; и какъ только [illegible] къ двери, она пересаживалась въ самый тем[illegible] и ставила люльку за собою. Отвѣчать иначе, ка[illegible] [illegible]ываньями, заглушавшими ея слова, Барбро п[illegible] была не въ состояніи. Эту обязанность взяла [illegible] жена жестяника, и за восклицаніями: »да, Боже мо[illegible] [illegible], Боже мой!« или »въ такомъ случаѣ, г. до[illegible] слѣдовалъ обыкновенно такой непрерывный пот[illegible] что Барбро оставалось только сидѣть и мечтать, ка[illegible] было бы захватить ребенка и уйти куда нибу[illegible]

[illegible] докторъ говорилъ такъ необычайно ласков[illegible] столько денегъ! Онъ обратился прямо къ ея [illegible] [illegible]ласкалъ ребенка и сказалъ, что вѣрно же Бар[illegible] быть жестокой матерью и приготовить эт[illegible] мальчугану тяжелые дни... обречь его на нужд[illegible] [illegible]мерзнуть эти крохотныя ножонки, тогда какъ [illegible] зависитъ, чтобы онъ жилъ въ холѣ и теплѣ [illegible] себя, какъ принцъ въ колыбелькѣ!

Невозможно было противиться долѣе, и съ губъ Барбро
ѣло полусогласіе.
Потомъ пришла сосѣдка и говорила совсѣмъ то же, что
ворь, и разсказывала о множествѣ дѣтей по сосѣдству,
рпихъ, только за послѣдніе два года, отъ плохаго ухода
шеній, такъ какъ матери ихъ должны были уходить на
ый день на работу и не имѣли чѣмъ заплатить за при-
гръ за ними... Такъ болтала она, а хозяйка поддакивала
и кивала головой въ знакъ согласія. Барбро сидѣла и
шала болтовню, перепеленывая въ то же время ребенка.
сердце разрывалось... Была минута, когда она оконча-
ьно рѣшила уйти въ горы, куда нибудь, только бы съ
ъ, съ нимъ однимъ!..
Это было искушеніе.
Ночью она до того доплакалась, что все ея тѣло дро-
ло отъ рыданій; и, чтобы не разбудить хозяевъ, она вы-
а на дворъ, на теплый дождь; это освѣжило и успо-
ило ее.
Утромъ, какъ разъ когда она помогала сосѣдкѣ выжи-
ть и выколачивать бѣлье, на дорогѣ показалась бричка.
черъ, съ галунами на шапкѣ и ливреѣ, сошелъ съ козелъ
вошелъ къ жестянику.
— Докончи выжимать эту простыню, Барбро; это вѣдь
слѣдняя твоя работа здѣсь, сказала сосѣдка: — за тобой
ѣхалъ экипажъ самого консула.
И Барбро выжимала простыню, выжимала до тѣхъ поръ,
ка въ ней ужъ не осталось ни одной капельки воды.
Вотъ оно... наступило...«
Она вошла въ домъ и взяла ребенка. Ей казалось, что
на дѣлаетъ все это во снѣ.
Входя, она увидѣла, что слуга далъ женѣ жестяника
есть риксдалеровъ. Какъ онъ былъ высокъ, гордъ и ва-
женъ, этотъ слуга съ длиннымъ господскимъ носомъ! Каж-
ый разъ какъ ей случалось взглянуть на него, онъ дѣлалъ
олупоклонъ и говорилъ: — »не торопитесь, время терпитъ,
ремя терпитъ. Мы никогда не встаемъ раньше девяти ча-
овъ — ни баринъ, ни барыня, такъ что у насъ еще много
ремени впереди!« — и онъ смотрѣлъ при этомъ на часы.
И каждый разъ, какъ слуга взглядывалъ на часы, Барбро
оропилась посмотрѣть на своего малютку, думая, что уже
настало время разстаться съ нимъ.

Теперь онъ уснулъ. Что будетъ, когда онъ проснется, она не знала, — потому что тогда ужъ не она подойдетъ къ малюткѣ...

— »Время терпитъ, время терпитъ!..« Слуга опять вынулъ свои толстые серебряные часы. Но теперь ужъ сама Барбро торопилась, — такъ торопилась, что не успѣла оглянуться, какъ она ужъ сидѣла въ бричкѣ, рядомъ съ высокимъ, точно туго-накрахмаленнымъ, расшитымъ галунами кучеромъ, и катила по безлюдной дорогѣ.

Лѣтомъ Барбро уѣхала съ семействомъ генеральнаго консула на морскія купанья. Тамъ она разгуливала по песчаному берегу, катя передъ собой колясочку съ двумя малютками, и не разъ Вейерганги бывали польщены восклицаніями прохожихъ: — »какая славная кормилица!«

Но что было очень непріятно въ Барбро — это приступы тоски, во время которыхъ она доходила почти до отчаянія. Она сидѣла тогда, красная и заплаканная, передъ люлькой, безпокоясь о своемъ ребенкѣ, и не хотѣла ничего ни пить, ни ѣсть.

Конечно, это не могло не тревожить родителей: кормилица всегда должна быть въ хорошемъ расположеніи духа; печаль дурно дѣйствуетъ на ея здоровье, а слѣдовательно, и на здоровье дѣтей.

Госпожа Вейергангъ приказывала приносить изъ отеля разныя вкусныя вещи для возбужденія ея апетита, привозила ей шелковые платки и передники, и посылала слугъ къ жестянику, справляться о здоровьѣ мальчика. И въ концѣ концовъ, слыша только похвалы и одобренія, одобренія и похвалы, получая каждый разъ, какъ генеральный консулъ ѣздилъ въ городъ, отъ кучера Ларса самыя утѣшительныя вѣсти о сынѣ, Барбро не могла не стать веселой и довольной своей судьбою. Ее чуть не на рукахъ носили: это она очень скоро замѣтила. Стоило ей выразить какое нибудь желаніе — и оно тотчасъ же исполнялось, какъ будто было желаніемъ самой барыни; у нея было вволю нарядныхъ платьевъ, чепчиковъ, бѣлья, не говоря уже объ ѣдѣ и питьѣ, а также — къ чему она вовсе не привыкла — почти никакой работы, и руки ея стали мягкими и нѣжными. Что же касается двухъ малютокъ, около которыхъ Барбро проводила дни и ночи, то она чувствовала, что уже начинаетъ привязываться къ нимъ.

Незамѣтно подошелъ день, когда генеральный консулъ нулся съ дачи, и Барбро очутилась на дорогѣ къ жес-ику.

Это было глубокою осенью. Погруженная въ свои мысли, ь совсѣмъ не замѣчала страшной непролазной грязи на огѣ (придется таки повозиться ей дома съ подоломъ и пмаками!). Ее бросало въ жаръ при мысли, что скоро она идится со своимъ мальчикомъ... Но всетаки лучше, что къ вышло... Теперь она хоть заплатить за него можетъ, крайней мѣрѣ!

Завидѣвъ знакомый заборъ и окна съ выбитыми стек-ми, она замедлила шаги; ее вдругъ охватилъ какой-то понятный страхъ.

Тутъ подошла сосѣдка, которой она много разъ помо-ла въ работѣ, и начала безъ умолку болтать и разсказы-ть. Война съ сосѣднимъ государствомъ — съ семьей же-яника — была, повидимому, въ полномъ разгарѣ.

Она, сосѣдка, очень рада, что встрѣтилась съ Барбро, и епремѣнно должна разсказать ей всю правду, одну только истую правду! Пусть жестяникъ и его мадамъ *) не ду-ютъ, что у людей нѣтъ глазъ во лбу. Люди вѣдь видятъ, го все, что только было у нихъ, давнымъ-давно отнесено ъ закладчику; у нихъ не осталось даже настолько жести, тобы вставить въ разбитое окно. Да къ тому же еще, ослѣ того какъ всѣхъ жившихъ у нихъ забрали въ по-ицію, къ нимъ не пойдетъ ни одинъ, даже самый непри-отливый жилецъ... На какія же средства, спрашивается, живутъ они, если не на деньги, оставленныя на прокормленіе несчастнаго малютки, котораго они спаиваютъ баварскимъ пивомъ, чтобы онъ заснулъ и не надоѣдалъ своимъ кри-комъ!?

— И знаешь ли, Барбро, прибавила она въ заключеніе: — еслибы ты только захотѣла послушать моего совѣта, ты сейчасъ же взяла бы мальчика и отдала его блокмакеру Хольману, вонъ тамъ, на берегу. Это прекрасные, достой-ные, уважаемые люди, и они очень жалѣли мальчугана, когда я разсказывала имъ, какъ съ нимъ обращаются.

»Блокмакеръ Хольманъ! блокмакеръ Хольманъ!« это имя

*) Всѣхъ женщинъ низшаго класса и, вообще, всѣхъ недворянокъ норвежцы называютъ „madam“ и „mamselle“, а дворянокъ „Frü“ и „Fröken.“

такъ и раздавалось въ ушахъ Барбро, пока она, со стѣ
нымъ сердцемъ, входила къ жестянику.

Тамъ лежалъ *онъ* подъ грязнымъ рваным одѣ
худой, блѣдный и неопрятный, съ распухшими кра
глазами. Когда Барбро хотѣла взять его на руки, он
кричалъ благимъ матомъ: ребенокъ не узналъ матери
мать почти не узнавала своего ребенка!

Недовольная, разсерженная, она въ рѣзкихъ слова
сказала жестянику все, что слышала отъ сосѣдки.

Обмывая ребенка, она не могла не почувствовать,
тяжелъ и неуклюжъ онъ, какъ груба кожа на его ли
тѣлѣ въ сравненіи съ тонкой кожицей тѣхъ двухъ м
токъ... Только теперь она согласилась въ душѣ съ
ромъ, что ей невозможно было бы вырастить сына...

Но какъ бы тамъ ни было, а бѣдняжку необходим
ревести къ блокмакеру! Она не она будетъ, если не з
витъ барыню похлопотать объ этомъ, и поскорѣй, завт
утромъ!

Домой она вернулась съ напухшими отъ слезъ гл
и была безутѣшна до тѣхъ поръ, пока барыня не сп
лась въ контору къ мужу и не вернулась оттуда съ об
ніемъ, что о мальчикѣ позаботятся.

На другой день Николай переѣхалъ къ блокма
Хольману.

II

Большое иногда счастіе — не помнить своего дѣт
особенно для того, кто былъ окруженъ въ это время
быми и дурными людьми и примѣрами. Но какъ бы м
ни былъ ребенокъ, дурной примѣръ всегда оставитъ на
свои слѣды: такъ увѣряла, по крайней мѣрѣ, мадамъ Х
манъ. Съ перваго же дня появленія мальчика у нихъ
сразу замѣтили по немъ, въ какомъ татарскомъ гнѣздѣ
ходился онъ до сихъ поръ. Глаза у него были слишк
живые и наблюдательные, а самъ онъ сталъ выказыв
страшнѣйшее упрямство и непослушаніе задолго до т
какъ началъ говорить. Хольманъ увѣряла даже, что
прехитрый мальчишка, и на зло ей тихъ и спокоенъ б
разъ до тѣхъ поръ, пока добрые люди не станутъ ложить
спать; а тогда начинаетъ кричать, совсѣмъ какъ ночн
сторожъ.

Само собою разумѣется, что всѣ, кто хоть немного знаетъ блокмакера и его жену, должны понять, что если для Хольмановъ присутствіе мальчика составляетъ одну только обузу, то для мальчика, наоборотъ, было большимъ счастіемъ найти дорогу къ нимъ. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, весь околодокъ твердитъ блокмакершѣ, что она сама порядочная и добросовѣстная женщина. Ужъ одна ея длинная, тощая и опрятная фигура, а особенно маленькое, покрытое желтыми пятнами лицо, съ сѣроголубыми, лишенными юмора глазами, могли сказать, что она не изъ тѣхъ, которыя легко поддаются безразсуднымъ вспышкамъ.

Нѣсколько разъ въ году Барбро навѣщала мальчика — нечасто, правда, потому что Вейерганги теперь круглый годъ жили за городомъ — и своими собственными глазами могла убѣдиться, какъ опрятно, хорошо и даже роскошно содержали его.

Съ самаго ея прихода и до самаго ухода, разговоръ все время вертѣлся на томъ, какъ трудно бороться и искоренить скверныя замашки ребенка, пріобрѣтенныя у жестяника, особенно сидящій въ немъ духъ упрямства... О, какого упрямства!... Вотъ, напримѣръ, онъ ужъ отлично могъ бы ходить, — но, по своему упрямству, предпочитаетъ ползать, только ползать, и ползаетъ такъ быстро, что глаза едва успѣваютъ слѣдить за нимъ; онъ въ одно и то же время и тутъ, и тамъ, и у кастрюль, и у кадки съ водой; только прогонишь его оттуда — смотришь, онъ ужъ тянетъ часовыя гири. Да вотъ не дальше, какъ вчера, онъ »разложилъ кошачій половикъ« на самой серединѣ комнаты. Конечно, оставалось только повѣсить на стѣнѣ розгу, да пониже, чтобы она всегда была у мальчика передъ глазами: необходимо ему внушить чувство страха, а для здоровья наказаніе даже очень полезно... Впрочемъ, что и толковать объ этомъ! вѣдь Барбро по себѣ должна знать, что не такъ-то легко заботиться о чужомъ ребенкѣ, да, къ тому же, о такомъ, который грѣхомъ явился на свѣтъ божій...

И Барбро чувствовала справедливость послѣднихъ словъ и торопилась уйти, чтобы положить конецъ непріятному разговору.

Но разговоры эти не безплодно проходили для нея — они открывали ей глаза на то, сколько, значитъ, заботъ приходилось ей употреблять на уходъ за двоими, и наводили ее

на мысль, что и она имѣетъ полное право высказать
это барынѣ, какъ только на ниткѣ завяжется узелъ *).

Но годы шли; мальчикъ росъ, и духъ упрямства вы
талъ вмѣстѣ съ нимъ. Искоренить его оказалось невозмо
нымъ, несмотря на то, что блокмакерша очень усердно
ботала надъ этимъ, и даже самъ блокмакеръ помогалъ
иногда. Это послѣднее случалось, впрочемъ, только п
того, какъ жена убѣдительно доказывала ему, что онъ
занъ взять на себя хоть часть исполненія возложеннаго
нихъ обоихъ долга.

Блокмакеръ былъ молчаливый человѣкъ, съ парою
рыхъ блестящихъ глазъ. Онъ уходилъ утромъ, возвраща
вечеромъ и, прежде чѣмъ войти, обтиралъ ноги, чистилъ
долго стоялъ въ дверяхъ съ какимъ нибудь инструмент
или съ кускомъ желѣза въ рукахъ. По лицу его невозмо
было прочесть, какого онъ мнѣнія о своей семейной жи
Одно было вѣрно — такая жена, какъ мадамъ Хольма
настоящее сокровище, котораго никто не можетъ оцѣнить
достоинству. И если даже Хольманъ, прежній бравый Хо
манъ, сталъ теперь, съ позволенія сказать, больше по
на тряпку, чѣмъ на мужчину, — то, значитъ, это такъ
должно быть въ каждомъ супружествѣ, гдѣ не наруше
равновѣсіе.

Тотъ, кто хоть разъ видѣлъ мадамъ Хольманъ и го
рилъ съ нею, сейчасъ же это понималъ; менѣе объяснимы
было, почему всѣмъ казалось, что мастерская и все хозя
ство существуютъ трудами Хольмана, тогда какъ въ су
ности все это держалось только благодаря самой Хольман
Но самымъ страннымъ являлось то обстоятельство, что бло
макеръ всегда долго стоялъ, точно въ нерѣшимости, пер
дверью своей квартиры, прежде чѣмъ войти въ нее, — пр
вычка, которой никакъ нельзя было ожидать отъ человѣка
пользующагося такой счастливой семейной жизнью.

Послѣ случившагося у Хольмановъ чуда — рожденія м
ленькой дѣвочки — послѣ этого великаго и очень чувстви
тельнаго въ домашнемъ обиходѣ происшествія, не разъ, к
нечно, возникала мысль, какъ хорошо было бы отдѣлать
отъ чужаго ребенка; мысль, не приведенная, впрочемъ, в
исполненіе частью потому, что пришелецъ этотъ составлял

*) Выраженіе, равносильное русскому — „пробѣжитъ черная кошка"

чень значительную статью дохода, а частью потому, что могъ быть употребленъ около люльки.

— Это легчайшая работа въ мірѣ, точно нарочно созданная для маленькаго мальчика! говорила Хольманша. — Только сидѣть да покачивать ногой. Отличное упражненіе!

Но даже и тутъ Николай могъ ангела вывести изъ терпѣнья! Уходя, она оставляла его около люльки, но по возвращеніи неизмѣнно заставала или у окна, или — еще хуже — на лѣстницѣ ихъ подвала, глазѣющимъ на мальчишекъ, которые играли на плацу. Случалось даже, что онъ и совсѣмъ уходилъ, оставляя настежъ двери; этотъ негодяй на все пускался, только бы уйти изъ подвала и отъ своего долга.

Зато этому »мѣшку съ шалостями« порядкомъ таки приходилось платиться за нихъ — какъ только выдерживала его грѣшная спина!...

Хольманша не разъ жаловалась служанкѣ изъ втораго этажа, — которая высовывала голову посмотрѣть, что̀ опять напроказилъ этотъ маленькій бѣсенокъ, и почему онъ такъ зло кричитъ, — что всѣ наказанія, всѣ пробуемыя ею исправительныя средства (лишать ужина, запирать въ темный чуланъ) ни къ чему не ведутъ, и онъ остается такимъ же упрямымъ, такимъ же дерзкимъ и ненадежнымъ!

Наконецъ она придумала напугать его, что въ углу, за изголовьемъ ея кровати, сидитъ чортъ и смотритъ, качаетъ ли Николай люльку.

У Николая душа въ пятки уходила отъ страху, и все время мерещилась ему рогатая голова, выглядывающая изъза изголовья. Но даже это не могло удержать его отъ искушенія подойти къ окну: на дворѣ всегда было такъ весело! И онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ во дворъ, пока не вспоминалъ вдругъ, *кто* стоитъ за нимъ. Тогда онъ со всѣхъ ногъ бросался къ своему мѣсту, боязливо косясь на уголъ за кроватью.

Съ годами Николай повысился въ должности — вмѣсто качанья люльки, ему было поручено смотрѣть за Урсиллой на лѣстницѣ подвала. Шагъ дальше, хотя бы только до деревьевъ на той сторонѣ улицы, былъ строго запрещенъ. Сознаніе, что не слѣдуетъ переступать указанной границы, было крѣпко вбито въ него съ помощью розогъ, такъ какъ иначе блокмакерша не могла бы быть спокойна, что онъ не затащитъ Сияли къ колодцу, гдѣ постоянно кричали

дрались и пускали кораблики уличные мальчишки. Т
Николая украшалось такимъ множествомъ желтыхъ в
нихъ полосъ за каждый разъ, какъ онъ поддавался и
шенію переступить заповѣдную черту, что она превратил
наконецъ въ его воображеніи въ невидимую желѣзную
шетку. Каждый шагъ по ту сторону ея представлялся
страшнѣйшимъ преступленіемъ, за которымъ неизбѣжно
довало достойное возмездіе.

Что Силли необыкновенное существо, такъ сказать,
по самому рожденію стоящее неизмѣримо выше него. Ни
лая, — это съ перваго же дня появленія ея на свѣтъ дока
валось ему такими многообразными способами, что подъ
нецъ у него ужъ не могло остаться на этотъ счетъ ни
лѣйшаго сомнѣнія.

Не смотря на все, что онъ вытерпѣлъ изъ-за дѣвоч
или, быть можетъ, именно благодаря принесеннымъ жер
вамъ и сознанію, что она находится на его попеченіи,
сильно привязался къ ней, отъ души восхищался ея кра
тою (особенно прелестной казалась она ему въ голубы
полинялыхъ бантахъ и въ шляпкѣ со старыми мятыми
тами) и безропотно подчинялъ свою волю — волѣ дѣвочки,
торая была, пожалуй, еще деспотичнѣе, чѣмъ сама блок
керша. Если Николай позволялъ ей валяться по песку —
требовала, чтобы онъ снялъ ей еще чулки и башмаки. Д
лалъ онъ это — онъ получалъ розги; не дѣлалъ — она
чинала кричать, и онъ опять таки получалъ розги.

Страхъ былъ, такъ сказать, почвой, на которой онъ
и привычка постоянно бросать быстрые испуганные взгля
по направленію къ подвалу — даже тогда, когда его ча
обремененная проступками совѣсть не чувствовала за со
никакой вины — представляла собою неизбѣжный плодъ е
дневнаго горькаго опыта.

— Уже издали можно замѣтить, что у него совѣсть
чиста, говорила мадамъ — и была права, если судить
безпокойнымъ взглядамъ большихъ сѣрыхъ глазъ, часто с
рѣвшихъ исподлобья, въ чемъ онъ опять согрѣшилъ.

»Добрые сосѣди« могли бы догадаться, какова жиз
Николая, — но въ наше время нѣтъ больше сосѣдей: тепе
ужъ не знаешь, кто живетъ въ томъ же домѣ наверху, и
внизу, или даже черезъ площадку. И такимъ образомъ слу
чилось, что ни у кого въ домѣ не нашлось глазъ и уш

ля многоразличныхъ несчастій »Николая изъ подвала«, хотя нъ громко заявлялъ о нихъ неистовыми криками во время кзекуцій.

Къ постоянному реву и плачу »несноснаго мальчишки« ривыкли также, какъ привыкаютъ къ упражненіямъ на оялѣ или къ шуму машинъ, и утѣшались тѣмъ, что для того испорченнаго ребенка было настоящимъ счастіемъ по-асть въ передѣлку къ такимъ строгимъ и умѣющимъ вос-итывать людямъ.

Когда Николай и Силли бродили по тротуару передъ одвальной лѣстницей, всѣ жильцы ласково кивали дѣвочкѣ. Ободрить и Николая такимъ же кивкомъ было бы, конечно, страшной педагогической ошибкой.

Но кухарка Маренъ только въ прошлую пятницу по-ступила въ верхній этажъ и, само собою разумѣется, еще не успѣла ознакомиться со строгой цѣльностью педагогиче-ской системы блокмакерши, что̀ единственно могло послу-жить ей извиненіемъ въ случившемся.

Вечеромъ она отправилась, съ фонаремъ въ рукахъ, хро-мая, охая и кряхтя по своему обыкновенію, въ чуланъ за углемъ и дровами. У нея былъ ревматизмъ въ обѣихъ но-гахъ, и она переваливалась съ ноги на ногу, какъ кора-бельная мачта во время бури.

Возясь въ чуланѣ, она вдругъ услышала за стѣной чьи-то всхлипыванья. Казалось, кто-то долго плакалъ и теперь просто захлебывался отъ рыданій, не будучи въ состояніи издать никакого звука.

Въ этомъ голосѣ слышалось такое отчаяніе, что Ма-ренъ бросила собирать дрова и стала прислушиваться... Ка-залось, онъ выходилъ изъ чулана по ту сторону коридора. Она взяла фонарь и направилась на голосъ, чтобы посмот-рѣть, что̀ тамъ такое.

— Есть тутъ кто нибудь? спросила она, останавливаясь передъ запертой дверью, изъ-за которой раздавались всхли-пыванья.

Сразу все стихло.

Маренъ постучала полѣномъ въ дверь, но тогда раздался такой дикій крикъ ужаса, что она опустила углы перед-ника, въ которомъ лежали дрова, и открыла задвижку чулана.

Господи, кто это посадилъ несчастнаго мальчугана сюда, въ эту темень?!

При свѣтѣ фонаря Николай съ крикомъ бросился къ Маренъ: — Я думалъ, это самъ чортъ!... потому что онъ тоже стучитъ въ стѣну... да, онъ всегда такъ дѣлаетъ!

— Тише! мальчикъ, ты только людей пугаешь своей глупой болтовней!

— Да право же! сама мадамъ это говоритъ. — Потомъ, бросивъ быстрый взглядъ на Маренъ, онъ добавилъ: — или, можетъ, она это только такъ, нарочно говоритъ, чтобы я не трогалъ ея сахару?

— Тебя за это сюда посадили?

— Я ничего у нея не кралъ, но теперь я буду! да, да, непремѣнно буду, потому что она все равно называетъ меня воромъ! И это все изъ-за того, что въ понедѣльникъ, когда меня послали за полъ-фунтомъ сахару, я немного лизнулъ его языкомъ... Но зато въ слѣдующій разъ я такъ постараюсь, что она получитъ одинъ пустой мѣшокъ!... Я буду лизать, я буду воровать! кричалъ онъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. — Не уходи, не уходи! всхлипывалъ онъ, держась за юбку Маренъ: — какъ только здѣсь станетъ темно, *онъ* навѣрно придетъ и вцѣпится въ меня своими когтями.

Маренъ стояла въ раздумьѣ. Что было ей дѣлать? вѣдь, въ сущности, она не имѣетъ никакого права выпустить мальчика изъ чулана.

Не попробовать ли пойти къ блокмакершѣ и заступиться за него?...

— Чтобы накликать на мою голову новое наказаніе? Нѣтъ, спасибо! былъ отвѣтъ.

Какъ же выйти изъ этого затрудненія? не бросить же здѣсь мальчугана! Вдругъ у нея явилась блестящая идея.

— Ты бы могъ пойти ко мнѣ въ кухню и переночевать тамъ!

На этотъ разъ Николай не сталъ раздумывать, что̀ скажетъ или сдѣлаетъ ему за это блокмакерша; онъ только еще крѣпче ухватился за спасительную юбку. Нагруженная углемъ и дровами, и буксируя прицѣпившагося сзади мальчика, Маренъ проворно заковыляла по лѣстницѣ.

Пока она собирала всѣ платки и юбки и разоряла даже собственное ложе, чтобы потеплѣе и помягче устроить постель Николаю, этотъ послѣдній, казалось, забылъ всѣ свои невзгоды.

Здѣсь было такъ много новаго! Всюду по стѣнамъ ви-

ıа блестящая жестяная посуда самаго разнообразнаго вида, одинъ только котъ былъ старый знакомый. Онъ часто вилъ этого кота на дворѣ и теперь непремѣнно хотѣлъ пойтъ его за хвостъ, какъ бы далеко ни забрался онъ подъ амейку.

Ай, батюшки, что̀ онъ надѣлалъ! Гоняясь за кошкой, ъ задѣлъ за кастрюлю и уронилъ ее!

Испуганный, смущенный, онъ стремглавъ бросился къ ери. Но Маренъ очень спокойно отнеслась къ бѣдѣ; она же не произнесла ни одного ругательства — *ни одного*, ·о̀ удивило его гораздо болѣе, чѣмъ вся жестяная посуда котъ...

Маренъ наконецъ уснула, не смотря на боль и судороги) всемъ своемъ усталомъ тѣлѣ, — недуги, съ которымъ ей риходилось бороться каждую ночь, — какъ вдругъ ее раз-удилъ страшный крикъ.

— Что̀ такое? что̀ такое?... Николай, это ты?... Никоай! Николай!

Она нашарила спички. Николай сидѣлъ на скамейкѣ и ъ ужасѣ отбивался отъ кого-то руками.

— Мнѣ казалось, что съ меня хотятъ снять голову! бъяснилъ онъ, придя наконецъ въ себя.

Когда Маренъ снова улеглась, она подумала, что должна читать себя счастливой, не имѣя дѣтей, за которыхъ приплось бы отвѣчать; у всякаго свой крестъ, и съ нея за глаза овольно ея ревматизмовъ.

Маренъ дорого поплатилась за свое непрошенное вмѣпательство. На слѣдующее утро мадамъ Хольманъ, въ присутствіи служанокъ со всей лѣстницы, потребовала у нея отчета, по какому праву сунула она свой носъ туда, гдѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать. При этомъ Маренъ разъ навсегда должна была узнать и то, почему мадамъ запираетъ мальчишку, и то, что̀ ей приходится выносить изъза него каждый день, и то, что она жизнью можетъ поклясться, что если кто нибудь въ домѣ не терпитъ безпорядочности и непристойности, такъ это именно она, мадамъ Хольманъ. Она лучше сто разъ накажетъ мальчишку, чтобы только не дать повода сказать, что она на своихъ глазахъ допустила вырости позору и безпорядочности.

Маренъ выслушала все это молча и страшно сконфуженная. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ какъ она сидѣла по

вечерамъ у окна и слышала крики мальчика, ее такъ и подмывало пойти къ блокмакерамъ и сказать имъ, что *это* не доведетъ до добра. Ей казалось, что наказаніе не должно производиться съ такой злобой, если оно служитъ для исправленія мальчика.

У Маренъ Николай всегда находилъ покровительство и пріютъ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ тамъ на дровяномъ ларѣ и долбилъ ножомъ кораблики, которые пряталъ за пазуху, когда приходилось идти внизъ или нести обѣдъ въ мастерскую хозяина.

Представленіе, что спина и уши Николая всегда находились или въ темномъ чуланѣ, или подъ теплой рукой Хольманши, было бы, такъ сказать, преувеличеніемъ. И для него выдавались иногда свѣтлые промежутки, когда мадамъ не только не дралась, но даже хвалила... не его, конечно, а свои превосходныя педагогическія способности, благодаря которымъ она добилась значительнаго нравственнаго улучшенія.

Это случалось два раза въ годъ, въ тѣ дни, когда приходилось получать плату изъ конторы генеральнаго консула.

Иногда Николай получалъ приглашеніе ѣхать въ имѣніе Вейерганговъ въ телѣжкѣ, которая пріѣзжала по утрамъ за провизіей.

Телѣжка съ шумомъ катилась по дорогѣ, а въ телѣжкѣ сидѣлъ Николай, въ праздничномъ платьѣ, чистый и сіяющій, какъ только что вычищенная мѣдная кастрюля. Ни одной минуты не могъ онъ сидѣть тихо; онъ болталъ и разспрашивалъ — всегда о лошади, объ удивительной гнѣдой лошади! — была ли она самой лучшей, или только почти самой лучшей въ мірѣ? могла ли она обогнать поѣздъ, или кого и что̀ могла она обогнать?...

Телѣжка слишкомъ рано, по его мнѣнію, въѣзжала во дворъ и останавливалась передъ кухонной дверью; слуга вводилъ Николая въ дѣтскую.

— Вытеръ ли онъ ноги? Кажется, ты могъ бы понять, Ларсъ, что нельзя вести его черезъ комнаты въ такихъ ужасныхъ сапогахъ!

Послѣ этого привѣтствія мать сажала его на стулъ; онъ получалъ хлѣба съ масломъ, крендель и кружку молока.

Ну, а теперь онъ долженъ немножко подождать: сегодня

Барбро, какъ нарочно, страшно много дѣла — надо выстирать бѣлье Людвига и Лиззи...

Затѣмъ приходили эти его сверстники; одинъ тащилъ за собой огромную лошадь, другая несла двухъ большихъ, нарядно одѣтыхъ куколъ. И скоро въ дѣтской начиналась скачка и верховая ѣзда... Гопъ! гопъ! — Николай тащилъ лошадь, Людвигъ катался. Гопъ! гопъ! ей берегись!...

Николаю тоже захотѣлось покататься — онъ ужъ такъ долго возилъ! Но Людвигъ не хочетъ слѣзть, и Николай съ досадой бросаетъ поводья.

— Ахъ, ты, оборванецъ этакій, да какъ ты смѣешь!

— Оборванецъ?! вотъ я тебѣ покажу оборванца!

Дѣло кончается тѣмъ, что Людвигъ постыдно ретируется въ укрѣпленное мѣсто за кроватью и оттуда начинаетъ ругаться благимъ матомъ, а сестра старательно помогаетъ ему въ этомъ.

— Что тутъ такое? что съ вами, мои дѣточки? справивала прибѣжавшая на крики Барбро. — Какъ тебѣ не стыдно, Николай, обращаться такъ съ дѣтьми генеральнаго консула! только попробуй у меня еще разъ... Ну, полно, Людвигъ!... Полно, полно, Лиззи! онъ больше не будетъ! — Слышишь, Николай, ты долженъ дѣлать только то, что они хотятъ!...

Потомъ Барбро начинала причитывать надъ измятымъ воротничкомъ Людвига.

— Поди сюда, мой золотой мальчикъ, поди сюда на минуточку — я только поправлю тебѣ. — Она брала его на колѣни: — ахъ ты, мой милый, ненаглядный мальчикъ, умникъ ты мой! Николай, полюбуйся-ка на его рубашечку, пощупай, какая она мягкая, блестящая!..

— Покажи ему мои праздничныя платья, Барбро, и мои лакированные сапожки.

Николай получалъ позволеніе осмотрѣть лежащіе въ ящикахъ платья и кушаки, и тонкое бѣлье Людвига и Лиззи, а также открыть шкафъ съ игрушками и полюбоваться старыми трубами и барабанами, безголовыми людьми и лошадьми, оловянными солдатиками и ноевымъ ковчегомъ со всѣми принадлежностями — т. е. всѣмъ тѣмъ, что они получили, по словамъ Барбро, за то, что были хорошими дѣтками.

Въ шкафу былъ цѣлый базаръ игрушекъ, такъ что Ни-

колай не могъ не понять, какія Людвигъ и Лиззи необ-
новенно хорошія дѣти, и что поэтому мать его, конечно,
онъ съ горечью долженъ былъ сознаться въ этомъ —
могла не любить ихъ гораздо больше, чѣмъ роднаго сы-
Ты никогда не заслуживаютъ брани, а только игрушек
игрушекъ. Онъ стоялъ угрюмый и озлобленный. Т
встрѣться ему гдѣ нибудь этотъ Людвигъ — ужъ онъ
помнитъ ему и лошадь, и все остальное!

Наконецъ, билъ часъ прощанья, и онъ долженъ
сѣсть въ шарабанъ, ѣхавшій въ городъ за генеральш
консуломъ. Оба маленькихъ Вейерганга цѣплялись за
няньки, когда она выходила проводить сына.

— Прощай, Николай! — она трепала его по щек
поклонись отъ меня блокмакеру и блокмакершѣ. Слыш
не забудь поклониться блокмакершѣ... Да не царапай
фартуха! Ты долженъ сидѣть смирно всю дорогу, Никол
слышишь?!.. Развѣ ты самъ не понимаешь, что эти под
сдѣланы вовсе не для того, чтобы пачкать ихъ сапога
Ты бы посмотрѣлъ, какъ смирно сидятъ Людвигъ и Л
когда ѣдутъ кататься — правда, мои дѣточки?

Коляска трогалась.

Такой день былъ, конечно, настоящимъ праздник
для Николая; ему даже съ собой давали большой сдобн
крендель, сладкій-пресладкій, — и всетаки дорогой ем
новилось вдругъ такъ грустно, что онъ начиналъ плакать

На другое утро, въ то самое время какъ онъ хож
взадъ и впередъ по тротуару, исполняя свою ежедневну
обязанность — няньчиться съ Силли, до него долетали
времени до времени обрывки разглагольствованій малик
Хольманъ, которая разговаривала въ дверяхъ со служанк
изъ нижняго этажа.

— ... Представьте себѣ только, мадамъ! впустить
въ комнату своихъ дѣтей!.. немногіе господа окажутъ так
милость!..

— ... У всякаго своя доля здѣсь на землѣ: мы должн
какъ говорится, рыть грязныя канавы, тогда какъ другіе

— ... Скажу только — большое для него счастіе, что
такъ заботливо чистила его и снаружи, и внутри...

— ... Такая честь! пригласить его къ себѣ, точно он
и вправду какой нибудь честно рожденный мальчикъ. Он
долженъ бы всю свою жизнь помнить объ этомъ днѣ.

Николай слушалъ и изо всей силы топталъ грязную ушиную голову, такъ что она стала, наконецъ, плоской, съ мѣдный грошъ.

Послѣ того какъ исчезъ страхъ къ чорту и букѣ, ма-ерь Хольманъ нашла новое средство пугать Николая — ородскою школой, учрежденіемъ, высоко стоявшимъ въ ея ѣніи, какъ мѣсто, гдѣ каждый день упражняются въ полненіи долга, и гдѣ наказаніе играетъ самую важную ль.

Николай еще несовсѣмъ ясно постигъ, что собственно детъ съ нимъ, когда онъ придетъ въ школу; но въ томъ, о это будетъ нѣчто ужасное, онъ все болѣе и болѣе убѣж-лся изъ различныхъ неясныхъ намековъ и таинствен-ыхъ, полуподавленныхъ вздоховъ, сопровождавшихъ эти меки.

Наконецъ угроза была приведена въ дѣйствіе: въ поне-ѣльникъ утромъ онъ долженъ отправиться въ школу.

Четвергъ, пятница, суббота, воскресенье — онъ по паль-амъ высчиталъ дни, которые еще оставались въ его рас-оряженіи...

Какъ онъ заботился о Силли, какъ охотно игралъ съ ней ѣлые дни, какъ леталъ исполнять порученія!

Наконецъ наступилъ послѣдній воскресный вечеръ. За жиномъ Николай сидѣлъ около Силли и прислушивался къ азговору, стараясь почерпнуть изъ него хоть что нибудь тѣшительное о школѣ; но напрасно: онъ услышалъ только, то завтра, для перваго раза, надѣнетъ праздничное платье. Ночью онъ ежеминутно просыпался, весь въ холодномъ поту.

Утромъ Николай исчезъ.

Тщетны были всѣ поиски Хольманши, тщетно звала она мальчика, обѣщая въ одно и тоже время и наказаніе, и прощенье, если онъ вернется, — онъ исчезъ безслѣдно.

Въ тотъ же день Маренъ была сильно поражена, уви-дѣвъ Николая, вылѣзшаго изъ-подъ ея кровати; она накор-мила его и просила идти домой; онъ обѣщалъ это сдѣлать, но не прежде, чѣмъ совсѣмъ смеркнется.

Въ сумеркахъ онъ предпринялъ прогулку по набережной, забавлялся нѣкоторое время тѣмъ, что усѣлся въ чью-то лодку и качался въ ней; потомъ, чтобы какъ нибудь убить время, затерся въ толпу пассажировъ пакетбота, насквозь

промоченныхъ дождемъ. Когда, по его разсчету, на дровяномъ дворѣ совсѣмъ стемнѣло, онъ отправился туда и остатокъ вечера провелъ въ наблюденіяхъ черезъ щели забора за двумя освѣщенными окошками слишкомъ хорошо знакомаго подвала. Онъ видѣлъ, какъ блокмакеръ, крадучись, вошелъ домой, простоявъ предварительно нѣкоторое время передъ дверью; видѣлъ, какъ укладывали Силли въ постель. Свѣтъ изъ оконъ, напоминавшихъ два тусклыхъ безсердечныхъ глаза, говорилъ ему, что вернись онъ только домой — тотчасъ вся атмосфера комнаты наполнится правосудіемъ и приведеніемъ въ исполненіе заслуженной имъ кары.

Но вотъ свѣтъ погасъ...

Сквозь моросящій дождь блеснулъ огонекъ фонаря, служившаго подспорьемъ для пары глазъ, которые имѣли способность даже въ темнотѣ отыскивать различныхъ лицъ, считавшихъ дровяной дворъ самымъ удобнымъ ночлегомъ. Долго блуждалъ фонарь по узкимъ проходамъ, изрѣдка останавливаясь и стараясь забросить свой мерцающій красноватый свѣтъ какъ можно дальше въ глубь штапелей.

Въ эту ночь не нашли ни души. Изъ множества квадратныхъ комнатъ, которыя могли служить убѣжищемъ, Николай, по какому-то врожденному инстинкту, выбралъ самую переднюю и наименѣе таинственную; она стояла наполовину оконченная, съ двумя досками, перекинутыми въ видѣ трапа. Тамъ лежалъ онъ, прижавшись въ самый темный уголъ, наполовину уснувъ, наполовину погрузившись въ блаженную нирвану — ни школы, ни мадамъ! — накинувъ, для защиты отъ дождя, свою курточку на голову.

Въ эту холодную ночь, проведенную подъ мокрымъ небомъ, съ досками Трондсена вмѣсто полога, въ душу Николая прокралось новое, неблагодарное чувство. Вопреки неустаннымъ заботамъ и попеченіямъ мадамъ Хольманъ, ему казалось (дикая самонадѣянность, дерзкое презрѣніе по отношенію ко всему, что находили хорошимъ и полезнымъ для него!)... ему казалось, что его настоящій домъ здѣсь, на дровяномъ дворѣ, а не въ школѣ или подвалѣ блокмакера. Онъ вспоминалъ, какъ ласково свѣтилось дерево досокъ въ ясные солнечные дни; а съ наступленіемъ сумерокъ доски эти являлись тайными, испытанными друзьями, которые могли спасти его отъ непріятностей тамъ, *дома*.

Но въ школу онъ всетаки попалъ, и его испытующій

ь первымъ дѣломъ сталъ отыскивать машинки для сѣ-
я, которымъ стращала его мадамъ Хольманъ. Онъ пред-
лялъ себѣ, что въ школѣ ударъ за ударомъ сыплются
акимъ же равномѣрнымъ и непрерывнымъ шумомъ, какъ
цикорной фабрикѣ у нихъ во дворѣ.

Но, къ его великому удивленію, ничего подобнаго въ
ссѣ не оказалось. Зато тамъ было много другаго, во что
долженъ былъ быть втиснутъ, какъ колодка въ сапогъ;
онъ былъ неподатливой колодкой, которая часто не хотѣла
и дальше голенищъ; тогда приходилось насильно вколачи-
ь его туда, гдѣ другіе проскальзывали скорѣе и легче угря.
Были вещи, которыя онъ понималъ, и были вещи, ко-
ыхъ онъ не понималъ. Первыя ему никогда не объясня-
ь, вторыхъ онъ не могъ уразумѣть, сколько бы разъ ему
растолковывали; результатомъ этого являлось печальное
наніе постояннаго разлада и съ уроками, и съ учителями.
разладъ этотъ онъ получалъ розги и оставался въ классѣ,
да какъ другіе, попавшіе въ такую же бѣду, выкручи-
ись изъ нея съ ловкостью настоящихъ виртуозовъ.

Но что̀ былъ школьный день, со всѣми его напастями,
сравненіи съ длинными, безконечно ползущими часами
тѣ вечера, когда мадамъ Хольманъ своими собственными
азами принималась слѣдить за тѣмъ, какъ онъ учитъ
оки, и онъ едва осмѣливался поднять глаза отъ книги,
обы взглянуть на Силли.

Что же касается самого Хольмана, то опытъ научилъ
иколая, что его свѣтлые, вытаращенные глаза могутъ смот-
ть, ничего не видя. Онъ научился этому вѣрно въ ка-
чкѣ мадамъ Сельвигъ, гдѣ съ давнихъ поръ привыкъ
ходить утѣшеніе и забвеніе. Каждый вечеръ являлся онъ
да, точный, какъ часы, ровно десять минутъ спустя послѣ
крытія мастерской, а съ послѣднимъ ударомъ восьми онъ
кже пунктуально направлялся домой, — что̀, сказать къ
ову, заслужило ему въ кабачкѣ прозвище »орденскаго
авалера« *).

III

Мѣсто, гдѣ большая широкая улица, ведущая къ латин-
кой школѣ, пересѣкала маленькую, на которой находилось

*) Непереводимая игра словъ: *ordens* — порядокъ и *orden* — орденъ.

городское училище — было очень опасно; и въ тѣ дни... начало послѣобѣденныхъ занятій въ послѣдней совпад... окончаніемъ продолжительныхъ утреннихъ уроковъ въ... часто случалось, что бѣшеная веселость возвращавши... городской школы приходила въ столкновеніе съ гру... и желчнымъ настроеніемъ учениковъ латинской школы... торые какъ разъ направлялись на уроки.

Людвигъ Вейергангъ, съ изящнымъ ранцемъ за ... уже нѣсколькихъ лѣтъ утаптывалъ этотъ путь въ ... За свою маленькую голову съ птичьимъ носомъ, за ... ную шею, оканчивавшуюся совершенно безволосымъ ... комъ, и за свою быструю походку онъ получилъ про... »страуса«.

Встрѣчаясь съ Николаемъ, Людвигъ дѣлалъ вид... не знаетъ его, а тотъ, въ свою очередь, начиналъ ... брежительно свистать и особенно громко стучать са... по панели.

Новый катокъ городскаго училища шелъ вдоль ... сточной канавы и захватывалъ даже большой кусокъ ... латинской школы. Это былъ результатъ дружной ... всѣхъ учениковъ въ теченіе цѣлой недѣли. По волѣ ... Николай, съ гиканьемъ катившійся во главѣ цѣлой ... товарищей, завернулъ за уголъ какъ разъ въ тотъ мом... когда Людвигъ Вейергангъ подходилъ къ нему съ другой ... роны. Страусъ получилъ такой толчокъ, что книги, п... и все его содержимое разлетѣлись въ разныя стороны.

— Сейчасъ подними, негодяй! — закричалъ онъ Ни... лаю: — я непремѣнно пожалуюсь на тебя дома, въ ... ты можешь быть увѣренъ. Ну же, подними — или...

Нѣсколько комковъ снѣга, подброшенныхъ ногой, ... единственнымъ отвѣтомъ Николая.

— Погоди, попадетъ тебѣ отъ меня! Тебѣ, видно, ... этого хочется! Сегодня же отецъ узнаетъ, кто главный з... водъ всякой уличной сволочи въ нашемъ городѣ; и если ... никто не сказалъ этого твоей матери, такъ я самъ разс... ей все, какъ бы она ни выла и ни ревѣла.

— А ты, видно, хочешь, чтобъ я свернулъ тебѣ ... клювъ?

— Посмѣй только! Ты, можетъ, не знаешь, что мы ... тимъ за тебя блокмакеру? Ужъ я постараюсь, чтобы онъ ... выколотилъ твою шкуру, если ты не попросишь проще...

акая тварь! не знаетъ даже, кто его отецъ!.. а мать была рада, еслибы онъ никогда не родился!

Не успѣлъ онъ договорить послѣднихъ словъ, какъ Николай бросился на него съ сжатыми кулаками, и на нѣсколько минутъ исчезъ всякій слѣдъ сословныхъ различій и имуществъ. — »Теперь ты знаешь моего отца?!.. знаешь?.. наешь?!..«

Это былъ славный и многознаменательный день въ лѣтописяхъ училища — тотъ день, когда кровь изъ носа Вейерганга обагрила снѣгъ; еще и на другой день многіе изъ учениковъ, не бывшихъ очевидцами великаго событія, ходили отыскивать слѣды крови на снѣжныхъ кучахъ около позорнаго столба.

Но какъ ни хвалила, какъ ни прославляла его вся школа — Николай всетаки не могъ забыть, что дома онъ встрѣтитъ совершенно другой взглядъ на происшедшее, свѣдѣнія о которомъ, безъ сомнѣнія, уже получены отъ Вейергановъ.

Домой онъ шелъ все медленнѣе и медленнѣе; мысль о томъ, что его ожидаетъ, наливала свинцомъ его ноги, а когда онъ распростился, наконецъ, съ послѣднимъ товарищемъ и остался одинъ, то вдругъ, совершенно для себя неожиданно, свернулъ къ мелочной лавочкѣ — въ улицу, которая вела въ противоположную отъ дома сторону.

— Вотъ ужъ третья ночь, какъ Николай не является домой, объясняла полицейскому мадамъ Хольманъ. — Въ томъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго: онъ зналъ, что дома его ждетъ заслуженная награда, и у него, вѣрно, заранѣе чесалась спина... Поднять руку на такого прекраснаго мальчика, да еще на единственнаго сына консула Вейерганга, своего благодѣтеля!.. Но гдѣ бы могъ онъ, однако, скрываться? на лѣсномъ дворѣ его, конечно, нѣтъ — невозможно высидѣть тамъ въ это время года.

Дѣйствительно, нелегко было найти его убѣжище, потому что для этого надо было искать чуть ли не также близко, какъ въ своемъ собственномъ карманѣ. Съ Николаемъ случилось тоже, что и со всѣми другими преступниками: подобно мухѣ, которую тянетъ къ огню, его непреодолимо тянуло укрыться какъ можно ближе къ мѣсту своего страха и ужаса — тамъ, гдѣ была бы мадамъ Хольманъ, и откуда

онъ, хоть изрѣдка, хоть однимъ глазкомъ, могъ бы
нуть на Силли.

Хольманъ лежалъ и чувствовалъ сквозь одолѣв
хмѣль, что съ Николаемъ что-то неладно. Онъ слу
какъ, благодаря оттепели, съ крыши падали вс
капли, и какъ всѣ онѣ въ тактъ напѣвали: »Ни...ко...
Ни...ко...лай!..« Это доводило его до изступленья. Онъ
приподнялся и сѣлъ на кровати.

Гдѣ могъ скрываться Николай, какъ не въ сара
старой сломанной кибиткѣ, что стояла тамъ, прислонив
огромной открытой пастью къ стѣнѣ?!

Хмѣль мигомъ соскочилъ съ блокмакера отъ этой
внезапно осѣнившей его, идеи...

До сихъ поръ Николай совсѣмъ не зналъ руки
макера. Онъ еще сладко спалъ, какъ вдругъ кто-то
схватилъ его зашиворотъ.

Только ужъ твердо стоя на обѣихъ ногахъ, про
онъ настолько, что сразу уразумѣлъ свое положеніе.
чалъ отчаянно брыкаться, кусаться и колотить блокма
стараясь хоть какъ нибудь вырваться отъ него. Онъ
что не пойдетъ домой!.. низачто! хоть убейте его. хоть
мите съ него голову!..

Блокмакеръ былъ совсѣмъ взбѣшенъ. Только бы
щить этого мальчишку въ подвалъ, тамъ ужъ онъ
попляшетъ!

Мадамъ Хольманъ, со свѣчей въ рукѣ, ожидала в
ряхъ. При тускломъ свѣтѣ она едва различала блѣдно
и широко раскрытые глаза, а въ воздухѣ все продол
раздаваться: — »вы не смѣете!.. вы не смѣете!.. я оста
на улицѣ!.. я самъ хочу остаться на улицѣ!..«

Мадамъ въ послѣдній разъ увидала дерзкіе, озл
ные, сѣрые глаза, изъ рукъ блокмакера что-то выско
нуло и шмыгнуло въ ворота — Николай убѣжалъ.

Ударъ по носу Людвига попалъ прямо въ сердце Бы
Но когда она услышала, что Николай убѣжалъ отъ
макера, и что возбужденъ вопросъ, не отправить ли е
колонію малолѣтнихъ преступниковъ, — тогда въ дѣтской
нялись плачъ и скрежетъ зубовный.

Ужъ много горя вынесла она изъ-за мальчишки, но
стыда ей не пережить. Барыня должна это уладить!

Барбро, вѣрно исполняла свой долгъ всѣ эти годы, пока была нянькой Людвига и Лизви; но этого ей не перенести!.. барыня должна объ этомъ позаботиться... или она не ручается за послѣдствія... она въ состояніи на все рѣшиться, даже уйти отъ нихъ!

Барбро сидѣла въ дѣтской и плакала, и вздыхала такъ, что туда боялись даже входить.

Такіе припадки проходили обыкновенно въ тотъ же день, но этотъ длился уже цѣлыхъ три дня и нарушалъ домашній миръ.

У фрю Вейергангъ сдѣлалась мигрень, и она прибѣгла къ единственному помогавшему ей лекарству — къ послѣобѣденному сну, во время котораго въ домѣ должна была царить мертвая тишина.

Въ прежнія времена Барбро добровольно брала на себя обязанность охранять ея сонъ, забѣгая даже въ кухню, чтобы унять слугъ, и карауля у дверей спальни. Но сегодня она сидѣла и плакала.

Ее немного удивляло, что барыня лежала совсѣмъ тихо и не звала ея. Съ другой стороны, она наслаждалась наложеннымъ ею наказаніемъ. Пусть-ка барыня узнаетъ, что̀ значитъ противорѣчить ей, Барбро...

Совсѣмъ стемнѣло, а барыня все лежала, лежала до тѣхъ самыхъ поръ, пока не вернулся консулъ; она даже не звонила, чтобы подали свѣчи.

Въ этотъ вечеръ фрю Вейергангъ вышла къ мужу съ обвязанной платкомъ головой, съ краснымъ и наплаканнымъ лицомъ; она была взволнована и говорила дрожащимъ голосомъ... Силъ ея больше нѣтъ! Вейергангъ долженъ отказать Барбро!.. она была настоящимъ тираномъ.. и если консульша до сихъ поръ молчала — Вейергангъ знаетъ, что еще никогда не жаловалась — то только ради дѣтей; но теперь Барбро не нужна имъ больше, и надо воспользоваться удобнымъ случаемъ. Она ужъ черезчуръ зазналась!..

И Барбро было отказано въ самой мягкой, дружелюбной, но въ то же время и въ очень рѣшительной формѣ.

Всѣ знакомыя консульши хоромъ твердили, что онѣ давно ждали, когда Вейерганги отдѣлаются, наконецъ, отъ своей избалованной няньки. Единственный человѣкъ, кого отказъ этотъ поразилъ, подобно громовому удару, была сама Барбро: она долго не могла постичь, какъ это она, Вейер-

ганговская Барбро, разстанется съ Людвигомъ и съ Лиззи и со всѣмъ этимъ домомъ, который она давно привыкла считать своимъ. Она еще не вѣрила этому и ходила, высоко поднявъ носъ и каждую минуту ожидая, что господа раскаются; она пробовала даже принимать покорный тонъ съ барыней и заискивать передъ дѣтьми; но ее встрѣчала все та же ласковость, за которой скрывалось непоколебимое рѣшеніе...

Барыня стала уже поговаривать о наградѣ, которую генеральный консулъ хочетъ ей дать при ея уходѣ. Барбро сердито завязала ленты своего параднаго чепчика и съ чувствомъ собственнаго достоинства объявила, что идетъ въ городъ. Она думала предложить свои услуги другимъ господамъ, которые съумѣютъ оцѣнить ее лучше, чѣмъ Вейерганги.

Она направилась прямо къ амтману Шелю; тамъ было четверо дѣтей, къ которымъ искали няньку. Шель были самые близкіе знакомые Вейерганговъ, и ей стоило только показаться тамъ, чтобы быть принятой съ распростертыми объятіями. Сколько разъ амтманша хвалила ее за опрятность и всегда ласково разговаривала съ ней, когда въ воскресенье пріѣзжала съ мужемъ къ обѣду. Она не разъ завидовала счастію фрю Вейергангъ, у которой былъ такой перлъ въ домѣ, и вздыхала о томъ, что сама не могла найти ничего подобнаго.

Ахъ какая обида!.. амтманшѣ было такъ досадно... она только что уговорилась съ другой.

— Представь себѣ, Шель, разсказывала амтманша, когда ея мужъ вернулся изъ бюро: — у Вейерганговъ революція, и нянька, всемогущая Барбро, получила отставку. Она только что была здѣсь и предлагала свои услуги... Благодарю покорно! ни за какія деньги не согласилась бы я взять эту женщину!

Долго еще странствовала Барбро въ этотъ день, и все по самымъ важнымъ домамъ. Она могла показать прекрасный аттестатъ, написанный генеральнымъ консуломъ на большомъ, втрое сложенномъ листѣ; да она, впрочемъ, и безъ этого аттестата была извѣстна всѣмъ съ самой лучшей стороны — въ этомъ она могла быть вполнѣ увѣрена. Она, видная и нарядная, стучалась у многихъ дверей и предлагала свои услуги, — но никому не была нужна.

На повѣрку оказалось, что ея положеніе и значеніе въ

нѣ, пріобрѣтенныя въ продолженіе многихъ лѣтъ, всѣ по-
алы ея вѣрности, весь престижъ ея, какъ няньки и кор-
лицы, въ какихъ нибудь нѣсколько дней разлетѣлись
момъ!..

Только поздно вечеромъ, позднѣе, чѣмъ ей хотѣлось,
обы ее видѣли на улицѣ, вернулась она домой, печальная
разочарованная. Хотя по лицу ея видно было, что походъ
ончился несчастливо, въ домѣ не нашлось ни одного че-
вѣка, который пожалѣлъ бы ее, спросилъ бы, какъ идутъ
ла; зато много злорадныхъ взглядовъ бросили на нее слуги,
астіе или несчастіе которыхъ въ былыя времена всецѣло
висѣла отъ Барбро. Но теперь, если она пыталась довести
о нибудь, по пути, до свѣдѣнія барыни, — барыня сей-
асъ переводила разговоръ на другіе предметы; да, она даже
ъявила разъ навсегда, что Барбро вѣдь, кажется, должна
ы знать, что барыня ея терпѣть не можетъ и *никогда* не
ушаетъ никакихъ сплетенъ.

Съ приближеніемъ дня отъѣзда, ласковость все усили-
алась; но у Барбро стали открываться глаза, и въ этой
асковости она замѣчала присутствіе тайной пружины, ко-
орая понемногу выталкивала ее изъ дому. Баринъ досталъ
я сыну мѣсто у кузнеца, а барыня дарила ей различныя
ещи »на память«.

Но когда Барбро получила однажды — очень предупре-
ительно со стороны генеральнаго консула — въ подарокъ
го старые чемоданы, она сама тоже опустилась около нихъ,
очти потерявъ сознаніе.

Она все еще никакъ не можетъ вбить себѣ въ глупую
олову, что придетъ день, когда она должна будетъ раз-
таться съ барыней, и съ Людвигомъ, и Лиззи!.. Она не
ереживетъ этого!.. Она просто умретъ съ тоски! — Все это
ыло сказано очень громко и направлено прямо по адресу
енеральнаго консула, но отвѣтъ получился не такой, ка-
кого бы желала Барбро. Консулъ только похлопалъ ее по
плечу и сказалъ:

— Очень, очень радъ, милая Барбро, что ты сознаешь, что
видала у насъ хорошіе дни!

Когда она получила свое жалованье и сберегательную
книжку на 140 спеціесдалеровъ (результатъ очень хорошій, —
сказалъ баринъ, — если она подумаетъ, какихъ издержекъ
стоилъ ей Николай) — она объявила, что хочетъ отдохнуть

и поселиться гдѣ нибудь въ деревнѣ: довольно она работ... на другихъ, цѣлыхъ 14 лѣтъ!

Послѣдній вечеръ — онъ насталъ черезчуръ скор... нея — прошелъ спокойнѣе, чѣмъ она думала. Генераль... консулъ съ семьей былъ приглашенъ на вечеръ въ ни... къ Виллоксамъ, такъ что для прощанья осталось очень м... времени — только пока садились въ карету.

IV

Каждый вечеръ блокмакеръ дѣлалъ порядочный кр... чтобы получить нѣкоторое нравственное подкрѣпленіе ... возвращенія домой. Когда бутылка пустѣла, и надлежа... количество рюмокъ было пропущено въ горло, — безпок... ство на его лицѣ пропадало, уступая мѣсто тупому рав... душію. Толстая кора обложила настоящее внутренне... этого глубокопогрязшаго человѣка, кравшаго каждый ... хоть часокъ забвенія отъ житейской борьбы, на кото... онъ самъ безразсудно напросился, вступивъ въ бракъ, ... вѣки приковавшій его къ вѣрной долгу женѣ; онъ всѣ... силами уклонялся отъ этой борьбы — и проигралъ стан... Когда онъ молча сидѣлъ въ кабачкѣ, уставившись въ р... думьѣ на бутылку, видно было, что онъ думаетъ какую... думу; можетъ быть, онъ думалъ о количествѣ выпитыхъ рюмокъ, можетъ быть, думалъ о той суммѣ, которую пр... дется за нихъ заплатить; можетъ быть, старался, подо... естествоиспытателю, проникнуть въ бездну непостижимы... а можетъ быть и то, что въ своемъ молчаливомъ раздум... онъ рѣшалъ проблему о брачномъ союзѣ — проблему, ко... рая и привела его въ кабакъ.

— Надо соблюдать порядокъ, говорилъ блокмакеръ, ... когда било половина девятаго, онъ вставалъ и, покачива... и размахивая руками, направлялся домой.

По субботамъ, когда работа въ мастерской кончалас... за нимъ приходила высокая привѣтливая дѣвушка съ ду... щавыми руками и толстыми кистями рукъ, въ которы... она держала корзину и клочокъ сѣрой бумаги — перечен... того, что надо принести домой.

Такъ шли они по улицамъ — медленно и безпечно. От... времени до времени онъ останавливался, заложивъ руку в... карманъ и бормоча свое »яссо!« пока у зеленыхъ двер...

[illegible] мадамъ Сельвигъ не объяснялось, наконецъ, что у[illegible] надо зайти туда за инструментами, и что онъ сію ми[illegible]ту вернется.

Силли по опыту знала, что̀ означаетъ эта »минута«, и съ одна продолжала путь къ лѣсному двору.

По улицамъ въ этотъ чудный августовскій вечеръ шли [illegible]лыя толпы рабочихъ, многіе — подъ такой же охраной женъ [illegible]и дѣтей, какъ и ея отецъ. Это было такъ обыкновенно, [illegible]о такъ было ясно для всѣхъ, что не стоило играть въ [illegible]гадки.

Пробираясь между рабочими, которые большими кучами [illegible]ысыпали изъ разныхъ дворовъ и дверей, она дошла до уз[illegible]аго прохода, съ обѣихъ сторонъ котораго высокимъ забо[illegible]омъ лежали доски. Грязная дорожка вела къ кузницѣ и [illegible]ругимъ мастерскимъ. Въ углу лежала куча битыхъ буты[illegible]окъ и другаго мусору. Дойдя до нея, дѣвушка съ корзи[illegible]ой остановилась и, отступая шагъ за шагомъ, чтобы дать [illegible]орогу прохожимъ, незамѣтно поднялась на самый верхъ [illegible]учи. Теперь голова ея была выше забора, и она могла [illegible]аглянуть во дворъ.

Тамъ еще шла расплата съ рабочими, которые вплотную [illegible]окружили маленькую лачужку, изображавшую контору.

Приподнявшись на цыпочки и вытянувъ голову съ тем[illegible]ными, блестящими, какъ у птички, глазами, Силли внима[illegible]тельно вглядывалась въ толпу. Трудно было не догадаться, [illegible]что̀ привело ее сюда...

— Что̀, дѣвка, любезнаго ждешь? послышалось со двора.

Но она въ то же время замѣтила Николая, посылавшаго ей условные сигналы, и сдѣлала видъ, что не слышала дерзкихъ словъ, а только вспыльчиво тряхнула корзинкой.

Николай пришелъ прямо съ работы, закоптѣлый и покрытый сажей.

— Ну, наконецъ, ушелъ!

— Кто?

— Да тотъ, рыжій... въ парусинной фуражкѣ. Оттуда, изъ Гренлина... Его еще ехидной прозвали... Онъ сказалъ, что я стою здѣсь и жду любезнаго.

— Вотъ погоди, я ему задамъ! Только бы поймать его, ужъ я бы выковалъ изъ него гвоздь!.. а его рыжіе волосы я бы такъ разсучилъ, что отцу останется только просмолить ихъ для каната!

Онъ осмотрѣлся кругомъ; но такъ какъ нигдѣ не ви
и слѣда преступника. то скоро успокоился и проговор
мотнувъ головой куда-то въ пространство:

— Булочная Ринга, Силли?

Въ карманѣ у него лежалъ недѣльный заработок
парочка отправилась грязными задворками въ назван
Николаемъ лавочку.

Они все покупали — и все ѣли. Особенно вкусно
дорогое печенье съ вареньемъ и коринкою. Теперь они
дали второй крахмальный воротникъ, о покупкѣ кото
Николай мечталъ всю эту недѣлю.

Николай съ чувствомъ гордости разсказывалъ Си
что собственноручно сдѣлалъ на этой недѣлѣ шесть
шихъ желѣзныхъ крюковъ и петель. Силли не должна
мать, что вся штука только въ томъ, чтобы бить
томъ — нѣтъ, тутъ надо и ковать, и гнуть, и въ то
время выравнивать. Есть вотъ мастера, которые толь
дѣлаютъ, что вертелы, да ломы, да шины для колес
онъ будетъ либо настоящимъ слесаремъ, либо заве
шорную...

Правду сказать, это неособенно интересовало Силли.
гораздо больше хотѣлось узнать что нибудь о воскре
прогулкѣ, въ которой ему позволили участвовать вм
съ подмастерьями. Тамъ вѣрно было ужасно весело! И
цовали?

— Да, здорово таки отплясывали. Знаешь Андрея Бер
вотъ это настоящій мужчина! Онъ самъ открываетъ кузн
и скоро женится.

— А другіе еще кто нибудь тоже помолвились?

— Гм!

— Ну, чего ты? не можешь развѣ отвѣтить?.

— Да это такъ только... шутка... ха-ха-ха! тамъ
были съ невѣстами, только эти невѣсты — ха-ха-ха! —
когда не будутъ ихъ женами...

— А ты тоже плясалъ?

— Нѣтъ, ученики могутъ только бѣгать за пивом
Вотъ когда я буду подмастерьемъ... Но послушай, Сил
который, однако, часъ? намъ вѣдь надо торопиться! вдру
спохватился онъ.

— Бѣда невелика, поспѣемъ; еще одинъ съ вареньем
поди, купи, слышишь? ну-у-у, Николай, пожалуйста, упр

вала она; а когда Николай пошелъ за пирожкомъ, за-ичала ему вслѣдъ: — да захвати еще груднаго сахару на ого — того, что по четыре эре кусокъ!

— Послушай, Силли, неужели ты не можешь съѣсть го дорогой? спросилъ ее Николай. — Скорѣй, скорѣй! Помай только: вдругъ *она* узнаетъ, что ты была со мной!...

— Пф! отлично можно еще подождать. — Силли прислолась къ забору и продолжала спокойно ѣсть. — Видишь, Николай, объясняла она, дожевывая пирожокъ: — отецъ берется изъ кабака не раньше, какъ черезъ часъ, и *это*-, скажу я во-первыхъ, и задержало меня; потомъ я намню матери, что сегодня суббота, и въ мелочной было олько народу, что не пробраться къ прилавку. А такъ къ я, видишь ли, уже сыта и не захочу ужинать, то и вру, что у меня разболѣлась голова отъ долгаго стоянья лавкѣ; тамъ, скажу, было такъ ужасно жарко. Ужъ ишкомъ тонкій нюхъ былъ бы у матери, еслибы она додалась, что я встрѣтила тебя... Ну, чего ты качаешь говой?!

— Намылитъ же *она* — онъ иначе не называлъ блокмаршу — тебѣ голову за ложь; никто такъ не стоитъ за равду, какъ она.

— Ахъ, отстань, пожалуйста! нетерпѣливо мотнула голоой Силли: — все это давнымъ-давно жевано и пережевано.

— Правда, она сама поѣдаетъ всякую честность; ужъ зъ одного страха къ ней перестанешь быть правдивымъ. отъ, кто вздумалъ бы говорить ей правду, не приготовивъ улаковъ, получилъ бы здоровую смазку... какъ и я полуалъ!... Ну, да, впрочемъ, дѣло не во мнѣ. Уфъ! подумать олько, что тебѣ придется изворачиваться передъ ней, а ты акая трусиха, такая безсильная!

Силли попробовала засмѣяться, но смѣхъ прозвучалъ наянуто. Она старалась замять непріятный разговоръ — согать ей всетаки необходимо, какъ бы Николай ни злился — въ свою очередь заторопилась:

— Нѣтъ, нѣтъ, Николай, пора домой! — слышишь? — я не огу больше остаться ни минуты!

Николай готовъ былъ вспылить, но сразу остылъ, замѣтивъ выраженіе испуга на лицѣ Силли. Она вывернула карманы, нагнулась, поискала у себя подъ ногами, потомъ быстро разстегнулась и стала шарить за лифомъ.

— Деньги... деньги, Николай! закричала она испуганно, продолжая въ то же время трясти юбку и выворачивать карманы. — Мелочь и серебро были завернуты въ рикса-леры... Отецъ такъ и далъ мнѣ, а я сейчасъ же положила ихъ въ карманъ... Что мнѣ теперь дѣлать, Николай? начала она было всхлипывать, но вдругъ вспомнила что-то и стала торопливо рыться въ карманѣ. Тамъ тоже не оказалось денегъ.

Они искали, искали... Не выпали ли деньги въ углу на кучѣ? вѣдь она долго стояла тамъ, ожидая Николая, и размахивала корзиной; навѣрно онѣ забились куда нибудь подъ осколки...

Уже блѣдная полоска луны поднялась надъ лѣснымъ дворомъ, а они все еще бродили по немъ и всюду шарили. Николай не пропустилъ ни одной лужи, часто по локоть запуская туда руку, чтобы ощупать, не затонули ли тамъ деньги; а Силли всхлипывала все сильнѣе и сильнѣе, и беззвучно повторяла: — »Господи Боже, что если я ихъ не найду!«

Они искали на улицѣ, медленно подвигались впередъ, возвращались, шли вторично по той же дорогѣ, потомъ еще и еще, и еще, но все напрасно — денегъ не было.

Начало темнѣть... дома ждетъ мадамъ Хольманъ... теперь она ужъ дѣйствительно ждетъ!

Всхлипыванья Силли переходятъ въ рыданія. Сначала Николай упрашивалъ ее успокоиться, утѣшая, что деньги еще могутъ найтись. Потомъ онъ вдругъ сказалъ:

— Силли, хочешь, я еще разъ угощу тебя пирожнымъ, а потомъ мы пойдемъ и бросимся въ море... тамъ мы оба будемъ лежать на днѣ, и это ужъ не будетъ ложь.

Было ли его предложеніе высказано серьезно или въ шутку, но оно не встрѣтило ни малѣйшаго сочувствія. Унылая и безутѣшная, сидѣла Силли на бревнѣ, и изъ глазъ ея катились крупныя слезы.

Рядомъ съ ней стоялъ Николай въ плоской, надвинутой на глаза шапочкѣ, изъ-подъ которой выбивались склочившіеся за шесть рабочихъ дней волоса. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ отверстіе, прогнившее въ старомъ бревнѣ. Отверстіе становилось въ его глазахъ все больше и больше, взглядъ его проникалъ все глубже и глубже, между тѣмъ какъ работающая мысль искала тамъ совѣта... Но совѣта не было.

Хорошо зная, что̀ ее ожидаетъ, Силли, тѣмъ не менѣе, встала, взяла корзину и пошла домой, все время упорно глядя прямо передъ собою. Это было ея шествіе на эшафотъ.

Николай шелъ за ней и повторялъ на всѣ лады: — не бойся, Силли, не можетъ же она снять съ тебя голову!

Только легкое всхлипываніе показывало, что она слышала его слова.

Когда она завернула за уголъ, Николай побѣжалъ ближайшею тропинкой, о которой знали только онъ, да старый котъ, и черезъ щели забора наблюдалъ, какъ Силли медленно, съ низко опущенной головой, ни разу даже не пріостановившись, вошла въ подвалъ.

Мадамъ Хольманъ учинила строгое слѣдствіе и выжала наконецъ изъ Силли сознаніе, что она встрѣтилась съ Николаемъ. Силли, дочь мадамъ Хольманъ, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, могла видѣться съ этимъ пропавшимъ, сбившимся съ пути мальчишкой, отплатившимъ ей, Хольманшѣ, черною неблагодарностью — нѣтъ, это было такъ ужасно, что могло довести ее до могилы. Силли можетъ не трудиться убѣждать ее, что весь недѣльный заработокъ Хольмана исчезъ такъ себѣ, здорово живешь, какъ паръ изъ котла. Голодный ученикъ идетъ обокъ съ деньгами — кажется, всякій можетъ легко себѣ представить, что̀ должно было изъ этого выйти. Николай очень ловко и предусмотрительно выбралъ минуту, когда Силли шла около него съ отцовскими деньгами въ карманѣ, чтобы присвоить ихъ себѣ.

Не помогло дѣлу и то, что Силли, со свойственнымъ ей »несноснымъ упрямствомъ«, твердила, что Николай даже и въ глаза не видалъ этихъ денегъ. Напротивъ, послѣдній аргументъ рѣшилъ судьбу Николая — подобный поступокъ въ домѣ блокмакерши не можетъ быть терпимъ!

Страшный переполохъ произошелъ въ кузницѣ на слѣдующій день, когда туда пришелъ полицейскій и положилъ руку на плечо Николая: онъ долженъ явиться въ полицію, потому что въ субботу вечеромъ выманилъ у молодой дѣвушки недѣльный заработокъ ея отца.

Но Андрей Бергъ, ударяя огромнымъ молотомъ по наковальнѣ, клялся и божился по ихъ уходѣ, что Николай этого не дѣлалъ. Другіе, Янъ Петеръ, и Катеринусъ, и Бернтъ Іоханъ Якобсонъ, и Петеръ Эвенсонъ — ни въ чемъ не кля-

лись; они думали только, что онъ первый ввелъ полицію в такую почтенную мастерскую... Онъ сдѣлаетъ лучше, если поищетъ себѣ мѣста у другаго хозяина.

Въ первую минуту Николай почувствовалъ невыразимый ужасъ, какъ и всякій, кому приходится впервые имѣть дѣло съ полиціей. Его чистая совѣсть служила ему, правда, нѣкоторымъ утѣшеніемъ — но ненадолго; это былъ короткій лучъ свѣта, который сейчасъ же потухъ: слишкомъ часто его чистая совѣсть оказывалась тонкой льдинкой, на которой онъ мечталъ устоять въ часъ испытанія. Родъ нѣкоторой самоувѣренности, являющейся вслѣдствіе сознанія своей правоты — это нѣжное растеньице такъ часто топталось Хольманшей, что уже не могло распуститься въ пышный цвѣтокъ.

Результатомъ думъ Николая было рѣзкое движеніе, которымъ онъ хотѣлъ освободиться отъ непріятнаго сосѣдства, но которое привело только къ тому, что въ ту же минуту руки его очутились въ рукахъ двухъ полицейскихъ.

Угрюмый, негодующій протестъ, выразившійся на лицѣ Николая, и слишкомъ проницательный для его лѣтъ взглядъ также не могли послужить ему въ пользу.

Силли?... ни съ какой Силли не былъ онъ въ субботу... Ни на одну секунду не являлась ему мысль выдать дѣвушку — и только услышавъ разсказъ о свиданіи съ нимъ изъ устъ самой дѣвушки и ея матери, пересталъ онъ запираться.

Показаніе Силли, со слезами въ голосѣ настаивавшей, что Николай не бралъ денегъ, ничему не помогло. Обыскъ и слѣдствіе, произведенные у него на квартирѣ (онъ жилъ съ тремя другими учениками, на квартирѣ стекольщика Ольсена) — выяснили, что въ ту субботу онъ вернулся домой поздно, когда товарищи уже спали, а рано утромъ въ воскресенье опять ушелъ куда-то.

Объясненіе подсудимаго, что въ воскресенье онъ ходилъ на дровяной дворъ разыскивать пропажу, казалось маловѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе, заставить его »чистосердечно« сознаться въ кражѣ оказалось невозможнымъ.

Испорченный до мозга костей мальчишка!... Недаромъ это же говоритъ и его пріемная мать....

Николай стоялъ, держа въ рукахъ шапку, и упорно смотрѣлъ въ полъ; въ его большихъ сѣрыхъ глазахъ мелъ

калъ иногда своеобразный огонекъ, а жесткіе мѣдно-красные волосы торчали упрямымъ хохломъ. Острый, безошибочный вслѣдствіе долголѣтней практики взглядъ судьи сразу замѣтилъ, что этотъ субъектъ, съ теченіемъ времени, часто будетъ навѣщать полицію.

Чтобы не дать подсудимому возможности сговориться со свидѣтелями, судья приписалъ въ протоколѣ: »въ разсмотрѣніи того, что подсудимый выказалъ совершенную mala fides, необходимо помѣстить его, до окончательнаго рѣшенія дѣла, въ домъ предварительнаго заключенія«.

Во время чтенія этого приказа объ арестѣ, въ лицѣ Николая замѣтно было судорожное подергиваніе мускуловъ; на бѣднякѣ всегда тяготѣетъ проклятіе, освободиться отъ котораго нѣтъ возможности; ошибочное подозрѣніе — и онъ арестованъ; потерянный риксдалеръ — и онъ осужденъ!

Послѣ слѣдующаго допроса Николай былъ освобожденъ по недостаточности уликъ.

Выпущенный утромъ изъ-подъ ареста, онъ боязливо пробирался вдоль улицъ съ такимъ чувствомъ, точно всѣ окна по обѣ стороны укоризненно слѣдили за нимъ; его походка уже не была безпечной походкой человѣка, который можетъ доказать свою честность.

Въ квартирѣ мадамъ Ольсенъ онъ нашелъ свои вещи выброшенными въ чуланъ подъ лѣстницей, такъ какъ его мѣсто на чердакѣ было занято другимъ. Онъ не спрашивалъ — почему. Краснорѣчивое молчаніе мадамъ терзало его болѣе, чѣмъ еслибы она стала громко кричать о людяхъ, которые »подвергаютъ ее полицейскому обыску и другимъ непріятностямъ«. А ему еще надо идти въ кузницу и показаться хозяину и Андрею Бергу, и подмастерьямъ, и ученикамъ!

Онъ пошелъ неувѣренными шагами и часто останавливаясь... Неужели и Андрей Бергъ могъ подумать?...

Въ припадкѣ малодушія, онъ готовъ былъ повернуть назадъ... Однако вѣдь когда нибудь да придется же идти!.. Онъ поднялъ голову и тихо засвисталъ. Но когда показался вышачканный углемъ заборъ кузницы — свистъ смолкъ, и крупныя капли холоднаго пота покрыли лицо Николая, когда онъ входилъ въ мастерскую.

Не заговаривая ни съ кѣмъ, сталъ онъ пробираться къ

кучкѣ угля, отбрасывая попадавшіеся на пути желѣзн прутья. Въ продолженіе всего этого времени не нашлось ни кого, кто поклонился бы ему или сказалъ съ нимъ хоть сл

У Андрея Берга въ горнѣ калилось желѣзо, и тол окончивъ, съ помощью подмастерья, ковку, подошелъ къ Николаю и сказалъ:

— Я зналъ, что ты придешь! Ты можешь работать в здѣсь; отшлифуй эти ключи.

Съ этими словами Николай былъ водворенъ у тис и горячо принялся за дѣло, работая попеременно то т кимъ, то толстымъ напильникомъ.

Обращеніе Андрея Берга такъ ободрило Николая, точ онъ сразу поднялся въ глазахъ всей кузницы, и онъ кялся въ душѣ быть Андрею вѣрнымъ и преданнымъ г гомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ тлѣть хоть од искра жизни.

Тамъ, въ огромной слесарнѣ, стучало и гремѣло, шипѣ блестѣло, свѣтилось; въ ушахъ шумѣло отъ ударовъ мол звенѣло отъ визжанья пилъ и напильниковъ. Работа бы въ полномъ разгарѣ, и Николай почувствовалъ, что до эт минуты онъ не понималъ, какое наслажденіе — быть слес ремъ! Онъ такъ тщательно отдѣлывалъ порученный е ключъ, точно это былъ изящный ключикъ къ какому-н будь бюро, а не простой садовый ключъ, даже безъ тр бочки въ бородкѣ. Онъ такъ крѣпко нажималъ терпугъ, ч за визжаньемъ и скрыпомъ его долго не могъ ничего р слышать.

У наковальни напротивъ стоялъ подмастерье и при товлялъ проволочные гвозди, между тѣмъ какъ одинъ и учениковъ раздувалъ угли и время отъ времени сгреб ихъ въ кучу. Оба болтали и смѣялись, и нѣкоторыя отр вочныя восклицанія долетали иногда до ушей Николая. Н только въ ту минуту, когда мальчишка состроилъ ему масу — только тогда явилось у Николая предчувствіе, предметомъ разговора служилъ онъ самъ. Оглушительны визгъ терпуга внезапно смолкъ, и у Николая явились г и уши для всего, что совершалось вокругъ.

Они болтали и подмигивали, кивая на него; а Янъ Т теръ докладывалъ имъ, что сказалъ одинъ, и что сказ другой. Ясно было, о чемъ идетъ рѣчь... и что Нико стоитъ у своихъ тисковъ, какъ животное на выстав

нѣтъ, даже еще хуже — какъ субъектъ, который способенъ залѣзть въ карманъ каждаго изъ товарищей и обшарить его.

Ни одинъ изъ учениковъ не согласится раздѣлить съ нимъ ночлегъ; онъ отлично это видѣлъ!

Онъ стоялъ и прислушивался съ такимъ чувствомъ, точно его до смерти сдавливаютъ на всѣхъ тискахъ, ударяютъ по немъ всѣми молотами, распиливаютъ его всѣми пилами, сжимаютъ всѣми клещами. Онъ понималъ, вѣрнѣе— угадывалъ значеніе каждаго жеста, каждаго взгляда.

— Видишь ли, Матіасъ, слышалось изъ-за кучки гвоздей, которые подмастерье собиралъ теперь въ передникъ: — есть ремесло гораздо легче, чѣмъ стоять у горна: выучись только дѣлать крючки изъ своихъ пальцевъ, паренекъ!

— Хи, хи, хи! смѣялся слушатель.

— ... или обзаведись щипцами и залѣзай ими въ карманы всѣхъ дѣвокъ, у которыхъ есть хоть шиллингъ, паренекъ...

Николай слышалъ каждое слово, каждую ноту злораднаго смѣха; онъ былъ страшно блѣденъ.

Въ глупомъ лицѣ подмастерья просвѣчивало злобное торжество; а когда глаза его встрѣчались съ глазами Николая, онъ кривилъ ротъ въ презрительную гримасу.

Вскорѣ ему случилось проходить мимо Николая, съ передникомъ, полнымъ гвоздей. Ихъ взгляды опять встрѣтились, и мальчишка постарался удвоить презрѣніе, выражавшееся на его лицѣ.

Николай не выдержалъ; сильный ударъ кулака, прямо въ лицо, сшибъ подмастерье съ ногъ, такъ что всѣ гвозди дождемъ разлетѣлись въ разныя стороны.

Съ минуту кузница точно окаменѣла отъ удивленія; потомъ всѣ сразу бросились къ Николаю.

Но Николай успѣлъ схватить огромный терпугъ и быстро размахивалъ имъ. Онъ съ какой-то бѣшеной радостью представлялъ себѣ, какъ будетъ убивать товарищей — онъ убьетъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія!... Погодите! онъ еще только началъ... ага, да вотъ и молотъ лежитъ, совсѣмъ близко отъ него, на томъ чурбанѣ!...

Но въ кузницѣ не стали ждать, и секунду спустя Николай лежалъ уже на полу; на него навалилось столько народу, что въ глазахъ у него заходили зеленые и красные

круги, а на немъ образовалась высокая живая куча: он былъ пойманъ и арестованъ — онъ первый затѣялъ драк

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко схватил его зашиворотъ, приподнялъ на воздухъ и такимъ образом наполовину вынесъ, наполовину выволокъ за двери кузниц

Этотъ кто-то былъ Андрей Бергъ, который напрягъ в свои силы, чтобы спасти его, и который ослаблялъ ма по малу руку, державшую Николая за воротъ, и за дверь совсѣмъ его выпустилъ.

Это было изгнаніе изъ кузницы.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, произнесъ Андрей, когд снова водворилась тишина; онъ былъ красенъ въ лицѣ кричалъ, гулко ударяя молотомъ: — съ Николаемъ выш худо, но это не его вина!...

Въ это время желѣзо, лежавшее въ горнѣ, запѣло.

Николай никуда не ходилъ въ этотъ день наниматься онъ былъ слишкомъ разбитъ и избитъ для этого, да и, вмѣсто платья, на немъ остались одни лохмотья, а — главное — онъ сталъ бояться людей, послѣ того какъ его вышвырну изъ кузницы.

Когда наступила ночь, онъ опять отправился въ дав знакомую квартиру на дровяномъ дворѣ.

Тамъ лежалъ онъ въ одной изъ глубокихъ квадратных комнатъ, смотрѣлъ на блестящія звѣзды, и ему опять начинало казаться, что міръ божій всетаки очень хорошъ...

Продолженіе будетъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ“
НА 1890 г.

Изданія годъ седьмой.

Въ 1890 году „Самарская Газета“ будетъ издаваться, какъ и въ прежніе годы, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1) Дѣйствія и распоряженія правительства (по оффиціальнымъ источникамъ); 2) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, *получаемыя непосредственно изъ Петербурга*; 3) Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ и проявленіямъ жизни г. Самары и Самарской губ.; 4) Самарская хроника, въ которую войдутъ: отчеты объ общественныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ, рефераты о выдающихся дѣлахъ, разбирательствахъ въ засѣданіяхъ судебной палаты, окружного суда, мирового съѣзда и у мировыхъ судей; свѣдѣнія объ артистическихъ, благотворительныхъ и промышленноторговыхъ учрежденіяхъ, обществахъ и собраніяхъ и замѣтки о событіяхъ и происшествіяхъ; 5) Внутреннія извѣстія: сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ разныхъ городовъ, посадовъ и селъ Самарской и другихъ губерній, извѣстія изъ другихъ газетъ; 6) Иностранныя извѣстія: въ этотъ отдѣлъ войдутъ: политическое обозрѣніе, составляемое еженедѣльно, о движеніи политическо-общественной жизни западно-европейскихъ государствъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ политическихъ газетъ; 7) Беллетристика; романы, повѣсти, разсказы, очерки въ стихахъ и прозѣ; 8) Сельское хозяйство: обозрѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности; 9) Критика и библіографія; 10) Смѣсь: юмористическіе разсказы, стихотворенія, сцены, анекдоты и т. п.; 11) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о положеніи Самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ рынковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; 12) Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія календарныя; указаніе дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ, съѣздѣ мировыхъ судей и въ камерахъ мировыхъ судей г. Самары; 13) Почтовый ящикъ редакціи: отвѣты на письма и заявленія; 14) Казенныя и частныя обявленія и реклама.

„Самарская Газета“, имѣя основной своей задачей—служить интересамъ Самарскаго края, слѣдя за его общественно-экономическою жизнью, даетъ также своимъ читателямъ статьи по общегосударственнымъ вопросамъ и знакомитъ съ выдающимися событіями въ Россіи и за границей.

„Самарская Газета“ обращаетъ особенное вниманіе на состояніе хлѣбныхъ рынковъ. Независимо отъ сообщеній о торговыхъ оборотахъ мѣстнаго Самарскаго рынка, редакція печатаетъ свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ торговыхъ рынкахъ и *два раза въ недѣлю* помѣщаетъ торговыя телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ о состояніи СПБ. фондовой и хлѣбной биржи.

„Самарская Газета“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ: въ *Петербургѣ*, *Москвѣ*, *Симбирскѣ*, *Царицынѣ*, *Оренбургѣ*, *Уфѣ*, а также *во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Самарской губерніи* и многихъ селахъ.

Въ настоящее время отпечатанъ и вскорѣ поступитъ въ продажу „Самарскій Спутникъ“,—изданіе, содержащее въ себѣ всѣ необходимыя справочныя свѣдѣнія по г. Самарѣ и ея губерніи, календарныя свѣдѣнія, а также статьи по разнымъ мѣстнымъ общественнымъ вопросамъ, украшенныя политипажами.

Цѣна на это изданіе 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к. Для подписчиковъ „Самарской Газеты“ будетъ сдѣлана уступка въ размѣрѣ 20%.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Съ доставкою въ г. Самарѣ:		Съ пересылкою въ др. города:	
На годъ	6 р.	На годъ	7 р.
На 1/2 года	4 „	На 1/2 года	3 „
На 1 мѣсяцъ	1 „ 50 к.	На 1 мѣсяцъ	2 „

Подписка принимается: въ *Самарѣ*—въ главной конторѣ редакціи, Дрянская ул., д. Соколова, и въ редакціи, Воскресенская ул., соб. д.; въ *Оренбургѣ*—въ магаз. А. В. Михайлова; въ *Бузулукѣ*—въ библіотекѣ Н. П. Матвѣева; въ *Сызрани*—въ магазинѣ Калачева.

Редакторъ-Издатель И. П. НОВИКОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XV годъ изданія, 1890)

въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговли и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Безплатное приложеніе къ „ОРЕНБУРГСКОМУ ЛИСТКУ“

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

Газета „ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“ выходитъ по воскресеньямъ, а „Листокъ Объявленій“ въ будни. Въ дни, когда „Листокъ Объявленій“ не выходитъ, получаемыя редакціей телеграммы Сѣвернаго Агентства выпускаются отдѣльными бюллетенями.

Подписная цѣна годовому изданію ПЯТЬ РУБЛЕЙ съ доставкою, съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ *Оренбургъ*, въ редакцію газеты „ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“, Перовская ул., домъ № 33, близъ театра (при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго).

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1890 ГОДУ

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЛѢ И ПЕРЕС. ВЪ ДРУГ. ГОРОДА

НА ГОДЪ СЕМЬ РУБЛЕЙ,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к., одинъ мѣсяцъ 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четыре послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс., и 1/2 мѣс., на эти сроки разсрочка не принимается. Остальныя двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается для удобства подписчиковъ на всѣ сроки и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока прилачивается только иногороднимъ за первый мѣсяцъ 15 коп. почтовыхъ. При перемѣнѣ иногородныхъ адресовъ—25 коп.

Газета издается восемнадцатый годъ и выходитъ полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, съ ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей, сельскохозяйственныя статьи, обозрѣнія и замѣтки.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ по 10 коп. и 5 коп. за каждую строку—въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 10 до 20 разъ, дѣлается уступка 10%, отъ 20—30 разъ 15%, отъ 30—40 разъ 20%, отъ 40—50 разъ 30% и отъ 50—90 разъ 40%. За годовыя объявленія, не менѣе 100—150 разъ, уступка 50%.

За помѣщеніе адресовъ-объявленій три раза въ недѣлю, въ 4 строки, на 1-й стр.—10 руб. въ годъ; за полгода (75 разъ)—6 руб. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій 10 руб. съ 2000 экз.; за меньшее количество объявленій отъ 500—1000, только для городскихъ или иногородныхъ—6 руб.

За помѣщеніе указаній въ справочномъ отдѣлѣ о промышленныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ фирмахъ, фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ и пр. подъ рубрикой „Указатель адресовъ“ уплачивается: за годъ 5 руб., за 9 мѣсяцевъ 4 руб., за 6 мѣсяцевъ 3 руб. и за 2 мѣсяца 1 руб.

„Указатель“ помѣщается въ газетѣ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю.

Редакторъ-издательница *Н. А. Семенова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

Десятый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства". V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ мѣстъ, корреспонденціи „Южнаго Края". VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружного суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 „ — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднымъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край": на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ **ПЕТЕРБУРГѢ**—въ конторѣ подписки и объявленій **Н. МАТИСЕНА**, Б. Конюшенная, № 9; въ **МОСКВѢ**—въ конторахъ объявленій и подписки: **А. СЕНЪ-МАРТЕНЪ** Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; **Н. ПЕЧКОВСКОЙ**, Петровскія линіи; **Н. А. МЕЙЕРА**, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. **Л. МЕТЦЛЬ**, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ справочномъ Бюро **Н. ДОНИЧЪ и К°**, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ **ПОЛТАВѢ** въ конторѣ **И. А. ДОХМАНА**. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Laffite и С°, Place de la Bourse.

Редакторъ-издатель *А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

Армянскій иллюстрированный ежемѣсячный журналъ

„ТАРАЗЪ“.

ПРОГРАММА

I. Изящныя искусства и наука.
II. Стихотворенія.
III. Романы, разсказы, сцены, путешествія.
IV. Критика, рецензія.
V. Театръ и музыка.
VI. Домашнее хозяйство.
VII Дамскія моды и рукодѣлія.
VIII. Хроника.
IX. Фельетоны.
X. Игры, забавы, ребусы, шарады, эпизоды, шутки, карикатуры и проч.
XI. Смѣсь.
XII. Отвѣты и объявленія.

Годовая плата 3 р., отдѣльные №№ 50 к.

Адресъ: Тифлисъ, редакція иллюстрированнаго журнала „ТАРАЗЪ“, а изъ за-границы: Tiflis, (Caucase). Rédaction du journal illustré „TARAZ“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АГБЮРЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА
(VIII-й годъ)

„АГБЮРЪ“ по числу своихъ подписчиковъ считается самымъ распространеннымъ армянскимъ періодическимъ изданіемъ въ Россіи.

ПРОГРАММА.

Отдѣлъ 1-й.

I. Повѣсти, разсказы, сказки, путешествія, біографіи, поэмы, эпизоды. II. Стихотворенія. III. Наука и искусство. IV. Смѣсь. V. Мелочи. VI. Дѣтскія, педагогическія, шахматныя и другія игры, ребусы, математическія задачи, анекдоты, загадки, поговорки, пословицы. VII. Пѣсни съ нотами.

Отдѣлъ 2-й.

VIII. Статьи, касающіяся воспитанія и обученія дѣтей. IX. Проекты и совѣты. X. Библіографія. XI. Смѣсь. XII. Отвѣты и объявленія.

Годовые подписчики получаютъ три преміи: 1) при подпискѣ большую гравюру

ІИСУСЪ КРЕСТОНОСЕЦЪ.

2) въ сентябрѣ: Продажа Іосифа братьями и 3) въ декабрѣ: Стѣнной календарь за 1891 г.

Годовая плата 3 руб.

Адресъ: Тифлисъ, редакція иллюстрированнаго журнала „АГБЮРЪ“; а изъ за-границы: Tiflis (Caucase). Rédaction de la Revue „AGBUR“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

1890 годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 51-й г. изда
на

„НУВЕЛЛИСТЪ“.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Съ 1-го января 1890 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ *во вторую* [по]*вину вѣка* своего существованія и будетъ издаваться подъ той-же редак[ціей] и по той-же программѣ, какъ и въ предъидущіе года.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каж[даго] мѣсяца тетрадями отъ 28 до 35 страницъ музыки большаго нотнаго форма[та]. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ болѣе чѣ[мъ] въ 400 стр. и будетъ содержать до *ста* избранныхъ салонныхъ пьесъ, пѣ[сенъ] и романсовъ.

Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ.

2) Одинъ или два танца.

3) Русскій романсъ. — Сверхъ того въ теченіе года въ „Нувел[листѣ]“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра [какъ] въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д. 3) Возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Библіографическій отдѣлъ. 5) Фельетонъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона — въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ *огромнаго* количества музыкальныхъ пьесъ, подписчики получаютъ *безплатныя*

ПРЕМІИ

1) Альбомъ транскрипцій изъ оперъ современнаго репертуара.

2) Большой музыкальный Альманахъ, выпущенный къ юбилею А. Рубинштейна, съ его портретомъ и біографіею.

Эта вторая премія „Альманахъ“ будетъ выдана каждому подписчику при подпискѣ.

3) Два портрета: А. Гензельта и Б. Годара.

Подписная цѣна . . . . . 5 руб.
Съ доставкою и пересылкою . . . . . 6 „

Для гг. служащихъ допускается *разсрочка* черезъ ихъ казначеевъ. Разсрочные подписчики платятъ: городскіе — при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 1 р.; иногородные — при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 2 р.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Невскій проспектъ, № [..], уголъ Караванной улицы, противъ Аничкова дворца.

Редакторъ А. Бернардъ. Издатель М. Бернардъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ТЕАТРАЛЬНЫЙ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ“.

ПРОГРАММА:

Правительственныя распоряженія. Драматическія произведенія съ снимками и портретами. Либретто. Режиссерскій отдѣлъ: костюмы, статьи по гриму (съ рисунками) и проч. Критическія статьи. Историческія статьи. Хроника. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. исключительно изъ міра артистовъ. Библіографія. Смѣсь. Приложенія: а) оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты и б) музыкальныя произведенія.

Въ вышедшихъ 3 книжкахъ между прочимъ помѣщено: О цѣляхъ и задачахъ нашего журнала, ст. С. А. Юрьева и В. А. Гольцева. Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій, тр. Шиллера, перев. И. Н. Грекова, рис. костюм. гр. Ѳ. Л. Соллогуба. По дорогѣ изъ театра, ст. проф. А. Н. Веселовскаго. Старый комикъ, разсказъ И. А. Салова. Корделія, повѣсть И. Л. Щеглова. Макбетъ, ст. проф. Н. И. Стороженко. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, ст. И. И. Иванова. Деревенскій театръ, ст. С. А. Юрьева. Воспоминаніе о Ѳ. С. Потанчиковѣ, М. П. Садовскаго. „Petit prélude“ для ф.-п. Ц. А. Кюи. Вальсъ „Шутка“ для ф.-п. П. И. Чайковскаго. „Сновидѣніе“, романсъ А. С. Аренскаго, и „Пѣсенка безъ словъ“ П. И. Бларамберга. Критическія статьи: П. Д. Боборыкина, И. И. Иванова, С. Н. Кругликова, П. А. Москалева, А. А. Филонова, В. А. Чечотта и др. Курсъ театральнаго грима (съ рисунками въ краскахъ и политипажами), К. С. Шиловскаго-Лошивскаго. Сценическіе эффекты. Устройство сцены для домашнихъ спектаклей. — „Въ старые годы“. Др. въ 5-ти д. И. В. Шпажинскаго. „Цѣпи“. Др. въ 4-хъ д. кн. А. И. Сумбатова. „Мышеловка“. Шутка въ 1-мъ д. И. Л. Щеглова. „Подъ властью сердца“ Др. въ 5 ти д. И. Н. Лодыженскаго. „Разладъ“. Др. въ 4-хъ д. В. А. Крылова. „Лебединая пѣсня“ („Калхасъ“), драм. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова. „Водоворотъ“. Др. И. В. Шпажинскаго. „Золотая рыбка“, И. А. Салова и И. Н. Ге. „Maman“. Ком. С. Н. Терпигорева. „Предложеніе“. Шут. въ 1 д. А. П. Чехова Портретъ Г. Н. Ѳедотовой (фототипія Альберта въ Мюнхенѣ). „Милостыня“, картина Фріана. „Бабушка и внучка“. Сепія — К. А. Трутовскаго. „Старые соловьи“. Рисунокъ Л. О. Пастернака (три фототипогравюры Буссо, Валадонъ и К°, преемникъ Гупиль и К°, въ Парижѣ). „Отецъ и сынъ“. Карт. А. С. Степанова. (Фототипія Бернардъ въ Парижѣ). Портретъ А. Г. Рубинштейна (Фототипія). С. А. Юрьевъ. Набросокъ съ натуры К. А. Трутовскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Вл. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, И. Н. Грековъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, М. С. Карелинъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. Н. Кругликовъ, А. В. Кругловъ, В. Г. Крыловъ (Александровъ), А. Ѳ. Крюковскій, Ц. А. Кюи, И. И. Лавровъ, М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, Д. М. Леонова, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Мачтетъ. Д. С. Мережковскій, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ. П. М. Невѣжинъ, Влад. Г. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, А. Н. Плещеевъ, И. А.

Рачинскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовск
И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стороженко, Кн. А. И. Сумбатовъ (Юж
С. Н. Терпигоревъ (Атава), проф. Н. С. Тихонравовъ, Кн. А. И. Урусов
А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Е
Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, С. Ф. Ѳедотовъ, А. А. Ѳед
товъ и др. *Художники*: А. Е. Архиповъ, В. Н. Бакшеевъ, Ѳ. А. Бронн
ковъ, С. А. Виноградовъ, С. В. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Бар. Н. А. Кло
К. А. Коровинъ, Н. М. Ковалевскій, С. И. Кохъ, А. И. Левитанъ, И.
Левитанъ, А. П. Ленскій, А. Е. Маковская, М. В. Нестеровъ, Л. О. Пастер
накъ, В. В. Переплетчиковъ, В. Д. Полѣновъ, Д. П. Поляковъ, И. Е. Реп
А. К. Сильверсванъ, Гр. Ѳ. Л. Соллогубъ, А. С. Степановъ, Н. А. Тама
К. А. Трутовскій, Е. М. Хрусловъ, С. И. Ягужинскій, Г. Ѳ. Ярцевъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона (7 разъ въ годъ, съ сентября по апрѣль) книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ 9 руб., съ пересылкою и доставкою 10 руб. отдѣльные нумера по 2 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается *разсрочка*: при подпискѣ 4 руб., послѣ полученія каждой изъ первыхъ 2 книжекъ по 2 руб. и послѣ 3-й — остальныя деньги.

Можно подписываться начиная съ каждой книжки.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются *въ конторѣ редакціи* (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ), въ конторѣ Н. Е. Печковской (Москва, Петровскія линіи), въ книжной лавкѣ Большаго театра, въ театральной библіотекѣ Е. Н. Разсохиной (Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д Сушкина) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у гг. Корейт и Оглоблина; въ Харьковѣ у г. Суворина; въ Одессѣ у гг. Суворина и Рас пова; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варша у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина. Иногородные бла волятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на еженедѣльную газету

„ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ“

ИЗДАНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Выходитъ въ г. Черниговѣ съ 1 іюля 1888 г. въ объемѣ отъ 1 до печатныхъ листовъ въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1. Руководящія статьи по общимъ вопросамъ земской медицины; стат по медицинской статистикѣ и медикотопографическіе очерки. Фабрич медицина.
2. Оригинальныя и переводныя статьи по гигіенѣ и профилакти Казуистика.
3. Популярныя статьи (въ видѣ приложеній) по вопросамъ гигіены профилактики.
4. Рефераты, хроника, смѣсь.
5. Корреспонденціи. Отчеты о врачебныхъ съѣздахъ.
6. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ: 9 р. (для фе шеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ — 6 р.). На полгода — 4 р. 50 к. (д фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ — 3 р.).

Подписка принимается: г. Черниговъ, Евгенію Владиміровичу **Святловскому**.

Редакторъ-издатель д-ръ Е. Святловскій.

/C5a-32995/

Ar
50
.T85
v.5
no.3

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть первая

I

Платонъ Епифоновъ — котораго молодежь привилегированнаго заведенія, гдѣ онъ состоялъ »апельсинщикомъ«, называла просто »Платошкой-мошенникомъ« — давно уже стоялъ у входа въ вокзалъ варшавской желѣзной дороги, озабоченно разглядывалъ подъѣзжавшихъ, и, очевидно, ожидалъ кого-то... Это былъ худой и длинный рязанецъ съ козлиною бородкой и острыми, вѣчно бѣгавшими глазами. Должно быть, сюртукъ онъ надѣлъ еще недавно: ему давило подъ мышками, сукно коробомъ стояло на груди, воротникъ лѣзъ къ затылку, ершомъ подымая рѣдкіе волосы, рукава были коротки, и изъ-подъ нихъ нелѣпо торчали красныя, грубыя лапы, привыкшія возиться съ лоткомъ, но на сей разъ державшія — одна черныя перчатки, другая корзинку съ нѣсколькими апельсинами...

— Господину фонъ-барону!... послышалось около него.

Платошка живо обернулся.

— Чтò это... жениться, что ли, собрался?... Ишь какой сюртучекъ себѣ возвелъ!... Не къ рылу, кажись... Поди, пятнадцать бумажекъ заплатилъ, а?

— Ладно... Ежели кто при своемъ капиталѣ, такъ даже въ генеральскомъ мундирѣ можетъ. — И онъ поправилъ

крахмальную манишку, вылѣзавшую изъ-подъ подборо наружу.

Пріятель его былъ въ »спинжакѣ«, сапоги на выпус и вышитой рубашкѣ.

— Ай провожать кого?...

— Баринокъ одинъ... окончимшій который! Къ мамз ихней ѣдетъ въ заграницы.

— Векселькн поди у тебя?

— Есть!... взмахнулъ Платошка головой, не сообразя что на ней сидитъ, точно воронье гнѣздо, шляпа. Она сл тѣла прочь и покатилась внизъ по ступенямъ.

— У кого цилиндръ покупалъ? насмѣшливо прищ рился пріятель.

— Ну тебя...

— Мальчонко-то изъ вѣрныхъ?

— Какъ у себя въ карманѣ. Дама первый сортъ. Е деньги въ дѣлахъ у Фрейгана — слыхалъ?

Тотъ разомъ сдѣлался серьезнымъ.

— Еще бы не слыхать! первый милліонщикъ! кт немъ не слышалъ!

— Ну вотъ! Фрейганская контора за него и въ в веденіе платила, и ему выдавала на руки каждое перв число...

— Ишь ты... Везетъ тебѣ, Платонъ. Тыщонки на дв

— На четыре съ хвостикомъ. Изъ-за двухъ-то и м раться не стоитъ.

— А далъ поди ста три — фонъ-баронъ ты этак ткнулъ онъ его въ бокъ локтемъ.

— Около того...

Платошка засмѣялся, засмѣялся и его пріятель.

— Потому, когда они распалятся — съ нихъ бери ч хошь. Они счету не знаютъ. Дрожмя-дрожатъ... Ему бы лиш деньги-то зацапать — а тамъ сейчасъ хвостъ по вѣтру. въ летъ! Что-жъ намъ-то спущать... Свое счастье всяк ловитъ... Ему что сто, что тысячу — все едино. На ут

ничего не будетъ. Сами-то они вѣдь не наживали... Имъ бы только дорваться.

— Тебѣ хорошо. Поди-ка у насъ...

— У васъ что — голытьба! У васъ народъ чистый. Казенные все!

— Точно что...

Платошка, какъ и его пріятель, принадлежалъ къ довольно распространенному въ Петербургѣ типу людей, сколачивающихъ себѣ большія состоянія, не справляясь съ десятью заповѣдями, и помнящихъ только одну — одиннадцатую: »не зѣвай«. »Апельсинщикъ« при аристократическомъ учебномъ заведеніи — положеніе въ этомъ отношеніи вполнѣ завидное. Это общій кредиторъ всѣхъ воспитанниковъ. Начиная съ мелкихъ долговъ, они втягиваются къ нему и въ большіе. За десятку считается сто, за сто подписываются обязательства на тысячу. Сроковъ не существуетъ. Въ опредѣленное время »апельсинщикъ« грозитъ «папенькой« или »дяденькой«, — кто у кого есть, — и сумма обязательства удваивается, утраивается, смотря по степени малодушія должника и жадности »апельсинщика«. При выходѣ изъ заведенія, будущему сановнику отпущенныхъ ему родными суммъ обыкновенно не хватаетъ — тутъ подвертывается все тотъ же Платошка, и старыя обязательства на клочкахъ бумаги, якобы написанныя »для памяти«, замѣняются уже формальными векселями, впослѣдствіи имѣющими хожденіе по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ — по службѣ, на которой состоитъ молодой человѣкъ. Если и половина такихъ обязательствъ останется неуплаченною — Платошка все же въ громадномъ выигрышѣ. Пооперившись, онъ обыкновенно изъ пиджака облачается въ сюртукъ, изъ дешевыхъ газетокъ обучается »настоящимъ« словамъ и »образованному« разговору, и если не сопьется, то становится крупнымъ дисконтеромъ, хозяиномъ мѣняльной лавки и наконецъ »пріютскимъ« генераломъ. Платошка находился еще на половинѣ пути къ этому завѣтному рубежу.

— Сколько у тебя дутаго-то капиталу?

— Не считалъ, небрежно отвѣтилъ онъ. — Авось, Богъ дастъ, и недутымъ выйдетъ. У меня народъ вѣрный. Разъ только промахнулся.

— А что?

— Тыщей семь пропало.

— Н-ну!...

— Генеральскому сынку одному далъ... Ста четыре — не больше... Ну, только онъ вышелъ — я къ нему. Смѣется. — »Хочешь, говоритъ, тыщу, и то тебѣ большой барышъ«. — »Какъ тыщу, говорю, когда моихъ семь за вами по бумагамъ значится«. — »Ну, говоритъ, если не хочешь у насъ съ тобой другой разговоръ будетъ«. На утро бѣжитъ за мной околодочный. — »Собирайся, говоритъ, Платонъ«. — »Куда?« — »Къ самому велѣно представить, чтобы къ часу въ наличности былъ«. Что такое? думаю — какія такія дѣла? Ну, пошелъ. Первымъ дѣломъ тотъ: — »ты Платонъ Епифоновъ будешь?« — »Я, вашество«... Хлоп онъ мнѣ въ морду... »За что?« спрашиваю. — Хлоп въ другую... »Ты, говоритъ, у меня мошенничать, молодежь грабить?... Я тебѣ покажу твои полныя права«... Потомъ оборачивается къ офицеру: — »отправьте, говоритъ, этого самаго мерзавца домой на родину, по этапу«...

— Вона!

— А ты думалъ какъ — легкое мое дѣло?... Я сейчасъ ему въ ноги... Смиловался. »Поѣзжай, говоритъ, къ такому-то и кончи съ нимъ. Чтобъ я на тебя, подлеца, никакихъ жалобъ не слышалъ — а то только тебя и видали«. Ну, я опрометью къ генеральскому сыну. — »Помилуйте, говорю, за что же? за мое всегдашнее неоставленіе?« Смѣется. — »Вчера я тебѣ предлагалъ тысячу — ты не хотѣлъ. Много довольно было съ тебя... А теперь — я тебѣ только и заплачу, что долгъ и казенные проценты!« По шести-то въ годъ... Заплакалъ даже... Ну, онъ, значитъ, посовѣстился — швырнулъ мнѣ

какъ хотѣлъ сначала, десять катенекъ и дверью хлопнулъ... Такъ вотъ, братъ, какіе и изъ нашихъ свиньи бываютъ!

— Это твои, что-ль, ѣдутъ? указалъ ему товарищъ на приближавшуюся коляску, въ которой сидѣло четверо молодыхъ людей.

— Мои и есть... Льва Станиславича провожаютъ. — И снявъ шляпу, онъ еще издали началъ отвѣшивать поклоны.

— А, Платошка, и ты здѣсь! засмѣялся молодой человѣкъ, — худой и блѣдный, съ красивыми, но уже утомленными глазами и нѣжно очерченнымъ ртомъ, надъ которымъ только еще проступали бѣлесоватые волосики.

— Помилуйте, Левъ Станиславичъ... Обязательно! Проводить васъ... Вотъ апельсиновъ на дорожку... Кушайте въ свое удовольствіе... Дай вамъ Богъ благополучно... во благовременіи...

— Ты, Смецкій, сколько ему долженъ? улыбался одинъ изъ провожатыхъ.

— Право, не знаю... четыре съ чѣмъ-то... Мелочь какую-то.

Онъ картавилъ, растягивалъ слова и, очевидно, въ совершенствѣ уже усвоилъ себѣ устало-небрежный тонъ, почему-то считающійся имъ и ему подобными чрезвычайно изящнымъ.

— Молодецъ Платошка! хлопнулъ того по плечу одинъ изъ провожавшихъ. — Кстати пріѣхалъ! Мы сейчасъ выпьемъ шампанскаго, а ты заплатишь. Тамъ припишешь потомъ.

— Зачѣмъ же-съ, помилуйте! обидѣлся тотъ. — Я и такъ могу.

— Полно, господа, довольно! У меня голова кружится...

— Ну, до Ниццы пройдетъ. Вѣдь у тебя maman въ Ниццѣ?

— Да, тамъ.

— Ну вотъ... Четверо сутокъ тебѣ остается трезвенной жизни...

— Такъ вы ужъ, Левъ Станиславичъ, пожалуйста, не

забудьте, вкрадчиво заговорилъ Платошка. — Какъ, значитъ, мамашу увидите — сейчасъ въ ручку и про должокъ. Онѣ на радостяхъ и разговаривать про такую мелочь не станутъ. Велятъ конторѣ заплатить... Вотъ тутъ я записалъ для памяти — на бумажкѣ... Ужъ вы возьмите... На первыхъ-то порахъ онѣ мягкія, мамаши-то!

— Ахъ ты мошенникъ-мошенникъ, Платошка!

— Помилуйте, молодые господа! Каждой твари ѣсть-пить требуется. У меня тоже немало въ долгахъ-то пропало...

— Ты-то чего такой мрачный сегодня? обернулся Левъ Станиславовичъ къ одному изъ провожавшихъ его.

— Завидно! откровенно признался тотъ.

— Чему это?

— Тебѣ завидно... богачъ, ѣдешь за границу... о тысячахъ говоришь, какъ о какихъ-то пустякахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, — ты о деньгахъ серьезно никогда не думалъ. А я вотъ вмѣсто Ниццы — въ Вологду. У моего отца, кромѣ казеннаго жалованья, есть только одно: пять человѣкъ дѣтей. Ну, значитъ, и мнѣ сейчасъ же — въ лямку на службу...

— Пожалуйста, Вася, расчувствовался Левъ Станиславовичъ: — если тебѣ когда нибудь будетъ нужна заручка или что нибудь — прямо ко мнѣ... Слышишь?... Смотри на мой карманъ, какъ на свой...

— Ну, довольно великодушничать!... рѣзко оборвалъ тотъ. — Пока еще мы товарищи, а черезъ годъ встрѣтимся — и не узнаемъ другъ друга. Я, братъ, это отлично понимаю... Разница положеній!... Бери-ка билетъ скорѣй...

— Платошка, возьми мнѣ билетъ прямаго сообщенія до Вѣны.

Платошка кинулся къ кассѣ, купилъ билетъ, сдалъ багажъ Смецкаго и, весь въ поту, подбѣжалъ къ тому какъ разъ къ первому звонку.

— Вотъ, пожалуйте... Билетъ и квитанція...

— Спасибо!

— Девяносто семь рублей за все-съ.

— Спасибо, спасибо...

— Деньги... Я вѣдь свои... торопился апельсинщикъ.

— Зачти къ тѣмъ, Платошка!

Кругомъ засмѣялись.

— Помилуйте, Левъ Станиславичъ! обидѣлся тотъ. — Какъ же это возможно... Девяносто семь — вѣдь это въ оборотѣ-съ сколько будетъ...

— Я тебѣ говорю — причти къ тѣмъ. Кажется, ясно.

— Что ужъ съ вами дѣлать!... Тамъ всего четыре семьсотъ восемь. Такъ ужъ будемъ считать пять... Для кругла, значитъ.

— У него, у Платошки, своя ариѳметика!

— Потому и вамъ покойно, и мнѣ необидно. И помнить легче!

— Ну, хорошо... Пустяки какіе-то... О двухстахъ рубляхъ и разговаривать нечего... Припиши тамъ — вотъ и все.

— Расписочку бы...

— Что же я, на твоемъ цилиндрѣ писать стану, что ли?...

— Нѣтъ, карандашикомъ бы...

— Бумаги нѣтъ... смѣялись кругомъ. — Развѣ на твоемъ рукавѣ.

Платошка живо схватился за это и вытянулъ рукавчикъ. Левъ Станиславовичъ, улыбаясь, написалъ карандашемъ на немъ: — »взято еще у Платошки-мошенника двѣсти девяносто два рубля« и подписался...

— Довольно съ тебя!

— Кажись, довольно!... Вотъ никогда не думалъ, чтобы моя рубашка трехъ катенекъ стоила!... Счастливо оставаться, Левъ Станиславичъ... Благополучной дорожки... Мамашу-то вы... на первыхъ порахъ... съ радости-то... За наше неоставленье, значитъ!... Онѣ черезъ контору Фрейгана живо могутъ. Только, значитъ, мнѣ переводъ сдѣлать на пять сразу, для кругла... Вотъ и все...

— Хорошо, хорошо... Прощай!

Понявъ, что роль его кончена, Платошка еще разъ взмахнулъ картузомъ и отошелъ прочь.

II

Левъ Станиславовичъ Староградъ-Смецкій не безъ удовольствія вытягивался на мягкомъ диванѣ купе перваго класса, засыпая подъ монотонный шумъ поѣзда и только урывками, дремотно, то уносясь въ радужное будущее, такъ ласково встрѣчавшее его молодость, то вспоминая еще недавнія были своего прошлаго. »Въ самомъ дѣлѣ, отлично быть обезпеченнымъ, богатымъ«, мелькало у него въ головѣ: — »другіе еще бейся, устраивайся, заботься, работай, а тутъ все готово. Вонъ бѣдный Вася Уструговъ: неугодно ли — въ Вологду, въ палату къ отцу... И служатъ-то подъ все чудища тамъ.. Небритое, зеленое, паршавое... Начинай чуть ли не съ переписки, пока ему дадутъ что нибудь... Ей Богу, отлично распорядилась мама, что приберегла для меня... Будетъ ли у насъ милліонъ?... Не думаю... Иначе она бы отцу больше давала. Но все таки тысячъ тридцать-сорокъ въ годъ у нея есть... И, вѣрно, этотъ мошенникъ Фрейгенъ обманываетъ ее. Женщина, что она понимаетъ. Надо это все поправить и устроить какъ слѣдуетъ — деньги въ хорошихъ рукахъ процентовъ десять должны приносить. А Фрейгенъ — жидъ вѣдь, больше шести ей не дастъ. Я это все тамъ разузнаю и посовѣтую ей. Еще разорится онъ, и пропадетъ состояніе. Надо это все«... И онъ опять засыпалъ на нѣсколько минутъ.

Весенняя зелень по сторонамъ дороги уже подернула своими мягкими тонами печальные пустыри, на которыхъ только кое-гдѣ дымились жалкіе поселки, да какіе-то ослизлыя, чахлыя и сквозныя стояли недорубленныя рощи. Рѣки струились тихо и спокойно. Все блѣдное и грустное разстилалось надъ болѣзненною понизью сѣверное небо.

Всползали на него тучки, холодными слезами проливались на тоскующія деревни и уходили плакать дальше, къ еще болѣе холодному и омертвѣвшему полюсу. Надъ болотинами клубились туманы, мгла окутывала скучныя дали.

Левъ Станиславовичъ просыпался, равнодушно смотрѣлъ на это и опять зажмуривался, опуская голову на подушку.

»Скорѣе бы въ Ниццу!« думалъ онъ про себя. — »Воображаю, какая у мамà вилла, какая обстановка!... Какое общество собирается у нея! Надо будетъ сойтись съ нимъ, понравиться. Это для карьеры очень важно... Тамъ можно завязать такія знакомства!.. На папà вѣдь разсчитывать нечего: онъ самъ около тетушки околачивается... Живетъ на то, что̀ ему посылаетъ мамà черезъ Фрейгена... Въ самомъ дѣлѣ, удивительное существованіе ведетъ мой старикъ!... А поди — сколько расшвырялъ денегъ въ молодости-то! Въ Петербургѣ о немъ до сихъ поръ легенды разсказываютъ. Знатокъ былъ — ни одну красивую женщину не пропустилъ... Немвродомъ его называли, »великимъ ловцомъ«...

Онъ нѣсколько остановился на своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ. Давно онъ его не видѣлъ, — но тотъ, какъ живой, стоялъ передъ нимъ: высокій красивый старикъ съ нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ, но еще достаточно свѣжимъ для него. Впрочемъ, годы Станислава Александровича Старградъ-Смецкаго были всегда загадкою для окружающихъ. У него только лѣтъ пять назадъ показалась лысина. Бороду и усы онъ красилъ и такъ ловко оставлялъ кое-гдѣ нѣсколько сѣдинокъ, что никому и невдомекъ было объ этомъ. Лицо онъ мылъ какимъ-то особеннымъ составомъ, стягивавшимъ морщины. Глаза смотрѣли молодо и беззаботно. Массажъ и холодная вода поддерживали его бодрость, а корсетъ сберегъ ему стройность, которою онъ нѣкогда славился. Онъ былъ нищимъ, но настолько сохранялъ свои старыя замашки, такое достоинство было написано на его лицѣ, что никому не приходило въ голову поставить это ему въ упрекъ. Онъ жилъ насчетъ своей жены, уже пят-

надцать лѣтъ выплачивавшей ему черезъ контору Фрейгена опредѣленную пенсію. Эмилію Карловну Староград-Смецкую, содержавшую его такимъ образомъ, онъ насмѣшливо называлъ своей »вдовствующей королевой« и только изрѣдка позволялъ себѣ жаловаться на то, что она обижаетъ его очень... — »Могла бы раскошелиться нѣсколько больше. Могла бы тысячки на двѣ въ годъ еще ампошировать мнѣ! А то швырнула мнѣ три — и думаетъ, что этимъ все сдѣлано... Я самъ два милліона проѣлъ и на женщинъ спустилъ!« съ гордостью заканчивалъ онъ. Въ тяжелыя минуты — а такія съ нимъ случались часто — онъ пробовалъ грозить женѣ тѣмъ, что не пошлетъ ей паспорта; но она не удостоивала его отвѣтомъ, а вмѣсто нея являлся къ нему объясняться управлявшій московскою конторою Фрейгена — необыкновенно приличный и солидный нѣмецъ изъ обрусѣвшихъ.

— Это ваше письмо?...

— Да.

— Вы изволите грозить своей почтенной и уважаемой супругѣ невысылкою паспорта.

— Помилуйте, не могу же я, Староградъ-Смецкій, жить на какія-то три тысячи! я два милліона самъ проѣлъ... Надо понимать это!...

— Очень жаль, что вы ихъ проѣли... Теперь они бы вамъ пригодились, не стѣснялся управляющій. — Милліонъ — великое дѣло... Я собственно къ вамъ отъ моего патрона Фрейгена.

— Такъ-съ... Я всегда уважалъ его. Это истинный финансовый геній! — И онъ дѣлалъ необычайно серьезное лицо.

Управляющій улыбался еще насмѣшливѣе.

— Ну, такъ вотъ видите ли, Станиславъ Александровичъ, этотъ финансовый геній приказалъ вамъ рѣшительно передать, что никакой вамъ прибавки не будетъ!

— Помилуйте, но мнѣ такъ невозможно. Это чортъ знаетъ что!

— Постарайтесь не выходить изъ бюджета.

— Ко мнѣ пристаетъ Дюшаръ. Я ему Богъ знаетъ сколько времени не платилъ по счетамъ.

— Заказывайте платье не у Дюшара, а у Корпуса... Хотите, я вамъ порекомендую своего портнаго? Онъ дешевый.

Станиславъ Александровичъ, выпятивъ презрительно нижнюю губу, осматривалъ костюмъ управляющаго.

— У васъ подъ мышками морщитъ, и полы расходятся.

— Что-жъ! наше дѣло съ вами стариковское...

— Ну, послушайте, потолкуемте по дружески, хлопалъ онъ искательно по колѣнѣ невозмутимаго нѣмца. — Вы напишите ему, объясните, что такъ невозможно. Я вѣдь могу сдѣлать скандалъ... Ну, потребую жену черезъ посольство назадъ. У меня есть связи, друзья... Мнѣ стоитъ только намекнуть.

Управляющій улыбался.

— Я могу написать князю — онъ для меня... Вѣдь вы слышали о князѣ?

— Напрасно-съ, Станиславъ Александровичъ. Вамъ велѣно передать кратко и вразумительно: прибавки не будетъ!.. Даже почеркнуто въ письмѣ...

Старокрадъ-Смецкій начиналъ волноваться и краснѣть.

— Напишите этому жиду...

— Уважаемому вами финансовому генію?..

— Да-съ... Передайте отъ меня Іудѣ, что я отъ него совсѣмъ не желаю получать на водку. Я съ нимъ не имѣю никакихъ дѣлъ. Мы, Старокрадъ-Смецкіе, въ родствѣ съ польскими королями были — а въ своихъ вотчинахъ такихъ жидовъ, какъ онъ, собаками травили и вѣшали... Плевать я хотѣлъ на вашего патрона!

— Но, Станиславъ Александровичъ, вамъ вѣдь извѣстно...

И, не доканчивая, управляющій выразительно [illegible] на старика. Тотъ мгновенно стихалъ и, потирая [illegible]

колѣни, точно они у него болѣли, уже извиняющимся тономъ продолжалъ:

— Помилуйте... Это надо понимать... Я два милліона пріѣлъ — и теперь долженъ въ лишней парѣ брюкъ себѣ отказывать. Я многаго не прошу у жены. Ну, накинь она мнѣ тысячу — я буду доволенъ. Вѣдь я же не безпокоилъ ея... хоть у меня есть права... я бы могъ... Ну, представьте себѣ — пожелалъ бы я жить съ ней вмѣстѣ, взялъ бы заграничный паспортъ...

— Простите, Станиславъ Александровичъ, вамъ вѣдь не дадутъ заграничнаго паспорта...

— Почему?.. я не лишенъ правъ...

— Разумѣется, если вы оправдаете векселя, которые лежатъ у насъ въ конторѣ... Заплатите пятьдесятъ тысячъ съ процентами — и вамъ завтра же выдадутъ его. Тогда поѣзжайте погостить къ почтеннѣйшей и уважаемой Эмиліи Карловнѣ. Она будетъ рада васъ видѣть.

Станиславъ Александровичъ горестно стихалъ и какъ-то весь опускался. Управляющій бралъ въ руки шляпу.

— Такъ ничего? спрашивалъ еще разъ Старограбъ-Смецкій.

— Никакой прибавки.

— Ну, послушайте, Карлъ Ѳедоровичъ... Вы такой милый, такой прекрасный человѣкъ... Еще вчера князь говорилъ о васъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ... Развѣ вы — вы не можете распорядиться собственною властью?

— Увы, Станиславъ Александровичъ, собственною своею властью... я могъ бы дать вамъ сто-полтораста рублей, и только .. Но вѣдь объ этомъ вы и разговаривать не станете. Скажете — »я милостыни не прошу!«

— Разумѣется. Но вы могли бы написать ему, въ какомъ я ужасномъ положеніи. Знаете, поубѣдительнѣе... Вы это умѣете, я знаю вашъ слогъ, особенно по нѣмецки.

— Не повѣритъ. Онъ три тысячи считаетъ достаточнымъ.

— Скажите, пожалуйста, — какой невѣроятный жидъ!

— До свиданья!

— До свиданья... Постойте, постойте! ловилъ онъ его въ дверяхъ: — знаете, это такая мелочь... но въ моемъ положеніи... Вы, кажется, сказали, что собственною своею властью можете триста-четыреста.. ампошировать! пробовалъ онъ шутить.

— Нѣтъ, такъ — сто, полтораста...

— Ну, дайте хоть двѣсти!

— Не могу-съ. Если васъ не обидитъ... такъ вотъ со мною есть полтораста... это высшая мѣра. И то Яковъ Осиповичъ будетъ недоволенъ.

Станиславъ Александровичъ совалъ небрежно себѣ въ жилетный карманъ деньги, величественно, покровительственнымъ движеніемъ руки, прощался съ управляющимъ и немедленно ѣхалъ покупать ленты и заказывать букетъ танцовщицѣ, которой онъ находилъ возможность »помогать« — какъ? — это ужъ было дѣломъ его финансовой сообразительности и изворотливости. Умамъ простыхъ смертныхъ его махинаціи были рѣшительно непонятны.

Каждый вечеръ Станиславъ Александровичъ ухитрялся сидѣть въ первомъ ряду креселъ, — въ оперѣ или балетѣ. Драматическихъ представленій онъ не любилъ, находя, во-первыхъ, что онъ достаточно натерпѣлся отъ нихъ въ молодости, ибо его дамы »постоянно ему устраивали таковыя«, а во-вторыхъ, современный репертуаръ онъ называлъ хамскимъ и прибавлялъ: — »Меня отъ него съ души воротитъ. Знаете, mon cher, въ наше время мы ихъ всѣхъ на конюшнѣ драли...« Подъ »ними« онъ, конечно, подразумѣвалъ не артистовъ, а героевъ разыгрывавшихся ими пьесъ. Въ театрѣ отъ антракта до антракта онъ дремалъ, просыпаясь во время аплодисментовъ и самъ аплодируя весьма усердно. Въ антрактахъ онъ »показывался« въ ложахъ, гдѣ къ его появленію относились довольно равнодушно.

— Зачѣмъ вы къ нимъ лѣзете? спросилъ его разъ пріятель.

— Нельзя, mon ami... Это необходимо. Pour les купецъ и pour le credit... Vous comprenez...

Въ немъ принимали участіе. Старые товарищи не р
хотѣли его опредѣлить на службу — но съ этой стороны
Стародадъ-Смецкаго былъ свой point-d'honneur. Онъ ча
развивалъ его кредиторамъ, держась рукой за пуговицу
сюртука.

— Я, любезный, еще въ 1862 году, какъ освобод
крестьянъ и ограбили меня — снялъ мундиръ и заяви
что служить не желаю. И не служилъ. Теперь бы я м
быть генералъ-губернаторомъ, а вы бы, почтеннѣйшій,
меня въ передней стояли. А не захотѣлъ — и конче
Вотъ и все. Надо помнить честь... Мнѣ вензеля слѣдовали —
а я черный сюртукъ надѣлъ, котораго вы мнѣ шить
хотите, ссылаясь на какіе-то старые счеты! укоризне
заканчивалъ онъ.

И убѣжденные портные, скрѣпя сердце, доставляли е
сюртуки.

Разъ, впрочемъ, нѣкто Крутофоровъ — чудакъ и
гачъ — пріютилъ его у себя, но вскорѣ долженъ былъ р
статься съ нимъ.

— Ты, mon cher, вчера просилъ меня завезти день
въ этотъ, какъ его... банкъ, что ли...

— Ну, да. Ты привезъ квитанцію?

— Какія глупости! Qu'est ce que c'est: »квитанція« —
между своими. Я встрѣтилъ, знаешь, эту — Нюточку — и
поѣхалъ съ ней къ Фульда, отобралъ ей такой приборъ
великолѣпные брилліанты! Она была такъ довольна... Есл
бы ты видѣлъ, какъ у нея глазенки горѣли... Потомъ
собралъ кое-кого изъ нашихъ и далъ имъ обѣдъ въ Эрм
тажѣ... И гдѣ онъ, подлецъ, такихъ форелей досталъ?! Пре
ставь себѣ — вотъ какія!.. и онъ во всю развелъ руками. —
Трюфели въ салфеткѣ подалъ — таютъ. Ужъ на что я зн
токъ, — два милліона проѣлъ самъ, — а не выдержалъ
позвалъ Оливье и публично поцѣловалъ его. Знаешь, нуж
и ихъ ободрять, чтобы служили. Ну, надо сказать, что ко
чилъ онъ по хамски: послѣ всего этого вдругъ — что бы т

думалъ?.. ну, представь себѣ... ну, самое скверное, что только можно... сабайонъ!.. Чортъ знаетъ что... Такъ меня онъ этимъ обидѣлъ...

— Постой, постой, да вѣдь я тебѣ пятнадцать тысячъ далъ!

— Ну, да... и вдругъ сабайонъ!.. Точно въ рублевомъ обѣдѣ! Я говорю ему: — »вы, mon cher...«

— Да погоди ты... Деньги-то ты всѣ и спустилъ?

— Нѣтъ, что-то такое по жилетнымъ карманамъ осталось, пустяки какіе-то... А то какже?... Ты думалъ, большая это сумма — пятнадцать тысячъ?.. Я, братъ, два милліона — и то...

Крутофоровъ похлопалъ на него глазами — и они разстались.

Левъ Станиславовичъ, хотя и не былъ знакомъ со всѣми подвигами и особенностями своего папа, но вообще имѣлъ о немъ довольно точное понятіе. Старикъ не разъ писалъ къ нему, спрашивая: — »не остается ли у тебя такъ, quelque chose отъ твоего мѣсячнаго содержанія?..« — »Не можешь ли ты написать твоей матери, а моей супругѣ Эмиліи, чтобы она не бросала меня на произволъ судьбы и безъ надлежащаго пропитанія?« Каждое письмо онъ непремѣнно заканчивалъ: — »въ какихъ ты, mon ami, отношеніяхъ съ портными и сапожниками? Я тебѣ рекомендую быть съ ними построже. Это такой народъ... avec ces хамъ лучше всего — непреклонность!«

Откровенничая со своими товарищами, Левъ Станиславовичъ или умалчивалъ объ отцѣ, или называлъ его »мой старый чудакъ...« И тогда онъ шелъ далѣе:

— У меня, знаете, состояніе материнское. Отецъ промѣлъ и растратилъ на женщинъ два милліона и теперь живетъ скромною пенсіей...

Онъ этими двумя милліонами гордился едва ли менѣе своего отца...

— Однако, два милліона! удивлялись товарищи.

— Что вы хотите! такое было время... Положеніе обязывало... Онъ самому *** отвѣтилъ разъ...

И Старградъ-Смецкій разсказывалъ что-то совершенно невѣроятное...

Когда онъ встрѣчался въ обществѣ съ людьми, знавшими его отца лично, онъ старательно отводилъ разговоръ въ сторону и показывалъ видъ, что нѣсколько стыдится своего стараго чудака. Зато на мать онъ молился. Она была хороша собой до сихъ поръ, богата, очень богата, любитъ сына Льва Станиславовича, — и, разумѣется, не откажетъ ему ни въ чемъ. Ему даже нравилась независимость и самостоятельность его мама. Она никому и ничѣмъ не обязана. Люди, посѣщавшіе Ниццу, разсказывали ему о ея лошадяхъ, экипажахъ, вечерахъ. У него только голова кружилась отъ этого, и два послѣдніе курса онъ не могъ дождаться, когда же наконецъ кончится школьный искусъ, и начнется настоящая жизнь — яркая, широкая, захватывающая, головокружительная! Поскорѣе бы попасть въ этотъ вихрь и завертѣться въ немъ! Передъ нимъ, точно въ туманѣ, мелькали красивыя женщины, округленныя плечи, тонкія таліи, бюсты, отъ которыхъ рябитъ въ глазахъ, — и все это будетъ принадлежать ему... Еще бы — онъ молодъ, страшно богатъ, красивъ собою, хорошо воспитанъ. Онъ отлично говоритъ по французски и по англійски. Въ училищѣ онъ славился, какъ лучшій танцоръ. Его манеры великосвѣтскія мамаши ставили въ примѣръ его товарищамъ. — »Все мое!« Богъ знаетъ въ который разъ повторялъ онъ, убаюкиваемый однообразнымъ стукомъ вагона, шумомъ вѣтра и глухимъ хрипѣніемъ словно задыхавшагося локомотива. — »Все мое... мое...« И онъ еще лѣнивѣе раскидывался на мягкомъ диванѣ. — »Еще четыре дня — и все мое... Искусъ окончился — начинается жизнь настоящая, полная! Бѣдный Устругговъ!« мелькало въ его памяти. — »Ему самомъ дѣлѣ — учиться, работать, — чтобы потомъ опять тянуть служебную лямку... Чортъ знаетъ что... Нѣтъ

право, мама молодецъ, что сохранила для меня свое состояніе!..«

III

Молодой Староградъ-Смецкій въ Вѣнѣ оставался отъ поѣзда до поѣзда. Весь путь ничто не интересовало его. Онъ какъ-то въ полглаза смотрѣлъ на чудеса, разсыпанныя щедрою рукою по дорогѣ. Величавый Земмерингъ, счастливыя долины Граца, засыпанная каменьями Истрія съ воздушнымъ маревомъ голубѣющей Адріатики вдали, царственныя горы Фріуля, въ ущельяхъ котораго пріютились Беллуно и Фельтре, кроткая идиллія Сьеравалле, средневѣковый Конельяно, еще носящій свои стѣны, какъ старый рыцарь — ржавыя латы, Тревизо съ дряхлымъ соборомъ: — все это мелькало, не оставляя ни малѣйшаго слѣда на его душѣ. Не будь таможень — Левъ Станиславовичъ такъ бы, пожалуй, и не сообразилъ, что, проѣхавъ Австрію, онъ вступилъ въ страну артистовъ и поэтовъ — Италію, о которой съ такою мучительною страстью когда-то грезилъ Пушкинъ... Онъ не заглянулъ даже въ дивную развѣнчанную царицу Средиземнаго моря — въ умирающую среди своихъ лагунъ Венецію... Онъ выждалъ въ Местрѣ поѣзда на Миланъ, хорошо выспался по пути и проснулся только утромъ въ Ломбардіи...

»Потомъ успѣю посмотрѣть все... Возьму у мамà денегъ, да побольше, и вернусь сюда. Поживу въ Венеціи и Вѣнѣ, а на осень въ Парижъ — это будетъ лучше. Мамà, разумѣется, мнѣ не откажетъ въ такихъ пустякахъ. Еще бы! Это вѣдь нѣкоторымъ образомъ дополненіе моего образованія!.. По пути въ Монте-Карло попробую на рулеткѣ... Ну, проиграю какихъ нибудь тысячу франковъ — всетаки новое ощущеніе: будетъ потомъ о чемъ разсказать«.

Изъ Милана, на синемъ небѣ котораго такъ красиво вырѣзывались бѣломраморныя кружева собора, поѣздъ унесъ

его въ горы Пьемонта. Мимо темнѣли глубокія ущель
словно серебряные щиты, блестѣли на днѣ долинъ недви
ныя озера; издали съ вершинъ бѣшено падали въ кур
пѣны, въ какое-то марево брызгъ и тумана водопады; из
разъ изъ-за конусовъ и силуэтовъ, заслонявшихъ д
выглядывали снѣга и льды, тускло свѣтившіеся п
солнцемъ.

Левъ Станиславовичъ думалъ только объ одномъ — ка
бы поскорѣе добраться до Ниццы. Правду говоря, въ
мысляхъ и мечтахъ мать играла весьма неважную роль.
»Я не сантименталенъ, знаете«, не разъ повторялъ онъ това
рищамъ и нисколько не лгалъ на себя. Ему пріятно бы
повидать ее — такую еще молодую, красивую, богатую
изящную, пройтись съ нею, показаться вмѣстѣ ихъ кружку
и только. Это было лишь дополненіемъ его счастія, счаст
жизни съ ея блескомъ и полнотою, особенно теперь от
щавшимся имъ... Средиземное море катило ему на встрѣ
свои ласковыя искрящіяся волны, точно изнутри освѣщен
ныя. Такого голубаго блеска онъ не видалъ еще. Напра
одинъ за другимъ выдвигались старинные лигурійскіе
родки со своими средневѣковыми соборами, сплошь покр
тыми чешуей барельефовъ, статуй и разныхъ мраморны
арабесокъ, съ замками, сѣрыя башни которыхъ отъ с
рости завертывались въ зеленыя покрывала плюща и в
нограда, съ пестрыми палаццо сегодняшнихъ богачей, съ
дами; изъ-за ихъ раинъ чуть-чуть намѣчивались вѣера
невиданныхъ Смецкимъ пальмъ. Изъ ущелій вѣяло арм
тами горныхъ фіалокъ, выстилавшихъ крутые скаты, в
буждающимъ дыханіемъ лилій, поднявшихся внизу. Красив
скалы Порто-Маурицio, ушедшія въ синь и покой Сре
земнаго моря, заставили было его всполошиться.

— Не это ли Монте-Карло? спросилъ онъ у спутни

— Нѣтъ, улыбнулся тотъ. — Хотя похоже на уг
Монако... Монте-Карло будетъ скоро...

Въ Монте-Карло почти пустое купе было занято раз

нахлынувшими пассажирами. Проигравшаяся француженка, которую такъ и поводило отъ зависти къ длинному рыжему англичанину, спокойно пересчитывавшему свой выигрышъ, какой-то выпученный и нескладный господинъ, на которомъ черный сюртукъ сидѣлъ, какъ мѣшокъ на приговоренномъ къ повѣшенію, и съ нимъ добродушный, съ громадными сѣдыми баками, толстякъ.

— Скоро ли Ницца? обратился Смецкій къ первому.

— Черезъ три четверти часа. А вы издали?

— Изъ Петербурга.

— Вона, нашъ! перешолъ мѣшокъ на русскій языкъ.— Давно ли вы оттуда?

— Четвертый день.

— Безъ отдыха, значитъ?

Онъ говорилъ лѣниво, глядя почему-то не въ глаза, а на носъ собесѣднику. Левъ Станиславовичъ даже ощупалъ незамѣтно носъ себѣ — нѣтъ ли чего нибудь?

— Что-жъ у насъ новаго?...

— Ничего... Да я и не зналъ бы... Я только что изъ... и онъ назвалъ съ нѣкоторымъ удареніемъ привилегированное заведеніе, въ которомъ учился.

— Къ родителямъ, значитъ?

— Да...

Смецкому такъ хотѣлось, чтобы этотъ случайный спутникъ спросилъ его —къ кому именно. Юношѣ было пріятно похвастаться матерью... Тотъ, впрочемъ, не заставилъ себя ждать.

— А какъ зовутъ вашихъ родителей? Мы съ Поликей Савичемъ — кивнулъ онъ небрежно на толстяка — всю Ниццу знаемъ.

— У меня матушка тамъ, съ притворною скромностью отвѣтилъ Смецкій. — »Вотъ удивятся де, какъ назову«, думалъ онъ. — »И какое разомъ уваженіе ко мнѣ почувствуютъ«. Моя матушка Староградъ-Смецкая.

Эффектъ послѣдовалъ, но совершенно имъ неожиданный.

— Эмилія... Карловна! изумился, выдержавъ паузу. шокъ и перекинулся безцеремонною улыбкою съ Поли Савичемъ. — Какъ же, знаемъ, знаемъ Эмилію Карловн Хоть у ней и не бываемъ — но видѣли... Такъ это вы сынокъ, значитъ... На побывку?..

Улыбка его стала совсѣмъ насмѣшливой. Онъ даже хл нулъ юношу по колѣну. Тотъ, морщась, поджалъ ноги...

— Станиславъ Александровичъ вамъ батюшкой, значи приводится?..

— Да... почему-то сконфузился юноша.

— Ну, вотъ... *были* (онъ видимо подчеркнулъ *бы* когда-то пріятели... Наказалъ онъ меня... началъ было к шокъ, да спохватился. — Можетъ быть, и обо мнѣ вы сл шали?.. Петръ Петровъ Крутофоровъ...

Юноша даже привскочилъ. Объ отношеніяхъ этого богат къ отцу онъ не зналъ, но о самомъ Крутофоровѣ ему р сказывали многое. Однихъ пошлинъ въ казну тотъ упла валъ милліона по полтора въ годъ.

— Очень пріятно... Я радъ... растерянно бормоталъ Л Станиславовичъ, протягивая новому знакомому руку. Т снисходительно взялъ ее, подержалъ-подержалъ и переда своему спутнику.

— Прошу любить и жаловать, мой закадычный дру Поликей Савичъ Раздоровъ.

— А мы съ вашимъ батюшкой когда-то вмѣстѣ спу кали деньги. У него было два, а у меня — два съ пол виною милліона-то!.. Хорошо-съ!.. Ну, да дуракамъ бога ство не къ лицу. Онъ больше француженокъ одобрялъ. а на цыганокъ все... Къ мамону же — хлопнулъ онъ себя п брюху — у насъ была общая страсть... Тебѣ, дураку, об нулся онъ вдругъ къ Крутофорову: — и не снились та деликатесы, которыми мы свиней кормили...

— Ужъ и свиней? усумнился тотъ.

— А то нѣтъ? Изъ города къ намъ, бывало, возат приказныхъ возили, чѣмъ не свиньи!.. До рвоты трюф

лопали. И не понимали, а лопали. Потому — ѣшь, или на конюшню... головой въ навозъ... Мы, братъ, жить умѣли! Не то, что вы, нынѣшніе! Его отецъ два милліона проѣлъ да пропилъ... А теперь что?.. бульдегомъ какой-то, а не люди...

— Напрасно я тебѣ сегодня раньше времени деньги далъ, засмѣялся Крутофоровъ. — Въ обыкновенное время онъ у меня смиренъ, Левъ Станиславовичъ, — такъ вѣдь, кажется, васъ? Ну, а какъ получитъ свои семдесятъ пять рублей на иголки — и чортъ ему не братъ. И не повѣрите, что ему 63 года!

— Какъ не повѣритъ, ежели я съ его отцомъ товарищемъ былъ. Вѣдь этотъ Смецкій только молодится, а поди года на два поменѣй меня будетъ, не больше... Такъ вы Эмиліи Карловны сынокъ! — вдругъ засмѣялся онъ. — Слышь, Петръ Петровичъ, сынокъ Эмиліи Карловны, а?..

— Чего же ты ржешь... Ну, сынокъ! — а самъ широко улыбался...

»Чего это они«, думалось Смецкому, и онъ смущенно засмотрѣлся въ окно...

— И Фрейгана Жачку повидаете? нетерпѣлось Раздорову.

— Какже, какже... Я имъ недоволенъ.

— Жачкомъ-то? изумился Раздоровъ.

Левъ Станиславовичъ воспользовался случаемъ придать себѣ нѣкоторую важность.

— Я, видите ли, можетъ быть, и ошибаюсь, но только мнѣ кажется, что Яковъ или, какъ вы его называете — Жакъ Осиповичъ несовсѣмъ... какъ бы это выразиться... несовсѣмъ благовидно завѣдуетъ дѣлами и капиталомъ моей мамà...

Но тутъ съ его спутниками случилось что-то небывалое. Поликей Савичъ поперхнулся и, совсѣмъ по рачьи вылупивъ глаза, уставился на Льва Станиславовича; Крутофоровъ даже поднялся, да такъ, что въѣхалъ шляпой въ сѣтку для ручнаго багажа, бывшую вверху...

— То есть... то есть... какже это?..

перчатки при каждомъ удобномъ случаѣ и носила короткія платья, показывая товаръ лицомъ...

Во времена оны Эмилія Карловна, дочь какого-то шляхтича въ Рѣжицахъ, преисправно доила собственноручно коровъ и кормила гусей. Предѣломъ ея честолюбія было попасть въ экономки къ мѣстному ксендзу, человѣку молодому и со средствами. Но судьба берегла для нея иное. Черезъ Рѣжицы проѣзжалъ губернскій чиновникъ изъ семинаристовъ — человѣкъ рыхлый, сырой, съ большимъ брюхомъ на тонкихъ ногахъ и вѣчно потѣвшею лысиною. Онъ носилъ фуражку съ кокардой и въ петличкѣ Станислава 3-й степени, что въ Рѣжицахъ дѣлало изъ него особу. Доримедонтъ Симеоновичъ Маркавреліевъ остановился у ея папаши и, при видѣ Эмиліи Карловны, въ своей архивной душѣ почувствовалъ нѣкоторыя движенія юности. Дѣвушка тоже сообразила, что губернской чиновницей сдѣлаться — куда лучше, чѣмъ скоротать свой вѣкъ экономкой, — тѣмъ болѣе, что у Маркавреліева были деньги, и умри онъ — его вдовѣ слѣдовалъ бы пенсіонъ. Эмилія стала съ нимъ кокетничать, чаще попадалась ему на глаза, старалась задѣть его плечомъ, разъ даже, полураскрывшись, притворилась спящею, когда Доримедонтъ по воровски заглядывалъ къ ней въ комнату сквозь раскрытое окно... »Отъ сего числа и безъ нумера« — она показала ему столько неожиданнаго, что онъ только вздохнулъ, пробормотавъ про себя: — »однако, сколь ее природа одарила... Нечего сказать, тѣлесность безукоризненнаго штиля«... Результатомъ сего дознанія было посланіе о болѣзни въ »губернію«. Доримедонтъ остался для излеченія въ Рѣжицахъ и сталъ Эмиліи Карловнѣ носить въ карманѣ мармеладъ изъ жидовскихъ лавокъ...

— Дѣвицы сладкое любятъ! упирался онъ въ нее бычьи глазами, причемъ лысина его дымилась отъ напора чувствъ, а въ ладони мармеладъ таялъ. Эмилія Карловна благодарила и краснѣла.

— А вы насчетъ старичковъ какъ? спросилъ онъ у ея разъ.

— Какихъ старичковъ? притворилась она непонимающей.

— Которые на дѣйствительной службѣ и пряжку за безорочность имѣютъ.

— Про кого вы говорите?

— А хоть бы и про себя!..

— Ну, какой вы старичекъ... Развѣ такіе старички ывають!

— Однако! восхищался Доримедонтъ: — но у меня, звольте обратить вниманіе, лысина...

— Вы такой высокій, что вашу лысину снизу-то и не азличишь... Теперь, сказываютъ, такіе парики есть.

— Отлично-съ. Это прекраснѣйшая идея... Я паричъ себѣ куплю... Опять же настоящаго образованія я не получилъ. Еще кадриль могу, но отъ легкихъ танцевъ у меня замираніе въ почкѣ бываетъ...

— А я и совсѣмъ танцовать не училась.

— Ну, а компоты вы умѣете варить? сладострастно спросилъ онъ.

— Какже, я хозяйка!

И въ тотъ же день она подала ему такой компотъ изъ вишенъ и грушъ, что чернильное сердце Маркавреліева не выдержало, и, вмѣсто самимъ Богомъ назначеннаго послѣобѣденнаго отдохновенія, онъ послѣдовалъ за ней въ садъ такимъ дикимъ видомъ, точно задумалъ не болѣе, не менѣе, какъ убить ее...

— Что вамъ?

— Вы, Эмилія Карловна, по молодости лѣтъ когда помышляли о законномъ бракѣ?

Помилуйте, кто насъ, бѣдныхъ, возьметъ... Я въ монастырь пойду.

Ну, а еслибы нашелся такой основательный мужъ дѣйствительной службѣ и съ положеніемъ, въ чинѣ коллежскаго асессора... что бы вы сказали?

гался до сильнѣйшей простуды и отдалъ Господу Богу удъ праведный свою архивную душу со всѣми входя- и и исходящими грѣхами. Станиславъ Александровичъ ›оградъ-Смецкій, человѣкъ пустой и безхарактерный, ъ о смерти Маркавреліева, испугался. — »Женитъ она на себѣ!..« объяснялъ онъ горестно своему пріятелю, лѣ-мученику Поликею Савичу. — »Будь спокоенъ! кто, а она женитъ...« Такъ и вышло...

Эмилія Карловна одѣла трауръ — онъ ей, блондинкѣ, ъ очень къ лицу... Потомъ она стала плакать, и пла- а до тѣхъ поръ, пока Станиславъ Александровичъ не зался въ одинъ прекрасный день съ нею въ церкви — качествѣ жениха... Поликей Савичъ держалъ надъ нимъ ецъ и шепталъ ему:

— Послушай, Стаська.

— Чего?...

— Бѣги, пока еще не поздно... Со всѣхъ ногъ... Опро- ью...

— А она? бояливо косился на нее женихъ.

— Я ее схвачу въ охапку и не пущу за тобой...

Но Стаська чувствовалъ, что его ноги тяжелѣютъ, точно нихъ гири, прирастаютъ къ полу, — и очнулся только да, когда въ потолокъ полетѣли пробки отъ шампанскаго, тотъ же Поликей, вмѣсто поздравленія, подошелъ къ нему привѣтствовалъ молодаго:

— Дуракъ ты, Стаська! Я тебя, правду сказать, всегда италъ бабой, но ты при этомъ еще оказался совсѣмъ кис- ю и глупою бабою!.. Пожалуйста, Эмилія Карловна, я мъ отъ души совѣтую, сѣките вы его каждую субботу, тому что онъ стоитъ этого... Позвольте вашу ручку...

Поцѣловавъ ее въ ладонь, Поликей уѣхалъ и на порогѣ аже плюнулъ, но на другой же день вечеромъ сидѣлъ и лѣлъ передъ Эмиліей Карловной.

— Это вы совѣтовали мужу бѣжать изъ-подъ вѣнца?

— Я.

— И вамъ нестыдно?

— Нѣтъ...

— Что же бы со мной, бѣдной, тогда было?

— Я бы самъ сталъ на его мѣсто...

— Да!.. И Эмилія Карловна дарила его долгимъ и ласковымъ взглядомъ. — Вотъ вы какой!..

— А вы думали — какъ?

Черезъ два года родился Левъ Станиславовичъ, — а черезъ пять лѣтъ Эмилія Карловна уѣхала съ нимъ за границу... Какъ она ухитрилась — не зналъ никто, но Станиславъ Александровичъ оказался нищимъ, а она продолжала жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая, наряжая своего сына вушку въ бархатъ и кружева, держала для него красивыхъ гувернантокъ и такихъ же гувернеровъ для себя... Еще черезъ нѣсколько лѣтъ она привезла сына въ привилегированное заведеніе, и затѣмъ уже до сегодняшняго дня не видѣла его вовсе... Раза четыре въ годъ она ему писала длинныя и нѣжныя письма, доставлявшія Смецкому большое удовольствіе, потому что они всегда сопровождались болѣе или менѣе крупными, для него — разумѣется, чеками на контору барона Жака Фрейгена въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ Левъ Станиславовичъ привыкъ считать себя богатымъ человѣкомъ.

— Мама, милая!.. на сей разъ вполнѣ отъ души воскликнулъ онъ, замѣтивъ ее издали въ вокзалѣ. Она ему весело и ласково улыбалась, стоя подъ руку съ маленькимъ худосенькимъ и круглымъ человѣкомъ, шляпа котораго сползла на затылокъ, а на животѣ висѣла толстая золотая цѣпь съ множествомъ жетоновъ.

— Мама, милая! Смецкій на ходу еще выскочилъ изъ вагона и съ внезапнымъ порывомъ нѣжности обнялъ красивую женщину, смотрѣвшую на него радостно сквозь слезы. — Какъ я радъ, наконецъ... какъ радъ... Девять лѣтъ вѣдь... Посмотри, какой я сталъ... На тебя, *говорятъ*, похожъ.

Она цѣловала его, брала его голову въ свои мягкія бѣ-
ія руки, отодвигала ее, всматривалась и опять цѣловала.

— Ну, теперь я счастлива... Теперь я могу ужъ смѣло
азваться старухой... и пора... улыбнулась она ему.

— Какая ты старуха!... Совсѣмъ сестра моя...

Маленькій толстякъ, отошедшій на шагъ назадъ, фыр-
алъ, нетерпѣливо и зло поглядывая на Льва Станиславо-
ича своими черными и острыми глазами.

— Ну, Эмилія Карловна, будетъ вамъ... Дома нацѣлуе-
сь съ сыномъ.

Она точно проснулась. Лицо ея поблѣднѣло, по немъ про-
ѣжала какая-то тѣнь. Совсѣмъ другимъ тономъ она, будто
олько теперь вспомнивъ, проговорила:

— Лева, тебя надо познакомить... — Мой другъ, баронъ
Какъ Фрейгенъ... Ты о немъ слышалъ, разумѣется...

— А!... молодой человѣкъ вздѣлъ на носъ пенсне и съ
идимымъ любопытствомъ вглядѣлся въ барона. »Такъ вотъ
нъ какой... И по лицу — плутъ... Впрочемъ, — сообразилъ
нъ — на первыхъ порахъ надо быть вѣжливымъ...« Рѣшивъ
то, онъ съ покровительственнымъ видомъ подалъ весьма
нисходительно руку барону. Этому они научились въ ихъ
ривилегированномъ заведеніи въ совершенствѣ. — Очень,
чень радъ... Много слышалъ и часто... Мы еще поговоримъ
съ вами впослѣдствіи... процѣдилъ Левъ Станиславовичъ
сквозь зубы.

Баронъ усмѣхнулся, пожалъ протянутую руку и, согнувъ
локтемъ свою, подалъ Эмиліи Карловнѣ.

— Нѣтъ, вы ужъ, баронъ, меня на этотъ разъ извини-
те, я съ сыномъ! искательно проговорила она. — Я такъ
давно его не видѣла! точно оправдывалась она.

Левъ подалъ руку и, сдѣлавъ съ матерью нѣсколько ша-
говъ, обернулся къ барону и черезъ плечо кинулъ ему:

— До свиданія, баронъ... Мы на дняхъ увидимся... Я
очень буду радъ поговорить съ вами... По утрамъ до двухъ
я всегда дома...

Жакъ Фрейгенъ остался въ вокзалѣ съ раскры
ртомъ, къ вящему удовольствію Крутофорова и По
Савича, наблюдавшихъ всю эту сцену.

— Что̀ онъ — дуракъ, этотъ мальчишка? спросил
по нѣмецки Фрейгенъ. — Ну, да я его живо поставл
свое мѣсто! и, еще больше сдвинувъ шляпу на заты
онъ всунулъ руки въ прорѣзи жилета и пошелъ изъ
зала на улицу.

— Да этотъ Смецкій великолѣпенъ!... хохоталъ Б
форовъ.

— А рожа-то, рожа у Фрейгена!.. Замѣтилъ? а?.. п
валъ Поликей Савичъ.

— То есть деньги за такое представленіе не жал
платить. Ты куда?.. ахъ, я и забылъ, впрочемъ... На и
получилъ — значитъ, развернешься и непремѣнно сдѣл
какой нибудь скандалъ!

И друзья разстались.

V

Ландо, поданное Эмиліи Карловнѣ, оказалось велик
нымъ, вороныя лошади — тоже. Подушки были отдѣл
синимъ бархатомъ, на кучерѣ хорошо сидѣла ливрея съ
бами соединенныхъ родовъ Староградъ и Смецкихъ: меч
рукѣ въ верхней половинѣ щита и голова козла вн
то же самое красовалось и на дверцахъ.

— Однако, мама, ты молодцомъ!

— Что̀? обвела она его сіяющимъ взглядомъ. Прос
шись съ барономъ Фрейгеномъ, она опять стала весел
радостно возбужденной.

— Я говорю, что ты это умѣешь! кивнулъ онъ на
шадей и коляску.

— Тебѣ нравится?

— Еще бы! — Но какъ только двинулись они по м
вой, Левъ Станиславовичъ поморщился.

— Что̀ такое? замѣтила она.

— Ты бы колеса приказала перетянуть гутаперчевыми ами. При твоихъ средствахъ, мама, это пустяки. Кто иначе ѣздитъ!.. Только петербургскимъ чиновникамъ къ у.

— При моихъ средствахъ? А ты почему знаешь мои дства?

— Какъ же не знать...

Она грустно усмѣхнулась.

— Впрочемъ, я скажу объ этомъ Фрейгену. До сихъ ъ мнѣ не приходило въ голову.

— Что̀ это мама — ты ничего не можешь безъ Фрей- а... Фрейгену да Фрейгену... Прикажи сама...

— Милый ты мой мальчикъ, взяла она его за руку.— , да, впрочемъ, объ этомъ потомъ... Надѣюсь, что хоть не...

И она вдругъ смолкла.

— Что̀ я не...? спросилъ онъ у нея.

— Нѣтъ, я такъ... Я странная вообще... Не обращай иманія. Кто это съ тобой ѣхалъ — Крутофоровъ, кажется?

— Да... Мужланъ какой-то!

— Онъ страшно богатъ, Лева.

— Я слышалъ.

— Очень, очень богатъ... уже сама про себя повторила а, и глаза ея принимали мечтательное выраженіе. — Ты аешь, онъ недавно подарилъ одной француженкѣ сто ты- чъ!...

— Какой француженкѣ?

— Она жила съ нимъ... M-lle Клемансъ.

— То есть, попросту, своей содержанкѣ. Какъ ты де- икатно выражаешься о такихъ, мама, улыбнулся онъ.

Эмилію Карловну точно хлыстомъ ударили. Она вздрог- нула, съежилась, поблѣднѣла и до самаго дома молчала. Левъ Станиславовичъ заговаривалъ съ ней; она отвѣчала ему »да«, »нѣтъ« и опять уходила въ себя.

— Ты не больна мама?

— Нѣтъ. Не обращай вниманія. По вечерамъ я ... такая... нервная.

— Что-жъ эта m-lle Клемансъ — хорошенькая?

— Да... Такъ себѣ...

— Ужасно везетъ этой дряни...

— Что? опять вздрогнула она.

— Да деньги имъ такъ и сыплются.

— А, можетъ быть, онѣ заслуживаютъ сожалѣнія... когда не надо оскорблять женщину, которая...

— Тра-ла-ла-ла, мама... Ты это цѣликомъ изъ Вик Гюго. Знаю... знаю... Это молодежь пятидесятыхъ г была такая сантиментальная...

— А нынѣшняя?

— Мы называемъ, душа моя, предметы ихъ собс ными именами! Насъ этими чувствами не проймешь.

— Жаль!..

— Время такое!

Оставивъ позади Ниццу съ ея шумною и щеголев толпою, они поднялись по отличному шоссе въ гор бѣломраморной виллѣ, кокетливо заслонившейся отъ в свѣта ревнивою зеленью лавро-розъ, тополей и платан Олеандры были сплошь осыпаны крупными алыми ... тами. Вверхъ по бѣлымъ колоннамъ цѣплялись же чайныя розы; всѣ промежутки между ними заткали к хавшіяся при малѣйшемъ движеніи воздуха пестрыя за вѣкой поросли. Запутавшіеся въ ней цвѣты улыбались ... видали Льву Станиславовичу. На мраморномъ помостѣ ... росы отъ этихъ завѣсъ дрожали и шевелились темноз ныя тѣни и золотые блики солнечныхъ лучей. День уж горалъ; на западѣ, за Канномъ, все небо было охва ого волотистымъ заревомъ. Въ цѣломъ морѣ огня сн мрачно и красиво цѣльная скала Антибъ, и мягко и г вольно рисовались въ чистыхъ небесахъ, словно отступ шіи отъ морскаго берега, горы.

— Совсѣмъ райскій уголокъ!.. пришелъ въ восторгъ
, Станиславовичъ. — Мама, да ты просто царицей жи-
ь тутъ... Воображаю, кто у тебя собирается. Это твоя
а?

— Нѣтъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, ты ее нанимаешь?

Она не отвѣтила ему и прошла впередъ — посмотрѣть,
ва ли его комната.

Старокрадъ-Смецкій съ жадностью вдыхалъ въ себя воз-
ь, пропитанный запахомъ цвѣтовъ и освѣжающими испа-
іями моря. Словно поднятыя крылья чаекъ, въ его голубой
душной дали сверкали паруса лодокъ. Нѣкоторые, отра-
і прощальные лучи солнца, казались совсѣмъ розовыми.
это время кучеръ щелкнулъ кнутомъ, поворачивая ло-
дей...

Левъ Станиславовичъ окликнулъ его. Онъ отыскалъ у
я въ жилетномъ карманѣ пятифранковую монету и бро-
ъ ее.

— Mercі, monsieur...

— Погодите не уѣзжайте...

— Я не могу, monsieur.

— Почему это... Я сынъ хозяйки... И если приказываю,
ачитъ...

— Я понимаю, но не могу... Monsieur le baron прика-
лъ мнѣ сейчасъ же пріѣхать къ нему...

— Какой баронъ?

— Monsieur le baron Фрейгенъ.

»Чортъ возьми!« выругался про себя Левъ Станиславо-
ичъ: — »да тутъ нельзя повернуться, чтобы не наступить
а барона... Надо все будетъ привести въ порядокъ... Мама,
чевидно, порядочная тряпка и позволяетъ этому жиду про-
ѣлывать здѣсь все, что онъ хочетъ. Каналья, вѣрно, ка-
ается на ея лошадяхъ и не держитъ поэтому своего эки-
ажа...«

Море на востокѣ все больше и больше голубѣло. На

западѣ оно струилось расплавленнымъ золотомъ въ от
дымкѣ. Какой-то пароходъ шелъ далеко-далеко, и
точно знамя, отбрасывавшійся изъ его трубы, тоже
подъ этими лучами... Подъ самой террасой росли ле
провожая отгорающій день, онѣ исходили ароматами. Э
раскрылись и дышали вечернею прохладой алые ц
дающіе цвѣты гранатовыхъ деревьевъ, и изрѣдка въ
теченіи воздуха откуда-то доносилось тонкое и нѣжно
гованіе апельсинныхъ цвѣтовъ.

— Я приказала чай накрыть здѣсь на террасѣ
слышался позади голосъ его матери. — Ну, теперь
демъ, я тебѣ покажу твою комнату. Можешь пере
и привести себя въ порядокъ. Сегодня мы будемъ
одни...

— Какая ты хорошенькая, мама! И, притянувъ
себѣ за руки, онъ крѣпко поцѣловалъ ея вспыхн
щеки. — Воображаю, сколько здѣсь влюбленныхъ въ
Бѣдный отецъ! — Она засмѣялась. — На его мѣстѣ.
не сидѣлъ въ Москвѣ, а сейчасъ бы сюда, къ тебѣ.

— Да онъ не можетъ выѣхать — ему не дадутъ
ничнаго паспорта.

— На какомъ же это основаніи?

— Онъ очень много долженъ.

— Кому?

— Якову Осиповичу Фрейгену...

— Опять Фрейгенъ!.. Мама, да здѣсь, кажется, са
воздухъ пропитанъ Фрейгеномъ... Съ Монте-Карло я т
и слышу, что объ этомъ жидѣ. Ловко онъ васъ всѣхъ заб
въ свои руки! По крайней мѣрѣ, хорошо ли онъ ихъ м

И онъ самъ засмѣялся своей неудачной шуткѣ.

За чаемъ Левъ Станиславовичъ рѣшилъ, что наступ
самое время переговорить съ матерью о долгахъ.

— Я долженъ быть тебѣ очень благодаренъ, мама.

— За что?

— Какже! Ты спасла отцовское состояніе и не то

е дала его разстроить, но еще и пріумножила, какъ видно о всему этому.

Эмилія Карловна покраснѣла и потупилась...

— А, можетъ быть, у меня ничего нѣтъ, и это все ужое...

— Ну вотъ! Слава Богу, — я знаю, сколько ты на дного меня тратила; потомъ этотъ пансіонъ папа, который ы посылаешь въ Москву... Я долженъ тебѣ признаться, что у меня есть долги.

— Вотъ какъ! Гдѣ же ты ихъ сдѣлалъ?

— Въ училищѣ.

— Сколько же? И на что это?

— Для тебя — сущіе пустяки. Нѣсколько жалкихъ тысчонокъ. У насъ тамъ есть одинъ уморительнѣйшій мерзавецъ... Я ему выдалъ векселя, но онъ уступитъ за половину, — если ему пригрозить, разумѣется.

Эмилія Карловна задумалась. Лицо ея стало серьезно и печально... Старградъ-Смецкій не замѣчалъ этого и продолжалъ свое.

— Ты, разумѣется, не станешь очень на меня сердиться. Я такъ радъ, что, наконецъ, увидѣлъ тебя. И на кого же тебѣ тратиться, какъ не на меня. Вѣдь я твой единственный! съ видомъ баловня замѣтилъ онъ и потянулся поцѣловать ея руку. Но она была холодна и дрожала въ его рукѣ.

— На дняхъ ты все узнаешь... А пока поговоримъ лучше о тебѣ — что ты намѣренъ дѣлать съ собою, гдѣ хочешь служить. Вѣдь я почти не знаю тебя. Шутка ли — девять лѣтъ не видались! Отвезла я тебя мальчикомъ, а теперь встрѣчаю мужчину... Надо всмотрѣться въ тебя, вдуматься, каковъ ты. Только пока я въ тебѣ одно замѣтила: ты очень торопливъ на обвиненія. Смотри, будь въ этомъ отношеніи осторожнѣе, какъ бы тебѣ не пришлось раскаиваться потомъ.

Море къ ночи заговорило. Глухіе удары прибоя доноси-

зап
дым
точ
по
пр
ра
д
т
г

Въ темнотѣ она казалась совсѣмъ молоденькою,
звучалъ подкупающей нѣжностью. — Я тебѣ,
одинъ совѣтъ, и ты долженъ его исполнить, если
любишь.
нитъ, это будетъ не совѣтъ, а приказаніе.
меня и ради меня — будь какъ можно вѣжли-
вѣе и привѣтливѣе съ Яковомъ Осиповичемъ.
чего не понимаю, мама... какой нибудь жидъ...
слышишь?.. и она все крѣпче обнимала его. Въ
послышались рыданія. — Я прошу, умоляю тебя —
но вѣжливѣе, ласковѣе... Онъ очень уменъ, богатъ,
... Онъ сдѣлаетъ для тебя все, что захочешь...
ся сойтись съ нимъ. Ты исполнишь это, мой маль-
?
Постараюсь, мама.
къ колесъ сталъ слышнѣе... Какая-то карета оста-
ь у воротъ въ виллу. Послышался рѣзкій властный
.
Ого, этотъ не стѣсняется! Кто нибудь изъ близкихъ
ыхъ
Баронъ, вѣрно...
слышался скрыпъ песка подъ чьими-то торопливыми
ми и недовольный голосъ:
- Отчего вы не держите огня на террасѣ? Такъ можно
споткнуться...
— Сейчасъ прикажу, баронъ. Я здѣсь не одна — съ сы-
, спѣшно добавила она. — Лева такъ хочетъ съ вами
акомиться.
— Очень радъ! небрежно кинулъ тотъ.
Старокрадъ-Смецкій подошелъ и протянулъ ему руку, но
онъ, показавъ видъ, что не замѣчаетъ этого, направился
мо къ Эмиліи Карловнѣ и что-то сказалъ ей тихо.
— Ну, дорогой мой, обратилась она къ сыну: — ты
талъ съ дороги, поди и отдохни. У меня съ барономъ —
ла, и намъ надо переговорить о нихъ.

— Я вамъ не помѣшаю?

— Напротивъ. Пока ты ихъ не знаешь, и тебѣ бу лучше, и мнѣ тоже...

Баронъ нетерпѣливо постукивалъ тросточкой о мра пола, ожидая конца этихъ переговоровъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я усталъ... Прощай, мама. — П крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ. — До свиданья, барон

Фрейгенъ ткнулъ какъ-то пальцемъ въ его протянут руку и сквозь зубы проворчалъ: — »доброй ночи...«

Левъ Станиславовичъ поднялся къ себѣ. Ему отвели к нату въ сквозной башенкѣ, красиво примыкавшей къ вил Тутъ было много воздуху; отсюда открывался чудный ви Несмотря на утомленіе отъ дороги, юноша проснулся ч черезъ три и долго не могъ заснуть опять. Онъ ворочал на постели; наконецъ всталъ и подошелъ къ окну. Ка разъ внизу въ это время послышался говоръ. Онъ раз чилъ рѣзкій и повелительный голосъ барона.

— Однако онъ засидѣлся... И какъ говоритъ — дол быть, съ прислугой.

— Что сказано мною, то должно быть исполнено. знать не хочу всѣхъ этихъ церемоній, раздраженно рон баронъ внизу. — Скажите, чѣмъ еще стѣсняться!

Отвѣта Лева не разобралъ. Скоро послышался сту захлопнутой дверцы кареты и шорохъ колесъ по дорог

Лева посмотрѣлъ по направленію къ Ниццѣ. Огни были потушены. Луна уже взошла. Бѣлые дома, точно в ванные изъ серебра, бѣлая кайма морской пѣны у кругл плажа и темныя пятна садовъ... какая-то птица просн лась у самаго окна его, и Левъ Станиславовичъ различи тяжелые взмахи большихъ крыльевъ.

Вас. Немировичъ-Данченко

Продолженіе будетъ

ХАЛИФЪ ГАРУНЪ и ЛЬСТЕЦЫ

Изъ восточныхъ мотивовъ

алифъ Гарунъ, вѣликій Аль-Рашидъ,
ылъ справедливостью благою знаменитъ;

)нъ ненавидѣлъ лесть и гнусной лжи проказу...
:о прозорливость Богъ Гаруну далъ не сразу.

два успѣлъ надѣть онъ царскую чалму,
ѕсѣ стали кланяться и низко льстить ему.

І, что-бъ онъ ни сказалъ, — все мудро, все прекрасно,
Зсе одобреньемъ дворъ встрѣчалъ единогласно,

Зсѣ торопилися ему наперерывъ
Ивить усердія похвальнаго порывъ!..

Но скроменъ былъ халифъ и разумомъ былъ чутокъ.
Промчался времени изрядный промежутокъ —

И мудрый властелинъ вдругъ самъ себѣ сказалъ:
»Я возраженія доселѣ не слыхалъ!

»Усердіе и дань благоговѣнья къ сану
»Цѣню я — и за то я гнѣваться не стану, —

»Но этотъ вѣчный хоръ похвалъ — непостижимъ!
»Ошибокъ я не чуждъ! Лишь Богъ непогрѣшимъ!

»Навѣрно я, какъ всѣ, нерѣдко ошибался!...«
И правду выяснить властитель попытался.

Совѣтъ вельможъ своихъ собрать онъ поспѣш
И рядъ опасныхъ мѣръ нарочно предложилъ, —

Онъ предложилъ имъ то, что̀ самъ считалъ бе
ны
И что-жъ?! Онъ встрѣченъ былъ восторга взры
шумны

И раньше всѣхъ другихъ усердія примѣръ
Былъ поданъ прежними врагами этихъ мѣръ.

Такою странностью халифъ былъ озадаченъ:
— »Безуменъ, что ли, я? иль разумъ ихъ утрачен

»Иль ихъ восторги — ложь, дань сану моему?...
И мысль нежданная тогда пришла ему:

Онъ изъ дворца тайкомъ, переодѣвшись нищи
Ушелъ, сказавъ себѣ: — »Разгадку мы отыщем

»Пускай народъ мой самъ задачу разрѣшитъ!«
И странствовать пошелъ великій Аль-Рашидъ.

Нарочно повторялъ онъ всѣмъ, при каждой встрѣ
Тѣ-жъ неразумныя, хваленыя тѣ рѣчи.

И что̀ же?! Нищаго безумцемъ всякій звалъ,
Онъ слышалъ смѣхъ и брань, — не громкій хо
похва

Но слышать смѣхъ и брань халифу было сладко:
Разуменъ, знать, народъ! Ясна теперь загадка!...

неожиданно какой-то человѣкъ,
ругъ выступивъ, хвалу властителю изрекъ.

въ изумленіи халифъ, къ нему поближе
спѣшно подойдя, промолвилъ: — »Объясни же,

а что я такъ высокъ во мнѣніи твоемъ?!«
тотъ, смутясь, умолкъ... настала тишь кругомъ...

всѣхъ блеснула мысль и всѣми овладѣла:
Іе нищій онъ! Глядитъ онъ властно и такъ смѣло!

Нѣтъ! На челѣ его величія печать!«
тотъ, кто похвалилъ, все продолжалъ молчать...

нъ былъ блѣднѣй, чѣмъ смерть, и трепетнѣе тѣни...
передъ нищимъ вдругъ упавши на колѣни,

оскликнулъ: — »О, прости, славнѣйшій изъ владыкъ,
Что угадалъ душой я твой любимый ликъ

И рѣчь твою хвалой, хвалой смиренной встрѣтилъ!...«
ъ усмѣшкой горькою халифъ ему отвѣтилъ:

- »Душой ты угадалъ во мнѣ царя — и что́ же?!
Ты льстишь?! Ужель мой видъ внушать лишь можетъ ложь?!...

Нѣтъ! вовсе не меня, лукавый рабъ, ты любишь!
Я истины ищу, — а ты... ее ты губишь!

Отчизну и меня, и честь забыть ты радъ
Изъ-за презрѣнныхъ благъ, тщеславья и наградъ!

»Ты все продашь тому, кто дастъ тебѣ доро
»О, какъ я одинокъ! О, какъ мнѣ горько, Бо

Измученъ, удрученъ печалію нѣмой,
Въ раздумьѣ тягостномъ халифъ ушелъ домо

И съ той поры всегда, услышавъ лести слово
Онъ выпрямлялся вдругъ такъ грозно, такъ су

Въ очахъ властителя сверкалъ такой огонь,
Что трясся льстецъ предъ нимъ, какъ передъ
ромъ ко

В. Величко

СЕСТОСЪ и АБИДОСЪ

Изъ воспоминаній путешественника

Окончаніе

онница, на лошадяхъ сильной породы, была одѣта въ че-
атыя латы. Лошади покрыты попонами, хвосты перевя-
въ трехъ мѣстахъ. Вообще ассирійское оружіе выдѣлялось
) отдѣлкою; колчаны высшихъ начальствующихъ лицъ были
жены узорами изъ металлическихъ полосокъ и расписаны
ѣсками и символическими изображеніями. Перевязи, на ко-
хъ висѣли колчаны, были сплетены изъ разноцвѣтныхъ
ковъ и украшены кистями. Щиты были у всѣхъ по пре-
ществу круглой формы, изъ толстой кожи, у другихъ изъ
зы съ остроконечными шипами съ наружной стороны.
Съ трудомъ пробираются по мосту ассирійскія военныя ко-
ницы, запряженныя тремя лошадьми, съ воинскими украше-
и на сбруѣ. Съ боковъ колесницы виднѣются привѣшен-
колчаны. Люди въ колесницахъ — въ круглыхъ шлемахъ, по
инѣ оканчивающихся небольшимъ остріемъ.
Сурово проходятъ бородатые ассирійскіе воины — и дѣйстви-
но ассиріяне, искусные въ бояхъ и въ открытомъ полѣ, и
орахъ и при осадѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, были самымъ су-
мъ, воинственнымъ и алчнымъ до добычи народомъ, кото-
когда либо властвовалъ надъ древнею Азіею, и никакой
гой не давилъ сильнѣе подвластнаго населенія. Весь періодъ
ійскаго господства былъ періодомъ безконечной, безпощад-
войны, единственною цѣлью которой для нихъ было убій-
) и добыча. Описаніе каждаго похода неизмѣнно заканчи-
тся у нихъ перечисленіемъ сожженныхъ или разрушенныхъ
одовъ, людей, посаженныхъ на колъ, плѣнныхъ, которымъ
убали головы. Одинъ изъ ассирійскихъ царей велѣлъ изоб-
ить себя выкалывающимъ глаза и рвущимъ губы побѣжден-

нымъ *). Подъ вліяніемъ ассиріянъ, и у персовъ усилилась жестокость по отношенію къ плѣннымъ. Они усвоили сирійскій обычай возить плѣнниковъ на веревкахъ, привязанныхъ къ концу, продѣтому сквозь губы. Обыкновенною карою у нихъ было увѣчье, выкалываніе глазъ, отсѣченіе носа, рукъ, ногъ и т. д. Плѣнныхъ, обреченныхъ на смерть, сажали на колъ, сжигали, распинали, сдирали съ нихъ кожу, закапывали живыми въ землю. При послѣднихъ разорительныхъ походахъ прибавились новые виды смертной казни: медленное давленіе черепа, послѣдовательное отрѣзываніе членовъ и проч.

Самую красивую картину представляла, конечно, выходившая на мостъ безчисленная персидская конница. Знатные персы отъ мидянъ ихъ великолѣпные костюмы и вооруженіе. Всадники были въ чешуйчатыхъ панцыряхъ съ такими же рукавами и поножами, и въ желѣзныхъ шлемахъ, которые у начальниковъ и знатныхъ были покрыты золотою чешуею. Султанъ изъ пучковъ перьевъ или бѣлыхъ конскихъ волосъ украшалъ и прекрасныя лошади, гордо выступавшія подъ своими тяжеловооруженными всадниками: изнѣженность, замѣтная уже въ персидскаго войска, выражалась, между прочимъ, въ сережкахъ изъ дорогаго мѣха и въ сѣдлахъ, которыя подбивались мягкія подушки.

Какими обидными, по сравненію съ персидскою кавалеріею, казались конницы: кисійская, бактрійская, индійская, бывшія частью на лошадяхъ, частью въ колесницахъ, запряженныхъ дикими ослами (онаграми). Вотъ и бактрійскіе лучники — гиппотаксаты — мидійскіе и сирійскіе скиѳы, поставившіе 8.000 конныхъ, вооруженныхъ мечами и ременными арканами. Шестые заняли отрядами каспіевъ, паривнцевъ и аравитянъ, посаженныхъ на верблюдовъ, наступающихъ въ быстротѣ лошадямъ и имѣвшихъ въ виду кавалеріи, чтобы остальныя лошади не пугались.

Одновременно съ войсками, переходившими по мосту, отъ Чернаго къ Мраморному морю, по другому мосту двигался обозъ,— и стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ ржанія лошадей въ повозкахъ, мычанія буйволовъ, захлебываній верблюдовъ, щелканія бичей надсмотрщиковъ, расположенныхъ въ одинаковой мѣрѣ между вьючными животными. Впрочемъ, и на другомъ мосту такіе же надсмотрщики погоняли бичами пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, которые лѣниво двигались впередъ.

*) Layard, Nineveh and Assyria, 162.

расота впечатлѣнія дополнялась еще зрѣлищемъ военнаго
ъ, собраннаго въ Геллеспонтѣ и, по случаю предстоящаго
нтія, украшеннаго вѣнками и цвѣтами: по бортамъ судовъ
ышаны были щиты воиновъ и нѣсколько желѣзныхъ яко-
Носъ судовъ оканчивался мѣднымъ тараномъ, чтобы про-
ъ непріятельскія суда; на верхней его части были разныя
пенія и, кромѣ того, онъ имѣлъ удлиненную форму въ
гусиной шеи. На кормѣ судовъ виднѣлись разныя эмб-
— особыя для каждаго государства; такъ какъ палубъ не
, то для защиты отъ волнъ и непріятельскихъ стрѣлъ по
амъ были натянуты кожи. Тутъ были суда финикійскія,
ятскія, кипрскія, киликійскія, памфилійскія, ликійскія, ка-
:ія и суда малоазійскихъ грековъ. Невольно бросались въ
ъ дикія фигуры ликійцевъ, одѣтыхъ въ латы, — поверхъ
рыхъ наброшены были козьи шкуры, — и въ головныхъ
ахъ, увѣнчанныхъ перьями.

Внутри судовъ были сложены снаряды для морскихъ сра-
й: *дельфинъ* — тяжелая металлическая масса, формою соот-
твующая своему названію, которую прикрѣпляли къ вер-
ѣ мачты и оттуда сбрасывали на непріятельское судно, —
ъ на длинномъ шестѣ для перерѣзыванія вражескихъ снас-
а также *гарпагоны* и *желѣзныя руки* — тяжелые шесты съ
ами и крыльями, употреблявшіеся для абордажа.

Послѣ сидонскихъ, наилучшими кораблями были представ-
ые знаменитою Артемизіею, подъ начальствомъ которой были
карнассцы, коссцы, нисиріяне и калидны.

Артемизія предприняла походъ по собственному побужденію,
зъ всѣхъ союзниковъ она подавала Ксерксу наилучшіе со-
ы. Аѳиняне назначили было 10.000 драхмъ награды тому,
возьметъ ее живою, такъ какъ въ особенности негодовали,
съ ними сражается женщина. При Саламинѣ, однако, Ар-
изіи удалось спастись хитростью.

Легко представить себѣ, съ какою гордостью и съ увѣрен-
тью въ побѣду смотрѣлъ Ксерксъ на свою необъятную ар-
, металлическою змѣею передвигавшуюся съ одного берега
леспонта на другой: предъ очами его была вся эта масса
стящихъ воиновъ, — цвѣтъ столькихъ покоренныхъ персами
одовъ, — эта масса бѣшеныхъ коней въ расшитыхъ золо-
ъ попонахъ, сверкавшихъ на солнцѣ яркими огнями, въ
уѣ съ перьями, погремушками, звенѣвшихъ серебряными
окольчиками, тѣснившихся на мосту; а тамъ — по равнинѣ —
ія же массы войска, среди котораго рѣяли и развивались по
духу разноцвѣтныя знамена; далѣе снова войска и еще, и
е, насколько можетъ охватить глазъ, — и все это движется
одному мановенію его руки. Гордость азіатскаго владыки

должна была въ тотъ день испытывать полное удовле
а какъ далеки были отъ Ксеркса черныя мысли или пре
того, что маленькая, но одушевленная любовью къ
и независимости Грецiя сокрушитъ въ недалекомъ б
искусственно созданную лавину, надвигавшуюся на
востока.

Историки нѣсколько разногласятъ о численности ко
арміи, которая въ теченіе семи дней и семи ночей бе
вочно передвигалась чрезъ проливъ изъ Азіи въ Европ
дотъ считаетъ ее въ 1,700.000 человѣкъ и прибавляе
80.000 кавалеріи. Діодоръ Сицилійскій опредѣляетъ
800.000 пѣхотинцевъ, Исократъ сбавляетъ еще 100.0
вѣкъ. Эліанъ даетъ ту же численность для всей арміи
хоты и кавалеріи вмѣстѣ, Юстинъ и Орозъ прибавля
этому числу еще 300 тысячъ вспомогательныхъ войскъ
нецъ, Корнелій Непотъ опредѣляетъ численность это
въ 700 тысячъ пѣхоты и 400 тысячъ кавалеріи.

Какъ ни громадно и ни страшно было перешедшее въ
войско Ксеркса, но оно имѣло много слабыхъ сторонъ.
мая громадность его представляла большія затрудненія в
шеніи продовольствія и удобоподвижности. Чрезвычайное
образіе народностей, ихъ характера и вооруженія такж
шало достоинство арміи. Ядро ея — персы хотя все
превосходили другіе народы Азіи своею храбростью,
уже не были суровые, закаленные въ лишеніяхъ воины
Господство надъ многими богатыми странами и награб
сокровища уже сказались порчею ихъ нравовъ и прив
къ роскоши и нѣгѣ, которую они перенесли и въ свои
Военачальники, подражая царю, и во время похода не р
вались со своимъ гаремомъ, т. е. съ женами и наложн
которыя слѣдовали за ними въ носилкахъ, имѣя при себѣ
богато одѣтыхъ слугъ. Это обстоятельство еще болѣе уве
вало количество обоза и нестроевыхъ людей, обременяло
и стѣсняло его продовольствованіе и его движенія.

Сносное вооруженіе было лишь у наиболѣе богатыхъ
довъ, остальные были вооружены какъ попало: припас
халивовъ, оружіемъ которыхъ были палки съ заостренны
обожженными на огнѣ концами, или сагартянъ, которые и
лишь ножъ за поясомъ, да арканъ въ рукахъ. При своем
хомъ вооруженіи и недостаткѣ воинской дисциплины,
ненныя народности, неволею собранныя въ походъ.
были сражаться, какъ рабы, бичами персидскихъ приста
загоняемые въ битву, и, конечно, не отличались особым
ніемъ и мужествомъ; а нѣкоторые изъ нихъ, оплакивая
своей независимости, вѣроятно, отъ всего сердца жела

и своимъ порабoтителямъ — тѣмъ болѣе, что персы, всегда
ственные въ бою, были лишены дара организаціи, который
ходимъ, чтобы сплотить и слить воедино разнообразные
дные элементы. Они оставляли существовать бокъ о бокъ,
ытаясь даже принять мѣры къ взаимному ихъ смѣшенію.
ена и народности различныя по происхожденію, вѣрова-
ъ, нравамъ, языку, одеждѣ, такъ что всѣ вмѣстѣ они со-
ляли хотя и огромное, но лишенное души тѣло. Кромѣ
, многіе уроженцы жаркихъ странъ, выступившіе въ походъ
нагими, должны были страдать отъ холода и ненастья въ
ривычномъ для нихъ европейскомъ климатѣ. Поэтому не-
зительно, что при дальнѣйшемъ движеніи разноплеменная
я Ксеркса, ничѣмъ не воодушевленная и не связанная ни-
имъ общимъ духомъ, общимъ стремленіемъ, должна была
оянно и быстро уменьшаться отъ недостатка продовольствія,
Ѣзней, меча непріятелей и отъ многочисленныхъ побѣговъ.
онецъ, и самъ верховный вождь этой громадной арміи былъ
ркс, неопытный въ дѣлахъ, возросшій посреди дворцовой
и.

Послѣ пораженія и уничтоженія флота при Саламинѣ,
ркс съ остатками своей арміи сталъ поспѣшно отступать
зъ Ѳессалію, Македонію и Ѳракію, по странѣ, какъ саран-
, опустошенной его же войскомъ при наступленіи на Грецію.
ъ тысячи его воиновъ погибли отъ голода, холода и вся-
кихъ лишеній: по свидѣтельству Эсхила, множество ихъ по-
уло при переходѣ чрезъ Стримонъ (Марицу), когда подъ
ми провалился ледъ, разрыхленный уже лучами солнца.
мая колесница, посвященная солнцу, была потеряна во
акіи.

Прибывъ къ Геллеспонту, Ксерксъ нашелъ мосты разбитыми
ею, — и вотъ этотъ царь царей, для войска и флота котораго
е такъ недавно земля и море казались слишкомъ малыми,
нужденъ былъ переправиться чрезъ проливъ почти одинъ,
простой рыбачьей лодкѣ, и затѣмъ бѣжать далѣе и запе-
ться въ Сардахъ.

По разбитіи Ксеркса, греки поплыли къ острову Самосу:
мъ они совѣщались о дѣлахъ Іоніи, приняли самосцевъ, хіос-
въ, лесбійцевъ и другихъ островитянъ въ общій союзъ эл-
новъ и отправились къ Геллеспонту съ намѣреніемъ уничто-
ить мосты, построенные персами. Прибывъ въ Абидосъ, союз-
ики раздѣлились. Спартанцы, увидя, что мосты уже разру-
ены, возвратились въ отечество. Аѳиняне же, напротивъ,
риступили къ осадѣ Сестоса и вели ее съ большимъ напря-
еніемъ.

Между тѣмъ наступила поздняя осень. Утомленное войско

желало прекратить осаду, но полководцы не соглашали
должая ее, несмотря на позднее время года, и наконец
тигли своей цѣли. Крѣпость сдалась аѳинянамъ, кото
вершивъ этотъ подвигъ, отправились съ богатою
обратно въ Элладу и посвятили богамъ снасти отъ мос
строеннаго Ксерксомъ.

Самъ Ксерксъ, послѣ своего пораженія, удалился въ
и провелъ остатокъ своего царствованія въ грубыхъ нас
ніяхъ и интригахъ: онъ былъ убитъ Артабаномъ, на
комъ его тѣлохранителей.

Между тѣмъ Абидосъ переходилъ изъ рукъ въ руки
надлежалъ то аѳинянамъ, то лакедемонянамъ, и проч
своимъ энергичнымъ сопротивленіемъ Филиппу V Ма
скому, сыну Дмитрія и отцу Персея, который опустоши
рега Пропонтиды и сжегъ бо́льшую часть городовъ, отк
шихся подчиниться ему.

Филиппъ осадилъ Абидосъ въ 201 г., требуя безус
сдачи и не соглашаясь на капитуляцію на извѣстных
віяхъ. Осажденные, потерявшіе всякую надежду на сп
собрались на площади, чтобы рѣшить, что̀ имъ дѣлать.
гласно принято было предложеніе освободить всѣхъ ра
вооружить ихъ на защиту города, во-вторыхъ, запереть
женщинъ въ храмѣ Діаны, а дѣтей съ кормилицами — въ п
зію, и, наконецъ, собрать на площадь все золото и сереб
кое только найдется въ городѣ, а всѣ остальныя драгоц
сти сложить въ квадрирему родоссцевъ и въ трирему кизи
Затѣмъ выбрали пятьдесятъ старѣйшихъ жителей города
ставили ихъ принести публично клятву въ томъ, что
только они увидятъ, что врагъ уже овладѣлъ внутре
городскими стѣнами, то они убьютъ женщинъ и дѣтей, сож
суда, нагруженныя драгоцѣнностями, и бросятъ въ море с
ное на площади золото и серебро. Послѣ того, призвавъ
цовъ, всѣ абидоссцы поклялись побѣдить, либо умереть с
жіемъ въ рукахъ — и, совершивъ жертвоприношеніе, заст
жрецовъ и жрицъ произнести проклятія противъ тѣхъ, к
мѣнилъ бы своей клятвѣ.

Когда осаждающимъ удалось разрушить часть внутре
стѣны, абидоссцы, вѣрные своей клятвѣ, мужественно с
лись на самой бреши, несмотря на то, что Филиппъ без
рывно посылалъ на приступъ все новыя и новыя войска. О
денные отражали нападеніе съ бѣшенствомъ отчаянія. Они
жались не только мечами и копьями, но когда ихъ оруж
малось или бывало вырвано изъ рукъ, просто бросались на
кедонцевъ и опрокидывали ихъ тяжестью своего тѣла, лом
то же время сариссы другихъ и обломками македонскаго

:ія поражая нападающихъ въ лицо и всюду, гдѣ тѣло не прикрыто бронею.

Іри наступленіи ночи рѣзня прекратилась: приступъ былъ тъ, несмотря на всѣ усилія Филиппа. Груды труповъ почти лили брешь. Уцѣлѣвшіе абидоссцы едва держались на но- отъ усталости и отъ ранъ. Но напрасны были геройскія ія обреченнаго на гибель города.

Благодаря измѣнѣ двухъ абидоссцевъ, забывшихъ свою клятву елавшихъ спасти своихъ женъ и дѣтей, городъ былъ пре- ь Филиппу, который безпрепятственно захватилъ всѣ со- ныя богатства. Каково же было его изумленіе, когда онъ цѣлъ, что абидоссцы сами стали убивать своихъ женъ и дѣ- однихъ они закалывали, другихъ душили или бросали въ одцы, третьихъ сбрасывали съ высокихъ кровель. При видѣ о печальнаго зрѣлища жалость проникла въ сердце маке- скаго царя, но способъ выраженія состраданія былъ выбранъ ольно своеобразный, а именно: Филиппъ велѣлъ громогласно явить повсюду, что онъ даетъ еще три дня жизни всѣмъ ъ, кто желаетъ повѣситься или вообще покончить самоубій- омъ *).

Но и въ этомъ абидоссцы не захотѣли зависѣть отъ маке- скаго царя, и сцены ужаса возобновились. Нехотѣвшіе пере- гь паденія своего роднаго города и павшихъ его защитниковъ, доссцы въ каждомъ домѣ стали убивать другъ друга, а жен- ны и дѣти были умерщвлены македонянами, каждая инымъ собомъ смерти — „vario mortis genere occiderunt". какъ гово- ъ Титъ Ливій (lib. XXX). Такой образъ дѣйствій абидос- въ, повидимому, служитъ опроверженіемъ мнѣнія Стефана зантійскаго, что жители этого города были развратны и из- жены.

Не взирая на столько постигшихъ катастрофъ, Абидосъ одолжалъ существовать до временъ византійскихъ импера- ювъ, когда судьбы его дѣлаются почти совершенно неиз- стными.

Страшна была въ древности участь городовъ, которые имѣли счастіе быть взятыми приступомъ: жестокость, которую выка- вали при такихъ обстоятельствахъ, имѣла своимъ источни- мъ весь складъ тогдашней жизни, когда на всякаго иностранца и обитателя другаго города смотрѣли, какъ на личнаго своего ага, по отношенію къ коему все считается дозволительнымъ. ъ тѣ времена, когда цѣлые народы сметались съ лица земли, гда убійства и рѣзня производились въ размѣрахъ, которые жутся въ настоящее время едва вѣроятными, — въ тогдашнее

*) Polybe. Histoire générale de la république romaine, lib. XVI.

время жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, или даже
нія цѣлаго города, представлялась, конечно, величиною,
щею никакой цѣнности.

Даже и при внутреннихъ междоусобіяхъ между гра
одного и того же города проявлялась жестокость и
истинѣ изумительная. Приведу, между прочимъ, одинъ
происходившій въ Милетѣ.

Со времени пелопонезской войны и до завоеванія
римлянами, во всякомъ городѣ богатый и бѣдный пред
изъ себя два вражескихъ стана, жившихъ лишь бокъ
одинъ съ другимъ, и нельзя сказать, который изъ двух
шалъ болѣе преступленій, болѣе жестокостей.

Въ Милетѣ во время одного изъ столкновеній мех
ными и богатыми, послѣдніе были сначала побѣжден
гнаны изъ города. Бѣдные тогда стали сожалѣть, зач
перебили побѣжденной партіи. Чтобы утѣшиться, они
въ сараяхъ дѣтей богачей и растоптали ихъ копытами
Между тѣмъ богатые оправились и снова возвратились
воеванный ими обратно городъ: тогда, въ свою очере
забрали дѣтей бѣдняковъ, обмазали ихъ смолою и
живьемъ *).

Но не надо забывать, что подобныя описаннымъ выш
жестокости происходили и въ настоящемъ вѣкѣ, им
основаніе считать себя просвѣщеннымъ: хіосская рѣзня
гіе эпизоды борьбы Греціи за независимость какъ бы
ваютъ, что въ этихъ благословенныхъ странахъ и въ
время цѣнность человѣческой жизни немного увеличил
сравненію съ тѣмъ, что было двадцать вѣковъ тому наз

Позволю себѣ напомнить нѣкоторые изъ эпизодовъ
борьбы, рисующихъ характеръ и обычаи обѣихъ, прин
шихъ въ ней участіе, сторонъ.

Еще до прибытія Дмитрія Ипсиланти въ Морею, кр
Монемвазія и Наваринъ сдались на капитуляцію, ко
однако, тотчасъ же была нарушена, и все находившееся
турецкое населеніе было истреблено самымъ безчеловѣч
образомъ; женщины, раздѣтыя донага, бросались сами въ
чтобы спастись отъ позора, и служили тамъ цѣлью для вы
ловъ; дѣтямъ раздроблялись головы объ утесы.

Нѣсколько позднѣе, одинъ изъ греческихъ предводи
Пониропулосъ, хвастался предъ англійскимъ генераломъ
домъ, извѣстнымъ историкомъ греческой революціи, „не
новенною ловкостью, съ которою онъ укралъ и уничто
копію съ капитуляціи, выданную туркамъ въ Наваринѣ.

*) La cité antique, par Fustel de Coulanges, p. 412.

чтобы не оставалось и слѣдовъ какихъ либо съ ними говоровъ".

Въ отношеніи дикости и звѣрства греки немного уступали ульманамъ.

Слухи о богатствахъ, скрытыхъ въ осажденной Триполицѣ, няли такіе баснословные размѣры, что все владѣвшее орумъ окрестное населеніе охотно стекалось къ стѣнамъ крѣи въ чаяніи грабежа и добычи. Турки старались лишь оворить себѣ выгодную капитуляцію. Мавромихали предлаъ перевезти ихъ всѣхъ съ семействами въ Малую Азію, буя уплаты за то десяти милліоновъ рублей, но условіе о неисполнимо за невозможностью достать столь огромную му.

Осада затягивалась, хотя конечный ея результатъ не могъ лежать сомнѣнію. Разсчитывая на сокровища, заключенныя городѣ, греческіе полководцы заранѣе мучились мыслью, эти богатства имъ придется раздѣлить со своимъ войскомъ. и поспѣшили заблаговременно принять противъ этого свои ры.

Подъ стѣнами Триполицы начался постыдный торгъ: вожди упали въ сношенія съ богатѣйшими изъ мусульманъ въ гоцѣ и, обѣщая имъ подъ страшными клятвами свою защиту покровительство на случай взятія города, получали въ наду за это деньги и драгоцѣнности.

Слухъ объ этомъ не замедлилъ распространиться между солгами и возбудилъ въ нихъ неописанное негодованіе. Опасаясь найти при взятіи города тѣхъ сокровищъ, которыя такъ лго манили ихъ воображеніе, они рѣшились проникнуть туда медленно, даже вопреки приказаніямъ своихъ вождей. Удобй для этого случай представился 5 октября 1821 г. Воспольвавшись тѣмъ, что отрядъ войска успѣлъ овладѣть одними ъ городскихъ воротъ, вся греческая армія бросилась вслѣдъ нимъ — и точасъ же начались въ Триполицѣ страшныя сцены абежа, рѣзни и истребленія. Когда вожди проникли, наконецъ, въ городъ, то были уже не въ состояніи обуздать своей льницы.

Французскій полковникъ Reybaud, находившійся въ лагерѣ рековъ, разсказываетъ, что безчеловѣчіе побѣдителей превосходило всякое вѣроятіе, что многія женщины и дѣти подвергуты были предъ смертью истязаніямъ и пыткамъ, что около вухъ тысячъ изъ нихъ были отведены на сосѣднюю гору и ерерѣзаны тамъ всѣ до единаго.

Трупы валялись кучами по улицамъ, такъ что конь Колокорони ни разу не коснулся копытомъ земли на всемъ протяженіи отъ городскихъ стѣнъ до самаго дворца. Генералъ Гор-

донъ увѣряетъ, что во время этой страшной рѣзни, продолжавшейся цѣлыхъ три дня сряду, погибло восемь тысячъ мусульманъ, не считая молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, уведенныхъ въ рабство.

Отвѣтомъ турокъ на это злодѣйство была хіосская рѣзня, когда 23.000 жителей погибло отъ меча, 47.000 было обращено въ рабство, и только 5.000 успѣли спастись бѣгствомъ, платя иногда за небольшую ладью громадныя суммы денегъ.

Къ несчастію, нашлись люди, которые и при такомъ страшномъ бѣдствіи не забыли корыстныхъ своихъ разсчетовъ. Нѣкоторыя консульства давали у себя убѣжище спасавшимся неиначе, какъ отбирая у нихъ предварительно почти все имущество, — и первое мѣсто между этими злодѣями принадлежитъ неаполитанскому консулу — Богліако *).

В. Тепловъ

*) Борьба Греціи за независимость, Θеοκτистова, по Finlay и Gervinus. 71—82.

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ

Очеркъ музыкальной дѣятельности

I

етръ Ильичъ Чайковскій является въ настоящее время
ъ изъ крупнѣйшихъ композиторовъ не только у насъ, но
Европѣ. Если Франція можетъ выставить Гуно, Сенъ-
а и Тома, Италія — Верди и Бойто, Германія — Брамса и
марка, то Россія можетъ смѣло гордиться такими име-
, каковы Рубинштейнъ и Чайковскій, произведенія кото-
, цѣнятся не однимъ только нашимъ отечествомъ; едва ли
либо изъ нашихъ композиторовъ достигъ такой популяр-
я за границей, какъ названные два.

Правда, находятся люди, съ яростью отстаивающіе свои
жковые" интересы, провозглашающіе чуть не о каждомъ
омъ" авторѣ, что онъ-то и есть вновь народившійся геній
по меньшей мѣрѣ, „глава русской школы", — хотя бы этотъ
ій" только еще задумалъ написать что нибудь, — и въ то
ремя игнорирующіе или, во всякомъ случаѣ, умаляющіе
инство двухъ названныхъ композиторовъ; но эти выходки
ю простить ради ихъ комической оригинальности, ибо
цать очевидное можетъ только слѣпой или нарочно закры-
цій глаза. Къ прискорбію ратующихъ за quasi-національ-
партію и за „молодую русскую школу" (точно у насъ есть
возможна старая!), мало кто ихъ слушаетъ. Факты налицо:
ія Рубинштейна и Чайковскаго составили себѣ громкую
тацію, тогда какъ имена величающихъ себя „геніями"
ѣмъ еще пока не признаны и даже мало кому извѣстны
Россіи (кромѣ Петербурга и отчасти Москвы), не говоря
о западѣ, — хотя нужно имъ отдать справедливость, —
они болѣе или менѣе талантливые люди и способны писать
ресныя вещи.

Какъ бы то ни было, если у Рубинштейна и Чайковскаго
ть такой „кружокъ" недоброжелателей, который, къ слову

сказать, сталъ за послѣднее время снисходи-
къ послѣднему, то онъ настолько немногочи-
что едва ли въ состояніи пошатнуть своими
прочное реноме въ музыкальномъ мірѣ; а о
нечего.

Поэтому, приступая къ обзору художестве-
П. И. Чайковскаго, считаемъ небезъинтер-
миться съ тѣми условіями и обстоятельствами
которыя такъ или иначе вліяли на развитіе е
еще имѣть талантъ,—необходимо, чтобы его
Шуманъ справедливо гдѣ-то замѣчаетъ, что по
тисту, какъ воздухъ. Какъ бы крупенъ онъ не
онъ не встрѣчаетъ симпатій и сочувствія понима
талантъ этотъ или заглохнетъ, или же плоды е
во-время. Нашъ композиторъ встрѣтился на пут
жественнаго развитія съ благопріятствовавшими у
о нихъ не можемъ умолчать. Его артистическа
многомъ аналогична съ карьерой А. Н. Сѣрова.
щаго также къ группѣ композиторовъ, забракова
комъ"; но съ тою разницей, что Сѣрову пришло
ровую школу самообразованія, чего Чайковскій не

По пріѣздѣ въ Петербургъ на десятомъ году
дился на Воткинскомъ заводѣ, въ вятской губерніи
1840 г., гдѣ отецъ состоялъ окружнымъ горнымъ ин
П. И. поступилъ въ училище правовѣдѣнія, откуда, ка
открывается обширный доступъ къ высшимъ судеб
ностямъ. Хотя въ кругъ домашняго воспитанія,
молодымъ Чайковскимъ, и входила фортепіанная
общеобразовательный элементъ, и хотя родители обр
маніе на его музыкальныя способности, но имъ и въ
приходило, чтобы ихъ сынъ могъ предпочесть адми
ной карьерѣ съ опредѣленнымъ положеніемъ въ обще
нистый путь артиста (та же исторія, что съ Сѣровы

Первоначальные уроки фортепіанной игры давал
вѣстный въ то время пьянистъ Кюндингеръ. Во вре
бытности въ училищѣ, онъ много занимался музыкой
часто посѣщалъ итальянскую оперу. Извѣстно, что въ
правовѣдѣнія, находившемся подъ покровительствомъ
Ольденбургскаго, страстнаго любителя музыки, обра
серьезное вниманіе на это искусство. Разумѣется, такое
реніе воспитанниковъ училища къ музыкальнымъ за
(тамъ даже устраивались домашніе концерты) не мог
поддержать въ молодомъ Чайковскомъ увлеченія музык
которой онъ и безъ того питалъ особенную любовь; по
что раннее знакомство на школьной скамьѣ съ классиче

ыкальной литературы не могло не оказать самаго вліянія на его воспріимчивую музыкальную на-ло первымъ, весьма важнымъ, на нашъ взглядъ, омъ, вліявшимъ на развитіе его вкуса и художе-стинкта.

-толь же важное обстоятельство — это итальянская родители, состоятельные люди (отецъ былъ впо-ректоромъ технологическаго института), часто его леченіе итальянской мелодіей въ плѣнительной пере-рвоклассными свѣтилами пѣнія — не исключительное жизни нашихъ композиторовъ. Наиболѣе богатые ой изобрѣтательностью, Глинка и Сѣровъ, на ней ь; вліяніе итальянской мелодіи сказалось и на произ-Чайковскаго. И неудивительно, итальянская опера основныхъ положеніяхъ, выработанныхъ традиціей, исключительно къ *мелодіи*; здѣсь драматическое дѣй-ѣетъ второстепенную роль; характеры, личности, сце-ситуаціи и драматическія коллизіи стушовываются ьшаго простора мелодіи; все приносится въ жертву этъ предъ значеніемъ сопрано, альта, тенора и бари-о мелодія возводится на недосягаемую высоту; она — омега всего опернаго произведенія.

къ какъ мелодія, — чтобы тамъ ни говорили музыкаль-ософы или философствующіе музыканты, — всетаки душа музыкальнаго произведенія, то понятно, что ею упи-масса, и что она приковываетъ вниманіе истиннаго льнаго таланта. Только за послѣднія 20 — 25 лѣтъ у ародилась группа композиторовъ, лукаво мудрствующихъ, ющихъ въ музыкѣ основу всѣхъ ея основъ и стараю-перенести музыку изъ области искусства въ область и замѣнить ясную и понятную для всѣхъ мелодію му-но-научными трактатами, доступными незначительному инству, и то спеціально подготовленному къ нимъ; эти анты - философы совершенно забываютъ, что въ нашемъ ствѣ декартово положеніе: „cogito ergo sum“ возможно только братномъ смыслѣ: коль скоро музыка cogitat, переходитъ области душевныхъ настроеній въ область *мысли*, ergo t. Однако долголѣтній опытъ заставилъ ихъ, кажется, по-что путь ихъ ложенъ, и что напрасно заковываютъ они дарованія въ какіе-то ими измышленные, никому ненуж-и никѣмъ непризнанные законы; такъ можно судить по лѣднимъ ихъ произведеніямъ, гдѣ ужъ изрѣдка замѣчается вращеніе къ мелодіи.

Разумѣется, въ комъ избытокъ творчества искалъ себѣ про-ора, кому не приходилось прикрывать свое духовное убоже-

ство разными механическими хитросплетеніями и математическими выкладками, тотъ или вовсе не поддавался теченію, которое можетъ быть названо „игрою въ прокладываніе новыхъ и небывалыхъ путей въ музыкѣ“, или же, увлекшись немного, тотчасъ переходилъ на свой настоящій путь, предоставляя другимъ прикрываться щитомъ непризнаннаго генія и обольщать себя званіемъ и ролью „мученика за идею“. Чайковскаго также одно время охватило это „вѣяніе“, какъ мы это ниже увидимъ; но онъ скоро стряхнулъ съ себя его оковы, и благотворное вліяніе итальянской оперы отозвалось на мелодическомъ его талантѣ также, какъ и на талантахъ нашихъ выдающихся композиторовъ.

Окончивъ на девятнадцатомъ году жизни (1859) свое образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, молодой Чайковскій поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Но нетрудно себѣ представить, какую душевную борьбу долженъ былъ онъ вынести. Для него музыка уже не была предметомъ одного только удовольствія. Куда было идти? Консерваторій и правильно-организованныхъ музыкальныхъ училищъ еще не было, кромѣ первоначальныхъ, въ которыхъ онъ ужъ не нуждался; о русской оперѣ тоже еще нельзя было говорить, какъ о прочномъ, сформировавшемся институтѣ; музыкальныхъ обществъ, куда молодой талантъ могъ бы принести свое произведеніе, тоже не было. Если и существовали меценаты, любившіе отечественную музыку и готовые для нея кое-что сдѣлать (гр. Віельгорскій, кн. Волконскій и др.), то, во 1-хъ, доступъ къ нимъ былъ неособенно легокъ для неизвѣстнаго, начинающаго композитора, а во 2-хъ, все это носило характеръ благотворительности...

Людямъ, не вынужденнымъ смотрѣть на музыкальное искусство, какъ на средство къ существованію, при талантѣ и любви къ музыкѣ, можно было еще бороться съ равнодушіемъ общества, переносить всяческія неудачи, доставлявшія имъ немало непріятныхъ минутъ, и ждать лучшихъ временъ для отечественной музыки. Такъ, Глинкѣ и Даргомыжскому не приходилось думать о насущномъ хлѣбѣ, предавшись своему искусству; имъ не нужно было тратить свое время на бѣганье по урокамъ, которые къ тому же въ то время такъ рѣдко попадались и такъ мизерно оплачивались; для нихъ, кромѣ борьбы, такъ сказать, идеальной, другой не было: они были люди, обезпеченные матеріально; они могли поѣхать за границу, учиться тамъ у лучшихъ преподавателей, пролагать себѣ дорогу, хотя бы при помощи тѣхъ же меценатовъ. Совершенно въ другомъ положеніи находились Сѣровъ, Рубинштейнъ и Чайковскій, изъ которыхъ второй скорѣе все таки могъ выбиться на дорогу, благодаря

своему необыкновенному виртуозному таланту. Но Сѣровъ и Чайковскій...

Ихъ готовили совсѣмъ не къ той дѣятельности, которой они впослѣдствіи посвятили себя. Имѣя призваніе къ искусству, они должны были службой пріобрѣтать необходимое къ жизни, вынуждены бороться съ идеалами родителей, желающихъ видѣть своихъ дѣтей обезпеченными и сдѣлавшими „карьеру“; само собой разумѣется, что музыкальной карьеры они вовсе не признаютъ, считая это занятіе „пустой тратой времени“. Не слѣдуетъ забывать, что музыка въ то время считалась предметомъ роскоши; ею занимались состоятельные любители, какъ пріятнымъ препровожденіемъ времени; слѣдовательно, молодому музыканту нельзя было разсчитывать на уроки или чью либо поддержку, и рѣшившіеся посвятить себя музыкѣ дѣйствительно находились въ самомъ критическомъ положеніи. Ни матеріальной, ни художественной, ни нравственной поддержки ждать было неоткуда, и нужно было много силъ, энергіи и воли, чтобы рѣшиться промѣнять свое опредѣленное положеніе съ извѣстными шансами на будущее, на сомнительный артистическій путь, да еще при тѣхъ условіяхъ, когда нѣтъ доступа куда бы то ни было, нѣтъ руководителей, которые указали бы настоящую дорогу, и когда внутренній голосъ сомнѣній, часто присущихъ таланту, предлагаетъ еще иногда вопросы въ родѣ: „да выйдетъ ли еще изъ тебя что нибудь?..“ „есть ли въ самомъ талантъ...“ „не мечта ли это воображенія?..“ и пр. Вспомнимъ переписку Сѣрова.

Въ такомъ именно положеніи очутился 19-лѣтній Чайковскій, поступившій — скорѣе, разумѣется, изъ угоды отцу, чѣмъ по собственному желанію — на службу. Неудивительно, что молодая артистическая натура не ужилась съ холоднымъ канцелярскимъ формализмомъ, и что художническій темпераментъ не вынесъ чиновничьяго status-quo и неизмѣнной монотонности въ занятіяхъ. И вотъ П. И., пробывъ нѣсколько лѣтъ на службѣ, выходитъ въ отставку. Слѣдить за всѣми жизненными его перипетіями — дѣло будущихъ біографовъ; для нашей цѣли достаточно сказать, что онъ испыталъ всѣ невзгоды артистическаго пути на первыхъ порахъ своей карьеры: и разрывъ съ родителями, и отсутствіе средствъ къ жизни, и неизвѣстность береговъ, къ которымъ онъ стремился, и связанныя съ этой карьерой душевныя терзанія, и пр. Недаромъ говоритъ Гете: „Вѣнокъ дается артисту за его страданія...“

Нужно однако сознаться, что какъ ни тяжело было матеріальное положеніе нашего композитора въ это время, все же ему легче было добиться своихъ цѣлей, чѣмъ Сѣрову. Въ 1858 году было основано, какъ извѣстно, по иниціативѣ А. Г. Ру-

бинштейна, „Русское музыкальное общество“; кромѣ того, устро
были музыкальные классы въ Михайловскомъ дворцѣ подъ р
ководствомъ того же Рубинштейна, еще до открытія консер
торіи въ 1862 г. Разумѣется, Чайковскій былъ однимъ и
первыхъ, поступившихъ туда, и, такъ какъ онъ былъ знач
тельно подготовленъ, то и попалъ сразу въ классъ конт
пункта къ профессору Зарембѣ, человѣку хотя и педантичн
въ своихъ взглядахъ на музыку, но основательно знавш
свой предметъ. Здѣсь онъ изучилъ классическія музыкальн
формы и окончилъ консерваторію въ Петербургѣ въ 186
Такимъ образомъ въ текущемъ году исполняется 25 лѣтъ
тистической его дѣятельности.

Какъ разъ въ этомъ же году открылась консерваторія
Москвѣ подъ руководствомъ Н. Г. Рубинштейна, и Чайковс
туда былъ приглашенъ профессоромъ исторіи музыки. Значе
Н. Г. Рубинштейна въ карьерѣ нашего композитора было
мадно: въ немъ онъ нашелъ не только друга, но и тонк
цѣнителя и талантливаго толкователя своихъ произведеній.
вѣдуя художественной частью московскаго отдѣленія „Рус
музык. общ.“, покойный Рубинштейнъ имѣлъ возможность
зывать помощь начинавшему тогда композитору. Чайковс
могъ смѣло разсчитывать, что его произведенія не пролеж
гдѣ нибудь въ музыкальномъ складѣ, выжидая счастливаго
чая, и что, разъ они попали въ такія умѣлыя дирижерскія
профессорскія руки, каковы были руки Н. Г. Рубинштейн
успѣхъ за нимъ обезпеченъ, — а это ужъ немало.

Только въ Москвѣ Чайковскій могъ заняться своимъ
ломъ. Встрѣченный довольно радушно публикой и прессой,
не падалъ духомъ и продолжалъ писать, надѣясь на свои сил
Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что публика отнесл
неособенно дружелюбно къ первымъ произведеніямъ, подп
саннымъ незнакомымъ ей именемъ; толпѣ нуженъ ярлы
громкое имя; только передъ авторитетомъ она преклоняет
умѣть отличить настоящее дарованіе немногіе способны... Г
раздо изумительнѣе въ этомъ случаѣ отношеніе прессы... О
руководимая людьми тенденціозныхъ взглядовъ на искусст
старалась унизить все, что носило въ себѣ слѣды системати
ческаго и классическаго музыкальнаго образованія. Такъ, напр
по поводу первыхъ сочиненій Чайковскаго рецензентъ „Пете
бургскихъ Вѣдомостей“, г. Кюи, писалъ, что „консерваторія в
пускаетъ бездарностей, лишенныхъ музыкальнаго чутья“, а в
увертюра къ „*Ромео и Джульеттѣ*“ была написана въ 1867
„*Зимнія грезы*“, его первая симфонія, уже вышли въ свѣтъ,
произведенія, безспорно талантливыя и всѣми теперь признанны
за таковыя... Пресса была „для истины глуха и равнодушна.

Пришлось много и усердно работать; пришлось пролагать себѣ путь трудомъ — и — главное нервами.

Чайковскій, будучи занятъ въ консерваторіи, находилъ, однако, время давать уроки (и даже безплатно) и писать. Онъ сразу сталъ пробовать свои силы въ разныхъ жанрахъ композиціи. Одно время онъ пробовалъ было писать критическія статьи по музыкѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, но, убѣдившись въ неудобствѣ совмѣщенія въ одномъ лицѣ двухъ различныхъ дѣятельностей, скоро пересталъ писать въ газетѣ и съ тѣхъ поръ, насколько намъ извѣстно, больше не выступалъ на поприще музыкальной критики.

Единственной мечтой его было — оставить уроки и предаться исключительно творчеству; но это нелегко было сдѣлать въ то время: нужно было пріобрѣсти обширное имя, любовь публики и сбытъ произведеніямъ, чтобы они стали популярными и дали извѣстныя матеріальныя средства, необходимыя къ жизни. Въ послѣднемъ смыслѣ важны въ карьерѣ Чайковскаго услуги музыкальнаго издателя, г. Юргенсона, рано оцѣнившаго талантъ композитора и всячески содѣйствовавшаго распространенію его произведеній (г. Юргенсонъ состоитъ однимъ изъ директоровъ Русск. музык. общ. въ Москвѣ), и главнымъ образомъ — путемъ печатанія и изданія ихъ; въ настоящее время онъ — единственный издатель сочиненій Чайковскаго.

Только съ 1879 г. авторъ „*Онѣгина*“ можетъ считать свою карьеру сдѣланной; въ этомъ году онъ оставилъ консерваторію, а вмѣстѣ съ ней — и свою педагогическую дѣятельность, которая такъ тяготила его. Она однако же не прошла безслѣдно; онъ оставилъ два учебника: гармоніи, принятый, какъ руководство, въ московской консерваторіи (1872 г.), и другой, озаглавленный — „Краткій учебникъ гармоніи, приспособленный къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій въ Россіи“ (1875 г.). Многочисленныя сочиненія, издаваемыя фирмой г. Юргенсона, его вполнѣ обезпечиваютъ матеріально; совершенно свободный отъ мелочныхъ заботъ, поглощающихъ, однако, много времени, онъ можетъ спокойно работать; всѣ сцены и музыкальныя общества нарасхватъ исполняютъ и ставятъ его произведенія; критика и пресса, не съумѣвшая опередить публику и растолковать ей значеніе его для русской музыки, покорены его громаднымъ талантомъ и вынуждены вторить публикѣ; словомъ, композиторъ находится теперь въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, въ которыхъ только можетъ находиться художникъ, преданный своему искусству.

Чайковскій теперь въ самомъ расцвѣтѣ силъ и таланта, и мы вправѣ ожидать отъ него много еще вдохновенныхъ произведеній, если принять во вниманіе разнообразность и гиб-

кость его дарованія, плодотворность и любовь къ дѣлу и т. счастливыя условія, которыя такъ сложились для его дѣятельности; но и сдѣланное имъ до сихъ поръ имѣетъ несомнѣнное право на одну изъ самыхъ выдающихся страницъ въ лѣтописяхъ нашего искусства; имя его уже принадлежитъ исторіи.

Нѣтъ той области композиціи, которую Чайковскій не обогатилъ бы выдающимися произведеніями; чтобы хоть сколько-нибудь оріентироваться въ этой массѣ, намъ придется разсматривать ихъ по группамъ, останавливаясь въ каждой изъ нихъ лишь на тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ по чему либо особенную цѣнность или по идеѣ, или по формѣ. Подробный обзоръ и оцѣнка *всѣхъ* произведеній Чайковскаго — не дѣло журнальнаго очерка; къ тому же композиторъ жизни весьма плодовитъ и сравнительно молодъ. Мы остановимся на его операхъ, симфоніяхъ, концертной и камерной музыкѣ, романсахъ и церковно-духовной музыкѣ.

II

Изъ *девяти* оперъ, написанныхъ Чайковскимъ до настоящаго времени, остановимся только на пяти, сказавъ нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя служили какъ бы подготовительной работой.

„*Воевода*“ (на сюжетъ драмы Островскаго), поставленный въ Москвѣ въ началѣ 1869 г. и выдержавшій всего нѣсколько представленій, успѣха не имѣлъ, какъ потому, что публика еще тогда не знала автора въ качествѣ компетентнаго имени такъ и потому, что критика слишкомъ строго отнеслась къ начинающему композитору. Къ тому же у автора еще не было умѣнья и опытности владѣть массами. Весь почти матеріалъ былъ впослѣдствіи переработанъ для „*Опричника*“. Изъ сохранившихся отъ первой оперы — увертюры и танцевъ („Пляска сѣнныхъ дѣвушекъ“) первая не представляетъ собой ничего выдающагося; тема же танцевъ широка и красива. Эти отрывки, во всякомъ случаѣ, не могутъ дать никакого понятія объ оперномъ талантѣ Чайковскаго — до того они блѣдны; они имѣютъ лишь интересъ, какъ первыя пробы его на оперномъ поприщѣ.

Первая неудача не отбила однако у композитора охоты работать, и онъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ написалъ вторую оперу на сюжетъ извѣстной сказки де-ла-Мотъ-Фуке — „*Ундину*“, которой однако не суждено было увидѣть свѣта. Говорятъ, что авторъ самъ призналъ ее недостойной исполненія на сценѣ и уничтожилъ. Фактъ поучительный: — цѣлую оперу

готовую къ постановкѣ, уничтожить и не показать никому только вслѣдствіе строгаго критическаго отношенія къ созданному (къ сожалѣнію, этого отношенія нашъ композиторъ теперь не обнаруживаетъ)! Не такъ поступаютъ иные „новые“ композиторы теперь, позволяющіе о себѣ трубить повсюду, когда ихъ произведенія еще только задуманы или неокончены.

Третьей оперой слѣдуетъ считать „*Снѣгурочку*“, иллюстрацію къ весенней сказкѣ Островскаго; собственно говоря, „*Снѣгурочку*“ Чайковскаго нельзя назвать оперой, такъ какъ она состоитъ изъ отдѣльныхъ 19 номеровъ, не имѣющихъ между собой никакой связи и не представляющихъ собой ничего цѣльнаго, законченнаго. Написанная по просьбѣ Островскаго и наскоро, она имѣетъ характеръ придатка къ драмѣ; вотъ почему къ „Снѣгурочкѣ“ нельзя предъявлять строгихъ оперныхъ требованій. Поставленная въ началѣ 1873 г. въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ, она выдержала нѣсколько полныхъ представленій, какъ благодаря имени нашего знаменитаго драматурга, такъ и благодаря стараніямъ двухъ первоклассныхъ артистокъ, исполнявшихъ главныя роли. Г-жа Ѳедотова исполняла роль Снѣгурочки, а покойная Кадмина—Леля. Хотя „Снѣгурочка“ должна считаться une pièce d'occasion, однако она имѣетъ такія достоинства, которыя не слѣдуетъ пройти совершеннымъ молчаніемъ.

Основательное знакомство съ классической литературой (кое-что написано въ шумановскомъ духѣ: антрактъ къ четвертому акту и обращеніе Весны къ Снѣгурочкѣ: „Зорь весенних цвѣтъ душистый“), любовь къ русской народной мелодіи (хороводы, пѣсня слѣпыхъ гусляровъ, пѣсенка Леля), ясное изложеніе своихъ мыслей, удачная иллюстрація фантастическаго элемента сказки (появленіе лѣшаго и тѣни Снѣгурочки), изящная и оригинальная гармонизація—вотъ активъ этого произведенія, не претендующаго на серьезное значеніе. Нѣкоторая недодѣланность, проистекающая отъ торопливости, невсегда полное соотвѣтствіе между содержаніемъ дѣйствія и предпосылаемымъ ему антрактомъ (ко второму дѣйствію), неполное совпаденіе музыкальнаго характера съ иллюстрируемымъ текстомъ, употребленіе однихъ и тѣхъ же темъ въ танцахъ, частое прибѣганіе къ педали на секундѣ (излюбленный, впрочемъ, пріемъ Чайковскаго) — таковъ пассивъ „Снѣгурочки“, на которую, повторяемъ, надо смотрѣть, лишь какъ на набросокъ, эскизъ пера.

Что особенно нравится въ „Снѣгурочкѣ“ — это отношеніе автора къ русской пѣснѣ и разработка народныхъ мелодій. У него народный мотивъ не является копіей, фотографическимъ снимкомъ созданнаго народной фантазіей, какъ мы это видимъ сплошь да рядомъ у нѣкоторыхъ композиторовъ, при-

бѣгающихъ къ готовому матеріалу за отсутствіемъ мелодической изобрѣтательности и пользующихся этимъ сырымъ матеріаломъ для научныхъ, если такъ можно выразиться, музыкальныхъ комбинацій. Чайковскій, подобно Глинкѣ, пользуется лишь духомъ вещи, особенностями народнаго духа и придаетъ извѣстному мотиву изящество и опоэтизированныя формы, добытыя искусствомъ; онъ, на канвѣ народной мелодіи, даетъ намъ образчики народнаго характера музыки, принявшіе художественныя формы.

Насколько авторъ „Снѣгурочки“ проникся духомъ „весенней сказки“, можно судить по тому факту, что, несмотря на вышеуказанный характеръ этого произведенія, композиторъ даже въ этомъ музыкальномъ наброскѣ, которому онъ едва ли и самъ придаетъ много значенія, съумѣлъ выдвинуть и намѣтить тѣ характерныя черты, которыя чрезъ восемь лѣтъ послужили матеріаломъ для лучшихъ страницъ оперы того же названія. Мы говоримъ объ оперѣ г. Римскаго-Корсакова, появившейся въ свѣтъ въ 1881 г. Мы далеки отъ мысли, что г. Римскій-Корсаковъ позаимствовалъ что либо у Чайковскаго; но тожество нѣкоторыхъ особенностей, встрѣчаемыхъ здѣсь и тамъ, несмотря на восьмилѣтнее разстояніе между появленіемъ въ свѣтъ той или другой „Снѣгурочки“, бросается въ глаза и свидѣтельствуетъ о великомъ талантѣ Чайковскаго.

Мы говоримъ только, что, взявшись за оперу на этотъ сюжетъ, г. Римскій-Корсаковъ поддался вліянію и направленію музыки Чайковскаго. Напримѣръ, въ интродукціи къ танцамъ и хору птицъ вы слышите у Чайковскаго подражаніе щебетанію птицъ; то же самое, разумѣется, въ передѣланномъ видѣ, находится въ прологѣ къ оперѣ; далѣе, пѣснѣ Леля: „Туча со громомъ сговорилась“ предшествуетъ у Чайковскаго пастушья свирѣль; она встрѣчается и въ оперѣ г. Римскаго-Корсакова, только въ видѣ вагнеровскаго Leitmotiv'a, сопровождающаго каждое появленіе Леля и слѣдящаго за нимъ, какъ тѣнь, повсюду; наконецъ, народный мотивъ „Ай во полѣ липинька“ буквально воспроизведенъ г. Римскимъ-Корсаковымъ; что̀ еще удивительнѣе, этотъ же мотивъ употребленъ авторомъ оперы два раза при различныхъ обстоятельствахъ, точно нельзя было найти какой нибудь другой мотивъ хороводныхъ пѣсенъ.

Все это, повторяемъ, доказываетъ, какъ удалась эта вещь Чайковскому, взявшемуся наскоро за этотъ эскизъ; тѣмъ не менѣе, „Снѣгурочка“ недолго продержалась на репертуарѣ, главнымъ образомъ потому, что сюжетъ, лишенный драматическаго движенія, казался скучнымъ; къ тому же „Снѣгурочка“, какъ занимающая среднюю ступень между оперой и драмой, не могла произвести особенно сильнаго впечатлѣнія.

Строго говоря, „*Опричникъ*“, написанный на сюжетъ драмы Лажечникова и представленный впервые въ Петербургѣ 12-го апрѣля 1874 г. (на маріинской сценѣ, въ бенефисъ г. Направника), долженъ считаться первой оперой Чайковскаго; къ этой оперѣ и отнеслись серьезнѣе. Во-первыхъ, публика, знавшая автора по другимъ его произведеніямъ, собралась теперь судить не о какомъ-то Чайковскомъ, а объ извѣстномъ композиторѣ, пріобрѣвшемъ симпатіи ея и прессы и создавшемъ себѣ имя. Во-вторыхъ, постановка оперы въ Петербургѣ, всегда обладавшемъ какъ бо́льшимъ контингентомъ музыкально-подготовленныхъ слушателей, такъ и бо́льшимъ количествомъ (и лучшаго качества) музыкальныхъ критиковъ, чѣмъ Москва, тоже способствовала къ тому, чтобы опера выдвинулась и обратила на себя вниманіе цѣнителей и знатоковъ дѣла. Наконецъ, въ-третьихъ, составъ исполнителей и обстановка здѣсь находились въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ русская опера, можно сказать, только что зарождалась. Всѣ эти условія, въ связи съ достоинствами „*Опричника*“, о которыхъ скажемъ ниже, сдѣлали то, что опера имѣла полный успѣхъ и въ продолженіе 16-ти дней выдержала шесть представленій. Съ такимъ же успѣхомъ она потомъ шла въ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, гдѣ много разъ давалась. Странно (и жаль), что ее теперь не продуцируютъ на нашихъ сценахъ: она вполнѣ заслуживаетъ возобновленія, не смотря на нѣкоторые ея недостатки.

Еслибы мы не опасались нареканій со стороны поклонниковъ лирическаго таланта Чайковскаго, мы бы сказали, что „*Опричникъ*“, какъ опера съ серьезной драматической подкладкой, съ необходимымъ дѣйствіемъ, требуемымъ, прежде всего, отъ какого угодно сценическаго произведенія, долженъ занимать первое мѣсто между его операми. Въ немъ композиторъ временами подходитъ ближе къ идеалу драматической оперы, чѣмъ въ остальныхъ. Въ этой оперѣ попадаются сцены, прямо указывающія на драматическій талантъ Чайковскаго, и еслибы онъ пошелъ по этому пути — мы бы имѣли въ немъ выдающагося музыкально-драматическаго композитора. Для оперной музыки необходима въ композиторѣ драматическая жилка; всевозможныя теоріи въ защиту того или другаго направленія въ оперной музыкѣ не замѣнятъ этой жилки, которая должна быть присуща ему. Именно эта-то искра и сказалась въ Чайковскомъ, какъ въ авторѣ „Опричника“. Вотъ еще причина, почему „Опричникъ“ имѣлъ такой солидный успѣхъ: масса всегда умѣетъ подмѣтить и оцѣнить эту сторону дарованія.

Возобновленіе „Опричника“ было бы особенно желательно и потому, что за 16 лѣтъ со времени первой его постановки

многое измѣнилось въ музыкальныхъ лагеряхъ; теперь мож было бы ожидать болѣе безпристрастнаго сужденія, что, бы можетъ, навело бы композитора на мысль — писать оперы имен въ музыкально-драматическомъ направленіи, для котораго Чайковскаго, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ „Опрични имѣются данныя. Впрочемъ, не будемъ голословны; обрати къ самой оперѣ.

Полагаемъ, что содержаніе Лажечниковской драмы того к названія всѣмъ извѣстно, и нѣтъ надобности въ пересказѣ е Въ „Опричникѣ“ четыре акта, изъ которыхъ первый являет контрастомъ остальнымъ по своему эпическому характеру. Бе сѣды князя Жемчужнаго съ Митьковымъ, желающимъ женить на Натальѣ, дочери Жемчужнаго, хороводы дѣвушекъ, типи ная няня Захарьевна, аріозо Натальи, Басманова, увлекающ Андрея Морозова, влюбленнаго въ Наталью, въ опричнину цѣлью мести Жемчужному, — все это носитъ описательный х рактеръ, и ничто не предвѣщаетъ бури, имѣющей разразить надъ головой героевъ, Андрея и Натальи. Въ аріи Натал „Спою про злую тоску“ видно вліяніе Глинки, но Глинки з опернаго періода; ея арія скорѣе романсъ, сопровождаемый х денькимъ акомпанементомъ. Каватина ея: „Почудилось мн будто голоса“ носитъ итальянскій характеръ и мало подходи къ героинѣ временъ Грознаго, хотя каватина красива.

Пѣснь Басманова „Житье у насъ“, рисующая (яркими к кестровыми красками) оргіи опричниковъ, весьма характер хотя странно, что для обрисовки буйной и веселой жизни з позиторъ написалъ ее въ минорѣ. Хоры дѣвушекъ (первый „Утушкѣ“, а второй, заканчивающій дѣйствіе: „Дивный терем стоитъ“) прекрасны по своей мастерской разработкѣ; оба г граціозны и народнаго характера; первый повторяется въ ва яціонной формѣ, — формѣ любимой русскими композиторами. второй проникнутъ вліяніемъ Глинки и отлично гармонизова

Второй актъ, заключающій въ себѣ двѣ картины, на на взглядъ, самый лучшій во всей оперѣ, какъ по захватыва щему драматическому интересу, такъ и по характерной м зыкѣ. Въ этомъ дѣйствіи выступаютъ мать Морозова, кротк добрая и глубоко-религіозная женщина, — князь Вязьминск „опричникъ лютый“, и опричнина. Каждое изъ этихъ ли имѣетъ свою музыкальную физіономію. Сопоставить, напр., р Морозовой и Вязьминскаго: въ то время какъ ея речитати правдивы, искренни и полны кротости и смиренія, — его з шатъ жестокостью и цинизмомъ; нигдѣ у него нѣтъ широк пѣнія; его рѣчь всегда кратка, сжата, но сурова и энергич и это какъ нельзя болѣе подходитъ къ описываемому хар теру, чуждому всякихъ нѣжныхъ чувствъ.

Какою правдой дышетъ фраза Морозовой: „Я предъ волей Господнею склоню покорную голову“, фраза, предшествуемая интродукціей, обрисовывающей душевное ея состояніе; какъ прекрасно очерчена въ этой картинѣ молодецкая удаль Морозова, отправляющагося къ самому царю искать суда праваго; какъ удачна его арія: „Снѣга бѣлые“, съ красивой русской мелодіей, и, наконецъ, какая колоритная музыка дуэта Андрея съ матерью, дуэта, заканчивающаго первую картину. Правда, онъ нѣсколько длиненъ, но этотъ недостатокъ искупается выдержанностью тона.

Слѣдующая картина еще болѣе эффектна и выразительна. Здѣсь композитору удалось музыкально выразить циническое ликемѣріе опричниковъ: въ то время какъ они (à capella) произносятъ слова молитвы („Камо отъ грѣховъ утаюся“), въ оркестрѣ слышится разоблаченіе этого религіознаго настроенія, слышатся фразы, рисующія разгулъ и развратъ молящихся; несоотвѣтствіе между словами молитвы и контрастирующей имъ музыкой очень рельефно выдвинуто; эта сцена— одна изъ самыхъ счастливыхъ по музыкальнымъ краскамъ во всей оперѣ.

Она еще больше выигрываетъ при сопоставленіи ея со слѣдующей сценой, — сценой клятвы Андрея, поступающаго въ опричнину ради „суда праваго“. Морозовъ, подъ ножами опричниковъ отрекающійся отъ земщины, матери и любимой дѣвушки, форма присяги, отрывочно повторяемой хоромъ, дышащія злобой слова Вязьминскаго, намѣревающагося отомстить Андрею изъ ненависти къ его отцу, душевныя муки, переживаемыя героемъ, — все превосходно очерчено композиторомъ. Неумѣстна здѣсь только арія Андрея: „Какъ передъ Богомъ, такъ и предъ тобой“, написанная въ характерѣ итальянскихъ кантиленъ. Поддерживающее впечатлѣніе этой драматической сцены, захватывающей слушателя, прекрасно поддерживается финальнымъ ансамблемъ „Славенъ, славенъ“. Весь этотъ актъ, написанный тепло и правдиво, именно художественно реально, составляетъ лучшія страницы всей оперы и обнаруживаетъ недюжинную способность автора къ драматической музыкѣ.

Въ третьемъ дѣйствіи, происходящемъ на площади, двѣ сцены по своей структурѣ напоминаютъ мейерберовскаго „Пророка“: во-первыхъ, дуэтъ Натальи, — убѣжавшей отъ опостылѣвшихъ ей отца и старика-жениха, — и Морозовой, жалующейся на свое одиночество и не знающей, куда дѣлся сынъ. Въ музыкальномъ отношеніи этотъ № — законченная вещь, удобная для исполненія даже въ концертѣ. Кстати отмѣтимъ и здѣсь речитативы старухи, очень удавшіеся автору. Во-вторыхъ, сцена отреченія Морозовой отъ сына, появившагося съ Басма-

новымъ во главѣ опричниковъ съ криками „Гайда, гайда!“ Хотя музыка этой сцены несовсѣмъ выдержана въ смыслѣ н... ціональнаго колорита, но красота мелодіи отчасти искупа... этотъ грѣхъ. Въ этомъ актѣ драматическая интенсивность ... стигаетъ высокой степени; съ одной стороны — любимая дѣвуш... которую Андрей хочетъ спасти отъ преслѣдующаго ее отца, ... мать, проклинающая его за поступленіе въ опричнину, а ... другой — напоминающіе ему о данной клятвѣ и нарушеніи ... Изъ музыкальныхъ особенностей, кромѣ сплошь красивой ... люстраціи вышеприведенной сцены, слѣдуетъ выдѣлить: пер... хоръ: „Времена настали злыя“, заканчивающійся молитвой ... dante religioso; особенный эффектъ производятъ послѣдніе ... тактовъ въ оркестрѣ) и проникнутый элегическимъ наст... ніемъ, столь присущимъ таланту нашего композитора, — ф... Андрея, когда опричники напоминаютъ о клятвѣ: „Я не ... еще понять“, повторяемую Басмановымъ (на подобіе канона ... „Руслана“), — и окончаніе акта: „Къ царю, къ царю“, ... широко разростающееся въ голосахъ и оркестрѣ. Какъ на ... бую сцену, можно указать на хорикъ мальчишекъ, приставш... къ несчастной Морозовой и насмѣхающихся надъ ней. ... хорикъ — и по музыкѣ невыдающійся, да и въ драматическ... отношеніи не вызванъ необходимостью.

Свадебный пиръ и пляска съ одной стороны, а съ друг... трагическая смерть Андрея и его матери, — вотъ матер... эпическій и драматическій, который составляетъ содерж... послѣдняго дѣйствія. Въ первой половинѣ прекрасны: х... „Слава доброму молодцу“, хотя онъ слишкомъ повторя... (три раза), — танцы, интересные какъ по употребленным... тором народнымъ темамъ, такъ и по мастерской ихъ орк... ровой обработкѣ, но лишенные оригинальности, — дуэтъ же... и невѣсты (взятый композиторомъ изъ его же симфониче... поэмы „Фатумъ“, впослѣдствіи уничтоженной), мало подх... щій по своему стилю къ описываемой эпохѣ, хотя самъ ... себѣ дуэтъ этотъ красивъ и по темамъ, и по фактурѣ, — и ... здравный хоръ („Чтобы сто лѣтъ вамъ не state“), на... санный очевидно подъ вліяніемъ такого же хора въ „Русал... (и также въ ритмѣ мазурки, — $^3/_4$, — не подходящимъ, как... въ „Русалкѣ“, къ выведеннымъ средѣ и эпохѣ); хоръ этот... сценѣ обыкновенно пропускался, какъ слишкомъ замедля... дѣйствіе, хотя онъ граціозенъ.

Съ появленія Басманова съ извѣстіемъ объ угрожа... Андрею бѣдѣ, характеръ дѣйствія мѣняется. Князь Вязь... скій говоритъ, что царь, наслышанный о красотѣ Нат... желаетъ видѣть ее одну; этими словами онъ наноситъ гром... ударъ Андрею. Ансамбль, въ которомъ диссонансомъ явл...

лишь Наталья со своей мелодичностью для такого драматическаго момента, художественно передаетъ настроеніе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; онъ постепенно разростается, и звучность всѣхъ силъ (оркестровыхъ и вокальныхъ) достигается въ ff, производя неотразимое впечатлѣніе. Проклятіе опричнины Андреемъ, у котораго насильно отнимаютъ Наталью, полно трагизма, и здѣсь композиторъ вполнѣ доказалъ, что онъ владѣетъ мелодическимъ речитативомъ, которымъ онъ, впрочемъ, достаточно блеснулъ при характеристикѣ Вязьминскаго. Андрей умираетъ на плахѣ, на которую его уводятъ при сопровождающемъ его хорѣ опричниковъ: „Твой часъ насталъ"; и здѣсь въ оркестрѣ снова проходитъ характеристика опричнины, которую композиторъ такъ блестяще изобразилъ во 2-мъ дѣйствіи. Старуха Морозова умираетъ при видѣ мученій сына. Впечатлѣніе тяжелое, — и какъ бы для успокоенія зрителя Чайковскій заканчиваетъ оперу знакомымъ уже хоромъ: „Славенъ, славенъ, что̀ солнце въ красный день, нашъ отецъ и царь", такъ естественно вытекающимъ изъ statu-quo опричнины. Во-первыхъ, прославленіе царя послѣ казни какъ нельзя болѣе характерно для нея, а во-вторыхъ, этимъ окончаніемъ какъ бы доказывается, что суть вовсе не въ эпизодической драмѣ, составляющей содержаніе пьесы, а именно въ той страшной силѣ, которая именуется „опричниной", въ ея пагубномъ существованіи. Этимъ концомъ композиторъ выказалъ себя художникомъ, обладающимъ сценическимъ чутьемъ и знающимъ мѣру необходимаго, — рѣдкое качество въ настоящее время.

Подведя итогъ „Опричнику", нужно сказать, что хотя мы здѣсь видимъ иногда подпаденіе подъ вліяніе того или другаго музыкальнаго авторитета (Глинка, Даргомыжскій, Мейерберъ) и отсутствіе самостоятельнаго стиля, однако композиторъ обнаруживаетъ столько симпатичныхъ сторонъ своего таланта, что невольно миришься со встрѣчающимися пробѣлами, между которыми слѣдуетъ отмѣтить невсегда полное соотвѣтствіе между музыкой и положеніемъ героя (такова почти вся партія Натальи, скорѣе построенной почти сплошь на итальянской кантиленѣ). Начало и конецъ каждаго музыкальнаго произведенія, такъ сказать, душа его — мелодія; безъ нея не можетъ быть музыки, какъ безъ слова — поэзіи; главнѣйшій фунтаментъ въ „Опричникѣ" есть; каждый № музыкаленъ и мелодиченъ. Что касается оркестра, то Чайковскій ужъ и до „Опричника" достаточно доказалъ свое умѣнье владѣть имъ; богатство фактуры въ „Опричникѣ" чрезвычайно разнообразно. Здѣсь мы также видимъ небезуспѣшныя попытки въ области характеристики и мелодическаго речитатива; такъ, рѣчи Морозовой, Вязьминскаго, порою Андрея и Басманова, няни Захарьевны — прекрасны и

выдержаны; правда, Наталья блѣдна въ этомъ отношеніи. Германовъ слишкомъ идеализированъ; но все же остальныя лица хороши; хоры — живой русскій народъ и являются вездѣ оригинальными и національными. Кромѣ этого, составленное имъ либретто и музыкальная иллюстрація драматическихъ сценъ доказываютъ пониманіе авторомъ условій сцены и говорятъ въ пользу композитора, какъ оперно-драматическаго писателя.

Продолженіе будетъ

Н. Баскинъ

НЕВОЛЬНИКЪ

Изъ Шарля Мильвуа

Воровски увезенъ изъ сторонки родной,
Изъ привольной Гвинеи далекой,
Безутѣшно рыдалъ негръ несчастный, больной,
Изнывая отъ скорби глубокой.

Онъ стоналъ, истомленъ непосильнымъ трудомъ,
Онъ ломалъ исхудалыя руки:
»Неужель оттого, что я черенъ лицомъ,
Обреченъ я на горе, на муки?

»Мнѣ сулила судьба въ нашемъ миломъ краю
Столько радостей, счастья на волѣ...
»О, какъ жарко любилъ я подругу мою,
Молодую красавицу Долли!

»Знаю, былъ бы теперь я счастливый отецъ...
Съ крошкой сыномъ увижусь ли снова?
»Иль несчастная мать, изстрадавшись въ конецъ,
Схоронила птенца дорогаго?

»И не буду тебя, о мой сынъ, усыплять
Я напѣвами гимновъ побѣдныхъ,
»Рвать съ тобою плоды и тебя забавлять
Средь гвинейскихъ лѣсовъ заповѣдныхъ.

»Не открою тебѣ я искусства, какъ змѣй
Усыплять, какъ залечивать раны,
»Какъ на львовъ нападать, и ладьею своей
Управлять въ ураганъ и туманы...

»Не увижу теперь и банановъ я тѣхъ,
Что̀ садить я для сына трудился,
»Ни пещеры въ скалѣ, гдѣ для сладкихъ утѣхъ
Я украдкою съ Долли сходился;

»Ни роднаго жилья, гдѣ отецъ мой почилъ
На рукахъ у меня безмятежно,
»Ни того уголка у ручья, гдѣ ловилъ
Я предсмертный вздохъ матери нѣжной.

»Какъ-то легъ я вздремнуть у ключа въ сильный
жаръ
И проспалъ подъ платаномъ весь день я...
»Вдругъ причалилъ корабль... И жестокій удар
Разогналъ всѣ мои сновидѣнья!

»Мигъ,—и схваченъ я былъ, въ плѣнъ попался.
Исчезъ
Берегъ нашей отчизны прекрасной...
»И, закованъ, вопилъ и всѣ силы небесъ
Призывалъ я на помощь напрасно!...«

И когда бѣдный негръ пѣлъ про это,—пристал
Съ новымъ грузомъ, корабль изъ Гвинеи.
Встрѣтивъ здѣсь земляка, негръ разспрашивать ста
Объ отчизнѣ, дрожа и блѣднѣя.

»Братъ мой, другъ, разскажи мнѣ о Долли!...«
Въ отвѣтъ

Показалъ тотъ на небо рукою.
»А мой сынъ дорогой?...« — »И его уже нѣтъ,
Крошка спитъ подъ землею сырою...«

И невольникъ два дня въ ротъ не бралъ ничего,
Выбивался подъ зноемъ изъ мочи,
И посѣвы полей потъ кровавый его
Орошалъ отъ разсвѣта до ночи...

Третій день наступилъ. Вотъ надъ спящимъ рабомъ
Бичъ плантатора яростно взвился:
»Спать хочу!« прошепталъ горемыка — и сномъ
Непробуднымъ навѣки забылся.

Петръ Быковъ

„НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУЩАЙ"...

По поводу одной книги

„Тутъ все: и жажда святыни, и мя-
величія, и психозъ, и невѣжество..."
Н. Минскій

Поэты — престранный народъ: случается, что дѣйствитель-
ность они принимаютъ за сонъ, и сонъ — за дѣйствительност
Такъ случилось и съ г. Минскимъ. На дняхъ ему присни
удивительнѣйшій сонъ, который онъ принялъ за дѣйствитель-
ность и о которомъ повѣдалъ міру, какъ о необыкновенно
событіи.

Дѣло было такъ: г. Минскому приснился большой горо
ночью. И вдругъ произошло смятеніе. Распространилась вѣст
что великое приспѣло несчастіе. Люди повскакали съ посте
и побѣжали на площадь. Тамъ стояли угрюмые люди въ че
ной одеждѣ, и каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ горя
факелъ; между ними держалъ факелъ и г. Минскій. Эти лю
изображали собой благодѣтелей человѣчества, а факелы — „
слѣднія" изобрѣтенія человѣческаго ума. Надо полагать, ч
факелъ г. Минскаго былъ однимъ изъ самыхъ послѣднихъ
великихъ изобрѣтеній, потому что нашъ поэтъ стоялъ впере
и игралъ самую выдающуюся роль въ этой сценѣ. Въ факелах
таилась губительная, неизвѣданная сила, передъ которой — н
что огонь, землетрясеніе, чума. Впереди людей съ факелам
стояла высокая женщина „съ чертами, какъ предсмертна
мольба". Г. Минскій узналъ ее: это была она, его „изступле
ная муза", — „безумная совѣсть его больной души"... И ска
зала она людямъ: „Когда будетъ поднятъ и брошенъ на зем
хоть одинъ факелъ, раздастся нестерпимо - оглушительны
ударъ, передъ которымъ пальба орудій и громъ небесный пок
зались бы тихимъ шопотомъ. И вслѣдъ за ударомъ всѣ сил
скованныя въ землѣ, въ воздухѣ, освободятся и ринутся
борьбу одна съ другою. Воздухъ закружится огненнымъ вих

ремъ, рѣки и моря испарятся и образуютъ вокругъ земнаго шара багровое облако, и шаръ земли разлетится на осколки, которые будутъ метаться, какъ песчинки въ ураганѣ, сталкиваясь и дробясь среди раскаленнаго хаоса. Но никто изъ насъ не увидитъ ни огненнаго дождя, ни багроваго облака. Первый ударъ оглушитъ и умертвитъ всѣхъ насъ. Разрушится тюрьма, разобьются цѣпи, освободится тысячелѣтній узникъ, и моя тысячелѣтняя скорбь, наконецъ, успокоится"...

И стали люди просить о пощадѣ; но муза г. Минскаго сказала: „Убѣдите меня, что въ мірѣ есть нѣчто святое и цѣлесообразное — и я примирюсь съ моимъ жребіемъ, благословлю страданія и велю потушить эти зловѣщіе огни". — И вспомнили тогда люди, что никогда не размышляли о „вопросахъ бытія" и насмѣхались надъ мечтателями, надъ тѣми, кто выше славы и богатства ставилъ какія-то невѣдомыя идеи. И пошли искать ихъ.

Явился святой мужъ, чуждый корысти и грѣха, жившій созерцаніемъ. Но онъ не побоялся смерти, онъ самъ далъ себѣ смерть, слилъ бытіе съ небытіемъ. Онъ такъ покоенъ, что не радъ покою; такъ блаженъ, что не сознавалъ блаженства... Одинъ изъ черныхъ людей потушилъ свой факелъ. Тогда изъ толпы выбѣжала красивая женщина, прося о пощадѣ: „Я жить хочу! Я молода — впереди такъ много счастія! Сколько разъ вотъ на этой груди люди клялись, что они счастливѣе боговъ. Отчего ваши лица такъ угрюмы, и взоры такъ неласковы? Ужели вамъ некого цѣловать на свѣтѣ? Идите къ намъ, и я научу васъ улыбаться". Одинъ изъ факельщиковъ, „юноша съ больнымъ лицомъ", потушилъ свой факелъ и сталъ передъ нею на колѣни, „зажженный огнемъ любви". Но муза сказала: „Если красота — символъ невѣдомой мнѣ святыни, отчего она не служитъ орудіемъ добра и красоты, отчего она жестока, отчего она влечетъ къ преступленіямъ, отчего она злѣйшій врагъ долга, отчего истинно-вѣрующіе и кроткіе сердцемъ всегда проклинали красоту, какъ соблазнъ и грѣхъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, среди мучительныхъ загадокъ жизни, красота — одно изъ орудій пытки въ рукахъ насмѣшливаго рока. Она будитъ жажду, не утоляя ея, манитъ блуждающимъ огнемъ, не выводя на дорогу"... Тогда юноша сталъ молить музу. — „А согласенъ ли ты, — спросила его муза: — чтобы эту богиню любви ласкали, кромѣ тебя, и другіе?" — Юноша, понятно, разсвирѣпѣлъ. — „Ну, вотъ, видишь ли"...

Тогда выступилъ старикъ. Это былъ ученый. Онъ сознался, что въ наукѣ не все обстоитъ благополучно, что цѣль мірозданія непостижима, но просилъ въ то же время музу пообождать съ разрушеніемъ міра, ибо не все еще изслѣдовано.

„Дай сперва дойти до послѣднихъ предѣловъ доступнаго зн нія, открыть единство элементовъ, единство силъ — и тог если хочешь, разрушишь землю". Желаніе довольно несообр ное для такого почтеннаго мужа. Но муза, однако, сочла н гомъ отвѣтить ему обстоятельно. Она, между прочимъ, ск тила, что наука всякій разъ упирается въ запертую дв съ надписью: „тайна"; тогда она говоритъ „ignorabimus" возвращается назадъ. Дѣйствительно, положеніе довольно р рацкое.

Затѣмъ выступилъ мужъ, „въ расцвѣтѣ силы и красоты" художникъ, и сталъ прославлять заслуги искусства. Но м не поддалась обману. Она отвѣтила „вдохновенному": „Чел вѣчество, для котораго вы, будто бы, творите, никогда узнаетъ и не пойметъ вашихъ созданій: пока вы вдохн ляетесь", оно трудится и страдаетъ, чтобы оплатить безум роскошь вашу и вашихъ цѣнителей. Довольно этой нестер мой лжи, довольно игры въ божественное вдохновеніе и стыдные пороки, въ презрѣніе къ толпѣ и выманиваніе у н же безсмертной славы!" — Справедливо. — Тогда нѣкій гос заступился за будущее. Но и это непонравилось музѣ: „Бу щее людей — это безуміе, мракъ, агонія! Пусть вмѣстѣ съ ни въ эту ночь, погибнетъ недоношенный плодъ дряхлаго ч вѣчества!"

Осталось только два факела. Вдругъ изъ толпы выбѣж женщина, держа въ одной рукѣ младенца, а другой в „подростка", и завопила: „Во имя материнской любви!" То случилось необычайное, „поднялся ураганъ воплей и рыда Наступилъ почти полный мракъ, потому что изъ двухъ фа ловъ остался только одинъ, и этотъ послѣдній факелъ держ храбрый г. Минскій. Но муза сказала: „Почему материнс любовь очерствляетъ сердце матери ко всему, что не есть дитя?" — Раскаленнымъ свинцомъ падали ея слова. Но ж щина подняла на руки подростка: „Пощади невинность!" с зала она. Муза осталась непоколебимой. По ея словамъ, нев ность всегда превращается въ виновность, съ лѣтами, и сказала г. Минскому: „Брось факелъ и положи конецъ м мукѣ". И онъ хотѣлъ уже исполнить требованіе музы, вд вдругъ, точно молнія, „вспыхнула" въ немъ мысль: „Если ложь и самолюбіе, если нигдѣ нѣтъ святыни, то откуда в лась ты, порожденіе души моей, скорбная совѣсть? Твой см ный приговоръ надъ лживымъ міромъ не является ли опра ніемъ міра?.." И его руки безсильно опустились...

Выводъ этотъ, правда, нѣсколько неожиданъ, но поэты у учили насъ къ подобнымъ salto mortale, а потому мы и не

демъ останавливаться на немъ. Во всякомъ случаѣ, подъ этимъ выводомъ г. Минскій призадумался и сталъ изслѣдовать вопросъ о верховной цѣли жизни, — точь въ точь какъ графъ Л. Н. Толстой, — ибо, справедливо замѣтилъ онъ: „Нѣтъ страшнѣе болѣзни, чѣмъ сомнѣніе въ цѣлесообразности міра". Прежде, однако, чѣмъ погрузиться въ это изслѣдованіе, онъ справедливо разсудилъ, что недурно бы справиться, какъ мудрятъ на счетъ этого разные философы.

Справка эта привела нашего поэта къ горькимъ разочарованіямъ. Онъ никакъ не могъ пристроиться къ лагерю ни пессимистовъ, ни оптимистовъ, ни вѣрующихъ, ни невѣрующихъ; всякая система казалась ему лживой. „Область мысли стала похожа на базаръ, гдѣ мыслители расположились, подобно купцамъ, подъ навѣсомъ своей системы, зазывая прохожихъ въ эту систему и ругая умственный товаръ сосѣдей". Приговоръ, какъ видите, довольно безцеремонный. Вы, можетъ быть, ожидаете, что г. Минскій, хотя бы подобно тѣмъ же купцамъ-философамъ, о которыхъ онъ говоритъ съ такою невѣжественною развязностію, фактически докажетъ свой взглядъ? — Ничуть не бывало. Ему некогда заниматься подобными пустяками, а, можетъ быть, такое дѣло было ему и не подъ силу,—потому что, какъ это довольно ясно видно изъ его книги, онъ свободенъ отъ всякихъ философскихъ знаній, а съ исторіей философіи и съ философскими системами знакомъ лишь весьма смутно, такъ сказать, по наслышкѣ, причемъ одну систему онъ смѣшиваетъ съ другою, и даже, по временамъ, обнаруживаетъ крупное невѣжество, заставляя читателя полагать, что онъ незнакомъ даже съ элементарными философскими понятіями. При этомъ онъ, съ развязностью почти военнаго человѣка, совѣтуетъ читателю: „Если вы ищете міровоззрѣнія для душевнаго комфорта (?), смѣло отправляйтесь на базаръ мысли и выбирайте по вкусу какое угодно: теплое или холодное, широкое или узкое. А лучше сдѣлаете, если выберете нѣсколько міровоззрѣній и будете пользоваться ими поперемѣнно, смотря по настроенію, какъ вы пользуетесь, смотря по погодѣ, различнымъ платьемъ... Но если вы отправитесь въ поиски за магическимъ словомъ (?), которое бы вдохнуло (?) смыслъ и цѣль во всѣ проявленія жизни, такъ какъ они есть, — съ разладомъ между собой и разумомъ, съ жаждой недосягаемой любви, съ презрѣніемъ къ несокрушимому самолюбію, — то вамъ, пожалуй, грозитъ опасность совсѣмъ не отыскать міровоззрѣнія, и чѣмъ цѣльнѣе будетъ система, тѣмъ болѣе лживой она вамъ покажется". Но г. Минскій — храбрый философъ, онъ не боится никакихъ опасностей и смѣло отправляется въ поиски за истиной, которой открыть до сихъ поръ не удалось никому. При этомъ задача представ-

ляла трудности непреоборимыя для всякаго другаго, ибо приходилось открыть такую систему, которая была бы преисполнена всяческихъ противорѣчій, такъ какъ только при этомъ условіи (объ этомъ заявилъ уже раньше г. Минскій) она будетъ истинной. Это трудное, невозможное дѣло г. Минскій совершилъ съ величіемъ, по истинѣ, геніальнымъ — онъ открылъ *мэоническое* міровоззрѣніе, и объ этомъ открытіи теперь повѣдалъ міру въ книгѣ подъ заглавіемъ „При свѣтѣ совѣсти".

Труденъ былъ путь и покрытъ терніями, но г. Минскій превозмогъ его. Извѣстно, что въ философіи важную роль играетъ методъ; всѣ великіе мыслители отличаются тѣмъ, что имѣютъ свой собственный, оригинальный методъ. Такъ, Кантъ начинаетъ съ анализа чистаго разума, устанавливаетъ апріорныя формы мышленія и уже на нихъ логически строитъ понятіе о „вещи въ себѣ". Гегель усовершенствовалъ діалектику Платона и открылъ свою тріаду: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. Подобно этимъ великимъ философамъ, и г. Минскій имѣетъ свой собственный методъ: онъ вездѣ, — въ мірѣ, совѣсти, разумѣ, поступкахъ, — ищетъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и на основаніи этихъ противорѣчій устанавливаетъ достовѣрность „святыни". Тріада Гегеля въ свое время поражала смѣлостью, но, несомнѣнно, и г. Минскій тоже не ударилъ лицомъ въ грязь и даже заткнулъ за поясъ Гегеля: передъ нимъ Гегель — мальчишка и щенокъ, ибо какъ на непримиримыхъ противорѣчіяхъ можно строить какой либо положительный выводъ? Правда, еще раньше г. Минскаго, его ничтожный предшественникъ, Кантъ говорилъ объ антиноміяхъ, но говорилъ онъ только между прочимъ, съ тѣмъ чтобы показать нераціональность, противорѣчивость заключеній, когда въ разсужденіи смѣшиваются понятія, почерпнутыя изъ міра явленій, съ понятіями, выводимыми изъ „вещи въ себѣ". Г. Минскій распорядился проще: онъ смѣшиваетъ самыя противорѣчивыя понятія, не мудрствуя лукаво. Ему совершенно, что̀ называется, наплевать на науку; онъ знать не хочетъ не только науки, но и здраваго смысла, онъ все почерпаетъ изъ собственной „духовной бездны" и такимъ образомъ достигаетъ до міра мэоновъ, освѣщая свой путь „свѣтомъ совѣсти". Немудрено, что при этихъ условіяхъ онъ постоянно натыкается на противорѣчія, — даже на такія, какихъ не искалъ. На первыхъ же порахъ его поразило, такъ сказать, коренное противорѣчіе, которое, говоритъ онъ, наполняетъ нашу жизнь и служитъ причиной всяческихъ душевныхъ страданій. Противорѣчіе это онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Я созданъ такъ, что любить долженъ (?) только себя, но эту любовь къ себѣ я могу проявлять не иначе, какъ первенствуя надъ ближнимъ своимъ, — такимъ же какъ я самолюбцемъ, жажду-

щимъ первенства; поэтому цѣль моей жизни и цѣль жизни моего ближняго одна другую взаимно отрицаютъ и уничтожаютъ". Видите, какъ легко философствовать, обладая достаточной дозой отваги и невѣжества. Стоитъ только вспомнить изъ гимназическихъ тетрадокъ „Cogito ergo sum" Декарта, затѣмъ стоитъ только отыскать въ своей душѣ какую нибудь психическую пакость, приписать эту пакость всему человѣчеству, поставить ее, какъ законъ, управляющій разумомъ и совѣстью, — и вотъ вамъ незыблемое основаніе цѣлой системы.

Это крайнее противорѣчіе есть, такъ сказать, главное открытіе г. Минскаго, подобное открытію Декарта. Декартъ говорилъ: „я мыслю, слѣдовательно, существую"; г. Минскій, если бы не былъ такъ скроменъ, могъ бы сказать: „я самолюбивъ, слѣдовательно, существую". Rien que ça. Каждый любитъ только себя, потому что, поясняетъ онъ, любить можно только одно: бытіе или, вѣрнѣе, чувство бытія. Отсюда г. Минскій заключаетъ, что самолюбіе — не порокъ, не болѣзнь души, — какъ думали глупые люди въ родѣ Спинозы, — а ея верховное, сокровеннѣйшее начало, неизмѣнный законъ, управляющій всѣми ея движеніями. Отсюда же онъ приходитъ и къ другому важному заключенію: еслибы, подчиняясь самолюбію, т. е. любви къ жизни (?), человѣкъ желалъ только дышать, пить, ѣсть, одѣваться, размножаться, ласкать свои чувства, изощрять разумъ, стремиться къ развитію всѣхъ силъ, то счастіе личное и благо общее, при всей трудности ихъ достиженія, всетаки не таили бы въ себѣ ничего безусловно невозможнаго, нелѣпаго, противорѣчиваго. Но самолюбіе, неподчиненное ни разуму, ни волѣ, заставляетъ человѣка стремиться къ первенствованію надъ равными себѣ. Стремленіе къ первенству не есть ни порокъ, ни болѣзнь души, а ея основное, сокровеннѣйшее свойство, подобно тому какъ любовь къ бытію есть верховный принципъ души, выше котораго другаго нѣтъ. Вы видите, что г. Минскій храбръ, онъ не боится „свѣта своей совѣсти" и при этомъ нѣтѣ находитъ въ ней такія душевныя пакости, о которыхъ въ сихъ поръ не снилось философамъ. Человѣческая душа предъявляется ему „въ видѣ капища, гдѣ на возвышеніи сидитъ кумиръ самолюбія, порою тощій, порою откормленный. Передъ нимъ стоитъ жертвенникъ, на которомъ всѣ силы тѣла и духа, — подобно жрецамъ и жрицамъ, — поддерживаютъ неугасаемый огонь. Предводимые разумомъ и волей, онѣ постоянно общаются съ внѣшнимъ міромъ, волокутъ оттуда, отнимая у другихъ, жертвенные дары для своего божка и бросаютъ на алтарь. Жертвы вспыхиваютъ, чадный дымъ самодовольства наполняетъ душу, божокъ, ухмыляясь и щурясь, вдыхаетъ этотъ

дымъ и шепчетъ: *я, я, я*... И мысли, и чувства радостно скачутъ вокругъ алтаря и поютъ хвалебную пѣснь владыкѣ".

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ подробный анализъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, которыя вытекаютъ, по мнѣнію г. Минскаго, изъ этого основнаго противорѣчія; довольно будетъ сказать, что этотъ анализъ произведенъ имъ превосходно (не шутя) въ литературномъ отношеніи, и былъ бы еще превосходнѣе, еслибы авторъ излагалъ свои мысли не такъ вычурно и манерно: къ несчастію, онъ ничего не можетъ въ простотѣ сказать, все съ ужимкой. Но пойдемъ дальше. Г. Минскій призываетъ, затѣмъ, въ свидѣтельство разумъ и совѣсть, и вотъ между ними начинается нѣчто въ родѣ комическаго діалога, который можно резюмировать такъ. Разумъ доказываетъ, что ни вѣчнаго, ни полнаго бытія нѣтъ; совѣсть между тѣмъ стремится къ полному и вѣчному бытію. Какъ отыскать высшее добро? Самолюбіе, по прежнему, нераздѣльно властвуетъ надъ душой, человѣкъ продолжаетъ „рваться къ чашѣ счастія, уже пріобрѣтшаго горькій привкусъ безцѣльности". „Недовольство жизнію — вотъ все, что остается совѣсти, отчаявшейся въ безсмертіи". „Такова солѣзнь души, воспринявшей въ себя разладъ между любовью къ бытію и невѣріемъ въ безсмертіе, между стремленіемъ къ верховной цѣли жизни и отрицаніемъ цѣлесообразности міра".

Я раскаиваюсь, что такъ подробно разсказалъ первую часть книги г. Минскаго: это не болѣе, какъ ученическое упражненіе въ передачѣ „своими словами" (при томъ же крайне вычурными) нѣкоторыхъ мѣстъ Шопенгауэра, прочитаннаго г. Минскимъ, должно быть, въ скверномъ русскомъ переводѣ,— причемъ г. Минскій совершенно неуразумѣлъ Шопенгауэра. Вторую часть я резюмирую въ двухъ словахъ. Передъ г. Минскимъ блеснулъ лучъ свѣта; онъ уловилъ его „призмой анализа" и раскрылъ третій рядъ противорѣчій. Для него, видите ли, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что его совѣсть ищетъ въ жизни правду, самоотверженную любовь, безкорыстное добро, стремится къ верховной, конечной жизни, жаждетъ какого-то полнаго, вѣчнаго бытія. Но для него столь же несомнѣнно, что взамѣнъ этого его совѣсть обрѣтаетъ одно лишь самолюбіе, безцѣльную суету и смерть — и, во имя несуществующей въ жизни высшей правды, отрицаетъ добро и зло. И вотъ „силой отрицанія" душа сама себя озаряетъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ: „Если, несмотря на отсутствіе въ жизни безкорыстно-добраго, вѣчнаго, цѣлесообразнаго, я все таки мыслю ихъ и стремлюсь къ нимъ, значитъ, моей душѣ присуще понятіе объ истинномъ добрѣ, о конечной цѣли, о вѣчномъ бытіи, обрѣтающихся гдѣ-то внѣ меня, внѣ человѣческой души (?), внѣ человѣческой жизни".

Такимъ образомъ, для г. Минскаго стало доказаннымъ и несомнѣннымъ существованіе „святыни“. Дойдя до этого успокоительнаго результата, г. Минскій въ третьей части своего трактата отправляется въ поиски за этой святыней.

Положеніе г. Минскаго становится все труднѣе. Посудите сами: онъ только что освободился отъ гнетущихъ его противорѣчій и достигъ надежной пристани, онъ выступилъ, такъ сказать, на философское шоссе, гладкое и ровное; по этому шоссе онъ надѣялся прямехонько доѣхать до святыни, безъ всякихъ затрудненій. Но не тутъ-то было: передъ нимъ встаетъ новый рядъ противорѣчій, на этотъ разъ уже метафизическихъ, какъ прежнія были этическими. Ему, такимъ образомъ, приходится взять новую крѣпость подъ названіемъ *мэона*. Это мудреное словечко онъ отыскалъ у Платона. У Платона и Аристотеля это слово или, вѣрнѣе, два слова (μὴ ὄν) означаетъ небытіе. Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое поясненіе, которое, можетъ быть, окажется небезполезнымъ и для г. Минскаго, плохо знакомаго съ философскими терминами. По Платону, идея, какъ высшая реальность, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и высшая дѣтельность, она есть бытіе, сообщающееся и самому небытію. Значитъ, по отношенію къ небытію, идея является производительною причиною, пластическимъ началомъ; такъ что небытіе, въ свою очередь, дѣлается похожимъ на бытіе и принимаетъ участіе въ абсолютномъ существованіи идеи. Такимъ образомъ, небытіе становится тою первою матеріей, которою пользуется идея для того, чтобы образовать изъ нея, по своему подобію, видимый міръ. Небытіе становится *матеріей* (ὕλη), какъ говорили послѣдователи Платона. Дальнѣйшее развитіе этой теоріи г. Минскій найдетъ въ „Тимеѣ“. Очевидно, что нашъ поэтъ или не понялъ Платона, или не читалъ его, потому что платоновскому небытію онъ придалъ совершенно другое, произвольное значеніе. Обыкновенно, когда берутъ у того или другаго автора какой либо специфическій терминъ, то придаютъ ему то самое значеніе, которое онъ имѣлъ въ первоначальномъ источникѣ. Г. Минскій, въ качествѣ поэта, которому законъ не писанъ, не признаетъ этого правила: очевидно, онъ искалъ для своей „системы“ какого нибудь красиваго термина, звучнаго и таинственнаго, которымъ могъ бы пощеголять передъ своими читателями. Ему встрѣтилось выраженіе „μὴ ὄν“, — онъ его и взялъ, не справившись хорошенько, что̀ оно означаетъ. Получилось нѣчто нелѣпое.

Видите ли, „мэонъ“ означаетъ... впрочемъ, я предпочитаю объяснить это словами г. Минскаго: „Мэоны суть понятія о чемъ-то абсолютно-противоположномъ явленіямъ, — понятія насквозь отрицательныя. Желая опредѣлить мэонъ, мы находимъ

только отрицательные признаки: напримѣръ, нельзя иначе опредѣлить абсолютное единое, какъ говоря: это есть то, рядомъ съ чѣмъ нѣтъ ничего другаго, ни бо́льшаго, ни меньшаго. Въ примѣненіи же къ явленіямъ, наоборотъ, понятіе о единомъ, о единицѣ необходимо предполагаетъ понятіе о множествѣ, о большемъ и меньшемъ". „Еслибы хоть одинъ мэонъ сдѣлался чѣмъ-то существующимъ, то онъ бы мгновенно, какъ разрушительный вихрь, смелъ и уничтожилъ весь міръ явленій. Еслибы въ пространствѣ проявилась хоть одна частица матеріи, недѣлимая на части, то всѣ тѣла дѣлимыя должны были бы исчезнуть (?). Конечно, такое предположеніе совершенно несбыточно и немыслимо; его нельзя даже назвать фантастическимъ, такъ какъ мэоновъ нельзя постигнуть ни чувствомъ, ни воображеніемъ, ни фантазіей". „Мэоны суть понятія; но возникновеніе въ душѣ этихъ понятій неизбѣжно и помимо нашей воли сопровождается особымъ чувствомъ, которое всего вѣрнѣе назвать экстазомъ".

Изъ этихъ и иныхъ объясненій г. Минскаго, чрезвычайно смутныхъ, выраженныхъ цвѣтисто и вычурно, при нѣкоторомъ трудѣ можно предположить, что подъ мэонами онъ разумѣетъ нѣчто въ родѣ „вещи въ себѣ" Канта, „субстанціи" Спинозы, „substratum" схоластиковъ. Но если это такъ, то незачѣмъ было огородъ городить, ибо понятіе это достаточно разработано и не нуждается въ поэтическихъ коментаріяхъ. Если же г. Минскій хотѣлъ выступить съ новой „теоріей", которая выходитъ за предѣлы существующихъ системъ, то ему слѣдовало бы прежде всего опредѣлить свои отношенія къ предшественникамъ, — другими словами, надо было начать съ критики существующихъ системъ, а не размазывать на пространствѣ тощихъ 261 страницы апокалипсическую поэзію, — поэзію съ припадками экстаза и изступленія. По этому поводу напомню г. Минскому нѣсколько словъ Гегеля изъ его предисловія къ „Феноменологіи духа" 1806 года: „Философствованіе, считающее себя слишкомъ произвольно за понятіе, а при недостаткѣ его — за созерцательное и поэтическое мышленіе, производитъ на свѣтъ случайныя сочетанія фантазіи, разстроенной силой мысли, и въ этихъ созданіяхъ нѣтъ ни плоти, ни крови, ни поэзіи, ни философіи".

Спрашивается, однако, что́ хотѣлъ сказать г. Минскій всѣми этими вымученными мэонизмами? Изъ смутныхъ объясненій его я могу заключить только одно: цѣль жизни — таинственна, а средства достиженія этой цѣли — положительны; эти средства суть: искусство, наука, самолюбіе, аскетизмъ, путемъ которыхъ мы достигаемъ „святыни". „Если ученіе о мэонахъ кажется мнѣ истиннымъ, то, между прочимъ, потому, что оно само въ себѣ не заключаетъ какой-то универсальной, всеисцѣляющей

мудрости или святости, а наоборотъ, приводитъ къ собственному отрицанію... само себя устраняетъ, признаетъ ненужнымъ". Поняли ли вы что нибудь въ этой напыщенной чепухѣ? „Мэонизмъ учитъ, что міръ движется и борется, умираетъ и воскресаетъ, наслаждается и страдаетъ, для того чтобы постоянно, въ каждое мгновеніе отрицать себя во имя той святыни, которая изъ любви къ міру, сама себя повергла въ небытіе. Мы, помимо воли, осуждены съ неустаннымъ любопытствомъ измѣрять пространства и времена, изучать причины явленій и законы ихъ, для того чтобы въ концѣ концовъ развѣнчать и времена и пространства, и причины и силы, такъ какъ истинное пространство, истинная причина, истинная сила есть мэонъ". Я бы рѣшительно совѣтовалъ г. Минскому полечиться отъ этихъ экстазовъ.

Немудрено, поэтому, что свою философскую чепуху г. Минскій заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Поэтому только тотъ не безслѣдно промелькнулъ на землѣ или на другой звѣздѣ, кто выстрадалъ истину о небытіи мэоновъ". А такъ какъ эту истину выстрадалъ одинъ лишь г. Минскій, то намъ приходится признаться, что онъ — единственный человѣкъ въ мірѣ, который „не промелькнетъ" безслѣдно. Эта мысль пусть будетъ ему утѣшеніемъ за всѣ выстраданныя имъ отрицанія, противорѣчія, экстазы, пытки передъ „великой тайной несуществующаго", которую онъ стремился постигнуть въ своей книжкѣ.

Nemo

ПРИГОВОРЕННЫЙ КЪ ПОЖИЗНЕННОЙ КАТОРГѢ

РОМАНЪ

ЮНАСА ЛИ

Переводъ съ норвежскаго

V

Николай сдѣлался бродягой; это была истинная правда.

Ему и въ голову не приходило поискать работы у какого нибудь другаго кузнеца, такъ какъ они всѣ слишкомъ хорошо знали другъ друга. Только у лодочника Хансена находилъ онъ квартиру на чердакѣ и пищу въ тѣ дни, когда ему удавалось заработать что нибудь, но и Хансену вздумалось собрать свѣдѣнія, почему Николай оставилъ свое ремесло — точно это хоть сколько нибудь его касалось.

Николай исчезъ.

На набережной, на биржѣ и на пароходахъ человѣкъ съ его кулаками, конечно, всегда можетъ разсчитывать заработать кое-что. Съ надеждой, съ твердымъ духомъ и съ желудкомъ, не грѣшившимъ эти дни излишнимъ обремененіемъ пищей, пошелъ Николай туда.

Его приняли тамъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Онъ имѣлъ дѣло съ полиціей и оставилъ ее съ носомъ — это былъ фактъ общеизвѣстный и, облетѣвъ тотъ своеобразный мірокъ, куда попалъ теперь Николай, окружилъ послѣдняго извѣстнаго рода ореоломъ.

Пока его принимали только за ученика, которому вздумалось отдохнуть нѣсколько дней на свободѣ, почему онъ и убѣжалъ изъ кузницы, — всѣ пайщики въ разнообразныхъ существовавшихъ здѣсь промыслахъ были привѣтливы и разговорчивы съ нимъ. Но когда онъ (это случалось в

одинъ разъ) началъ перебивать у нихъ работу, то первый завладѣвая тюками, то силою отбивая у другихъ чемоданъ и его несчастнаго владѣльца-путешественника, — тонъ сразу перемѣнился. Есть у него бляха? или онъ думаетъ, что можетъ такъ себѣ, здорово живешь, нарушать чужія права въ этой погонѣ за кускомъ хлѣба? Они-то ужъ знаютъ, что онъ за птица!

Бляхи онъ не могъ получить, — это онъ хорошо зналъ, — и теперь надо было бороться и тягаться съ другими голодными желудками, а если удастся первому завладѣть сундукомъ или другой ношей — оставаться глухимъ, совершенно глухимъ ко всему, что бы *тѣ* ни кричали про него.

Всюду стоитъ десятокъ человѣкъ, гдѣ едва есть мѣсто для одного; народу на самой узенькой дорожкѣ къ шиллингу всегда цѣлая толпа. Но иногда счастіе всетаки поворачивалось къ Николаю, и онъ былъ положительно незамѣнимъ, когда вдругъ терялся нужный ключъ, или портился замокъ, или случалась другая бѣда, требовавшая немедленнаго присутствія слесаря. Но и это не могло служить существеннымъ подспорьемъ — зачастую вся благодарность ограничивалась одной или двумя рюмками водки.

А въ длинную суровую зиму онъ и намерзъ, и наголодался въ волю. Особенно трудно приходилось по ночамъ. Чтобы хоть сколько нибудь согрѣться, онъ покупалъ, когда могъ, вмѣсто ужина — водку. А утромъ приходилось придумывать, чѣмъ заняться днемъ — сколкой ли льда на набережной, расчисткой ли снѣга или переноской досокъ на лѣсномъ дворѣ.

Едва прикрытый лохмотьями, посинѣвшій отъ холода, плелся онъ туда въ своей давнымъ-давно продравшейся на локтяхъ куртке, повязанный, вмѣсто шапки, шейнымъ платкомъ, еще въ кузницѣ получившимъ свою теперешнюю темную окраску. При встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь изъ учениковъ Хельберга онъ каждый разъ разражался насмѣшливымъ хохотомъ: они находятъ, можетъ быть, что онъ грязно одѣтъ; но каковъ онъ есть, такимъ именно и хочетъ быть. Онъ хочетъ быть свободнымъ и никого не имѣть надъ собой, ни мастера, ни подмастерьевъ, никого! Плевать ему на всѣхъ — теперь онъ самъ себѣ господинъ!..

Если кузница Хельберга не представляла любимой цѣли его прогулокъ, то въ городѣ были и другія мѣста, ради ко-

торыхъ онъ готовъ былъ дать сколько угодно крюку, чтобы только не очутиться, напримѣръ, на набережной около мастерской блокмакера или на плацу передъ подваломъ Хольмановъ. Что̀ и какъ бы тамъ ни было, но онъ вовсе не имѣлъ охоты встрѣчаться съ Силли.

Разговаривая съ нею въ послѣдній разъ, — на другой день послѣ того какъ его выгнали изъ кузницы, — онъ замѣтилъ, что она все время съ безпокойствомъ оглядывается по сторонамъ и все требуетъ стать то тутъ, то тамъ. Это не могъ быть страхъ передъ домашними, — и вдругъ ему стало ясно: она стыдится, что ее увидятъ въ разговорѣ съ нимъ. Съ короткимъ »прощай, Силли!« онъ быстрыми шагами удалился отъ нея. Онъ почувствовалъ даже злую радость при видѣ ея несчастнаго лица и робкихъ попытокъ доказать, что она его не стыдится. На что, въ самомъ дѣлѣ, онъ ей теперь, когда не можетъ ничѣмъ угостить ее? Не стоитъ и компанію водить съ *такимъ!*..

У несчастныхъ голяковъ, которымъ нечѣмъ прикрыть наготу свою, есть могущественный и вѣрный другъ — солнце. Оно надѣляетъ ихъ тепломъ, даетъ имъ жизнь и заработокъ, и желудкамъ рѣже приходится сомнѣваться, получатъ ли они обѣдъ...

Николай все утро проработалъ на набережной, а теперь отдыхалъ, грѣясь на солнцѣ и позѣвывая.

Вдругъ онъ встрепенулся. Она!.. Эта тонкая, быстро бѣгущая фигура въ ситцевой юбкѣ, съ корзиной въ рукахъ и съ темнорусой головкой, прикрытой для защиты отъ солнца косыночкой — это была навѣрное Силли!

Она торопливо пробивалась сквозь толпу, сновавшую по рыбному ряду, видимо кого-то высматривая и безпрестанно поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону. Замѣтивъ Николая, она стала звать его: — »Николай!.. Николай!«

— Николай!.. (она совсѣмъ запыхалась отъ быстрой ходьбы). — Мнѣ надо разсказать тебѣ что-то — мать... распорола сегодня мою синюю юбку... и нашла въ подолѣ деньги — онѣ попали въ подшивку... и риксдалеры, и мелочь... Я скорѣй побѣжала сказать тебѣ объ этомъ... только отнесла отцу обѣдать... А теперь я пойду прямо въ кузницу: пусть-ка узнаютъ, какъ они съ тобой поступили!.. Слыхалъ ли ты что нибудь подобное — въ подшивкѣ!.. Я

ужасно, ужасно рада!.. Нѣтъ, ты бы посмотрѣлъ на мать, какое у нея сдѣлалось смѣшное лицо!

— Поклонись ей отъ меня и скажи, что мнѣ рѣшительно все равно, отвѣтилъ онъ угрюмо и равнодушно.

Но Силли не замѣтила этого: она торопилась въ кузницу.

Для него старается!.. Но послѣ того какъ Андрей Бергъ самъ открылъ кузницу въ Свельвигѣ, въ прежней не остались никого, чьимъ мнѣніемъ Николай дорожилъ бы. Потому что теперь онъ свободный человѣкъ; да, да, совсѣмъ свободный!

Онъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы, и смотрѣлъ на затонувшую у берега сахарную голову, надъ которой, съ шумомъ и крикомъ, трудилась цѣлая толпа мальчишекъ, стараясь вытащить ее на берегъ. Она уже наполовину растаяла въ зеленоватой водѣ, на которой линіи волнъ рѣзко выдѣлялись при яркомъ солнцѣ.

... Пусть Силли и не пробуетъ затащить его назадъ въ кузницу! Послѣ того какъ его назвали тамъ воромъ, въ немъ тоже произошла перемѣна, какъ и съ сахаромъ, въ который проникла соленая вода. И послѣ этого опять вернуться въ кузницу и работать тамъ, когда онъ можетъ быть самъ себѣ господиномъ!..

— Эй, ребята! я покажу вамъ, какъ надо вытащить голову, а съѣсть ее вы ужъ сами съумѣете!..

Зеленая съ бѣлыми полосами дверь въ кабачкѣ мадамъ Сельвигъ въ продолженіе уже многихъ лѣтъ могла ежедневно наблюдать, какъ входила и выходила оттуда тихая, сгорбленная фигура блокмакера.

Его звонокъ былъ всегда одинаково громокъ; его шаги, когда онъ направлялся — оглядѣвъ предварительно собравшееся общество — къ желтому прилавку, раздавались одинаково мѣрно, и только лицо его нѣсколько оживлялось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Онъ пользовался въ кабачкѣ нѣкоторымъ почетомъ и могъ даже брать въ кредитъ, причемъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не смотря на уплаты, счетъ не уменьшался ни на эре, о чемъ и не подозрѣвала его супруга; да она бы и не повѣрила этому: Хольманъ имѣлъ карманныя деньги, и ихъ должно было хватать ему на всю недѣлю.

Въ субботу вечеромъ Силли, съ корзиной въ рукахъ,

ждала, по обыкновенію, своего отца, расхаживая взадъ и впередъ передъ дверью.

Вдругъ сна быстро обернулась: ей показалось, что вдали мелькнула фигура Николая. Прошлую субботу ей тоже это показалось. Она не видалась и не говорила съ нимъ съ того самаго дня, когда онъ такъ разсердился, что она уговаривала его вернуться въ кузницу.

Силли поспѣшно направилась въ ту сторону; теперь она была увѣрена, что это онъ! Она очень торопилась, но случилось то же, что̀ и въ послѣдній разъ: онъ не услышалъ ея зова, и она, разочарованная, побрела назадъ, не спуская глазъ съ зеленой двери мадамъ Сельвигъ; ровно въ восемь часовъ покажется отецъ.

Силли ходила взадъ и впередъ... Ее начинало разбирать нетерпѣніе... Теперь ужъ, вѣрно, гораздо больше восьми! Ужъ кое-гдѣ начинали запирать лавки, и ей невозможно дольше ждать, если она хочетъ что нибудь купить!.. Въ концѣ концовъ, ей просто придется пойти посмотрѣть, сидитъ ли еще отецъ въ кабачкѣ — можетъ быть, онъ ушелъ какъ разъ въ то время, когда она была у моста; онъ вѣдь никогда не засиживался больше своего часа.

Она дошла уже до того мѣста улицы, гдѣ начинается тротуаръ, какъ вдругъ зеленая дверь быстро распахнулась и сейчасъ же опять захлопнулась. Изъ кабачка выбѣжала простоволосая полуодѣтая дѣвушка; потомъ съ такою же поспѣшностью выбѣжалъ какой-то мужчина, а вслѣдъ за нимъ на лѣстницу высыпала цѣлая толпа, кто въ наскоро надѣтыхъ шапкахъ, а кто и совсѣмъ безъ нихъ.

Тамъ что нибудь случилось!

Вотъ и окно открыли, вѣрнѣе — выбили съ такою силой, что стекла со звономъ разлетѣлись по мостовой.

Навѣрно какой нибудь пьяный, который ужъ не могъ держаться на ногахъ — вѣдь сегодня субботній вечеръ — такъ шумѣлъ, что пришлось послать за полиціей.

Она слишкомъ хорошо знала жизнь своего предмѣстья; ей было извѣстно, что подобныя происшествія тутъ далеко не въ рѣдкость. За отца она была спокойна: онъ никогда не вмѣшивается ни во что подобное.

Но отчего онъ не выходитъ? всѣ посѣтители толпятся снаружи!

Косой лучъ вечерняго солнца упалъ въ раскрытое окно.

Вонъ у того стола было всегдашнее мѣсто отца; онъ всегда садился на одинъ и тотъ же стулъ.

Силли заглянула въ окно, просунувъ голову между цвѣточныхъ горшковъ — между чахлыхъ, пропитанныхъ трактирнымъ запахомъ, покрытыхъ липкою грязью пелагоній и гортензій.

Но что такое?!.. Неужели этотъ мужчина съ развязаннымъ галстухомъ и растегнутой рубашкой, съ рукой, безжизненно лежащей на освѣщенномъ солнцемъ прилавкѣ — неужели это ея отецъ...

— Только бы достать ланцетъ — онъ бы еще очнулся! Нѣтъ ли ланцета?

Силли не слышала, что еще говорилось на лѣстницѣ; она ничего не замѣчала, кромѣ того, что одни не хотѣли ее пропустить, а другіе говорили, что это дочь Хольмана.

Потомъ она точно очнулась вдругъ послѣ долгаго сна или глубокаго обморока и увидѣла себя сидящей на прилавкѣ и поддерживающей голову отца. Она бросилась къ нему на шею и молила его сказать хоть словечко... Но онъ даже и не хрипѣлъ...

Подъ голову ему подложили старый сплюснутый валекъ и жесткое кожаное сидѣнье со стула.

Тутъ же на прилавкѣ въ безпорядкѣ стояли штофы, полуштофы, рюмки и пивныя бутылки, сдвинутыя въ сторону, чтобы очистить мѣсто. Открытые глаза блокмакера были обращены къ когда-то бѣлому потолку, а лицо слегка перекосилось, что придавало ему выраженіе, точно онъ лежитъ и съ брезгливой гримасой разсматриваетъ, сколько на потолкѣ грязи.

На скамейкѣ, у самыхъ дверей, молча и безучастно сидѣлъ высоченный парень; Силли знала его: за его силу, его прозвали »кабацкимъ медвѣдемъ«; онъ постоянно сидѣлъ тутъ, по просьбѣ хозяйки, чтобы выпроваживать за двери черезчуръ расходившихся буяновъ.

Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо. Силли слышала только, какъ капала вода изъ несовсѣмъ плотно закрытаго въ бочкѣ крана, да изрѣдка сквозь полуоткрытую дверь слышался скрыпъ половицъ подъ ногами мадамъ и ея двухъ дочерей, на цыпочкахъ сновавшихъ взадъ и впередъ по сосѣдней комнатѣ.

Вошелъ молодой человѣкъ въ очкахъ. Онъ сдѣлалъ нѣ-

ж, [illegible] въ то же время на
вı [illegible] къ тѣлу, покачалъ
[illegible] рукавъ на безсильно
мо
по [illegible] соскользнула, про-
са [illegible] на Силли: онъ
ег [illegible]
[illegible] другой разъ... Блѣд-
бь [illegible] въ лицо покойника,
чи [illegible] каплю того, что̀
ея
гл [illegible] темной патоки. Мо-
ча [illegible] сдѣлалъ еще уколъ
[illegible] тѣснившейся за нимъ
не [illegible] голосомъ и съ та-
У [illegible] какое бывало въ
до [illegible] свой немногословный
ко
ди [illegible] отъ пьянства.
ка [illegible] крикомъ Силли, бро-
ни
[illegible] врачъ; онъ подо-
тр [illegible] свой инструментъ.
и [illegible] Силли плакала, звала
пр
по [illegible] правда, отецъ?.. Отецъ!
ни
на [illegible] всякое самоува-
[illegible] находилъ, что онъ
[illegible] изъ народной жизни.
чт [illegible] уйти.
[illegible] лѣтъ 19—20, ста-
дер [illegible] ее за плечи и
та [illegible] позволяло ува-
ей [illegible] шь?.. это я, Ни-
не
не [illegible] ся оттащить ее
сн [illegible] ейскій и выслу-
[illegible] шивалъ о бли-

жайшихъ обстоятельствахъ смерти и заносилъ ихъ слова въ свою книгу.

... Только что окончилъ свою обыкновенную порцію — бутылку пива и четыре рюмки водки... Хозяйка видѣла изъ-за прилавка, что онъ протянулъ руку къ прилавку... ей показалось, что онъ требуетъ еще рюмку, а когда онъ медленно свалился со стула, она подумала, что онъ пьянъ... хотя ему еще никогда не случалось напиваться до такой степени, чтобы ноги не держали его, особенно если было обо что опереться...

Это послѣднее подтвердили многіе изъ завсегдатаевъ кабачка или, какъ стояло въ полицейскомъ протоколѣ — »тѣ изъ постоянныхъ посѣтителей гостинницы, свидѣтельство которыхъ можетъ считаться достовѣрнымъ«.

Всѣ эти молчаливыя, слегка покачивающіяся фигуры, такъ внезапно отрезвленныя отъ паровъ субботняго вечера, быстро скрылись одна за другой съ мѣста происшествія, оставивъ недопитыми стаканы и рюмки.

Не было ли какой косвенной причины?

Да, да, этотъ же самый вопросъ мучилъ было и самое мадамъ Сельвигъ; но, по зрѣломъ размышленіи, она не могла не сознаться, что, во всякомъ случаѣ, не она дала блокмакеру послѣдній толчекъ.

Вѣдь она такъ привыкла къ постоянному старому гостю, такъ неохотно объявила ему, что за все, что онъ будетъ брать съ сегодняшняго вечера, должно быть уплачиваемо наличными. Его счетъ за тѣ года, когда онъ имѣлъ кредитъ, выросъ до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что она — вдова съ двумя дочерьми — не могла допустить, чтобы такъ шло дальше. Въ продолженіе всего этого ряда лѣтъ она приняла за правило никогда не тревожить его напоминаніемъ о долгѣ у него на дому.

Но счетъ не можетъ такъ долго лежать на порогѣ — г. полицейскій вѣдь знаетъ, что свѣтъ вездѣ одинаковъ: своя рубашка ближе къ тѣлу — и она рѣшилась наконецъ пойти дальше.

Вотъ и все, что она ему сказала... По чистой совѣсти, ей и самой было тяжело безпокоить такого славнаго, порядочнаго человѣка!....

Давно ужъ было время освободить кабачекъ отъ трупа. »Кабацкій медвѣдь« досталъ носилки, но ему нужно было

[illegible] на помощь еще двухъ или трехъ человѣкъ. И потомъ надо было еще отыскать подходящее покрывало, чтобы придать носилкамъ видъ, будто на нихъ лежитъ больной; покойникъ, прикрытый только кускомъ холста, возбудилъ бы въ городѣ слишкомъ большое вниманіе.

Мадамъ Сельвигъ и ея дочери отправились на поиски [illegible] занавѣской: каждый бережетъ свою славу, а [illegible] знали, что это происшествіе и безъ того убьетъ ихъ [illegible].

На кладбищѣ наступали сумерки. Темная фигура Хольманъ [illegible] уже на носилкахъ, которыя стояли на полу; [illegible] только приготовить мадамъ Хольманъ.

Они [illegible] медлили умышленно, желая дождаться сумерекъ и пронести трупъ, не возбуждая на улицахъ нежелательнаго вниманія.

[illegible] распухло отъ слезъ. Въ комнатѣ остались [illegible] и Николай.

[illegible] у прилавка, она сидѣла спиной къ окну; [illegible] за занавѣской нарушало тишину.

[illegible] Николай прервалъ молчаніе.

[illegible] къ тебѣ, и ко мнѣ... когда смѣлъ.

[illegible]

[illegible] чувствовалъ, что непріятно возвращаться [illegible] отъ этого... и входить въ ка-

[illegible] вскрикнула Силли, и этотъ крикъ вы-

[illegible] сказалъ Николай, заикаясь отъ [illegible] волненіе: — если у тебя нѣтъ [illegible] кто будетъ о тебѣ заботиться, [illegible] это — у меня тоже никогда [illegible] я никогда не видалъ [illegible] потому что ваша мастерская [illegible]. Я тебѣ это для того [illegible] напоминала, добавилъ [illegible]

[illegible] слышала.

[illegible]. Тамъ я постою, пока [illegible] и потомъ я тоже здѣсь буду сидѣть на [illegible] кажется.

[illegible] прошептала она.

»Кабацкій медвѣдь« и два другихъ носильщика уже пришли. Носилки вынесли за дверь и съ трудомъ протиснули сквозь толпу зѣвакъ на лѣстницу.

VI

Всѣ тѣ сироты, что ютятся въ убогихъ лачугахъ на набережной, которыхъ никто не знаетъ и никто знать не хочетъ, — вся эта несчастная мелюзга стоитъ, можно сказать, только ступенью выше икры, которая во множествѣ плаваетъ у берега и изъ которой впослѣдствіи выйдетъ крупная рыба... А что выйдетъ изъ нихъ изо всѣхъ?

Въ самомъ раннемъ возрастѣ болѣзнь выметаетъ ихъ широкой волной; море беретъ ихъ; потомъ ихъ беретъ улица со своимъ легкимъ хлѣбомъ, береть ихъ бродячая цыганская жизнь, беретъ участокъ, беретъ исправительное заведеніе. Въ позднѣйшіе годы и работа принимаетъ ихъ въ свое лоно — двери фабрикъ настежъ раскрываются передъ ними. И тогда вздохъ облегченія вылетаетъ изъ груди тѣхъ лицъ, которыхъ временами мучатъ угрызенія совѣсти за то, что они ничего не предпринимаютъ для улучшенія существованія этихъ несчастныхъ, хотя много могли бы для нихъ сдѣлать: отвѣтственность значительно уменьшается, разъ удается втянуть дѣтей въ колесо непрерывной работы.

Въ большихъ залахъ вейерганговской фабрики сидѣло множество подростковъ, слѣдя, чтобы нитка ровно наматывалась на катушку — тутъ были и Лена, и Стина, и Кристофа, и Калла, и Жозефа, и Гунда, и какъ ихъ еще тамъ звали; еслибы кто нибудь вздумалъ спросить этихъ дѣвушекъ о родителяхъ, то большинство изъ нихъ, вѣроятно, даже и не поняло бы вопроса.

Тамъ, въ огромной залѣ, шла оживленная болтовня; но болтовня эта переходила въ мимику каждый разъ, какъ какое нибудь власть имѣющее лицо направляло свои шаги въ ту сторону. Впрочемъ, и безъ того все время надо было жестикулировать, кивать, говорить возвышеннымъ голосомъ; приходилось даже совсѣмъ наклонять лицо къ лицу, чтобы что нибудь разслышать за этимъ ужаснымъ шумомъ, когда приводный ремень, жужжа, съ усиліемъ проходилъ въ свое маленькое отдѣленіе; полъ дрожалъ и качался отъ стука тяжелыхъ машинъ, а внизу подъ окнами изжелта-бѣлый во-

допадъ низвергался съ оглушительнымъ шумомъ, ревниво пряча отъ солнца скрывающееся въ его нѣдрахъ большое водяное колесо.

Въ залѣ сидѣли совсѣмъ еще молодыя дѣвушки, едва достигшія 16, 17, рѣдко 20 лѣтъ, большею частью новички, безъ навыка къ работѣ, безъ умѣнья взяться за дѣло.

Тутъ была и темноволосая худощавая дѣвушка въ стоптанныхъ туфляхъ безъ каблуковъ, въ линючемъ платьѣ съ огромнымъ парафиновымъ пятномъ поперекъ всей юбки; она кашляла и разспрашивала, разспрашивала и кашляла, между тѣмъ какъ глаза ея такъ и бѣгали, точно два маленькихъ блестящихъ черныхъ шарика, а худая впалая грудь тяжело подымалась отъ ея усилій возвысить голосъ и быть услышанной — это была Силли Хольманъ. Она сидѣла съ младшими. Пальцы ея работали надъ катушками, а головка то и дѣло подымалась и поворачивалась на всѣ стороны, точно маленькая птичка.

Только что окончился горячій споръ о новой вышитой суташемъ кофточкѣ Жозефы. Не думаетъ ли она, что ей повѣрятъ, будто она получила деньги отъ мачихи? Нѣтъ, пусть вѣритъ ей кто хочетъ, а Гунда и Якобина — не такія дуры.

Послѣ этого Кристофа разсказала о своемъ удивительномъ воскресномъ приключеніи — съ ней постоянно случались какія нибудь необыкновенныя происшествія, очень занимательныя (хотя невсегда основанныя на дѣйствительности), въ которыхъ главную роль играли прекрасныя дамы и кавалеры, а она неизмѣнно являлась ихъ общей повѣренной.

Въ настоящую минуту »разговоръ« сдѣлался такъ интересенъ, что Силли подняла голову и насторожила уши. Въ воскресенье будутъ танцы въ Летвидтенѣ, и дѣвушки болтали о косыночкахъ, бантикахъ и другихъ украшеніяхъ — которыя у однихъ уже были, а другимъ придется гдѣ нибудь занять, — и о томъ, кто лучше всѣхъ танцуетъ и кто щедрѣе на угощенье. Кристофа могла разсказать, что на балу будутъ скрипка и кларнетъ, а танцовать придутъ и студенты, и простой народъ, и штурманы.

Въ залу вошло нѣсколько посѣтителей, осматривавшихъ фабрику. Они остановились, оглядывая все и обо всемъ разспрашивая. Молодыя работницы сидѣли каждая на своемъ

мѣстѣ, такъ усердно занимаясь своимъ дѣломъ, точно онѣ и думать-то ни о чемъ, кромѣ катушекъ, не умѣютъ.

Съ высоты оконъ, сдѣланныхъ почти подъ самымъ потолкомъ, яркій снопъ утренняго свѣта падалъ на людей, машины и на тюки съ готовымъ товаромъ.

Близилось къ полудню. Послѣдній часъ тянулся нестерпимо медленно, все замедляясь къ концу. Запахъ масла и жира отъ машинъ все усиливались и подъ конецъ сдѣлались невыносимы.

Еще нѣсколько долгихъ томительныхъ минутъ!... Наконецъ раздался звонокъ.

Быстро, точно по волшебству, одѣвшись, сбѣгали по лѣстницѣ фабричныя дѣвушки въ своихъ живописныхъ нарядахъ — въ передникѣ, въ криво подвязанномъ подъ подбородокъ платочкѣ, и въ другомъ, накинутомъ на плечи; въ рукахъ у нихъ были судки съ обѣдомъ.

Чистый весенній воздухъ! Можно хорошенько освѣжиться!

Силли, разгоряченная, томясь отъ жажды, зачерпнула судкомъ нестаявшій еще съ забора снѣгъ и съ жадностью проглотила его.

Съ головой, наполненной разсказами Кристофы о танцахъ въ Летвиндтенѣ, шла она въ длинной цѣпи своихъ товарокъ, взявшихся за руки. На улицѣ около фабрики дѣлалось даже тѣсно.

— Гляди ка, гляди, Кристофа! Вейергангъ ужъ вернулся изъ Англіи! — Молодыя дѣвушки переглядывались, въ высшей степени заинтересованныя. — Новое пальто, свѣтло-свѣтло-коричневое!

— Пф! Я еще вчера видѣла, какъ онъ вернулся на пароходѣ — онъ и цѣлая кучка англичанъ. Они всѣ были въ коричневомъ: я насчитала ровно семь пальто этого цвѣта; теперь ужъ такая мода. — Это объявила Жозефа, мечтавшая поступить въ модный магазинъ.

— Онъ долженъ бояться масла, хихикала одна.

— Да какой онъ красавчикъ! Глядите-ка, какъ важно поднялъ онъ носъ!... — Ай, ай, какой славный шелковый платочекъ у него въ боковомъ карманѣ! шепнула Кристофа Силли.

Виновникъ этого переполоха шелъ, равнодушно напѣвая, важно поднявъ голову и размахивая тросточкой. Всѣ моло-

дыя дѣвичьи лица выражали почтительный испугъ и глуповатое удивленіе, но въ глазахъ каждой изъ нихъ бѣгали искорки.

Онъ, словно лосось, пошелъ прямо наперерѣзъ этого живаго потока.

— Волоса съ пробóромъ на затылкѣ!... Шляпа, какъ салатникъ!... Не дуньте на него, онъ такой жиденькій!... Онъ весь въ отца, какъ двѣ капли воды!...

Они всѣ оборачивались ему вслѣдъ.

— Онъ совсѣмъ не такой гордый, какимъ хочетъ казаться. Здѣсь, на фабрикѣ, онъ, конечно, долженъ быть, какъ свѣчка. Іоганна Шерберъ, та, что стираетъ тонкое бѣлье, знаетъ его по маскараду на ярмаркѣ. Она сама разсказывала объ этомъ.

— Еще бы! на такіе вечера приходятъ много важныхъ баръ. Ты думаешь, что танцуешь съ какимъ нибудь простымъ, а это, можетъ, самый богатый человѣкъ въ городѣ. Впрочемъ, кто хочетъ быть немножко повнимательнѣе, тотъ сейчасъ замѣтитъ это по танцамъ, или по часамъ, или по воротнику рубашки и по хорошему табаку, который онъ жуетъ.

— Онъ на насъ посмотрѣлъ; ты замѣтила? шепнула Кристофа Силли.

— Да, потому что онъ меня знаетъ, отвѣтила Силли, немножко сконфуженная тѣмъ, что глаза его остановились именно на ней.

Кругомъ поднялся смѣхъ.

— Что такое говоритъ этотъ галчонокъ?

Галчонокъ бросилъ исподлобья злобный взглядъ, но ничего не отвѣтилъ. Она всетаки была увѣрена, что баринъ знаетъ ее; онъ какъ разъ былъ въ конторѣ, когда она съ матерью пришла искать мѣста на фабрикѣ генеральнаго консула.

Цѣлая толпа работницъ съ другой фабрики присоединилась къ нимъ и разлилась черезъ улицы и переулки по всей этой деревянной, неправильно застроенной части города, а черезъ узкіе входы и лѣстницы — въ коричневые, бѣлые и зеленые дома, крытые асфальтомъ, дерномъ, черепицей, и въ новые дома, еще совсѣмъ почти не крытые.

Силли шмыгнула къ узкой, покосившейся калиткѣ. Сквозь дыры, прогнившія въ старомъ заборѣ, всюду усѣян-

номъ кривыми ржавыми гвоздями, пробывалось во дворъ солнце, а оттуда изъ-подъ калитки вытекала грязная мутная вода и исчезала въ канавкѣ.

Услышавъ хорошо знакомые, жесткіе звуки материнскаго голоса, Силли пріостановилась. Потомъ, съ испуганнымъ и робкимъ видомъ, она нерѣшительно отворила калитку; на дворѣ стояла служанка мадамъ Андерсенъ, вся пунцовая отъ смущенія и не пытаясь даже возражать, а мадамъ Хольманъ, подоткнувъ подолъ и засучивъ рукава, выколачивала и выжимала бѣлье. Она работала медленно и основательно; въ ея карихъ глазахъ не выражалось никакого чувства.

— Мадамъ Андерсонъ и сама должна бы сообразить, что до такой степени заношенное бѣлье нельзя выстирать въ одну недѣлю. Кланяйся ей и передай это отъ меня. *У меня* никогда не было привычки — даже во время самой горькой нужды — класть въ корыто незачиненную вещь. Правду сказать, и тетка Нильсонъ, да и всѣ добрые люди здѣсь въ домѣ удивляются, въ какомъ бѣльѣ водитъ она мужа и дѣтей, — а еще хочетъ, чтобы ее звали купчихой. Нѣтъ, ужъ ты, дѣвка, лучше не перечь мнѣ!.. если я что нибудь говорю, такъ это, значитъ, такъ и есть! А чулки!.. о нихъ ужъ лучше и не говорить! на одномъ пятка заштопана простой бичевкой; стыдно было даже стирать ихъ! Напрасно она старается носъ задирать — стирка все выдастъ!

Тѣмъ же рѣзкимъ голосомъ обратилась она и къ дочери:

— Еслибы ты пришла раньше, Силли, ты могла бы хоть немного облегчить мнѣ работу. Ну, да, впрочемъ, не бѣда; чѣмъ раньше положатъ меня въ могилу, тѣмъ лучше; я не хотѣла бы и часу прожить послѣ того, какъ умеръ твой отецъ.

— Я помогу тебѣ, матушка.

— Теперь, когда ужъ все готово? нѣтъ, спасибо. Вотъ еслибы ты подумала, что тебѣ-то вѣдь легко сидѣть цѣлый день на фабрикѣ, да не забалтывалась бы тамъ, а поторопилась бы домой, чтобы хоть немного помочь матери, которая все утро должна работать, согнувъ спину — вотъ тогда ты показала бы настоящую заботливость!

— Спасибо за науку, мадамъ! (это говорила служанка мадамъ Андерсонъ, къ которой вернулся наконецъ языкъ):

— только я не думаю, чтобы вамъ пришлось еще разъ утруждать себя нашимъ бѣльемъ; оно слишкомъ бѣдно и просто для такихъ важныхъ людей! — Она сдѣлала книксенъ и прибавила, исчезая за калиткой: — хорошо было бы, еслибы вашъ щелокъ былъ хоть вполовину такъ ѣдокъ, какъ вашъ языкъ!

Внутреннее чувство самой мадамъ Хольманъ являлось неоспоримымъ свидѣтелемъ того, что она постоянно жаждала и алкала правдивости — въ другихъ. Что же касается ея самой, то передъ ея дверьми и безъ того всегда чисто выметено; къ тому же, вѣдь если она установляла правила, то отъ нея же зависѣли и исключенья.

Въ жизни каждаго человѣка есть свой періодъ блеска, и насколько блокмакеръ способствовалъ этому блеску въ жизни Хольманши, всѣ — а, можетъ, и она сама — узнали только тогда, когда онъ уже безвозвратно сошелъ со сцены. Далеко не безразлично для хозяйства, есть ли въ домѣ мужчина и недѣльный заработокъ, или нѣтъ; а старый неоплаченный мужнинъ долгъ у мадамъ Сельвигъ не можетъ, конечно, считаться особенно выгоднымъ наслѣдствомъ. Что счетъ вѣренъ — этого мадамъ Хольманъ долго не могла вбить себѣ въ голову: у Хольмана всегда вѣдь были карманныя деньги!

Обильны и горьки были сѣтованія мадамъ Хольманъ, когда она увидѣла себя вынужденной выбирать между нуждой и поденной работой.

Она въ совершенствѣ знала, какъ употреблять мужнинъ заработокъ, и успѣвала даже слѣдить за тѣмъ, хорошо ли его употребляютъ другія жены. Она, такъ сказать, спокойно сидѣла всѣ эти годы на возу и правила. Но теперь насталъ день, когда ей приходилось слѣзть съ воза и самой впречься, а къ этому она выказывала менѣе всего способности.

Попавъ въ такое критическое положеніе, мадамъ Хольманъ скоро поняла, что если надо когда нибудь усиленно искать работу, такъ именно теперь; но для кого — этого она не договаривала. Она воспользовалась знакомствомъ съ генеральнымъ консуломъ Вейергангомъ, чтобы помѣстить свою дочь Силли къ нему на фабрику. Праздныя руки должны наконецъ заняться дѣломъ, тѣмъ болѣе, что это явится хоть нѣкоторымъ вознагражденіемъ за утраченный заработокъ Хольмана.

Если она сама и сидитъ дома, такъ вѣдь она занимается хозяйствомъ, чинитъ, шьетъ, учитъ Силли уму-разуму и даже берется, при случаѣ, стирать на сторону; кто бы осмѣлился сказать послѣ этого, что мадамъ Хольманъ не съумѣла исполнить своего долга въ эти тяжелые дни!

И она, дѣйствительно, неуклонно исполняла свой долгъ, держа Силли въ ежовыхъ рукавицахъ и не дозволяя ей ни на минуту бить баклуши, что̀ такъ вредно отражается на нравственности молодежи. Шить, чинить и штопать до поздняго вечера — что̀ можетъ лучше дѣйствовать на характеръ молодой дѣвушки!

Но какъ разъ въ то время, когда Силли до глубокой ночи штопала, чинила и шила при свѣтѣ низенькой лампы — какъ разъ въ это время въ ея воображеніи рисовались картины веселыхъ танцевъ и разныхъ удовольствій, описываемыхъ ей Кристофой и другими товарками, и роились мечты самой когда нибудь принять участіе во всѣхъ эти удовольствіяхъ.

Мыльные пузыря, одинъ радужнѣе другаго, взлетали и лопались передъ самымъ носомъ мадамъ Хольманъ, которая вязала, даже и не подозрѣвая ничего подобнаго и удивляясь только, что̀ можетъ быть веселаго и возбуждать улыбку и даже сдержанный смѣхъ — въ пяткѣ стараго чулка.

VII

Въ кузницѣ мастера Хегберга рабочіе опохмѣлялись, казалось, не только по понедѣльникамъ, но и по вторникамъ. Ни единой души кругомъ; всюду было темно и пусто, — а между тѣмъ на дворѣ лежала цѣлая груда ломовъ, мотыгъ, кирокъ и лопатъ, которыя нужно было выправить къ вечеру.

Хегбергъ бѣшено пожималъ плечами... Нѣтъ, теперь положительно не найдешь ни порядочныхъ учениковъ, ни подмастерьевъ; онъ откажетъ имъ всѣмъ до единаго, и это также вѣрно, какъ то, что его зовутъ Хегбергъ!

Только одинъ человѣкъ стоялъ въ кузницѣ и работалъ. И вчера, въ Ивановъ день, онъ тоже стоялъ тамъ и возился надъ своей пробной работой на подмастерья. Всегда такъ: одни думаютъ только о попойкахъ, а другой до того скупъ, что готовъ душу отдать за деньги! Хорошій работникъ, Господи помилуй! — и еслибы еще хоть на немъ не лежало

этого пятна — сидѣлъ въ тюрьмѣ!.. ну да, ну да, правда вѣдь, что его освободили-то раньше!

Все это говорилось о Николаѣ, который снова поступилъ въ кузницу Хегберга, чтобы дотянуть свои ученическіе года.

— Ну, наконецъ-то!

Двое подмастерьевъ плелись черезъ дворъ къ кузницѣ. Хегбергъ отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

Теперь ему былъ вовсе не разсчетъ отказывать рабочимъ. Поэтому-то онъ и отвернулся, и взялъ изъ горна раскаленную мотыгу; а когда два грѣшника вошли въ кузницу, мастеръ стоялъ уже тамъ — сѣдой, худощавый, высокій — и ковалъ такъ усердно, что искры съ трескомъ разлетались во всѣ стороны.

Это усердіе мастера было гораздо краснорѣчивѣе цѣлаго потока словъ; а когда онъ, все еще молча, отбросилъ въ сторону готовую мотыгу и принялся точить лопату, то всѣ сразу почувствовали, что въ воздухѣ носится гроза.

Такъ, мало по малу, въ теченіе цѣлаго утра приходили рабочіе — съ напухшими глазами, съ пьяными блѣдно-зелеными лицами, одни — всѣ въ синякахъ, другіе — съ пластыремъ поперекъ носа, съ осипшими голосами — и молча принимались за дѣло. Надо было сильно приналечь на работу, чтобы покончить съ грудой, лежавшей на дворѣ.

Весь день безостановочно продолжалась работа, и въ цѣлой кузницѣ за все это время не было произнесено ни одного слова. Наконецъ работа стала близиться къ концу. Хегбергъ смѣло могъ уйти по своимъ дѣламъ въ городъ.

Потому ли, что усиленная работа подѣйствовала отрезвляюще, или облегченіе явилось слѣдствіемъ ухода мастера, но въ кузницѣ внезапно поднялись шумъ и движеніе: одни затянули пѣсню, другіе зѣвали и потягивались въ свое удовольствіе, а третьи предавались воспоминаніямъ, какъ славно провели они вчерашній день.

Только Николай не отрывался отъ дѣла; его гораздо больше озабочивалъ и интересовалъ дверной крюкъ, надъ которымъ онъ трудился, чѣмъ всѣ удовольствія Иванова дня; если только онъ поусерднѣе поработаетъ это время, то къ концу мѣсяца навѣрно ужъ будетъ подмастерьемъ!

Старыя бочки и бревна такъ и пылали! веселая жизнь: стаканы и рюмки, а въ карманѣ ни полшилинга, ха-ха-ха!

»Тукъ, тукъ, тукъ!« дерзко врывался въ разговоръ шлифовальный молоточекъ Николая.

— Янъ Петеръ ѣздилъ на островъ и оттуда видѣлъ столько огней, что не могъ и сосчитать ихъ!

— Еще бы, когда человѣкъ пьянъ!

Молоточекъ продолжалъ стучать.

— Въ »ГрафскомъОслѣ« подъ конецъ пуншъ просто лился на полъ! Сынъ Вейерганга сжегъ на озерѣ старую лодку и выкатилъ пол-бочки смолы на потѣху фабричнымъ дѣвкамъ, и угощалъ ихъ. Домой разошлись только въ восьмомъ часу.

Молоточекъ больше не стучалъ.

Сынъ Вейерганга!.. и фабричныя дѣвушки у Вейерганга! — Николай безпокойно прислушивался, бросая время отъ времени пытливый взглядъ на говорившаго.

Потомъ онъ окатился холодной водой и вышелъ изъ кузницы.

Силли возвращалась съ фермы, неся обычную порцію вечерняго молока, и у воротъ встрѣтилась съ Николаемъ. Онъ сказалъ, будто случайно увидѣлъ ее; но она отлично знала, что онъ стоялъ тутъ и карауллилъ ее.

— Ты не повѣришь, какъ мнѣ было весело въ Ивановъ день, Николай! Подумай только... Нѣтъ, мнѣ еще никогда, никогда въ жизни не было такъ весело!

— У »Графскаго Осла«?

— А ты почему знаешь? Скажи, почему ты знаешь?

— Я... одинъ подмастерье былъ тамъ... Только какъ ты могла отпроситься у той. дома?

— Да, это было бы трудненько... Она осторожно оглянулась кругомъ и зашептала: — Мать ничего не знаетъ; она думаетъ, что я преспокойно проспала всю эту ночь. Тетка Аспаръ пригласила ее на сладкую кашу, а я должна была остаться дома и гладить; а въ девять часовъ я и удрала... Ахъ, Николай!.. она, смѣясь, сложила руки: — послушалъ бы ты, какъ она бранилась утромъ, когда вернулась — а я все еще сплю!.. Ты слышалъ, насъ даже пуншемъ угощали?

— Кто?

— Да, ужъ кабы ты зналъ кто!? Только смотри, Николай, никому не проболтайся объ этомъ! — Ты его знаешь, того, кто угощалъ насъ!

[illegible] не зажигаютъ ли костры
[illegible] Да, да, Никъ, это былъ самъ
[illegible] былъ балъ; ровно въ 11½
[illegible] выйти на балконъ, смотрѣть на

[illegible] лучшемъ?
[illegible] — »ту, съ черными глазами!

[illegible] съ тобой говорилъ?
[illegible] что меня зовутъ Силли! и
[illegible] съ нимъ.
[illegible] точно хотѣлъ расплющить

[illegible] при разсчетѣ въ конторѣ, он
[illegible] — »на пряники«, сказалъ онъ.
[illegible] скажите, пожалуйста, какой
[illegible] это съ дѣланными
[illegible] очень добра, когда при-
[illegible] его!
[illegible] вокругъ заборнаго столба, пере-
[illegible] внимательно разглядывать Силли
[illegible] стройная, почти выше него.
[illegible] которая даже не сознаетъ, что она

[illegible] ея личико выражало протест
[illegible] предложить ей пряникъ и
[illegible] вытянетъ шею и подбѣжит
[illegible] бы ужъ знать, какъ бы-
[illegible] *такихъ* выходятъ замуж
[illegible] нѣсколько разъ, а там
[illegible] такими же добренькими был
[illegible] А этотъ Вейергангъ караулит
[illegible] укараулю его на мѣстѣ!
[illegible] и приняло злое вы-

[illegible] Николай! Не смѣй дѣлать

[illegible] когда стоялъ тамъ
[illegible] пробную работу и д
[illegible] волковъ!.. Ну, да уж

такой я, видно, безталанный уродился, что мой ключъ только замыкаетъ, а не отмыкаетъ передо мной двери...

Лицо Силли, — какъ и всегда, когда Николай начиналъ такимъ тономъ, — выражало не то досаду, не то грусть.

— Насъ двое, Силли, продолжалъ онъ, намѣреваясь, повидимому, сдѣлать какой-то рѣшительный шагъ. — Насъ двое... мы оба переносили одно и то же... Я былъ силенъ, а ты слаба и пуглива, и должна была прокрадываться въ жизнь, какъ кошка, прячась за ложь и увертки. И вотъ... а мы... и я подумалъ, что... если насъ двое, и мы такъ дружны — у меня никого не было, кому бы я могъ довѣриться, кромѣ тебя, Силли; да вѣдь и у тебя тоже! — я подумалъ, что намъ бы лучше вмѣстѣ... и если ты тоже, какъ я...

Онъ въ волненіи ожидалъ ея отвѣта, обхвативъ обѣими руками столбъ и судорожно прижимаясь къ нему грудью. Онъ пристально смотрѣлъ на ея склонившуюся головку, но Силли не подымала глазъ. Такъ проходила минута за минутой, и Николай чувствовалъ, что долженъ продолжать.

— ... Я ужъ скопилъ нѣсколько шиллинговъ и ничего не покупалъ, и работалъ, работалъ изо всѣхъ силъ, чтобы сдѣлаться подмастерьемъ; а черезъ годъ подкоплю еще немного, и тогда... тогда — можетъ когда нибудь случиться, что ты бросишь всю эту фабричную грязь, обзаведешься своимъ домкомъ и сдѣлаешься честной слесаршей, Силли!.. Никто еще не заботился о тебѣ больше, чѣмъ я, Силли, ты это и сама знаешь... и ты себѣ представить не можешь, какъ я буду баловать тебя!.. Для того, кто никогда не имѣлъ ни отца, ни матери — а послѣ, какъ я побывалъ въ полиціи, я знаю, что и на товарищей не стоитъ полагаться... (его голосъ оборвался отъ волненія). Ты будешь ужасно красивая слесарша, Силли! Если слесарю могутъ сильно полюбиться чьи нибудь глаза, такъ это навѣрно твои; они блестятъ, какъ раскаленные угольки, право!.. Придешь съ работы, а въ дверяхъ будетъ поджидать эта славная головка!.. Поджидать *меня*, съ которымъ всегда обращались, какъ съ собакой, даже хуже — какъ съ воромъ на придачу. Своя собственная хатка съ замкомъ на дверяхъ и съ полнымъ сундукомъ — это будетъ получше, чѣмъ вертѣться вдоль стѣнъ съ важными барами или матросами.

Онъ сдѣлалъ бы умнѣе, еслибы не прибавилъ этого по-

слѣдняго замѣчанія, потому что Силли, которая уже начала чувствовать раскаяніе и приходить въ умиленіе, со слезами на глазахъ, — сразу вспыхнула отъ упрека и запальчиво воскликнула:

— Такъ ты тоже не хочешь позволить мнѣ немного повеселиться, Николай?! Я не должна видѣть никого, не смѣю ни съ кѣмъ поговорить!.. я не смѣю даже потанцовать немного, а должна сидѣть, какъ заморская птица, сначала въ клѣткѣ у матери, а потомъ у...

Голосъ ея оборвался, слова перешли въ рыданія.

— И это ты называешь быть добрымъ ко мнѣ, Николай? Ты вѣрно хочешь, чтобы я и тебя стала бояться?

— Меня бояться? меня, Силли?

— Я и безъ того точно годовалый ребенокъ, которого мать водитъ на помочахъ... А теперь еще ты хочешь тоже придти къ ней на помощь, Николай!.. Ты правъ, да, да, ты правъ! построже со мной! и ты, и мать! Дѣло только за тѣмъ, чья власть сильнѣе! Только смотри, берегись, Николай!

Она злобно зарыдала.

— Ну, ну, плачь! поплачь же еще! Я ничего больше не скажу: найдется другой, кто сразу тебя утѣшитъ! проговорилъ Николай, сильно нахмурясь.

Силли вздрогнула, подошла къ нему и довѣрчиво положила руку къ нему на плечо:

— Ты вѣдь знаешь, что я всетаки буду твоей женой, Никъ!

Она открыто и ласково заглянула ему въ глаза; ея смуглое, покрытое веснушками личико было еще влажно отъ слезъ.

— Неужели ты это вправду говоришь, Силли?

— ... А мать, Николай? — Ахъ, я такъ боюсь, такъ боюсь, чтобы она не пронюхала, что мы съ тобой видимся! Она такъ подозрительно смотритъ на меня каждый разъ, какъ я иду по ея же порученію, и всегда спрашиваетъ, гдѣ я пропадала такъ долго?.. А знаешь, когда я сижу и штопаю, и чиню, или шью по вечерамъ, я всегда мечтаю, что ты станешь важнымъ и богатымъ и заведешь свою кузницу — больше Хегберговой — такъ что мать должна будетъ согласиться.

— Нѣтъ, скажи, Силли, ты думаешь объ этомъ? и

такъ я непремѣнно приду! *Она* должна будетъ согласиться, когда я стану передъ ней съ аттестатомъ на подмастерья въ рукахъ и съ честнымъ заработкомъ въ карманѣ.

Что случилось въ этотъ теплый, свѣтлый лѣтній вечеръ? Былъ ли самъ Николай пьянъ, или въ воздухѣ носилось что-то опьяняющее? Онъ видѣлъ, какъ Силли, съ кружкой въ рукахъ, шла домой, но на поворотѣ остановилась и еще разъ кивнула ему.

Свѣтъ въ сущности не такъ дуренъ, какъ иногда кажется... Если поглубже вникнешь въ дѣло, то вовсе еще не такъ ужасно, если у человѣка сломается ключъ къ счастію — надо быть только настойчивымъ и терпѣливымъ, и все опять поправится!

Нѣтъ, свѣтъ даже очень хорошъ! Только это не сразу замѣчаешь... и потому нужна и полиція, и порядокъ, и строгость, чтобы все шло своимъ чередомъ.

Николай стоялъ въ кузницѣ, занятый ковкой и размышленіями; онъ былъ сдѣланъ подмастерьемъ и потому видѣлъ все въ розовомъ свѣтѣ. Что онъ и свѣтъ помирились — это было ясно написано на его широкомъ лицѣ; даже на всѣ его движенія легъ какой-то отпечатокъ самоувѣренности.

Онъ получалъ теперь жалованье подмастерья и могъ кое-что откладывать каждую недѣлю. Съ руки ему было и то, что, изъ боязни мадамъ Хольманъ, онъ не смѣлъ ничего дарить Силли, ни даже шейнаго платочка. Что накоплено, то накоплено, а современемъ Силли всетаки получитъ все свое.

Каждый субботній вечеръ, едва успѣвъ вымыть лицо и руки, Николай со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ фабричной части города. Онъ отправлялся всегда съ молотомъ, щипцами, съ какой нибудь желѣзной полосой или съ готовымъ замкомъ въ рукахъ, чтобы придать себѣ видъ человѣка, идущаго по своему собственному, слесарному дѣлу.

Но ему далеко не всегда удавалось повстрѣчаться съ Силли. Это была настоящая лотерея, и зачастую случалось, что онъ какъ разъ встрѣчалъ мадамъ Хольманъ вмѣсто ея дочери. Приходилось покоряться обстоятельствамъ; но гораздо тяжелѣе было то, что даже въ тѣ разы, когда счастіе улыбалось ему, Силли непремѣнно шла въ сопровожденіи двухъ или трехъ другихъ дѣвушекъ, такъ что имъ едва уда-

валось обмѣняться быстрымъ взглядомъ и короткимъ кивкомъ, прежде чѣмъ разойтись въ разныя стороны.

И что ей за охота связываться съ этими вѣтреными дѣвчонками!.. подходятъ ли онѣ къ Силли? У нея еще нѣтъ даже подозрѣнія о томъ, чѣмъ она рискуетъ, и чего хотятъ отъ нея важные бары, кивающіе ей за ея хорошенькіе глазки... Веселиться? — втянуться прямо въ мельничное колесо и выйти оттуда раздавленной и измятой? Нѣтъ, скорѣй прочь отсюда!

А для этого не было инаго средства, какъ работать и работать, и откладывать одинъ недѣльный заработокъ къ другому, пока не накопится, наконецъ, серебряный крюкъ, чтобы перетянуть къ себѣ Силли. Да, только бы вырвать ее изъ этого омута. И онъ погружался въ мысли о квартирной платѣ и о свадебныхъ издержкахъ.

VIII

Въ одну изъ субботъ, нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ Николай получилъ свой аттестатъ, къ нему явилась неожиданная гостья — онъ просто глазамъ не вѣрилъ, увидя на порогѣ своей комнатки мать, ожидавшую его возвращенія.

Она слышала, что онъ сдѣлался подмастерьемъ, и до тѣхъ поръ не имѣла покоя, пока не нашла возможности — въ городъ ѣхали вощики досокъ — навѣстить его! Она ужасно рада!.. Еслибы онъ только зналъ, сколькихъ вздоховъ и сколькихъ горючихъ слезъ стоилъ онъ ей!..

Передъ Николаемъ стояла высокая, толстая, наполовину по деревенски одѣтая женщина, съ краснымъ, какъ огонь, лицомъ; она плакала, вытиралась вчетверо сложеннымъ платкомъ и снова заливалась слезами, выражая въ то же время свои чувства и свою радость, что тамъ, на небѣ, все повернули къ лучшему!

Она такъ долго была одинока и несчастна; но теперь, когда у нея есть сынъ, она совершенно иначе смотритъ на жизнь!.. Нѣтъ, поглядите, пожалуйста, какой онъ высокій, широкоплечій, красивый — настоящій кузнецъ! Теперь онъ, вѣрно, ходитъ по праздникамъ въ жилеткѣ и въ сюртукѣ! Пожалуй, и шляпой обзавелся! на этотъ счетъ она можетъ дать ему хорошій совѣтъ — она вѣдь тоже кое-что видала на своемъ вѣку, въ грязь лицомъ не ударитъ!..

Съ какими-то странными, смѣшанными чувствами смотрѣлъ Николай на эту, точно съ неба свалившуюся, мать... также неожиданно свалиться съ неба можетъ когда нибудь и отецъ!

Онъ ужъ много лѣтъ не думалъ о матери, а смутно сохранившійся въ памяти образъ этой женщины былъ такъ глубоко запрятанъ въ душѣ и покрытъ такимъ слоемъ горечи, что онъ давнымъ-давно потерялъ охоту рыться во всемъ этомъ. Но для счастія обновленнаго Николая — слесарнаго подмастерья — вѣроятно, было необходимо это свиданіе съ матерью. Да, конечно, онъ будетъ гордиться своею матерью, и это выйдетъ очень трогательно!

И онъ гулялъ съ ней, и былъ очень милъ и разговорчивъ, и терялъ весь свободный день, вмѣстѣ съ половиною заработка; онъ заплатилъ, — хотя это вовсе не было его намѣреніемъ, — за большой пестрый шелковый платокъ столько, сколько наковалъ и накопилъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль... и потомъ онъ купилъ ей еще бѣлаго хлѣба и ветчины, которые ей непремѣнно нужно было отвезти въ деревню и отъ которыхъ она ужъ за ужиномъ съѣла по большому куску.

»Да, апетитъ у нея былъ большой... зато совсѣмъ не было привычки копить!« вотъ каковъ былъ результатъ размышленій Николая послѣ отъѣзда гостьи. Онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ порядочной суммы денегъ и не въ особенно радужномъ настроеніи отправился въ этотъ вечеръ разыскивать Силли, чтобы подѣлиться съ ней своимъ »неожиданнымъ счастіемъ«.

Вся нижняя часть города лежала уже въ тѣни, а голоса рабочихъ, сновавшихъ по дорогѣ, все еще смѣшивались съ гуломъ говора и шума, доносившихся съ фабричной части города.

Въ этотъ душный вечеръ Николай тщетно бродилъ вокругъ скотнаго двора, постоянно оглядываясь то на шоссе, проходившее мимо калитки, то на узенькую дорожку, которая вилась съ другой стороны. Силли нигдѣ не было видно. Здоровая дѣвка, съ кадушкой въ рукахъ, пришла изъ хлѣва въ домъ. Она смотрѣла на Николая и дерзко смѣялась, и слѣдствіемъ этого смѣха было то, что Николай направился къ фабрикѣ, ни разу больше не оглянувшись: тамъ въ домѣ, значитъ, есть глаза, которые видятъ сквозь стѣны... Ужъ и

безъ того начали удивляться, зачѣмъ онъ такъ часто ходитъ здѣсь...

На фабрикѣ Вейерганга вода была уже заперта, и только тонкая бѣлесоватая струйка пробивалась сквозь запруду и капля за каплей падала на колесо. На дорогѣ загрохотала телѣга и, обогнавъ Николая, остановилась около фабрики: это привезли черноземъ для конторскаго сада.

За забором работала цѣлая толпа женщинъ и дѣвушекъ: онѣ пололи, разгребали и высаживали растенія, между тѣмъ какъ за ними стоялъ садовникъ съ лейкой въ рукахъ, а изъ окна высунулся молодой Вейергангъ и болталъ съ работницами.

У одной изъ грядъ стояла мадамъ Хольманъ и, подбоченясь, разсматривала какое-то растеніе, только что ею посаженное; а съ другой стороны на колѣняхъ стояла Сильи и выпалывала сорную траву съ клумбы, расположенной какъ разъ около самаго дома. Къ ней-то и относились шуточки Вейерганга, а она качала головой и смѣялась, украдкой поглядывая на окно — отвѣчать она не смѣла, въ виду слишкомъ близкому сосѣдству мадамъ Хольманъ.

Сердце Николая сжалось, точно въ клещахъ; ему ясно представился тотъ блаженный мигъ, когда Людвигъ Вейергангъ на себѣ испыталъ силу его кулаковъ.

Съ свинцовой тяжестью въ груди отошелъ онъ отъ забора и усѣлся на краю канавы, откуда могъ невидимо слѣдить за всѣми, кто шелъ внизъ.

»Она слишкомъ хороша со своими черными глазками!.. Онъ постоянно возвращался къ этой мысли, и она заставляла его страдать.

Прошелъ часъ. Почти равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ Николай за прохожими; но вдругъ онъ встрепенулся. Съ горы спускался Людвигъ Вейергангъ — беззаботно, съ тросточкой въ рукахъ и напѣвая что-то сквозь зубы. Онъ былъ краснощекъ, какъ дѣвушка, съ прекрасными черными баками, виднѣвшимися изъ-подъ панамы, и съ большими, нагло смотрѣвшими сѣрыми глазами на выкатѣ.

Съ злобнымъ отчаяніемъ слѣдилъ за нимъ Николай, пока тотъ не исчезъ внизу.

Опять эта старая, безсильная ненависть!.. Онъ не въ силахъ свободно дышать, пока...

Николай зажмурился, точно передъ нимъ стоялъ какой-

то страшный призракъ, и вокругъ его губъ легла горькая складка...

Послѣ Вейерганга прошла, рядомъ съ матерью, Силли, гибкая, какъ тростинка, съ опущенной головой. Иногда она робко озиралась кругомъ, какъ школьница, пытающаяся улизнуть отъ учителя.

У скотнаго двора онѣ разстались — Силли пошла за вечернимъ молокомъ. Скоро она возвратилась съ полной кружкой и свернула на боковую дорожку. Она шла скорыми шагами, улыбаясь своимъ мыслямъ; но при видѣ Николая, поднявшагося съ земли, на лицѣ ея выразился испугъ.

— Ты пугаешься, когда видишь меня, Силли?

— Конечно, когда у тебя такое злое лицо, отвѣтила она, обращая вопросъ его въ шутку.

— Ты вѣдь сказала, что согласна быть моей женой? Правда, Силли?

— Ахъ, опять ты съ этимъ, Николай!.. Вѣдь до этого еще такъ далеко!

— Мнѣ нужно еще разъ услышать это, чтобы... Если человѣкъ стоитъ такъ ненадежно, какъ я, такъ охотно пробуешь, крѣпка ли веревка, за которую хочешь удержаться... или такая гнилая, что можетъ лопнуть! У тебя слишкомъ многое въ головѣ съ тѣхъ поръ, какъ ты попала сюда на фабрику.

— Берегись самъ, Николай! ты сталъ что-то слишкомъ за меня бояться, засмѣялась она: — но вѣдь я тоже ужъ выросла; да, я тоже; ты одинъ не хочешь замѣчать этого — стоишь, какъ бревно!.. Ты не можешь себѣ вообразить, сколько у меня теперь дѣла! Сейчасъ послѣ ужина я опять бѣгу на фабрику. Я и Кристофа, и Гунда, и Жозефа получили чистку конторскаго сада... мы полемъ рѣпу, и морковь, и капусту, а осенью, когда все это выростетъ, намъ тоже дадутъ овощей съ огорода!

Николай стоялъ, погруженный въ разсчеты... Двадцать семь риксдалеровъ, исключая того, что онъ далъ сегодня матери... окорокъ тоже не въ счетъ, — по крайней мѣрѣ, еще вдвое столько же нужно ему, чтобы купить хоть самое необходимое для хозяйства... Дѣло только въ томъ, можно ли добыть ихъ къ веснѣ, даже если работать день и ночь?

Вслухъ онъ высказался очень осторожно:

— Если мы будемъ благоразумны и бережливы, такъ весной ужъ, пожалуй, будемъ сидѣть въ своей собственной квартиркѣ, Силли!.. Но многое еще можетъ стать этому помѣхой...

Послѣднія слова были сказаны беззвучнымъ голосомъ и сопровождались тяжелымъ, подавленнымъ вздохомъ.

— Я думаю, въ тебѣ ужъ не останется ни жизни, ни силъ, пока ты соберешься жениться! засмѣялась она. — Съ тобой теперь чистое наказаніе встрѣчаться: и самъ вѣчно хмурый, и на другихъ только тоску нагоняешь. Хорошъ женихъ, нечего сказать!

Она шаловливо повернулась на каблукахъ.

Нѣсколько недѣль спустя, Николай удостоился новаго посѣщенія: какой-то мужикъ всюду разыскивалъ Николая, такъ какъ ему поручено было оставить у него огромный сундукъ Барбро. Сама Барбро переѣдетъ на дняхъ.

У нея что-то на умѣ! не думаетъ ли она опять поступить въ услуженіе?

А когда Николай вернулся однажды вечеромъ домой, то нашелъ на сундукѣ красную кадушку и пару башмаковъ съ завязками. — »Вѣрно мать уже здѣсь!«

Черезъ полчаса явилась и сама Барбро: она ходила только купить немного хлѣба, масла и сыра на ужинъ.

Она нарѣзала принесенную провизію и предложила сыну поужинать вмѣстѣ.

Высокая женщина и ея громоздкія вещи почти до потолка наполнили тѣсную комнатку Николая. Отъ постояннаго сидѣнья дома Барбро пріобрѣла одышку и тройной подбородокъ; черезчуръ развитыя челюсти, покрытыя въ молодости нѣжнымъ пушкомъ, теперь производили отталкивающее впечатлѣніе, особенно во время ѣды, когда она съ чавканьемъ пережевывала пищу своими все еще крѣпкими, хотя отъ слишкомъ горячаго кофе значительно уже испортившимися, зубами. Въ то время, какъ она сидѣла на сундукѣ, а сынъ на кровати, между ними произошло, наконецъ, объясненіе.

Мужикъ, съ которымъ Барбро сговорилась, что будетъ жить у него за 18 талеровъ въ мѣсяцъ и за нѣкоторую помощь въ страду — и съ тѣмъ, что кофе она будетъ сама себѣ покупать — оказался такимъ скупымъ на ѣду, что ей то и дѣло приходилось прикупать себѣ то того, то другаго

изъ съѣстнаго; да вѣдь, впрочемъ, Николай и самъ видѣлъ, что она купила окорокъ; а къ тому ли привыкла она у Вейерганговъ?! Охо-хо-хо! вотъ ужъ она можетъ сказать, что въ потѣ лица ѣла свою скудную пищу: стоитъ только припомнить, что она сдѣлала для Людвига и Лиззи — какъ она носила ихъ на рукахъ... и была для нихъ больше, чѣмъ родная мать... И развѣ она могла думать когда нибудь, что въ награду за это ей придется справлять тяжелую работу на полѣ!.. А еще господа всегда такъ хвалили ее!

И она терпѣливо ждала, что вспомнятъ, наконецъ, про старую Барбро. Ну нѣтъ, держи карманъ! видно на этомъ свѣтѣ самой нужно напоминать о себѣ, если хочешь получить что нибудь!..

Но теперь, когда выросъ ея дорогой Николай, она подумала-подумала, да и рѣшила, что ей надо открыть въ городѣ лавочку. И сегодня она ужъ побывала ради этого у генеральнаго консула.

Онъ былъ не въ духѣ въ ту минуту, какъ она вошла въ контору, и выбранился; но она знаетъ его и умѣло повела разговоръ:

»— Смѣю спросить, какъ поживаетъ барыня и баринъ Людвигъ и барышня Лиззи? — Конечно они ужъ такъ выросли и ушли впередъ, что нечего и ждать, чтобы они узнали бѣдную старую служанку!

»— Тонки... тонки, какъ жерди, отвѣтилъ онъ, смѣясь. — Ты по прежнему можешь взять ихъ обоихъ на руки! Ну, а ты вѣрно съѣла всю деревню; я что-то не помню, чтобы прежде ты была такой толстой, Барбро? У твоего хозяина ужъ вѣрно больше силъ не хватало держать тебя? шутилъ онъ.

»— Благодарю покорно. У г. генеральнаго консула я не привыкла къ мужицкой пищѣ, сказала я. — Это скорѣй я дошла до того, что должна была уѣхать; мужикъ не дуракъ, и не далъ бы себя въ обиду!

»Потомъ мы говорили о Людвигѣ и Лиззи, пока я не заплакала.

»— А что твой несносный мальчишка? спросилъ баринъ.

»— Благодарю покорно, отвѣчала я: — мой сынъ Николай теперь ученый подмастерье, здѣсь же въ городѣ.

»Потомъ я поразсказала ему мои мысли, что я хочу переѣхать въ городъ торговать. — Я всегда находила, что

стоять *за* прилавкомъ выгоднѣе, чѣмъ *передъ* прилавкомъ, сказала я.

»Тогда онъ отвѣтилъ, смѣясь: — такъ ты хочешь обзавестись хозяйствомъ въ городѣ, Барбро?

»— Да, г. генеральный консулъ, если можно сдѣлать это честнымъ образомъ — и съ небольшою помощью моихъ господъ, я надѣюсь заработать себѣ на хлѣбъ.

»Онъ обѣщалъ дать мнѣ — даромъ на цѣлый годъ — комнату и кухню въ одномъ изъ домиковъ за фабрикой«.

Когда мать и сынъ сидѣли, такимъ образомъ, другъ противъ друга, нельзя было не найти между ними нѣкотораго сходства; но тѣ черты, которыя въ широкомъ, оживленномъ лицѣ юноши жизнь превратила въ мускулы, у Барбро ожирѣли, обрюзгли и расплылись въ толщину.

Барбро съ жаромъ посвящала сына въ свои планы о томъ, какъ она съумѣетъ добиться кредита; въ тѣхъ мѣстахъ у нея во всѣхъ лавочкахъ есть знакомства, еще съ съ того времени, какъ она жила у Вейерганговъ. Потомъ надо будетъ продать товаръ, заплатить старые долги и сдѣлать новые; это пойдетъ также гладко, какъ плясы!

Но немного денегъ ей всетаки нужно; все, что у нея было, ужъ давно сплыло безслѣдно. Не можетъ ли, напримѣръ, Николай одолжить ей небольшую сумму? Вѣдь ему все равно, будутъ ли его деньги обращены въ товаръ или пролежатъ у него въ карманѣ! И не можетъ ли онъ также посовѣтовать ей, гдѣ дешевле купить прилавокъ? или, еще лучше, взять его въ кредитъ? Въ кредитъ она, пожалуй, взяла бы заодно у столяра и еще что нибудь — какой нибудь столъ, двѣ кровати, нѣсколько стульевъ... Она думаетъ тоже, что когда дѣло немножко наладится, такъ и Николай можетъ переѣхать къ ней. Они отлично зажили бы вмѣстѣ, помогая другъ другу — она кормила бы его, а онъ отдавалъ бы ей часть своего жалованья. Пусть-ка онъ пораскинетъ умомъ, да скажетъ, сколько онъ думаетъ дать...

Барбро тараторила все оживленнѣе и оживленнѣе, и то и дѣло ударами кулака по сундуку поясняла, какъ это именно будетъ.

Но въ то время какъ она все болѣе и болѣе воодушевлялась, развертывая планы будущаго, Николай совсѣмъ пріунылъ и равномѣрно выбивалъ тактъ ногой.

Относительно торговли все это, вѣрно, такъ и есть, какъ

она объясняетъ. Мать должна понимать въ этомъ толкъ — она столько лѣтъ жила у Вейерганговъ, да еще, къ тому же, говорила съ самимъ генеральнымъ консуломъ. Но чѣмъ больше посвящала она его въ свои планы и чѣмъ сильнѣе разсчитывала на него — говоря объ этомъ такъ, словно ни одна помѣха ея разсчетамъ не могла появиться ни съ одной изъ четырехъ странъ свѣта — тѣмъ больше открывались его глаза на пропасть, лежащую между его и ея интересами и стремленіями.

Она пришла съ давно въ сущности утерянными материнскими правами какъ разъ въ то время, когда онъ чувствовалъ, что другая женщина стала ему гораздо ближе и дороже ея.

Но Барбро вѣдь не могла знать, что только даромъ тратила время, и ему все таки пришлось заговорить:

— Видишь ли, матушка... Онъ упорно смотрѣлъ внизъ. — Деньги мои ты можешь взять, если только вѣрно, что я получу ихъ обратно къ новому году; а что касается всего прочаго, такъ оно негодится... Видишь ли, мнѣ оттого нужны назадъ мои деньги, что я и Хольманшина Силли ужъ сговорились и рѣшили пожениться и обзавестись своимъ хозяйствомъ. И это свято съ моей стороны, потому что только ради этого я работалъ и трудился, съ тѣхъ поръ какъ умеръ старикъ Хольманъ; и нехорошо выйдетъ, если я не получу денегъ обратно.

Его острые сѣрые глаза метнули при этихъ словахъ такой взглядъ, въ которомъ мать инстиктивно прочла, что сынъ выскользнулъ у нея изъ рукъ.

Это была первая ошибка въ ея разсчетахъ!.. Чтобы приложить цѣлебный бальзамъ къ нанесенной имъ ранѣ, Николай отдалъ ей передъ уходомъ всѣ свои тридцать риксдалеровъ.

Въ узкихъ улицахъ фабричнаго предмѣстья царитъ непрерывное торговое оживленіе; исходнымъ пунктомъ его служатъ лавчонки, хозяева которыхъ стоятъ все таки немного выше торговцевъ въ разноску. Первые продаютъ свои товары подъ навѣсомъ, имѣютъ возможность держать больше товару и пользуются бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ пока донесешь ложку отъ миски до рта; это значитъ, что кредитъ для уличныхъ торговокъ открытъ только на день, на два, —

для нихъ же возможенъ и на недѣлю, или даже и на цѣлый мѣсяцъ.

Вотъ о такой-то именно мелочной торговлѣ и мечтала Барбро; и если говорятъ, что въ Америкѣ въ одинъ моментъ выростаютъ изъ-подъ земли цѣлые города, то то же самое можно было бы смѣло сказать и про лавку Барбро.

Едва прошла недѣля со дня ея переѣзда, какъ въ окнѣ появилась настоящая вывѣска катушекъ, кренделей, хлѣба, карамелекъ, шнурковъ, иголъниковъ, махорки, глиняныхъ трубочекъ, спичекъ, перьевъ и тому подобнаго товара, — а она сама сидѣла за прилавкомъ — тамъ, гдѣ была касса, отгороженная синей занавѣской — и молола кофе, заранѣе сжаренный на кухнѣ. Въ сундукѣ съ надежнымъ замкомъ, придѣланнымъ Николаемъ, стоялъ ящикъ изъ-подъ сигаръ, предназначенный для выручки; въ немъ уже лежало нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Знакомство Хольманши съ Барбро въ скоромъ времени возобновилось, причемъ послѣдняя не преминула разсказать ей тайну Силли.

Окончаніе будетъ

105a-32995/

AP
50
.T65
v.5
no.4

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть первая

VI

Левъ Станиславовичъ на другой день отправился на Promenade des Anglais. Запыленныя пальмы по сторонамъ смотрѣли такими жалкими и заброшенными, особенно рядомъ съ пышною и свѣжею зеленью сада около. Зато море было удивительно... Такіе краски, оттѣнки, переливы ложились на его слегка дышавшую сегодня поверхность — именно дышавшую. Оно подымалось и опускалось медленно, спокойно, точно во снѣ. Налѣво всползалъ на гору старый городъ съ узкими и темными улицами, дряхлыми башнями, сѣрыми и сырыми церквами, тонкія колокольни которыхъ однѣ вырывались на просторъ. Направо, весь залитый свѣтомъ, тянулся красивый берегъ къ Антибамъ и Канну. Левъ Станиславовичъ сѣлъ на скамью и не безъ любопытства смотрѣлъ на развертывавшуюся передъ нимъ картину. Ему казалось, что онъ на этнографической выставкѣ. Пестрые англичане съ клыками впереди, длинныя, точно проглотившія уже не аршинъ, а цѣлую сажень англичанки, вертлявые итальянцы, производившіе такое впечатлѣніе, точно все на нихъ коротко — портной ли сукна пожалѣлъ, или они сами выросли изъ своихъ платьевъ; живыя и кокетливыя парижанки съ едва замѣтнымъ презрѣніемъ ко всему.

на чемъ только не лежала печать ихъ Парижа; медлительные крутолобые нѣмцы, нелѣпо сложенные и особенно умирительно присѣдающіе на ходу; русскіе съ нѣсколько сконфуженнымъ или скучающимъ видомъ; красавицы-голландки, нѣсколько испанокъ, граціозныхъ, съ мерцающими томными глазами — все это сновало мимо, переговаривалось между собою на всевозможныхъ языкахъ, къ которымъ напрасно прислушивался Смецкій, стараясь уловить, о чемъ это всѣ говорятъ, что̀ ихъ интересуетъ, чѣмъ они живутъ здѣсь. Но волны за волнами проносились мимо, и наконецъ юноша началъ даже немного скучать...

— Здравствуйте!.. послышалось рядомъ. Онъ поднялся и пожалъ руку Крутофорову. — Ну-съ, разсказывайте... какъ вы пріѣхали, что̀ застали... какъ ваши капиталы оказались... Усчитали вы Фрейгена?..

— Я, право, не понимаю, чему вы смѣетесь и вчера и сегодня.

— Такъ ужъ... Потомъ и вы поймете... А мой Полинъ совсѣмъ сорвался... Крутитъ... Какъ бы еще въ police correctionnelle не попалъ, боюсь... У него какъ пятерка въ кармане — сейчасъ форсу на милліонъ. Вѣдь вотъ тоже натура. Нѣтъ денегъ — смиренъ и убогъ; а ужъ какъ получитъ — сейчасъ развернется, и скандалъ. У меня два генерала въ посылкахъ бѣгаютъ — ну, тѣ другое дѣло... Тѣ благородные. Сейчасъ въ сохранную кассу. Смотришь, на всякій случай у нихъ и капиталецъ есть... отъ щедротъ... Ну, а Полинъ изъ другаго дерева: онъ первымъ дѣломъ въ ресторанъ на тонкій обѣдъ. Соберетъ сволочь, и ну ихъ угощать. Кто его понимаетъ — тому сейчасъ въ ухо. Лакею, если не угодитъ, тарелкой въ морду. У меня изъ-за него было исторій немало. Сдѣлайте одолженіе! Вашъ батюшка — тотъ совсѣмъ другихъ нрава. Тому только давай по мелочи — потому онъ разницы между рублемъ и тысячью не понимаетъ, — ему все равно.

— Мнѣ мама говорила, поморщился Левъ Станиславовичъ: — у васъ съ отцомъ какіе-то счеты были.

Крутофоровъ добродушно усмѣхнулся.

— Какіе тамъ счеты! Просто онъ старый ребенокъ, и больше ничего. Я было его взялъ къ себѣ за хорошія манеры... для представительства. Потому вы не глядите, что у него въ карманѣ ни шиша. Онъ такъ приметъ, кого слѣдуетъ, что ай да ну!.. Кокоревъ Василій Александровичъ его иначе не называлъ, какъ эрц-ерцогомъ. »Что, говоритъ, твой ерц-ерцогъ?« Ей Богу! Потому у вашего батюшки плечи и грудь навачены, взглядъ строгій — ну, и чувствуютъ страхъ къ нему. Думаютъ, поди какой вельможа — бровью поведетъ, костей не соберешь. Опять же наставленіе дать лакею, или выговоръ — никто такъ не сможетъ. Ахъ ты, батюшки мои, опять красота наша! и Крутофоровъ весь просіялъ даже. — Вонъ, вонъ идетъ...

Вдали показалась, тѣсно окруженная молодежью, какая-то дама. Левъ Станиславовичъ взглянулъ туда и приподнялся даже: — ничего подобнаго онъ еще не видалъ. Высокая, стройная, гибкая, съ темными властными и нѣсколько суровыми глазами на свѣжемъ, всею полнотою силы дышавшемъ, лицѣ. Тонкій носъ выдавалъ ея еврейское происхожденіе: онъ слегка загибался внизъ надъ полуоткрытыми губами, сквозь которые блестѣли ровные бѣлые мелкіе зубы — одинъ къ одному. Розовыя ноздри вздрагивали, надъ верхнею губою явственно обрисовывались черные усики, какіе бываютъ у южанокъ только; такія же дорожки завивавшихся волосковъ тянулись отъ висковъ внизъ къ нѣсколько большимъ ушамъ, слегка оттопыреннымъ, что — впрочемъ — было неособенно замѣтно, благодаря массѣ жесткихъ и непокорныхъ волосъ, низко лежавшихъ на лбу. Черныя брови были гуще, чѣмъ слѣдуетъ, и еще больше мрачнаго блеска придавали глазамъ. Все остальное оказывалось въ вѣнскомъ »штилѣ«. Бюстъ былъ слишкомъ высокъ и крупенъ, плечи шире обыкновеннаго и сквозь кисею, ревниво обвивавшую ихъ, дразнили своимъ смуглымъ румянцемъ. Талія, преувеличенно тонкая, дѣлала еще шире могучія бедра,

ходившія подъ тѣснымъ шелкомъ. Она ступала увѣренно и сильно. Левъ Станиславовичъ разсмотрѣлъ большую, но красивую, съ высокимъ подъемомъ, ногу. Руки были крупнѣе, чѣмъ надо.

— Кто это? порывисто спросилъ онъ у Крутофорова, когда барыня остановилась недалеко отъ нихъ, болтая съ какимъ-то выросшимъ изъ своего костюма итальянцемъ.

— Нравится? прищурился Петръ Петровичъ.

— Еще бы! Это такая красота!.. Какъ ее зовутъ?

— Нѣтъ, ужъ это я вамъ въ видѣ сюрприза... Бабецъ съ огонькомъ! Крутофоровъ тяжело поднялся и, нескладно переступая на своихъ громадныхъ лапищахъ, подошелъ къ ней. Льва Станиславовича поразило, что богачъ, говорившій по русски съ нѣсколько мужицкимъ оттѣнкомъ и преувеличенною грубостью, заболталъ съ нею на такомъ чистомъ и изящномъ французскомъ языкѣ, который вчужѣ заставилъ позавидовать ему и Староградъ-Смецкаго. Крутофоровъ говорилъ, очевидно, о немъ. Красавица сначала съ видимымъ любопытствомъ смотрѣла на изящнаго блондина, а потомъ это любопытство перешло въ симпатію, и она, должно быть, сама попросила Петра Петровича представить ей юношу. Крутофоровъ подмигнулъ ему, и Левъ Станиславовичъ, краснѣя, смущенный, подошелъ къ нимъ.

— Вотъ позвольте вамъ, baronne, представить: еще издали, какъ увидѣлъ васъ, такъ чуть въ обморокъ не упалъ. Говоритъ — воздуху мало, дышать нечѣмъ, — такая красота...

— Вы, monsieur Крутофоровъ, все глупости...

— Да поглупѣешь съ вами! Вы посмотрите, какимъ онъ умницей смотритъ на васъ...

Красавица хотѣла протянуть молодому человѣку руку, но остановилась на мгновеніе.

— Вы съ вашими коментаріями забыли назвать мнѣ вашего пріятеля.

— Рекомендую, и съ особымъ удареніемъ онъ докончилъ: — Староградъ-Смецкій.

Она вдругъ поблѣднѣла; губы ея дрогнули презрительнымъ выраженіемъ, брови нахмурились. Очевидно, не совладавъ съ собою, она отступила на шагъ. Левъ Станиславовичъ, отдававшій глубокій поклонъ, не замѣчалъ этого. Крутофоровъ наслаждался сценою и съ еще болѣе сильнымъ подчеркиваніемъ продолжалъ:

— Баронесса Софи Фрейгенъ... Дочь нашего уважаемаго Жака Фрейгена...

Сообразивъ, что онъ молчитъ очень глупо и слишкомъ долго, Левъ Станиславовичъ наконецъ нашелся.

— Я уже имѣлъ честь познакомиться съ вашимъ отцомъ. Я вчера встрѣтилъ барона на желѣзной дорогѣ и у моей матери.

— У вашей матери... и она обвела юношу взглядомъ, полнымъ нескрываемой ненависти и презрѣнія: — у вашей матери?.. а кто такая *ваша мать*?..

— Какъ?! повидимому простодушно вмѣшался Петръ Петровичъ: — какъ, m-lle не знаетъ здѣшней бѣлокурой красавицы m-me Emilie Starograd-Smetzky?

— Madame — это знакомство моего отца, а не мое... Я не *имѣю* надобности знать г-жу Смецкую...

И, выговоривъ эту дерзость, она, глядя въ глаза Льву Станиславовичу, пошла прямо на него, такъ что онъ долженъ былъ посторониться. Даже не кивнувъ ему головой, она оставила его позади. Старограду-Смецкій слышалъ только презрительное: — »сынъ *этой дамы*!« Очевидно, она говорила о немъ своимъ спутникамъ.

— Что это? точно проснулся Левъ Станиславовичъ. — За что? Что я ей сдѣлалъ, что ей сдѣлала моя мать?

— Завидуетъ, должно быть! прикидывался Крутофоровъ. — Ну, извѣстное дѣло — мужланка стѣсняться не привыкла и отчитала... А вы не сокрушайтесь... Это все лучше, чѣмъ равнодушіе. Она красивыхъ людей любитъ. У нея еще недавно былъ романъ съ однимъ шарманщикомъ... т. е. не то чтобы настоящій шарманщикъ, а около того... компози-

[illegible] думалъ жениться на ней. Извѣстно, [illegible]литанцу лестно — на всю жизнь на [illegible] купайся въ нихъ; ну — а она нѣтъ. [illegible] замужъ ни-ни... Замужъ ее папаша [illegible] какъ за владѣтельнаго принца... Благо [illegible] подѣлали, и всѣ они безъ капиталу. [illegible] и прогнала.

[illegible] что?

[illegible] хлопнулъ его Крутофоровъ по ко- [illegible] жечокъ киснетъ. Плюнь... А папаша [illegible] баронъ Жачокъ, какъ его Поли [illegible] — купилъ, братъ, на дняхъ въ Венеціи [illegible]... Прежде онъ пріобрѣлъ Попадо- [illegible]... Хлопочетъ присоединить поэтому къ [illegible] графовъ Бембо и герцоговъ Попадо- [illegible] какой! И будетъ по сему Софка [illegible] графинею Бембо и герцогинею Попа- [illegible] не выговоришь, языкъ спотыкается... [illegible] за что она зла такъ на мою [illegible] Левъ къ Крутофорову.

[illegible] горѣ и сдѣлалъ невинное лицо.

[illegible] и несправедливость, батюшка. Ви- [illegible] статьяхъ, какъ слѣдуетъ-съ быть — [illegible] Богъ ихъ знаетъ. Милости про- [illegible] Я тутъ недалечко, у меня своя [illegible] — сказываютъ, хороша. Картинки [illegible] мастеровъ всѣхъ я въ Москвѣ дома [illegible] посвѣтлѣе да поновѣе: Морелли и Ман- [illegible] кое-кто изъ французовъ, одна [illegible] писемъ молодыхъ испанцевъ есть... [illegible] Плюньте, не думайте. Сказываю я вамъ: [illegible] киснетъ, и въ желудкахъ свербленіе... [illegible] И Крутофоровъ разлаписто и разва- [illegible] берегу моря дальше.

[illegible] впрочемъ, недолго пришлось быть

одному: къ нему съ необыкновенно радостнымъ видомъ подлетѣлъ одинъ изъ молодыхъ людей, сопровождавшихъ Софи Фрейгенъ.

— M-r Starograd-Smetzky? вопросительно проговорилъ онъ. — Левъ Станиславовичъ приподнялся. — Я такъ радъ, такъ радъ познакомиться съ сыномъ m-me la comtesse... Я хорошо знаю comtesse. M-me Starograd-Smetzky — одна изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ въ мірѣ, и даже далѣе... Впрочемъ, позвольте представиться — онъ подалъ ему карточку, на которой значилось: *Conte Aldo delle Erbe...*

Графъ делле-Эрбе, очевидно, былъ итальянскій графъ и представлялъ собою довольно комическое явленіе. Во-первыхъ, онъ былъ одѣтъ по настоящей итальянской модѣ, т. е. совсѣмъ выросъ изъ своего платья, довольно поношеннаго въ интересныхъ мѣстахъ — на локтяхъ и колѣняхъ. Во-вторыхъ, лба ему не полагалось вовсе отъ природы, и волоса начинали расти отъ бровей и перебрались даже на носъ. Въ-третьихъ, глаза у него были такіе сладкіе, что даже малоопытному Льву Станиславовичу онъ показался совсѣмъ неприличнымъ. Графъ делле-Эрбе, очевидно, принадлежалъ къ прогорѣвшей итальянской знати, по цѣлому міру разыскивающей всероссійскихъ придурковатыхъ Матренъ и выцвѣтшихъ англичанокъ съ хорошимъ приданымъ, безъ малѣйшей заботливости о прошломъ этихъ интересныхъ дамъ...

— Я хорошо знакомъ съ вашей матушкой... — Онъ говорилъ по французски, выговаривая твердо и спотыкаясь на второмъ слогѣ каждаго слова, какъ вообще говорятъ итальянцы. — Я очень хорошо знакомъ съ вашей матушкой. — И глаза его стали еще слаще. — Ваша матушка — это такая дама! такая дама!.. Un bel perro dï donna... не выдержалъ онъ и заговорилъ по своему. — Такой, какъ она, нѣтъ... Эта Софи Фрейгенъ только молода, а совсѣмъ не стоитъ мадамъ Старограда-Смецкой... О, я давно знакомъ съ вашей мама... Я съ ней уже пять лѣтъ знакомъ и не разъ дока-

зывалъ ей свою преданность... Увы, къ сожалѣнію, напрасно... Она на бѣднаго графа делле-Эрбе обращаетъ столько же вниманія, сколько и на своего садовника. Я не понимаю, отчего она non voleva mi bene... Кажется, мой титулъ... Знаете, молодые лучше понимаютъ молодыхъ.

И графъ съ ласковою наглостью обнялъ Льва Станиславовича за талію. Сладкіе противные глаза его стали еще слаще и противнѣе. Онъ наклонился къ самому лицу Старограда-Смецкаго.

— Вы знаете... родъ делле-Эрбе владѣлъ когда-то Дезенцано и Пескьерой. У насъ были свои замки, свои палаццо и даже свои палачи... Мы имѣли право рубить головы своимъ подданнымъ. Вы понимаете поэтому, что delle Erbe на землѣ не валяются, и не вездѣ можно поднять и подобрать графа делле-Эрбе... Вы, надѣюсь, не будете противъ меня?

— Въ чемъ это? не понималъ ничего Старградъ-Смецкій.

— Вы умный человѣкъ и поймете... Она, правда, замужемъ. Но я знаю все. Въ Россіи можно развестись... Я ей три раза дѣлалъ предложеніе... И баронъ Жакъ Фрейгенъ тоже за меня былъ и сочувствовалъ мнѣ. Помогите мнѣ жениться на вашей мама. Вы понимаете, что это находка для нея. Въ ея положеніи...

— Какъ вы смѣете, негодяй? вскочилъ, весь блѣдный, Левъ Станиславовичъ. Онъ дрожалъ отъ бѣшенства. — Какъ вы могли...

Графъ делле-Эрбе сжался и поднесъ руки къ лицу, точно защищаясь. Но это былъ только моментъ.

— Люблю молодца за обычай! Лупи прогорѣлаго шарманщика по башкѣ!.. послышалось позади.

Левъ Станиславовичъ обернулся: Поликей Савичъ, очевидно, развернувшійся уже, стоялъ и любовался подъ руку съ какою-то растерзанною француженкой.

— Это la manière russe, душа моя... объяснялъ онъ ей

на смѣшанномъ языкѣ. — Чуть что — сейчасъ, не говоря дурнаго слова, за шиворотъ и avec le bâton... по этому самому мѣсту, ткнулъ онъ перстомъ въ затылокъ графа делле-Эрбе.

— Mais, monsieur... я призываю васъ судьей, обратился было къ нему итальянецъ: — что я сдѣлалъ? Я только признался графу — почему-то продолжалъ онъ титуловать Старограда-Смецкаго: — я только признался графу въ лучшихъ чувствахъ моего сердца. Будьте вы моимъ судьей!

— Не могу, душа моя... Я вѣдь сейчасъ жестами начну... А за жесты здѣсь... я ужъ за тѣлодвиженія-то имѣлъ непріятности съ police correctionnelle... Тебя ткну — тебѣ ничего, а тамъ сейчасъ — пожалуйте на высидку за жестикуляцію собственно... Дикіе народы!..

VII

Истина мало по малу начинала пробиваться сквозь потемки, окружавшія Льва. Ему становилось душно. Онъ ушелъ съ набережной въ темную аллею городскаго сада и тамъ забился въ самый уединенный уголокъ, стараясь быть незамѣченнымъ никѣмъ. Что такое случилось? отчего ему такъ тяжело, такъ больно, такъ стыдно?.. какая разница сегодняшняго дня со вчерашнимъ? Ахъ мама, мама!.. Ему стало безконечно жаль эту женщину. Какъ онъ ни крѣпился — но долженъ былъ дать волю накопившемуся за все это время горю. Онъ уронилъ голову на руки и заплакалъ безсильными болѣзненными слезами, которыя разомъ изъ юноши дѣлаютъ взрослаго. Первый ударъ судьбы оказался для него самымъ тяжелымъ. Только одно мѣсто и было не изуродовано въ его душѣ — любовь къ матери, только оно и свѣтилось искреннимъ и чистымъ блескомъ. И надо было, чтобы его именно захватали грязныя руки безцеремонныхъ людей... А, можетъ быть, онъ ошибается еще? можетъ быть, все это не такъ, какъ онъ принимаетъ? можетъ быть, у его

матери были увлеченія?.. Она молода, красива это такъ понятно... Не вѣрность же къ его отцу могла удержать эту женщину!.. Въ этомъ нѣтъ еще ничего преступнаго, постыднаго. Мало ли кто любитъ! Можетъ быть, она не лицемѣрила, какъ лицемѣрятъ другіе, а свободно отдалась свободной страсти, и этого не могутъ простить ей эти пошляки!.. Но причемъ тутъ Жакъ Фрейгенъ? вѣдь не Жакомъ же Фрейгеномъ могла увлечься она! Противъ этого возмущалось все, что было въ натурѣ у Льва Станиславовича цѣльнаго и честнаго. Причемъ же тутъ этотъ милліонеръ? что значитъ презрѣніе его дочери? Надо ей отдать справедливость: она была откровенна въ своемъ пренебреженіи къ нему, въ своей ненависти къ его матери...

Что дѣлать? не можетъ же онъ сложить руки и не вступиться за одинокую, беззащитную и такую близкую ему женщину... А какъ вступиться? Вѣдь никто не формулируетъ ясно обвиненій... Всѣ только намекаютъ... Не на графѣ же делле-Эрбе сорвать это! Нельзя бороться противъ фантомовъ... Вѣдь всякій разъ какъ онъ спрашивалъ ясно и опредѣленно, ему не давали такихъ же отвѣтовъ: напротивъ, прикрывались добродушіемъ, сочувствіемъ... отдѣлывались шутками. Онъ помнитъ, когда утромъ мать его каталась въ ландо по набережной, съ какою безцеремонною фамильярностью мужчины кивали ей, не приподымая шляпъ. Что это значитъ?.. И ни одна дама не поклонилась ей — только лорнировали ее — и, когда ландо исчезало вдали, барыни обмѣнивались насмѣшливыми улыбками.

Что это значитъ... За что ее ненавидятъ, презираютъ... И чѣмъ больше ее ненавидѣли и презирали, тѣмъ она ближе и дороже становилась ему...

Онъ просидѣлъ такъ около часу. Слезы давно высохли. Онъ повернулся, опрокинувъ голову на руки, и глубоко задумался. Какъ все это не походило на тѣ радушныя ожиданія и надежды, съ которыми онъ ѣхалъ сюда!.. И напрасно его тянуло въ эту постылую Ниццу! Вѣдь не мать

звала его... Напротивъ, на его письмо, гдѣ онъ сообщалъ ей о своемъ желаніи навѣстить ее, она ему не отвѣтила вовсе. Теперь онъ понимаетъ — почему... Т. е. почти понимаетъ... Онъ или боится понять вполнѣ, или не можетъ... И жизнь вовсе не такъ хороша, какъ ему казалось... И теперь онъ уже отъ всей души завидовалъ Васѣ Устругину, которому каждый кусокъ хлѣба придется завоевывать себѣ съ боя. Его положеніе всетаки легче. Ему если придется тяжко — то за себя одного...

Онъ не помнилъ, сколько времени просидѣлъ такъ.

— Послушайте... проговорилъ кто-то густымъ контральто рядомъ съ нимъ.

Онъ живо поднялся и растерялся: спокойная и красивая, вся дышащая властью и самообладаніемъ, рядомъ съ нимъ на скамью садилась Софи Фрейгенъ.

— Вы... вы... только и могъ проговорить онъ.

— Да, я... Очень рада, что я васъ встрѣтила... Я не искала васъ, нѣтъ, — и она усмѣхнулась. — Но, во всякомъ случаѣ, хочу воспользоваться случаемъ загладить несправедливость. Я знаю, я показалась вамъ злою, грубою... жестокою даже... Я вовсе не такова. Садитесь же, что̀ вы стоите?

Левъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— И какой вы молодой еще! Я гораздо старше васъ, и жизнь и людей знаю и вижу лучше... Вы никогда не были въ Ниццѣ?

— Когда-то въ дѣтствѣ... девять лѣтъ тому назадъ меня увезли отсюда.

— Значитъ, вы ничего не знаете... Мнѣ жаль, что я такъ оскорбила васъ.

И она положила ему на руку свою.

— Какая у васъ маленькая, совсѣмъ женская рука... очень красивая для мужчины.

Ея была тоже красива — но она больше и сильнѣе его.

— Судя по вашей рукѣ, у васъ неособенно сильный ха-

— Женитесь!

— Что?

— Говорю вамъ — женитесь на богатой... Вы слишком мягки и безвольны. Примѣръ матери деморализуетъ васъ. Выберите себѣ богатую женщину, сильную, которая бы думала и дѣйствовала за васъ... Что вы на меня такъ смотрите? не думаете ли, что я на себя намекаю?.. Я за христіанина не пойду. Это у моего отца разные проекты герцогскихъ и княжескихъ коронахъ. Нынѣ въ мірѣ есть только одна сила — *милліонъ*. Разъ онъ налицо — смѣшно гоняться за пустыми брелоками... Прощайте, юноша... Желаю вамъ счастія. Вы мнѣ *очень* нравитесь... Не злитесь на меня за вашу мать — я имѣю причины не только *ненавидѣть* но и *презирать* ее...

И она пошла по аллеѣ — спокойная, смѣлая, увѣренная... »Такъ вотъ что... вотъ что!« безсмысленно повторялъ онъ про себя. — »Такъ, значитъ, оправдалось самое худшее. Теперь я понимаю все«. Чувство безконечной жалости сжимало его сердце. — »Вотъ, значитъ, за что всѣ такъ говорятъ о ней, всѣ такъ относятся. И какъ я былъ глупъ вчера со своими разсужденіями о капиталѣ!« Онъ вспыхнулъ и наединѣ съ собою вполнѣ опустилъ голову. — »Бѣдная, бѣдная... И всю жизнь такъ... всю жизнь... Значитъ, и я учился и росъ на эти деньги... И отецъ живетъ этимъ... Онъ знаетъ и живетъ...« И, вмѣстѣ съ жалостью къ матери, какой-то приливъ удушливаго стыда охватывалъ его. — »Бѣдная, бѣдная!.. Продалась, чтобы жить и поднять меня на ноги. Боже мой, куда дѣваться, куда уйти отсюда?.. Взять ее — взять прочь изъ этой грязи, изъ этого омута, спасти ее отъ этого ужаса... Но на какія средства? гдѣ достать ихъ... Она привыкла уже къ обезпеченности... Для нея страшна будетъ нищета!..«

И у него кружилась голова.

VIII

Поликей Савичъ Раздоровъ, — цѣлый мѣсяцъ ведшій себя »смирно и убого«, на Монтіоновскую премію за добродѣтель, — получивъ перваго числа семдесятъ пять рублей, по выраженію Крутофорова — на иголки, обыкновенно развертывался и дѣлалъ скандалъ... Сегодня онъ бралъ на цѣлый день карету и, выпуча пьяные глаза, катался на ней безъ цѣли, куда попало; завтра ни съ того, ни съ сего наносилъ визитъ ниццскому префекту Борильоне и съ апломбомъ объявлялъ ему, что всѣ французишки — сущая дрянь... Борильоне, итальянецъ, сочувственно улыбался этому, и успокоенный Поликей Савичъ отправлялся на »Аглицкій проминажъ«, какъ называлъ онъ »Promenade des Anglais«, и тамъ, по внезапному вдохновенію, вдругъ раздѣвался и безъ костюма вступалъ въ вѣчно голубое, вѣчно прекрасное Средиземное море. Полицейскіе комисары ловили его, представляли, куда слѣдуетъ, — и Крутофоровъ, скрѣпя сердце, платилъ то за карету, то штрафы, то невѣроятные счеты, то отправлялся въ Correctionelle выручать его изъ узъ. Теперь Поликей нѣсколько присмирѣлъ и ограничивался только тѣмъ, что, напавъ на какую нибудь растерзанную француженку, доказывалъ ей, что la grrande nation въ сущности ничего не стоитъ, а ихъ république — такая дрянь, что и говорить совѣстно. — »Вотъ была первая республика — другое дѣло, тамъ головы рубили... А теперь что? Въ полицію порядочныхъ людей таскаютъ...« Затѣмъ онъ вызывался дать любому французишкѣ въ зубы — и, если его дама не требовала доказательствъ, все обходилось спокойно. Но ему случалось нападать на патріотокъ — и тогда на слѣдующее утро Крутофорову приходилось ѣхать и хлопотать о выручкѣ злополучнаго соотечественника.

Сегодня Поликей былъ въ мирномъ расположеніи духа. Растерзанная француженка соглашалась со всѣмъ, что онъ

только ни лопоталъ ей: — ему стало скучно, и онъ ее прогналъ. Потомъ онъ сѣлъ къ окну ресторана и сталъ думать. Невѣдомо къ чему привели бы его »мысли« — но не къ добру, потому что Поликей всегда былъ убѣжденъ, что весь вредъ человѣчеству происходитъ отъ мыслей, — еслибы вдругъ онъ не замѣтилъ вдали Льва Станиславовича. Раздоровъ несказанно обрадовался.

— Эй, капиталъ! заоралъ онъ во всю.

Старокрадъ-Смецкій шелъ, очевидно, не принимая этого на свой счетъ.

— Левушка!.. Лева! вдругъ проникся Раздоровъ необычайною нѣжностью къ нему. — Голубчикъ... садись сюда...

Левъ Станиславовичъ разслышалъ, удивился. Домой ему не хотѣлось. Ему было бы тяжело увидѣть мать теперь — а дѣваться некуда. Брезгливости къ Поликею не стало. Въ юношѣ все упало. Онъ былъ теперь неспособенъ осуждать кого бы то ни было...

— Гарсонъ... мерзавецъ! ликовалъ Поликей: — министръ ты этакій... стулъ господину!.. министръ! съ невыносимымъ презрѣніемъ протягивалъ онъ и тотчасъ же объяснялъ: — у нихъ, въ ихъ паршивой республикѣ вотъ этотъ гарсонъ можетъ завтра министромъ сдѣлаться... Министръ, бокалъ господину!..

Министръ подавалъ бокалъ...

— Мы съ твоимъ отцомъ какія чудеса творили!.. внезапно вспоминалъ онъ давно забытыя были. — Вдвоемъ разъ цѣлый Бердичевъ на военное положеніе привели, всѣхъ жидовъ взбаламутили... Роту солдатъ призвали, чтобы насъ успокоить... А теперь что... Возьми Крутофорова хотъ... На что онъ способенъ? Пять лѣтъ въ Ниццѣ — и ни одного скандала. Бульдегомъ, а не человѣкъ... Выпь... Левушка... Я тебя вѣдь вотъ этакаго по мягкимъ мѣстамъ ладошкой хлопалъ... Ты и родился-то у меня на глазахъ. Когда вѣнчался-то Стаська — я надъ нимъ, надъ подлецомъ, вѣнецъ держалъ, и даже бѣжать ему предлагалъ... Эхъ, были вре-

мена!.. Я былъ богаче твоего отца. За цѣлый полкъ разъ долги заплатилъ. Мы въ наше время честь понимали вотъ какъ... Ты, Левушка, меня уважать долженъ — потому что я все одно, что̀ отецъ тебѣ. Ты меня почитай... Пей... выпь...

— Не хочу... Мнѣ не до того.

— Аль обидѣли... французишки?., Давай, братъ, въ разносъ ихъ разнесемъ... а?.. Кавалеръ ты или нѣтъ? — Министръ, бутылку — видишь, пустая... Кажется, можно понять, кому служишь... Выпь, Левушка... Были времена... Эмилію Карловну помню — вотъ красота!.. Нешто жидъ этотъ понимаетъ? Барону она для декораціи только... Ну, и старинной фамиліи тоже, и это важно. Они всѣ, братъ... Крутофоровъ вотъ двухъ генераловъ держитъ. Думаешь, были бы они полковники, сталъ бы онъ съ ними возжаться? какже!.. Пей, что ли...

— Не могу... Грустно... Тоска меня душитъ.

— Брось... Коли нашему брату да думать — жить нельзя... а ты безъ думъ...

— Хочу мать увезти отсюда.

— Куда?

— Въ Петербургъ.

— Отъ жида отъ этого?.. напрасно... плюнь... держись самъ за этого самаго Фрейгена. Нынѣ, душа, у нихъ вся сила... За капиталъ вотъ какъ зубами уцѣпись... Ты думаешь, мнѣ легко тоже — служить въ борзыхъ у Крутофорова? Я самъ такое состояніе по благородству моему великодушно спустилъ — а теперь на трезоркиномъ положеніи у него. Трезорка, пиль... Трезорка, кушъ... Ну, я и пиль, и кушъ... А дѣлать нечего... Смирись, Левушка!

И онъ уперся перстомъ въ лобъ ему.

— Я тебѣ какъ отецъ. Стаськѣ кто деньги посылаетъ? — баронъ! Тебя кто воспиталъ? — баронъ! И выходитъ онъ благодѣтель вашъ, и держитесь вы за него зубами. Напротивъ, ты бы за Софкой за евоной пріударилъ! Нынче, братъ, одна сила — деньги... больше ни въ чемъ силы нѣтъ... Если у

тебя деньги — человѣкъ ты, нѣтъ — барбоска, и ничего больше... Барбоска, иси... и бѣги къ нему со всѣхъ ногъ... Барбоска, ейнъ-цвей-дрей — выкидывай фокусы... А мысли эти — наплевать! Отъ мыслей зло все. Отъ мыслей, братъ, на потолокъ равнодушно смотрѣть нельзя. На всякій крюкъ апетитъ является.

Левъ Станиславовичъ воспользовался первымъ предлогомъ, чтобы оставить въ покоѣ Поликея Савича и самому освободиться отъ него и отъ его »мыслей« и совѣтовъ. Прежде чѣмъ придти домой, ему надо было принять какое-нибудь рѣшеніе. Такъ, съ смятенной душой и растерянный, онъ не могъ показаться туда. И что бы наконецъ онъ сказалъ своей матери? упрекнуть ее было не за что, и во всякомъ случаѣ не ему. — »Относительно тебя-то я невиновата«, отвѣтила бы она ему: — »цѣною своего позора я воспитала тебя и сдѣлала человѣкомъ«. Плакать съ нею — ему было безконечно жаль эту близкую и дорогую ему женщину — онъ еще не могъ: слишкомъ глубоко пока было въ немъ чувство обиды. Онъ не пережилъ его, не перестрадалъ. Какъ вчерашній день былъ непохожъ на сегодняшній!.. Онъ шатался по улицамъ — яркимъ, освѣщеннымъ солнцемъ, кипѣвшимъ щегольскою толпою, часами стоялъ передъ магазинами — и ловилъ себя надъ какою нибудь глупою, завернутою въ свинцовую бумагу колбасою; заходилъ въ кофейню, пилъ кофе и потомъ просиживалъ, долго глядя въ одну точку и не видя ея, перечитывалъ газеты — и только подъ конецъ замѣчалъ, что все свое вниманіе отдаетъ какимъ-то вовсе неинтереснымъ объявленіямъ. Толпа, шумъ, движеніе неслись какъ-то мимо него. Онъ, какъ щепка на волнахъ, все оставался на верху со своими безотвязными мыслями. Пошелъ наконецъ на желѣзную дорогу. Пришелъ какой-то поѣздъ. »Много ли тутъ такихъ, какимъ я былъ вчера, счастливыхъ и веселыхъ?« думалъ онъ, озабоченно всматриваясь въ торопливыя усталыя лица пріѣзжихъ и рѣшительно не понимая, зачѣмъ ему нужно знать это. — »Ахъ, еслибы при-

снуться... проснуться — и вдругъ убѣдиться, что всего этого не было, что все это одинъ скверный тяжелый сонъ... Бѣдная мать! бѣдная, бѣдная... Какъ должна была страдать она, и какъ часто, отъ этого общаго презрѣнія, отъ безцеремонности однихъ и грубой невнимательности другихъ... Захватанная посуда... Неужели въ самомъ дѣлѣ за нее такъ и брались руками, и какими!..« Онъ вспомнилъ толстые, короткіе грубые пальцы барона — красные, съ какими-то твердыми четыреугольными ногтями. — »Да, въ такихъ рукахъ должно быть больно и трудно. Какъ она не постарѣла отъ всего этого! Или ей это ничего, или она привыкла... Привычка не сознаетъ своего положенія... не сознаетъ... такъ ли? Отчего же вчера, когда она говорила съ нимъ, по ея лицу пробѣгало такое болѣзненное чувство?« Тогда онъ не понималъ его — теперь его видитъ, и оно ему ясно... Вполнѣ ясно... гдѣ же это счастіе?!.. счастіе, которое вчера еще было дѣйствительностью... ощущаемаго, осязаемаго?.. Неужели же такъ быстро можетъ исчезнуть дѣйствительность? Странно! точно фантомы ночнаго тумана! Проснулся вѣтеръ, потянулся къ нимъ, — и покорно дрогнули они передъ нимъ... свернулись и исчезли въ высотѣ, безъ слѣда. Жалко же было его счастіе, призрачны надежды, если отъ нихъ только и осталось всего, что нѣсколько ссадинъ на сердцѣ... Но какъ больно ноютъ эти ссадины!..

Что же дѣлать, что предпринять?.. Онъ не знаетъ жизни, не знаетъ размѣра своихъ силъ, не знаетъ предѣловъ той возможности, которая отведена ему судьбою. Разумѣется, онъ долженъ будетъ устроить свое положеніе и взять мать изъ этого омута, вытащить и увезти ее изъ этой грязи. Онъ вспомнилъ совѣтъ Софи Фрейгенъ — жениться на богатой. Легальная продажа своего тѣла за хорошія деньги... да, но это освящено обычаемъ, это дѣлаютъ всѣ; противъ этого не возставала его совѣсть...

— Куда это однако я забрался? задался самъ онъ, не умѣя еще оріентироваться.

Пышная зелень бульвара, рокотъ фонтана, веселый говоръ праздничной толпы, безцеремонные взгляды женщинъ... слишкомъ безцеремонные. — »Что, если въ Ниццѣ всѣ онѣ?..« думалось ему. Онъ подошелъ къ какому-то старику и спросилъ, какъ ему выйти къ берегу. — »Вы идете именно въ противоположную сторону«, улыбнулся тотъ: — »поверните и идите прямо назадъ, и вы будете у цѣли!..« У цѣли — когда же, въ самомъ дѣлѣ, онъ будетъ у цѣли?.. Забывъ его поблагодарить, онъ исполнилъ его совѣтъ и на перекресткѣ наткнулся на барона. Баронъ почему-то встрѣтилъ его любезно, даже послалъ ему воздушный поцѣлуй. Левъ Станиславовичъ нахмурился на первое и не замѣтилъ втораго. — »Онъ ничѣмъ невиноватъ«, подсказывало ему что-то таившееся въ его душѣ. — »Онъ купилъ ее и пользуется ею. Нынче на все своя цѣна есть, и у кого много денегъ — тотъ все купить можетъ! — такъ, кажется, говорилъ Поликей Савичъ... Своя цѣна... И у нея, у его матери, была своя цѣна — онъ и купилъ ее... Но зачѣмъ онъ хвастался ею, какъ хвастается громаднымъ солитеромъ на своемъ корявомъ пальцѣ?.. Да вѣдь разъ это его собственность... вѣдь для этой цѣли и деньги тратились на нее... вѣдь иначе она ему и не нужна была...«

И вдругъ, при всѣхъ, Левъ Станиславовичъ схватывался за голову и опускался на скамью, не зная, что ему дѣлать, и едва удерживаясь, чтобы не крикнуть отъ невыносимой боли... Разъ даже онъ обратилъ на себя вниманіе худаго и длиннаго патера, проходившаго мимо. Патеръ сѣлъ съ нимъ рядомъ, заботливо всмотрѣлся ему въ лицо и по своему опредѣлилъ его горе.

— Сынъ мой, вдругъ положилъ онъ ему на колѣни свою руку: — сынъ мой... Вы, разумѣется, проигрались въ Монте-Карло, — здѣсь всѣ проигрываются въ Монте-Карло... Но помните, что Господь милостивъ — счастіе перемѣнчиво... Величайшій грѣхъ самоубійство... Обыкновенно проигравшіеся кончаютъ такъ, но помыслите, мой любезнѣйшій сынъ и братъ, что васъ ожидаетъ тамъ!..

И патеръ патетически уставился перстомъ въ небо.

Левъ Станиславовичъ вскочилъ и побѣжалъ прочь отъ проповѣдника.

Самоубійство... Да, вотъ отличное рѣшеніе всего... Смерть развязываетъ всѣ узлы, заканчиваетъ всѣ страданія, для нея нѣтъ невозможныхъ задачъ, она одна всемогуща... Что-жъ, не онъ первый, не онъ послѣдній! Тысячи молодежи умираютъ. Онъ вспомнилъ своего застрѣлившагося товарища. Его лицо было такъ ясно и спокойно... И застрѣлился изъ-за пустяковъ: проигралъ и не могъ расплатиться. Нельзя было пережить этого — или, лучше, трудно было пережить.

»Какія глупости!« вдругъ, совершенно непослѣдовательно, охватилъ его порывъ какой-то дикой, ничѣмъ необъяснимой бодрости. — »Какія глупости!.. застрѣлиться, умереть, когда мое это небо, это море, этотъ воздухъ, и жизнь моя, вся остающаяся мнѣ жизнь — моя! Завтра, послѣзавтра навстрѣчу мнѣ можетъ придти случай, и все измѣнится и все перевернется...«

И онъ дѣлался неузнаваемъ и смѣло шагалъ впередъ. Краска молодости и молодой увѣренности заливала ему лицо, и дышалось легче... И опять въ возбужденномъ воображеніи создавались образы счастія и радости, — тысячи образовъ, одинъ ярче другаго, — пока новая противоположная волна не заливала холодными водами своими всю эту фантасмагорію... Счастіе... А завтра... Какъ встрѣтиться съ этими, какъ выбиться изъ этого сегодняшняго положенія? Можетъ быть, на дняхъ дѣйствительно все измѣнится. Но до этого что дѣлать? чѣмъ возстановить въ своей душѣ потускнѣвшій дорогой ему образъ матери?.. матери — которую одну онъ любилъ, извѣрившись въ отцѣ, — матери, которую онъ считалъ идеаломъ, лучшею изъ женщинъ; на нее онъ молился издали, онъ мечталъ о встрѣчѣ съ ней, объ общемъ уваженіи, окружающемъ ее, о томъ, что тяжесть этого уваженія и обожанія упадетъ и на него... И вдругъ...

— Нѣтъ это невозможно... Невозможно!..

Была еще одна надежда: добыть какъ нибудь разомъ, гдѣ нибудь много денегъ. И — главное — разомъ. Это бы распутало все. Онъ бы увезъ мать, швырнулъ въ лицо барону — непремѣнно въ лицо — деньги, потраченныя на его воспитаніе, — и не только въ лицо, но и съ процентами »по сей день«, какъ выражался Платошка... Ахъ, какъ бы это было хорошо! Разумѣется, это узнали бы всѣ, и разомъ всѣ бы измѣнились къ нему. Крутофоровъ, Поликей, этотъ делле-Эрбе... И, главное, эта красивая, дразнившая его своимъ смугло-розовымъ тѣломъ, своей полнотою жизни, блескомъ и силою Софи... Они бы сейчасъ выразили ему свои чувства. Стали бы поздравлять. Сказали бы: — »мы въ васъ ошибались, молодой человѣкъ. Вы оказались выше и лучше, чѣмъ мы думали... Сдѣлайте намъ честь — дайте намъ пожать вашу руку. Руку порядочнаго человѣка...« Это... это... И Софи тоже... — »Я передумала — и выхожу за васъ замужъ. Я люблю васъ... Вы для меня...« И эти сильныя красивыя руки обнимаютъ его; ея горячія полураскрытыя губы, отъ которыхъ вѣетъ такимъ зноемъ, ищутъ его губъ. Она даже принимаетъ христіанство, чтобы удостоиться счастія быть его женою... Они богаты... Живутъ, гдѣ хотятъ — мать съ ними. Онъ помирилъ двухъ этихъ женщинъ — онѣ сдѣлались друзьями...

— Mais, monsieur! послышался раздраженный голосъ у самаго уха его.

Онъ опомнился и остолбенѣлъ. Въ разгарѣ своихъ мечтаній онъ наткнулся на какого-то французика съ ленточкой почетнаго легіона въ петличкѣ, и сбилъ его съ ногъ. Левъ Станиславовичъ извинился и поднялъ его шляпу, катившуюся по улицѣ.

— Fait, fait, monsieur. Pas de quoi!.. смѣялся тотъ и, гордо надѣвъ шляпу, двинулся впередъ.

... Именно распутается сразу, однимъ ударомъ... Ба, да какой же онъ дуракъ! Вѣдь средство подъ руками! Патеръ

заподозрилъ, что онъ проигрался въ Монте-Карло. Вѣдь если тамъ проигрываются, то и выигрываютъ тоже... Не все же проигрываются! Ему случалось читать объ удивительныхъ удачахъ. Одинъ испанецъ еще недавно, писали, цапнулъ 400.000 франковъ въ два дня. Отчего же испанцу можно, а ему нельзя? Въ самомъ дѣлѣ, счастіе слѣпо, оно и къ нему можетъ повернуться лицомъ, какъ къ испанцу, и тогда... Онъ подозвалъ подъѣзжавшую мимо коляску.

— Когда идутъ поѣзда въ Монте-Карло?

— Каждые полчаса, monsieur.

— Успѣемъ мы попасть въ вокзалъ къ ближайшему?

— Да, monsieur.

Левъ Станиславовичъ вскочилъ въ коляску и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на вокзалѣ. Вынимая деньги за билетъ, онъ кстати счелъ, сколько у него осталось денегъ: было всего 500 франковъ и мелочь.

Испанецъ началъ съ двадцатью. Поставилъ на нуль — взялъ въ 36 разъ больше... Потомъ еще, еще и еще... Левъ Станиславовичъ имѣетъ, слѣдовательно, въ 25 разъ больше шансовъ, чѣмъ испанецъ. Ну, положимъ, если онъ выиграетъ и не 400.000, а 200 — и то ему довольно, чтобы швырнуть въ лицо, именно въ лицо и съ процентами. Непремѣнно съ процентами. Онъ нарочно сдѣлаетъ это публично... Не иначе, какъ публично... — »Баронъ, сколько я вамъ долженъ?« — »За что?« — »За все — и съ процентами...« Левъ Станиславовичъ почему-то особенно налегалъ на проценты.— »По сей день«... Именно по сей день!..

А поѣздъ, весь клубясь удушливымъ дымомъ, уносился къ Монте-Карло. Направо нѣжно и кротко голубѣло успокоившееся море, налѣво по обрывамъ торчали полныя ладони громадныхъ кактусовъ, острыя лопасти алоэ съ длинными толстыми стволами, въ ущельяхъ улыбались чудныя виллы... Болье, Рокбрюнъ, Вильфранко не оставили ни малѣйшаго слѣда въ смятенной душѣ Староградъ-Смецкаго. Онъ даже и не замѣтилъ ихъ вовсе.

IX

Какъ ни былъ Староградъ-Смецкій равнодушенъ къ природѣ и ея красотамъ, но въ иномъ положеніи онъ бы залюбовался чудною представшею передъ нимъ картиной. Стройная и художественная скала Монако, закопченная, какъ шедевръ первоклассnаго мастера, сегодня тонула въ голубомъ свѣтѣ. Всѣ тѣни на ней намѣчивались густою сѣнью; пышные сады Гримальди млѣли въ солнечномъ блескѣ, каждымъ листомъ своимъ отражая его, городъ на высотѣ замеръ подъ зноемъ; точно весь кованый изъ чистаго золота. Видно было, что камень скалы и ея домовъ накалился — такъ теплились его краски. Море какимъ-то сквознымъ нѣжнымъ фарфоромъ, чуть тронутымъ мягкою лазурью, разстилалось въ безконечную даль — и лишь у самыхъ береговъ струилось, точно эмалевое, и лѣниво развертывало на нихъ серебряныя кружева своей пѣны. Подъ утесами Кондамины по немъ стлались какіе-то неуловимые золотисто-розовые тоны. Стѣны, паруса, лодки каждое мгновеніе переходили черезъ тысячи волшебныхъ измѣненій, чаруя взглядъ самыми неожиданными сочетаніями оттѣнковъ и цвѣтовъ. Позади — кругомъ лупанара Монте-Карло — растительность развертывалась съ невиданною роскошью. Не было, казалось, ей мѣры, ея краскамъ — предѣловъ возможности. Листья задыхались подъ цвѣтами, вѣтви гнулись подъ тяжестью листвы, вездѣ ложились густыя непроницаемыя тѣни — и только тамъ, куда проникало солнце, розы олеандры, гранаты точно загорались яркимъ полымемъ подъ его животворящими лучами. Воздухъ былъ напоенъ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ, стоявшихъ въ цвѣту, точно въ вѣнчальной фатѣ... Пышныя короны африканскихъ пальмъ стремительно вырывались изъ тѣсно охватывавшей ихъ поросли и жадно пили зной и свѣтъ,—преувеличенный свѣтъ, свѣтъ, обращавшій дѣйствительность въ сказку, уносившій васъ за пре-

дѣлы возможнаго. Темные кипарисы были къ лицу этой сіяющей природѣ. Стволы алоэ уносились далеко отъ своихъ зеленыхъ вѣнчиковъ внизу, подставляя щедрому солнцу свои желтые цвѣты. Точно кровь, проступали они на громадныхъ кактусахъ, и тутъ же казались обрызганными ею изящныя гранатовыя деревья. Вѣчно молодые платаны манили подъ свою тѣнь, и чудную задумчивую тишину природы наполняли своимъ меланхолическимъ говоромъ высоко бившіе фонтаны Монте-Карло. Съ недосягаемой высоты своей строго и пристально смотрѣло синее-синее небо — такое синее, что легкія облачка на немъ казались крыльями невѣдомо куда пролетѣвшихъ ангеловъ. Вдали, позади, чуть-чуть намѣчивались въ золотистой пыли тыльнаго свѣта прохладныя горы, дразня жадный взглядъ странника теменью своихъ ущелій, смутнымъ миражемъ долинъ и стройными, царственными силуэтами утесовъ.

Но Льву Станиславовичу было, разумѣется, не до того.

Мимо него шелъ пестрый, какъ пѣтухъ, офицеръ великой монакской арміи, считавшей въ своихъ рядахъ цѣлыхъ пятьдесятъ солдатъ; Староградъ-Смецкій обратился къ нему съ вопросомъ, какъ пройти къ рулеткѣ. Тотъ изумился и указалъ ему на большое тяжелое казино, претенціозный и аляповатый фасадъ котораго былъ положительно задавленъ обиліемъ нелѣпыхъ лѣпныхъ работъ, орнаментовъ и ненужныхъ деталей. Игорный лупанаръ, лишенный благородной простоты и величія, самою своею наружностью былъ подлъ и публиченъ. Онъ напоминалъ размалеванную безстыдную проститутку, не стыдящуюся при яркомъ свѣтѣ божія дня выставить свои бѣлила и румяна... Льву Станиславовичу было, впрочемъ, не до того. Онъ такъ торопливо кинулся туда въ погоню за миражемъ счастія, улыбавшагося ему, что обратилъ на себя вниманіе даже двухъ карабинеровъ-корсиканцевъ съ наполеоновскими усами и бородками, черномазыхъ и наглыхъ, состоящихъ на службѣ у лупанара. Вмѣстѣ съ Смецкимъ, впрочемъ, туда стремились и другіе пассажиры.

Въ вестибюлѣ налѣво ихъ остановили. Надо было взять билеты.

За барьеромъ сидѣли спокойные и расплывшіеся чиновники учрежденія. Они одинаково смотрѣли на входящихъ, полныхъ надеждъ, людей — и на выходившихъ съ отчаяніемъ въ душѣ и нищетою въ перспективѣ... На ихъ глазахъ гибли тысячи, сотни тысячъ. Что имъ было за дѣло до этихъ жертвъ кроваваго божества наживы!.. Они выдавали имъ билеты на право разориться, на право погибнуть безславно и подло. Они привыкли и къ этому волненію новичковъ, и къ блѣдности маньяковъ игорнаго дома, проводящихъ полжизни въ его душной атмосферѣ, и къ каменному равнодушію людей, кончающихъ всѣ разсчеты съ жизнью и выходящихъ отсюда до первой темной аллеи, гдѣ выстрѣлъ — увы, слишкомъ обыкновенный здѣсь и никого неудивляющій — спасаетъ ихъ отъ ужасовъ нищеты и лишеній... Одинъ изъ такихъ employés съ насмѣшливыми черными, какъ уголь, глазами и чувственными губами принялъ карточку Смецкаго, подписалъ ему билетъ, — и Левъ Станиславовичъ, едва одолѣвая свое волненіе, едва удерживая сердце, съ страшною силою бившееся въ его груди, вошелъ въ громадную и пышную аванзалу. Тутъ было множество народа, но Смецкій не замѣчалъ никого. Всѣ эти смятенные, измученные, равнодушные, краснѣвшіе отъ волненія и блѣднѣвшіе отъ ужаса люди сливались съ какой-то общій адскій тонъ, въ одно отвратительное цѣлое со стѣнами, диванами, картинами... Тысячи выраженій можно было подмѣтить на нихъ спокойному наблюдателю — но всѣ они служили только оттѣнками одного общаго выраженія жадности — жадности торжествующей, жадности обманутой, жадности разгорающейся, жадности затаенной, жадности бѣшеной — но все таки жадности. Казалось, здѣсь нѣтъ мѣста человѣческому чувству. Эти сведенныя безкровныя губы, неспособныя улыбаться, эти горящіе свирѣпою страстью къ наживѣ глаза не засіяютъ чистымъ восторгомъ; эти ис-

питыя, обрюзглыя лица не поддадутся великодушію, жалости, любви. И сами голоса здѣсь казались хриплыми: точно слово, прежде чѣмъ вырваться на волю изъ натуженной груди, сдавливалось нервною судорогою въ горлѣ. Еслибы Левъ Станиславовичъ могъ обратить вниманіе на себя — онъ бы убѣдился, что и онъ подошелъ вполнѣ къ этому общему тону, окружающему его... Женскія лица... но тутъ не было женщинъ. Эти мегеры съ цѣпкими, крючковато складывавшимися пальцами, съ бѣшено и жадно сверкавшими глазами, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ — не имѣли права называться женщинами. Средневѣковые поэты могли бы здѣсь найти образцы для изображенія шабаша на Броценѣ, современные психологи и психіатры сняли бы тутъ богатую жатву страстей, доведенныхъ до крайности, — но ни одной благородной: — низменныхъ, животныхъ, подлыхъ... Все это звенѣло золотомъ, думало о золотѣ, жило имъ, дышало имъ. Библейскій золотой телецъ былъ жалкою выдумкою младенческаго ума рядомъ съ этимъ храмомъ современнаго Молоха. Человѣческій умъ сдѣлалъ съ тѣхъ поръ большой прогрессъ, и еврейскій идолъ неособенно бы плѣнилъ нынѣшнихъ язычниковъ.

Будь Смецкій спокойнѣе, онъ бы удивился, услышавъ здѣсь главнымъ образомъ только два языка — русскій и англійскій. Нѣмцы, французы, итальянцы слишкомъ дорого цѣнятъ деньги, добытыя упорнымъ трудомъ; англичане и американцы — ради ощущеній, русскіе изъ жадности стремятся сюда цѣлыми табунами — и ими-то именно живетъ и держится, цвѣтетъ и питается этотъ омерзительный лупанаръ, въ числѣ акціонеровъ котораго значатся папа, короли и принцы, свѣтила ума и науки.

Смецкій остановился на мгновеніе передъ дверями въ самое капище — въ игорныя залы. Ему хотѣлось совладать съ собою, главное — одолѣть это сердце, что̀ все сильнѣе и сильнѣе билось въ его груди, заставляя его задыхаться. Ему казалось, что онъ сейчасъ упадетъ на землю. Голову

кружило, въ вискахъ стучало. — »Теперь или никогда... Можетъ быть, я отсюда выйду богатымъ, счастливымъ...«

И онъ вдругъ перекрестился!.. Ни съ того — ни съ сего. Какъ будто крестъ — символъ самопожертвованія, самоотреченія, страданія во имя любви — могъ помочь грѣху, самому подлому изъ всѣхъ существующихъ на пагубу міра — грѣху корысти и захвата... Совершенно подѣтски, онъ даже молитву придумалъ: — »Господи, помоги мнѣ... Я вѣдь это для матери, ее спасти!..« И совсѣмъ ужъ глупо закончилъ — »Боже, пошли мнѣ своего ангела...« Какъ будто ангелъ могъ занять мѣсто между крупье и игроками въ этой позорной атмосферѣ, отяжелѣвшей отъ испарины потныхъ тѣлъ, пропитанной самыми подлыми мыслями, намѣреніями, обѣтами. Лучше было бы, цѣлесообразнѣе — по крайней мѣрѣ, если вспомнивъ дѣтскія сказки, онъ вызвалъ чорта и ему за удачу здѣсь — въ его царствѣ — продалъ свою безсмертную душу...

Въ игорныхъ залахъ было тихо, какъ въ церкви во время совершенія таинства. Слышались только сдержанные голоса крупье, звонъ золота, да шумъ роковаго шарика, выбрасываемаго въ механизмъ рулетки. Кругомъ все затаило дыханіе, всѣ взгляды были прикованы къ нему, и каждый его оборотъ приносилъ съ собою ужасъ, разочарованіе, отчаяніе, новые порывы жадности, новые и еще болѣе горячіе приливы корысти, не знавшей здѣсь никакихъ преградъ дѣловъ... Левъ Станиславовичъ сѣлъ на диванъ у стѣны и сначала хотѣлъ освоиться съ незнакомымъ ему зрѣлищемъ. Эти возбужденныя, перекошенныя, блѣдныя лица не пугали его ничѣмъ — онъ самъ былъ такимъ въ эту минуту, и они какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали его душевному настроенію. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то черномазый юркій господинъ, не принимавшій участія въ игрѣ. Онъ замѣтилъ, что къ нему то и дѣло подходили проигравшіе и вели какіе-то переговоры. Потомъ онъ увидѣлъ еще нѣсколькихъ такихъ же, какъ его сосѣдъ, единственныхъ не

вавшихся спокойными и равнодушными въ этомъ лупанарѣ. Заинтересованный, онъ сталъ слѣдить за нимъ. Вотъ къ нему подошла растерянная дама; красивое лицо ея было все въ пятнахъ, въ глазахъ горѣло возбужденіе игры; вѣки, губы дрожали... она торопливо сняла съ руки брилліантовый браслетъ и бросила его на колѣни къ нему. Тотъ наскоро посмотрѣлъ: подъ огнемъ электрическихъ фонарей брилліанты заиграли радужнымъ блескомъ — и онъ живо спряталъ его въ карманъ. Барыня даже не провѣрила, сколько онъ передалъ ей взамѣнъ золотыхъ монетъ — она торопилась къ столу доигрывать скорѣе. Сосѣдъ Смецкаго не оставался безъ дѣла: — каждую минуту къ нему подходили проигравшіеся; мало по малу переходили въ его безконечные карманы часы, серьги, кольца, цѣпи, запонки, все цѣнное, что только было еще на служителяхъ и служительницахъ этого культа... Еслибы Левъ Станиславовичъ былъ спокойнѣе, онъ бы замѣтилъ, что тутъ нѣтъ мѣры и предѣла безстыдству... Хорошенькая дѣвушка подошла къ черномазому господину и нагло кинула ему:

— Мнѣ нечего больше вамъ закладывать... Хотите меня самую?..

Онъ съ тѣмъ же видомъ знатока обвелъ ее своимъ острымъ взглядомъ и спросилъ:

— Сегодня вечеромъ?

— Это ваше дѣло... Когда вамъ будетъ угодно.

И, схвативъ два золотыхъ, она подошла опять къ рулеткѣ, чтобы оставить ихъ тамъ же со всѣмъ, что у нея было — и съ совѣстью и честью...

— Вы въ первый разъ здѣсь? обратился къ Смецкому сосѣдъ на французскомъ языкѣ.

— Да...

— Ну, вамъ повезетъ! улыбнулся тотъ.

— Почему?

— Новичкамъ всегда везетъ... Надо только умѣть остановиться во время... Именно этого-то никто не умѣетъ. Ви-

дите вонъ эту старуху? указалъ онъ на какую-то выкрашенную руину, сидѣвшую за столомъ по ту сторону и едва замѣтную: такою она казалась крошечной. Голова ея ходила во всѣ стороны, локоны рыжаго парика развились, капли пота оставили грязныя дорожки на румянахъ и бѣлилахъ покрытаго морщинами лица. Зато глаза ея вспыхивали совсѣмъ не старческимъ огнемъ — они горѣли, какъ у волчихи.

— Я уже давно смотрю на нее. Странно, она ничего не проигрываетъ и не выигрываетъ... У нея все тотъ же пятифранковикъ...

— Это сумасшедшая... Она русская... Вы тоже русскій?

— Почему вы угадали?

— Я здѣсь постоянно. Долгая практика. Я узнаю національности по мало замѣтнымъ другимъ признакамъ... Такъ это русская. Она была страшно богата... Ежегодно она получала 800.000 рублей изъ Россіи — и все оставила здѣсь. Все до копѣйки. Теперь у нея ни капитала, ни процентовъ. Имѣнія ея проданы, и деньги перешли сюда же... Она живетъ на пенсію, которую ей платитъ администрація игорнаго дома. Ежедневно ей даютъ 20 франковъ съ правомъ занимать это мѣсто за столомъ. Она приходитъ первая и уходитъ послѣдняя. Ее никто не видалъ обѣдающей, отдыхающей... Она неизмѣнно ставитъ этотъ пятифранковикъ на нумеръ и ждетъ. Выиграетъ — касса ей не платитъ выигрыша, проиграетъ — крупье ей опять обратно придвинетъ лопаточкой ея неразмѣнную монету. Неправда ли, какая смѣшная?... А вонъ видите того юношу — вонъ весь красный, въ поту, даже галстукъ развязанъ — онъ сегодня уже проигралъ 40.000 франковъ. Теперь ему не на что играть. Онъ смотритъ... Видите, у него ротъ точно провалился... Ну, онъ сегодня непремѣнно покончитъ съ собою.

— Почему вы знаете? вскрикнулъ Смецкій.

— О, ихъ такихъ много прошло мимо меня. Я не играю — я только выигрываю, сидя здѣсь, расхохотался онъ: — и по-

этому у меня есть время замѣчать и наблюдать. Мнѣ вѣдь и дѣлать больше нечего.

Порою — но рѣдко — проходили веселые и спокойные люди, ассигновавшіе проиграть столько-то и столько-то, равнодушно швыряли свое золото на столъ и уходили прочь, смѣясь неудачѣ. Рѣже выпадали счастливцы, которымъ крупье отсчитывали и придвигали лопаточкой кучки и столбики ярко сверкавшаго золота. Но чѣмъ рѣже были такіе, тѣмъ больше эффекта они производили. На нихъ оглядывались всѣ, воспаленными глазами слѣдили за тѣмъ, какъ это золото переходило въ ихъ карманы, мысленно пересчитывали его и съ новымъ азартомъ удваивали, утраивали свои ставки въ тщетной надеждѣ: — авось имъ повезетъ также, какъ и тѣмъ. И если имъ везло — крупье имъ улыбались привѣтливо. Администрація ничего не теряла отъ этого. Напротивъ, такіе въ тотъ же день обыкновенно оставляли весь свой выигрышъ тутъ же, плюсъ все, что у нихъ было за душою.

— У васъ хронометръ? вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ Смецкаго его сосѣдъ.

— Да, а что?

— Такъ... Не позволите ли теперь посмотрѣть... На всякій случай...

— О, я его не заложу, не безпокойтесь.

— Почемъ знать? Тѣ тоже, кивнулъ онъ головой на массу, окружавшую сплоченной стѣною игорный столъ: — тѣ тоже, входя сюда, не собирались закладывать.

— Однако... вы безцеремонный!

— Вамъ же лучше. Тогда впопыхахъ... вамъ самимъ будетъ некогда.

Смецкаго, наконецъ, проняло. Онъ отодвинулся отъ этого игрока.

— Вамъ, кажется, противно! засмѣялся тотъ, нисколько не обидѣвшись. — Ремесло, какъ всякое другое. У меня семья — я долженъ о ней заботиться. У меня растутъ до-

чери... Иногда, знаете, я являюсь спасителемъ. Сколько разъ случалось, что заложенные мнѣ часы возвращали весь проигрышъ несчастному игроку, и онъ уходилъ отсюда, благословляя меня! Въ рулеткѣ важно уловить моментъ, когда счастіе обертывается къ вамъ лицомъ. И потомъ надо знать, когда ставить. Не везетъ — мысленно отсчитайте семь игоръ и ставьте на восьмую. Вонъ видите, цѣлые ряды игроковъ сидятъ и отмѣчаютъ на бумажкахъ выигрыши. Они надѣются найти математическій законъ, угадать правило, по которому выпадаютъ тѣ или другіе нумера... Это все проигравшіеся дотла... Ихъ администрація допускаетъ тѣшиться глупою надеждою.

Левъ Станиславовичъ теперь совсѣмъ успокоился. Тишина и на него подѣйствовала. Тяжелые опущенные занавѣсы, мягкіе, скрадывающіе движеніе, ковры, легкій шорохъ толпы, изрѣдка полуподавленное восклицаніе, монотонные голоса крупье: »faites votre jeu, messieurs...« »rien ne va plus...« trent six... »sept«, трескъ шарика, перескакивающаго по гнѣздамъ рулетки, и этотъ страшный тонкій, чудящійся постоянно, странно заглушающій всѣ остальные звуки, звонъ золота. Звонъ золота, пронизывающій, какъ вода — губку, каждую вашу мысль, умерщвляющій въ вашей душѣ осторожность, сожалѣніе, послѣдніе проблески человѣческаго чувства, отвращеніе, гадливость. Казалось, этотъ звонъ гипнотизировалъ слуховыя ощущенія, какъ яркій шарикъ гипнотизируетъ зрѣніе. Слышался только онъ — и одинъ онъ: все остальное замирало и пропадало, точно уносясь въ какую-то бездну.

За малыми исключеніями, здѣсь всѣ были помѣшанные. Входя сюда, испытывали головокруженіе, умъ гасъ, чувство хоронилось куда-то далеко-далеко... Проигрывались и выигрывали въ полуобморочномъ состояніи, и приходили въ себя, только попавъ на свѣжій воздухъ, точно просыпаясь послѣ долгаго гипнотическаго сеанса...

Левъ Станиславовичъ незамѣтно перекрестился опять...

Это, впрочемъ, не ускользнуло отъ насмѣшливаго взгляда его сосѣда.

— Знаете, вдругъ проговорилъ онъ: — мнѣ жаль васъ... Сколько вамъ лѣтъ?

— Что̀ вамъ за дѣло? вспыхнулъ Смецкій.

— Уходите лучше отсюда!

— Я не нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ.

— А все таки мнѣ васъ жалко... Впрочемъ, у насъ, у итальянцевъ, есть свои суевѣрія. Или — лучше — примѣты... Вотъ возьмите пока съ собою...

Онъ подалъ ему коралловый брелокъ, изображавшій кисть съ тремя сложенными пальцами и двумя — указательнымъ и мизинцемъ — вытянутыми впередъ.

— Что̀ это?

— Талисманъ. Противъ іеттатуры... дурнаго глаза, болѣзни, неудачи въ игрѣ... Мы, итальянцы, всегда его носимъ съ собою.

— Благодарю васъ... Какія глупости!

И Смецкій рѣшительно подошелъ къ столу.

Вас. Немировичъ-Данченко

Продолженіе будетъ

ЛѢСНЫЕ ВИТЯЗИ

Дремлетъ Кіевъ златоглавый.
Алымъ заревомъ горя,
Въ Днѣпръ глядится величавый,
Въ тучкахъ нѣжится заря.

За червленою стѣною
Кіевляне спятъ въ домахъ.
Сны безпечною рукою
Сѣютъ радость въ ихъ сердцахъ.

Безпечаленъ теремъ княжій
И сулитъ имъ долгій миръ.
Спятъ дружинники на стражѣ —
Снится имъ веселый пиръ.

Спитъ съ прекрасною княгиней
Князь — усталый богатырь,
И во снѣ онъ видитъ синій
Вольный Донъ, степную ширь, —

Видитъ пламя грозной сѣчи,
И чрезъ знойные пески
Гонитъ онъ, до новой встрѣчи,
Печенѣжскіе полки.

Драгоцѣнными коврами,
Златотканною парчой
И плащами, и мѣхами
Щедро устланъ путь степной.

И по гребнямъ бѣлопѣннымъ
Онъ туда дружины мчитъ,
Гдѣ Олегъ къ вратамъ надменнымъ
Пригвоздилъ побѣдный щитъ.

Алчный мечъ блеститъ зарницей...
Гдѣ вражды завѣтной грань? —
Византійскій царь съ царицей
Просятъ мира, платятъ дань.

Грезитъ князь... Заря нѣмая
Разгорается. Вдали
За стѣною, чуть мелькая,
Скачетъ конница въ пыли.

Ближе, ближе... Въ шапкахъ бѣлыхъ —
Въ полѣ сорная трава —
На лошадкахъ угорѣлыхъ
Мчится сѣрая Литва.

Жалки витязи лѣсные —
Безъ доспѣховъ и въ лаптяхъ,
Ихъ доспѣхи боевые —
Камни острые въ мѣшкахъ,

Рогъ изъ липы за плечами,
Лыкомъ шитое сѣдло
И, грозящее бѣдами,
Съ головнею помело.

Молча кони подскакали,
Люди прянули съ коней —
И зловѣще запылали
Злаки спѣлые полей.

Черный дымъ ужъ Днѣпръ объемлетъ—
Чу! литовскіе рога!
Князь проснулся — крикамъ внемлетъ...
Нѣтъ спасенья отъ врага!

І. Ясинскій

Письма о литературныхъ вопросахъ

I

„Художники — реалисты“

Постановка „Власти тьмы“ на любительской сценѣ вновь подняла вопросъ о литературномъ и сценическомъ значеніи этой пьесы. Казалось бы, двухъ мнѣній объ этомъ, въ высшей степени замѣчательномъ, произведеніи быть не можетъ. Его внутренняя правда и живая форма не только воспроизводятъ трагическія событія, служащія его сюжетомъ, съ реализмомъ самой жизни: онѣ обнажаютъ души дѣйствующихъ лицъ съ такимъ же неподражаемымъ искусствомъ, съ какимъ показываютъ намъ ихъ обстановку и внѣшнія выраженія ихъ мыслей и чувствъ. Казалось бы, одно чтеніе пьесы должно обезоружить и покорить даже предубѣжденнаго читателя, Что онъ можетъ еще требовать отъ автора, который даетъ ему настоящую жизнь такою, какова она есть? Для нѣмецкихъ эстетиковъ можетъ быть еще вопросъ — слѣдуетъ ли художнику стремиться къ возможно точному воспроизведенію жизни (и нѣмцы этотъ вопросъ трактуютъ преимущественно въ области живописи и скульптуры), — но, повидимому, это логически невозможно для русскаго человѣка, принадлежащаго къ тому народу, который произвелъ Гоголя, имѣвшаго значеніе великаго учителя не для однихъ своихъ соотечественниковъ: французскіе натуралисты сознаются, что они учились у Гоголя въ тотъ промежутокъ времени, который былъ между смертью Бальзака и выступленіемъ Флобера, Гонкуровъ и Зола. Какое значеніе для всего міра имѣетъ художественный реализмъ русскихъ писателей, видно изъ того же громаднаго успѣха, какой они имѣли и продолжаютъ имѣть во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Оказывается, однако, что высота и сила реализма нашихъ выдающихся писателей, являющіяся неоспоримыми въ глазахъ иностранныхъ цѣнителей, могутъ служить предметомъ рѣзкаго раз-

лада, принципіальныхъ прекеканій между русскими критиками. Это — фактъ, которому нельзя отказать въ извѣстной „знаменательности“ и который не можетъ не навести на размышленія о положеніи и характерѣ нашей критики.

Болѣе тридцати лѣтъ (считая отъ появленія „Эстетическихъ отношеній“ Чернышевскаго) критики и историки литературы пишутъ у насъ о реализмѣ и идеализмѣ въ искусствѣ, и мы въ нынѣшнихъ разсужденіяхъ о „Власти тьмы“ можемъ видѣть наглядно, какъ мало пользы принесли сужденія и взгляды многочисленныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ. Срокъ, указываемый нами, очень великъ въ жизни нашего общества: за это время колесо его исторіи совершило свой полный оборотъ, и мы чувствуемъ себя въ новомъ періодѣ, гдѣ многое изъ стараго оказывается уже отжившимъ. Затихли многіе ожесточенные дебаты: противники или согласились между собою, или умолкли, разойдясь на такія разстоянія, откуда они уже не могутъ слышать одинъ другаго. Только критики стоятъ еще другъ противъ друга, какъ они стояли тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и также ожесточенно и безплодно борются между собою, не замѣчая въ пылу битвы, что они обмѣнялись оружіемъ, какъ Гамлетъ и Лаэртъ. Исходъ этого состязанія, которое совершается передъ нашими глазами, легко опредѣлить съ полной достовѣрностью: побѣда останется за тѣмъ, кто бьется оружіемъ реализма. Вся исторія нашей литературы, начиная съ Пушкина, вся прежняя критика, дававшая тонъ общественному мнѣнію и разъяснившая истинный смыслъ литературныхъ явленій, всѣ художники, надѣленные творческимъ талантомъ, всѣ непредубѣжденные читатели стоятъ на сторонѣ этого бойца. И между тѣмъ, побѣда оказывается — на сторонѣ представителя „художественной“ критики, которая въ шестидесятыхъ годахъ оказалась консервативной, отрицала реализмъ и опиралась на нѣмецкую эстетику; а противоположная ей „идейная“ или тенденціозная критика тогда опиралась на живые таланты, приводила строгій реализмъ и отрицала теоріи эстетики. Незамѣтно для себя, она, однако, поставила идею выше жизни, и тогда какъ „идея“ не мѣнялась, „жизнь“ шла впередъ и оставляла идею позади себя. Художественнымъ критикамъ удалось поднять оружіе, выпавшее изъ рукъ ихъ противниковъ, и ихъ сраженія должно остаться за первыми.

При всей исключительной талантливости ея инициаторовъ, при всѣхъ несомнѣнно благихъ и честныхъ намѣреніяхъ, тенденціозная критика принесла немало вреда русской литературѣ. Гуманныя идеи, какія она защищала, отвлекли ее въ сторону отъ истинныхъ задачъ искусства, и эти задачи стали немногу совершенно отошли для нея на второй планъ. По-

шему мнѣнію, это направленіе критики правильнѣе всего было бы назвать „педагогическимъ“. Первые, вѣчно памятные представители ея, дѣйствительно, „учили“ русское общество высокимъ мыслямъ и чувствамъ, пользуясь талантливыми произведеніями русскихъ писателей, какъ наглядными картинами, какъ вѣрнымъ отраженіемъ общественной жизни. Ихъ роль была велика и привлекательна, и послѣ ихъ смерти не могло быть недостатка въ охотникахъ замѣстить ихъ. Крупные таланты рѣдко слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ, и преемникамъ тѣхъ критиковъ, о которыхъ мы говоримъ, не подъ силу было вести далѣе ихъ проповѣдь: они могли только повторять ее, что и дѣлали старательно и неуклонно, не желая принимать во вниманіе новыхъ, нарождающихся жизненныхъ фактовъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ этого рода былъ громадный ростъ таланта графа Толстаго. Критика, пропускающая подобное явленіе, неизбѣжно наноситъ себѣ жестокій, почти смертельный ударъ. Критики тенденціознаго или, какъ мы называемъ, педагогическаго направленія не поняли и не признали графа Толстаго. Пишущему эти строки, уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, приходилось спорить съ однимъ изъ выдающихся представителей названнаго направленія по поводу „Анны Карениной“. Критикъ отказывался писать объ этомъ романѣ, не признавая въ немъ ничего замѣчательнаго, обязывающаго говорить о немъ... Мы будемъ близки къ правдѣ, если скажемъ, что въ этомъ лагерѣ Толстаго цѣнили тогда болѣе, какъ педагога, чѣмъ какъ беллетриста... Разумѣется, такое ослѣпленіе не могло пройти даромъ для крѣпости, для живучести этого направленія, для котораго слово „художникъ“ имѣло второстепенное значеніе, если художникъ шелъ своей собственной дорогой, не думая о путяхъ, указываемыхъ ему критикой.

Анти-тенденціозная критика оказалась провидательнѣе и не сдѣлала крупной ошибки своихъ противниковъ. Она преклонилась предъ великимъ талантомъ и обратилась къ единственно правильному критическому пріему — изучать великихъ писателей изъ ихъ работы, а не изъ философскихъ или педагогическихъ теорій, выводить общія начала литературной художественности. Другое доказательство большей вѣрности взгляда и болѣе глубокаго пониманія истиннаго значенія литературныхъ явленій анти-тенденціозная критика выказала и относительно главы новѣйшихъ французскихъ романистовъ — относительно Золя, котораго тенденціозная критика не понимала и обходила, какъ дѣлала это въ прежнія времена по отношенію къ Бальзаку и Флоберу. Критика противоположнаго направленія, о которой мы говоримъ, отдала должное знаменитому французскому

романисту и не остановилась передъ примѣненіемъ къ нему названія „великаго художника“.

Вообще, слово „художникъ“ было выдвинуто ею на первый планъ, и она прежде всего ищетъ въ писателѣ художника, помимо его направленія, личныхъ задачъ и даже размѣровъ его таланта. Мы можемъ только привѣтствовать такое направленіе, но не можемъ не замѣтить, что въ такой общей, огульной оцѣнкѣ писателей замѣчается нѣкоторое смѣшеніе понятій, невыгодное въ смыслѣ точности опредѣленій и въ смыслѣ справедливости сужденій.

Именно мы не можемъ согласиться въ томъ, что гр. Толстаго и Зола можно помѣщать въ одну категорію подъ однимъ общимъ именемъ „художниковъ-реалистовъ“. И Тургеневъ, и Островскій, и Писемскій, и Гончаровъ, и Достоевскій, и Флоберъ, и Гонкуры, и Бальзакъ и мн. др. могутъ быть названы этимъ именемъ, но это таланты далеко не однородные, а выраженіе „художественный реализмъ“ далеко не вполнѣ и неодинаково характеризуетъ ихъ. У каждаго найдутся коренныя особенности, отсутствующія у другихъ писателей того же рода, и каждый — если ближе, детальнѣе всмотрѣться въ его талантъ — займетъ свое особое мѣсто, предъявитъ собою особый типъ, несовсѣмъ сходный съ тѣмъ, чьи имена произносятся вмѣстѣ съ его именемъ. Если наименованіе „художникъ-реалистъ“ теряетъ свое значеніе, оказавшись слишкомъ общимъ, не исчерпывая характеристическихъ чертъ даже несомнѣнно крупныхъ, всѣмъ извѣстныхъ и прославленныхъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ талантовъ, то тѣмъ менѣе оно можетъ заключать въ себѣ должную оцѣнку дарованій менѣе яркихъ и глубокихъ, болѣе односторонникъ и узкихъ, къ которымъ, однако, оно также примѣняется критикой. Мы можемъ встрѣтить его, напр., въ отзывахъ о гг. Гл. Успенскомъ, Лѣсковѣ, Боборыкинѣ, Михайловѣ (Шеллерѣ) и многихъ болѣе молодыхъ писателяхъ. Уже одно перечисленіе четырехъ названныхъ именъ напоминаетъ читателю, съ какими различными по своимъ существеннымъ свойствамъ талантами мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ. Между тѣмъ этотъ терминъ является въ настоящее время высшей похвалой, самой лестной аттестаціей писателя-беллетриста, свидѣтельствуя о признаніи за нимъ критикой и художественности, и высоты его дарованія.

Опредѣленіе „художникъ-реалистъ“, съ того времени какъ оно было примѣнено къ нашимъ крупнѣйшимъ беллетристамъ, получило большое и характерное значеніе для языка современной критики и даже для основныхъ ея воззрѣній. Оно замѣнило прежнее вѣнчаніе писателя — наименованіемъ его „геніемъ“. Хотя послѣднее и прилагается къ Тургеневу, Толстому

и Гончарову, также какъ оно прилагалось къ Гоголю, но слово „художникъ“ вытѣсняетъ его и распространяется теперь на всѣхъ выдающихся или отличаемыхъ публикой беллетристовъ. Уже при этомъ распространеніи оно теряетъ часть своей опредѣлительности и можетъ утратить ее еще больше, если его будутъ примѣнять ко всѣмъ талантливымъ писателямъ безъ различія рода и характера ихъ талантовъ. Критика обязана разъяснять, указывать публикѣ и особенности созрѣвающихъ и нарождающихся дарованій, и терминологія опредѣленія является для ясности и точности ея сужденій далеко не второстепеннымъ дѣломъ, какъ и во всякой умственной области, соприкасающейся съ важными и сложными явленіями человѣческаго духа.

Въ опредѣленіи „художникъ-реалистъ“ мы видимъ два общіе признака, характеризующіе современныхъ талантливыхъ беллетристовъ — реализмъ ихъ пріема, т. е. правдивость и ширину воспроизведенія жизни, и художественность, т. е. извѣстную, видимую высоту ихъ творчества и силу ихъ выразительности. Но оба эти признака, будучи болѣе или менѣе свойственны всѣмъ замѣтнымъ современнымъ писателямъ, не могутъ характеризовать ихъ дарованія. Первый изъ нихъ лежитъ въ духѣ времени: его не оказывается лишь у писателей, лишенныхъ дарованія или подражающихъ писателямъ другой, не нашей эпохи. Художественность, т. е. сочетаніе творчества съ изобразительностью, составляетъ принадлежность писателей всѣхъ временъ и національностей. Слѣдовательно, ни художественность, ни реализмъ не служатъ отличіями новѣйшихъ писателей и поэтому не могутъ служить для критики тѣмъ характернымъ терминомъ, какого она должна искать.

Находя опредѣленіе „художникъ-реалистъ“ слишкомъ широкимъ и мало характернымъ, какъ скоро оно одинаково можетъ быть примѣнено къ весьма несходнымъ между собою беллетристическимъ талантамъ, мы не думаемъ предложить взамѣнъ его какое либо другое, болѣе точное и вѣрное опредѣленіе. По нашему мнѣнію, опредѣленія одинаково характернаго для всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ талантовъ нашего времени нѣтъ и быть не можетъ. При нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, налагаемыхъ на всѣхъ „духомъ“ или господствующимъ направленіемъ времени, при неотразимомъ вліяніи, оказываемомъ на всѣхъ крупными первенствующими талантами, каждый писатель проявляетъ не только бо́льшую или меньшую степень художественности и реализма, но обнаруживаетъ и особый родъ своего таланта, нерѣдко вовсе несходный съ дарованіями, одновременно возвышающимися съ нимъ, и даже дающій ему совершенно обособленное мѣсто. Повидимому, въ томъ, что́ мы

говоримъ, нѣтъ ничего новаго: намъ могутъ сказать, что никт
и не видитъ тожества даже въ двухъ писателяхъ изъ назван
ныхъ нами выше, и что, напротивъ, критика всегда тщатель
отмѣчала особенности Тургенева, Толстаго, Достоевскаго и д
Съ этимъ мы спорить не будемъ, но, съ своей стороны, ук
жемъ, что критика, имѣя дѣло не съ одними уже заявившим
себя дарованіями, а и съ писателями, еще только составля
щими себѣ извѣстность, и съ начинающими, непремѣнно долж
опредѣлить съ возможною точностью, съ какимъ родомъ та
ланта она имѣетъ дѣло, такъ какъ родъ или типъ таланта ест
нѣчто органическое, не зависящее ни отъ времени, ни отъ ст
сторонних вліяній, проходящее свой особый путь развитія и
приносящій свои, несходные съ другими, результаты.

Тема, которую мы затрогиваемъ, такъ обширна, что дост
точно полное и мотивированное изложеніе ея потребовало б
весьма серьезной научно-психологической разработки. Не им
увѣренности, что время позволитъ намъ вскорѣ заняться ей
мы желали бы, хотя въ бѣглой замѣткѣ, изложить тѣ выво
какіе приходили намъ въ голову при изученіи выдающихся
представителей русской и иностранной беллетристики новѣй
шаго времени.

II

Типы беллетристическихъ талантовъ

Поэты. — Бытописатели. — Психологи. — Сказочники. — Разскащик
Юмористы. — Фантасты. — Подражатели. — Идейные беллетристы.

Во главѣ литературы всегда стояли и будутъ стоять поэт
„властители думъ“. Это — люди особой организаціи, недарм
называвшіеся у древнихъ vates, „вѣщими“ и даже приравн
вавшіеся къ полубогамъ. Они, дѣйствительно, не похожи н
обыкновенныхъ смертныхъ, такъ какъ видятъ и слышатъ т
что скрыто отъ послѣднихъ. Для поэтовъ всегда открыты и
величайшія области — природы и человѣческаго сердца, и о
возвѣщаютъ намъ ту тайную жизнь, какою эти области пол
для нихъ. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ болѣе драгоцѣннаго да
высшаго отличія судьбы, какъ поэтическій талантъ, т. е. тв
ческая способность — всегда завидное преимущество, но ни
лантъ мыслителя, ни талантъ ученаго, ни талантъ художни
другихъ отраслей искусства не могутъ сравниться со всеобъ
лющимъ значеніемъ таланта поэта. Прекрасна и завидна р
великаго астронома, естествоиспытателя, географа и пр., об
мающихъ умомъ вселенную, слышащихъ „музыку небесны
сферъ“ или „ростъ минераловъ“ въ нѣдрахъ земли, чувств

щихъ всю совокупность жизни, начиная отъ мельчайшихъ растительныхъ организмовъ и кончая человѣкомъ; но для того чтобы выразить эти дивныя впечатлѣнія, имъ мало быть учеными и говорить только формулами или терминами своей науки: они должны быть и поэтами, т. е. должны владѣть языкомъ чувства. Тогда о нихъ говорятъ обыкновенно, что они „возвышаются до поэзіи", и говорятъ справедливо: область поэзіи выше области науки, такъ какъ природа и человѣкъ — полной, настоящей жизнью живутъ только въ поэзіи. Если разсматривать поэтовъ, какъ двигателей общественной мысли, какъ властителей не только думъ, но и чувствъ, то и тогда всѣ другіе дѣятели, производящіе, повидимому, наиболѣе сильное впечатлѣніе на умы, останутся позади нихъ. Могло ли быть впечатлѣніе сильнѣе того, какое производилъ Наполеонъ; но развѣ онъ настолько же живетъ въ нашемъ воспоминаніи, насколько живетъ Байронъ? Развѣ Англія не представляется намъ прежде всего родиной Шекспира, и развѣ въ Германіи можно найти памятники, которые дѣйствовали бы на насъ болѣе возвышающимъ, умиляющимъ образомъ, чѣмъ памятники Гёте и Шиллера? Развѣ Москва не пріобрѣла, даже для ея обитателей, еще болѣе дорогаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стоитъ памятникъ Пушкина? Пусть полководцы будутъ потрясать государства, пусть ученые будутъ умственнымъ взглядомъ достигать до самыхъ отдаленныхъ отъ насъ міровыхъ пространствъ или до самыхъ сокровенныхъ нѣдръ земли — поэты всегда будутъ для насъ роднѣе, ближе: они будутъ для насъ то же, что̀ мы сами, но въ самомъ чистомъ, свѣтломъ видѣ, съ той проницательностью зрѣнія и слуха, какой природа не дала намъ...

Мы ограничиваемся этимъ незначительнымъ намекомъ на великое значеніе поэта, надѣясь, что онъ въ каждомъ долженъ пробудить собственныя мысли и чувства относительно поэзіи, и каждый, дополнивъ по своему наши слова, признаетъ, вмѣстѣ съ нами, что въ мірѣ нѣтъ выше доли, какъ доля поэта. И это всегда если не формулировалось ясно, то чувствовалось, и всегда было безчисленное множество желающихъ попасть въ сонмъ поэтовъ. На самомъ дѣлѣ, за немногими исключеніями, всѣ выступающіе на поприще поэтической литературы считаютъ себя поэтами и несутъ всю тяжесть начинанія и весь рискъ возможной неудачи изъ убѣжденія, что и для нихъ открыта „великая книга природы" и тайны человѣческаго сердца. И литературные судьи, которые ихъ встрѣчаютъ, и читатели, которые въ первый разъ знакомятся съ ними, ищутъ въ нихъ хотя бы признаковъ истинной поэзіи... Первая важнѣйшая обязанность критики заключается въ указаніи даже проблеска поэтическаго дарованія; правда, крупные поэты чрезвычайно рѣдки, но уже

самый скромный размѣръ поэтическаго таланта заслуживает вниманія: хотя и въ маломъ видѣ, онъ даетъ намъ долю высо каго удовлетворенія. Такъ называемые poëtae minores часто бываютъ въ загонѣ, и это, въ своемъ родѣ, несправедливо неблагодарно. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы отмѣтить съ удовольствіемъ оцѣнки второстепенныхъ поэтовъ, какія намъ пришлось встрѣтить въ послѣднее время въ художественной или антитенденціозной критикѣ.

Критика, желающая быть вполнѣ проницательной и добро совѣстной, прежде всего обязана отличать крупинки поэтическаго золота въ потокѣ текущей литературы. Какъ бы ни былъ малъ поэтическій талантъ, — если въ немъ замѣчаются признаки истинной поэзіи, т. е. олицетворенія и оживленія природы и постиженія „сокровеннаго“ въ человѣческомъ сердцѣ, его слѣдуетъ тщательно отмѣчать и отбирать отъ „плевелъ“. Въ этомъ случаѣ критикъ долженъ дѣйствовать, какъ химикъ, отличающій золото во всякомъ соединеніи: поэты должны быть всего дороже для критика, потому что первое мѣсто въ литературѣ по праву принадлежитъ имъ. Говоря о типахъ беллетристическихъ талантовъ, мы, безъ опасенія встрѣтить противорѣчіе, можемъ указать, какъ первый и главный типъ — типъ беллетриста-поэта. Крупнѣйшими представителями этого типа мы считаемъ изъ новѣйшихъ беллетристовъ гр. Толстаго и за нимъ ставимъ Тургенева и Гончарова, полагая, что это ни съ чьей стороны не вызоветъ возраженія. Еслибы отъ насъ потребовали частнаго указанія особенно цѣльнаго и характернаго поэтическаго произведенія, мы бы назвали „Три смерти“. Не изъ возможности passer en revue, какъ говорятъ французы, всѣхъ позднѣйшихъ писателей (о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы говорим дальше), мы въ числѣ поэтовъ изъ писателей шестидесятыхъ годовъ назовемъ только Левитова. Изъ числа писателей конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ ближе всѣхъ къ типу поэта подходятъ, по нашему мнѣнію, покойный Гаршинъ и гг. Ясинскій, Короленко и Чеховъ. Прибавимъ, что мы не касаемся здѣсь поэтовъ-стихотворцевъ, пишущихъ отъ времени до времени въ прозѣ.

Еще не такъ давно всѣ беллетристы считались поэтами пишущими прозой, и тѣ, кого трудно было бы включить въ категорію поэтовъ, признавались дарованіями сомнительными чуть не узурпаторами благороднаго званія романиста или беллетриста. Тенденціозная критика, правда, относилась къ нимъ нѣсколько иначе: она многихъ изъ нихъ ставила даже выше „безъидейныхъ“ поэтовъ, но художественная критика игнорировала ихъ или смѣялась надъ ними. Въ подобномъ отношеніи къ нимъ лежитъ глубокое недоразумѣніе: писатели этой кате

горіи могутъ достигать весьма крупнаго значенія въ литературѣ и даже затмѣвать собой поэтовъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, но съ меньшею силой. Было бы большой ошибкой смѣшивать и сравнивать ихъ съ поэтами: они составляютъ особую, весьма почтенную и важную, группу въ литературѣ и принадлежатъ къ особому типу талантовъ, который мы назовемъ „бытописателями".

Самымъ крупнымъ и характернымъ представителемъ ихъ въ Европѣ мы считаемъ Зола. Наши критики долго не могли постичь его литературнаго значенія. Талантъ его былъ такъ силенъ и ярокъ, что онъ не могъ сразу не броситься въ глаза. Въ то же время онъ такъ рѣзко отдѣлялся отъ большинства современныхъ французскихъ романистовъ, въ родѣ Шербюлье, Оне, Терье и пр., что сочиненія послѣднихъ, рядомъ съ его работой, дѣйствительно казались „телячьимъ бульономъ" (bouillon de veau), какъ ихъ называли ученики Зола. Съ каждымъ произведеніемъ онъ болѣе и болѣе покорялъ себѣ читателей всего образованнаго міра. Его вездѣ читали въ тысячахъ экземпляровъ, въ подлинникѣ и въ переводахъ, больше бранили, чѣмъ хвалили, больше возмущались, чѣмъ восхищались имъ, но — все таки читали. Даже „шокирующая" сторона его произведеній не останавливала читателей, и чтобы ограничить распространеніе его сочиненій въ Англіи и Германіи понадобились запретительныя мѣры правительства. Тѣмъ не менѣе, ни нѣмцы, ни англичане его не понимали. Одинъ добросовѣстный нѣмецкій критикъ посвятилъ ему, уже въ прошломъ году, когда можно было придти, наконецъ, къ заключенію о размѣрахъ его таланта, сочувственную статью, но разбиралъ его рядомъ съ Гансомъ Гопфеномъ, который безспорно талантливъ, но съ Зола не имѣетъ ничего общаго; критикъ, правда, ихъ и не сравнивалъ, но уже одно это сопоставленіе не говоритъ за его проницательность. У насъ отношеніе критики и литературы къ Зола было еще курьезнѣе. Либеральная литература ненавидѣла его за „безъидейность", консервативная — за „безнравственность". Нѣкоторыя редакціи даже торжественно клялись, что ихъ страницы никогда не будутъ испачканы его сочиненіями. И что же выходило? Одни выдерживали этотъ наложенный на себя запретъ и помѣщали у себя англійскіе романы, которые оставались неразрѣзанными; другіе бранили Зола въ отдѣлѣ критики и печатали его въ приложеніяхъ. И между тѣмъ какъ публика бросалась на произведенія Зола, и каждый романъ его появлялся чуть не въ двадцати переводахъ,—литературная критика или отзывалась о немъ вскользь и презрительно, или хранила относительно него не менѣе презрительное молчаніе. Она не дала ни одной крупной статьи о немъ, ни разу не попы-

талась подвести итогъ его громадной, изумительной работ
Должно было пройти почти двадцать пять лѣтъ, прежде чѣ
онъ былъ названъ въ русской литературѣ, устами г. Буренин
„великимъ художникомъ - реалистомъ“ и поднятъ на один
уровень съ Толстымъ, т. е. получилъ, наконецъ, должное е
по его огромной литературной заслугѣ.

Причину такого непониманія Зола, помимо лицемѣрія, пр
верженности къ „идеямъ“ и того, что французы называ
„pruderie“ (замѣтимъ кстати, что, по крайней мѣрѣ, прежн
романы Зола требовали самыхъ небольшихъ урѣзокъ, чтобы
оскорбить даже щекотливыхъ читателей), мы видимъ въ б
плодности усилій критики опредѣлить характеръ даровани
Зола. Она готова была признать его силу, его жизненно
способность изображенія цѣлыхъ общественныхъ слоевъ, но
могла примириться съ его „скабрезностью“ и видѣла, что чт
то въ немъ недостаетъ, никакъ не попадая, однако, на то, чт
именно? Мы были однажды свидѣтелями, какъ въ одно
литературномъ кружкѣ, гдѣ читался добросовѣстный и тала
ливый рефератъ о „Землѣ“, только два или три лица пр
говорили, что они считаютъ Зола огромнымъ и необыкновен
правдивымъ талантомъ; прочіе выступали въ возраженіяхъ р
ференту, высоко ставившему этотъ романъ, и старались на
сить автору мелкіе и крупные удары, даже съ какимъ-то п
нымъ озлобленіемъ. Всѣ они нападали на „скабрезность“ Зо
и всѣ, видимо, чувствовали, что ему чего-то недостаетъ.
склонялись къ тому, что ему недостаетъ „художественн
таланта“! Между тѣмъ эта загадка очень проста—Зола, д
ствительно, недостаетъ самаго важнаго элемента художеств
ной натуры: ему недостаетъ поэтическаго дара. Онъ совс
не поэтъ: онъ насъ поражаетъ, изумляетъ, ослѣпляетъ, расс
ваетъ передъ нами самую сущность жизни французскаго об
ства, отъ высшихъ до низшихъ его слоевъ,—но нигдѣ насъ
умиляетъ, не приводитъ въ восторгъ, не становится намъ с
дечно близокъ, какъ истинные поэты. Онъ изображаетъ съ
разительной, почти безпримѣрной силой и яркостью внѣшно
жизни, такъ что его картины производятъ впечатлѣніе наст
щей дѣйствительности; но дальше внѣшности ему пойти
дано: вы видите его героевъ, понимаете ихъ, но не живете
ихъ душѣ; они становятся вашими знакомыми, но не друзья
не близкими людьми, какъ, напр., лица Толстаго. И, тѣмъ
менѣе, ширина, жизненность и яркость его картинъ произ
дятъ на насъ неотразимое потрясающее впечатлѣніе. Изъ т
же источника, т. е. отсутствія поэтическаго воззрѣнія на жи
исходитъ и, такъ называемая, „скабрезность“ Зола, т. е. вн
мое пристрастіе его къ такимъ сторонамъ жизни, о котор

не только не пишутъ въ печати, но о которыхъ даже не всякій станетъ говорить, по крайней мѣрѣ, съ подобной откровенностью. Въ этой чертѣ таланта Зола мы не видимъ ничего общаго съ французскими писателями конца XVIII вѣка и новѣйшими „порнографами“; это вовсе не сладострастіе, которому онъ даетъ волю. При всей своей откровенности, даже въ „Землѣ“, подобныя описанія серьезны и сдержанны, какъ лекціи физіолога или зоолога, касающіяся извѣстныхъ отношеній между полами. Совершенно справедливо, что поэтъ не сталъ бы этого писать: онъ видитъ и отмѣчаетъ въ жизни нѣчто другое, что̀ его болѣе занимаетъ и притягиваетъ: міръ чувствующей природы и чувствующаго человѣческаго сердца. Зола, въ качествѣ „экспериментатора“, какъ онъ невѣрно называетъ себя, вѣрнѣе — въ качествѣ наблюдателя, изучаетъ жизнь во всѣхъ ея видимыхъ явленіяхъ. Огромный талантъ даетъ ему возможность схватывать цѣлыя полосы жизни, цѣлые слои общества, замѣчать и закрѣплять самыя характерныя, жизненныя черты ихъ и сосредоточивать ихъ въ одной картинѣ съ неподражаемой живостью и правдой. Въ эти картины онъ долженъ, если не хочетъ измѣнить себѣ, вносить всѣ стороны жизни, чтобы дать полную характеристику; ради послѣдней цѣли, онъ долженъ изображать и то, о чемъ обыкновенно, tacite consensu, принято молчать. Отношенія между полами получаютъ въ его изображеніяхъ то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности, т. е. крайне важное, иногда даже первенствующее. Въ томъ слоѣ общества, въ рабочей и крестьянской средѣ, гдѣ они менѣе прикрыты, гдѣ на нихъ смотрятъ почти съ первобытной простотой, они естественно выступаютъ еще виднѣе, оказываются на первомъ планѣ. И развѣ можно за это обвинять писателя, который ставитъ себѣ задачей изображать жизнь такою, какова она въ дѣйствительности? Единственнымъ серьезнымъ обвиненіемъ противъ него могло бы быть изобличеніе его во лжи, въ клеветѣ на жизнь,—но этого никто еще не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ. Упрекать же его въ оскорбленіи нравственности въ нарушеніи художественной мѣры, это — то же, что̀ упрекать хирурга въ жестокости или анатома — въ неуваженіи къ стершимъ.

О томъ, къ чему пришелъ Зола, не смотря на отсутствіе этическаго таланта, говорить нечего, если сравненіе и сопоставленіе его съ такимъ писателемъ, какъ гр. Толстой, напрашивается само собою. Бо̀льшей похвалы, какую мы находимъ въ послѣдней статьѣ г. Буренина о критикахъ „Власти тьмы“, вполнѣ понятно, не пожелалъ бы и самъ Зола. Слѣдовательно, на его примѣрѣ мы ясно можемъ видѣть, до какой художественной высоты и до какой замѣчательной силы можетъ подняться тотъ

типъ беллетриста, который мы назвали „бытописателемъ". Если мы захотимъ указать тѣхъ изъ числа извѣстныхъ русскихъ беллетристовъ, которые могутъ подойти къ этому типу, мы должны прямо обратиться къ тѣмъ писателямъ, которыхъ много читаютъ, но о которыхъ мало пишутъ. У насъ легко можно насчитать цѣлый рядъ беллетристовъ, пользующихся большой извѣстностью, но почти не являющихся предметомъ критическихъ этюдовъ; относительно ихъ критика какъ будто не имѣетъ что̀ сказать или не умѣетъ высказаться опредѣленно и мѣсто ихъ въ литературѣ до сихъ поръ остается спорнымъ невыясненнымъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ умерли уже болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, а нѣкоторые изъ живущихъ уже пишутъ болѣе четверти вѣка. Причина такого недоразумѣнія заключается опять таки въ томъ, что въ нихъ, въ свое время, искали поэтовъ,—не нашли, и ихъ перестали считать въ числѣ „надеждъ литературы". Они, дѣйствительно, и не были поэтами, но были или остаются бытописателями, болѣе или менѣе крупными. Между этими неоцѣненными или непонятыми писателями мы встрѣчаемъ пользовавшагося когда-то большой извѣстностью, но теперь почти забытаго Писемскаго; Мельниковъ (Печерскій), котораго много читали еще недавно, теперь также почти никогда не упоминается. Такимъ же забвеніемъ начинаетъ еще при жизни покрываться и А. Потѣхинъ. Другой примѣръ крупнаго, обойденнаго позднѣйшей критикой, таланта мы видимъ въ Помяловскомъ, бытописателѣ большой силы широкаго захвата, который, при иныхъ условіяхъ и большей продолжительности жизни, конечно, далъ бы рядъ яркихъ картинъ изъ различныхъ слоевъ русскаго общества (какъ это было указано въ единственномъ этюдѣ, посвященномъ ему въ третьемъ году, въ годовщину двадцатипятилѣтія его смерти, г. В. Острогорскимъ). Говоря о Помяловскомъ, нельзя не упомянуть о талантливаго сверстника его В. Слѣпцова, оставившаго намъ живое изображеніе нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Несомнѣнно и въ немъ литература рано лишилась довольно виднаго бытописателя. Но долго продолжительная, непрерывная и весьма замѣтная дѣятельность не вынуждаетъ критику къ должному вниманію и оцѣнкѣ писателей этого типа. Такъ, въ области бытоваго романа долго и неослабно трудится г. А. Михайловъ (Шеллеръ). Его симпатичное, гуманное направленіе его беллетристическихъ произведеній не могло расположить къ нему критики такъ какъ онъ того заслуживаетъ, то она должна была бы это сдѣлать ради тщательнаго изученія имъ современной жизни внимательнаго наблюденія многихъ возникающихъ въ ней характерныхъ явленій, искусства, если не яркаго, то

всякомъ случаѣ, живаго изображенія ихъ, ради, наконецъ, характернаго признака истиннаго таланта — полной вѣрности самому себѣ и избранному имъ пути. Но г. Михайловъ остается до сихъ поръ безъ должной оцѣнки и, какъ намъ кажется, именно потому, что онъ всегда является бытописателемъ, т. е. принадлежитъ къ тому типу талантовъ, которые у насъ еще недостаточно поняты. Той же причинѣ обязанъ отсутствіемъ критическаго опредѣленія и г. Боборыкинъ. Хотя его произведенія послѣдняго десятилѣтія уступаютъ въ серьезности и выдержанности такимъ романамъ, какъ „Въ путь-дорогу", „Дѣльцы" и „Докторъ Цыбулька", но все таки его дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ прошломъ, стоитъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то, какое выпадаетъ на его долю. Въ Боборыкинѣ мы видимъ не глубокаго, но достаточно живаго бытописателя, умѣющаго всегда найти серьезную тему, затронуть „нервъ" жизни и дать иногда довольно яркую картину извѣстнаго текущаго момента. Указываемъ безпристрастнымъ людямъ на его „Доктора Цыбульку". Весьма возможно, что еслибы онъ видѣлъ въ критикѣ иное отношеніе къ себѣ, онъ и самъ былъ бы нѣсколько инымъ.

Приведенныхъ нами примѣровъ достаточно, чтобы показать — кого именно изъ нашихъ беллетристовъ мы относимъ къ типу бытописателей, и какія свойства таланта мы признаемъ за этимъ типомъ. Резюмируя сказанное выше, основнымъ свойствомъ бытописателя мы считаемъ изученіе и наблюденіе жизни, граничащее съ наблюденіемъ естествоиспытателя. Онъ изучаетъ, отмѣчаетъ, регистрируетъ и координируетъ свои наблюденія; при этомъ онъ даетъ то, что можно видѣть простымъ, непоэтическимъ глазомъ, но даетъ это въ сконцентрированной формѣ, которая, сохраняя всю видимость жизни, можетъ производить впечатлѣніе еще болѣе сильное, чѣмъ сама дѣйствительность. Это общее свойство — стремленіе къ возможной вѣрности настоящей жизни — можетъ быть присуще талантамъ съ различными оттѣнками. Ихъ частныя, личныя отличія могутъ направлять ихъ къ наблюденію различныхъ сторонъ жизни, смотря по симпатіямъ, т. е. нравственнымъ и умственнымъ склонностямъ автора. Произведенія ихъ могутъ быть весьма несходными между собой по общему характеру: одни могутъ производить впечатлѣніе вполнѣ объективнаго наблюденія (и эти будутъ ближе къ совершенству работы беллетриста-бытописателя), другіе могутъ выказывать симпатіи автора и, вслѣдствіе того, пріобрѣтать ту или другую окраску. Но это будетъ только окраска, не измѣняющая кореннаго свойства литературнаго матеріала, доставляемаго авторамъ, т. е. продукта непоэтическаго наблюденія жизни. Чтобы выразить это понятнѣе, сошлемся на указанный уже нами образецъ поэтической беллетристики — на

„Три смерти“ гр. Толстаго. Въ основѣ его лежитъ точно также самое тщательное наблюденіе природы: каждый штрихъ его заимствованъ изъ живой дѣйствительности. Однако, не говоря уже о томъ, что глазъ поэта видитъ острѣе, проникаетъ сквозь внѣшніе покровы жизни и къ наружнымъ чертамъ ея прибавляетъ множество внутреннихъ, незамѣтныхъ для простаго непоэтичнаго глаза, — и самая тема „Трехъ смертей“ не могла бы быть такъ разработана и развита бытописателемъ: еслибы онъ и сопоставилъ смерть культурной женщины со смертью простаго человѣка, то уже никакъ не написалъ бы третью параллель — смерть дерева въ лѣсу; смотрѣть на дерево, какъ на живое, страдающее и умирающее существо, можетъ только поэтъ, для котораго природа и человѣкъ живутъ одной общей жизнью.

Для бо́льшаго выясненія различія въ процессѣ творчества поэта и бытописателя, мы опять сошлемся на Зола. Этотъ авторъ, какъ бытописатель чистаго типа, какъ человѣкъ ограниченнаго ума, сознаетъ всю силу и значеніе рода своего таланта и тщательно указываетъ его отличіе отъ таланта чисто поэтическаго, объясняя, что самъ онъ положительно чувствуетъ болѣе сродства съ естествоиспытателями, чѣмъ съ поэтами. Онъ не только не скрываетъ, но подробно разъясняетъ процессы своей авторской работы. Слово „протоколизмъ“, введенное имъ, какъ намъ кажется, у насъ понимается несовсѣмъ ясно; въ немъ видятъ что-то унизительное, какую-то клевету автора на самого себя. Между тѣмъ въ основѣ творчества Зола дѣйствительно лежитъ точная и детальная, какъ протоколъ, нотація и регистрація жизненныхъ фактовъ, открываемыхъ его наблюдающимъ глазомъ. Конечно, это только первоначальная, черновая работа, дающая лишь матеріалъ для творческаго воссозданія дѣйствительности. Эти разрозненные факты должны быть связаны, скрѣплены, должны получить новую жизнь въ созданіи писателя; способность придать имъ жизнь — и есть творчество, отличающее талантливаго бытописателя отъ простаго фотографа, списывающаго единичныя, разорванныя, частныя явленія, не координируя ихъ съ другими подобными явленіями, не указывая ихъ мѣста среди общаго строя жизни... И мы думаемъ, что чѣмъ беллетристъ, лишенный поэтическаго таланта и чувствующій въ себѣ способность наблюденія и точнаго воспроизведенія окружающей его дѣйствительности, ближе къ этому типу добросовѣстнаго и тщательнаго наблюдателя, тѣмъ онъ самостоятельнѣе, тѣмъ тверже стоитъ на своихъ ногахъ, и тѣмъ болѣе успѣха онъ можетъ обѣщать себѣ. Самостоятельность, „довлѣніе самому себѣ“, отсутствіе стремленія походить на кого нибудь другаго есть, разумѣется, необходимое качество настоящаго, живаго таланта. Такой талантъ всегда со-

знаетъ себя и не захочетъ прибавить къ своимъ лаврамъ ни одного листа изъ чужаго вѣнка... Поэтому мы особенно цѣнимъ тѣхъ бытописателей, которые ни сознательно, ни безсознательно не старались прослыть за поэтовъ. Эта самобытность всегда служитъ основаніемъ ихъ успѣха, размѣръ котораго зависитъ ужъ отъ творческой силы, выражающейся въ яркости и жизненности ихъ произведеній.

Къ нашимъ бытописателямъ одной стороной своей дѣятельности, а именно стороной беллетристической, примыкаетъ Щедринъ. Конечно, еслибы онъ посвятилъ себя чисто беллетристической работѣ, какую онъ далъ въ „Головлевыхъ“ и въ „Пошехонской старинѣ“, мы имѣли бы въ немъ самаго лучшаго изъ нашихъ бытописателей. Но талантъ сатирика взялъ въ немъ верхъ, и современная жизнь отразилась въ его произведеніяхъ съ тѣми преувеличеніями, съ тѣми сгущенными красками, какія требовались этимъ родомъ литературы. И по величинѣ, и по глубинѣ таланта, и по яркости и обилію оставленныхъ имъ сатирическихъ изображеній нашего общества въ теченіе почти тридцатипятилѣтняго періода, Щедринъ остается, какъ сатирикъ, одинокимъ, исключительнымъ явленіемъ. Поэтому мы не можемъ говорить здѣсь о типѣ сатирика, и упоминаемъ о Щедринѣ лишь какъ о сильнѣйшемъ изъ русскихъ бытописателей. Полагаемъ, что это мнѣніе не требуетъ доказательствъ.

Особое мѣсто въ литературѣ занимаетъ и г. Лѣсковъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ чисто бытовыхъ романовъ, гдѣ выказалъ крупный талантъ бытописателя; но затѣмъ наблюденіе всего строя, всего теченія современной жизни было оставлено имъ, и его вниманіе сосредоточилось на немногихъ оригинальныхъ фигурахъ, отмѣченныхъ особенной душевной чистотой и незлобивостью. Въ изображеніи ихъ авторъ сохраняетъ, однако, всѣ характерныя черты бытописателя: самую точную жизненную вѣрность и умѣнье придать своимъ лицамъ, не смотря на ихъ исключительность, величайшую живость и реальность. Тѣ же черты таланта онъ проявляетъ въ своихъ легендарныхъ сюжетахъ, въ изложеніи которыхъ онъ съ большимъ искусствомъ приближается къ стилю своихъ источниковъ, что̀ слѣдуетъ признать однимъ изъ признаковъ большаго реальнаго таланта.

Мы ограничиваемся этими немногими указаніями на нашихъ бытописателей, такъ какъ желали только отмѣтить и выяснить особый этотъ типъ таланта, какъ намъ кажется, недостаточно еще понятый и оцѣненный въ нашей литературѣ, а между тѣмъ имѣющій и обширное распространеніе, и важное значеніе въ наше время, время реальнаго воззрѣнія на жизнь.

Вполнѣ изолированное положеніе въ современной литературѣ

занимаетъ и Достоевскій. Правда, нашей критикой (и на этот разъ анти-тенденціозной) ему отведено то мѣсто, какое по праву принадлежитъ ему — мѣсто огромнаго, первоклассна таланта. Однако и въ отношеніяхъ къ Достоевскому все ещ замѣчается недоразумѣніе — къ какой категоріи писателей слѣдуетъ его причислить? По пріему, по письму, онъ — реалистъ по силѣ и мастерству — крупный художникъ, а между тѣм онъ не подходитъ ни къ одному изъ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ... Насколько мало понимали его даже спеціально съ любовью изучавшіе его литераторы, между прочимъ, можн видѣть изъ того, что въ одномъ посвященномъ ему этюд весьма остроумномъ и талантливомъ въ деталяхъ, Достоевски приравнивался къ Шекспиру! Если критики не уясняютъ себ настоящаго характера его таланта, то этого трудно ожидать отъ читателей, которые почти всегда находятъ, что Достоевскій и влечетъ къ себѣ, и отталкиваетъ отъ себя, что чтен его доставляетъ какое-то мучительное, жестокое наслажденіе Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, загадка, какую представляетъ собою Достоевскій, разрѣшается весьма просто, если всмотрѣться въ его характерныя особенности, помимо его реализма и е художественности или мастерства. Отвлекаясь отъ этихъ качествъ, мы находимъ прежде всего, что онъ вовсе не поэтъ вовсе не бытописатель. Ни природа, ни человѣческое серд не живутъ въ его произведеніяхъ тою жизнью, какою они живутъ въ созданіяхъ поэта; вмѣстѣ съ тѣмъ, изображаемыя имъ лица — не обыкновенные, не живые люди, а полупризрачны чисто условныя фигуры. Съ первыхъ страницъ любаго его р мана вы чувствуете, что вы попали въ какой-то иной, необы ный міръ; что тамъ хотя, по наружному виду, все то же, что въ нашей дѣйствительности, но все имѣетъ свое особое знач ніе. Чувство реальности, вѣрности жизни васъ покидаетъ сра и вы, видя себя въ средѣ, подобной сновидѣнію, нисколько не возстаете даже противъ очевидныхъ несообразностей: что бы ни описывалъ вамъ авторъ, какъ бы странны ни были сами дѣйствующія лица, ихъ положенія, ихъ рѣчи, — вы не судите ихъ по прямому, непосредственному смыслу, а ищете въ нихъ друг го, скрытаго смысла, угадывая, что это — глубокое, никогда не открывавшееся вамъ значеніе жизненныхъ явленій, что авторъ ведетъ васъ въ невѣдомые, потайные углы человѣческой души, гдѣ зарождаются и зрѣютъ преступленія, страданія обиды и иныя, отличающіяся отъ вашихъ, воззрѣнія на міръ.

Въ этихъ особенностяхъ таланта Достоевскаго и заключает тайна тяжелаго впечатлѣнія и неотразимаго обаянія, которы онъ оказываетъ на читателей. Его лица дѣйствуютъ съ болѣзненной и неизгладимой силой; страшное, томящее впечатлѣніе

производимое ими, только въ значительной степени усиливается реальностью ихъ обстановки, чертами современной, знакомой намъ жизни. И оно все возрастаетъ и возрастаетъ въ длинномъ протяженіи романа. Видимая реальность и продолжительность, детальность работы составляютъ сильныя орудія въ рукахъ автора. Сродный ему по таланту, Эдгаръ По разрабатывалъ подобные же типы, но дѣлалъ это въ болѣе концентрированной формѣ и избиралъ обстановки, лишенныя реализма современности; біографы его разсказываютъ, что онъ не могъ писать большихъ вещей и не хотѣлъ брать черты современной ему жизни. Авторское чутье указывало Достоевскому, что его работа пріобрѣтаетъ должную силу при двухъ противоположныхъ условіяхъ — при видимой реальности дѣйствующихъ лицъ и при мельчайшей микроскопической разработкѣ ихъ душевныхъ движеній. Они и притягиваютъ, и отталкиваютъ насъ, съ нашими собственными страстями и затаенными помыслами. Многимъ могла приходить въ голову мысль, ради той или иной цѣли, отнять жизнь у другаго; многимъ могли являться сновидѣнія съ совершаемымъ убійствомъ, но не только бѣглая, сейчасъ же отвергаемая мысль, — даже и самый живой сонъ не давалъ намъ тысячной доли тѣхъ ужасныхъ, потрясающихъ ощущеній, какія мы переживаемъ вмѣстѣ съ Раскольниковымъ. Каждый изъ насъ думаетъ, что онъ понимаетъ и унизительную сторону сладострастія; но, познакомившись со старикомъ Карамазовымъ, онъ убѣждается, что ему совсѣмъ не было извѣстно — во что̀ оно можетъ обратить человѣка, когда захватываетъ всю душу? Даже мелкія, отвратительныя свойства пріобрѣтаютъ особенную силу у лицъ Достоевскаго: одно изъ второстепенныхъ лицъ „Идіота“, Фердыщенко, дѣлающій мелкія подлости, и въ этой сферѣ достигаетъ какой-то грандіозности въ сценѣ, когда предлагаетъ каждому изъ присутствующихъ разсказать, какую кто сдѣлалъ подлость, и самъ разсказываетъ о кражѣ имъ трехъ рублей, въ которой обвинили горничную. Это преувеличеніе, иногда до чудовищности размѣровъ, преступныхъ и низкихъ страстей составляетъ пріемъ характерный для Достоевскаго. Онъ беретъ страсти и побужденія, знакомыя каждому, такъ сказать, обращающіяся въ обыденной жизни, и показываетъ ихъ, какъ будто сквозь микроскопъ громаднаго увеличенія. Впечатлѣніе, какое получается при этомъ, только въ слабой степени можно сравнить съ тѣмъ, какое оказывало бы на больнаго накожной болѣзнью разсматриваніе въ сильно увеличивающій микроскопъ паразитовъ, причиняющихъ ему страданіе и невидимыхъ простымъ глазомъ. Впечатлѣніе отъ созерцанія нашихъ страстей въ подобномъ увеличеніи является безконечно болѣе потрясающимъ: нашу душу мы знаемъ менѣе

тѣла, и чувствуя въ себѣ какія-то неуловимыя общія черты съ Раскольниковымъ, Карамазовымъ и даже Фердыщенко, мы испытываемъ тѣмъ бо̀льшій ужасъ или омерзѣніе, что не знаемъ, какъ защититься отъ роковаго, страшнаго развитія этихъ свойствъ, влекущихъ къ преступленію или нравственному паденію. Въ то же время, уже одна тѣнь подозрѣнія, что въ насъ есть что-то сходное съ этими преступными или отвратительными людьми, возбуждаетъ въ насъ болѣзненное, непреодолимое любопытство, неотразимое желаніе вглядѣться ближе, подробнѣе въ эту душевную проказу, которую показываетъ намъ авторъ. И мы это дѣлаемъ, дрожа отъ ужаса и отвращенія...

Въ сужденіяхъ о Достоевскомъ всего чаще приходится слышать, что онъ раскрываетъ передъ нами міръ душевно-больныхъ людей. Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Люди, пораженные какимъ либо извращеніемъ умственной или нравственной сферы — всетаки остаются людьми, болѣе жалкими, чѣмъ страшными. Такое впечатлѣніе они производятъ и тогда, когда становятся предметомъ искусства, какъ, напр,, въ картинахъ Гогарта или въ „Запискахъ сумасшедшаго". Лица Достоевскаго вовсе не люди: это отвлеченія, облеченныя въ тѣло, подобно нашему, и помѣщенныя въ обстановку, сходную съ той, въ какой мы живемъ. Художественность или мастерство автора именно и выражается въ умѣньѣ придать имъ видимую реальность и жизненность, заставить вѣрить читателя, что эти странные, призрачные люди живутъ и чувствуютъ также, какъ и мы. Ни замѣчательный научный психологъ, ни величайшій поэтъ не произведутъ на насъ такого впечатлѣнія. Карпентеръ или Бенъ могутъ собрать массу наблюденій, могутъ связать и сопоставить ихъ съ большимъ искусствомъ и дать намъ наглядную картину извѣстнаго свойства нашей души, — но этой картинѣ не будетъ доставать той ужасающей жизни, какую ей придаетъ Достоевскій. Шекспиръ беретъ энергичную и мощную натуру и показываетъ намъ, какъ въ ней проявляется сильная, захватывающая страсть; но передъ нами всетаки — живой человѣкъ, отличающійся отъ насъ въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи. Въ этой живости и человѣчности лицъ Шекспира и заключается примиряющее впечатлѣніе, производимое ими (Макбетъ боится убитаго Дункана; Отелло плачетъ надъ трупомъ Дездемоны; Ричардъ III добивается женской любви). Повторяемъ, лица Достоевскаго — не люди, а отвлеченія; и страсти, и побужденія нашей души имъ оживляются и олицетворяются не такъ, какъ у поэтовъ, а только матеріализируются, облекаются въ искусственно-живую форму, будучи выдѣлены, обособлены отъ обычнаго сложнаго міра человѣческой души.

Для лучшаго выясненія нашей мысли, сравнимъ какое ни-

будь олицетвореніе Достоевскаго съ олицетвореніемъ Гоголя, поставимъ рядомъ, напр., Карамазова-отца, олицетворенное сладострастіе, и Плюшкина, олицетворенную скупость. Мы не можемъ не замѣтить тотчасъ же существенной разницы между ними: о Плюшкинѣ мы знаемъ, что прежде онъ жилъ такою же жизнью и былъ такой же человѣкъ, какъ и другіе помѣщики, и только постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, заглохъ, опустился и превратился въ жалкую фигуру, какую показываетъ намъ авторъ. И Плюшкинъ именно возбуждаетъ въ насъ жалость, а не отвращеніе. Совершенно иное впечатлѣніе на насъ производитъ Карамазовъ: мы ничего не видимъ въ немъ, кромѣ сладострастія, и намъ кажется, что онъ никогда и не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только „сладострастникомъ". Онъ даже не такъ противенъ намъ въ настоящемъ, какъ въ прошломъ, напр., въ своихъ воспоминаніяхъ о покойной женѣ; это отвратительное впечатлѣніе дополняется намеками на его исторію съ матерью Смердякова. На всемъ протяженіи романа, отъ своего выступленія передъ читателемъ, до самой смерти, Карамазовъ ничего не выказываетъ, кромѣ сладострастія въ самой отталкивающей формѣ, и въ настоящемъ, когда онъ уже старикъ, и въ прошломъ, когда онъ не отступалъ передъ самыми омерзительными видами его. При меньшемъ, или иномъ талантѣ писателя, Карамазовъ могъ бы произвести впечатлѣніе неживаго, выдуманнаго лица, въ родѣ злодѣевъ романтическихъ романовъ или драмъ, воплощеній кровожадности, мстительности и т. п. Огромный талантъ Достоевскаго надѣляетъ эту отталкивающую фигуру настоящей жизнью, показываетъ намъ ее въ обыденной, домашней обстановкѣ, и этимъ вынуждаетъ насъ вѣрить въ возможность, почти въ необходимость существованія такого человѣка, въ которомъ только усилены тѣ свойства, какія мы чувствуемъ въ другихъ людяхъ и въ самихъ себѣ. Обаяніе таланта автора заставляетъ насъ видѣть въ увеличенной порочности Карамазова нѣчто громадное, поражающее насъ своими размѣрами. Эта смѣсь, если можно такъ выразиться, удивленія и омерзѣнія, какое онъ къ себѣ внушаетъ, и составляетъ стимулъ того интереса, какой для насъ сосредоточивается въ немъ. И авторъ заботится, повидимому, только о томъ, чтобы его оживить, чтобы представить въ самомъ жизненномъ и реальномъ свѣтѣ всю его безобразную душевную жизнь, а вовсе не о томъ, чтобы его очеловѣчить, чтобы показать какія нибудь его смягчающія стороны. И въ результатѣ получается привлекающая своею жизненностью и, въ то же время, отталкивающая своей омерзительностью, немыслимая въ дѣйствительности фигура.

Д. Коропчевскій

Окончаніе будетъ

НА ВЗМОРЬѢ

Меркнутъ радужныя краски
Улетающаго дня,
Какъ обманчивыя сказки
Грезъ, исполненныхъ огня.

Надъ серебряною бездной
Задремавшихъ чутко водъ
Стелетъ пологъ свой беззвѣздный
Величавый небосводъ.

О, померкни, призракъ ложный
Страсти, вѣющей тоской!
Погрузись, мой духъ тревожный,
Въ сонъ безгрезный и нѣмой...

Ѳ. Червинскій

О преподаваніи отечественнаго законовѣдѣнія *)

I

Историческій очеркъ

Ясно сознанные, наконецъ, недостатки нынѣшняго нашего образованія вызвали извѣстныя предначертанія къ ихъ исправленію и къ удовлетворенію дѣйствительныхъ потребностей страны. Закономъ 7 марта 1888 г. призваны къ жизни такъ называемыя *промышленныя училища*, съ общею цѣлью распространенія въ населеніи „образованія техническаго, средней и низшей степени, и ремесленнаго". Отъ самого русскаго общества будетъ въ весьма большой мѣрѣ зависѣть открытіе, развитіе и процвѣтаніе этихъ будущихъ разсадниковъ знаній, столь необходимыхъ для нашей родины съ ея суровою природою и вмѣстѣ съ обиліемъ естественныхъ богатствъ.

Уже одна общая, означенная въ законѣ 7 марта 1888 г., цѣль промышленныхъ училищъ вызывала сочувствіе къ нимъ въ каждомъ, кто сколько нибудь знакомъ со свойствами и нуждами страны и ея населенія. Высочайше утвержденное 26 іюня 1889 г. расписаніе числа часовъ учебныхъ занятій въ промышленныхъ училищахъ дѣлаетъ тѣмъ болѣе желательнымъ успѣхъ этихъ заведеній. Выясняющіеся изъ расписанія виды промышленныхъ училищъ: *среднія* механико-техническія, химико-техническія, строительно-техническія, горнозаводско-техническія, сельскохозяйственно - техническія; *низшія* механико - техническія, химико-техническія, строительно-техническія и *ремесленныя* того или инаго назначенія, — безспорно представляются вполнѣ соотвѣтствующими нашимъ потребностямъ. Судя по предметамъ преподаванія въ проектированныхъ промышленныхъ училищахъ, можно дѣйствительно надѣяться на то, что они послужатъ проводниками нужныхъ для насъ знаній.

*) Настоящая статья предназначалась для прочтенія, въ видѣ доклада, въ съѣздѣ дѣятелей по профессіональному образованію.

Затѣмъ, въ училищѣ, открытомъ въ 1703 г. и извѣстномъ подъ именемъ Нарышкинскаго, преподавали, въ числѣ прочихъ предметовъ, — „изъ философіи дѣлательныя этику и политику".

Очень естественно, что, при своей всеобъемлющей законодательной дѣятельности, при горячемъ и систематическомъ стремленіи къ учрежденію порядка въ управленіи, — Петръ I принималъ мѣры къ обученію правиламъ управленія. Такимъ образомъ, преподаваніе законовѣдѣнія было установлено при военной коллегіи. Генеральный регламентъ 28 февр. 1720 г. допускалъ затѣмъ въ коллегіяхъ извѣстное число, такъ сказать, кандидатовъ на должности, съ тѣмъ чтобы они „обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ во оному коллегіи" (Первое Полное Собр. Зак., № 3534 *). Отсюда табелью о рангахъ всѣхъ чиновъ 24 янв. 1722 г. предписывалось — „капральскіе и сержантскіе чины зачислять тѣмъ, которые учились и выучились подлинно что коллежскимъ правленіямъ принадлежитъ, а именно — опредѣлялось здѣсь точнѣе постановленіе генеральнаго регламента — что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи" (№ 2890). Въ знаніи же всего этого надлежало ихъ „свидѣтельствовать".

Въ регламентѣ духовныя коллегіи 25 янв. 1721 г. предполагалось, между прочимъ, сочинить три „книжицы", изъ которыхъ вторую — „о собственныхъ всякаго чина должностяхъ"... Книжицамъ же этимъ выставлялось желательнымъ дать возможно широкое распространеніе... „А хотя оныя книжицы — говорилось здѣсь — будутъ числомъ три, обаче могутъ во одной небольшой книгѣ вси три вмѣститися, чтобъ малымъ иждивеніемъ могли быть купованы, и не токмо въ церквахъ, но и въ домѣхъ всякого охотника безъ труда употребляемы" (Полн. Собр. Постан. по вѣд. правосл. испов., т. I, стр. 9). Здѣсь же предполагалось открытіе духовной академіи, и въ „регулѣ" 10, въ качествѣ предмета преподаванія, указывалась „политика краткая Пуффендорфова".

Въ герольдмейстерской инструкціи 5 февр. 1722 г. говорилось уже: „И понеже здѣсь еще ученіи не гораздо вкоренились. паче же въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ почитай ничего нѣтъ: того ради пока академіи исправятся, учинить ему краткую школу" (№ 3896). Въ академіи наукъ, основанной въ 1725 г., и явилась послѣ каѳедра правовѣ-

*) Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на *Первое* Полное Собраніе Законовъ будетъ означаться лишь №, подъ которымъ помѣщено въ немъ то или иное постановленіе.

дѣнія, — также какъ въ 1755 г. въ московскомъ университетѣ.

Владимірскій-Будановъ дѣлаетъ такое замѣчаніе по поводу первыхъ попытокъ у насъ къ введенію правовѣдѣнія въ обученіе: „Юриспруденція до Екатерининской эпохи составляла центръ ремесленной русской юриспруденціи: образовательный элементъ въ ней совершенно поглощался практическимъ“ (*Государство и нар. образ.*, стр. 185). Но едва ли справедливъ этотъ приговоръ почтеннаго автора. Петръ I, предпринимая свои широкія и многочисленныя реформы, крайне нуждался въ исполнителяхъ и — естественно — желалъ, чтобы всякое обученіе пріобрѣтало практическое значеніе. Подобное значеніе должна была само собою получить юриспруденція. Но, какъ видно, и до Петра, и при немъ, обученію правовѣдѣнію дается по возможности научно-философское направленіе, и притомъ правовѣдѣніе является предметомъ общаго образованія. Не иное значеніе имѣло оно въ славяно-греко-латинской академіи, въ Нарышкинскомъ училищѣ; не иное значеніе должно было получить оно и въ духовной академіи. При тогдашнихъ силахъ и средствахъ, трудно было давать дѣлу такую постановку. Однако школа стремится выполнять свое высшее назначеніе. Она не закрывала практическое обученіе правиламъ управленія. Самообразованіе по прежнему направлено къ усвоенію юридическихъ сборниковъ. Школа же хочетъ дать этому и теоретическую основу.

Екатерина Великая, подобно Петру I, широко смотрѣла на значеніе юридическихъ знаній, на распространеніе свѣдѣній о законахъ страны. Въ знаменитомъ *Наказѣ* ея, 30 іюля 1767 г., данномъ комисіи о составленіи уложенія, находятся слѣдующія замѣчательныя слова, послѣдовательно развиваемыя во всемъ этомъ актѣ: „Законы должны быть писаны простымъ языкомъ, и Уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря. Въ противномъ случаѣ, когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнать слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ въ храненіе законы и толкующихъ оные. *Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей Уложеніе читать и разумѣть станутъ.* И для того предписать надлежитъ, чтобы *во всѣхъ школахъ* учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ...“ (№ 12949). Слова эти, конечно, никогда не потеряютъ своего значенія. Истинность ихъ не можетъ быть опровергнута. Справедливость доказывается наукою.

Планъ воспитательнаго коммерческаго училища, 6 декабря 1772 г., заключалъ въ себѣ „свѣдѣнія изъ правъ и экономіи государственныхъ“ (№ 13916). Такимъ образомъ, было положено, между прочимъ, основаніе преподаванію правовѣдѣнія въ коммерческихъ училищахъ, которыя до сихъ поръ и остаются вѣрными этому предначертанію Екатерины Великой.

Уставъ народнымъ училищамъ въ имперіи 5 августа 1786 г. предписывалъ преподавать „книгу о должностяхъ“ человѣка и гражданина въ главныхъ народныхъ училищахъ (№ 16421).

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра I, явился законъ объ устройствѣ училищъ 26 января 1802 г. Въ учреждавшихся при этомъ уѣздныхъ училищахъ вводились „наставленія въ должностяхъ человѣка и гражданина“. Въ гимназіяхъ подлежали преподаванію политическая экономія и коммерція, обнимавшія собою многое и изъ области собственно юриспруденціи. „Сверхъ того — говорилось въ § 35 — будутъ читаемы и переводимы сочиненія, служащія къ образованію сердца и подающія чистое понятіе о законѣ божіемъ и *гражданскихъ обязанностяхъ*“ (№ 20597).

Далѣе, уставъ или общія постановленія императорскаго виленскаго университета и училищъ его округа, 18 мая 1803 г., учреждалъ какъ въ уѣздныхъ училищахъ, такъ и въ гимназіяхъ должность преподавателя „нравоученія“ (№ 20766). Тутъ, очевидно, подразумѣвалось и право. Помимо же того, новый законъ объ устроеніи училищъ въ округѣ виленскаго университета устанавливалъ преподаваніе „права или закона“ (постановленіе это не носитъ числа утвержденія верховною властью, но помѣщено оно въ П. П. С. З., послѣ закона 20 августа 1804 г., № 21428).

Закономъ 16 апр. 1804 г. была учреждена коммерческая гимназія въ Одессѣ, съ весьма широкою постановкою преподаванія права. Въ числѣ предметовъ ученія значились: „должности человѣка и гражданина...“ „основанія естественнаго права...“ „коммерческія и морскія права...“ (№ 21266).

5 ноября 1804 г. былъ утвержденъ замѣчательный уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ (№ 21501). Учреждались гимназіи и училища. Гимназіямъ ставилась при этомъ двоякая цѣль: 1) „*приготовленіе къ университетскимъ наукамъ* юношества, которое, по склонности къ онымъ или по званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствовать себя въ университетахъ; 2) преподаваніе наукъ хотя начальныхъ, но *полныхъ* въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои, не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсть свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка“.

Такимъ образомъ, въ числѣ предметовъ преподаванія значились: „статистика общая...“ „начальныя основанія политической экономіи...“ „естественная исторія...“ „начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли...“ Распредѣленіемъ же предметовъ преподаванія по классамъ опредѣленно указывалось, что во 2-мъ классѣ ученики занимаются „психологіею и нравоученіемъ“, въ четвертомъ же классѣ посвящается 4 урока или часа „праву естественному“ и 4 часа „праву народному“.

Тотъ же уставъ 5 ноября 1804 г. учреждалъ уѣздныя училища, и въ нихъ, по прежнему, предписывалось сообщать ученикамъ свѣдѣнія „о должностяхъ человѣка и гражданина“. На это отводилось 4 часа.

Выс. утв. 1 сент. 1806 г. докладъ министра народн. просв. объ учрежденіи коммерческой гимназіи въ г. Таганрогѣ также широко ставилъ преподаваніе правовѣдѣнія здѣсь, какъ и въ одесской коммерческой гимназіи. Предписывалось преподавать „наставленія въ должностяхъ человѣка и гражданина...“ „естественныя права...“ „психологію и нравственность...“ „коммерческія и морскія права...“ (№ 22262).

2 мая 1817 г. былъ утвержденъ планъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ (№ 26827). Въ докладѣ исправлявшаго должность мин. нар. просв. говорилось: ... „Въ числѣ высшихъ наукъ будетъ преподаваемо и *правовѣдѣніе* въ различныхъ его отрасляхъ. Наконецъ, для готовящихся къ коммерческимъ занятіямъ доставляется способъ пріобрѣсть достаточныя свѣдѣнія въ правахъ коммерческихъ и мореходныхъ...“ Такимъ образомъ, въ лицеѣ вообще изъ философскихъ наукъ должны были преподаваться... „право естественное и право народное“... Затѣмъ, собственно „въ училищѣ правовѣдѣнія и политической экономіи“ полагалось заниматься въ первый годъ „правовѣдѣніемъ“, въ первые восемь мѣсяцевъ втораго года „политическою экономіею“ и въ остальные 4 мѣсяца „общественнымъ правомъ“... Въ „коммерческомъ училищѣ“ во второй годъ преподавались „коммерческія и мореходныя права“...

Уставъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ университетовъ петербургскаго, московскаго, харьковскаго и казанскаго, утвержденный 8 дек. 1828 г., *исключилъ* правовѣдѣніе изъ числа предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ, одновременно усиливая латинскій языкъ. Не значилось оно и въ общеобязательной программѣ уѣздныхъ училищъ. Но въ послѣднихъ допускались все же, съ особаго разрѣшенія, дополнительные курсы, съ преподаваніемъ... „общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ, порядка и формъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ“, а также...

„основаній коммерческихъ наукъ“ (*Второе П. С.* № 2502 *).

Съ этого времени до 1847 г. преподаваніе законовѣдѣнія учреждается только въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ особыми постановленіями. Такъ, въ учреждавшейся, согласно положенію о закавказскихъ училищахъ 2 августа 1829 г., тифлисской гимназіи устанавливалось преподаваніе ...„начал россійскаго правовѣдѣнія и судопроизводства“ (3060). Воспитанники павловскаго кадетскаго корпуса также должны были изучать „военное судопроизводство и письмоводство“, согласно Положенію 6 апрѣля 1830 г. (№ 3595). Въ томъ же году предписано было преподавать законовѣдѣніе вообще во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ. 29 марта 1839 г. была учреждена 3-я московская гимназія. Въ ней было два курса: а) главный или собственно реальный и б) классическій. Реальный курсъ начинался при этомъ съ 4 класса, и здѣсь ученикамъ, между прочимъ, преподавались „коммерческіе законы“ (12186). Особымъ постановленіемъ отъ 9 марта 1843 г. введено было „россійское законовѣдѣніе“ въ кишиневской гимназіи (№ 16607).

Такимъ образомъ, потребность въ знакомствѣ съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ какъ бы не признается общею съ 18[illegible] года. Законовѣдѣніе оставляется въ то самое время, когда происходитъ усиленная кодификаціонная дѣятельность, — составляются и издаются Полныя Собранія Законовъ, Сводъ Законовъ, Сводъ Военныхъ Постановленій, мѣстные своды и прочіе безсмертные труды Сперанскаго и его помощниковъ... когда также кладется основаніе русской юридической наукѣ, путемъ подготовки нѣсколькихъ профессоровъ, когда затѣмъ пышно расцвѣтаетъ у насъ историческая разработка отечественнаго права, сдѣланнаго общедоступнымъ... Трудно объяснить, какимъ образомъ могло быть покидаемо правовѣдѣніе при такихъ условіяхъ. Однако условія эти вскорѣ же пріобрѣтаютъ совсѣмъ иное вліяніе.

2 сент. 1847 года учреждаются классы „россійскаго законовѣдѣнія“ уже въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ западныхъ и великороссійскихъ гимназіяхъ (№ 21516). Затѣмъ, законъ 1848 г. объ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго края предписывалъ: „Общимъ предметомъ преподаванія въ гимназіяхъ кавказскаго учебнаго округа служатъ: ... 7) *краткая исторія законодательства, основные законы, учрежденія государственныя и губернскія, законы о состояніяхъ, законы гражданскіе и уголовные*

*) Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на *Второе* Полное Собраніе Законовъ будетъ означаться лишь №, подъ которымъ помѣщено въ немъ то или иное постановленіе.

практическое судопроизводство"... (№ 22838). Такимъ образомъ, тутъ явно сказалось и историческое направленіе быстро развивавшейся юридической науки, и вліяніе Свода Законовъ, вышедшаго передъ тѣмъ уже вторымъ изданіемъ: съ одной стороны вводится *исторія права*, съ другой же учреждается преподаваніе дѣйствующаго права по системѣ Свода. Латинскій языкъ дѣлается при этомъ необязательнымъ. Кромѣ того, и въ уѣздныхъ училищахъ также учреждается преподаваніе „краткихъ понятій о канцелярскомъ обрядѣ".

Наконецъ, закономъ 21 марта 1849 г. измѣняются §§ 145 и 235 устава гимназій и училищъ, уѣздныхъ и приходскихъ. При этомъ воспитанниковъ, намѣревающихся вступить по окончаніи курса въ гражданскую службу, предписывалось обучать „россійскому законовѣдѣнію, преподаваніе коего — говорилось здѣсь — будетъ по возможности вводимо во *всѣ* гимназіи" (№ 23113).

Министерство нар. просв. съ видимымъ интересомъ и взялось за осуществленіе этой мысли.

Нижеслѣдующія слова немедленно же выработанныхъ учебнаго плана и инструкціи преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ 1849 года никогда не потеряютъ, конечно, своего значенія.

„Необходимость знанія въ особенности основныхъ законовъ имперіи всѣми ея подданными *не подлежитъ сомнѣнію*" — категорически говорилось въ планѣ устройства преподаванія законовѣдѣнія (Сборн. распор. по мин. нар. просв., т. II. стр. 1079).

Въ этихъ видахъ устанавливалось преподавать изъ законовѣдѣнія въ качествѣ существеннаго: 1) законы основные; 2) учрежденія вмѣстѣ съ уставомъ о службѣ гражданской; 3) законы о состояніяхъ; 4) законы гражданскіе и судопроизводство; 5) законы уголовные и полицейскіе и судопроизводство уголовное.

Такимъ образомъ, и здѣсь, очевидно, сказывается вліяніе системы Свода. Сперанскій разсчитывалъ эту систему такъ, чтобы она облегчала преподаваніе. Предположенія его вполнѣ и оправдались.

Какая цѣль приписывалась при этомъ преподаванію законовѣдѣнія? По замѣчательнымъ словамъ инструкціи, двоякая: „1) сообщать молодымъ людямъ ясныя и твердыя понятія о тѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ, которыя они должны будутъ исполнять, какъ члены государства вообще и какъ русскіе подданные въ особенности; 2) приготовлять ихъ въ частности къ *достойному прохожденію* различныхъ должностей государственной службы, по назначенію правительства или по выборамъ сословій"...

Что же касается до времени, посвящавшагося законовѣдѣнію, то на него отводилось въ трехъ высшихъ классахъ гимназій по 4 урока, продолжавшіеся по 1¼ часа, или по 1½ уроковъ для одного класса.

Казалось бы, трудно было отступить отъ началъ столь явныхъ, простыхъ, необходимыхъ, не подлежащихъ спору и опроверженію.

Тѣмъ не менѣе, законъ 19 ноября 1864 г., учреждая реальныя и классическія гимназіи, не указывалъ уже законовѣдѣнія въ числѣ предметовъ преподаванія. Только въ § 41 предписывалось: „Въ гимназіяхъ, и классическихъ, и реальныхъ сообщаются ученикамъ высшаго класса, предъ выпускомъ, директоромъ или, по его выбору, инспекторомъ или однимъ изъ учителей, въ краткомъ изложеніи, по особо составленному, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, учебнику или руководству, понятія о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ имперіи, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ“ (*Собр. узакон. распор. прав.* за 1864 г.) Это было, очевидно, законовѣдѣніе,—но установляемое въ качествѣ какого-то случайнаго частнаго предмета, между прочимъ, безъ особаго преподавателя. Притомъ изъ основныхъ законовъ подлежали преподаванію почему-то только законы, касающіеся верховной власти. Вскорѣ же воцарился строго выраженный и безпощадно проводимый классицизмъ, и — отечественное законовѣдѣніе потеряло всякое имя и значеніе...

Уставъ 30 іюля 1871 г. гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, при подавляющемъ числѣ уроковъ латинскаго и греческаго языковъ, вовсе ни въ какомъ смыслѣ не заключалъ уже въ себѣ законовѣдѣнія (*Собраніе узак.* 1871 г.).

Не значилось законовѣдѣніе также и въ числѣ предметовъ преподаванія реальныхъ училищъ по закону 15 мая 1872 г. о преобразованіи въ нихъ реальныхъ гимназій...

Такимъ образомъ, въ то время когда осуществлялись важнѣйшія реформы въ странѣ и шла усиленная законодательная дѣятельность, направленная частью къ созданію самоуправленія и общественной самодѣятельности — въ это же время какъ разъ оставляется совершенно преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какихъ-либо понятій о законахъ родины, какъ старыхъ, такъ и новыхъ... Законовѣдѣніе оставляется даже въ военно-детскихъ корпусахъ, преобразованныхъ въ военныя гимназіи по закону 15 октября 1866 г., будучи установлено, впрочемъ, въ военныхъ училищахъ, по положенію о нихъ 20 іюня 1...

г., — но въ видѣ болѣе или менѣе спеціальнаго предмета — начальной военной администраціи и собственно военнаго законовѣдѣнія. Тѣ же предметы учреждались въ пажескомъ Е. И. В. корпусѣ по положенію 18 янв. 1870 г. Новый уставъ московскаго коммерческаго училища 17 апр. 1876 г. по прежнему заключалъ въ себѣ „правовѣдѣніе".

Законовѣдѣніе сохраняется также въ теченіе всего этого времени въ сельско-хозяйственныхъ, горныхъ и лѣсныхъ профессіональныхъ училищахъ, — такъ что и положеніе о земледѣльческихъ училищахъ 23 мая 1878 г. требовало „краткаго изложенія законовъ, необходимыхъ для сельскаго хозяина" (*Прод.* 1879 г. къ т. VIII).

Итакъ, преподаваніе законовѣдѣнія въ семидесятыхъ годахъ было въ значительной степени — за рѣдкими исключеніями — покинуто. Въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія его не существовало болѣе. Какіе размѣры принялъ въ эти годы непоколебимо господствовавшій классицизмъ, и какое впечатлѣніе производило на русское общество послѣдовательное проведеніе классической системы — это слишкомъ свѣжо въ памяти каждаго.

Но — законовѣдѣніе составляло предметъ слишкомъ жизненный, для того чтобы надолго заглохнуть...

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ десятилѣтіи обнаруживается благотворный поворотъ:

Закономъ 27 дек. 1883 г. были призваны къ жизни низшія сельскохозяйственныя школы перваго и втораго разряда, въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ. Притомъ въ школахъ перваго разряда, въ числѣ предметовъ преподаванія, значились — „главнѣйшіе законы, относящіеся до крестьянскаго быта".

Закономъ 19 апр. 1888 г., въ томъ же вѣдомствѣ предположены низшія лѣсныя школы (№ 61). Въ названныхъ же школахъ подлежатъ преподаванію — „свѣдѣнія изъ законовъ и дѣлопроизводства".

По выс. утв. 5 янв. 1889 г. новому Положенію о пажескомъ корпусѣ, „законовѣдѣніе" было сдѣлано общеобразовательнымъ предметомъ, помимо „воинскихъ уставовъ" и „военной администраціи", какъ наукъ спеціально военныхъ.

21 марта того же года послѣдовало высоч. соизволеніе на преподаваніе началъ законовѣдѣнія во всѣхъ вообще кадетскихъ корпусахъ, въ кои превратились прежнія военныя гимназіи по закону 14 февр. 1886 г. Повелѣніе 21 марта 1889 г. остается еще необнародованнымъ, и о немъ мы узнаемъ изъ брошюры г. Лалаева — „Основы законовѣдѣнія, какъ предметъ общаго образованія". Между тѣмъ съ нынѣшняго учебнаго

года уже начато преподаваніе законовѣдѣнія въ корпусахъ, по особо составленному учебнику — „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи; курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ". Собственно же предположенія о преподаваніи законовѣдѣнія въ военныхъ гимназіяхъ возникли еще съ 1880 г.

Въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще до текущаго года возникли, повидимому, предположенія объ обращеніи къ законовѣдѣнію, какъ предмету преподаванія испытанному, естественному, необходимому, значеніе котораго никакъ не можетъ быть затемнено. Это именно отразилось, какъ мы увидимъ въ концѣ, на учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ, утвержденныхъ министерствомъ и изданныхъ въ 1886 г. Законъ 9 іюня 1888 г. о преобразованіи реальныхъ училищъ, однако, не указывалъ еще на правовѣдѣніе. Расписаніе же часовъ учебныхъ занятій въ промышленныхъ училищахъ 26 іюня 1889 г. заключало уже, какъ мы знаемъ, прямо *узаконенія*, въ качествѣ особаго предмета преподаванія.

Нельзя не обратить вниманія на то, что, при этомъ обращеніи къ законовѣдѣнію, въ настоящее же время ослабляется, по крайней мѣрѣ, грамматическое преподаваніе древнихъ языковъ и пересматриваются вообще программы гимназическаго обученія... Оба эти явленія возникаютъ одновременно. Грамматическое изученіе мертвыхъ языковъ ослабѣваетъ, идеальная постановка собственно классическаго образованія невозможна, и — изученіе живаго отечественнаго законодательства усиливается. Такъ оно и должно быть, — если припомнить изложенную выше краткую исторію предметовъ общаго нашего образованія... Исторія эта даетъ основаніе надѣяться и на еще большее *усиленіе* значенія законовѣдѣнія, въ виду обратно-пропорціональнаго отношенія его къ мертвымъ языкамъ.

Нельзя и не пожелать, чтобы подобный необходимый предметъ въ скорѣйшемъ же времени всталъ на подобающую ему высоту!..

II

Значеніе законовѣдѣнія

Страна наша должна управляться на твердомъ основаніи законовъ — съ одной стороны, съ другой же — невѣдѣніемъ законовъ никто не можетъ отговариваться. Поэтому законы объявляются во всеобщее свѣдѣніе. Затѣмъ они приводятся въ порядокъ и выпускаются особыми книгами въ общую продажу, по цѣнѣ однихъ издержекъ печатанія. Частнымъ лицамъ и обществамъ и всѣмъ періодическимъ изданіямъ предостав-

ляется, кромѣ того, полная свобода перепечатывать обнародованные законы. Весь смыслъ основныхъ законовъ нашихъ въ этомъ отношеніи ясно направленъ къ тому, чтобы законы, издаваемые для общаго руководства, и были извѣстны всѣмъ.

Но русское законодательство весьма обширно. Оно также обширно, какъ обширна сама страна, раскинувшаяся въ двухъ частяхъ свѣта. И юридическіе вопросы русской жизни чрезвычайно сложны.

Оттого же учреждать юридическій порядокъ въ подобной странѣ со столь разнообразными интересами, отношеніями и условіями — особенно трудно. Тутъ невозможно полагаться на многочисленный составъ чиновниковъ. Невозможно разсчитывать на строгій и дѣйствительный надзоръ. Весьма многое въ подобной странѣ съ ея необъятными пространствами будетъ всегда разрѣшаться само собою, по силѣ общественнаго настроенія, независимо отъ власти, по непосредственному сознанію гражданъ.

Значитъ, у насъ, въ Россіи, болѣе нежели гдѣ либо, порядокъ зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ развито правосознаніе въ самомъ населеніи, насколько сами граждане понимаютъ свои права и обязанности, насколько они охотно исполняютъ обязанности и сознательно пользуются своими правами.

Развитіе же правосознанія въ населеніи находится въ прямой зависимости отъ распространенія юридическихъ знаній. Школа и должна содѣйствовать развитію такихъ знаній. Невозможно предоставлять каждаго своимъ силамъ. Законодательство столь обширное, какъ наше, не можетъ быть усвояемо легко и просто каждымъ желающимъ. Оно требуетъ для этого большаго труда, руководствъ, пособій, наставленій. Какже школа можетъ выпускать питомцевъ своихъ совершенно безпомощными и невѣжественными въ области столь важной, въ дѣлѣ столь трудномъ? Многіе ученики дѣлаются потомъ сами примѣнителями закона; уставъ же о службѣ гражданской (ст. 75) и зерцало, находящееся въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, устами указа Петра Великаго отъ 22 января 1724 г. — вмѣняютъ каждому, состоящему на службѣ, въ *непремѣнную обязанность* — „вѣдать *всѣ* уставы и государственные..." Подобное же требованіе не можетъ и не должно оставаться мертвою буквою. Школа должна идти навстрѣчу къ нему. Она должна давать извѣстныя возможныя для нея средства и указанія къ тому, чтобы ея питомецъ отвѣчалъ строгому требованію закона, какъ служащій, и не отговаривался незнаніемъ закона, какъ гражданинъ, какъ частный человѣкъ.

Необходимость же въ юридическихъ знаніяхъ встрѣчается постоянно. Они имѣютъ предметомъ право и законъ, какъ безу-

словную форму права, какъ преимущественное его выраженіе. Кто же не употребляетъ словъ „вправѣ“, „въ полномъ правѣ“, „законно“, „незаконно“, „власть“ и т. д.? Кто не различаетъ въ общемъ смыслѣ права и не права, не разумѣетъ о существованіи дозволеннаго и запрещеннаго, объ искѣ и жалобѣ? Нѣтъ такого ограниченнаго ума, такой узкой области жизни, такого ничтожнаго дѣла, — при которыхъ человѣкъ не задумывался бы прямо надъ юридическими вопросами и не рѣшалъ бы ихъ самостоятельно, по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Но допустимо ли, чтобы люди, прошедшіе школу, не находили въ вынесенныхъ изъ нея знаніяхъ никакой помощи, никакого указанія для разрѣшенія такихъ важнѣйшихъ вопросовъ? Какимъ же образомъ школа можетъ не принимать никакихъ мѣръ къ преподаванію своимъ питомцамъ правильныхъ понятій о законѣ, — когда государство всею системою обнародованія и изданія законовъ стремится дѣлать ихъ общеизвѣстными? Какже школа можетъ противорѣчить этому основному стремленію государства и не заботиться о созданіи средствъ къ осуществленію его цѣлей, соединенныхъ съ изданіемъ законовъ?....

Н. Дружининъ

Окончаніе будетъ

ПРИГОВОРЕННЫЙ КЪ ПОЖИЗНЕННОЙ КАТОРГѢ

РОМАНЪ

ЮНАСА ЛИ

Переводъ съ норвежскаго

Окончаніе

Мадамъ Хольманъ — она жила въ сосѣдней улицѣ — проходила въ сумерки мимо лавки какъ разъ въ ту минуту, когда Барбро стояла на лѣстницѣ и осматривала свои новыя владѣнія при тускломъ свѣтѣ, падавшемъ изъ заставленнаго товарами окна.

»Старой знакомой не слѣдуетъ проходить мимо! она должна зайти выпить чашечку кофе, — онъ только что вскипѣлъ, — если хочетъ быть доброй сосѣдкой!«

Мадамъ Хольманъ, конечно, имѣла свои взгляды на то, что здѣсь увидѣла, но предпочла не высказывать ихъ на этотъ разъ, и — распивая кофе — посвятила Барбро во всѣ обстоятельства своей жизни, съ тѣхъ поръ какъ умеръ ея мужъ...

— О-хо-хо! Не опрокидывайте вашей чашки, мадамъ! выпейте еще одну!

Мадамъ Хольманъ ни капельки не постаралась сдѣлать третью чашку менѣе печальной, чѣмъ первыя двѣ. Во все время разговора ея сѣро-желтые глаза пытливо бѣгали кругомъ и втягивали въ себя мысли о расточительности Барбро, о ея неумѣньѣ хозяйничать, какъ губка втягиваетъ воду. Но, уходя, она тѣмъ не менѣе очень любезно высказала намѣреніе быть постоянной покупательницей Барбро.

Силли Хольманъ какъ разъ стояла передъ прилавкомъ —

она пришла купить полкружки крупы — когда Барбро вдруг замѣтила появившагося въ дверяхъ Людвига Вейерганга.

Онъ и прежде былъ добръ къ Барбро и, проходя два раза въ день мимо ея лавки, всегда кивалъ ей головой, если она стояла въ ту минуту на лѣстницѣ. Но такъ мил, какъ сегодня!.. Барбро была этимъ сильно тронута; она даже чуть не назвала его, по старой памяти, Людвигомъ, такъ весело подшучивалъ онъ надъ ея торговлей! Онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на Силли, которая все больше конфузилась и краснѣла, и только о томъ и думала, какъ бы поскорѣй получить изъ рукъ Барбро свертокъ съ крупой. Истомленный жарой, Людвигъ снялъ шляпу со своихъ блестящихъ кудрей и стоялъ тамъ красивый и статный.

Силли не смѣла взглянуть на него, — но все таки разслышала что-то на счетъ того, что веснушки неопасны при такихъ черныхъ глазахъ, — и торопливо выбѣжала изъ лавки.

Мнѣніе Барбро насчетъ поведенія Силли (до такой степени покраснѣть и растеряться изъ-за нѣсколькихъ невинныхъ словъ милаго барина!) сынъ ея услышалъ въ тотъ же самый вечеръ. Молодая дѣвушка должна была стоять скромно и тихо, а не убѣгать, какъ полуумная; послѣ этого она можетъ ожидать, что всякій мужчина покажетъ ей себя, какъ есть!

— Николаю, сказать по правдѣ, и вниманія-то не стоитъ обращать на эту тощую, черную, неуклюжую дѣвчонку, которая прыгаетъ по двору въ короткой юбчонкѣ и не стыдится даже бѣгать по краю канавки — точно канатная плясунья! И знаешь, Николай, пока онъ стоялъ тамъ въ дверяхъ, мнѣ пришло въ голову, что навѣрно онъ не откажется одолжить мнѣ 15 риксдалеровъ, въ которыхъ мнѣ теперь такая нужда! Но онъ ушелъ раньше, чѣмъ я успѣла хоть слово сказать объ этомъ.

— Занимать у него!?.. Нѣтъ, матушка, я самъ принесу тебѣ деньги, если ты подождешь немного; отъ меня ты можешь взять ихъ также спокойно, какъ отъ него.

— Да, хорошо, что ты остался у меня, Николай! растрогалась Барбро. — Сейчасъ я угощу тебя славнымъ кофе со свѣжими булочками съ корицей, которыя что-то не продаются сегодня.

— Нѣтъ, спасибо, матушка, отвѣтилъ Николай пасмурно; онъ былъ уже въ дверяхъ.

Вечеромъ ему посчастливилось встрѣтиться съ Силли. Она была въ этотъ вечеръ необыкновенно радостная и оживленная.

— Я убѣжала своей дорогой; даже и не посмотрѣла на него! Или ты, можетъ, хотѣлъ бы, чтобы я осталась? шутила она.

Николай былъ въ минуту обезоруженъ, такъ сердечно звучалъ ея смѣхъ.

Но когда онъ возвращался домой, то все время видѣлъ передъ собою наглые глаза Вейерганга, его курчавую голову, и — виноватъ ли онъ былъ въ этомъ? — ему чудилось, что онъ уже обмоталъ одну изъ шелковистыхъ прядей вокругъ своихъ пальцевъ...

Николаю не нравилось, что Силли такъ легко смотритъ на вещи; не нравилось также, что она сокращала время вечернихъ встрѣчъ ради работы въ господскомъ саду, а приходя оттуда, только и говорила о томъ, былъ ли тамъ молодой Вейергангъ или не былъ, и что онъ сказалъ, и что она подумала, и какъ отнеслась къ этому Кристофа; казалось, будто она теперь не можетъ говорить ни о чемъ другомъ.

Конечно, въ этомъ еще не было особенной бѣды, разъ она сама болтала и пересказывала ему обо всемъ этомъ.

Но дурно было то, что холодный потъ выступалъ на лбу Николая, когда онъ стоялъ передъ наковальней и размышлялъ... Онъ чувствовалъ себя точно подъ винтомъ пресса...

Почему бѣдный человѣкъ не можетъ спокойно владѣть своимъ? Онъ стоитъ тутъ и работаетъ, и куетъ, и трудится, и готовъ отдать послѣднюю каплю крови за возможность жениться на дѣвушкѣ; а другой, у котораго карманы полны золота и который можетъ выбирать любую барышню, — только стоитъ да указываетъ... ту... эту!.. Такіе люди въ сто разъ хуже хищныхъ звѣрей или разбойниковъ!

Время между тѣмъ шло да шло.

Николай благословлялъ осенніе дожди и темень, которые положили конецъ этимъ сборищамъ по вечерамъ; потомъ пришли зимніе дни и снѣгъ

Онъ разсчиталъ, что къ новому году у него будетъ 70 спеціеровъ, добытыхъ, можно сказать, цѣною голоданій и непосильнаго труда; къ этому надо еще прибавить 45 и 12,

что̀ у матери. Маленькую комнатку съ кухней — за дешевую плату помѣсячно — онъ уже присмотрѣлъ, присмотрѣлъ и кое-что для перваго хозяйства.. Когда онъ ссужалъ мать въ послѣдній разъ, она совершенно успокоила его — товары скоро будутъ распроданы, а выручку онъ спрячетъ въ свой карманъ. Теперь, значитъ, все въ порядкѣ, а съ мадамъ Хольманъ дѣла пусть пока останутся на той же точкѣ. Но когда онъ представитъ ей свой аттестатъ, свой капиталецъ и опредѣленный недѣльный заработокъ, который съ новаго года увеличится, — тогда ей по неволѣ придется согласиться.

Въ одинъ изъ дней между рождествомъ и новымъ годомъ Николай отправился къ матери съ цѣлью предупредить ее, что деньги понадобятся ему въ февралѣ. Оттуда онъ думалъ пройти къ мадамъ Хольманъ.

Ему показалось, что у матери явился какой-то растерянный видъ. Ей самой тоже казалось, что она совсѣмъ одурѣла, говорила она; но кофе ея сынъ все таки получитъ; она низачто не отпуститъ его отъ себя съ пустымъ желудкомъ, особенно въ такой великій праздникъ; нѣтъ, она не такъ воспитана!

Ахъ ты, Господи! Неужели же Николаю такъ ужъ непремѣнно нужны эти шиллинги? У нея это совсѣмъ изъ головы вонъ! — она не думала, что такъ скоро... И какъ разъ передъ рождествомъ она должна была заплатить по счету за сахаръ и кофе; она никакъ не думала!.. ей казалось, что этому счету срокъ будетъ только въ Иванъ-день... Но пусть онъ не тревожится; она знаетъ, гдѣ достать деньги; ей стоитъ только завязать ленты парадна чепчика и пройти три шага!

— Ну, ну, пей же, Николай, свой кофе! онъ крѣпокъ какъ гора! Рождество-то вѣдь только разъ въ годъ бываетъ говорятъ у насъ въ деревнѣ... Ты, кажется, все еще боишь за свои деньги?.. О нѣтъ, не безпокойся! Если Барбр твоя мать, обѣщаетъ что нибудь, такъ она и исполнитъ можешь быть покоенъ... Людвигъ такъ хорошо ко мнѣ носится; онъ былъ здѣсь вечеромъ въ сочельникъ, и по этого старой Барбро навѣрно не будетъ отказа въ какъ нибудь шиллингахъ, особенно если я скажу, что они нужн моему сыну!.. Ну, ну, Николай, не хмурься же такъ! вѣ ты слышишь, что получишь свои деньги!.. Съ нами кр ная сила, какъ ты смотришь на меня?!

Николай, ничего не говоря, упорно смотрѣлъ на мать — и Барбро казалось, что это было зловѣщее молчаніе.

— Я пойду сейчасъ же послѣ праздниковъ, Николай. Нѣтъ, никогда бы не взяла я твоихъ денегъ, еслибы знала, что̀ изъ этого выйдетъ!

— Нѣтъ, матушка, деньги ты заплатишь, когда можно будетъ; я съ ними не стану приставать; но если ты только попробуешь клянчить у Людвига Вейерганга, такъ мы съ тобой навсегда разстанемся на этомъ свѣтѣ — да и на томъ я постараюсь быть отъ тебя подальше! теперь ты знаешь, матушка! Спасибо тебѣ за нашу свадьбу! и отъ меня, и отъ Силли!

Онъ вышелъ изъ лавки.

IX

Еслибы Силли не протиснулась ни съ того, ни съ сего, какъ клинъ между стволомъ и корой, — какъ хорошо и беззаботно могла бы жить Барбро! Эту именно дѣвчонку должна она благодарить за то, что лишена поддержки со стороны своего сына, — поддержки, на которую имѣла неоспоримое право; изъ своего заработка онъ отлично могъ бы удѣлять каждую недѣлю что нибудь для ея кассы, въ которой — и почему это такъ случалось? — никогда еще не бывало прибыли.

Вести счетъ тому, что̀ уходило на удовлетвореніе ея собственныхъ потребностей, Барбро постоянно забывала. Съ другой стороны, нельзя было не сознаться, что ея широкое гостепріимство и постоянное »кафе-каляссы« являлись результатомъ очень тонкаго торговаго разсчета: на этотъ расходъ слѣдовало смотрѣть, какъ на предварительную затрату, которая во много разъ окупится пріобрѣтеніемъ новыхъ знакомыхъ и покупателей.

Верстовые столбы уже были засыпаны снѣгомъ, въ поляхъ и по краямъ дороги были наметены высокіе сугробы. Въ то время какъ на улицѣ трещалъ морозъ, тетка Тараль̀дсенъ — та, которая ставитъ рожки и пьявки — и длинная тетка Беккенъ сидѣли въ теплой кухнѣ Барбро и благодушествовали за чашками дымящагося кофе съ ячменныхъ сахаромъ.

Тетка Тараль̀дсенъ распространялась объ уменьшеніи

заработка и о томъ, какъ теперь всякое дѣло идетъ назадъ, между тѣмъ какъ тетка Беккенъ возражала ей, помѣшивая въ чашкѣ:

— Да, да, я тоже помню кое-что о старыхъ временахъ... и не знаю, было ли тогда лучше! Господи помилуй, по моему, пусть всякій думаетъ, какъ хочетъ! здѣсь вся ея худое, желтое лицо съ мигающими глазками расплылось въ широкую улыбку. — Теперь зато дни для работы стали гораздо длиннѣе. Ужасъ! какъ они тамъ всѣ въ деревняхъ сидѣли прежде въ своихъ темныхъ хатахъ, стараясь напрясть и наработать хоть что нибудь при лучинѣ, или съ 3 — 4 часовъ вечера заваливались на печь да зѣвали, пока не приходило время идти мѣнять скоту подстилку! А теперь керосинъ всѣхъ ихъ съ печи поднялъ... Теперь какъ будто солнце и вечеромъ свѣтитъ, и бѣдный человѣкъ можетъ заработать себѣ лишній шиллингъ!

— Ну, я не нахожу, чтобы отъ этого стало лучше, стали только дольше сидѣть, играть въ карты и пьянствовать по кабакамъ!

— Тамъ не керосинъ, тамъ газъ! Да и онъ иногда очень полезенъ — вотъ хоть бы на фабрикахъ, для уличныхъ фонарей...

— И для танцевъ, и для грѣха.

Тетка Беккенъ совсѣмъ опустила носъ въ чашку, чтобы набраться силъ для вѣскаго возвращенія; но въ эту минуту въ лавку вошла Анна Гревераъ — она смотритъ за порядкомъ на церковномъ дворѣ, и при ней надо говорить осторожно.

— Спасибо за приглашеніе! Она ничего не имѣетъ противъ чашки горячаго кофе въ такой страшный морозъ. У нея сегодня тяжелый день — богатыя похороны; впрочемъ сосѣдки вѣрно сами слышали сильный звонъ какъ разъ въ полдень? Это былъ необыкновенный человѣкъ. Анна Гревераъ начала распространяться на эту тему и даже приводила отрывки изъ надгробной рѣчи, въ которой выяснялось значеніе покойника, какъ человѣка и гражданина. Надъ могилой говорилось много рѣчей, и было безсчетное количество черныхъ шляпъ, а вѣнковъ столько, что гроба совсѣмъ не было видно! — Да, мы ужъ третьяго принимаемъ съ новаго года, вздохнула она.

— Вотъ вѣдь, право, не знаешь, каковъ былъ человѣкъ

пока онъ не умретъ, вмѣшалась тетка Беккенъ. — Еслибы онъ дѣлалъ хоть немного добра бѣднымъ, такъ о немъ, можетъ, еще и при жизни запѣли бы... Оно, можетъ, все, что про него говорили, и вѣрно, но... она медленно отхлебнула изъ чашки.

— Тетка Беккенъ всегда хочетъ имѣть свое собственное мнѣніе! замѣтила тетка Таральдсенъ и ловкой фразой свела разговоръ на фабричныя дѣла. Вчера вечеромъ она возвращалась домой, держа въ рукахъ банку съ пьявками; кажется, если знаешь, что не встрѣтишь на пути ни разбойниковъ, ни грабителей, такъ можно бы спокойно идти своей дорогой! Но по улицамъ, съ крикомъ и гамомъ, катаются на салазкахъ фабричныя дѣвки, и то и дѣло наѣзжаютъ на людей... У нея изъ рукъ выбили банку, и еслибы не луна — она навсегда бы простилась съ пьявками! Это налетѣли на нее Кристофа, Калла и Гунда, а Силли, точно привидѣніе, скользнула сзади на своихъ длинныхъ ногахъ. Хольманшѣ, которая такъ слѣдитъ за благочестіемъ, не мѣшало бы полюбоваться, что выдѣлываетъ по вечерамъ ея собственная дочка!

— Я непремѣнно схожу какъ нибудь посмотрѣть: это, должно быть, преинтересно! Съ вами обошлись, конечно, очень дурно... Но молодежи нужно движеніе... а между тѣмъ смѣю спросить — тетка Беккенъ наложила одинъ указательный палецъ на другой: — смѣю спросить, какже имъ веселиться, если танцовать онѣ *не* должны, кататься на салазкахъ *не* должны, гулять *не* смѣютъ?

Но тутъ тетка Таральдсенъ совсѣмъ разсвирѣпѣла:

— Если теперь считается приличнымъ для порядочныхъ дѣвушекъ съ шумомъ и крикомъ бѣгать по улицамъ, такъ это вѣрно по самой послѣдней модѣ, придуманной теткой Беккенъ! Еслибы посмотрѣть хорошенько за угломъ, такъ тамъ, можетъ, нашлось бы и цѣлое стадо гусаковъ!

— Гораздо лучше было бы ихъ и бранить за это, а не бѣдныхъ дѣвочекъ! не вытерпѣла и тутъ тетка Беккенъ: — хороши всѣ они, и кассиръ изъ магазина, и красавецъ-волонтеръ, и молодой Вейергангъ со своими товарищами!

Барбро стояла въ эту минуту у прилавка съ покупателемъ, но не могла не вмѣшаться въ разговоръ. Она не позволитъ дурно отзываться о своемъ Людвигѣ; она знаетъ его

лучше, чѣмъ кто нибудь, — недаромъ въ продолженіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ день и ночь была около него!

Еще долго распространялась бы она на эту тему, еслибы за спиной ея не стоялъ нетерпѣливый покупатель, требовавшій чернаго гороху.

Тетка Таральдсенъ опять вернулась къ тому, какое безобразіе, что изъ каждой калитки высовываются дѣвичьи лица; она-то хорошо знаетъ всѣ эти штуки — каждый день проходитъ мимо. Анна Гревераъ ей поддакивала, и снова началось перемываніе косточекъ. Среди дѣвушекъ оказались такія, о которыхъ и говорить не хотѣлось; были такія, которыхъ приходилось говорить возбуждающими интересъ намеками и недомолвками, — и, наконецъ, были такія, о которыхъ можно было говорить только гадательно, такъ какъ о нихъ, въ сущности, нечего было сказать ни дурнаго, ни хорошаго.

Барбро запоминала все, что говорилось о Силли, считая своимъ долгомъ открыть Николаю глаза насчетъ того, что онъ дѣлаетъ, собираясь жениться на такой дѣвушкѣ.

Пользуясь каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ Барбро стала указывать Николаю на соблазны и опасности, которыми окружена всякая фабричная дѣвушка. Инстинктивно она была настолько осторожна, что никогда не называла прямо Силли, чтобы онъ не могъ принять это за сплетню: но намеки ея, тѣмъ не менѣе, дѣлали свое дѣло.

И сегодня вечеромъ мать навела разговоръ на ту же тему, а сынъ сидѣлъ пасмурный и прислушивался къ шуму, доносившемуся съ улицы.

Одна ватага за другой стремглавъ мчалась на маленькихъ салазкахъ — точно тѣни, облитыя луннымъ сіяніемъ: бо́льшая часть катающихся состояла изъ фабричныхъ подростковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, но кое-гдѣ виднѣлись также группы господъ изъ нижняго города.

Николай не могъ отвести глазъ отъ кухоннаго окна и подъ конецъ пересталъ даже отвѣчать на вопросы матери, сидѣвшей у стола и что-то шившей при свѣтѣ лампы.

Тамъ, на горкѣ, стояли Кристофа и Калла, болтая, смѣясь и перекидываясь шуточками съ прохожими. Они навѣрно ждутъ кого нибудь? Можетъ, Силли? Должно быть дѣло только за тѣмъ, кто изъ нихъ первый наберется хра-

рости пойти просить »милую, добрую, дорогую мадамъ Хольманъ«, чтобы она отпустила Силли просидѣть вечерокъ у подруги... Вѣчно ложь и обманъ!

А немного поодаль стояла небольшая кучка цилиндровъ...

Барбро положила шитье на колѣни.

— Прекрасныя зрѣлища можно видѣть тутъ каждый вечеръ, и даже ночью, пока свѣтитъ мѣсяцъ, замѣтила она.

Кровь горячей волной прихлынула къ сердцу Николая: если Силли тоже тамъ, на улицѣ, такъ ни ему, ни его молоту не стоитъ больше работать!.. Да вотъ и она идетъ и оглядывается, ища подругъ.

— Прощай, матушка! вдругъ проговорилъ Николай и выбѣжалъ на улицу.

— Ты, Николай!? вскричала захваченная врасплохъ Силли. — Не видалъ ли ты Кристофы и Каллы? мнѣ хотѣлось бы поболтать съ ними... Нѣтъ?.. Знаешь, какъ я удрала? Мать послала меня поискать на дворѣ кошку, которую сама же я спрятала въ сѣняхъ подъ корыто. Только бы она не вздумала тамъ замяукать!

Силли вертѣлась при этомъ во всѣ стороны, и ея длинная тѣнь такъ и бѣгала по снѣгу.

— Ишь какія, вѣдь просила ихъ подождать меня!

— Ну, что за бѣда, если и ушли!

— Какъ что за бѣда?! я должна была встрѣтиться съ ними, и если онѣ еще не были здѣсь, такъ навѣрно придутъ и будутъ ждать; а мнѣ, видишь ли, ужъ пора домой — мать, чего добраго, еще вздумаетъ пойти искать меня!.. Послушай, Никъ, будь добренькимъ! — она схватила его за куртку и начала тормошить: — поди, отыщи ихъ и скажи — съумѣешь ли ты только хорошенько объяснить? — что сегодня мнѣ надо смирно сидѣть дома... Ну, а потомъ... скажи только, что весь конецъ недѣли мать будетъ на стиркѣ у Антонинсенсовъ, ужъ онѣ тамъ поймутъ. Смотри только, исполни это, Николай, чтобы онѣ на меня не пеняли!

Николай не былъ равнодушенъ ни къ ея ласкѣ, ни къ ея красотѣ; но и то, и другое произвело на него совершенно обратное дѣйствіе. Пока она стояла и теребила его за куртку, онъ все время прислушивался къ голосамъ на дорогѣ.

— Такъ вотъ оно какъ! ты ужъ хочешь, какъ видно, совсѣмъ развернуться, Силли? Ты только позволь имъ зама-

нить тебя къ себѣ!.. Но честную дѣвушку не должна манить такая жизнь, добавилъ онъ тихо.

— Честную дѣвушку, честную дѣвушку! Такъ честной дѣвушкѣ, по твоему, совсѣмъ и веселиться не надо? Удивляюсь, Николай, отчего ты не обзавелся такой честной дѣвушкой, которая ходитъ прямо, какъ свѣчка, складываетъ руки подъ платочкомъ и только *нечаянно* попадаетъ на кутокъ, а на салазки такъ даже посмотрѣть боится, такая она ужасно честная!.. Да, ты вѣрно такую хочешь! А пока ты цѣлый день будешь стучать молотомъ въ кузницѣ, она тоже зароется въ работу и, стоя на четверенькахъ, будетъ гнуть спину надъ корытомъ; вотъ это было бы хорошо, совсѣмъ по твоему!.. А я тебѣ скажу, что еслибы не было удовольствій, такъ не стоило бы и на свѣтѣ жить!

Онъ покачалъ головой: — еслибы еще хоть не было волковъ, которые воютъ тамъ на дорогѣ! Но видишь ли, эти волки тоже хотятъ веселиться, и бѣдняки должны крѣпко беречь отъ нихъ то немногое, что у нихъ есть... И если бы ты только захотѣла, Силли, такъ мы могли бы теперь же пойти къ твоей матери, сію минуту даже! Онъ взялъ ее за руку, чтобы исполнить свое намѣреніе.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ, Николай! возразила она испуганно: предложеніе было также ужасно, какъ неожиданно. — Нѣтъ, нѣтъ, и не думай объ этомъ! просила она шопотомъ: — вспомни о матери! Развѣ ты забылъ, какая она? Теперь не время, лучше какъ нибудь потомъ, въ добрый часъ, когда ужъ можно будетъ сыграть свадьбу!

— Въ добрый часъ? Для меня никогда не наступитъ добрый часъ, Силли; лучше я теперь же попытаю счастья!

— А что будетъ мнѣ потомъ отъ *нея*?.. и ты совсѣмъ не такъ одѣтъ!.. да еще вечеромъ!

— Ого, вотъ какъ!.. Ничего, не пугайтесь, г. Николай. Дайте мнѣ собственными глазами полюбоваться, какъ онъ уважаетъ свою мать, бѣдную безутѣшную вдову!

Это былъ голосъ мадамъ Хольманъ, выглянувшей изъ калитки.

— ... Я думала, что ужъ пережила самое худшее, когда умеръ Хольманъ!.. я не ожидала, что меня постигнетъ еще стыдъ ловить свою собственную плоть и кровь на улицѣ, на свиданіи! Вотъ ужъ никогда не повѣрила бы, что этотъ человѣкъ осмѣлится даже близко подойти къ моему дому

А тебѣ, Силли, я еще задамъ!.. Ну, маршъ домой! слышишь, сію же минуту!

Еслибы можно было собрать въ одно мѣсто всѣ блестки краснорѣчія мадамъ Хольманъ, то образовались бы настоящія золотыя розсыпи; тутъ было и оскорбленное материнское достоинство, и досада, и презрѣніе, и ненависть, и угроза, такая уничтожающая, что Силли чуть не упала на колѣни.

Николай теперь былъ гораздо сдержаннѣе, чѣмъ въ прежнія времена; это происходило оттого, что теперь были другіе люди, кого онъ боялся больше, чѣмъ мадамъ Хольманъ. Поэтому онъ не позволялъ себѣ выйти изъ терпѣнія.

— Я всетаки попрошу позволенія войти къ вамъ, мадамъ Хольманъ, потому что я вовсе не намѣренъ простоять весь вечеръ здѣсь на снѣгу, а у меня есть къ вамъ дѣльце.

— Оно, можетъ, не настолько длинно, чтобы нельзя было переговорить о немъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ? сердито возразила мадамъ Хольманъ. — Поди сюда, Силли!

— Нѣтъ, оно не такъ длинно, но мнѣ придется поговорить еще кое-о-чемъ, что̀ относится къ дѣлу!

Пока мадамъ Хольманъ тщетно старалась зазвать дочь и захлопнуть калитку, Силли оправилась наконецъ отъ испуга и замѣшательства и приняла свое рѣшеніе: ей оставалось только закрыть глаза и дѣйствовать заодно съ Николаемъ; она смѣло взяла его подъ руку.

— Да, мадамъ Хольманъ, какъ сами видите... Мы всегда шли съ ней вмѣстѣ, еще когда были совсѣмъ маленькими... И я шелъ именно съ тѣмъ, чтобы спросить, можемъ ли мы надѣяться на согласіе мадамъ? Съ моимъ аттестатомъ... и съ моимъ заработкомъ... котораго я никогда не пропиваю...

Теперь Силли дѣйствовала съ отчаяннымъ мужествомъ; она потащила за собой Николая и мать, такъ что они всѣ трое — мадамъ Хольманъ совершенно противъ своего желанія — очутилась сначала во дворѣ, а затѣмъ и въ домѣ, гдѣ вопросъ неминуемо долженъ былъ окончательно выясниться.

Пока Силли, закрывъ лицо руками, безмолвно сидѣла въ самомъ темномъ уголку, а Николай спокойно продолжалъ свою рѣчь о томъ, сколько онъ получаетъ, и о возможности для него сдѣлаться въ скоромъ времени мастеромъ, — мадамъ Хольманъ успѣла принять гордую и воин-

ственную осанку и высокомѣрный тонъ. — Николай, ка-
жется, воображаетъ, что можетъ отнять отъ нея дочь, н
дожидаясь даже, скажетъ ли она на это »да« или »нѣтъ«.
И чѣмъ, спрашивается, должна жить бѣдная женщина, у
которой мужъ умеръ, а дочь, — прямая обязанность котор
содержать свою мать, — отказывается отъ этого, потому чт
ей хочется выскочить замужъ за подмастерья? а этотъ под-
мастерье не можетъ даже назвать при вѣнчаньѣ своего отц

Она стояла, готовая не на жизнь, а на смерть защищат
свои материнскія права, — какъ вдругъ новая блестящ
мысль озарила ея мозгъ; ея глаза прозрѣвали будущее...
Если Николай добьется со временемъ того положенія, о к
торомъ мечтаетъ, такъ вѣдь она, въ случаѣ нужды, могл
бы впослѣдствіи переѣхать къ нему и провести остатокъ
жизни на полномъ покоѣ!

Но эта мысль не помѣшала ей тяжело вздыхать, та
какъ она рѣшила возможно дороже продать каждую св
уступку.

Охо-хо! Мадамъ Хольманъ должна сознаться, что о
мечтаетъ совсѣмъ о другомъ для своей Силли!.. Во всяко
случаѣ, она и слушать не хочетъ ни о какомъ сватовствѣ
пока Николай не будетъ имѣть столько же, сколько имѣ
женясь, покойный Хольманъ.

— У того былъ хорошій, вѣрный заработокъ и сто и
венькихъ риксдалеровъ; и когда Николай выложитъ на ст
столько же, тогда будетъ еще время поговорить о свадь

Сто риксдалеровъ!.. это было, по крайней мѣрѣ, опр
дѣленное слово!

Не разбирая дороги, прямо черезъ снѣжные сугробы б
жалъ Николай, думая только о томъ, какъ бы сократи
путь къ домику матери.

Ему необходимо было подѣлиться съ кѣмъ нибудь св
радостью и разсказать, что онъ уже почти обрученъ
Силли — съ согласія мадамъ Хольманъ!

Та же мысль — что это вполнѣ совпадаетъ съ ея ин
ресами — посѣтила и Барбро, лежавшую въ постели и р
думывавшую надъ послѣдней новостью. Барбро даже пр
сѣла на постели отъ этой блестящей мысли.

Тогда вѣдь она можетъ переѣхать къ Николаю! Эта т
говля совсѣмъ ее съѣдаетъ!.. Въ головѣ Барбро никакъ

могла умѣститься мысль, что, напротивъ, она съѣдаетъ торговлю.

Она ясно представляла себѣ, какъ хорошо будетъ и для нея, и для Николая, если она во-время броситъ торговлю, и какую помощь она окажетъ совершенно неопытной въ хозяйствѣ Силли; а когда нибудь, можетъ, и на сторонѣ удастся заработать шиллингъ-другой... Она всегда скажетъ, что сынъ долженъ заботиться о матери!

Слѣдующее воскресенье мадамъ Хольманъ была приглашена на кофе къ Барбро. Но такъ какъ она не произносила ни слова о сватовствѣ, то и Барбро молчала. Только разъ навела она разговоръ на Николая, и къ слову прибавила, что осенью, вѣроятно, ея квартира освободится, такъ какъ она думаетъ перебраться къ сыну; это и неудивительно, нисколько, принимая во вниманіе, какъ долго они были разлучены.

Почему мадамъ Хольманъ сейчасъ же погрузилась въ задумчивость и поблагодарила хозяйку — она не хочетъ больше кофе! — и почему визитъ былъ неожиданно сокращенъ, обо всемъ этомъ мы лучше умолчимъ. Замѣтимъ только, что въ то же мгновеніе между обѣими матерями возгорѣлась скрытая, но упорная борьба, спрятанная, впрочемъ, подъ самой любезной наружностью, особенно со стороны мадамъ Хольманъ.

Приглашенія на кофе повторялись, если возможно, еще чаще прежняго, и Барбро и мадамъ Хольманъ судили и рядили обо всемъ, кромѣ только того дѣла, которое у обѣихъ лежало на сердцѣ, — т. е. своихъ личныхъ плановъ относительно будущаго Николая и Силли.

Этотъ пунктъ онѣ обходили дипломатическимъ молчаніемъ, какъ два шахматиста, которые до тѣхъ поръ не двинутъ своей шашки, пока ясно не поймутъ, чего добивается противникъ. Два шахматиста... Мадамъ Хольманъ, непроницаемая и недоступная, внимательно за всѣмъ слѣдящая своими сѣрыми глазами, холодными и свѣтлыми, какъ дно пивной кружки... и Барбро, толстая, гостепріимная, высокая и неуклюжая, съ расплывшимися чертами, обязательно сворачивавшая въ своихъ бесѣдахъ на то время, когда она служила у генеральнаго консула.

Но относительно одного пункта онѣ обѣ пришли къ единаковому рѣшенію: если самой не удастся переѣхать къ

молодымъ, то, во всякомъ случаѣ, не допустить до этого и соперницу.

Будущія теща и свекровь изо всѣхъ силъ старались сжить другъ друга со свѣта, но дѣйствовали такъ искусно, что ни Николай, ни Силли не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія объ этой упорной, непрерывной борьбѣ.

X

Когда мадамъ Хольманъ увидѣла, на какія штуки способна Силли — она точно съ облаковъ упала! Она рѣшила, что до сихъ поръ была до глупости снисходительна, и что теперь ей слѣдуетъ построже слѣдить за дочкой.

Праздность ужъ принесла свои плоды, и единственнымъ средствомъ къ искорененію этихъ плодовъ можно считать только работу и работу. Слѣдуетъ отыскать какое нибудь дѣло, которое, принося пользу въ хозяйствѣ, давало бы въ то же время Силли занятіе на всѣ длинные весенніе вечера; а главное — нужно немедленно положить конецъ бѣготнѣ за молокомъ и низачто не отпускать Силли изъ дому, кто бы ни просилъ объ этомъ.

Николай скоро замѣтилъ, что положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ признанъ женихомъ. Но хотя теперь ему еще рѣже удавалось видѣться съ Силли, въ сущности всетаки былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ. Ему оставалось только усердно работать, что онъ и дѣлалъ; молотъ и наковальня двигались, точно силою пара. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе, видя, что мадамъ Хольманъ слѣдитъ за нимъ, — значитъ, и за Силли учрежденъ такой же надзоръ! пріятно было думать, что ночной бѣготнѣ съ фабричными дѣвчонками положенъ конецъ...

Но холодный потъ всетаки выступилъ у него на лбу, когда онъ встрѣтилъ однажды молодаго Вейерганга, выходившаго отъ Барбро. Людвигъ равнодушно взглянулъ черезъ плечо на Николая, какъ будто не зная навѣрное, это; слегка кивнувъ ему, онъ крикнулъ Барбро: — »Это есть твой сынъ?«

— Что онъ здѣсь дѣлалъ, матушка?

— Ничего.

— Ты не заняла ли у него денегъ? сердито спросилъ Николай.

— Почему ты думалъ?... Ни одного шиллинга; хотя очень въ нихъ нуждаюсь.

— О чемъ же вы говорили?

— Онъ зашелъ закурить сигару; онъ часто дѣлаетъ это, когда проходитъ мимо. Вѣдь это тебѣ не мѣшаетъ? И не думаю, что лучше было бы, еслибы ты или я запретили ему это!

Послѣднія слова она произнесла, вся вспыхнувъ отъ досады.

— Конечно, я не могу запретить ему; но помни, матушка, что если ты хоть шиллингъ займешь у него, такъ у насъ съ тобой навсегда будетъ порвано!

— Ахъ, Николай, какой ты горячій!.. Нѣтъ, почему тебѣ кажется, что я хотѣла занять у него? и не думала даже!... Въ то же время она повернулась спиной къ Николаю и торопливо сунула за пазуху какой-то предметъ, который до тѣхъ поръ держала въ рукѣ. — Нѣтъ, нѣтъ, право же, и не думала!

— Я слышалъ, онъ говорилъ обо мнѣ?

— Это тебѣ только послышалось.

— Да нѣтъ же, матушка! отвѣтилъ онъ хмуро.

— О тебѣ?.. Ахъ да, это я ему немножко разсказала, какъ ты цѣлый день работаешь изъ-за этихъ несчастныхъ шиллинговъ, которые долженъ представить мадамъ Хольманъ.

Барбро говорила, запинаясь, и глядѣла растерянной.

— Ты и про Силли болтала? строго спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это онъ и раньше зналъ!.. развѣ скроешь что нибудь здѣсь, въ этомъ гнѣздѣ сплетенъ... и также вѣрно, какъ смерть, что это не отъ меня пошло — сегодня, добавила она.

— Ну, объ этомъ ты могла бы говорить. Этому человѣку не мѣшаетъ знать, что дѣвушка ужъ обручена.

— Ну да, объ этомъ-то я, положимъ, говорила; только онъ низачто не хотѣлъ вѣрить!

— Еще бы! Николай стоялъ у окна и размышлялъ... Эти частыя посѣщенія Вейрганга!.. У него, къ тому же, и въ кузницѣ были эти дни непріятности. Было почти рѣшено, что его сдѣлаютъ главнымъ подмастерьемъ; старая мадамъ Юлингсенъ сама не разъ намекала.

Пока все это еще не было рѣшено; торопиться было

некуда — раньше осени все равно нельзя покончить съ этимъ дѣломъ. Но въ послѣднее время Николаю стало казаться, что мадамъ Елингсенъ колеблется. Онъ замѣтилъ также, что въ кузницѣ стали черезчуръ много перешептываться и пересмѣиваться. Но что мадамъ Елингсенъ прямо измѣнила свое намѣреніе, онъ понялъ только тогда, когда одинъ изъ подмастерьевъ насмѣшливо сказалъ ему:

— Навѣрно въ кузницѣ нѣтъ никого, кто бы собирался оказать несправедливость Олафу и вырвать у него изо рта кусокъ хлѣба. А если кто вздумаетъ сдѣлать это, такъ пусть раньше знаетъ, что вся кузница станетъ на сторону Олафа.

Николай отлично зналъ, что всѣ косятся на него, за то что онъ работаетъ, какъ волъ, и, сберегая заработокъ, никогда не принимаетъ участія въ складчинѣ на пиво или водку. Друзей и даже просто товарищей у него никогда не было, и теперь, когда поднялся вопросъ о повышеніи, онъ замѣтилъ, что стали копаться въ его прошломъ, начиная отъ старой исторіи съ полиціей и кончая его дѣтскими похожденіями на лѣсномъ дворѣ.

Эти старыя исторіи были теперь для Николая еще больнѣе. Онъ думалъ, что онѣ давно забыты, — и вдругъ онѣ снова всплываютъ наверхъ. Николай старался принять равнодушный видъ и не показывать, какое страданіе причиняютъ ему эти вновь раскрытыя раны.

Надо, чтобы мадамъ Елингсенъ высказалась опредѣленно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Въ одинъ прекрасный день Николай, съ шапкой въ рукахъ, стоялъ въ комнатѣ хозяйки, чтобы узнать, на что онъ можетъ разсчитывать?

Только послѣ продолжительныхъ и многократныхъ покашливаній, когда мадамъ успѣла уже снять очки, протереть ихъ, снова надѣть, онъ рѣшился наконецъ заговорить. Но и теперь отвѣтъ получился уклончивый. Мадамъ Елингсенъ не хочетъ обидѣть Николая; она знаетъ, какой онъ хорошій кузнецъ!.. Но и Олафа всѣ считаютъ хорошимъ, надежнымъ человѣкомъ. А ей нужны вѣрные люди, на которыхъ она могла бы положиться! Да, да, она совсѣмъ не хочетъ обижать Николая, но все-таки ей придется, пожалуй...

Это былъ отказъ, онъ понялъ, — и опять далеко ушла возможность удовлетворить требованія мадамъ Хольманъ.

Когда онъ вошелъ на другое утро въ кузницу, всѣ бывшіе тамъ, казалось, съ трудомъ удерживались отъ смѣха: они знали, что онъ былъ у мадамъ Елингсенъ и получилъ отказъ. Но если они думаютъ раздразнить или запугать его и довести до того, что онъ самъ отступится, то они сильно ошибаются!

Олафъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, и даже подошелъ къ Николаю, предлагая помочь выковать длинную полосу.

Николай угрюмо повернулъ ему спину.

— Я никогда не вмѣшиваюсь въ чужую работу, но и другимъ не совѣтую совать носъ въ мою, если имъ не хочется, чтобы ихъ спина покраснѣла, какъ это желѣзо! прошипѣлъ онъ, оборачиваясь къ Олафу.

Всѣ точно оцѣпенѣли. За обѣдомъ было много говору и шуму объ этомъ происшествіи. Всѣ своими ушами слышали, какъ Николай угрожалъ Олафу, и Олафъ тоже принялъ всѣ мѣры, чтобы имѣть побольше свидѣтелей: этотъ паренекъ видно способенъ не по одному желѣзу ударять своимъ молотомъ, если удастся сдѣлать это безъ свидѣтелей.

Они могли въ волю болтать про Николая: Николай усердно работалъ, ничего не слыша, не слыша даже, что самъ Хегбергъ сдѣлалъ о немъ какое-то замѣчаніе.

Но одна мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ Николая — онъ пойдетъ къ Хегбергу и спросить, кого изъ нихъ хочетъ тотъ, и тогда Хегбергъ долженъ будетъ отвѣтить.

Между тѣмъ мадамъ Елингсенъ откладывала отвѣтъ недѣля за недѣлей — и такъ прошло два мѣсяца... О чемъ думаетъ старуха?

Наконецъ, однажды, отвѣтъ появился въ видѣ посыльнаго.

Близился вечеръ жаркаго лѣтняго дня. Въ обоихъ этажахъ сѣраго деревяннаго дома, гдѣ жила мадамъ Хольманъ, всѣ маленькія окна были раскрыты настежъ, стараясь забрать въ себя всю прохладу, которой и въ воздухѣ-то было очень мало; обитатели дома сидѣли у оконъ въ самыхъ легкихъ одѣяніяхъ.

Подъ однимъ изъ оконъ нижняго этажа, около самаго погреба, стояла худощавая темноглазая молодая дѣвушка, возясь съ водопроводнымъ краномъ, подъ который она по-

ставила кадку съ бѣльемъ. Вдругъ она пріостановила работать, видимо чѣмъ-то пораженная.

Передъ ней стоялъ Николай въ молодецки надвинутой набекрень плоской шапочкѣ.

— Знаешь, Силли, вѣдь свѣтъ еще хорошъ! Надо только такъ поставить себя, чтобы въ основаніи была честность... У кого нѣтъ отца, тотъ самъ долженъ создать себѣ доброе имя!

— Ты зналъ, Никъ, что матери нѣтъ дома?

— Ну, еще бы! чего я не знаю! Мать сказала мнѣ, что *она* сегодня на стиркѣ у Антонинсенсовъ. Но послушай-ка, Силли, что я тебѣ скажу: вѣдь я сегодня сдѣланъ главнымъ подмастерьемъ у мадамъ Елингсенъ!

— Главнымъ подмастерьемъ? и это правда, Николай? Она опустила руки и съ сомнѣніемъ посмотрѣла на него. — Поди-ка поближе, подставь сюда свое лицо, вымазанное сажей! Она торопливо отодвигала отъ крана кадку съ бѣльемъ. — Ты ужасно черный!... Такъ ты говоришь — главнымъ подмастерьемъ?.. Неужели это правда? Тебѣ непремѣнно нужно помыться; я не могу видѣть, что главный подмастерье такъ выпачканъ въ сажѣ! И она не назначила Олафа?

— Нѣтъ, не назначила!

— И никто не говорилъ о тебѣ дурно, никто не сплетничалъ на тебя мадамъ, какъ прежде?

— Ого, старуха, какъ обожглась на Хегбергѣ, такъ теперь умнѣе стала и ни у кого насчетъ меня совѣта не спрашивала!

— Пожалуй, они будутъ стараться отплатить тебѣ, вѣдь ихъ все будетъ глодать и точить, и сердить, что ты идешь впереди. Они выкопаютъ все старое, что только съумѣютъ найти!

— О-го-го! нѣтъ! Я-жъ тебѣ говорю, что свѣтъ всетаки еще не такъ дуренъ, и старухѣ нужно только, чтобы кузнецъ хорошо зналъ кузницу. Теперь больше нечего бояться — сегодня утромъ ужъ и контрактъ сдѣланъ. А мнѣ это вовсе не лишнее, потому что и тѣ денежки, которыя мать взяла у меня въ послѣдній разъ... фюить!.. пошли по той же дорожкѣ. Она все катится внизъ, все внизъ! Я давно вижу, что ея торговля идетъ не впередъ, а назадъ... да и барыши тоже, вѣрно, заблудились.

— Ну вотъ, теперь ты чистый — даже блестишь!.. Откинь немного волосы... вотъ такъ!.. а то твой чубъ падалъ до самаго носа!

— Да вѣдь я же прибѣжалъ сюда прямо изъ кузницы, торопился разсказать тебѣ обо всемъ. Я заходилъ тоже къ матери и обѣщалъ принести ей макрели на ужинъ. Она говоритъ, что сегодня пришли еще двѣ барки.

Физіономія Силли указывала на то, что это была сенсаціонная новость! Они оба были настоящими дѣтьми города, и извѣстіе о привозѣ макрели навело ихъ на воспоминанія о томъ времени, когда они еще жили на набережной.

Силли нерѣшительно взглянула на Николая.

— А что, еслибы и я пошла съ тобой? проговорила она. — Подожди меня внизу, Николай, чтобы намъ не вмѣстѣ идти по здѣшнимъ улицамъ.

Эта мысль явилась искушеніемъ, которому трудно было противиться... къ тому же, вѣдь онъ сдѣланъ сегодня главнымъ подмастерьемъ!

Силли недолго копалась со своимъ туалетомъ — только накинула синюю полосатую юбку и платокъ на голову — и побѣжала за Николаемъ.

Внизъ они всетаки сбѣжали вмѣстѣ. Она весело болтала, какъ въ дни прежнихъ беззаботныхъ встрѣчъ. Торопливо шли они къ набережной, помня обо всемъ, кромѣ осторожности. Ихъ шаги подымали густое облако пыли, и Николай могъ видѣть только черные глаза Силли, блестѣвшіе даже сквозь пыль.

Всѣ улицы нижняго города были въ этотъ день необыкновенно полны народу, особенно близь рыбнаго ряда. Должно быть, какое нибудь необычайное происшествіе вызвало здѣсь это усиленное оживленіе и движеніе.

На мосту стояла густая толпа и, перевѣсившись черезъ перила, смотрѣла на тѣхъ, кто, подъ шумъ говора и криковъ, старался пробиться сквозь живую стѣну и купить себѣ макрели на ужинъ.

Сѣро-зеленая блестящая рыба, круглая, крѣпкая, движущаяся въ водѣ съ быстротою молніи, съ головой, образующей рѣзецъ для воды, и эластичными плавниками, незамѣтно переходящими въ узкій хвостъ, — эта рыба дѣйствительно уже второй день красовалась на баркахъ у рыбнаго

ряда. Еще вчера утромъ она составляла рѣдкость, доступную только столу богачей; но уже къ вечеру явилось еще судно, — у Валеаринскихъ острововъ былъ необыкновенный уловъ, — а сегодня пришли цѣлыхъ двѣ до краевъ нагруженныя шкуны, такъ что рынокъ сразу переполнился.

Да, дѣйствительно макрель пришла! та макрель, которую можетъ покупать и рабочій. Теперь ее можно было получить за 5 — 6 шиллинговъ штуку, и здѣсь, и въ верхнемъ городѣ. Торговки покупали ее корзинами и разносили по всему городу, до самыхъ отдаленныхъ кварталовъ.

Макрель находила дорогу всюду, во всѣ кухни на взморьѣ, начиная съ большаго величественнаго парохода или фрегата и кончая самой ничтожной баркой, если только на ней жили люди и варили себѣ вечеромъ ужинъ; во всѣ этажи всѣхъ зданій города, начиная съ подвала и кончая чердакомъ. Работники и мелкіе торговцы, мужчины и женщины шли съ одной, двумя или тремя рыбами въ рукахъ, смотря по тому, сколько ртовъ ожидало ихъ дома. По всему городу несся запахъ жареной макрели.

— Надо поскорѣе продать товаръ: стоитъ такая проклятая жара!

— Да, наконецъ-то настало, благодаря Богу, тепло, отвѣтила глухая тетка Андерсенъ, разносившая по городу макрель.

Николай и Силли также подошли къ баркамъ, чтобы урвать и себѣ что нибудь для вечерняго пиршества. Силли недаромъ провела дѣтство на набережной, перехватить лучшую рыбу подъ самымъ носомъ торговокъ не составляло для нея никакой трудности. Она бойко торговалась, совсѣмъ перевѣсившись къ баркѣ.

— Спасибо, тетка, на эту пережженную солнцемъ рыбу я и смотрѣть не хочу! Достаньте-ка вонъ ту, что лежитъ подъ навѣсомъ... двѣ... да, да, эти самыя!

Она взяла ихъ, чтобы лучше разсмотрѣть всѣ достоинства. Николай уже опустилъ руку въ карманъ, но Силли презрительно бросила рыбу назадъ.

— Онѣ стары, какъ улица! глаза покрыты пѣной!

— Да нѣтъ же, онѣ хор...

— Ужъ ты молчи, Николай! Слушайте-ка, тетка, если я возьму этихъ рыбъ, такъ вы должны мнѣ уступить два шиллинга.

Рыбу дѣйствительно уступили за 9 шиллинговъ пару.

— Ну, ужъ ты умѣлый покупатель, Николай! дразнила его дорогой Силли. — А посмотри-ка, какія онѣ большія, свѣжія!

Наверху, на лѣстницѣ стояла Барбро и, держа руку надъ глазами, смотрѣла, не идетъ ли Николай съ рыбой.

Первой показалась тихо и чинно выступавшая Силли; она остановилась поболтать немного съ Барбро; черезъ нѣсколько минутъ показался и Николай съ двумя макрелями.

Силли непремѣнно должна остаться попробовать ихъ, объ этомъ и вопроса быть не можетъ; Барбро слишкомъ гостепріимна, чтобы отпустить ее такъ...

Въ печкѣ у Барбро шипѣла и жарилась макрель. Своеобразный, немного прогорклый запахъ дѣлался все сильнѣе и апетитнѣе. Нужно повернуть ее на сковородѣ, облить жиромъ и опять поставить шипѣть!

Черезъ открытое окно запахъ разносился далеко по улицѣ.

Толстая неповоротливая Барбро никакъ не могла угнаться за расторопной Силли, которая чуть не три раза поворачивала, обливала и снова ставила въ печь рыбу, прежде чѣмъ Барбро одинъ разъ успѣвала подумать объ этомъ.

Широкое, довольное лицо Николая выражало самый неподдѣльный интересъ и вниманіе къ происходившему у него на глазахъ процессу. Вечерняя прохлада начинала уже проникать и въ тѣсно скученные дома, когда тѣ трое усѣлись наконецъ за пиршество.

Итакъ, главный подмастерье!

XI

Запертая въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ она должна была проводить всѣ вечера за работой подъ инквизиторскими взорами матери, Силли хотѣла по крайней мѣрѣ на фабрикѣ наверстать потерянное. Тамъ она, вся дрожа отъ любопытства, слушала пересуды и болтовню своихъ идеаловъ — Кристофы и Гунды, бойкой Лены-шведки и краснорѣчивой Якобины. Если она сама не могла нигдѣ бывать, такъ она должна хоть послушать, какъ веселятся другія. Такимъ образомъ она узнавала жизнь уже изъ вторыхъ рукъ.

Само собою разумѣется, главной разскащицей была Кристофа, умѣвшая самой простой картинѣ придать волшебную

окраску. Проектируемая небольшая прогулка, предполагаемое обрученіе или танцовальный вечеръ — все это въ ея богатой фантазіи превращалось въ дѣйствительность и постоянно группировалось вокругъ какихъ нибудь героевъ — интересныхъ таинственныхъ личностей, изъ которыхъ одинъ былъ съ сигарой, другой безъ сигары, одинъ дѣлалъ видъ, что не знаетъ никого изъ дѣвушекъ, другой кланялся или только улыбался имъ. Въ эти герои избирались то господа изъ города, то какіе нибудь конторщики, которые зачастую даже и не подозрѣвали, что ихъ приходъ или уходъ освѣщался бенгальскимъ огнемъ и многократнымъ эхо отдавался въ сердцахъ фабричныхъ дѣвушекъ. Конечно, находились и такіе, которые не только подозрѣвали объ этомъ, но даже сами старались добиться еще бо̀льшаго.

При способности Кристофы прясть и вязать самые разнородные элементы въ одно, каждый изъ ея разсказовъ представлялъ маленькій законченный романъ; Силли съ жадностью впивала въ себя всѣ эти разсказы и дома, за работой, развивала ихъ все дальше и дальше.

У Силли у самой былъ маленькій романъ, который она хранила про себя: — ни подъ какимъ видомъ не посвятила бы она въ него никого, особенно Николая! Ей постоянно приходилось, покупая что нибудь въ лавкѣ у Барбро, выбирать минуту, когда молодой Вейерангъ не стоялъ тамъ съ сигарой въ зубахъ.

Послѣдній разъ, когда она таки наскочила на него, онъ смѣялся и спрашивалъ, почему это черноглазка вздумала бѣгать отъ него? развѣ онъ такой страшный? Послѣднее время ея совсѣмъ не было видно. Злые языки говорятъ, будто мать посадила ее въ клѣтку, опасаясь какого-то подмастерья — правда ли это?.. Нѣтъ, надо сказать ея матери, что грѣшно прятать дѣвочку, у которой такіе славные черные глазки!...

Эти шутки казались Силли солнечнымъ лучомъ, пробившимся сквозь щели высокаго забора!

По наружности все шло спокойно изо дня въ день — изъ фабрики прямо къ домашней работѣ, и мадамъ Хольмъ была вполнѣ удовлетворена пользой, которую приносила Силли это лѣто. Обращать вниманіе на то, что дочь ея блѣднѣетъ и худѣетъ, ей и въ голову не приходило; это доказывало только непривычку Силли къ правильному

уклонному исполненію долга. Но сама Силли горько жаловалась Николаю на свою судьбу каждый разъ, какъ имъ удавалось перекинуться словечкомъ. Она до слезъ раздражалась, говоря объ удовольствіяхъ, которыми пользуются другія — всѣ, только не она! Сначала все свое дѣтство она провела взаперти, а теперь, когда стала, слава Богу, совсѣмъ взрослой дѣвушкой, ее запрягли въ непрерывную работу.

Вскорѣ, однако, ея мысли принимали болѣе веселое направленіе, и она начинала съ жаромъ болтать о томъ, какъ они будутъ веселиться, она и Николай, когда ей удастся наконецъ вырваться изъ дому. Они будутъ жить, какъ всѣ люди, будутъ танцовать, и на лодкѣ кататься по вечерамъ, и ловить рыбу, а по воскресеньямъ уходить съ провизіей въ лѣсъ и кричать тамъ такъ громко, что горы задрожатъ...

Часто она доходила просто до изступленія, а въ глазахъ загорался недобрый огонекъ, особенно когда приходилось приниматься за ненавистную работу.

Николай замѣчалъ, что съ каждымъ разомъ Силли глядѣла все подавленнѣе; теперь онъ уже не могъ представить ее себѣ иначе, какъ съ самымъ жалобнымъ и грустнымъ выраженіемъ лица.

Не оставалось ничего другаго, какъ сжать зубы и еще сильнѣе ударять молотомъ — въ надеждѣ, что съ зимой придетъ освобожденіе!..

Ергина Корнеліуссенъ, дочь сосѣдняго сапожника, была такая тихая, честная дѣвушка! Съ ней Силли смѣло можетъ сойтись, — такъ казалось мадамъ Хольманъ, у которой начинало проявляться сознаніе, что и исполненіе долга должно имѣть свои границы. По воскресеньямъ дѣвушки могли бы посѣщать другъ друга, тѣмъ безопаснѣе, что и тутъ, и тамъ онѣ будутъ подъ надзоромъ. Мадамъ Хольманъ снизошла даже до того, что разрѣшила въ ближайшее воскресенье прогулку въ городъ. Молодые люди всетаки должны имѣть иногда какое нибудь удовольствіе!

Силли цѣлую недѣлю съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала этого воскресенья, а въ желанное утро встала съ большими надеждами на то, что̀ принесетъ съ собой день...

Брюквенный соусъ положительно не хотѣлъ сегодня вариться, и обѣдъ, какъ нарочно, запоздалъ; а потомъ еще цѣлую вѣчность пришлось ждать Ергину, которая все не могла никакъ окончить своего туалета.

Наконецъ [illegible] перетянутая въ таліи и съ густой [illegible].

Какимъ [illegible] были смазаны ея волосы и крѣпко [illegible] объ этомъ мы лучше умолчимъ. [illegible] въ простой соломенной шляпѣ и бѣломъ [illegible] воротничкѣ, почувствовала себя на [illegible] всетаки поспѣшно взяла подругу подъ [illegible] — [illegible] повеселятся...

Въ городъ [illegible] почти бѣгомъ, такъ какъ Силли страшно [illegible] придти во-время и взять у дня всѣ его [illegible].

Въ эти праздничные [illegible] часы — аристократическое время — [illegible] въ паркѣ гуляло взадъ и впередъ, по одной и другой сторонѣ, множество разодѣтой публики; Силли и Ергина [illegible] забавлялись разглядываньемъ нарядовъ [illegible] и дѣлились другъ съ другомъ своими [illegible] впечатлѣніями; особенно заинтересовали ихъ вуали, [illegible] которыхъ были перекинуты впередъ и завязаны [illegible] подбородкомъ пушистымъ бантомъ. Эти вуали, вмѣстѣ съ голубыми и розовыми шу[illegible] шляпахъ, составляли для нихъ предметъ глубочайшаго [illegible].

[illegible] шли впередъ, возвращались назадъ, теряли изъ [illegible] и снова встрѣчали тѣ же наряды и тѣ же чопорныя, [illegible] воскресныя лица. Это продолжалось ужъ слишкомъ [illegible] тошноты, долго, и Силли объявила, что имъ надо [illegible] нибудь въ другое мѣсто — предложеніе, бывшее [illegible] Ергины. Рѣшено было пройтись вокругъ [illegible].

[illegible] была не для нихъ; народа въ этой части го[illegible] очень мало; изрѣдка только встрѣчались [illegible] истомленныя жаждой фигуры, видимо незнав[illegible] дѣлать въ этотъ воскресный вечеръ, [illegible] или сидѣвшія подъ деревьями. Часовой [illegible] протяжное: »на ка-ра-улъ!« Все это произ[illegible] тоскиваго зѣвка цѣлаго города.

[illegible] заливѣ стояли лодки и корабли [illegible] парусами... Здѣсь не было ни[illegible] направились къ биржѣ. Тамъ тож[illegible] и безлюдье. Корабли словно вы[illegible] по улицамъ!

Усталыя, вспотѣлыя и истомленныя жаждой, онѣ все-таки продолжали свою прогулку по улицамъ, пока не попали въ толпу, со всѣхъ сторонъ стремившуюся къ пароходной пристани, гдѣ ежеминутно отчаливающіе и причаливающіе пароходы перевозили желающихъ на острова.

Мнѣнія раздѣлились. Ергина находила, что здѣсь слишкомъ многолюдно, и, пожалуй, неприлично будетъ ѣхать на пароходѣ теперь, когда уже начинаетъ смеркаться. Но Силли возражала, что онѣ ужъ довольно находились по улицамъ, и имъ нужно повеселѣе провести то немногое время, которое еще остается въ ихъ распоряженіи. Или, можетъ, Ергина хочетъ идти домой, довольная сегодняшними удовольствіями? Такъ пріятно было бы посидѣть въ прохладѣ на пароходной палубѣ и отдохнуть отъ безцѣльныхъ скитаній по жарѣ!

Скученная на пароходѣ публика скоро очутилась среди зелени острова и въ одну минуту разсыпалась по многочисленнымъ лѣснымъ дорожкамъ. Почти у самой пристани высилось, гостепріимно раскрывъ всѣ двери, большое увеселительное заведеніе, изъ-за забора котораго раздавалась громкая музыка. Силли остановилась было, чтобы бросить туда взглядъ и послушать музыку, но разсерженная Ергина тянула ее за собой: — »Стоять здѣсь порядочной дѣвушкѣ!...«

Силли медлено и неохотно пошла за подругой; она жадно вбирала въ себя возбуждающіе звуки вальса, раздававшагося все время, пока онѣ шли вдоль забора, а кровь все быстрѣе и быстрѣе обращалась въ ея жилахъ подъ тактъ музыкѣ.

Когда дѣвушки дошли до поворота, Силли снова остановилась: она не могла оторваться отъ музыки и страшно возмутила Ергину, подойдя къ забору и стараясь заглянуть во внутрь. Ергина сейчасъ уйдетъ отсюда! У Силли нѣтъ ни капли чести, если она можетъ дѣлать подобныя вещи! Что касается ея, Ергины, такъ она даже слышать не хочетъ о подобной жизни и будетъ какъ можно больше сторониться отъ нея!..

Ергина была взбѣшена. А Силли положительно не могла себѣ представить, почему онѣ станутъ хуже, если постоятъ и немножко послушаютъ! И это всегда такъ — гдѣ весело и пріятно, оттуда велятъ сейчасъ же бѣжать, закрывъ глаза и уши! Зато гдѣ прилично и дозволяется бывать — тамъ всегда такъ мало веселаго! Она готова отдать свой бле-

стящій, новенькій шиллингъ, если Ергина укажетъ ей приличное и въ то же время веселое развлеченіе для ихъ слѣдующаго свободнаго дня! Но онѣ всетаки отправились дальше.

Еще оставалось, по мнѣнію Ергины, время до тѣхъ поръ, пока начнется настоящій разгулъ въ заведеніи, и онѣ употребили это время на прогулки по всевозможнымъ дорожкамъ, неслишкомъ углубляясь, однако, чтобы не потерять изъ виду пристань и во-время присоединиться къ густой толпѣ, съ невозмутимымъ терпѣніемъ ожидавшей обратнаго парохода.

Домой онѣ возвратились разочарованныя и до того усталыя, что Силли, отдавая матери отчетъ въ томъ, гдѣ онѣ были и какъ веселились, неожиданно заснула, сидя на стулѣ.

Музыка звучала и во снѣ, и Силли снилось, что она на балу.

Въ эту сырую холодную осень у Барбро цѣлый день весело потрескивалъ огонекъ, между тѣмъ какъ люди, »не обладавшіе такими хорошими средствами«, еще жались и не начинали топить. Понятно поэтому, какъ пріятно было стоять тутъ передъ прилавкомъ, грѣясь и болтая; но еще лучше было тѣмъ избранныхъ, которые удостоивались приглашенія выпить »чашечку кофейку«.

Но въ послѣднее время обращеніе Барбро было далеко не такимъ ровнымъ, какъ прежде. Расположеніе ея духа постоянно измѣнялось: то она становилась неестественно скупа, считала каждую щепотку муки, каждое кофейное зернышко; потомъ вѣтеръ внезапно мѣнялся, и она дѣлалась необыкновенно привѣтлива и съ гостями, и съ покупателями.

Причину этому можете искать, какую угодно; вѣрно только то, что она часто погружалась въ грустныя размышленія. Счеты за сахаръ, муку, крупу и кофе уже стояли у самыхъ дверей.

Ящикъ для выручки совсѣмъ не оправдывалъ своего назначенія: только нѣсколько несчастныхъ мѣдяковъ гремѣли въ немъ, сколько бы разъ на день ни открывала его Барбро!

Но время шло неуклонно впередъ, а въ домикѣ за фабрикой все также весело потрескивалъ огонекъ, словно въ будущемъ не угрожало рѣшительно ничего. И время дошло, наконецъ, до того, что послѣзавтра наступитъ день уплаты по счетамъ!

Барбро овладѣло совершенно несвойственное ей возбужденіе. Въ надеждѣ получить еще хоть ненадолго отсрочку, она отправилась сегодня послѣ обѣда въ контору кредитора, но получила рѣшительный отказъ. Если она, несмотря на многократныя обѣщанія, опять не заплатитъ, тогда... да, тогда (она и сама должна это видѣть) колесу придется остановиться. Взволнованная этимъ объясненіемъ, не снимая даже шляпки, Барбро яростно металась по кухнѣ, разсказывая обо всемъ Николаю.

Лицо Николая не подавало надежды, что онъ можетъ тутъ чѣмъ нибудь помочь. Онъ сидѣлъ, наклонившись впередъ и крѣпко сжавъ зубы, и смотрѣлъ въ полъ. Вся поза его выражала непреклонность.

Барбро присѣла у печки; она тяжело и протяжно вздыхала. Дѣло дойдетъ до описи, это ужъ непремѣнно... а всего-то и нужно 38 рикдалеровъ!

Николай отлично понималъ, куда метитъ мать; понималъ также, что она ждетъ хоть одного его слова, къ которому могла бы прицѣпиться. Но деньги, которыя онъ копитъ, сидятъ у него теперь гораздо крѣпче, чѣмъ прежде! Онъ знаетъ, чего онъ хочетъ — дай ей потачку, такъ его дѣла вѣчно будутъ идти не впередъ, а назадъ!

Барбро глубоко вздохнула... лучше бы ужъ ей прямо провалиться сквозь землю!

Николай только пощелкивалъ пальцами и съ удвоеннымъ упорствомъ смотрѣлъ въ щели пола.

Когда молчаніе продолжилось уже слишкомъ долго, и Барбро стало ясно, что отвѣта она не получитъ, она принялась плакать. Она всетаки думала — говорила она, всхлипывая — что теперь, когда у нея есть сынъ-работникъ, ей не придется больше быть несчастной сиротой!

— Ты вѣдь знаешь, матушка, какъ трудно мнѣ самому достаются деньги!

Потомъ снова водворилось упорное молчаніе съ одной стороны, и всхлипыванія — съ другой.

— Слѣдовало бы хорошенько подумать, стоитъ ли еще продолжать торговлю, неосторожно вырвалось у Николая.

— Такъ ты лучше хочешь, чтобы меня зарѣзали, какъ корову? возразила Барбро охрипшимъ отъ слезъ голосомъ. — И денегъ-то немного нужно!

— Я только хотѣлъ сказать, что лучше бы кончить в- время.

Но эти слова оказались искрой въ порохѣ; Барбро вск- чила, красная, какъ кирпичъ. Такъ! такъ! теперь ужъ он- хочетъ вдобавокъ, чтобы она закрыла лавку.

Въ эту минуту, тяжело бѣгая по комнатѣ, она дѣйстви- тельно напоминала вырвавшееся на волю полезное, но не- изящное животное, съ которымъ сама себя сравнила.

Не думаетъ ли, Николай, что она сдастся и позволит- сдѣлать аукціонъ насмѣхъ всѣмъ добрымъ людямъ, когда ей стоитъ только пойти и занять у своего милаго Людвига? — нѣтъ, пусть и не разсчитываютъ на это!

Барбро была внѣ себя отъ злости. Она и не подумает- во второй разъ разоряться изъ-за Николая! Довольно, что онъ ее разъ чуть по міру не пустилъ. Да, да, Никол- нечего сидѣть, разиня ротъ, точно онъ самъ этого не зна- Спрашивается, почему ее выгнали отъ Вейерганговъ, — п- ей было такъ хорошо, — если не потому, что Николай п- нялъ руку на сына генеральнаго консула? Да, онъ мож- себѣ сколько угодно удивляться, а все-таки она скаже- что по его винѣ ее выгнали изъ теплаго гнѣзда! А тепе- дошло до того, что Николай, который могъ бы ей помоч- нашелъ себѣ другую и для той копитъ деньги! Но сам- безсовѣстное съ его стороны то, что онъ запретилъ ей об- щаться къ Людвигу, который относится къ ней, какъ р- ной сынъ; а между тѣмъ нужда стоитъ у дверей!.. Но- наплевать на его запрещеніе! Если *онъ* не хочетъ устро- ея дѣла, такъ она пойдетъ къ *тому*, и тотъ навѣрно м- можетъ ей зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Нѣтъ! лож- ея глаза, она не допуститъ до аукціона!.. Она такъ удари- кулакомъ по столу, что всѣ мѣдяки заплясали въ ящикѣ Еще хорошо, что бѣда случилась на этой недѣлѣ, пот- что Людвигъ скоро уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ за г- ницу; это онъ самъ сказалъ вчера ей и Силли.

Николай былъ страшно блѣденъ; губы его нервно с- дергивались, и онъ нѣсколько разъ вытиралъ лобъ рук- Онъ бросилъ долгій взглядъ на мать, точно боясь, не е- ненавидѣлъ ли ужъ онъ ее.

— Я дамъ тебѣ денегъ!..

Николай чувствовалъ, что слезы подступаютъ ему к- горлу, и торопился уйти.

Опять его свадьба отложится до осени! — чѣмъ только все это кончится?

Его дрожащая рука никакъ не могла нащупать дверной ручки.

Обвиненіе, неожиданно высказанное матерью — будто онъ довелъ ее до нужды — новой тяжестью легло ему на грудь и камнемъ давило ее. Николай не могъ освободиться отъ мысли, что отвѣтственность лежитъ на немъ, и совсѣмъ упалъ духомъ. Опять онъ потерялъ цѣлый годъ и долженъ откладывать свадьбу! А если мать опять попросить или, вѣрнѣе, потребуетъ денегъ для своей убыточной торговли — что онъ противъ этого подѣлаетъ?.. Мужество начинало покидать его.

Съ горькими мыслями вкладывалъ онъ теперь каждый шиллингъ въ свою копилку. Опять придетъ его мать и проглотитъ все, какъ она не разъ ужъ и дѣлала, пожравъ предварительно свои собственныя сбереженія.

Прежде онъ всегда думалъ, что если дѣло дойдетъ до разсчета, такъ это онъ можетъ обвинять мать, зачѣмъ она произвела его на свѣтъ, не имѣя возможности указать на отца, а потомъ и совсѣмъ бросила на произволъ судьбы. Но теперь выходило какъ разъ наоборотъ! Мать, со своей проклятой торговлей, являлась зіяющей пастью, готовой поглотить все его счастіе.

Онъ начиналъ тяготиться своимъ существованіемъ.

Но даже и теперь въ немъ несовсѣмъ еще угасла надежда; огонекъ еще тлѣлъ, и только упорная сдержанность Николая, стремившагося честно и безупречно прожить жизнь, мѣшала этому огоньку ярко вспыхнуть.

Неужели онъ допуститъ и Силли скользнуть въ эту пасть?

Отвѣтъ былъ такъ ясенъ, что огонекъ вырвался и вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. — Никогда, никогда, пока въ Николаѣ есть хоть капля крови и жизни!

И какое основаніе имѣетъ мать увѣрять, что онъ — причина ея бѣдствій? Развѣ онъ не долженъ былъ дать сдачи Людвигу? или, можетъ, ему слѣдовало позволить безнаказанно давить и топтать себя, какъ онъ чуть не сдѣлалъ это теперь?! Его мать, здоровая и толстая, весь вѣкъ сидѣла бы со своей торговлей на шеѣ у него и у Силли!.. Не одна она имѣетъ право жаловаться!..

Онъ прибилъ Вейерганга и жалѣетъ только, что не прибилъ его сильнѣе! Если ужъ онъ разъ явился на свѣтъ, такъ и хочетъ быть настоящимъ человѣкомъ, хоть бы ему голову сняли за это! А что касается денегъ въ ящикѣ, такъ ни однимъ шиллингомъ оттуда не раскошелится онъ больше на материнскую торговлю! Если мать будетъ въ нуждѣ, она всегда найдетъ у него пріютъ; но если она вздумаетъ еще разъ помѣшать ему завести собственное хозяйство — тогда...

Съ этой минуты онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Его зовутъ Николай, главный подмастерье въ кузницѣ мадамъ Елингсенъ!

XII

Это случилось зимой.

Настало начало февраля — время ярмарки. Улицы кишѣли народомъ, а снѣгъ превратился отъ усиленной ѣзды въ какую-то кашу.

Пестрые ряды палатокъ тянулись черезъ всю площадь. Трубы гремѣли, клоуны кричали, балаганщики зазывали народъ; звуки музыки смѣшивались съ людскимъ говоромъ, и вся эта атмосфера праздничнаго веселья царила надъ городомъ далеко за полночь. Ревъ трубы и звуки музыки достигали самыхъ отдаленныхъ фабрикъ. Въ нижнемъ городѣ было даже усилено освѣщеніе. Въ воздухѣ носилось какое-то опьяненіе — и только немногіе жаждущіе веселья, но борящіеся съ собой, люди тоскливо сидѣли наверху, тогда какъ большинство густыми толпами стремились внизъ.

Годъ отъ году все разросталась молва о великолѣпіи большаго ярмарочнаго бала, роговой музыки и разноцвѣтныхъ фонарей въ саду, и о щедромъ угощеніи *каксаровъ* *). Искушеніе и соблазнъ...

Уже на второй день ярмарки Кристофа явилась въ необыкновенномъ экстазѣ, держа въ рукахъ деньги для билетовъ себѣ, Гундѣ и Силли и пирожныя для всѣхъ троихъ. Она вела себя очень таинственно и все время болтала о »нѣкоторой особѣ«, которую не смѣетъ назвать.

Силли еще никогда не испытывала такого блаженства.

*) Каxаге — буквально значитъ „важный баринъ“, насмѣшливое прозвище для благородныхъ, посѣщающихъ простонародные балы.

Единственное удовольствіе, которое было ей до сихъ поръ доступно — это стоять снаружи въ густой толпѣ и только издали слышать музыку и любоваться разноцвѣтными фонарями. Теперь, наконецъ, являлась возможность самой попасть туда...

Ахъ, еслибы она смѣла!..

Все утро она ходила безпокойная, съ красными пятнами на щекахъ. Къ обѣду ея мать вернулась изъ города усталая и запыхавшаяся. Ей пришлось обѣщать городовихѣ помочь въ торговлѣ и просидѣть всю ярмарочную недѣлю въ пирожной лавкѣ на площади! нелегко будетъ заработать денежки въ этомъ адскомъ шумѣ и крикѣ, — но она исполнитъ свой долгъ; она никогда не жалуется на усталость, если можетъ заработать хоть шиллингъ! лавочка открыта до 12 часовъ, такъ что ей тамъ и ночевать придется...

У Силли даже въ ушахъ зазвенѣло: — казалось, дверь сама открывается передъ ней! Теперь она можетъ, если хочетъ... Ей даже сдѣлалось страшно...

Когда она шла послѣ обѣда, съ бѣльемъ въ рукахъ по улицѣ, молодой Вейерангъ неожиданно попался ей на встрѣчу и прошелъ совсѣмъ близко мимо нея. Она чуть не вскрикнула. Такъ онъ ужъ, значитъ, вернулся! Она страшно покраснѣла и не смѣла поднять на него глазъ, чувствуя на себѣ его горящій взоръ, но всетаки замѣтила, что онъ улыбнулся ей. Она почувствовала запахъ тонкой сигары и, казалось ей, даже слышала при каждомъ его движеніи шелестъ дорогой матеріи — признаки, по которымъ опытная Кристофа узнавала настоящихъ господъ... Это онъ — теперь она была въ этомъ увѣрена, — прислалъ ей билеты!

Ея сердце билось въ груди, какъ пойманная птичка... Дома она ходила задумчивая, такъ что мадамъ Хольманъ принуждена была наконецъ спросить, осталось ли въ ней хоть сколько нибудь разсудка? Силли осторожно пробралась въ комнату и стала передъ зеркаломъ...

Правда ли, что ея глаза такіе черные?.. Веснушекъ порядочно! Есть какое-то средство противъ веснушекъ?.. Впрочемъ, всетаки не такъ много, какъ кажется въ зеркалѣ, запятненномъ мухами и во многихъ мѣстахъ лишенномъ ртути!..

Мадамъ Хольманъ была сильно удивлена, заставъ Силли старательно вытирающей и чистящей зеркало. И откуда это у дочки взялась такая любовь къ чистотѣ!

Въ третій ярмарочный вечеръ Николай пробирался при свѣтѣ тусклыхъ фонарей къ фабрикѣ. Онъ купилъ рабочій ящикъ, которымъ хотѣлъ поразить Силли — съ зеркальцемъ на крышкѣ. Авось счастіе улыбнется ему, и онъ сегодня же вручитъ Силли шкатулку; какъ легко она запирается — точно масломъ смазана, и какъ славно щелкаетъ замокъ!.. А въ срединѣ лежатъ ножницы и игольникъ. Ключъ будетъ лежать у нея, а шкатулку ему, пожалуй, придется поберечь пока у себя. Онъ обернулъ шкатулку въ платокъ, а сверху положилъ два пирожныхъ. Слишкомъ хитеръ былъ бы тотъ, кто не принялъ бы этотъ узелокъ за свертокъ съ инструментами!.. Онъ заглянулъ въ освѣщенное окно материнской лавочки — не стоитъ ли Силли случайно у прилавка — и пошелъ дальше.

Въ этотъ вечеръ на ихъ улицѣ было необыкновенно тихо и безлюдно, а въ домикѣ мадамъ Хольманъ — насколько можно было разглядѣть черезъ заборъ — свѣта нигдѣ не было видно.

Испробовавъ безплодно всѣ уловки, чтобы вызвать Силли, онъ остановился, поджидая ее, на перекресткѣ дороги, ведущей къ фермѣ. Но сегодня ему не везло, и онъ разгуливалъ одинъ со своей шкатулкой.

На улицахъ было почти темно; свѣтились только небольшіе кружки вокругъ фонарей. Вдали кто-то показался... Это она! Онъ торопливо пошелъ на встрѣчу.

Нѣтъ, это оказалась Якобина, съ которой Силли часто гуляла лѣтомъ. Все равно, онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, узнать что нибудь объ ней.

— Мадамъ Хольманъ, кажется, сегодня нѣтъ дома? спросилъ онъ, кланяясь.

— Нѣтъ; она торгуетъ на ярмаркѣ.

Николай былъ очень обрадованъ заключеніемъ, которое вытекало изъ этого: онъ можетъ прямо пройти къ Силли!

— А когда кошка изъ дома, такъ мыши на столъ! продолжала Якобина. Что подмастерье бродилъ здѣсь ради Силли — это давно всѣмъ было извѣстно, и Якобинѣ представился теперь случай отплатить насмѣшками за то, что подруги получили билеты, а ей пришлось сидѣть дома.

— Силли тоже отправилась на прогулку, сказала она, смѣясь.

— Силли?

— Ну да, конечно. Мадамъ Хольманъ сидитъ на морозѣ и топаетъ ногами въ палаткѣ, такъ почему же ея дочери не дѣлать того же на ярмарочномъ балу? (Якобина старалась блеснуть остроуміемъ). Особенно, если на примѣтѣ есть кто нибудь, кто съ нею потанцуетъ и угоститъ ее! ехидничала она, между тѣмъ, какъ Николай стоялъ, точно оглушенный громомъ...

— Кто научилъ тебя лгать, дѣвчонка?

— Если я лгу, такъ и Кристофа лжетъ! А что Силли, Гунда и она ушли въ городъ, это я видѣла своими собственными глазами... Но, можетъ, они пошли слушать толкованіе библіи, прибавила она, насмѣшливо сощуривъ глазъ.

— Что ты вздоръ мелешь! отвѣтилъ раздраженный Николай.

— Ого-го! размѣялась она: — а *тотъ* тебѣ несовсѣмъ чужой — знатное у тебя родство! По крайней мѣрѣ твоя мать намъ всѣ уши объ этомъ прожужжала лѣтомъ, когда она заставила его заплатить за свое черное платье.

Николай довольно слышалъ. Его мать высосала изъ него всю кровь — и, къ тому же, еще обманывала его. Онъ сразу увидѣлъ мать въ настоящемъ освѣщеніи. Она никогда не была для него матерью — никогда не любила его хоть немного!.. Что бываютъ настоящія матери — въ этомъ онъ долженъ былъ вѣрить людямъ на слово.

Онъ не зналъ, самъ ли онъ догадался объ имени, или Якобина произнесла его, но это ударяло ему въ уши, какъ молотъ о наковальню.

Людвигъ Вейергангъ! Ребенкомъ онъ лишилъ его матери... Неужели ему удастся отнять и Силли?

Наконецъ мысли Николая приняли другое направленіе, и онъ успокоился. Эта Якобина постоянно болтаетъ и лжетъ: все, что она говорила о Силли, все это вздоръ и сплетни... Дѣвушки просто пошли прогуляться на ярмарку, и въ этомъ нѣтъ еще ничего дурнаго; а чтобы отдѣлаться отъ Якобины, которую не хотѣли брать съ собой, онѣ сказали, что идутъ на балъ! Ха-ха-ха! это ужъ навѣрно выдумка Силли! Онъ съ ней посмѣется еще объ этомъ и скажетъ, что онъ сразу догадался, въ чемъ штука!

Николай покачалъ головой; онъ сразу успокоился, и его мысли — горькія мысли — снова обратились къ матери... Но когда онъ дошелъ до перекрестка, то повернулъ почему-то

по направленію къ ярмаркѣ: — быть можетъ, ему пришла фантазія потолкаться тамъ и послушать музыку.

Увлекательный вальсъ изъ увеселительнаго заведенія громко и властно разносился далеко кругомъ. У забора и по всей улицѣ народъ стоялъ густыми массами. При видѣ этого зрѣлища, неизвѣстно почему, безпокойство снова овладѣло Николаемъ. Ряды фонарей, освѣщавшіе входъ, тускло горѣли въ этомъ сѣромъ, холодномъ воздухѣ. Они меркли и тускнѣли то по частямъ, то всѣ сразу, и снова вспыхивали, ярко освѣтивъ на минуту снѣгъ на воротахъ и толпу около нихъ.

Здѣсь Николай могъ идти только шагъ за шагомъ: въ то же время онъ внимательно осматривался кругомъ, словно ища кого-то. Ему довольно было бы увидѣть только неясныя очертанія фигуръ *тѣхъ*, чтобы безошибочно узнать ихъ. Между тѣми, кто стоялъ снаружи, ея было.

... Это было немножко досадно теперь, когда онъ приготовился къ встрѣчѣ съ нею! Онъ уже начиналъ подумывать, не пойти ли поискать ее на площади, и взоръ его равнодушно скользнулъ по саду.

Она? Да, онъ не ошибся — въ саду стояла улыбающаяся и краснощекая Гунда въ круглой шляпкѣ и съ оборывкомъ боа на шеѣ!..

Онъ бросился впередъ, ожидая увидѣть въ слѣдующее мгновеніе и остальныхъ двухъ.

— Есть у васъ билетъ? — для входа въ садъ или на балъ? спрашивали его при входѣ.

Николай охотно взялъ бы и тотъ, и другой билетъ. Изъ денегъ, бывшихъ съ нимъ, хватило только на садовый.

Два ряда лампъ, тянувшіеся отъ входа, указывали дорогу къ биткомъ набитому ресторану, изъ верхняго этажа котораго доносилось крикливое женское сопрано, время отъ времени прерываемое неистовыми рукоплесканьями. Далѣе вертѣлась подъ ревъ трубы переполненная народомъ карусель. Въ саду сплошной стѣной двигалась самая разнообразная и смѣшанная публика.

Николай обыскалъ весь садъ; но на темныхъ дорожкахъ во всѣ стороны разбѣгавшихся отъ главной аллеи, только кое-гдѣ, словно прячась отъ свѣта, бродили какія-то подозрительныя существа.

Балъ происходилъ въ томъ павильонѣ, откуда раздавалась громкая музыка и куда стремилось множество народа.

надѣявшагося попасть вовнутрь или хоть снаружи полюбоваться бальнымъ блескомъ и великолѣпіемъ.

Вся кровь прихлынула къ сердцу Николая, и мертвенная блѣдность разлилась по его лицу, когда онъ медленно и нерѣшительно подходилъ къ этому зданію.

Долго стоялъ онъ, прижавъ лицо къ большому освѣщенному окну и стараясь разглядѣть что нибудь; за занавѣской двигались темныя тѣни — головы и затылки во всевозможныхъ положеніяхъ.

Тамъ, гдѣ занавѣска немного загнулась, онъ опять увидѣлъ круглоголовую Гунду. Ея затылокъ былъ такъ близко отъ него, что имъ овладѣло непреодолимое желаніе выбить стекло и закричать ей: — »гдѣ Силли?«

Онъ чувствовалъ, какъ ужасно дрожитъ полъ подъ ногами танцующихъ, и какъ нестерпимо-оглушительно гремитъ музыка,—и ему начинало казаться, что балъ происходитъ не въ бесѣдкѣ, а у него въ головѣ.

... Голову Гунды смѣнило мужское плечо и часть спины въ сюртукѣ, тросточка, торчащая изъ кармана, и поля слишкомъ знакомой шляпы... Фигура эта курила сигару и наклонялась, словно разговаривая съ кѣмъ-то... Но съ кѣмъ?.. съ кѣмъ?

Прямая высокомѣрная фигура, непривыкшая сгибаться даже въ пяткахъ, принадлежала Людвигу Вейергангу. И эта манера играть лорнеткой!..

Яркій свѣтъ, выходившій сквозь незакрытое шторой пространство, внезапно потускнѣлъ: окно запотѣло. Только когда какая нибудь тяжелая капля не могла удержаться наверху и стекала, соединяясь по дорогѣ съ другими и оставляя за собой прозрачную полоску, только тогда могъ Николай видѣть микроскопическую часть большой залы.

Вейергангъ вернулся на свое мѣсто, а рядомъ съ нимъ на занавѣскѣ появилась тѣнь женской головки, оживленно поворачивавшейся во всѣ стороны. Потомъ фигура съ гростью опять исчезла; Николай рѣшился выжидать. Новая капля потекла по стеклу, и онъ увидѣлъ посреди залы танцующую фигуру и узенькую полоску лица...

Онъ видѣлъ довольно... больше, чѣмъ еслибы можно было освѣтить это зрѣлище тысячью лампъ.

Николай сталъ проталкиваться къ двери. Она безпрестанно отворялась, впуская запасшихся билетами и позво-

ляя на секунду видѣть пеструю группу танцоровъ и ихъ оживленныя потныя лица.

Иногда оттуда выходили парочки и направлялись къ ресторану.

Николай, казалось, не слышалъ ни восклицаній, ни и-смѣшекъ, обращенныхъ къ нему.

— Ну, ну, потише! раздавалось въ толпѣ.

Николай продолжалъ пробиваться, работая локтями... Только бы попасть къ двери!..

— Твой билетъ? спросилъ контролеръ.

Николай не отвѣчалъ.

— Эй, парень, твой билетъ?.. давай билетъ!

Николай продолжалъ идти.

Городовой сдѣлалъ было движеніе; но въ лицѣ Никола было что-то, остановившее вмѣшательство полицейска Молчаливый подмастерье казался способнымъ ударить его.

Двери продолжали отворяться; городовой и контролер рѣшили оставить въ покоѣ этого черезчуръ усерднаго зри теля: можетъ, онъ просто остановился здѣсь поглазѣть, п ходя по своему дѣлу, съ инструментами въ рукахъ; в Николай вдругъ стремительно бросился впередъ, старая насильно ворваться въ дверь.

Контролеръ старался загородить ему дорогу своимъ т ломъ — обѣ его руки были заняты.

Николай замѣтилъ сквозь пріотворившуюся дверь, Силли, улыбающаяся, раскраснѣвшаяся и уставшая танцевъ, шла черезъ залу рядомъ съ Людвигомъ Вейерга гомъ. Небрежно надвинутая на лобъ шляпа, монокль глазу и самоувѣренно-легкомысленное выраженіе лица к норѣчиво говорили, что этотъ человѣкъ считаетъ самы обыкновеннымъ и благороднымъ поступкомъ толкнуть д вушку на погибель...

У дверей начались шумъ и борьба.

— Вонъ его! вонъ его!

Крики были ясно слышны даже въ залѣ. Это явля интермедіей, и публика влѣзала на столы и скамейки, чт только поглазѣть на нее.

Озлобленный и разъяренный, Николай ворвался бы вну еслибы подоспѣвшій околодочный не сталъ въ дверях соединивъ свои силы съ силами городоваго, не оттолкну буйнаго подмастерья. Его единственной мыслью, пока

хладнокровно боролся, было остаться какъ можно ближе къ бесѣдкѣ и не терять изъ виду выхода.

Пусть лучше не пробуютъ выталкивать его. Онъ скорѣй разстанется съ жизнью, чѣмъ уйдетъ *теперь* изъ сада!

Музыка смолкла. Разгоряченная и усталая публика стремилась производительно воспользоваться перерывомъ въ танцахъ. Показались Вейерангъ и Силли, сконфуженная и слегка сопротивляющаяся. Онъ звалъ ее въ ресторанъ.

Неожиданнымъ движеніемъ Николай вырвался изъ рукъ полицейскихъ и однимъ прыжкомъ очутился между Людвигомъ и Силли.

Силли испустила крикъ ужаса, но Николай только взглянулъ на нее и оттолкнулъ за себя, а самъ сталъ лицомъ къ лицу съ Вейерангомъ.

Молодой левъ перемѣнился въ лицѣ и невольно отскочилъ, увидавъ устремленный на него взглядъ бѣшенства и ненависти; но, узнавъ своего стариннаго — еще со школьной скамьи — врага, онъ оправился и насмѣшливо усмѣхнулся. Эта усмѣшка еще подлила масла въ огонь; къ тому же, Вейерангъ, съ крикомъ: — »проклятый негодяй!« — такъ ударилъ Николая тростью, что послѣдняя переломилась надвое.

— Городовой!.. Помогите!.. Караулъ!.. — Николай съ такой силой силой схватилъ Вейерганга, что на изящномъ сюртукѣ не осталось ни одной пуговицы, — но въ ту же минуту былъ окруженъ полицейскими. Тутъ же металась молодая дѣвушка, почти потерявшая разсудокъ. Публика все прибывала и прибывала... Это была ярмарочная драка, въ полномъ смыслѣ слова; къ тому же, еще замѣшалась дѣвчонка!

— Этотъ подмастерье — бѣшеный бульдогъ!..

— Держите его! злобно кричалъ Вейерангъ, чувствуя себя въ безопасности. — Въ тюрьмѣ онъ, можетъ, одумается!.. Намъ ты совсѣмъ ненуженъ, любезный другъ! прибавилъ онъ съ холодной насмѣшкой. — А черноглазая дѣвчонка всетаки славно повеселится на ярмаркѣ!

Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ Николаю удалось выскользнуть; размахивая узелкомъ, такъ что никто не смѣлъ приблизиться къ нему, онъ бросился на Вейерганга и крикнулъ, скрежеща зубами: — ты сказалъ это послѣднія слова въ своей жизни!

Одна рука схватила Вейерганга за горло, а другая со всего размаха ударила его, такъ что онъ только разъ качнулся и тяжело рухнулъ на снѣгъ.

Онъ не вставалъ... не шевелился...

Въ публикѣ поднялось движеніе и раздавались крики. Одни кричали: — »убійство!« другіе совѣтовали послать за докторомъ. Снова заигравшій оркестръ музыки покрылъ весь этотъ шумъ и гамъ. Околодочный старался успокоить умы; осторожныя руки приподняли пострадавшаго, уложили его въ сани и отвезли въ больницу. Тогда все вниманіе публики обратилось на преступника.

Пока успѣли надѣть ему, для безопасности, кандалы на руки и на ноги, вся улица была уже запружена народомъ. Но когда стали втаскивать убійцу въ сани, дѣвушка бросилась къ нему и такъ крѣпко въ него вцѣпилась, что невозможно было оторвать ее. Къ великой радости уличныхъ мальчишекъ, она продолжала висѣть на немъ и тогда, когда его удалось уже впихнуть въ сани.

Сани не могли двинуться съ мѣста... ей даже юбку разорвали!

— Рвите! — дерите! — хоть совсѣмъ стаскивайте съ меня платье!

Мальчишки гоготали...

— Да образумься же, дѣвка! уговаривалъ ее одинъ изъ городовыхъ.

— Вы не смѣете взять его!.. не смѣете!..

Она въ безсильной ярости старалась сорвать съ него оковы. — Это я виновата!.. Скажи же имъ это, Николай! кричала она, обезсиленная — и полицейскій воспользовался этимъ мгновеніемъ, чтобы оттащить ее.

Сани двинулись; Силли побѣжала за ними, сопровождаемая цѣлой гурьбой мальчишекъ. Она видѣла, какъ захлопнулась за Николаемъ дверь полицейской конторы, и не могла помѣшать этому; проходилъ часъ за часомъ, пока полицейскому удалось, наконецъ, уговорить дѣвушку пойти домой.

Она медленно побрела, безпрестанно оглядываясь: на мосту она совсѣмъ остановилась...

Внизу въ темнотѣ что-то такъ странно шумитъ!.. Точно зоветъ ее!..

Она лежала въ постели, подавленная и измученная мыслью о послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собой поступокъ Николая. Время отъ времени изъ груди ея вырывался тяжелый вздохъ... Она видѣла Николая въ оковахъ и еще чувствовала на рукахъ прикосновеніе холоднаго желѣза. Она пришла внезапно къ сознанію, какъ тяжко была виновата передъ нимъ!

Она лежала и словно вглядывалась въ себя... какъ она была суетна и не хотѣла ни о чемъ думать, кромѣ собственнаго удовольствія, между тѣмъ какъ Николай, *ея* Николай, работалъ, копилъ и заботился за двоихъ, чтобы только имъ скорѣе быть вмѣстѣ!

И какъ онъ долженъ былъ безпокоиться за нее! она поняла это тоже только теперь, сразу; какъ будто завѣса спала съ ея глазъ!

Только бы онъ не разлюбилъ ее! Онъ такъ ласково и тепло — такъ что даже теперь, вспоминая объ этомъ, она не могла удержаться отъ слезъ — сказалъ ей два раза: — »поди домой, Силли!«

О, зачѣмъ она не узнала раньше, какъ его любить, а только теперь — теперь, когда ужъ, можетъ, слишкомъ поздно?!

Эта мысль разбудила ея страхъ и вызвала ужасныя картины. Вейерангъ качается и валится на снѣгъ... Закованныя въ кандалы руки Николая высовываются изъ воды около моста...

Она до самаго разсвѣта лежала безъ сна и видѣла все одно и то же... Цѣпи надъ водой... и *тотъ* качается и падаетъ... и опять тоже... постоянно, постоянно тоже...

Она просидѣла въ забытьѣ цѣлый день, пока снова не настали сумерки.

Ея безпокойство тянуло ее къ участку.

У входа были уже зажжены фонари; люди, одѣтые въ форму, торопливо сновали взадъ и впередъ. У дверей сидѣло и стояло въ ожиданіи нѣсколько человѣкъ.

У нея не хватило мужества обратиться съ разспросами. Она долго ходила вокругъ зданія, ничего не замѣчая. Наконецъ ей показалось, что она должна войти; подавленная одной мыслью, дѣлавшей ее нечувствительною ко всему окружающему, бѣлая отъ засыпавшаго ее снѣга, очутилась она, наконецъ, передъ дверьми, куда вводили арестантовъ. Какъ только дверь откроется, она войдетъ.

— Что тебѣ здѣсь нужно?

— Я хочу видѣть Николая.

— Николая!.. Какого Николая?

— Его привели сегодня ночью.

— Убійцу? ты никакъ съ ума сошла, дѣвка! Ты его сестра?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше — потому что онъ скоро готовъ... Сторожъ провелъ рукой вокругъ шеи. — Онъ умеръ, тотъ, котораго избили, — въ полдень — и убійца сидитъ теперь въ цѣпяхъ, подъ строгимъ карауломъ.

Силли не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ она опять очутилась на улицѣ... и что мелкій снѣгъ падаетъ все чаще, сверкая при свѣтѣ фонарей и засыпаетъ ее... она не сознавала, какимъ образомъ снова очутилась на мосту.

Здѣсь ей нужно остаться.

Николай снова выплылъ, съ кандалами на рукахъ — и позвалъ ее!

На другое утро замѣтили кусокъ юбки, высунувшійся изъ проруби. Голова была вся разбита, ударившись при паденіи съ высокаго моста о край проруби.

Было констатировано, что смерть молодаго Вейерганга произошла отъ удара, пришедшагося какъ разъ по темени. Предубѣжденіе противъ преступника не могло уменьшить отъ поведенія послѣдняго на судѣ. Онъ стоялъ, удрученный скорбью о смерти Силли, и отвѣчалъ, что, еслибы у Вейерганга было семь жизней, онъ не оставилъ бы ему ни одной.

На вопросъ о родителяхъ онъ отвѣчалъ сначала незнаніемъ; но когда ему напомнили ближайшія обстоятельства его жизни, то онъ указалъ на толстую женщину, которая сидѣла на одной изъ скамеекъ и плакала.

— Ее зовутъ Барбро... Говорятъ, что она моя мать — но тотъ, кто погубилъ мое счастіе, отнялъ у меня материнскую любовь вмѣстѣ съ ея молокомъ.

Барбро заголосила.

— А отецъ?! — Моимъ отцомъ могъ быть каждый здѣсь въ городѣ! и онъ обвелъ дерзкимъ взглядомъ весь судебный персоналъ.

Для всей публики, собравшейся на разбирательство этого сенсаціоннаго процесса, было ясно, что судъ имѣетъ передъ собою дерзкаго и закоренѣлаго преступника. У самой полиціи хорошо еще сохранились въ памяти его грубость и подозрительное поведеніе во время разбирательства дѣла о покушеніи на воровство. А когда, по необходимости, стали копаться въ его прошломъ, то оказалось, что онъ уже съ дѣтства проявлялъ буйныя наклонности, такъ что возникалъ даже вопросъ о помѣщеніи его въ исправительное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ продолженіе ученическихъ лѣтъ въ кузницѣ Хегберга онъ тоже неоднократно выказывалъ свой буйный и задорный характеръ. Не далѣе какъ въ прошлую четверть, онъ — насколько могли понять свидѣтели — грозилъ Олафу убить его; судьямъ слѣдовало также принять во вниманіе, что убійство было, видимо, совершено съ предвзятымъ намѣреніемъ, такъ какъ онъ выдалъ свое намѣреніе угрозой: — »это послѣднія слова, которыя ты сказалъ въ своей жизни!«

Смягчающимъ вину обстоятельствомъ могло бы служить то, что тутъ замѣшалась любовь, и преступленіе было совершено въ припадкѣ ревности; но, съ другой стороны, оно могло быть разсматриваемо и какъ результатъ старинной ненависти, проявлявшейся уже съ дѣтскихъ лѣтъ.

Николай былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на всю жизнь.

* * *

На валу раздавались выстрѣлъ за выстрѣломъ — стрѣляли въ цѣль... Дальше отрядъ солдатъ выдѣлывалъ различныя упражненія... Громкій звукъ сигальнаго рожка изрѣдка нарушалъ утреннюю тишину.

Небольшая партія каторжниковъ направлялась, въ сопровожденіи конвоя и звеня на каждомъ шагу цѣпями, вдоль вала къ тюремному двору.

Одинъ изъ каторжниковъ замедлилъ шаги и жаднымъ взоромъ смотрѣлъ вдаль. Заливъ блестѣлъ синевой и бѣлыми парусами кораблей; прошелъ пароходъ, оставивъ за собою густой столбъ дыма. Каторжникъ глубоко вздохнулъ; ноздри его раздувались, а на широкомъ лицѣ отразилось волненіе.

Партія отошла уже шаговъ на пять впередъ; одинъ изъ

конвойныхъ оглянулся и съ руганью подошелъ къ № 68, сердито подгоняя его.

— Ты, братъ, кажется, улетѣлъ бы на свободу?

— Я думаю, мы всѣ для этого созданы! отвѣтилъ тотъ горячо.

— Такъ ты бы и велъ себя такъ, чтобы получить помилованіе.

Николай печально покачалъ головой; въ его сѣрыхъ глазахъ блеснулъ огонекъ:

— Еслибы меня и выпустили, я скоро опять вернулся бы сюда... Или весь свѣтъ долженъ сидѣть въ тюрьмѣ, какъ я... Такъ это, вѣрно, всегда и будетъ!

Партія прошла.

1050·324·251

AP
50
.T85
v.5
no.5

ДЖЕКЪ

РАЗСКАЗЪ

Жизнь, не освѣжаемая пріятными впечатлѣніями, становится невыразимымъ страданіемъ.

М. Лермонтовъ

Николай Марковичъ Отрепкинъ — одинъ изъ самыхъ добродѣтельныхъ людей на свѣтѣ. Онъ очень скроменъ, и ничего нельзя представить себѣ умѣреннѣе его жизни. Но развѣ можетъ Николай Марковичъ быть неумѣреннымъ, получая всего восемдесятъ три рубля и тридцать три копѣйки въ мѣсяцъ жалованья? Къ тому же, онъ отецъ многочисленнаго семейства — у него жена, пятеро дѣтей малъ-мала меньше и глухонѣмой братъ. Всѣхъ долженъ содержать Николай Марковичъ — накормить, напоить, одѣть и обуть. Квартирка у него небольшая, на Петербургской сторонѣ, въ деревянномъ домикѣ, но все же четыре комнаты. Жена Николая Марковича все же должна покупать себѣ наряды у модистки, потому что она еще нестарая женщина. Разъ въ мѣсяцъ Николай Марковичъ не можетъ не принять у себя сослуживцевъ и не угостить ихъ колбасой, сыромъ, водкой и пивомъ. Разъ въ годъ, получивъ наградныя, онъ обязанъ повезти жену и подростающую дочь въ Александринку или въ Малый театръ. Ему приходится платить въ гимназію за двухъ мальчиковъ и въ пансіонъ за дѣвочку. Можно сказать, изумительна акуратность Николая Марковича. Должно

быть, онъ во всемъ себѣ отказываетъ и подвергаетъ себя лишеніямъ для того, чтобы возлюбленная семья его не голодала и не холодала и пользовалась даже нѣкоторымъ комфортомъ. Начиная съ десяти часовъ, сидитъ Николай Марковичъ въ казначействѣ и щелкаетъ на счетахъ. Какъ казначей, онъ тоже единственный въ своемъ родѣ. Цифры для него — та же семья. Онъ съ любовью заноситъ ихъ въ соотвѣтствующія графы книгъ и, когда выведетъ ихъ своимъ ровнымъ, красивымъ почеркомъ, то, склонивъ голову на бокъ, всегда полюбуется ими. До пяти часовъ продолжается его служба. Черезъ часъ онъ уже дома, въ кругу своей семьи, и обѣдаетъ. Скроменъ и трезвъ его обѣдъ. Прежде Николай Марковичъ любилъ выпить рюмку водки. Но изъ экономическихъ соображеній онъ пересталъ дѣлать возліянія Бахусу, а съ нѣкоторыхъ поръ бросилъ даже курить. Съѣвъ тарелку щей и полъ-горшка каши или кусокъ мяса, Николай Марковичъ отправляется на боковую и храпитъ до девяти часовъ. Онъ слышитъ сквозь сонъ, какъ дѣти зубрятъ уроки, какъ они капризничаютъ, какъ рычитъ и завываетъ чѣмъ нибудь разгнѣванный глухонѣмой Семенъ Марковичъ какъ Эмилія Александровна успокоиваетъ расходившійся домъ, разливаетъ чай и большимъ кухоннымъ ножемъ самъ рѣжетъ хлѣбъ ровными порціями, чтобы никого не обидѣть. Именемъ Николая Марковича Эмилія Александровна стращаетъ неугомонную дѣтвору и говоритъ:

— Вотъ отецъ встанетъ, онъ вамъ задастъ!

Но покидаетъ послѣобѣденное ложе Николай Марковичъ и съ краснымъ измятымъ лицомъ, зѣвая во весь ротъ, появляется въ столовой. Мало по малу дѣти опять начинаютъ шалить, между тѣмъ какъ на физіономіи Николая Марковича выступаетъ свойственное ему выраженіе сосредоточенности, серьезности и глубокомыслія.

Рѣдко о чемъ говоритъ Николай Марковичъ со своей женой. Шестнадцать лѣтъ какъ они женаты, и за это время они переговорили обо всемъ. Имъ извѣстно, что каждый

нихъ думаетъ, въ чемъ они несогласны между собою и за что могутъ поссориться.

И такъ въ молчаніи проводитъ свой вечеръ акуратный Николай Марковичъ. Когда дѣти лягутъ спать, онъ раскладываетъ пасьянсъ или провѣряетъ какой нибудь казначейскій счетъ. На чтеніе у него нѣтъ времени. Да и не любитъ онъ читать. Да и что̀ читать? Изъ библіотеки брать дорого, а о покупкѣ новыхъ книгъ нечего и думать. Эмилія Александровна уже нѣсколько лѣтъ какъ тоже утратила апетитъ къ чтенію. Во всемъ домѣ книги читаетъ только глухонѣмой Семенъ Марковичъ и добываетъ ихъ отъ хозяйскаго сына. Бѣдный Семенъ Марковичъ считаетъ себя поэтому умнымъ человѣкомъ и, когда дѣти дразнятъ его, онъ многозначительно прижимаетъ палецъ къ наморщенному, какъ у бульдога, лбу и шепчетъ:

— Тюль-тюль-тюль. О!

Тянется скучная, полная заботъ и мелкихъ лишеній, жизнь Николая Марковича недѣли, мѣсяцы, годы.

Николай Марковичъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника, не получалъ выговора по службѣ, и его скоро произведутъ въ коллежскіе асессоры; черезъ пятнадцать лѣтъ онъ дослужится до пенсіи, и на этомъ закончится его служебная карьера. Все, о чемъ мечталъ Николай Марковичъ въ золотую пору расцвѣтающей юности, уже осуществлено. Онъ — классный чиновникъ, у него семья, дѣти и жалкая, но обезпеченная жизнь.

Однако по временамъ, два или три раза въ мѣсяцъ, Николая Марковича Отрепкина начинаютъ одолѣвать тревожныя грезы. Его обступаютъ образы соблазнительные и раздражающіе его воображеніе. Сидя въ казначействѣ за своими цифрами и счетами, онъ вдругъ погружается въ пріятную задумчивость. Фантазія уноситъ его въ міръ, ничего общаго не имѣющій съ его прозаической жизнью. Ему мерещутся смѣющіяся, вычурно и кокетливо одѣтыя женщины, звонъ и громъ музыки, мѣрный шумъ танцевъ, ярко

освѣщенныя залы съ бархатными драпировками, съ лѣпными потолками и стѣнами, съ зеркалами, съ паркетами. Съ утра, придя въ казначейство, Николай Марковичъ уже обнаруживаетъ необычную тревогу и таинственно толкуетъ о чемъ-то со своимъ помощникомъ, накрахмаленнымъ и пестрымъ, какъ кукушка, Ползуновымъ.

Ползуновъ — постоянный посѣтитель клубовъ и маскарадовъ; ему извѣстна вся изнанка Петербурга, всѣ тайны Пассажа, домовъ у Каменнаго моста и танцклассовъ на Фонтанкѣ. Въ карманѣ у Ползунова всегда имѣются входные билеты въ клубы для дамъ, и онъ, въ качествѣ клубнаго завсегдатая, можетъ безплатно ввести въ маскарадъ пріятеля.

Обыкновенно въ четвергъ, когда бываютъ маскарады въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ, Николай Марковичъ объявляетъ дома, что у него ночное дежурство у начальника. Лицо у него становится такимъ озабоченнымъ и серьезнымъ, что Эмилія Александровна не можетъ удержаться отъ вздоха и отъ тихаго проклятія каторжной службѣ.

Пообѣдавъ, Николай Марковичъ прощается съ женой и дѣтьми и уходитъ, унося подъ мышкой портфель, толщина и размѣръ котораго поражали всѣхъ. Глухонѣмой Семенъ Марковичъ при видѣ этого портфеля приставлялъ палецъ ко лбу и кричалъ:

— Тюлю-гу, тюлю!

Пѣшкомъ, не взирая ни на какую погоду, идетъ съ Петербургской стороны акуратный Николай Марковичъ на ночное дежурство. На Невскомъ онъ заходитъ къ знакомому парикмахеру, незамѣтно для публики пріютившемуся въ подвальномъ этажѣ на углу Николаевской улицы. Парикмахеръ, мусье Клодъ, былъ когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ графа Апраксина, женился въ Парижѣ на француженкѣ и теперь доживаетъ свой вѣкъ въ сырой и нетопленой квартирѣ, во время дождей заливаемой водою. У мусье Клода Николай Марковичъ отмыкаетъ свой портфель клю-

чикомъ, который онъ носитъ у себя на груди, вынимаетъ оттуда сѣрый широкій балахонъ съ капюшономъ, обшитый красной каймой, и черную полумаску. Роста Николай Марковичъ трехаршиннаго, и въ своемъ домино онъ кажется гигантомъ. Мусье Клодъ подслѣповатыми глазами осматриваетъ преобразившагося Николая Марковича и одобряетъ его костюмъ.

— Сойдетъ!

— Побольше таинственности, я понимаю! говоритъ Отрепкинъ.

— Главное! совѣтуетъ мусье Клодъ.

— Я вотъ такъ завернусь...

— Браво!

— Иду...

— Превосходно! Голову внизъ. Монахомъ изъ ордена. Пре-вос-ходно!

Собственно говоря, мусье Клоду все равно, хорошо или нѣтъ наряженъ Николай Марковичъ, опуститъ онъ голову или подниметъ; всѣ мысли мусье Клода сосредоточиваются на его правой колѣнкѣ, ноющей отъ ревматизма, и на завтрашнемъ днѣ, когда придетъ дворникъ и станетъ требовать деньги за послѣдніе два мѣсяца. Но мусье Клодъ еще разъ повторяетъ: — »превосходно!« — и казначей, накинувъ шинель сверхъ домино, отправляется въ клубъ.

Для этого ему надо пройти немного. Тиковая палатка въ красныхъ полосахъ и пара фонарей украшаютъ входъ клуба. Когда-то клубъ былъ частнымъ домомъ богатаго барина. Помѣщеніе отличается роскошью, которая опоганивается пьяными гостями въ продолженіе уже многихъ лѣтъ. Всюду мраморныя колонны, скульптурные потолки съ художественными плафонами, рѣзной темный дубъ и червонная позолота.

Николай Марковичъ предъявляетъ въ кассѣ входный билетъ и медлительной поступью, склонивъ голову и скрестивъ на груди руки, проходитъ, въ своемъ смѣшномъ сѣ-

ромъ балахонѣ съ остроконечнымъ капюшономъ, рядъ пустыхъ гостинныхъ и залъ.

Онъ первымъ явился въ маскарадъ.

Но къ одиннадцати часамъ мало по малу наполняется клубъ. Вбѣгаютъ маски въ коротенькихъ балетныхъ юпочкахъ сомнительной бѣлизны, въ костюмахъ Маргариты и Фауста, входятъ сестры милосердія, арлекины и просто горничныя въ неуклюжихъ шерстяныхъ платьяхъ и красныхъ и голубыхъ платочкахъ на головѣ.

Мужчины почти всѣ въ пиджакахъ, они развязны съ масками, говорятъ имъ пошлости и сальности; маски стараются ихъ перещеголять. Гремитъ музыка, и начинаются танцы.

Николай Марковичъ той же неуклонно медлительной и величаво таинственной походкой кружитъ по клубу. Благодаря остроконечному капюшону, ростъ его еще болѣе поразителенъ.

Онъ одиноко возвышается надъ толпой нетанцующихъ масокъ.

Онъ слышитъ за своей спиной смѣхъ на свой счетъ: его называютъ дуракомъ, удивляются его страсти къ маскараду, спрашиваютъ его, что онъ потерялъ и чего онъ ищетъ. Но Николай Марковичъ молчитъ и все ходитъ и ходитъ.

Мужчины угощаютъ дамъ фруктами, лимонадомъ, конфектами. Они курятъ или, остановясь у дверей, пристально смотрятъ на масокъ, стараясь угадать ихъ молодость и красоту по голымъ плечамъ и нижней открытой части лица.

— Господа, знаете, кто это такой? говоритъ одна бойкая маска съ толстыми и бѣлыми, какъ молоко, плечами въ костюмѣ трехлѣтней дѣвочки, позволяющемъ видѣть ея безобразныя слоновьи ноги.

— Это Джекъ-потрошитель!

Раздается дружный смѣхъ. Николай Марковичъ слышитъ, что его называютъ Джекомъ, онъ польщенъ, на него обратили особенное вниманіе, — и его походка становится таин-

ственнѣй. Онъ начинаетъ ходить какимъ-то журавлинымъ шагомъ и такъ низко наклоняетъ голову, что кисточка его остроконечнаго капюшона кажется колющимъ орудіемъ, направленнымъ противъ нарядной толпы.

Отъ времени до времени онъ заходитъ въ закоулки зимняго сада, неровно освѣщаемаго электрическимъ свѣтомъ, въ сталактитовые гроты, и мрачно останавливается, какъ бы съ укоризной глядя на пары, мирно пьющія тамъ чай и пиво, и какъ бы намѣчая жертву преступленія, которое онъ долженъ былъ бы совершить, еслибы дѣйствительно онъ былъ Джекомъ.

Разгорается балъ. Музыка сливается съ громкими разговорами.

Въ столовой поднимается шумъ. Кавалеры ведутъ своихъ масокъ кормить ужиномъ, офиціанты бѣгаютъ, какъ угорѣлые. Маски, которымъ не удалось поѣсть или выпить на чужой счетъ, съ голодной тоской смотрятъ на счастливыхъ соперницъ, стоя группами у дверей и заигрывая съ проходящими.

— Знойный мужчина, не скупитесь! не будьте такъ невѣжливы!

Но, должно быть, всѣ знаютъ этихъ масокъ, и никто за ними не ухаживаетъ.

А Николай Марковичъ все ходитъ да ходитъ; только теперь интересъ къ нему, какъ къ Джеку, упалъ. Зато всѣхъ начинаетъ поражать его неутомимость. Легкое раздраженіе и странное безпокойство испытываетъ клубъ при видѣ этой смѣшной трехаршинной фигуры.

Джекъ не ѣстъ, не пьетъ, не присядетъ, не говоритъ ни слова — можетъ быть, это сумасшедшій?

Два часа. Три часа. Клубъ скоро опустѣетъ. Дамы сняли маски, чтобы показать другія маски, расписанныя румянами и бѣлилами.

Въ танцовальной залѣ огни потушены. Пьяный шумъ и протяжный стоголосный крикъ поднимается въ столовой.

Слышится хлопанье пробокъ, звонъ стакановъ, заливаются глупымъ смѣхомъ охмелѣвшія женщины.

Николай Марковичъ продолжаетъ ходить. Каждыя пять минутъ онъ появляется въ столовой, въ зимнемъ саду, въ полуосвѣщенныхъ гостинныхъ.

— О, чтобъ тебя чортъ взялъ! говоритъ какая-то дама, мимо которой въ сотый разъ проходитъ Джекъ и которая свою сегодняшнюю неудачу страннымъ образомъ приписываетъ вліянію этой несносной фигуры въ балахонѣ.

— Послушай, Джекъ, угости меня хоть ты. Пойдемъ въ буфетъ; поставь пива!

Николай Марковичъ таинственно киваетъ своей кисточкой передъ несчастной дамой; она невольно вскрикиваетъ и отодвигается.

Раздается звонокъ, возвѣщающій о закрытіи клуба.

Счастливый и довольный, Николай Марковичъ покидаетъ, наконецъ, арену своихъ несложныхъ романтическихъ похожденій. Онъ выходитъ въ переднюю и въ послѣдній разъ, скрестивъ руки, стоитъ на площадкѣ и смотритъ, какъ по широкой ярко освѣщенной лѣстницѣ удаляются маскарадныя пары, кто солидно, кто въ припрыжку, позванивая погремушками. Полновѣсная цыганка сбѣжала внизъ подъ руку съ плѣшивымъ черкесскимъ княземъ. Волосатая еврейка, съ дѣловитой рѣшимостью, сошла съ отставнымъ полковникомъ, разбитымъ слегка параличемъ. Маленькая балерина спрыгнула черезъ ступеньку, держа на затылкѣ обнаженныя руки, и ея кавалеръ, тучный старикъ, чуть не упалъ.

Со вздохомъ покидаетъ Николай Марковичъ фантастическій міръ волшебныхъ видѣній. Онъ спускается съ лѣстницы, накидываетъ нараспашку шинель и опять пѣшкомъ идетъ на Петербургскую сторону.

Вѣтеръ дуетъ ему въ лицо, на мосту пронизываетъ его леденящій холодъ.

Продрогшій и иззябшій, возвращается онъ домой. При-

слуга отворяетъ ему дверь; онъ, какъ тѣнь, проскальзываетъ въ свою комнату, сбрасываетъ шинель вмѣстѣ съ домино и быстро прячетъ его въ огромный портфель, на который даже клубный швейцаръ всегда косится съ улыбкой.

Заботливая Эмилія Александровна оставила мужу холоднаго чаю, хлѣба и тоненькій ломоть варенаго мяса съ горчицей. Николай Марковичъ жадно съѣдаетъ этотъ прозаическій ужинъ. Потомъ онъ тихо ложится возлѣ жены, и всю остальную ночь ему снится маскарадъ. Ему чудится, что онъ идетъ по Невскому въ своемъ таинственномъ балахонѣ, и всѣ взоры устремлены на него. Никогда и никому тщеславіе не доставляло такихъ острыхъ наслажденій, какія испытываетъ во снѣ Николай Марковичъ каждый разъ, когда онъ побываетъ въ маскарадѣ.

А утромъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ровно въ десять часовъ уже сидитъ на службѣ и ровнымъ почеркомъ выводитъ свои цифры. На душѣ у него легко, проза его существованія скрашена на всю недѣлю, а — можетъ быть — и на двѣ. Еслибы не болтушка Ползуновъ, никто во всемъ казначействѣ не зналъ бы, что у Николая Марковича имѣется балахонъ, и что въ клубѣ почтеннаго казначея прозвали Джекомъ.

Да и трудно этому повѣрить, глядя на строгое, сосредоточенное, какъ у математика, почти философское лицо Николая Марковича.

І. Ясинскій

* * *

Случалось ли вамъ въ день сверкающаго лѣта
Спускаться по холму иль полемъ проходить,
Когда такъ тихо все и зноемъ все согрѣто,
И на кустахъ видна серебряная нить
Едва колеблемой воздушной паутины?
Когда неслышно стадъ среди нѣмой долины,
И жаворонка трель изъ вышины небесъ
Не льется на землю жемчужнымъ перекатомъ.
И только дышитъ грудь пьянящимъ ароматомъ.
И только вдалекѣ недвижно дремлетъ лѣсъ?
Случалось ли тогда въ мечтательности сладкой
Задумываться вамъ — и въ знойной тишинѣ
Услышать окликъ вдругъ таинственный и кратк.
Рожденный на землѣ, погасшій въ вышинѣ?
И, вашимъ именемъ смущенные невольно,
Не думали ли вы свѣтло и богомольно,
Что это васъ зоветъ угасшій братъ иль другъ?
И, побѣдивъ въ душѣ разсѣянный испугъ,
Не устремляли-ль вы признательныя очи
Въ горячую лазурь, какъ путникъ въ мракѣ но
Услышавшій привѣтъ изъ озаренныхъ вратъ?.
И не спѣшили ли задумчиво назадъ?.. .

К. Фофановъ

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть первая

X

На первый разъ имъ овладѣло какое-то ему самому непонятное смущеніе: онъ не робѣлъ, а конфузился чего-то. Но это продолжалось только нѣсколько мгновеній. Глаза игравшихъ остановились на немъ, и онъ живо оправился, даже молодцовато выпятилъ грудь и постарался придать своему лицу равнодушное выраженіе. »Я имъ покажу, какъ надо держаться«, думалъ онъ и насиловалъ себя. Будь онъ опытнымъ игрокомъ и хорошимъ психологомъ — онъ бы понялъ, что продѣлываетъ все это совершенно напрасно: ни его волненія, ни его спокойствія здѣсь никто бы не замѣтилъ и не оцѣнилъ. Правда, нѣсколько взглядовъ остановились на немъ — но это было безсознательно. Они все равно не видѣли его лица. Они замѣчали на его мѣстѣ какое-то пятно и на этомъ пятнѣ — отблескъ интересовавшаго ихъ золота и ничего больше. Они ощущали и видѣли только это золото, и усилія Льва Станиславовича пропали даромъ.

»На какой нумеръ поставить?« задумался онъ: — »на 5... 7... 12?.. или прямо на чортову дюжину — на 13?.. Не поставить ли на 27?..« Цифры пестрыя, сложныя, яркія перепутывались въ его головѣ, то соединяясь въ длинные

ряды, то разсыпаясь по одиночкѣ и мелькая въ его глазахъ, свѣтясь и искрясь, пропадая и снова проступая... »Впрочемъ, зачѣмъ же на число, не лучше ли на крест Меньше риску... А вѣдь тотъ говорилъ, что новичкамъ всегд везетъ... Когда я родился?.. 13 мая. Поставлю на 13 сразу Подожду пять оборотовъ рулетки. Если тринадцати не выдетъ, поставлю... и сразу золотой... Потомъ можно будет прижаться и ограничиться пятифранковиками. А теперь з лотой...«

Онъ дрожащею рукой вынулъ наполеондоръ и так крѣпко зажалъ его между пальцами, точно кто нибудь с бирался отнять у него монету. Руки его сдѣлались влажны ноги странно слабѣли и подкашивались. Онъ инстинктив оглянулся, ища куда бы сѣсть, но всѣ мѣста были заняты Онъ оперся о кресло дамы, сидѣвшей передъ нимъ, даже плечо ее тронулъ нечаянно. Но она не обратила вниман ей было не до того — еще бы: крупье въ это время пов нулъ машинку, и шарикъ прыгалъ по гнѣздамъ рулетки.

Левъ Станиславовичъ выждалъ пять ударовъ — 13-г не вышло.

Рука его — когда онъ протягивалъ ее къ этой цифрѣ заходила во всѣ стороны; онъ чуть было не попалъ на сѣдній нумеръ. И ему было совѣстно, ему казалось, ч всѣ замѣчаютъ волненіе неопытнаго и робкаго игрока. Чт бы, такъ сказать, возстановить себя въ общемъ мнѣніи онъ вдругъ вынулъ еще два золотыхъ и швырнулъ их туда же, на 13-й нумеръ. И напрасно — его волненіе, с смущеніе пропадали даромъ: никто ихъ не видѣлъ! Видѣ только его золото, слѣдили за его рукою, потому что держала его, и оставили ее въ покоѣ, когда монеты очут лись на нумерѣ. Смецкій могъ бы сосчитать явственны сильные удары своего сердца, пока шарикъ прыгалъ по летткѣ. Вдругъ какое-то красное облако заслонило отъ н и рулетку, и крупье, и блѣдныя возбужденныя лица игра шихъ. Онъ понялъ только, что выпалъ 13-й нумеръ. Е

дѣлъ, какъ ему отсчитываютъ и придвигаютъ лопаточкой столбики золота. Чья-то чужая рука протянулась къ нимъ, дрожащая и влажная... Смецкій съ внезапнымъ порывомъ бѣшеной жадности схватилъ свой выигрышъ и крѣпко зажалъ его въ горсти. »Сколько, сколько...« Это »сколько«, казалось, огневыми буквами врѣзывалось въ его мозгу. »Я поставилъ 60 франковъ, сколько же у меня теперь?.. неужели 2000?.. сразу...« Онъ сунулъ ихъ въ карманъ и недовѣрчиво оглянулся на сосѣдей. Нѣсколько рукъ совсѣмъ уже глупо протянулось къ 13-му нумеру, точно онъ могъ выйти второй разъ... Съ удивительной быстротой и непослѣдовательностью Смецкій сосчиталъ годъ своего рожденія: »1842-й... 1 + 2 + 4 + 8... сколько будетъ?.. 15...« Онъ поставилъ опять два золотыхъ на 15-й нумеръ. Вдругъ что-то толкнуло его, и въ моментъ, когда крупье готовъ былъ открыть рулетку, Левъ Станиславовичъ лихорадочно передвинулъ свою ставку на линію, отдѣлявшую 15-й нумеръ отъ сосѣдняго... Вышелъ сосѣдній... Все опять запрыгало въ глазахъ у Смецкаго. Опять кучка золота, протянутая къ нему, то выростала съ гору, то уменьшалась и казалась огнистою искоркой, да и та искорка гасла. Теперь игроки уже ясно видѣли на его лицѣ отраженіе золота. Теперь они уже горячечными взглядами слѣдили за его рукою. »Какой нумеръ ставить?.. 7... 8... 14?..« ни съ того ни съ сего безпорядочно и безтолково влетало въ его голову и вылетало изъ нея безслѣдно. »7... нѣтъ, на 8... или лучше 14... 15... 16... Поставлю на крестъ.« Какая-то рука протянулась за нимъ изъ-за его спины и бросила на тотъ же крестъ цѣлую горсть золота. Крестъ опять удался. Смецкій выигралъ, но немного. Слѣдовавшій за нимъ опытный игрокъ взялъ нѣсколько тысячъ франковъ. »Какой нумеръ не выходилъ?« задавался Смецкій. И всѣ, понимая, что ему везетъ, удерживали дыханіе, въ ожиданіи, что онъ сдѣлаетъ. »Первый... Поставлю три золотыхъ на 1-й... Авось... авось выйдетъ...« Сморщенная рука сумасшедшей русской со своимъ пятифран-

ковикомъ потянулась за нимъ на его 1-й нумеръ. Кр... швырнулъ туда же и сравнялъ въ одну горсточку лопат... кой нѣсколько золотыхъ. Льву Станиславовичу стало ... садно. Они отнимаютъ у него его счастіе. Они обворо... ваютъ его. Они пользуются его удачей — и, самъ не зна... что онъ дѣлаетъ, онъ вдругъ поставилъ три золотыхъ опя... на 13-й нумеръ. Въ клѣткѣ вновь рядомъ съ его вы... росло нѣсколько чужихъ ставокъ. На крестахъ вокру... клѣтки тоже. На линіяхъ тоже. Точно золотые острова св... кали теперь эти 1-й и 13-й нумера.

— Ахъ! только и могъ выговорить Левъ Станиславович... — И 1-й, и 13 нумера не вышли!..

Не соображая, что онъ пока въ большомъ выигрыш... онъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ крупье спокойно пр... двигалъ къ себѣ лопаточкой его золото... и его золото, и з... лото слѣдовавшихъ за нимъ игроковъ — но оно, казал... Смецкому, все принадлежало ему тоже... Не понимая сам... что дѣлаетъ, онъ опять захватилъ въ горсть нѣсколько з... лотыхъ и разложилъ ихъ кучками по нѣсколькимъ ну... рамъ. Но обаяніе удачи уже не слѣдовало за нимъ, и с... ставки остались одинокими. Другіе не вѣрили, что »он... возьметъ«, и бросали золото по собственному выбору. Дв... нумера проиграли; одинъ — онъ даже не соображалъ, кот... рый, но тотъ, куда онъ поставилъ четыре золотыхъ — выпал... Ему придвинули уже очень большую кучку золота. Сра... онъ даже не могъ захватить ее въ горсть. Двѣ монеты, пр... скользнувъ сквозь пальцы, упали на полъ и покатил... куда-то. — »Скверный знакъ!« процѣдилъ рядомъ совсѣм... блѣдный англичанинъ, проигравшійся и потому только на... блюдавшій за чужой игрой. — »Скверный знакъ... удач... уходитъ...« Но Смецкій его не слушалъ.

Кто-то поднялъ его золото, кто-то поставилъ его и пр... игралъ. Ему было не до такихъ мелочей. Смецкій проигры... валъ и выигрывалъ. Золото въ его карманахъ росло. Он... его уже тяготило, столько его было, — и вдругъ глупы...

суевѣрный страхъ сжалъ ему горло: — »а какъ карманъ прорвется, и все золото, его золото разсыплется по полу? Поди, ищи потомъ...« Онъ вынулъ изъ боковаго кармана въ жакетѣ шелковый платокъ и пересыпалъ свои монеты туда. Теперь ему казалось, что рука можетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего разжаться, и платокъ вмѣстѣ съ золотомъ упадетъ на полъ. Онъ судорожно, до боли, сжималъ его концы посинѣвшими отъ натуги пальцами, вытягивалъ сквозь нихъ тонкій шелкъ платка и еще, для вѣрности, обвертывалъ имъ руку.

— Дайте, дайте... прохрипѣлъ кто-то рядомъ съ нимъ по французски.

— Что? вдругъ озвѣрѣлъ онъ.

— Одинъ, одинъ... золотой одинъ дайте... Мнѣ пришелъ въ голову нумеръ...

Смецкій злобно взглянулъ на совсѣмъ очумѣвшую даму, обращавшуюся къ нему съ просьбой, и невѣжливо отвелъ ее локтемъ руки, въ которой держалъ деньги. Но она еще тѣснѣе прижималась къ его рукѣ. Взглядъ ея не отрывался отъ этого платка, слѣдовалъ за нимъ. Руки ея раскрывались и сжимались, какъ когти, точно она уже рылась въ этихъ монетахъ.

— Дайте... дайте... одну... одну... я знаю нумеръ.

— Съ выигрыша не даютъ... Оставьте меня въ покоѣ! нервно крикнулъ онъ ей по русски, не соображая, что она не понимаетъ этого языка.

Онъ опять выигрывалъ и проигрывалъ. Кучка золота въ платкѣ увеличилась... Теперь онъ едва держалъ его за концы. Онъ набилъ золотомъ карманы жилета. Онъ слышитъ его звонъ. Онъ могъ бы поклясться, что ощущаетъ даже его запахъ. Горсти золота и серебра на столѣ путались и мелькали, сливались въ какія-то странныя арабески и разбивались опять по одиночкѣ. Онъ не видѣлъ лопаточекъ, придвигавшихъ къ нему эти ставки, бравшихъ его отъ него, не замѣчалъ рукъ, державшихъ лопатки, не слышалъ ужъ го-

лосовъ крупье. Все было въ туманѣ — и зала, и столъ, и люди... Только золото искрилось и проступало во мглѣ. Какими-то смутными пятнами изъ мглы, окутывавшей ихъ, протягивались къ нему чьи-то руки и исчезали, и всякій разъ послѣ этого кучки золота уменьшались, чтобы тотчасъ же опять умножиться въ разныхъ концахъ рулетки. Онъ какъ во снѣ видѣлъ какое-то странное, полное ужаса, лицо юноши рядомъ съ нимъ; потому только и видѣлъ, что тотъ быстро и рѣзко проговорилъ »basta!« и поднялся съ взъерошенными волосами, остеклѣвшими глазами и открытымъ ртомъ. Потомъ Смецкій на мгновеніе замѣтилъ что-то темное, но блеснувшее, точно сталь. »Револьверъ«, сообразилъ Смецкій, но было некогда: шарикъ прыгалъ по гнѣздамъ рулетнаго круга. »Какой-то нумеръ выйдетъ?« Револьверъ поднялся въ уровень съ головой юноши. Раздался странный стукъ, точно гдѣ-то доску бросили на доску... Около тяжело валящагося на полъ какое-то тѣло. Ни Смецкій, ни другіе игроки даже не обратили вниманія... Рядомъ суетились. Подбѣжали какіе-то люди. Подняли длинное-длинное тѣло съ безсильно повисшими руками, какъ плети, руками, съ головой, верхняя часть которой была вся въ мозгу и крови. Въ памяти у Смецкаго остались только широко открытые, полные ужаса, глаза застрѣлившагося. На коврѣ валялся револьверъ. Кто-то наклонился, поднялъ его и положилъ въ карманъ. — »Это принесетъ счастье!« раздалось въ ушахъ Смецкаго, и сейчасъ же удвоились ставки — и тѣ же равнодушные голоса крупье объявляли выигрыши и проигрыши, какъ будто ничего только что не случилось.

Вы, кажется, въ большомъ выигрышѣ?

Смецкій оглянулся: черномазый ростовщикъ-итальянецъ смотрѣлъ на платокъ съ золотомъ.

А этотъ юноша!.. Я предсказывалъ, что онъ плохо кончитъ сегодня... О, я знаю... Ихъ много прошло здѣсь передо мной, словно торжествуя, весело говорилъ онъ. — Послушайте, хотите моего совѣта?

— Семь... Нѣтъ, десять! безсмысленно отвѣтилъ ему Смецкій и поставилъ на эти нумера по девяти золотыхъ — высшую, допускаемую правилами игры, ставку.

— Бросьте... удовлетворитесь тѣмъ, что вы выиграли, уѣзжайте въ Ниццу.

— Нѣтъ... нѣтъ, мнѣ нельзя... Мнѣ надо много, очень много...

Итальянецъ покачалъ головою и отошелъ, бормоча про себя:

— Черезъ часъ ты придешь ко мнѣ и продашь мнѣ свой хронометръ!... — но его уже никто не слушалъ.

Игра продолжалась. Золото блестѣло и звенѣло. Трещалъ и стучалъ шарикъ въ механизмѣ рулетки; раздавались монотонные голоса крупье. Смецкій все продолжалъ выигрывать.

XI

»Ахъ, нужно остановиться... нужно остановиться... пора...« самъ себѣ говорилъ Левъ Станиславовичъ, но помимо своей воли удваивалъ и утраивалъ ставки, точно въ него вселился кто-то сильнѣе его и управлялъ имъ, дѣйствовалъ его руками. »Ахъ, еслибы уйти отсюда... довольно пока этого«.

Но счастіе уже оборачивалось къ нему спиною. Затекшая было рука, державшая платокъ съ золотомъ, стала отходить. Тяжесть уменьшалась, по мѣрѣ того какъ безпощадная лопаточка крупье придвигала къ себѣ золото Смецкаго.

— Довольно!.. ужъ вслухъ проговорилъ Смецкій и въ то же время сразу на три нумера бросилъ ставки. »Убьютъ — уйду«, рѣшилъ онъ про себя. Но ставки были убиты и присоединены къ золоту, блестѣвшему такъ заманчиво у кассировъ, — а онъ не ушелъ и поставилъ еще. »Только три раза... только три раза...« обманывалъ онъ самъ себя. Но три раза онъ проигралъ — и поставилъ въ четвертый. Счастіе какъ будто хотѣло подразнить его: четвертый разъ онъ бросилъ на нумеръ лишь одинъ золотой и выигралъ.

— Я говорилъ! вдругъ обрадовался Левъ Станиславовичъ. — Хорошъ бы я былъ, еслибы смалодушничалъ и ушелъ. Нѣтъ, надо продолжать... новичкамъ всегда везетъ... всегда. Это законъ!

И, выдумавъ такой законъ, онъ взялъ еще одну ставку. Теперь бы его нельзя было силою оттащить отъ рулетки. Онъ почему-то сразу увѣровалъ въ свою окончательную побѣду и, проигрывая, самъ себя ободрялъ: »Это ничего... это ничего... Сейчасъ стану опять срывать... это только временно... Надо перемѣнить мѣсто... на другое...« Онъ переходилъ и проигрывалъ опять, и вновь мѣнялъ мѣсто на третье. — »Нѣтъ, очевидно, на старомъ мѣстѣ лучше...« И Смецкій возвращался назадъ, самъ не замѣчая, какъ онъ расталкиваетъ играющихъ локтями, да и тѣ не ощущали этого, съ головою уходя въ процессъ игры.

Въ платкѣ у него оставалось уже мало, когда онъ вдругъ замѣтилъ это. Онъ вынулъ все, что было въ карманахъ жилетки и сюртука. — »Это ничего... ничего... Сейчасъ все возьму опять«. Осторожный голосъ, говорившій ему: »довольно будетъ!« уже молчалъ. Нѣчто, вселившееся въ его душу, помимо его воли уже безконтрольно распоряжалось имъ... И чѣмъ болѣе росъ въ его душѣ холодный ужасъ сознаваемаго проигрыша, тѣмъ упорнѣе это нѣчто подсказывало ему: »погоди, сейчасъ вернется все разомъ!«

»Нужно только дождаться и взять нѣсколько ставокъ: опять все будетъ отлично.« Но теперь ставки ему не давались больше. И чѣмъ сильнѣе онъ проигрывался, тѣмъ труднѣе ему казалось отойти прочь, и тѣмъ ближе онъ продвигался къ столу. Сидѣвшая передъ нимъ дама окончила и встала — онъ живо сѣлъ на ея мѣсто. Теперь все равно — онъ бы не всталъ отсюда, что бы ни случилось!

»Ахъ еслибы *тогда* остановиться!« что-то болѣзненно звучало въ его душѣ. — »*Тогда*, когда было много... *тогда* бы бы хорошо!.. Теперь надо добиваться опять... А тогда... тогда слѣдовало. И тотъ черномазый совѣтовалъ мнѣ... А онъ вѣ-

знаетъ... онъ постоянно здѣсь... Онъ вѣдь говорилъ sono pratico!.. Зачѣмъ я его не послушалъ...«

Но ставки уходили за ставками. И онъ чувствовалъ странную боль въ груди. Что-то подступало къ его горлу, глазамъ.

»Господи... зачѣмъ непремѣнно такъ... Ты можешь наказать меня какъ нибудь иначе... Дай опять удачу. Я удовлетворюсь этимъ... возьму мать и уѣду съ ней... И даже стану нищимъ помогать... Даю обѣтъ — бѣднымъ четверть. Нѣтъ, четверть много... 20 процентовъ отдамъ. Нарочно найду какую нибудь бѣдную семью и отдамъ ей 20 процентовъ...«

Но и бѣдная семья не помогала.

Глаза его горѣли сухимъ блескомъ. Руки, когда онъ безсознательно дотрогивался ими до лба, казались холодными, какъ ледъ.

»Что помогаетъ... что помогаетъ, чтобы выиграть? какъ бы узнать это? Знакъ какой-то, знакъ отъ іеттатуры... Такъ, кажется, говорилъ итальянецъ. Еслибы тогда взять у него!.. Отчего я не взялъ? Вѣдь не напрасно же люди вѣрятъ. Вѣдь есть же у нихъ основаніе думать такъ... Ну, еще на 17-й №: я еще ни разу не ставилъ на 17-й... 17-й... непремѣнно выиграетъ, непремѣнно... я ужъ это чувствую. Мнѣ что-то подсказываетъ — то же, что тогда подсказало 13-й нумеръ. Поставлю девять золотыхъ на 17-й... Ну, выручай 17-й... Голубчикъ, 17-й нумеръ... Ты знаешь, сколько отъ тебя зависитъ... Пожалуйста... Ну, что тебѣ стоитъ...«

И вдругъ онъ, не слыша ни крупье, ни стука шарика, только увидѣлъ, какъ лопатка отодвигаетъ въ кассу его девять золотыхъ.

— Развѣ не 17-й вышелъ?.. развѣ не 17-й... Ахъ!.. крикнулъ онъ. Крупье только повелъ на него безжизненнымъ взглядомъ своихъ стекляныхъ глазъ и ничего не отвѣтилъ. — Развѣ не 17-й! ужъ какимъ-то упавшимъ голосомъ повторялъ Смецкій. — Ну что еще, теперь куда?.. на какой нумеръ?.. на

крестъ развѣ, или на черточку... Не стоитъ... тамъ медленно... ждать долго... А надо скорѣе, скорѣе, сейчасъ... Мама — Эмилія Карловна... Сколько это буквъ Э-м-и-л-і-я К-а-р-л-о-в-н-а — четырнадцать. Въ самомъ дѣлѣ, около 13-ти, а 13-й мнѣ принесъ счастіе... Поставлю сразу девять на 14. И еще 9 да 14 сколько будетъ? 23, и отлично... Поставлю и на 23...

Но ни 14-ти, ни 23-хъ не вышло. Черезъ полчаса Смецкій, зажавъ въ рукѣ нѣсколько золотыхъ, положилъ платокъ въ карманъ. Больше въ платкѣ не было надобности: у него почти ничего не оставалось.

— Кто это мнѣ говорилъ, что если не везетъ, надо переждать семь разъ... Первый... второй.

И онъ терпѣливо высидѣлъ семь игръ. На восьмую поставилъ все, что у него оставалось. Та же лопаточка отодвинула его ставку въ кассу.

Онъ сидѣлъ, какъ каменный, слѣдилъ, какъ играютъ другіе, и сознавалъ только, что у него ничего... рѣшительно ничего не осталось. Въ головѣ была какая-то тяжесть — точнѣе придавили свинцовою доскою. Онъ оперся локтями о столъ и положилъ голову на руки. Темя болѣло. Во рту было сухо. Языкъ, какъ жесткая тряпка, лежалъ въ немъ. Дыханіе съ болью вырывалось изъ горла. Сердце замерло.

»Что я надѣлалъ!.. что я надѣлалъ!..« Онъ отвелъ глаза отъ рулетки и вдругъ въ противоположномъ концѣ зала встрѣтилъ острый и въ то же время ласковый взглядъ итальянца-ростовщика.

— А часы! вдругъ вспомнилъ Смецкій. Его что-то подняло разомъ: надежда опять смѣнила недавнее отчаяніе.

— Я говорилъ... я вамъ говорилъ тогда... улыбался ему итальянецъ. — Я васъ предупреждалъ. Ужъ я знаю, отлично знаю... Sono pratico... Надо было остановиться и уйти. Это трудно... Я понимаю, но надо было слушать меня... Я знаю, что вы придете ко мнѣ съ вашимъ хронометромъ... Вотъ десять золотыхъ... Возьмите, и да поможетъ вамъ съ

Януарій... Вы католикъ? Ну все равно — будете ставить, помяните св. Януарія, Санъ Дженнаро, по нашему. Не забудьте Санъ Дженнаро... Я зналъ, что вы придете ко мнѣ. О, я зналъ... Sono pratico!.. И онъ самодовольно подвѣшивалъ на рукѣ хронометръ съ цѣпью — подарокъ матери, приславшей это Льву изъ Ниццы къ выпуску. — »Хорошенькая штучка... «думалъ про себя итальянецъ. — »Навѣрное 50 золотыхъ стоитъ. Ну, да ему imbecille (дураку) все равно проигрывать, 50 или 10... Не умѣлъ схватить свое счастіе... не остановился во-время и va via al diavolo!.. А, впрочемъ, можетъ быть, св. Дженнаро и поможетъ ему!..«

XII

Шатаясь и никого и ничего не видя, Смецкій вышелъ на воздухъ.

Теплый вечеръ Монако ему показался послѣ той жаркой залы, послѣ того возбужденія и свирѣпаго бѣшенства отчаянной игры — холоднымъ. Но онъ нарочно разстегнулъ жилетъ. Онъ могъ только дойти до первой скамьи — дальше ноги не служили ему... Что̀ такое случилось?.. У него было много денегъ... Онъ выигралъ цѣлую кучу ихъ... Куда же все это дѣвалось?.. И ихъ нѣтъ, и своихъ тоже нѣтъ...

Море совершенно стихло. Мѣсяцъ игралъ на немъ, золотистой дорожкой ложилось его сіяніе на спокойную гладь. Надъ этой дорожкой, весь черный, выдвигался утесъ. Сильно пахло цвѣтами магнолій. Точно серебряные выдѣлялись они подъ луною изъ темной густой зелени. Громко звенѣли цикады. Въ кустахъ вспыхивали и гасли свѣтляки, на одно мгновеніе искрясь всѣми отливами радужнаго блеска.

— J'ai gagné aujourd'hui... послышался въ темнотѣ чей-то радостный голосъ...

— Сколько? спросила его какая-то дама.

— Тысячъ пятнадцать...

»Онъ, должно быть, остановился во-время... Онъ, должно

быть, зналъ, когда надо сказать basta!« думалъ Левъ Станиславовичъ. — »Да вѣдь и тотъ, рядомъ со мною, проигравшійся, тоже сказалъ basta!.. Надо было остановиться... Больно ему было или нѣтъ? Ахъ еслибы теперь можно было вернуть и остановиться!.. еслибы...«

Окна казино свѣтились.

»Тамъ еще играютъ вѣрно...« соображалъ онъ.

Напротивъ цѣлые потоки свѣта лились на площадку изъ ресторановъ.

»Я еще не ѣлъ сегодня. Да и ѣсть не хочется. И не на что!« закончилъ онъ про себя. — »Неужели же у меня ничего не осталось?.. рѣшительно ничего... Не завалилось ли куда нибудь?« Онъ ощупалъ жилетные карманы. — »Ни гроша... Въ другихъ тоже... Какже я доберусь до Ниццы?..«

Его ударило въ жаръ. Онъ всталъ и прошелся къ казино. Оттуда уже выходили люди. Очевидно, игра кончилась. Молчавшіе цѣлый день, они торопились теперь вознаградить себя за это. Возбужденный говоръ носился кругомъ.

»Какже я доберусь до Ниццы?.. Не потеряетъ ли кто нибудь... ну хоть нѣсколько франковъ?« пришло ему въ голову, и онъ съ лихорадочною поспѣшностью нагнулся. Но — увы! — никто ничего не терялъ. Онъ пропускалъ мимо себя игроковъ и съ острымъ любопытствомъ вглядывался въ нихъ, угадывая, кто изъ нихъ выигралъ, кто нѣтъ... Эти вѣрно съумѣли удержаться во-время! »Но какже я доберусь до Ниццы?.. Да что же я... надо дождаться итальянца, которому я отдалъ часы: онъ вѣрно не откажется помочь мнѣ«.

Но на его бѣду итальянецъ вышелъ подъ руку съ той самою проигравшеюся дѣвушкой, которой далъ 20 франковъ подъ залогъ ея собственной особы. »Отецъ семейства« сіялъ, она, напротивъ, смотрѣла совсѣмъ убитой.

— A, mon cher monsieur! кивнулъ онъ издали Льву Станиславовичу. — A mon cher monsieur... зачѣмъ вы не удержались, какъ я вамъ совѣтовалъ?

Смецкій замѣтилъ на груди у него свою цѣпь.

— Надо было удержаться... непремѣнно надо было удержаться — теперь вы были бы въ большомъ выигрышѣ... Но что дѣлать — молодежь вообще легкомысленна. Въ слѣдующій разъ удержитесь непремѣнно — и вы будете съ деньгами. Впрочемъ, я всегда къ вашимъ услугамъ. Вотъ моя карточка.

Смецкій машинально взялъ ее и прочелъ: »Nicolo Campanini Avvocato«.

Онъ отошелъ въ тѣнь и сѣлъ подъ густой платанъ. Ему хотѣлось одуматься, сообразиться. Онъ еще не понималъ, что̀ такое съ нимъ случилось. Чѣмъ сегодняшній день непохожъ на вчерашній, какимъ образомъ именно измѣнилось его положеніе? Тутъ было такъ темно, что онъ не замѣтилъ сидѣвшаго рядомъ господина, пока тотъ не обратился къ нему.

— Monsieur!

— Что̀ вамъ угодно? вздрогнулъ Смецкій.

— Не могу ли я... голосъ его сосѣда оборвался. Смецкій ждалъ. — Не могу ли я просить у васъ... трехъ франковъ... Еще сегодня утромъ, заговорилъ онъ рѣшительнѣе: — я былъ человѣкъ со средствами... Я проигралъ этимъ »подлецамъ« болѣе 50.000 франковъ, а теперь... теперь не знаю, что̀ мнѣ дѣлать... Мнѣ надо послать телеграмму домой... Я голоденъ... Мнѣ надо добраться до Ниццы.

— О... я въ такомъ же положеніи.

— Какъ, вы тоже проигрались?

— Да... вы напрасно обратились ко мнѣ... Я не знаю самъ, какъ добраться домой: я проигралъ все, все.

— Много?

— Нѣтъ, у меня своего было мало... но я выигралъ много.

— И не удержались.

Это »не удержались« начинало приводить Льва Станиславовича въ бѣшенство.

— Да, не удержался!

— О, monsieur, бо́льшая часть не умѣютъ удержаться вовремя. На это-то главнымъ образомъ и разсчитываетъ рулетка.

— Говорятъ, можно обратиться къ администраціи... получить деньги на отъѣздъ... Я слышалъ, по крайней мѣрѣ.

— Нѣтъ, monsieur. Во-первыхъ, это надо было заявить тотчасъ же... пока у крупье былъ въ памяти вашъ выигрышъ. Теперь они васъ не узнаютъ: сотни такихъ, какъ вы, прошли передъ ихъ глазами... Да они и не захотятъ узнать. Во-вторыхъ, »домъ« уже закрытъ, и directeur-general, m-r Chartran, отправился въ Ниццу. Въ-третьихъ, вы сколько проиграли?

— Все, что́ у меня было.

— О, это ничего не значитъ: надо, чтобы проигрышъ былъ ощутителенъ, — тогда они помогутъ... Мнѣ, напримѣръ... отказали... За мои 50.000 франковъ мнѣ не дали 200... Я просилъ только двѣсти — добраться до Парижа. Тамъ у меня семья.

— Семья? машинально переспросилъ Смецкій.

— Да, семья... Эти 50.000 наживались трудно и долго. Я пріѣхалъ сюда купить землю и домъ, чтобы поселиться здѣсь съ женою и матерью... И вотъ видите... Будь она проклята!

И онъ въ темнотѣ погрозилъ кулакомъ смутно выдѣлившемуся громадному силуэту казино, равнодушно смотрѣвшему сюда всѣми своими тусклыми и безжизненными теперь окнами.

— Будь она проклята!.. убійца!

— Сегодня одинъ застрѣлился рядомъ со мною.

— Одинъ! Вы думаете — одинъ... Это потому, что вы видѣли его. А сколько покончило съ собою въ темнотѣ: тишинѣ отельныхъ нумеровъ, замкнувшись отъ всего свѣта, сколько вонъ съ той скалы бросилось въ воду... Да почемъ вы знаете, можетъ быть, вотъ тутъ рядомъ, подъ деревьями, лежитъ такой же несчастный съ прострѣленнымъ черепомъ... до утра — пока его замѣтятъ эти мерзавцы.

— Что же они дѣлаютъ съ такими? машинально спросилъ Смецкій.

— Если покончилъ человѣкъ съ собою наединѣ, здѣсь, не въ отелѣ, и никто этого не знаетъ — они ему камень на шею и швырнутъ вонъ туда... Море не выдаетъ своихъ секретовъ. Такихъ уже немало тамъ!

— А карабинеры?

— О, карабинеры-то и сдѣлаютъ это... Они вѣдь получаютъ жалованіе не отъ Гримальди, а отъ »дома«, они служатъ рулеткѣ.

— А кто кончитъ съ собою въ отелѣ?

— У тѣхъ всегда находятъ 200 франковъ въ столѣ: значитъ, не отъ безвыходнаго положенія кончилъ — 200 франковъ. На это особый фондъ администрація имѣетъ. Положатъ ему въ столикъ 200 франковъ и составляютъ объ этомъ протоколъ... О какіе это негодяи, еслибы вы знали!.. Я ихъ зналъ хорошо, но я думалъ, что судьба поможетъ мнѣ... Я хотѣлъ рискнуть только на пятьсотъ франковъ — и, проигравшись, уйти, а потомъ меня затянуло... дальше — больше.

— Но какъ же печать молчитъ объ этомъ? совсѣмъ уже глупо спросилъ Смецкій, такъ, чтобы сказать что нибудь и заглушить въ самомъ себѣ голоса, мучительные голоса, упрекавшіе его немолчно и настойчиво.

— Печать... въ Ниццѣ?

— Да, хотя бы!

— О, вы, значитъ, не знаете ее... Вы давно живете въ Ниццѣ?

— Два дня.

— Ну, тогда это понятно... Это такая canaille... Вы знаете, что такое печать въ Ниццѣ? Это отбросы парижскихъ редакцій, сволочь, выгнанная оттуда за различныя мерзости. Они кидаются сюда, выпускаютъ нѣсколько нумеровъ, въ которыхъ отчаянно ругаютъ Монте-Карло... Учрежденіе ждетъ... Если на этихъ нѣсколькихъ нумерахъ газета

не умираетъ, и статьи ея отличаются хлесткостью, вызываютъ шумъ — тогда въ редакцію пріѣзжаетъ m-r Chartran и вступаетъ съ нею въ соглашеніе. Иначе чѣмъ вы объ-ясните бы, что въ маленькой Ниццѣ издается болѣе сорока газетъ и журналовъ? Кому нужны здѣсь эти насѣкомыя?

— Однако! Но парижская пресса...

— Парижская, англійская, нѣмецкая — всѣ на содержаніи у »дома«. Даже такія изданія, какъ »Times«, ежегодно вносятъ въ свою кассу и отъ Ниццы, и отъ Монте-Карло солидныя суммы. Вы поймите, вѣдь если корреспондентъ телеграфируетъ, что въ Ниццѣ, положимъ, тифъ, — а тифъ въ старомъ городѣ здѣсь всегда есть — кто изъ англичанъ поѣдетъ сюда?.. Если станутъ печатать о самоубійствахъ, совершившихся тутъ — кому охота будетъ заглядывать въ это проклятое мѣсто... Вѣдь все это кругомъ создано рекламой. Въ Ниццу посылаютъ больныхъ... да вѣдь это абсурдъ... Выйдите въ Ниццѣ къ морю и посмотрите: направо, надъ Канномъ, небо ясно; налѣво, надъ Монако, то же, а надъ Ниццей — тучи... Ницца вся на болотѣ выстроена. Это жадная интернаціональная шайка раздуваетъ Ниццу, какъ раздуваетъ Монте-Карло... O monsieur, вы, вижу, рѣшительно ничего не знаете... Пресса... Да всякая вліятельная парижская газета заинтересована въ успѣхѣ этого предпріятія! Стоитъ сюда пріѣхать какому нибудь извѣстному нашему писателю, его здѣсь содержатъ, кормятъ, поятъ; уѣдетъ — въ конвертѣ нѣсколько тысячъ франковъ дадутъ.

— И они берутъ?

— Наша печать вся исподличилась... Въ парижскомъ литературномъ мірѣ, monsieur, нѣтъ честныхъ людей!.. Оттого-то здѣсь — что бы ни случилось — все шито и крыто... Романисты, поэты восхищаются прелестями Монте-Карло, пишутъ цѣлыя книги о немъ... къ игрѣ относятся, какъ къ невинной забавѣ, и считаютъ ее честнымъ дѣломъ, потому что прямой обманъ здѣсь невозможенъ... Еще бы!.. Меня удивляетъ... вы не французъ, monsieur?

— Нѣтъ, я русскій.

— Русскій... Меня удивляетъ, почему какая нибудь сильная держава не пошлетъ своихъ кораблей разгромить это пиратское гнѣздо. Вѣдь уничтожили же пиратовъ, и весь цивилизованный міръ аплодировалъ этому.

Смецкій уныло улыбнулся въ темнотѣ наивности француза.

— Какое же дѣло Россіи до другихъ государствъ.

— О, это дѣло цѣлаго человѣчества... Россія сильна, она могла бы сдѣлать это... Сколькихъ отцовъ семействъ спасла бы она такимъ образомъ!

Левъ Станиславовичъ молчалъ... Молчалъ и французъ.

— Monsieur, вы вѣрно все заложили... играя?

— Да, часы.

— У меня тоже ничего не осталось... рѣшительно ничего... даже забылъ вынуть изъ медальона портретъ моей бѣдной жены... Воображаю ея отчаяніе!

— Господи, какой я идіотъ!.. вдругъ вскрикнулъ Смецкій по русски.

— Pardon, monsieur?

— Нѣтъ, это я такъ... вспомнилъ... вѣдь у меня есть еще золотыя запонки.

— Золотыя запонки. Mon dieu! И вы молчите! патетически всплеснулъ руками французъ. — Золотыя запонки — и вы не попытали счастія... Да, можетъ быть, вы все вернули бы обратно... Ахъ!.. casino закрытъ уже!.. У этого человѣка были золотыя запонки — и онъ не игралъ еще... Monsieur, можетъ быть, ваше счастіе было у васъ въ рукахъ, и вы пропустили его.

— Вы не знаете, гдѣ я могу продать эти запонки?

— О, мы ихъ продадимъ... сейчасъ продадимъ, monsieur. Неправда ли, вы мнѣ не откажете въ трехъ франкахъ? О monsieur, я такъ несчастливъ!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Они быстро подошли къ освѣщенному подъѣзду гостинницы.

— Portier... portier... У васъ нѣтъ никого, кто бы покупалъ вещи?

Тотъ даже не удивился: въ Монте-Карло это въ порядкѣ вещей. Здѣсь закладчиковъ и скупщиковъ почти столько же, сколько и игроковъ.

— Если недорого... куплю я.

— Вотъ у monsieur запонки.

Взглядомъ знатока portier оцѣнилъ ихъ. Запонки были крупныя, съ иниціалами.

— Я вамъ дамъ... 20 франковъ.

— За эти 20! вдругъ возмутился французъ.

— Ну 30! и basta! больше ни копѣйки.

— Monsieur, отдайте ему за 35... Теперь ночь и поздно. Черезъ четверть часа отходитъ послѣдній поѣздъ.

Получивъ деньги, они быстро пошли къ станціи. Мрачные понурившіеся люди уже сидѣли тамъ въ ожиданіи этого поѣзда. Всѣ они пріѣзжали сюда изъ Ниццы съ деньгами и предусмотрительно взятымъ обратнымъ билетомъ. Увы, у нихъ оставался только этотъ билетъ: все остальное было истрачено въ капищѣ Монте-Карло.

Вас. Немировичъ-Данченко

Продолженіе будетъ

* * *

Еще не умеръ свѣтлый день
И не обвѣянъ лѣсъ дремотой,
И тучки легкія, какъ тѣнь,
Блестятъ румяной позолотой...
Еще лазурный небосводъ
Сквозитъ прозрачностью хрустальной, —
Но скоро, скоро ночь сойдетъ
И все охватитъ мглой печальной,
И потускнѣютъ краски дня,
И даль померкнетъ золотая...
И, землю миромъ осѣня,
Повсюду ляжетъ тишь нѣмая.
Замолкнетъ плескъ и шумъ рѣчной,
Пахнётъ дыханіемъ прохлады,
И ночь незримою рукой
Зажжетъ на небѣ звѣздъ лампады...

Сіяетъ молодость, какъ день
Лазурью яркой и лучами,
И ни единой тучки тѣнь
Не промелькнетъ на мигъ надъ нами.

Еще веселой жизни даль
Зоветъ впередъ и къ счастью манитъ, —
Но скоро старость, какъ печаль,
Любовь и счастье отуманитъ.
Померкнутъ грезы и мечты,
Погаснетъ юность золотая,
Въ лучахъ и въ блескѣ красоты,
Какъ солнце въ небѣ, умирая...
Замолкнетъ жизни шумъ живой,
Ея исчезнетъ обаянье,
И старость дряхлою рукой
Зажжетъ въ душѣ воспоминанья...

Л. Афанасьевъ

Пиьма о литературныхъ вопроеахъ

Окончаніе

Лица Достоевскаго болѣе всего походятъ на ожившія передъ нами фигуры картинъ или восковыя фигуры. Тотъ, кому приходилось бывать въ заграничныхъ кабинетахъ такихъ фигуръ (въ родѣ извѣстнаго музея Тиссо въ Лондонѣ), помнитъ, конечно, знаменитыхъ преступниковъ, которымъ тамъ всегда отводится видное мѣсто. Всякій и смотритъ на нихъ, исключительно какъ на страшныхъ злодѣевъ, и забываетъ о другихъ человѣческихъ свойствахъ, какія могли быть у нихъ. Еслибы какимъ нибудь волшебствомъ эти ужасныя лица ожили и стали разсказывать намъ о тѣхъ душевныхъ процессахъ, какіе насъ въ нихъ интересуютъ, — мы получили бы впечатлѣніе, близкое къ тому, какое производятъ на насъ несуществующія въ дѣйствительности, но на видъ живыя лица Достоевскаго. Подтвержденіе нашей мысли мы находимъ и въ той внѣшней формѣ, какую авторъ даетъ своему разсказу. Онъ какъ будто самъ желаетъ выдержать нѣкоторую условность того, что онъ излагаетъ намъ. Языкъ всѣхъ его дѣйствующихъ лицъ одинаковъ: это языкъ самого автора. Каждый третьестепенный беллетристъ прилагаетъ стараніе къ тому, чтобы оттѣнить свои лица, придавая каждому соотвѣтствующій ему характеръ и обороты рѣчи. Трудно допустить, чтобы такой первоклассный талантъ, какъ Достоевскій, не сдѣлалъ того же для своихъ лицъ, еслибы ему это было нужно. Но для его цѣли требовалось нѣчто обратное: ему нужно было выдерживать свои картины въ однообразномъ, тускломъ колоритѣ, и нужно было не отступать отъ призрачности и условности своихъ фигуръ. Еслибы въ нихъ чувствовались вполнѣ обыкновенные люди, то автору предстояла бы лишняя задача — объяснять ихъ, ставить ихъ въ исключительныя положенія, гдѣ бы они могли проявить свои необычныя душевныя качества. Авторъ не стремится къ такой правдѣ: она только мѣшала бы ему и даже не

вязалась бы съ общимъ характеромъ его произведеній. Онъ отчасти поступаетъ, какъ физіологъ, производящій вивисекцію, который кладетъ живой объектъ опыта на столъ и вскрываетъ тотъ или другой органъ передъ слушателями, которые и сосредоточиваютъ свое вниманіе на демонстрируемомъ органѣ, забывая о кроликѣ или собакѣ, лежащей передъ ними. Достоевскій также вскрываетъ душу своихъ лицъ, демонстрируя скальпелемъ или пинцетомъ или показывая подъ микроскопомъ каждую фибру, заставляя насъ вѣрить, что онъ дѣлаетъ это надъ живыми людьми. И онъ не самъ, не отъ себя объясняетъ ихъ душевныя состоянія: онъ какъ будто гипнотизируетъ ихъ и заставляетъ разсказывать, что они чувствуютъ; все, что они говорятъ, есть „внушеніе“ самого экспериментатора; они говорятъ его языкомъ, и говорятъ только то, что ему нужно для возможно нагляднаго выясненія результатовъ опыта. Также какъ, входя въ аудиторію физіологическаго института, мы знаемъ, что животныя не для того находятся тамъ, чтобы бѣгать или прыгать, ѣсть или спать, или, вообще, для какого нибудь обыденнаго проявленія своей натуры, — встрѣчаясь съ лицами Достоевскаго, мы не ожидаемъ отъ нихъ, чтобы они говорили или держали себя, какъ обыкновенные люди: все, что они дѣлаютъ и говорятъ, необычно и странно, но мы этому не удивляемся, мы на это смотримъ, какъ на пріемъ, нужный автору для его эксперимента, для демонстрированія какой нибудь части невѣдомаго намъ душевнаго механизма. Такъ можетъ дѣйствовать только художникъ-психологъ, котораго занимаютъ лишь душевные процессы, который подвергаетъ объекты своего опыта вліянію тепла и холода, свѣта, огня, электричества и т. п., для того чтобы привести ихъ въ состоянія наиболѣе типичныя для его эксперимента. Въ этомъ смыслѣ Достоевскій скорѣе заслуживаетъ названія экспериментатора, чѣмъ Зола и его прямые послѣдователи. Для подтвержденія нашей мысли, укажемъ на „Идіота“ и попросимъ припомнить странное поведеніе героя, нужное только для автора, и тѣ положенія, въ какія авторъ его ставитъ, чтобы заставить его высказывать свои необычныя воззрѣнія.

Съ своей стороны мы можемъ видѣть въ Достоевскомъ только психолога съ особой склонностью къ изученію отрицательныхъ или, лучше сказать, жестокихъ свойствъ человѣческой души, психолога, надѣленнаго крупнымъ художественнымъ талантомъ, дающимъ ему возможность живаго и своеобразнаго олицетворенія этихъ свойствъ. Указанныя качества таланта создаютъ для Достоевскаго исключительное положеніе не только въ русской, но и во всей современной литературѣ. Это явленіе безпримѣрное и неповторяющееся. Подражать ему, въ своемъ родѣ,

еще труднѣе и неблагодарнѣе, чѣмъ подражать поэтамъ. Изъ нашихъ беллетристовъ новѣйшей генераціи по его пути пробовалъ идти г. Альбовъ, впрочемъ, достаточно самостоятельно, чувствуя лишь извѣстное сродство съ его талантомъ. Къ сожалѣнію, названный беллетристъ работаетъ слишкомъ мало, чтобы можно было отмѣтить его положительный прогрессъ на этомъ поприщѣ.

Поэты, бытописатели и психологи — три типа, обнимающіе собою первоклассные таланты нашего времени. У нихъ мы можемъ замѣтить одну общую черту — подчиненіе воображенія наблюденію. Картины и сцены, создаваемыя не только видными бытописателями, но и крупными поэтами, всегда чрезвычайно близки къ дѣйствительности. Каждый, проѣзжавшій Кавказъ со стихотвореніями Лермонтова въ рукахъ, можетъ засвидѣтельствовать необыкновенную вѣрность его описаній. Разумѣется, онъ ихъ не копировалъ съ натуры: онъ сосредоточивалъ въ нихъ впечатлѣнія, остававшіяся въ немъ отъ созерцанія кавказской природы; но могучій эффектъ его поэтическихъ описаній заключается въ ихъ точности и вѣрности, благодаря свойственной крупнымъ поэтамъ впечатлительности и способности закрѣплять впечатлѣнія въ своей памяти. Память такихъ поэтовъ представляетъ громадный запасъ впечатлѣній, и когда имъ нужно воспользоваться какимъ либо изъ нихъ, оно воскресаетъ въ ихъ воображеніи съ первоначальною яркостью и силой. Второстепенные писатели не обладаютъ такою впечатлительностью и отчетливостью художественной памяти и вынуждены сочинять, дополнять недостающія части картины выдуманными деталями. Въ сравненіи съ настоящими поэтическими описаніями, ихъ картины можно сравнить съ садомъ, въ которомъ часть луга замѣнена ковромъ зеленаго цвѣта, а нѣкоторыя деревья сдѣланы изъ картона. Какими бы яркими красками ни окрасилъ ихъ художникъ, поддѣлку нельзя смѣшать съ живой природой. И чѣмъ въ талантѣ писателя меньше настоящей наблюдательности и впечатлительности, тѣмъ болѣе картины его приближаются къ театральнымъ декораціямъ. Декорація сада, долины или горной мѣстности можетъ быть очень красива, можетъ воспроизводить и краски, и освѣщеніе живаго пейзажа, но никто не будетъ смотрѣть на нее, какъ на дѣйствительный лѣсъ или оврагъ. Чѣмъ болѣе у писателя воображеніе беретъ верхъ надъ точнымъ наблюденіемъ, тѣмъ болѣе онъ удаляется отъ живой природы и приближается къ декораціямъ. То же происходитъ и съ изображаемыми имъ лицами: чѣмъ болѣе онъ ихъ выдумываетъ, тѣмъ болѣе они отходятъ отъ живыхъ людей и подходятъ къ фигурамъ китайскаго фонаря. Развитіе воображенія въ ущербъ точному наблюденію и вѣрному вос-

произведенію жизни можетъ сослужить опасную службу беллетристу. Оно поднимаетъ его на своихъ крыльяхъ и несетъ быстро, показывая ему только мелькающія внизу картины и сцены. Онъ едва успѣваетъ набрасывать ихъ въ томъ пестромъ разнообразіи, въ какомъ они ему являются; работа его идетъ съ лихорадочной поспѣшностью, и длинный романъ поспѣваетъ въ такой срокъ, въ какой у поэта или бытописателя, какъ бы интенсивно онъ ни работалъ, сложатся двѣ, много три главы. Всѣ сферы жизни открыты для такого романиста: онъ былъ дома и въ великосвѣтскихъ гостинныхъ, и въ хижинахъ бѣдняковъ. Его произведенія ослѣпляютъ, ошеломляютъ читателя калейдоскопической яркостью и неожиданнымъ разнообразіемъ картинъ: это — „туманныя картины“, въ которыхъ дворецъ смѣняется бушующимъ моремъ, и развалины замка — тропическимъ пейзажемъ. Пока такой романъ въ рукахъ читателя, тотъ увлеченъ имъ; но когда онъ его дочиталъ, ему будетъ слышится чадъ гаснущей лампы и возня театральной прислуги за опустившимся занавѣсомъ... Онъ не вѣритъ тому, что читалъ, и не будетъ помнить этого; но, встрѣтя новое произведеніе того же автора, всегда способенъ взяться за него. Такой типъ беллетристики весьма распространенъ во французской и англійской литературѣ. У насъ его характернымъ представителемъ былъ Марлинскій, но и въ современной литературѣ можно встрѣтить и первостепенныхъ, и второстепенныхъ представителей его. Французы называютъ такихъ писателей „сказочниками“ (conteurs) и, желая похвалить такого автора, прибавляютъ „charmant conteur“. Подобное названіе могло бы быть приложено и къ нѣкоторымъ изъ нашихъ беллетристовъ этого типа, но даже и съ этимъ прибавленіемъ мы ихъ назвать не рѣшимся, такъ какъ ихъ поклонникамъ, навѣрно, этого покажется мало, а мы никого не хотѣли бы сердить нашей невинной замѣткой...

Быстрый ростъ нашей литературы не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи создаетъ большую потребность въ литературномъ матеріалѣ и вообще вызываетъ беллетристовъ къ усиленной дѣятельности. Благодаря этому обстоятельству, у насъ особенно развился новый литературный родъ — называемый „разсказомъ“, и особый типъ талантовъ, который можно назвать „разскащиками“. Мы разумѣемъ подъ именемъ разсказовъ не повѣсти небольшаго объема, иногда это наименованіе, а „этюды“ или „эскизы“, въ одну двѣ журнальныя страницы, предназначающіеся для еженедѣльныхъ или ежедневныхъ газетъ, изображающіе отдѣльную, вырванную изъ жизни, картину или сцену. Для нѣкоторыхъ беллетристовъ, это — дѣйствительно „этюдъ“, подготовитель-

работа какой либо сцены повѣсти или романа, а для другихъ это — нѣчто отдѣльное, законченное. У писателей послѣдней категоріи, которые именно типичны для насъ въ данномъ случаѣ, и наблюденіе, и воспроизведеніе дѣйствительности принимаетъ соотвѣтствующую форму: жизнь какъ будто представляется имъ въ видѣ разрозненныхъ картинъ, изъ которыхъ однѣ поражаютъ ихъ воображеніе, а другія остаются незамѣченными ими. При способности сосредоточенія на одномъ впечатлѣніи и поэтическаго изображенія, такіе разсказы обращаются въ картины, въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ у Тургенева, Бодлера и Коппе и какія могутъ быть названы именемъ, даннымъ имъ первымъ изъ этихъ писателей — „стихотвореніями въ прозѣ“. При яркости и интенсивности таланта, такія картины или сцены могутъ производить также впечатлѣніе сжатыхъ романовъ, какъ у Мопассана. И у насъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ беллетристовъ, г. А. Чеховъ, предпочтительно избираетъ для себя эту литературную форму, и, повидимому, она всего лучше удается ему. Но намъ пріятно видѣть, что „разсказъ“ послужилъ для г. Ясинскаго только „пробой пера“, и онъ перешелъ къ формѣ, дающей большій просторъ беллетристу, къ роману и повѣсти, хотя онъ далъ нѣсколько настоящихъ „стихотвореній въ прозѣ“. Видимая легкость и сжатость этой формы соблазняетъ многихъ и, между прочимъ, нашихъ талантливыхъ поэтовъ — стихотворцевъ и драматурговъ, которые преимущественно въ этомъ видѣ дѣлаютъ экскурсіи въ область повѣствовательной беллетристики. Она соблазняетъ и людей малодаровитыхъ, не требуя отъ нихъ ни напряженія наблюдательной способности, ни сложной концепціи. Для писателей съ небольшимъ дарованіемъ это, пожалуй, самая выгодная форма, и тѣ изъ нихъ, которые ея придерживаются, при нѣкоторой оригинальности содержанія, могутъ считаться въ числѣ некрупныхъ, иногда малозамѣтныхъ, но все таки самостоятельныхъ талантовъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тѣхъ писателей, которые наблюдаютъ и описываютъ живую дѣйствительность, какъ она представляется наблюдателю, безъ всякаго намѣреннаго искаженія ея.

Кромѣ поэтовъ и бытописателей, проявляющихъ себя въ „разсказѣ“, такъ сказать, въ маломъ видѣ, въ немъ выступаютъ и другіе роды талантовъ. Изъ нихъ юмористы, во главѣ съ г. Лейкинымъ, составляютъ довольно многочисленную группу. Этотъ родъ литературы у насъ принято называть „литературнымъ жанромъ“, и онъ ведетъ свое начало отъ разсказовъ Н. Успенскаго и др. „разскащиковъ“ шестидесятыхъ годовъ. Изъ тогдашнихъ „разскащиковъ“ выростаютъ такіе крупные таланты, какъ г. Гл. Успенскій. Какъ извѣстно, этотъ писатель,

посвятивъ себя изученію народной жизни, не только въ извѣстныхъ формахъ ея, благодарныхъ для художника, но и во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ ея непрерывнаго развитія, является настоящимъ лѣтописцемъ ея. Въ этой роли, требующей быстрой, неустанной работы, онъ не могъ, не успѣвалъ придавать художественную форму своимъ наблюденіямъ, ограничиваясь работой публициста. Но художественный талантъ не покидалъ его, и его самыя бѣглыя замѣтки изобилуютъ живыми лицами, прямо выхваченными изъ дѣйствительности. Крупное дарованіе и художественное чутье спасли его отъ многихъ преувеличеній, въ которыя впадали другіе писатели-народники; юмористическая сторона его таланта часто выступаетъ у него даже въ серьезныхъ вещахъ и невольно влечетъ его къ тѣмъ отступленіямъ отъ дѣйствительности, которыя въ особенности ставятся ему на счетъ критиками другаго литературнаго направленія.

Въ настоящее время особый родъ юмористическихъ разсказовъ составляющихъ характерную черту „мелкой прессы", отличается еще бо̀льшимъ шаржемъ, чѣмъ ихъ прежній журнальный прототипъ; но такъ какъ они крѣпко укоренились и находятся въ періодѣ процвѣтанія, то мы сочли долгомъ о нихъ упомянуть и отмѣтить особый типъ таланта, обнаруживающійся въ нихъ. Своеобразный талантъ долженъ быть признанъ и въ представителяхъ сказочно-фантастическаго направленія, изъ которыхъ наиболѣе типичнымъ является г. Котъ-Мурлыка. По его слѣдамъ пока еще идутъ немногіе, но фантастическая струйка уже замѣтно пробивается въ нынѣшней литературѣ. Она едва ли имѣетъ будущность, какъ достояніе уже отжившаго романтизма, и для насъ можетъ служить только доказательствомъ того, какое разнообразіе типовъ литературнаго таланта уживается рядомъ въ современной литературѣ.

Всѣ типы талантовъ, какихъ мы касались до сихъ поръ, могутъ быть весьма различны по размѣрамъ, но всѣ они требуютъ для того, чтобы имѣть настоящую литературную цѣнность, общаго, одинаковаго для всѣхъ качества — самостоятельности. Но и въ нашей литературѣ, какъ и во всякой другой, есть обширная группа подражателей, воспроизводящая въ своихъ сочиненіяхъ манеру, пріемъ, а иногда даже цѣлыя картины своихъ оригиналовъ. Подражательность отчасти можетъ быть невольною, послѣдствіемъ вліянія первенствующаго писателя эпохи, и замѣчается даже и у крупныхъ дарованій въ ихъ первыхъ литературныхъ опытахъ. Но иногда она бываетъ сознательною, происходя отъ неспособности пишущаго выработать не только свою манеру, но и свое отношеніе къ жизни. И Толстой, и Тургеневъ, также какъ въ свое время Гоголь и

даже любимые у насъ иностранные писатели, какъ, напр., Диккенсъ, создали много такихъ подражателей. При извѣстной бойкости и выдержанности подражанія, они иногда даже пріобрѣтаютъ извѣстность и, по крайней мѣрѣ, въ своей литературной партіи считаются видными писателями; но ихъ извѣстность рѣдко переживаетъ ихъ. Между подражательными дарованіями встрѣчаются и такія, которыя даютъ нѣчто въ родѣ литературной мозаики, заимствуя и форму, и воззрѣнія у нѣсколькихъ писателей и, болѣе или менѣе искусно соединяя эти позаимствованія въ своихъ произведеніяхъ. Мы могли бы назвать здѣсь одного писателя, который въ концѣ семидесятыхъ годовъ, обратилъ на себя общее вниманіе подобной ловко сплоченной мозаикой.

Говоря о подражательныхъ талантахъ (и для искуснаго подражанія надо имѣть своего рода талантъ, также какъ онъ нуженъ живописцу-копіисту, и извѣстную выработку литературной формы), мы все еще остаемся въ сферѣ вліянія крупныхъ, живыхъ талантовъ, служащихъ образцомъ для подражателей. Въ произведеніяхъ послѣднихъ, хотя и не прямо, не непосредственно, отражается жизнь, и можетъ быть, если не живость, то яркость красокъ. Мы не можемъ уже на это разсчитывать въ такъ называемой „идейной беллетристикѣ", разумѣя подъ этимъ именемъ обширный классъ произведеній, которыя пишутся на извѣстныя нравственныя темы и лица которыхъ — нечто иное, какъ олицетворенныя антитезы, нужныя автору. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не сочиненія, проникнутыя извѣстнымъ нравственнымъ воззрѣніемъ автора, каковы, напр., послѣднія произведенія гр. Толстаго; и смерть Ивана Ильича, и нѣкоторыя его сказки, благодаря тому, только пріобрѣтаютъ особый трогательный характеръ, ни мало не утрачивая самой реальной жизненности. Мы хотимъ указать на тѣ произведенія, гдѣ не чувствуется дѣйствительной жизни, гдѣ лица не похожи на живыхъ людей, а какъ-то выше ихъ, проявляя въ словахъ и поступкахъ необыкновенное благородство мыслей и чувствъ. Этотъ родъ произведеній, процвѣтавшій въ особенности, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и теперь еще поддерживаемый нѣкоторыми журналами, въ настоящее время имѣетъ наиболѣе представителей въ двухъ отдѣльно стоящихъ группахъ — народниковъ и дамъ-писательницъ. Во главѣ послѣднихъ, можетъ быть, поставлена недавно умершая извѣстная романистка, писавшая подъ псевдонимомъ „В. Крестовскій". Отрицательныя фигуры ея еще надѣлены нѣкоторою жизненностью, что̀ было вполнѣ доступно ея недюжинному таланту, но положительныя лица, которымъ авторъ особенно сочувствуетъ и ради которыхъ пишетъ, всегда обладаютъ у него высшими

качествами ума и сердца въ сравненіи съ обыкновенными людьми. Двухъ другихъ писательницъ, также имѣющихъ извѣстность, изъ которыхъ одна, повидимому, уже замолкла, а другая находится еще въ оживленной порѣ своей дѣятельности, мы причисляемъ къ той же категоріи талантовъ. Этому роду литературы грозитъ теперь нѣкоторый упадокъ, судя по тому, что вѣтвь ея, представляемая народниками, уже менѣе заявляетъ о себѣ, и нѣкоторые изъ нихъ стараются уже приблизиться къ типу бытописателей, описывая обыденную жизнь. Въ характерныхъ произведеніяхъ этого литературнаго рода мы не встрѣчаемъ живыхъ красокъ и живыхъ формъ дѣйствительности, что и не нужно ихъ авторамъ; картины ихъ, въ лучшемъ случаѣ, похожи на рисунки сепіей или тушью. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться нашихъ историческихъ романистовъ, занимающихъ довольно видное мѣсто въ нынѣшней литературѣ.

Мы не будемъ касаться и талантовъ смѣшаннаго типа, — въ которыхъ, напр., бытописатель соединяется съ разскащикомъ и юмористомъ, какъ у талантливаго молодаго писателя Дѣдлова, — или беллетристовъ еще не выяснившихся, процессъ развитія которыхъ связанъ съ различными превращеніями, претерпѣваемыми ихъ талантомъ. Мы оставляемъ и много другихъ неразъясненныхъ сторонъ важнаго и любопытнаго вопроса, затронутаго нами, вопроса о различныхъ родахъ или типахъ талантовъ, совокупность которыхъ составляетъ нашу современную беллетристику. Мы не хотимъ выходить изъ предѣловъ небольшой журнальной замѣтки и ограничимся этими немногими замѣчаніями, сознавая все несовершенство нашей попытки классификаціи литературныхъ талантовъ, несовершенство, свойственное и всякой классификаціи, и всякой первой попыткѣ. Если мы рѣшаемся представить ее на судъ читателей, то лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы помочь, по мѣрѣ нашихъ силъ, установленію правильнаго и справедливаго взгляда на всѣхъ трудящихся въ области литературнаго творчества.

Д. Коропчевскій

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ

Очеркъ музыкальной дѣятельности

III

Послѣ „Опричника“ композиторъ выступилъ съ „Кузнецомъ Вакулой“, доставившимъ ему первую премію на конкурсѣ, объявленномъ отъ имп. русскаго музыкальнаго общества по волѣ покойной вел. княгини Елены Павловны, памяти которой эта опера и посвящена. Премія, кажется, была назначена въ 1000 рублей. Поставленный въ первый разъ 24 ноября 1876 г., „Кузнецъ Вакула“ имѣлъ большой успѣхъ и доставилъ автору много вызововъ и аплодисментовъ, хотя опера весьма недолго удержалась на репертуарѣ. Танцы изъ „Вакулы“ еще раньше исполнялись въ томъ же году, и также съ громаднымъ успѣхомъ, въ одномъ изъ симфоническихъ собраній.

Въ этой оперѣ Чайковскій поддался вліянію вагнеровскихъ принциповъ и отчасти поплатился за свою попытку въ области новаторства: „Кузнецъ Вакула“ не завоевалъ ни одной сцены, кромѣ петербургской, и то, какъ мы уже сказали, вскорѣ былъ снятъ съ репертуара. Всякая насильственная прививка не даетъ естественныхъ и желаемыхъ плодовъ: таланту Чайковскаго, способному къ широко-льющейся мелодіи и къ трогающему своимъ чувствомъ и изяществомъ лиризму, несвойственны кандалы, налагаемые новаторами и именуемые „правдой въ звукахъ“; вотъ почему композиторъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ рамкахъ вагнеризма и стоитъ лишь тамъ на своей высотѣ, гдѣ его творчество вырывается изъ добровольно наложенныхъ оковъ. Вѣроятно, и самъ композиторъ это сознавалъ, когда онъ взялся передѣлать „Вакулу“ въ „Черевички“, вышедшія въ этомъ году и подвергшіяся кое-какимъ измѣненіямъ.

Ниже мы укажемъ, что̀ именно передѣлано Чайковскимъ въ „Черевичкахъ“, а теперь разсмотримъ—въ чемъ состоятъ особенности „Кузнеца Вакулы“. Во-первыхъ, авторъ, за немногими

исключеніями, о которыхъ скажемъ дальше, вездѣ даетъ преобладаніе оркестру надъ голосомъ; такимъ образомъ оркестръ доминируетъ надъ пѣвцами, временами заглушая ихъ совершенно въ ущербъ впечатлѣнію. Во-вторыхъ, ему пришлось вести упорную и, къ сожалѣнію, безплодную борьбу съ декламаціей, къ которой онъ чувствуетъ мало склонности; речитативъ, разумѣется, мелодическій мало дается нашему композитору; отсюда дѣланность музыкальнаго слога, бьющаго въ глаза; мелодія пробивается сквозь толстую кору декламаціонныхъ попытокъ, и нерѣдко получается любопытная смѣсь (особенно замѣтна борьба между теоріей и вдохновеніемъ въ аріозо Вакулы: „Вотъ уже годъ прошелъ“) речитатива съ кантиленой. Въ-третьихъ неумолкающій оркестръ, отвлекшій все вниманіе композитора, отодвинулъ на второй планъ дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ большинствѣ случаевъ безъ яркой индивидуальной окраски, хотя кое-какія попытки въ видѣ Leitmotiv'овъ сдѣланы. Чубъ, Голова и другія лица оставлены авторомъ совершенно безъ вниманія. Но лишеніемъ характеристики героевъ еще не ограничивается весь художественный ущербъ, наносимый композиторомъ всѣмъ этимъ лицамъ: декламаціонный характеръ ихъ рѣчей производитъ впечатлѣніе крайняго однообразія, въ концовъ сильно докучающій своей монотонностью, особенно если принять во вниманіе, что оркестръ все время не перестаетъ играть свою самостоятельную роль (многое въ этомъ отношеніи сдѣлано къ лучшему въ „Черевичкахъ“). Даже главныя лица за исключеніемъ отчасти Бѣса и Солохи, какъ, напр., Вакула и Оксана, не оставляютъ цѣльнаго, законченнаго впечатлѣнія. Наконецъ, въ-четвертыхъ, композиторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на мѣсто дѣйствія, и опера страдаетъ отсутствіемъ мѣстнаго колорита; правда, попадаются въ видѣ сапсовъ и малорусскія темы, но онѣ встрѣчаются лишь въ видѣ пріятныхъ исключеній; вся же опера, въ цѣломъ, не переноситъ слушателя на югъ, съ его чудными пѣснями, то медленными и заунывными, то веселыми и разгульными, но всегда задушевными, всегда полными чувства и поэтической прелести. Это тѣмъ болѣе странно, что гоголевскій сюжетъ („Ночь предъ Рождествомъ“) представлялъ либреттисту и композитору такое обширное поле дѣйствія.

Строгое отношеніе критики къ „Вакулѣ“ оправдывается какъ направленіемъ новаго произведенія, такъ и благодарнымъ сюжетомъ для комической оперы, какую, очевидно, имѣлъ въ виду Чайковскій, создавая своего „Кузнеца“. Дѣйствительно, едва-ли можно найти болѣе удобную канву для комической оперы, чѣмъ та, которую выбралъ композиторъ. Въ „Ночи предъ Рождествомъ“ имѣются несомнѣнные комическій и фантастическій

элементы, есть интересныя бытовыя стороны, живыя лица, наконецъ романическая подкладка отношеній главныхъ героевъ даетъ достаточно матеріала для лирическаго элемента. Недаромъ такъ много композиторовъ прельщается гоголевскими сюжетами: „Тарасомъ Бульбой“ плѣнились три автора (Сѣровъ, Кюнеръ и Сокальскій), „Майской ночью“ — два (Римскій-Корсаковъ и Ивановъ), „Женитьбой“ — Мусоргскій, наконецъ „Ночью предъ Рождествомъ“ — три композитора (Соловьевъ, Лысенко и Чайковскій); гоголевскіе сюжеты представляютъ неиссякаемый источникъ для комическихъ оперъ. Этотъ сюжетъ менѣе всякаго другаго годенъ для вагнеровскихъ изысканныхъ и тяжеловѣсныхъ требованій; вотъ почему такъ рельефно и бросается въ глаза несоотвѣтствіе между содержаніемъ либретто, которое, безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстно, и напыщенными доктринами вагнеровскаго ученія, такъ сильно повліявшаго на автора „Кузнеца Вакулы“. Вмѣсто того чтобы дать живую, веселую комическую музыку, которая охарактеризовала бы намъ украинскіе типы, въ живой иллюстраціи обрисовала бы именно гоголевскихъ героевъ, мы все время, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, имѣемъ дѣло съ теоріей, съ изысканными придуманными эффектами и съ тяжелой для избраннаго сюжета музыкой, характеръ которой то элегиченъ, то сантименталенъ.

Либретто весьма удачно составлено нашимъ извѣстнымъ поэтомъ, Я. П. Полонскимъ, близко державшимся гоголевской повѣсти и позволившимъ себѣ весьма небольшія отступленія: имъ выпущены съ большимъ тактомъ сцены Вакулы съ Пацюкомъ, ѣдящимъ галушки, и сцена ссоры ткачихи съ бабами по поводу смерти Вакулы; взамѣнъ ихъ либреттистомъ вставлена весьма годная для музыкальныхъ красокъ сцена русалокъ. Сцены вездѣ планированы умѣло, картинъ много (всѣхъ ихъ въ оперѣ восемь, также какъ и въ „Черевичкахъ“), и онѣ на сценѣ замѣняются эффектно одна другой; словомъ, поэтъ-либреттистъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы подогнать этотъ прелестный сюжетъ къ оперным требованіямъ.

Было бы, конечно, односторонне полагать, что Чайковскій далъ абсолютно слабое произведеніе: онъ слишкомъ талантливъ для этого; достаточно познакомиться поближе хотя бы съ третьимъ актомъ „Кузнеца“ (въ „Черевичкахъ“ это четвертый) или съ отдѣльными №№ другихъ дѣйствій, чтобы убѣдиться, съ какой мощной творческой силой мы имѣемъ дѣло и въ этой оперѣ; и здѣсь попадаются страницы, которыя достойны имени своего автора; но не такую оперу на этотъ сюжетъ могъ бы написать Чайковскій, не задавшійся цѣлью стать въ ряды. бойцовъ за идею и не отдавшій предпочтенія формѣ предъ содержаніемъ, теоріи предъ вдохновеніемъ. Конечно, въ техническомъ смыслѣ

эта опера, въ особенности въ передѣланныхъ „Черевичкахъ“, гдѣ оркестру отведено болѣе ограниченное мѣсто, едва ли оставляетъ желать чего либо болѣе совершеннаго; но на массу, на публику она не можетъ произвести художественнаго, цѣльнаго впечатлѣнія, вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ.

Отъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ. Большая увертюра, предшествующая оперѣ, состоитъ изъ трехъ частей: небольшаго Andante, краснваго и колоритнаго Allegro, въ которомъ замѣтенъ блестящій французскій стиль, и Andante съ прекрасной малорусской темой, вошедшей въ заключительный хоръ оперы („Ой, не вѣйте, вѣтры“). Если въ чемъ либо можно упрекнуть композитора, то развѣ только въ смѣси двухъ стилей — недостатокъ съ избыткомъ выкупаемый мастерской разработкой темъ и превосходной гармонизаціей. Средняя часть, Allegro, слишкомъ велика въ сравненіи съ остальными двумя.

Небольшая, но характерная малорусская тема предшествуетъ речитативному дуэту Солохи и Бѣса, которымъ начинается первое дѣйствіе, состоящее изъ двухъ картинъ. Дуэтъ этотъ, слишкомъ длинный, сильно акомпанируемый оркестромъ, весьма недуренъ; особенно красиво заклинаніе Бѣса: „Гей вы, вѣтры буйные“. Разговоры Чуба и Панаса, удивляющихся отсутствію мѣсяца, сами по себѣ были бы недурны, еслибы оркестръ ихъ не заглушалъ. Хоръ духовъ и сцена бури превосходны, особенно эффектна послѣдняя. Снова слышатся мотивы Солохи и Бѣса, и сцена бури эффектно закончилась бы гаммами въ цѣлыхъ тонахъ (пріемъ, любимый всѣми русскими композиторами, когда приходится изображать что либо сверхъестественное), еслибы не лишняя бесѣда Чуба и Панаса, бьющая на комизмъ, мало удавшійся нашему композитору. Прекрасной сценой бури заканчивается первая картина этого акта.

Вторая картина происходитъ въ хорѣ Чуба. Монологъ Оксаны, кромѣ своей длинности, страдаетъ несоотвѣтствіемъ между содержаніемъ текста и иллюстрирующей его музыкой. По характеру своему Оксана, какъ извѣстно, строптива, своенравна, бойка и жива, а композиторъ влагаетъ въ ея уста меланхолическую мелодію. На этой сценѣ также любопытно прослѣдить, насколько Чайковскій старался не выходить изъ строгихъ формулъ новаго направленія: только что мелодія начнетъ шире развиваться, какъ композиторъ уже старается удержать свое вдохновеніе и перейти въ речитативную форму; чуть не каждые три такта онъ насильственно мѣняетъ темпы, какъ того требуетъ кодексъ новѣйшаго фокусничанія.

Въ „Черевичкахъ“ слѣдующая сцена Оксаны съ Вакулой значительно выигрываетъ въ томъ смыслѣ, что оркестръ ограничивается, по крайней мѣрѣ, одними акордами во время длин-

ныхъ разговоровъ названныхъ героевъ, чего въ „Кузнецѣ Вакулѣ“ нѣтъ; здѣсь въ разсматриваемой сценѣ оркестровая масса все время не перестаетъ дѣйствовать. Въ разбираемомъ дуэтѣ попадаются прекрасныя музыкальныя фразы („Что мнѣ мать? что мнѣ отецъ?“), но, повинуясь требованіямъ „правды въ звукахъ“, авторъ дѣлаетъ ихъ чрезвычайно короткими, лишаетъ ихъ плавности и не даетъ имъ разрастись въ нѣчто цѣльное. Появленіемъ Чуба, выгоняемаго изъ хаты влюбленнымъ кузнецомъ, кончается актъ въ „Вакулѣ“; въ „Черевичкахъ“ же дуэтъ значительно удлиненъ, и, сверхъ того, прибавлена заключительная сцена, въ которой Оксана смѣется надъ Вакулой (прекрасна ея фраза въ обѣихъ операхъ — „И плакать хочется, и разбираетъ смѣхъ“) и гдѣ хоръ приглашаетъ ее колядовать. Въ музыкальномъ отношеніи сцена эта ничего не измѣняетъ въ блѣдности этой картины. Еще слѣдуетъ прибавить, что конецъ дуэта („Уходи же, сейчасъ придутъ“) противъ всякаго ожиданія написанъ итальянскимъ пошибомъ, такъ мало идущимъ къ хохламъ — героямъ гоголевской повѣсти. Въ общемъ первая картина сильнѣе и эффектнѣе второй.

Второе дѣйствіе также состоитъ изъ двухъ картинъ: первая происходитъ у Солохи, вторая — на площади, гдѣ происходитъ и первая картина перваго дѣйствія. Антрактъ ко второму дѣйствію, написанный ex ordine радикализма, абсолютно ненуженъ: онъ только замедляетъ и безъ того длинное дѣйствіе. Речитативы Солохи нехарактерны и скучны. Кстати замѣтимъ особенность большинства речитативовъ „Вакулы“: авторъ заставляетъ героевъ очень часто говорить на одну ноту довольно продолжительную фразу, что, во-первыхъ, нисколько не соотвѣтствуетъ правдѣ, потому что даже въ обыкновенной рѣчи мы никогда не интонируемъ на одну и ту же ноту, а стараемся разнообразить интонацію повышеніемъ и пониженіемъ голоса, а во-вторыхъ, крайне утомительно какъ для пѣвцовъ, такъ и для слушателей.

Въ этой картинѣ пять сценъ, которыя по своему положенію крайне комичны: Солохи съ Бѣсомъ, Головой, Школьнымъ учителемъ (гоголевскій дьякъ) и съ Чубомъ, которыхъ она поочередно прячетъ въ мѣшки, — всѣ эти сцены требуютъ возрастающаго комизма, а между тѣмъ въ операѣ, вслѣдствіе отсутствія характерныхъ, индивидуальныхъ чертъ у героевъ, онѣ выходятъ похожими другъ на друга и лишенными типичности, особенно если принять во вниманіе речитативное письмо нашего композитора. Впрочемъ, сцена Солохи съ Бѣсомъ (гопакъ) достаточно выдержана и типична, хотя ее и слѣдовало бы нѣсколько урѣзать. Зато сцена съ Головой совсѣмъ блѣдна въ цѣломъ (красива фраза Головы: „Шелъ я отвѣдать варенухи“).

Умѣстно однако въ этой сценѣ повтореніе оркестромъ фразъ Солохи во время ея разговора съ Головой.

Передѣлкѣ, и сравнительно удачной, подверглась въ „Черевичкахъ“ сцена съ Школьнымъ учителемъ; найдя, что она вышла слишкомъ сухой въ „Вакулѣ“, Чайковскій прибавилъ речитативъ и комическую пѣсенку учителя, что̀, разумѣется совершенно умѣстно здѣсь. Пѣсенка его: „Баба къ Бѣсу привязалась“, состоящая изъ двухъ куплетовъ, хотя и переходитъ по своей легкости за предѣлы „комическаго“ въ оперѣ, но шутлива и интересна. Здѣсь ярко сказалась способность композитора къ юмору; юморъ — отличительная способность всѣхъ русскихъ композиторовъ; жаль только, что авторъ такъ мало пользовался этой стороной своего дарованія, приступивъ къ избранному сюжету.

Приходъ Чуба не увеличиваетъ комизма этой сцены, а, напротивъ, какъ бы расхолаживаетъ ее; вѣроятно, по этой причинѣ композиторъ прибавилъ въ „Черевичкахъ“ комическій квинтетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, находящихся въ мѣшкахъ; квинтетъ этотъ, небольшой по объему и вносящій нѣкоторое разнообразіе, хотя и не блещетъ мѣстнымъ колоритомъ, — интересенъ и достаточно комиченъ. Картина заканчивается аріозо Вакулы, о которомъ мы уже выше сказали; въ этомъ № попадаются чудныя музыкальныя фразы („Ахъ, мнѣ постылъ и домъ родимый“), полныя захватывающаго лиризма, которымъ такъ богатъ талантъ Чайковскаго. Но, къ сожалѣнію, оковы, наложенныя теоріями, тормозятъ свободное теченіе его музыкальныхъ мыслей и речитативы замѣняютъ мелодію...

Слѣдующая картина этого акта снова на площади. Хоръ: „Выросла у тына красная калина“, кромѣ прекрасныхъ гармонизацій и голосоведенія, ничего не представляетъ собой и является противоположностью слѣдующему за нимъ хору: „Добрый вечеръ“ съ мотивомъ общерусскаго народнаго характера; въ „Черевичкахъ“ прибавленъ еще куплетъ: „Пріѣхали цыганки перебили чашки“. Прекрасна также тема стариковъ и старухъ: „Тихая ноченька, дай добрымъ здоровьица“; вообще нужно сказать, что сцены въ значительной степени оживляются, когда композиторъ имѣетъ дѣло съ массами. Появляющаяся на крышѣ своей хаты Оксана трунитъ надъ Вакулой; фразы ея, прерываемыя репликами хора, проникнуты народнымъ характеромъ. Обѣщаніе ея выйти замужъ за Вакулу, если онъ достанетъ такія „черевики, которыя сама царица носитъ“, выражено речитативомъ, но энергично и эффектно въ музыкальномъ смыслѣ. Красива фраза Вакулы: „Смѣйся“, сопровождаемая въ оркестрѣ его мотивомъ. Неумѣстна въ этой сценѣ вставленная композиторомъ громадная фіоритура („Черевички“), которая была

совершенно подстать любому мейерберовскому пажу при королевѣ; тутъ цѣлые пассажи съ повышающейся трелью отъ *la* до *fa*, заканчивающіеся большой формальной итальянской ферматой. Большая сцена „Черевичекъ“ требуетъ, на нашъ взглядъ, нѣкотораго сокращенія въ видахъ того, что вслѣдъ за ней идетъ большая же заключительная сцена, начинающаяся дуэтомъ героевъ. Дуэтъ этотъ („Нѣтъ, мнѣ не въ мочь“) самъ по себѣ превосходная лирическая сцена. Комическимъ по пьесѣ, но не по музыкѣ, выходомъ Головы, Чуба и Школьнаго учителя изъ мѣшковъ кончается это дѣйствіе.

Въ третьемъ актѣ по „Кузнецу Вакулѣ“ — четыре картины (послѣдняя картина въ „Черевичкахъ“ составляетъ четвертое дѣйствіе). Антрактъ къ третьему акту, долженствующій подготовить зрителя къ фантастической сценѣ полета Вакулы на Бѣсѣ, малохарактеренъ; сцена русалокъ („Темно намъ“) прекрасна; удался автору голосъ лѣшаго, хотя его музыка ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ музыки появляющагося вскорѣ за этимъ Бѣса; но сцена оригинальна, и фантастическій характеръ хорошо выдержанъ; не знаемъ только — для чего понадобилась арфа въ концѣ этой сцены. Дуэтъ Вакулы и Бѣса, изъ которыхъ первый побѣждаетъ втораго, состоитъ изъ речитативовъ, съ характеромъ которыхъ мы уже достаточно познакомились. Полетъ выраженъ тѣмъ же мотивомъ, что и полетъ Бѣса съ Солохой. Въ общемъ картина эта на блѣдномъ фонѣ другихъ картинъ выдѣляется своей болѣе характерной физіономіей.

Вакула и Бѣсъ появляются въ пріемной дворца. Ихъ разговоры сопровождаются въ оркестрѣ мотивомъ полета. Приглашеніе запорожцевъ Дежурнымъ идетъ въ темпѣ полонеза. Слѣдующая картина открывается польскимъ; здѣсь композиторъ на время освободился отъ угнетавшихъ его новаторскихъ требованій и далъ прекрасный и грандіозный оркестровый №. Свѣтлѣйшій объявляетъ о томъ, что „крѣпости сдаются“ (удобный моментъ для барабановъ, изображающихъ пушечную пальбу). Начинается славленье царицы, оканчивающееся громкимъ „ура“; сцена весьма эффектная, хотя музыку ея и нельзя назвать очень содержательной. Въ „Черевичкахъ“ композиторъ прибавилъ куплеты Свѣтлѣйшаго, предшествуемые речитативомъ и подхватываемые хоромъ. Въ речитативѣ Свѣтлѣйшій рекомендуетъ поэта (вѣроятно, пѣвца „Фелицы“) и читаетъ стихи (куплеты): „Петрограду возвѣстилъ звонкій голосъ“. Музыка слишкомъ легкаго свойства для серьезной оперы.

Начинается менуэтъ, прекрасно написанный; особенно изящна просьба Вакулы о царицыныхъ черевичкахъ, построенная на малороссійскомъ мотивѣ, который нѣсколько напоминаетъ извѣстную пѣсню: „У сосида хата била“. Вслѣдъ затѣмъ идутъ

два №№ танцевъ: русская пляска и пляска запорожцевъ. Изъ нихъ первая состоитъ изъ русскихъ мотивовъ, прекрасно разработанныхъ въ оркестрѣ, хотя и не отличающихся оригинальностью; но пляска запорожцевъ превосходна какъ по мелодіи, такъ и по оркестровкѣ. Здѣсь композиторъ снова на время отрекся отъ доктрины и отдался во власть вдохновенія; и дѣйствительно, этотъ танецъ одинъ изъ блестящихъ №№ оперы. Онъ весь состоитъ изъ мѣстныхъ мотивовъ, объединенныхъ мастерской рукой Чайковскаго. Сцена приглашенія Церемоніймейстеромъ гостей на представленіе „Царевича Хлора", заключающая эту картину (третью) въ „Кузнецѣ Вакулѣ", служитъ финаломъ третьяго акта въ „Черевичкахъ". Вслѣдъ за уходомъ гостей, Вакула отправляется обратно на Бѣсѣ въ Диканьку. Небольшой ихъ речитативный дуэтикъ ничѣмъ не отличается отъ знакомыхъ уже намъ жидкихъ речитативовъ; только въ передѣланномъ видѣ композиторъ прибавилъ къ нему послѣ слова „Гайда!" итальянскій финалъ на словахъ „Летимъ къ Оксанѣ". Впрочемъ, не этимъ только ограничились измѣненія въ этой картинѣ: оркестръ нѣсколько упрощенъ и сокращенъ, разумѣется, окончаніе акта отъ этого только выигрываетъ.

Послѣдняя картина заключаетъ въ себѣ двѣ сцены: Солохи и Оксаны, оплакивающихъ Вакулу, и сцену возвращенія Вакулы, получающаго руку Оксаны. Дуэтъ сопрано (Оксана) и меццосопрано (Солоха) — „Кто говоритъ — утопился, кто говоритъ, что повѣсился" — по музыкальной законченности, выдержанности характера и цѣльности производимаго впечатлѣнія долженъ считаться лучшимъ № во всей оперѣ. Главная роль въ немъ поручена голосамъ пѣвцовъ; темы, взятыя композиторомъ, народны и красивы; оркестръ не только не затемняетъ фразъ пѣвцовъ, какъ это до сихъ поръ неоднократно случалось, а лишь способствуетъ къ выясненію главной музыкальной мысли порученной дѣйствующимъ лицамъ. Творчество одержало верхъ надъ правилами, и мы имѣемъ блестящее доказательство, насколько Чайковскій, какъ настоящій талантъ, неспособенъ къ узкой тенденціи; почти цѣлыхъ три акта онъ безжалостно подавлялъ свое вдохновеніе, но творческій духъ композитора все же прорвалъ искусственную плотину, и естественная рѣчь полилась струей. Этотъ № былъ бы очень эффектенъ на концертной эстрадѣ.

До входа Вакулы въ послѣдней сценѣ интересны два хора: первый — „Къ намъ милости просимъ" по своему заунывному тону, нисколько неидущему къ дѣлу, такъ какъ народъ приглашаетъ другъ друга на вареники и выпить, а второй — „Кто хочетъ меду пить", значительно расширенный и разработанный въ „Черевичкахъ", по своей прелестной народной темѣ, написанной въ темпѣ Allegro vivace, что̀ составляетъ больш

рѣдкость въ разсматриваемой оперѣ, въ большинствѣ случаевъ идущей въ темпахъ Moderato и Andante. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ видимъ здѣсь несоотвѣтствіе между комическимъ сюжетомъ и элегической музыкой, его иллюстрирующей, о которомъ мы выше упомянули, говоря о крупнѣйшихъ недостаткахъ оперы.

Является Вакула; прелестны полные юмора фразы Солохи „Что-жъ это я, глупая, разголосилася"; происходитъ извѣстная сцена съ плеткой и согласіе Чуба на бракъ Вакулы съ Оксаной, и появляются кобзари. Финалъ опять превосходенъ; тема его, съ которой мы ужъ отчасти знакомы, такъ какъ она вошла въ увертюру, вполнѣ южнорусская; финалъ, въ которомъ участвуютъ всѣ наличныя силы, идетъ crescendo и эффектно завершаетъ оперу, значительно сглаживая неблагопріятное впечатлѣніе первыхъ актовъ. Вообще эта послѣдняя картина, или послѣдній актъ (въ „Черевичкахъ") — самый лучшій и самый сильный по интенсивности и по музыкальному содержанію во всей оперѣ, и если „finis coronat opas" не должно имѣть никакихъ исключеній, то „Кузнецъ Вакула" — очень удачное произведеніе.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о типахъ, о хоровыхъ массахъ и объ оркестрѣ разбираемой оперы. Главные герои — Вакула и Оксана — шаблонны: мѣста лирическія въ ихъ партіяхъ прекрасны, но, къ сожалѣнію, ихъ немного; оба они не представляютъ типовъ, тогда какъ по сюжету они малороссы, также какъ и Чубъ, Голова, Школьный учитель, ничѣмъ характеристично другъ отъ друга не отличающіеся. Живѣе очерчены Солоха и Бѣсъ. Что же касается Свѣтлѣйшаго, Дежурнаго, Церемоніймейстера и др., то, очевидно, композиторъ о нихъ очень мало заботился. Если и прибавлены въ „Черевичкахъ" куплеты въ партіяхъ Свѣтлѣйшаго и Школьнаго учителя, какъ мы это видѣли, то они всетаки придаютъ весьма мало характеристики этимъ лицамъ, такъ какъ музыку эту могли бы по своему стилю исполнить и всякіе другіе герои разсматриваемыхъ оперъ.

Все вниманіе композитора обращено на оркестръ, и онъ у него дѣйствительно блещетъ ярко, даже въ ущербъ цѣлому, по нашему мнѣнію: онъ доминируетъ надъ пѣвцами, скрадываетъ и тѣ слабыя попытки комизма, который такъ необходимъ въ этой оперѣ: припомнимъ хотя бы сцену, когда Чубъ, Голова и Школьный учитель выходятъ изъ мѣшковъ, — и наконецъ постоянное присутствіе оркестра (въ „Черевичкахъ" все же сдѣланы мѣстами кое-какія упрощенія) въ качествѣ главнаго героя невольно становится въ тягость обыкновенному слушателю, обращающему главное вниманіе на вокальную сторону. Всѣ тѣ тех-

ническія особенности, какими переполнена партитура и к-
рыя говорятъ объ авторѣ, какъ объ одномъ изъ первоклассныхъ
оркестраторовъ, для публики проходятъ почти незамѣченными
и она оставляетъ залу неудовлетворенной. Гораздо разнообра-
нѣе и жизненнѣе хоры. Хотя они также не имѣютъ никак-
мѣстной окраски, за исключеніемъ финальнаго хора кобзар-
но все же мы въ нихъ имѣемъ дѣло съ живыми русскими л-
цами. На сценѣ они представляютъ большой интересъ. В
итогѣ приходится сказать, что композиторъ взялся за р-
композиціи, совершенно несвойственный его таланту. Такъ как
комическіе моменты преобладаютъ, какъ того требуетъ сюжетъ —
а они-то и составляютъ ахиллесову пяту дарованія наш-
композитора, — то неудивительно, что въ результатѣ получа-
такія несоотвѣтствія между текстомъ и музыкой, въ больш-
ствѣ случаевъ элегической.

Безспорно, еслибы Чайковскій не пожелалъ насиловать с-
талантъ и не увлекся такъ новѣйшими тенденціями, бывши-
въ то время въ такой модѣ, то или онъ вовсе не взялся бы
этотъ сюжетъ, который такъ мало гармонируетъ съ его кр-
нымъ дарованіемъ, или же, взявшись за него, не отвелъ
оркестру первостепенной роли, а старался бы иллюстрирова-
гоголевскій текстъ безъ всякихъ затѣй, — и тогда онъ навѣр-
замѣтилъ бы, что ни итальянскій стиль, ни даже великор-
скіе мотивы, которыми пользовался композиторъ, не подходя-
къ гоголевскимъ героямъ. Кромѣ того, въ композиторѣ нез-
мѣтно было бы борьбы, происходящей между чувствомъ, т-
кающимъ его къ мелодическимъ формамъ, и тенденціей, ве-
щей его на несвойственный ему путь новѣйшаго лжереали-
(оркестръ, речитативы, отсутствіе эффектныхъ финаловъ и п-
Доказательствомъ тому, что этотъ путь ему несвойственъ, -
житъ послѣдняя картина „Вакулы“ и четвертый актъ „Че-
вичекъ“; вдохновеніе подсказало ему лучшія страницы опе-
Пришлось бы сильно опасаться за судьбу опернаго попр-
Чайковскаго, еслибы онъ долго еще продолжалъ увлекаться н-
свойственными и чуждыми его таланту идеями; къ счастію, он-
вскорѣ въ этомъ убѣдился самъ, и скользкій и ложный п-
реализма прельщаетъ его далеко не въ такой мѣрѣ, как-
прежде. Онъ долженъ былъ заплатить дань вѣяніямъ времени
и мы имѣемъ оперу въ двухъ изданіяхъ: второе — „Черевички“
прибавленное и дополненное, но... только количественно.

В. Баскинъ

Продолженіе будетъ

О преподаваніи отечественнаго законовѣдѣнія

III

Необходимая практическая постановка

Изъ всего сказаннаго выше достаточно выясняется какъ признававшаяся всегда необходимость преподаванія законовѣдѣнія въ особенности въ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и то, что введеніе закономъ 26 іюня 1889 г. *узаконеній* въ число учебныхъ предметовъ промышленныхъ училищъ отвѣчаетъ дѣйствительной насущной потребности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что, такъ прочно утверждаясь въ профессіональныхъ школахъ, законовѣдѣніе является и тѣмъ третьимъ „путеводнымъ началомъ", которое — по мнѣнію Лоренца Штейна — необходимо для развитія профессіональнаго образованія и которое состоитъ въ томъ, „чтобы каждое самостоятельное профессіональное образованіе соединить съ элементами общаго образованія и *чрезъ то* соединить высшее единство духовной жизни вообще съ полнѣйшимъ развитіемъ каждой части въ отдѣльности". Это начало Штейнъ и называетъ „этическимъ принципомъ профессіональнаго образованія", открывая его въ исторіи этого образованія (Ученіе объ управленіи и право управленія, стр. 148 — 149).

Что же именно должно подразумѣваться подъ словомъ „узаконенія"?

Въ виду неопредѣленности этого слова, а также въ виду того, что относительно преподаванія узаконеній въ промышленныхъ училищахъ вообще не дано никакихъ указаній, и вопросъ обо всѣхъ условіяхъ его какъ бы остается открытымъ, чрезвычайно важно обсудить его въ настоящее время.

Общій вопросъ этотъ можетъ быть разложенъ на такія части:

1) Каковъ долженъ быть вообще характеръ преподаванія законовѣдѣнія, то есть должно ли оно являться только пред-

метомъ общаго образованія, или преподаваніе его должно преслѣдовать и какія либо ближайшія, соотвѣтствующія тому или иному виду промышленныхъ училищъ, практическія цѣли?

2) Какова должна быть программа преподаванія узаконеній въ промышленныхъ училищахъ?

3) Какъ долженъ быть составленъ учебникъ законовѣдѣнія для промышленныхъ училищъ?

4) Какимъ условіямъ должны удовлетворять преподаватели узаконеній въ промышленныхъ училищахъ?

Что касается до перваго вопроса, то, также на основаніи всего сказаннаго выше, можно признать, что законовѣдѣніе въ промышленныхъ училищахъ должно, прежде всего, преслѣдовать общеобразовательную цѣль. Воспитанники этихъ училищъ по выходѣ изъ нихъ, суть прежде всего граждане. А какъ таковые, они и нуждаются, и обязаны обладать извѣстными знаніями изъ области законодательства. Нетрудно установить довольно значительный размѣръ такихъ знаній. Это будетъ размѣръ, такъ сказать, общеобразовательной части законовѣдѣнія. Затѣмъ, по выходѣ изъ училища, по роду своихъ занятій воспитанники начинаютъ принадлежать къ извѣстному классу людей, дѣйствовать въ извѣстной опредѣленной области жизни и промышленности. Школа, очевидно, можетъ и должна дать имъ и тѣ свѣдѣнія изъ законодательства, которыя потребуются для нихъ именно въ этой области. И эти свѣдѣнія должны составить дополненіе общеобразовательнаго курса законовѣдѣнія, такъ сказать, его практическую часть.

Этими началами опредѣляется до извѣстной степени отвѣтъ на второй вопросъ.

Необходимость болѣе или менѣе подробной опредѣленной программы преподаванія законовѣдѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Чѣмъ труднѣе предметъ, тѣмъ нужнѣе программа, тѣмъ большее пріобрѣтаетъ она значеніе. Настоящій же предметъ — одинъ изъ труднѣйшихъ.

Какова же должна быть эта программа?

Въ общей части должны быть, по нашему мнѣнію, слѣдующіе предметы: 1) происхожденіе и опредѣленіе права, отношеніе права къ нравственности, обычаю; 2) наука права, ея отрасли, способы изученія; 3) государство; 4) законодательные сборники и законность въ управленіи; 5) основные государственные законы (о вѣрѣ, о верховной власти, о законѣ, объ управленіи); 6) ученіе о власти и раздѣленіе властей; 7) государственный совѣтъ; 8) совѣтъ министровъ; 9) комитетъ министровъ; 10) правительствующій сенатъ; 11) святѣйшій правительствующій синодъ; 12) министерства; 13) канцелярія по прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ; 14) губернскія учре-

денія; 15) уѣздныя учрежденія; 16) городскія учрежденія; 18) законы правительственныхъ силъ и средствъ (о податяхъ, пошлинахъ и повинностяхъ); 19) подданство; 20) общія права состоянія; 21) сословія; 22) законы гражданскіе; 23) судопроизводство гражданское; 24) законы уголовные; 25) судопроизводство уголовное; 26) законы благоустройства и благосостоянія.

Не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію необходимость знакомства съ этими предметами рѣшительно для всѣхъ и каждаго.

Что же касается до особенной, такъ сказать, практической части программы преподаванія законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ, то въ ней для всѣхъ видовъ промышленныхъ училищъ должны быть означены, по нашему мнѣнію: 1) законы о торгово-промышленныхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ; 2) уставъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ; 3) уставъ о промышленности, фабричной и заводской, въ послѣднее изданіе коего входитъ и уставъ ремесленный.

Затѣмъ, въ остальномъ практическая часть законовѣдѣнія можетъ быть неодинакова для разныхъ видовъ промышленныхъ училищъ:

А) Особо для химико-техническихъ училищъ — существенно ознакомленіе учащихся съ акцизными уставами и съ уставомъ пробирнымъ.

Б) Въ строительно-техническихъ и механико-техническихъ училищахъ — необходимо изученіе устава строительнаго.

В) Горнозаводско-техническимъ училищамъ соотвѣтствовало бы изложеніе устава горнаго, устава о частной золотопромышленности, устава монетнаго и устава о соли.

С) Наконецъ, въ сельскохозяйственно-техническихъ училищахъ должны быть преподаны уставъ о сельскомъ хозяйствѣ и уставъ лѣсной.

Могутъ сказать, что такая программа слишкомъ обширна, что хотя всѣ эти свѣдѣнія необходимы, но трудно преподать ихъ при ограниченномъ, во всякомъ случаѣ, числѣ уроковъ.

Дѣйствительно, двухъ уроковъ въ недѣлю въ одномъ четвертомъ классѣ недостаточно, и желательно назначеніе, по крайней мѣрѣ, по *три* урока въ двухъ послѣднихъ классахъ среднихъ промышленныхъ училищъ, притомъ какъ четырехклассныхъ, такъ трехклассныхъ и двухклассныхъ, такъ чтобы законовѣдѣніе преподавалось во всѣхъ этихъ училищахъ.

Вмѣстѣ же съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что выполненіе программы много зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій преподаванія, въ томъ смыслѣ, что и широкая программа можетъ быть при наличности ихъ выполнена съ полнымъ успѣхомъ, и наоборотъ: при отсутствіи ихъ незначительная программа мо-

жетъ оказаться неодолимою. Условія эти — хорошій учебникъ и хорошій преподаватель. На эти два важнѣйшія условія я будетъ дальше обращено должное вниманіе.

Затѣмъ, нужно признать желательнымъ ознакомленіе съ началами отечественнаго законовѣдѣнія и учениковъ низшихъ промышленныхъ училищъ, также какъ учениковъ ремесленныхъ училищъ.

Именно, какъ для первыхъ, такъ и для вторыхъ необходимы понятія о законѣ, въ особенности объ его источникахъ, также о законахъ, касающихся промышленности. Кромѣ того, въ частности, въ низшихъ строительно- и механико-техническихъ училищахъ желательно преподаваніе устава строительнаго, въ химико-техническихъ училищахъ — уставовъ акцизныхъ и пробирнаго.

Наконецъ, въ ремесленныхъ училищахъ желательно преподаваніе свѣдѣній изъ устава ремесленнаго, кромѣ свѣдѣній о законахъ и ихъ источникахъ.

Принятіе законовѣдѣнія въ низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ было бы совершенно согласно и съ установленіемъ преподаванія этого предмета въ низшихъ сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ школахъ, по законамъ 27 дек. 1883 г. и 19 апр. 1888 г. Между прочимъ, уставъ ремесленный преподается и въ профессіональномъ училищѣ барона Дервиза, и въ Гнѣдинскомъ ремесленномъ.

Кстати упомянуть здѣсь о программѣ преподаванія законовѣдѣнія въ коммерческихъ училищахъ. Оно не поставлено здѣсь съ должною опредѣленностью, хотя этому предмету отведено въ названныхъ училищахъ порядочное число уроковъ.

Очевидно, что въ коммерческихъ училищахъ должно быть преподаваемо, во-первыхъ, *все*, что составляетъ общую и особенныя части законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ всѣхъ видовъ. Во-вторыхъ же, тутъ необходимы и дополненія. Именно, въ коммерческихъ училищахъ желательно болѣе основательное изученіе: 1) устава о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ; 2) устава таможеннаго; 3) устава кредитнаго; 4) устава торговаго; 5) вексельнаго устава; 6) устава консульскаго; 7) устава судопроизводства торговаго и 8) общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Чрезвычайную важность имѣетъ удовлетворительное разрѣшеніе третьяго вопроса — о томъ, какъ долженъ быть составленъ учебникъ законовѣдѣнія для промышленныхъ училищъ.

Свободный, доступный для всѣхъ, конкурсъ есть, безъ сомнѣнія, испытанное и лучшее средство для достиженія настоящей цѣли.

Относительно же составленія учебника законовѣдѣнія для промышленныхъ училищъ, желательно учрежденіе даже двухъ послѣдовательныхъ конкурсовъ: одного съ болѣе короткимъ срокомъ представленія сочиненій, напримѣръ, черезъ два года по объявленіи, въ виду того что скоро явится необходимость въ руководствѣ, и другаго конкурса съ болѣе продолжительнымъ срокомъ, напримѣръ, четырехлѣтнимъ.

Притомъ премій должно быть двѣ или три, полная и неполныя, дабы возможно было наградить ими не одно изъ представленныхъ сочиненій, а два или три, такъ чтобы имѣлось сразу достаточно болѣе или менѣе удовлетворительныхъ пособій.

Вызовъ на конкурсъ долженъ сопровождаться программою учебника, — но въ общихъ чертахъ, въ родѣ того, какъ очерчена здѣсь программа, — дабы неособенно стѣснять авторовъ, ибо при самомъ составленіи книги многое будетъ виднѣе, да извѣстный просторъ и вообще необходимъ, благо премій будетъ не одна. При объявленіи конкурса должны быть, однако, указаны извѣстныя руководственныя начала, необходимыя для выполненія задачи. Это необходимо для успѣха самого конкурса, для привлеченія къ участію въ немъ возможно бо̀льшаго числа силъ.

Такъ, книга должна быть именно учебникомъ отечественнаго законовѣдѣнія. Теоріи и философіи права не можетъ быть посвящено въ ней много мѣста. Теорія и философія права суть необходимыя существеннѣйшія части преподаванія предмета въ обширномъ видѣ. Однако изложеніе законовъ въ учебникѣ должно быть вполнѣ научное. Общія начала права и всѣхъ тѣхъ отраслей его, которыя заключаются въ программѣ, должны быть представлены съ достаточною ясностью. Учащемуся должна быть дана та путеводная нить науки, которая позволитъ ему всегда найти дорогу и не заблудиться въ густомъ и обширномъ лѣсу узаконеній. Простое постатейное изложеніе дѣлало бы учебникъ безполезнымъ: лучше бы тогда было обращаться прямо къ источникамъ законовъ, своду и др. Во всякомъ же случаѣ, научное изложеніе законовъ должно сопровождаться самыми точными и подробными ссылками на источники. Вообще, ученикъ долженъ выносить изъ учебника, прежде всего, полное и близкое знакомство съ источниками законодательства; это въ особенности вызывается нынѣшнимъ состояніемъ источниковъ законодательства. Дѣйствующее право потонуло, запуталось въ продолженіяхъ, вслѣдствіе того что весь сводъ законовъ одновременно не издавался ни разу съ 1857 года. Само кодификаціонное учрежденіе настолько затруднено, что, повидимому, новое четвертое изданіе свода оно намѣрено выпускать медленно, частями, отдѣльными томами, уставами и учрежденіями. Пре-

подаваніе должно дать ученику умѣнье обращаться съ источниками и наводить всякія справки самостоятельно, при знакомствѣ также съ правилами толкованія законовъ. При этомъ невозможно, конечно, обойтись безъ исторіи права, ограничиваться изложеніемъ одного дѣйствующаго законодательства. Извѣстныя историческія начала необходимо должны имѣть мѣсто въ учебникѣ, дабы онъ былъ достаточно научнымъ руководствомъ. Зато можно вовсе обойтись безъ сравнительнаго законодательства, дабы учебникъ не пріобрѣлъ слишкомъ большаго объема, и дабы не было въ немъ отклоненій отъ главной и ближайшей его цѣли. Наконецъ, безъ сомнѣнія, учебникъ долженъ быть написанъ вполнѣ простымъ, яснымъ, общепонятнымъ русскимъ языкомъ, безъ употребленія по возможности иностранныхъ словъ и безъ длинныхъ періодовъ. Вообще желательно, чтобы учебникъ могъ служить для самообразованія; послѣднее же будетъ всегда имѣть у насъ особое значеніе и заслуживать всяческаго поощренія — при рѣдкости населенія, при дальнихъ разстояніяхъ отъ центровъ, при бѣдности страны и вмѣстѣ при большомъ стремленіи нашего народа къ знаніямъ. Сколько бы ни устраивалось школъ, всетаки, въ силу первыхъ условій, многіе будутъ оставаться внѣ школы, не теряя жажды знанія. Этимъ обойденнымъ школою и нужно помогать, облегчая именно самообразованіе. Кстати, юридическія знанія меньше всякихъ иныхъ требуютъ, для пріобрѣтенія ихъ, аудиторіи или класса и легче могутъ быть усвояемы самостоятельно, путемъ ознакомленія съ литературою и источниками законодательства. Дѣйствительная же жизнь, съ ея разнообразными отношеніями, со множествомъ возникающихъ въ ней дѣлъ и вопросовъ, съ постояннымъ возбужденіемъ мыслей о правѣ и не-правѣ — представляетъ такія обширныя юридическія клиники, такія удобства живаго практическаго изученія и изслѣдованія!

Остается разрѣшить четвертый весьма важный вопросъ: какимъ условіямъ должны удовлетворять преподаватели узаконеній въ промышленныхъ училищахъ?

Въ изданномъ недавно министерствомъ народнаго просвѣщенія уставѣ среднихъ промышленныхъ училищъ съ нѣкоторымъ развитіемъ его — не заключается по этому вопросу никакихъ указаній, хотя говорится объ учителяхъ прочихъ предметовъ. Въ прочихъ нынѣ дѣйствующихъ законахъ и распоряженіяхъ также нѣтъ соотвѣтствующихъ указаній.

Настоящій вопросъ имѣетъ большое значеніе и по этой причинѣ, какъ наименѣе опредѣленный.

Примѣнительно къ порядку, принятому относительно военныхъ учебныхъ заведеній, желательно было бы установленіе такихъ правилъ:

Учителями законовѣдѣнія въ среднихъ промышленныхъ училищахъ могутъ быть назначаемы извѣстныя лица: 1) безъ испытанія и 2) по испытаніи, путемъ одной лекціи и четырехъ пробныхъ уроковъ.

Безъ испытанія могутъ преподавать этотъ предметъ профессора и доценты юридическаго факультета университетовъ и другихъ юридическихъ высшихъ школъ.

Къ упомянутому же испытанію, для пріобрѣтенія права на преподаваніе, могутъ быть допускаемы: а) лица, извѣстныя своими учеными трудами, относящимися къ юриспруденціи; б) окончившіе курсъ университетовъ по юридическому факультету или курсъ ярославскаго демидовскаго юридическаго лицея, или курсъ школы правовѣдѣнія и александровскаго лицея; в) выдержавшіе испытаніе въ знаніи всего курса юридическихъ наукъ въ университетскихъ юридическихъ комисіяхъ; г) лица, съ успѣхомъ преподававшія уже законовѣдѣніе.

Правило о допущеніи къ преподаванію безъ испытанія перваго разряда лицъ существуетъ относительно военно-учебныхъ заведеній еще съ 1869 г. (Сводъ Всенныхъ Постановленій, изд. 1869 г., т. 4, т. II, заведенія военно-учебныя, 1870 г., ст. 972—1001). Общій же университетскій уставъ 23 августа 1884 г. устанавливаетъ его и для университетовъ, облегчая полученіе приватъ-доцентуры лицами, извѣстными учеными трудами и неимѣющими ученыхъ степеней, по отношенію притомъ ко всѣмъ факультетамъ (ст. 109—110). Это, конечно, и совершенно справедливо, такъ какъ въ ученыхъ сочиненіяхъ лучше всего отражается степень знаній лица, почему именно сочиненія (диссертаціи) требуются при соисканіи ученыхъ степеней.

Совершенно естественно и необходимо, конечно, сохраненіе настоящаго правила для преподавателей законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ и распространеніе его, въ видахъ послѣдовательности, вообще на всякія должности учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Помимо удовлетворенія справедливости, это составило бы толчокъ для самостоятельныхъ ученыхъ занятій.

Наконецъ, желательно также разрѣшеніе подвергаться испытанію въ юридическихъ комисіяхъ и лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи курса или о выдержаніи испытанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, — дабы учителями могли быть и лица третьяго разряда. Въ этомъ же отношеніи университетскій уставъ 1884 г. не обнаруживаетъ послѣдовательности: право подвергаться испытанію въ комисіяхъ предоставляется только студентамъ, которымъ зачтено притомъ восемь, по медицинскому же факультету — десять полугодій (ст. 77). Та-

кимъ образомъ, лишены прежняго права держать кандидатскій экзаменъ не только лица съ гимназическимъ образованіемъ, но даже студенты, которымъ зачтено меньше полугодій противъ требуемаго числа. Даже и изъ окончившихъ иностранные университеты право это предоставляется только лицамъ, имѣющимъ дипломы на степень доктора медицины (прим. къ ст. 79). А въ то же самое время университетскій уставъ 1884 г. дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ утвержденіе прямо въ докторской степени — безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертаціи — лицъ, „пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами“; и также уставъ допускаетъ къ соисканію этой степени лицъ, вообще „пріобрѣвшихъ извѣстность учеными трудами“ (ст. 27).

Послѣднія положенія эти, какъ видно, весьма широки. Но почему же одновременно не допускаются къ испытанію въ комисіяхъ постороннія лица? почему также къ испытанію на степень магистра, а затѣмъ къ защитѣ магистерской диссертаціи допускаются, и то „въ особо уважительныхъ случаяхъ“, только лица, имѣющія дипломъ иностранныхъ университетовъ (ст. 86)? Не странно ли, что одно и то же лицо можетъ имѣть право на приватъ-доцентуру — и въ то же время не имѣть права защищать магистерскую диссертацію, будучи допускаемо въ то же время къ защитѣ докторской диссертаціи *)?

Всѣ указанныя препятствія тѣмъ менѣе совмѣстимы — 1) съ учрежденіемъ испытательныхъ комисій, обезпечивающихъ безпристрастіе экзаменовъ; 2) съ фактомъ уменьшающагося числа университетскихъ слушателей; 3) съ большимъ числомъ пустующихъ каѳедръ и весьма частымъ замѣщеніемъ двухъ, трехъ и даже четырехъ каѳедръ однимъ и тѣмъ же лицомъ; 4) съ явною необходимостью поощренія самостоятельныхъ занятій, вообще самообразованія, и 5) съ необходимостью послѣдовательно развивать начала, однажды принятыя и ярко выраженныя.

Итакъ, три послѣдніе разряда лицъ должны читать пробную лекцію и дать четыре пробныхъ урока, для пріобрѣтенія права преподаванія законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ. Пробные уроки слѣдуетъ считать особенно существенными,

*) Относительно александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ) еще 3 дек. 1860 г. установлено слѣдующее правило: „издавать и защищать диссертацію на должность доцента можетъ и тотъ, кто хотя и не удостоенъ ученой степени отъ александровскаго университета, однако, по своимъ изданнымъ сочиненіямъ, пріобрѣлъ извѣстность основательными свѣдѣніями въ предметахъ, имѣющихъ связь съ наукою, для преподаванія которой онъ ищетъ должности доцента“ (Сборн. постан. вел. кн. Финл. за 1860 г., № 24).

такъ какъ на нихъ лучше всего можетъ обнаружиться способность или неспособность даннаго лица вести преподаваніе.

Лекція должна читаться изустно, хотя и съ правомъ имѣть краткій конспектъ, передъ особою комисіею, съ допущеніемъ публики. Предметъ ея избирается самимъ испытуемымъ изъ пяти темъ, предлагаемыхъ попечителемъ учебнаго округа за четыре недѣли. Комисія можетъ состоять, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, изъ предсѣдателя, членовъ и прокурора мѣстнаго окружнаго суда или судебной палаты (если таковая находится въ данномъ городѣ), изъ управляющихъ казенною палатою, государственными имуществами и акцизными сборами и изъ директоровъ и начальницъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Какъ члены комисіи, такъ и всякое присутствующее на лекціи лицо могутъ дѣлать испытуемому вопросы и представлять возраженія.

Коль скоро чтеніе лекціи признано большинствомъ голосовъ удовлетворительнымъ, испытуемое лицо допускается къ дачѣ четырехъ пробныхъ уроковъ: двухъ — въ старшемъ классѣ одного изъ мужскихъ учебныхъ заведеній и двухъ другихъ — въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній. Тою же комисіею можетъ быть предложено испытуемому изложить въ каждомъ изъ этихъ заведеній извѣстную часть программы въ теченіе одного урока, второй же урокъ посвятить вопросамъ, предлагаемымъ учащимся, и объясненіямъ, которыя отсюда проистекали бы. Уроки эти должны быть даваемы въ присутствіи трехъ членовъ комисіи, по ея избранію, кромѣ мѣстнаго директора или начальницы.

Въ университетскихъ городахъ и столицахъ комисія можетъ состоять, вмѣсто директоровъ и начальницъ среднихъ учебныхъ заведеній, изъ трехъ профессоровъ или приватъ-доцентовъ, по назначенію юридическаго факультета.

Что же касается до преподаванія законовѣдѣнія въ низшихъ техническихъ училищахъ, еслибъ таковое было установлено, то оно можетъ быть поручаемо директору или инспектору въ первыхъ, и инспектору — въ ремесленныхъ училищахъ.

Кстати упомянуть здѣсь о реальныхъ училищахъ.

Весьма нежелательно, чтобы на промышленныхъ училищахъ отразилась въ какомъ либо отношеніи участь реальныхъ... Съ послѣдними же случилось слѣдующее:

Выказывая явно и весьма выразительно — на словахъ — свое несочувствіе классицизму и полное сочувствіе реальной системѣ образованія, родители семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ всетаки отдавали своихъ дѣтей въ классическія гимназіи предпочтительно передъ реальными училищами... Почему? — потому что окончившій гимназію поступалъ прямо и безпрепятственно въ университетъ и, пробывъ тамъ извѣстное число лѣтъ, обя-

зательно получалъ при прежнихъ правилахъ дипломъ, дающій бо́льшую сумму правъ на казенное содержаніе; воспитанникъ же реальнаго училища могъ поступить только въ немногія высшія учебныя заведенія, и то по трудному состязательному испытанію, такъ что казенное содержаніе было для него гораздо менѣе доступно. И вотъ реальныя училища, вообще говоря, не имѣли у насъ успѣха. Число ихъ увеличивалось весьма слабо, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ они даже закрывались...

Воспитанники реальныхъ училищъ получили названіе „пасынковъ министерства народнаго просвѣщенія“. Наоборотъ ученики классическихъ гимназій оказывались какъ бы родными дѣтьми министерства. Но какже въ дѣйствительности жилось и тѣмъ, и другимъ въ школѣ и по выходѣ изъ нея? Г. Дмитрескій, достаточно доказавшій свое знакомство съ дѣломъ, въ нѣсколькихъ словахъ даетъ слѣдующую законченную картину положенія якобы „родныхъ“ дѣтей министерства: „отъ крушенія ежегодно постигающаго учениковъ гимназій въ каждомъ изъ среднихъ классовъ, — говоритъ онъ, — спасаются немногіе и, къ сожалѣнію, часто не болѣе даровитые и развитые умствен (что уже много лѣтъ вызываетъ жалобы и сѣтованія профессоровъ университетовъ), а счастливо проглотившіе и не подавившіеся толстѣйшими учебниками съ фразовой начинкой“ („Рус. Вѣд.“ 1889 г., № 197).

Значитъ, весьма многіе ученики классическихъ гимназій выбрасывались изъ школы исключительно недоучками и, принявъ столько страданій въ школѣ („подавившись“ толстѣйшими учебниками), должны были не менѣе страдать въ жизни, ни къ чему не подготовленные. Окончившимъ гимназію, но не прошедшимъ университета, съ неполнымъ теоретическимъ среднимъ образованіемъ — было немного лучше...

Ничего подобнаго не было съ „пасынками“ министерства. Такъ или иначе оканчивали они въ большинствѣ случаевъ курсъ здоровыми людьми и если не проходили высшаго учебнаго заведенія, то все же находили въ своемъ болѣе или менѣе законченномъ образованіи облегченіе жизненнаго пути...

Въ концѣ концовъ выходило, слѣдовательно, что „пасынкамъ“ было лучше „родныхъ“ дѣтей...

Теперь это уже хорошо понято. Можно вполнѣ надѣяться поэтому, что промышленныя училища и не потерпятъ участи реальныхъ училищъ. Это тѣмъ болѣе, что самый составъ родителей, отдающихъ въ школу своихъ дѣтей, быстро мѣняется, усиливаясь со стороны низшихъ сословій. Послѣднія же, будучи отстранены отъ государственной службы, не знаютъ казеннаго содержанія, не могутъ дорожить имъ и не стремятся представлять его дѣтямъ подобною кровавою цѣною... Вообще, у

ское общество доростаетъ до того уровня развитія, при которомъ бумажныя права теряютъ въ его глазахъ свое значеніе, дѣйствительныя же знанія пріобрѣтаютъ болѣе искреннюю и правильную оцѣнку.

Желательно и можно надѣяться также, что самыя реальныя училища станутъ пріобрѣтать отнынѣ общественное сочувствіе *на дѣлѣ*.

Между прочимъ же, и программа реальныхъ училищъ требуетъ восполненія со стороны разсматриваемаго предмета — законовѣдѣнія. Уставъ 15 мая 1872 г. не заключаетъ въ себѣ этого предмета. Но нетрудно открыть законовѣдѣніе въ прекрасныхъ учебныхъ планахъ и примѣрныхъ программахъ, изданныхъ въ 1886 г. Такъ, въ программѣ коммерческихъ вычисленій значилось: „обязательства по кредиту... понятіе о векселяхъ... векселя простые и переводные... терминологія векселя... исторія векселя... юридическая и формальная сторона векселя... долговые законы... о торговой несостоятельности... о товариществахъ... о товариществѣ полномъ, неполномъ, акціонерномъ... объ акціяхъ и облигаціяхъ гарантированныхъ... объ аваріи... о страхованіи... о биржахъ... о таможенныхъ учрежденіяхъ“ и т. д. Примѣрная программа бухгалтеріи также требовала преподаванія „узаконеній о счетоводствѣ и послѣдствій ихъ неисполненія“. Вообще устанавливалось, такимъ образомъ, преподаваніе ученикамъ, по крайней мѣрѣ, коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ области торговаго права.

Данныя эти, очевидно, выбраны нѣсколько случайно. Если исходить изъ той внутренней мысли, которая заключается въ нихъ, то нетрудно замѣтить, что восполненіе программы необходимо истекаетъ изъ нихъ же.

Впрочемъ, новые учебные планы, изданные въ 1889 г. для преобразованныхъ нѣсколько 9 іюня 1888 г. реальныхъ училищъ, не заключаютъ въ себѣ указанныхъ началъ законовѣдѣнія. Да и желательно не восполненіе примѣрныхъ программъ въ исполнительномъ порядкѣ, а установленіе преподаванія законовѣдѣнія путемъ законодательнымъ. Необходимость такого постановленія совершенно ясно и несомнительно указывается принятіемъ законовѣдѣнія въ число предметовъ преподаванія въ промышленныхъ училищахъ закономъ 26 іюня 1889 г. Какимъ образомъ, дѣйствительно, совмѣстить преподаваніе законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ съ отсутствіемъ его въ реальныхъ? между тѣми и другими школами такъ много общаго, что если законовѣдѣніе необходимо для однихъ, то оно также необходимо и для другихъ; самое различіе между этими школами доказываетъ необходимость преподаванія законовѣдѣнія въ реальныхъ училищахъ даже въ большемъ объемѣ,

ибо реальныя училища отличаются преимущественно общеобразовательнымъ характеромъ. Законовѣдѣніе же составляетъ именно необходимую основу общаго образованія.

Было бы вполнѣ цѣлесообразно, поэтому, установленіе четырехъ уроковъ законовѣдѣнія въ каждомъ изъ двухъ послѣднихъ классовъ обоихъ отдѣленій реальныхъ училищъ. При этомъ въ коммерческихъ отдѣленіяхъ законовѣдѣніе могло бы быть проходимо въ томъ объемѣ и по той программѣ, которые указаны выше для коммерческихъ училищъ. Въ основномъ же отдѣленіи могла бы быть преподаваема съ бо́льшими подробностями со стороны научной и со стороны изложенія законодательства общеобразовательная часть законовѣдѣнія, какъ она указана для промышленныхъ училищъ, а равно и общая для всѣхъ видовъ промышленныхъ училищъ практическая часть.

Всѣ остальныя условія, касающіяся выработки подробной программы, составленія учебника и порядка испытанія и назначенія преподавателей, должны быть, разумѣется, одинаковы съ таковыми же условіями постановки преподаванія законовѣдѣнія въ промышленныхъ училищахъ.

Всѣ же разсмотрѣнныя выше условія столь важны, столь необходимы для успѣха дѣла, что до удовлетворительнаго разрѣшенія ихъ преподаваніе законовѣдѣнія не должно быть и начинаемо. Пусть будетъ сначала точно, ясно и научно установлена программа, составленъ учебникъ, опредѣленъ порядокъ назначенія учителей: это необходимо всегда, особо же необходимо это для настоящаго новаго и глубоко серьезнаго и полезнаго дѣла. Оно страдало и прежде именно оттого, что не было обставлено этими важнѣйшими условіями. Законовѣдѣніе, какъ предметъ общаго образованія, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтетъ въ ближайшемъ будущемъ то значеніе, котораго оно заслуживаетъ, и станетъ на ту высоту, которая ему подобаетъ.

Н. Дружининъ

ДУРНУШКА

НОВЕЛЛА

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА

I

Солнце давно уже спряталось за горами. Ночная темнота окутывала засыпающую землю, и путникъ, увѣреннымъ шагомъ подвигавшійся впередъ, съ трудомъ могъ различить передъ собою прихотливыя очертанія красныхъ дубовъ, бука и вишенника, темнѣвшія тамъ и сямъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій, широкоплечій, съ твердой походкой, смѣлымъ и живымъ взглядомъ. Одѣтъ онъ былъ по дорожному и держалъ въ рукахъ толстую палку. Онъ остановился и окинулъ недовѣрчивымъ взоромъ равнину.

— Я не могъ ошибиться, промолвилъ онъ. — Мнѣ сказали, чтобы я перешелъ рѣку — я это сдѣлалъ; потомъ, чтобы я шелъ прямо, все прямо — и дѣйствительно этотъ грязный городишка остался какъ разъ позади меня. Теперь несомнѣнно эти знаменитыя шахты Сокартесъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; прямо, все прямо.

Пройдя немного, онъ опять остановился.

— Я заблудился; нѣтъ сомнѣнія, что я заблудился. Вотъ теперь видишь, Теодоро Гольфинъ, результатъ твоего: прямо, все прямо? Эти люди или посмѣялись надъ тобой, или сами не знаютъ, гдѣ находятся шахты. Я ужъ долженъ былъ бы видѣть крыши зданій, слышать шумъ машинъ, обонять дымъ, а я ничего не вижу, не слышу, не обоняю... точно въ пустынѣ... Ахъ чортъ побери, да неужели эти мѣста необи-

таемы? А вотъ и луна взошла; это все она виновата! Ну вонъ, впереди, дорожка какъ будто спускается къ низу. Впередъ, Гольфинъ, прямо, все прямо.

Смѣлымъ шагомъ направился онъ впередъ. Тропинка постепенно спускалась все ниже и ниже и наконецъ кончилась откосомъ, по которому путнику пришлось ползти чуть не на колѣняхъ.

— Благословенная мѣстность! воскликнулъ онъ съ улыбкой, находя подкрѣпленіе въ своемъ хорошемъ расположеніи духа. — Гдѣ это ты, дорогой Гольфинъ? не въ пропасти ли? Долго ли ты будешь спускаться? Здѣсь и травы-то нѣтъ — голая земля да камни... Я, конечно, на шахтахъ... но кругомъ ни единой живой души, ни одного огонька, ни даже лающей собаки... Ужъ не вернуться ли?.. О нѣтъ, какой вздоръ! Во что бы то ни стало я буду сегодня на шахтахъ Сокартесъ и обниму дорогаго брата. Прямо, все прямо...

Луна скрылась. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ почувствовалъ какой-то гулъ изъ-подъ земли.

— Ба! это еще что̀ такое! Подумаешь, что я нахожусь на кратерѣ потухшаго вулкана... Нужно спускаться осторожнѣе въ эту прелестную пропасть. Что̀ это? а, камень, ну вотъ мы тутъ и присядемъ, и выкуримъ сигару, въ ожиданіи луны.

И добродушный Гольфинъ спокойно усѣлся на камнѣ, словно на садовой скамейкѣ; онъ только что хотѣлъ закурить сигару, какъ услышалъ голосъ... да, несомнѣнно человѣческій голосъ, но очень далеко. Казалось, это былъ конецъ какой-то заунывной пѣсни.

— Ага, сказалъ онъ: — это поетъ женщина, и хорошо поетъ. Мнѣ нравится народная музыка этой страны. Однако послушаемъ. Какой чудный голосъ и задушевная мелодія! Если слухъ меня не обманываетъ, она удаляется... Прелестная пѣвица уходитъ. Эй, голубушка, подожди, вернись!

Голосъ, плѣнившій путника, стихъ, и Гольфинъ услыхалъ лишь эхо, повторившее его окрикъ.

— Это страна чудесъ! воскликнулъ онъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ закурилъ сигару. Надъ его головой пронесся легкій вѣтерокъ, и ему показалось, что въ этой пропасти, разстилавшейся у его ногъ, послышались отдаленные шаги. Онъ сосредоточилъ вниманіе и убѣдился въ томъ, что дѣйствительно кто-то приближается къ нему.

— Эй, дѣвушка, парень или кто бы тамъ ни былъ!.. можно пройти отсюда на шахты Сокартесъ? закричалъ онъ.

Едва только промолвилъ онъ эти слова, какъ раздался сильный лай собаки и мужской голосъ, говорившій: »Шото! Шото! поди сюда!«

— Эй! закричалъ путникъ: — дружище, чортъ тебя побери, возьми сейчасъ же эту собаку!

— Шото, Шото!

Въ это мгновеніе Гольфинъ разглядѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ ниже себя человѣка, подымавшагося по узкой тропинкѣ.

— Слава Богу! А вотъ и луна... я и не подозрѣвалъ, что тропинка такъ близко отъ меня... Другъ мой, не можешь ли ты сказать мнѣ, не это ли шахты Сокартесъ?

— Да, сеньоръ, это копи, но только мы нѣсколько отдалились отъ главныхъ построекъ.

Голосъ, произнесшій эти слова, былъ молодъ, пріятенъ и звучалъ симпатичными нотами.

— Прекрасно, дружокъ, я вамъ очень благодаренъ за ваше объясненіе. Я вышелъ изъ Вильямохады, когда солнце еще не садилось. Мнѣ сказали, что прямо, все прямо...

— Вы идете на заводъ? спросилъ таинственный юноша, стоя неподвижно и не глядя на доктора Гольфина, приблизившагося къ нему.

— Да, но, вѣроятно, я сбился съ дороги.

— Не здѣсь входъ на копи: входъ съ той стороны, оттуда, и вы дошли бы до завода въ десять минутъ. Отсюда же мы не такъ скоро дойдемъ, потому что дорога очень нехороша. Намъ придется пройти по галлереямъ и туннелямъ, спускаться съ каменныхъ лѣстницъ, перейти ровъ, взобраться на откосъ, спуститься въ долину — словомъ, пройти черезъ всѣ шахты Сокартесъ, отъ одного конца до другаго.

— Это подѣломъ мнѣ за мою ошибку, сказалъ Гольфинъ, смѣясь.

— Я васъ провожу съ большимъ удовольствіемъ, потому что знаю эти мѣста превосходно.

Гольфинъ съ трудомъ выбрался на тропинку. Онъ взглянулъ на этого добродѣтельнаго юношу и — остановился въ изумленіи.

— Вы...? пробормоталъ онъ.

— Я слѣпъ, да, сеньоръ, отвѣтилъ молодой человѣкъ: —

но я безъ глазъ могу пройти эти шахты отъ одного кра до другаго. Я опираюсь на палку, и Шото меня прово жаетъ въ тѣ дни, когда со мной нѣтъ Неллы, моей прово ницы. Идите за мной.

II

— Вы слѣпы отъ рожденія? спросилъ докторъ съ ж вымъ интересомъ.

— Да, сеньоръ, отъ рожденія, отвѣтилъ слѣпой. — Я знаю свѣтъ только мысленно, ощупью и слухомъ. Я пон маю, что я лишенъ всего лучшаго въ мірѣ; я сознаю, что только глазами можно увидѣть красоту; но это кажется мн такимъ необыкновеннымъ, что я даже не могу понять, что такое зрѣніе.

Путникъ неожиданно былъ пораженъ картиной, предс вившейся его глазамъ. Они подходили къ большому угл ленію, похожему на кратеръ вулкана. По краямъ и въ ди нѣ этой громадной пропасти возвышались какъ бы гигант скія человѣческія фигуры и чудовища съ распростертыми гр мадными руками, обрубленными ногами, съ причудливыми ли нями, сгущавшимися отъ ночной тьмы и облаковъ. Но в было недвижимо. Казалось, эти чудовища скакали въ бѣш пляскѣ до той минуты, пока ихъ не застигла смерть. Ти шина, царившая въ этомъ омутѣ, наводила страхъ.

— Гдѣ мы, дружище? спросилъ Гольфинъ.

— Это кряжъ шахты, его называютъ »Ужаснымъ«, отв тилъ равнодушно слѣпой. — Отсюда вырабатывалась цин вая руда; но вотъ уже два года, какъ она изсякла. Тепе работы производятся на другихъ кряжахъ, много выше. Т что вамъ кажется страшнымъ, это каменные блоки изъ лѣзистой глины и мѣла, оставленные тутъ съ тѣхъ по какъ прекратилась работа. Говорятъ, это имѣетъ чудно видъ, особенно при лунномъ свѣтѣ. Я не понимаю ниче этого.

— Да, картина прекрасная, но не въ моемъ вкус отвѣтилъ Гольфинъ.

— Шото! Шото! сюда! сказалъ слѣпой кабалеро: — т перь будьте внимательны: мы сейчасъ войдемъ въ галлер

Они подходили къ узкому отверстію, составленному трехъ толстыхъ балокъ. Собака вошла первая, за нею

невозмутимымъ равнодушіемъ человѣка, привыкшаго къ вѣчной темнотѣ, пошелъ слѣпой, а за нимъ — докторъ.

— Удивительно, сказалъ послѣдній: — какъ вы не ушибаетесь объ эти балки.

— Я родился на копяхъ и знаю ихъ, какъ собственный домъ. Здѣсь чувствуется холодъ: одѣньтесь, если у васъ есть во что. Мы скоро выйдемъ.

Онъ шелъ, придерживаясь правой рукой за стѣну, составленную изъ перпендикулярныхъ балокъ.

— Не спотыкнитесь о канавку; по этимъ канавкамъ спускаютъ руду съ верхнихъ копей. Вамъ холодно?

— Скажите мнѣ, другъ мой, спросилъ, смѣясь, докторъ: — не поглотила ли насъ земля? не бѣдные ли мы звѣрки, очутившіеся въ утробѣ страшнаго чудовища? И вы, юноша, часто совершаете эту интересную прогулку?

— Очень часто—во всѣ часы дня и съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ здѣсь уже суше, тутъ чистый песокъ, а дальше пойдетъ камень... Вы слышите журчанье? Скоро выходъ.

— Да, я вижу вдали какой-то маленькій просвѣтъ.

Когда они вышли изъ галлереи — первое, что̀ услышалъ докторъ, было меланхолическое пѣніе, слышанное имъ уже наверху. Слѣпой быстро обернулся и, улыбаясь, съ радостью и гордостью спросилъ:

— Вы слышите?

— Я и раньше слышалъ этотъ голосъ, и онъ мнѣ понравился. Кто это поетъ?

Вмѣсто отвѣта слѣпой повернулся къ вѣтру и изо всѣхъ силъ закричалъ: — Нелла!.. Нелла!.. Звучное эхо повторило на разные лады это имя. Слѣпой, сложивъ руки въ трубку около рта, прокричалъ: — не сердись, что я не иду. Жди меня у кузницы! у куз-ни-цы... Послѣ этого онъ вернулся къ доктору и сказалъ:

— Нелла — это дѣвушка, которая меня сопровождаетъ, мой проводникъ. Мы вечеромъ возвращались съ прогулки; стало холодно, и Нелла побѣжала ко мнѣ домой, чтобы принести мнѣ плащъ, а я остался въ сторожкѣ. Потомъ я вспомнилъ, что одинъ пріятель ждалъ меня дома, и, не дождавшись Нелли, ушелъ съ Шото. Проходя мимо Ужаснаго, я встрѣтилъ васъ. Мы сейчасъ дойдемъ до кузницы, и я пойду домой, такъ какъ мой отецъ сердится, когда я поздно возвращаюсь; а Нелла проводитъ васъ.

— Очень вамъ благодаренъ, другъ мой.

Небольшой туннель привелъ ихъ въ долину. Послышался какой-то странный звукъ, похожій на журчаніе воды.

— Здѣсь есть вода? спросилъ Гольфинъ своего провожатаго.

— Шумъ, который вы слышите, отвѣтилъ слѣпой: — похожъ, неправда ли, на то, какъ будто бы человѣкъ полощетъ горло?

— Именно. Гдѣ же этотъ источникъ?

— Здѣсь, направо, есть курганъ, за которымъ открывается пропасть невѣроятной глубины. Она называется Траскава. Говорятъ, что по дну ея течетъ подземная рѣка, соединяющаяся гдѣ-то далеко съ моремъ.

— И никто не спускался въ эту пропасть?

— Туда можно спуститься только однимъ манеромъ.

— Какимъ?

— Броситься въ нее. Кто попалъ туда — уже не возвращается. Немного спуститься можно; говорятъ даже, что виденъ блескъ воды, но всѣмъ страшно и подойти къ ней; мы же съ Неллой часто садимся на краю и слушаемъ, какъ журчитъ вода. Нелла говоритъ и клянется, что слышитъ тамъ разговоръ и даже очень ясно. Я, сказать по правдѣ, никогда не слышалъ голосовъ, но слышу какіе-то странные то веселые, то грустные, то ропщущіе звуки.

— Я слышу лишь клокотаніе, сказалъ съ улыбкой докторъ.

— Такъ кажетъ отсюда... Но не будемъ терять времени, сеньоръ, мы сейчасъ войдемъ въ другую галлерею.

— Какъ въ другую?!

— Да, сеньоръ: и эта на срединѣ раздваивается, а за нею идетъ цѣлая цѣпь галлерей. Шото, впередъ!

Дологъ показался путь Гольфину. Капли падали со стѣнъ галлерей, становилось какъ-то жутко. Когда они наконецъ вышли на поверхность, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и воскликнулъ, взглянувъ на небо: — благодарю Создателя, что я снова вижу васъ, чудныя звѣздочки! Никогда вы мнѣ не казались такими прекрасными, какъ теперь.

— Мимоходомъ я поднялъ этотъ известнякъ, сказалъ слѣпой, показывая камень. — Неправда ли, что эти кристалики необыкновенно хороши? По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

— Дорогой другъ, сказалъ Гольфинъ съ волненіемъ и жалостью: — какое горе, что вы не можете понять, что этотъ кусокъ — ничто въ сравненіи съ великолѣпными свѣтилами неба!

Слѣпой поднялъ лицо къ верху и съ глубокой грустью спросилъ:

— Это правда, что существуютъ звѣзды?

— Да, онѣ показываются каждую ночь. Кто знаетъ, другъ мой, кто знаетъ... Богъ нескончаемо милосердъ и всемогущъ... можетъ быть, и вы...

— Я не надѣюсь... прошепталъ слѣпой грустно.

Они вышли въ долину. Луна уже свѣтила полнымъ свѣтомъ. Направо докторъ увидѣлъ рядъ бѣлыхъ домиковъ.

— Вотъ направо и мой домъ. Нелла, Нелла, сказалъ юноша: — ты мнѣ несешь плащъ?

— Вотъ онъ, отвѣтила дѣвушка, выходя изъ темноты и окутывая ему плечи.

— Это она пѣла?.. Знаешь ли, у тебя прекрасный голосъ!

— О, воскликнулъ слѣпой: — она обворожительно поетъ! Мариквилья, проводи этого кабалеро до конторы, а я пойду домой, я уже слышу голосъ отца... онъ меня зоветъ... Сейчасъ иду, иду!..

— Уходите скорѣе, другъ мой, сказалъ ему Гольфинъ, пожимая руку. — Воздухъ свѣжъ и можетъ повредить вамъ. Очень вамъ благодаренъ. Я надѣюсь, мы будемъ друзьями. Я братъ Карлоса Гольфина, инженера этихъ шахтъ.

— Ахъ, да... Донъ-Карлосъ хорошъ съ моимъ отцомъ; онъ ждалъ васъ еще вчера.

— Я заблудился у васъ, но нѣтъ худа безъ добра — я познакомился съ вами... Скорѣе ступайте домой. Сеньора Нелла будетъ такъ добра — проводитъ меня.

III

— Погоди, дитя мое, не торопись, сказалъ Гольфинъ, останавливаясь: — дай мнѣ закурить сигару.

Закуривъ, онъ поднесъ къ лицу Неллы спичку и добродушно промолвилъ: — дай-ка мнѣ посмотрѣть твое личико.

Онъ взглянулъ на дѣвушку и увидѣлъ блестящіе большіе черные глаза. Она была совсѣмъ ребенокъ, съ маленькимъ

тщедушнымъ тѣломъ, только горящіе глаза смотрѣли недѣтскимъ взглядомъ; но при всемъ томъ она была пропорціонально сложена, и ея головка казалась даже изящной; трудно было опредѣлить, кто она: недоразвившаяся ли женщина или не по годамъ развитый ребенокъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Гольфинъ, бросивъ потухшую спичку.

— Говорятъ, семнадцать, отвѣтила Нелла, разсматривая въ свою очередь доктора.

— Семнадцать лѣтъ! Тебѣ нельзя дать болѣе двѣнадцати.

— Матерь Божія! вы говорите такъ, будто бы я чудовище, возразила она тономъ сожалѣнія надъ самой собой.

— Чудовище? засмѣялся Гольфинъ, гладя ея волосы.— Полно, что ты! Ну, проводи меня.

Нелла рѣшительно, словно гордясь своей миссіей, пошла рядомъ съ путешественникомъ; ея босыя маленькія ноги смѣло шагали по каменистой почвѣ, причемъ остриженные вьющіеся волосы развѣвались по вѣтру. Ея голосъ звучалъ мягкими нотами, а взглядъ блестящихъ глазъ, ни на чемъ долго не останавливаясь, казалось, мечтательно виталъ между небомъ и землею.

— Скажи мнѣ, спросилъ Гольфинъ: — ты живешь въ шахтахъ? ты вѣрно дочь кого нибудь изъ служащихъ?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Бѣдняжка! Ты работаешь на копяхъ?

— Нѣтъ, сеньоръ, я ни на что не гожусь.

— Ты, конечно, скромничаешь?

Теодоро наклонился и заглянулъ въ ея лицо. Онъ увидѣлъ худенькое личико въ веснушкахъ, небольшой лобъ, острый продолговатый носъ и черные глаза, горящіе какимъ-то грустнымъ свѣтомъ. Ея маленькій пунцовый ротъ вѣчно улыбался, но эта улыбка носила въ себѣ какой-то отпечатокъ грусти.

— У кого же ты живешь?

— У сеньора Чентено, надсмотрщика копей.

— Чья ты дочь?

— Говорятъ, что моя мать торговала индійскимъ пескомъ на рынкѣ Вильямохады. Она была не замужемъ, вскорѣ послѣ того, какъ я родилась, уѣхала въ Мадритъ.

— Такъ ты даже и не знаешь, кто былъ твой отецъ?

— О нѣтъ, знаю! Онъ былъ фонарщикъ изъ Вильи-

хады. Меня пріютила сестра моей матери, мой отецъ жилъ съ ней... вѣдь всѣ же живутъ вмѣстѣ... Когда онъ шелъ зажигать фонари, то клалъ меня въ корзину вмѣстѣ со щетками и стеклами и бралъ съ собой. Разъ, когда онъ проходилъ по мосту, онъ нечаянно уронилъ корзину въ рѣку...

— И ты выплыла?

— Нѣтъ, сеньоръ, я упала на камень. Говорятъ, что я была до того гораздо красивѣе.

— Да, навѣрное, сказалъ Гольфинъ, посмотрѣвъ на ея большіе грустные глаза. — Но ты и теперь недурна. Давно ли ты живешь на шахтахъ?

— Три года. Мой отецъ захворалъ и померъ въ больницѣ; тогда мать взяла меня и пришла сюда. Однажды ей отказалъ управляющій за то, что она слишкомъ много пила...

— И она убѣжала?

— Она убѣжала и бросилась въ пропасть, вонъ тамъ, позади насъ, сказала Нелла глухимъ голосомъ.

— Ахъ, чортъ возьми! вотъ неожиданный конецъ! Я думаю, она уже не вернулась оттуда?

— Да, сеньоръ, она тамъ.

— Ахъ ты бѣдная! И тебѣ приходится теперь много работать? Ты такая блѣдная, худенькая: работы на шахтахъ не выдерживаютъ и болѣе сильные люди, чѣмъ ты...

— Нѣтъ, сеньоръ, я не работаю. Я сказала уже вамъ, что я ни къ чему негодна. Я не могу поднять никакой тяжести. Если я примусь за какую нибудь тяжелую работу, со мной дѣлается обморокъ.

— О еслибъ ты попала въ хорошія руки, ты могла бы прекрасно работать.

— Ахъ нѣтъ, сеньоръ! повторила Нелла какъ бы съ оттѣнкомъ нѣкоторой похвальбы: — я только всѣмъ мѣшаю!

— Такъ ты, значитъ, бездѣльница?

— Нѣтъ, сеньоръ, я сопровождаю Пабло.

— Кто это Пабло?

— Слѣпой сеньорито, который провожалъ васъ. Мы всюду ходимъ съ нимъ.

— Славный малый этотъ Пабло!

Нелла посмотрѣла на доктора и отвѣтила съ энтузіазмомъ:

— Матерь Божія! да это лучшій человѣкъ въ мірѣ. Мой бѣдный другъ! Онъ и со слѣпыми глазами въ тысячу разъ лучше всѣхъ зрячихъ!

— Онъ здѣшній?

— Да, сеньоръ, онъ единственный сынъ дона Франциска Пенагвилья-съ, очень добраго и богатаго человѣка, управляющаго копей.

— Скажи мнѣ, а почему тебя зовутъ Нелла? что̀ значитъ это имя?

— Мою мать звали Марія Канелла, но ее всѣ звали Нелла. Говорятъ, это собачье имя. Меня зовутъ Марія...

— Мариквита.

— Марія Нелла. Одни меня зовутъ Маріанелла, другіе просто Нелла.

— Пабло тебя очень любитъ?

— Да, онъ очень добръ. Онъ говоритъ, что видитъ все моими глазами. Я ему объясняю, какія звѣздочки, какая трава, тучи, небо, вода, вѣтеръ. Я ему говорю, что̀ хорошо и что̀ дурно, такъ что онъ все знаетъ.

— Что̀ хорошо и что̀ дурно... Скажите, пожалуйста! Да ты умѣешь ли читать?

— Нѣтъ, сеньоръ. Я ни на что негодна.

Она произнесла эти слова такимъ тономъ, словно хотѣла сказать: — »въ умѣ ли вы, сеньоръ, что ду́маете, будто я годна на что нибудь?«

— Рада ли была бы ты, еслибъ твой другъ прозрѣлъ?

Она помолчала съ минуту, потомъ произнесла:

— Это невозможно!

— Трудно, но возможно...

— Нашъ инженеръ далъ надежду отцу Пабло.

— Донъ Карлосъ Гольфинъ?

— Да, сеньоръ, у донъ Карлоса есть братъ-медикъ, который, говорятъ, многимъ слѣпымъ возвращалъ зрѣніе.

— Какой искусный человѣкъ! сказалъ съ улыбкой путникъ.

— Да, сеньоръ, и такъ какъ докторъ хочетъ навѣстить своего брата, то тотъ и написалъ ему, чтобы онъ привезъ инструменты, чтобы посмотрѣть глаза Пабло.

— И этотъ человѣкъ уже пріхалъ?

— Нѣтъ еще, онъ возвращается изъ Англіи и вѣрно запоздалъ. Но Пабло смѣется надъ этимъ; онъ говоритъ, что одинъ только Богъ можетъ это сдѣлать.

Въ это время они подходили къ бѣлому домику, изъ оконъ котораго неслись звуки рояля.

— А, музыка! радостно воскликнулъ Гольфинъ.

— Это играетъ сеньора Софія, жена инженера, пояснила Нелла.

— Карлосъ, Карлосъ! закричалъ докторъ, увидя на балконѣ мелькающій огонекъ сигары.

— Теодоро! воскликнулъ голосъ съ балкона.

Звуки рояля мгновенно оборвались... Послышались торопливые шаги. Докторъ далъ серебряную монету своей проводницѣ и побѣжалъ къ дому.

IV

Нелла скорыми шагами пошла домой. Она жила въ маленькомъ грязномъ домикѣ надсмотрщика Чентено, семья котораго состояла изъ его жены, сеньоры Анны (ее всѣ звали Сеньанна), двухъ дочерей Маріи и Пепины и двухъ сыновей Челипина и Таназіо. Сеньанна, равно какъ и ея мужъ, заставляли всѣхъ своихъ дѣтей работать на копяхъ, акуратно отбирали у нихъ каждую заработанную кварту и съ наслажденіемъ откладывали въ кубышку каждый реалъ. Дочери, уже невѣсты, немало роптали на тяжелую работу, но родители, особенно мать, не обращали на это ровно никакого вниманія. Старшій сынъ Таназіо — дурковатый, апатичный малый, любившій лишь свою гитару — относился ко всему равнодушно, но младшій, тринадцатилѣтній Челипинъ, не могъ примириться съ этой жизнью.

Нелла, по своей неспособности къ тяжелой работѣ, занимала самое незавидное мѣсто въ семьѣ: на нее всѣ ворчали, всѣ толкали ее, кидали ей, какъ собакѣ, послѣдній кусокъ и безъ того скуднаго обѣда. Она спала въ грязныхъ сѣняхъ, гдѣ была свалена всякая рухлядь и даже неплотно притворялась дверь.

Всѣ уже уснули, когда въ кухнѣ послышался стукъ. Челипинъ, единственный членъ семьи, относившійся къ Неллѣ по человѣчески, увидѣлъ, что дверь отворилась, и въ нее просунулся острый носикъ Неллы.

— Челипинъ, Челипинильо! позвала она, протягивая руку: — ты спишь?

— Нѣтъ. Ты меня напугала, Нелла, что тебѣ надо?

— Возьми эту песету, мнѣ далъ ее кабалеро, братъ дона Карлоса. Сколько ты собралъ теперь?

— Спасибо тебѣ, Нелла, сказалъ мальчикъ, взявъ монету. — Кварту за квартой, ты дала мнѣ цѣлыхъ тридцать два реала. Они у меня тутъ на груди зашиты въ мѣшечекъ, который ты мнѣ дала.

— Мнѣ ненужны деньги, береги ихъ хорошенько, а то Сеньанна найдетъ ихъ у тебя, подумаетъ, что ты копишь на глупости, и отколотитъ тебя большой палкой.

— О, нѣтъ, не на глупости! воскликнулъ энергично мальчикъ: — а на то, чтобы сдѣлаться умнымъ, полезнымъ человѣкомъ. Въ воскресенье, если меня пустятъ въ Вильмохаду, я куплю себѣ азбуку и буду учиться самъ, если меня не хотятъ учить. Чортъ побери! я выучусь самъ! Ахъ Нелла, говорятъ, что донъ Карлосъ былъ сынъ бѣдняка и одинъ, съ помощью божіей, выучился всему, что̀ знаетъ.

— Неужели и ты думаешь этого достичь?

— О, ты увидишь, что̀ такое Челипинъ! Я не гожусь для работы на копяхъ, Нелла. Погоди, и ты увидишь, что я уйду въ городъ, оттуда уѣду въ Мадритъ или сяду на корабль, который привезетъ меня на далекіе острова, гдѣ меня научатъ всему.

— Матерь Божія! какія глупотси ты говоришь! воскликнула дѣвушка, схвативъ себя обѣими руками за голову.

— Ты меня считаешь ребенкомъ?.. Ахъ, Нелличья, я не могу здѣсь жить, я умру въ этихъ копяхъ! чортъ побери! Я плачу по ночамъ... и, знаешь, Нелла, не подумай обо мнѣ дурно, но я хочу сказать тебѣ...

— Что̀?

— Что я не люблю отца и мать такъ, какъ должно ихъ любить.

— А, если такъ, то я тебѣ никогда не дамъ больше ни одной кварты; ради Бога, Челипинъ, подумай хорошенько, что̀ ты говоришь!

— Ты видишь, какъ насъ здѣсь держатъ: мы не люди, звѣри... Таскать корзины съ рудой и ссыпать ихъ въ вагонъ, подкатывать вагонъ къ горнамъ, промывать камни. Ай... не могу этого вспомнить! Нѣтъ, Челипинъ для этого не годится... Когда я просилъ отца отпустить меня учиться, онъ сказалъ, что мы бѣдны и что̀ это фантазіи. Да, да, нечистые звѣри! Что же ты молчишь, Нелла?

— Что же отвѣтить? грустно проговорила она. — Я ничего не могу для тебя сдѣлать, но старайся не думать дурно о родныхъ.

— Ты говоришь это, чтобы успокоить меня, но сама знаешь, что я правъ! Ты, кажись, плачешь?

— Я? нѣтъ..,

— Да, плачешь.

— У всякаго есть свое горе, отвѣтила она сдавленнымъ голосомъ. — Но поздно, Челипинъ, пора спать.

— Ахъ нѣтъ... чортъ побери!

— Да, милый, спи и не думай объ этихъ нехорошихъ вещахъ. Покойной ночи!

Дверь затворилась, и она ушла. Она легла въ свой уголокъ, и ей вспомнилось, что никогда въ этомъ домѣ не слыхала она ласковаго слова, никогда никто не подумалъ, что и въ ея маленькомъ тѣлѣ бьется отзывчивое любящее сердце; даже кошка — и та въ скупой семьѣ Чентеновъ пользовалась большей любовью, чѣмъ она.

V

Солнце взошло, и ясные лучи его освѣтили копи. Дома и деревья, закопченные дымомъ и красной пылью, летящей изъ горна, имѣли какой-то фантастическій видъ. Нелла вышла изъ дому и скорыми шагами направилась къ дому Пабло.

У крыльца стоялъ отецъ Пабло, высокій красивый человѣкъ съ спокойнымъ умнымъ лицомъ.

— Сынъ мой, вонъ идетъ Нелла, сказалъ онъ, увидя дѣвушку.

Изъ дому вышелъ худощавый, высокій стройный юноша. Его правильное тонкое лицо казалось высѣченнымъ изъ мрамора. Большіе ясные открытые, но совершенно безжизненные глаза были необыкновенно хороши. Казалось, этому мраморному лицу не достаетъ лишь одного—послѣдняго удара рѣзца, сдѣланнаго искусною рукою скульптора, — и оно оживетъ, засіяетъ неземной красотою. На видъ Пабло было не болѣе двадцати лѣтъ.

Донъ Франциско Пенагвильясъ слылъ за хорошаго, умнаго и великодушнаго человѣка. Служа раньше въ военной службѣ, онъ нелишенъ былъ нѣкотораго образованія и ста-

рался передать сыну все, что̀ зналъ самъ. — »Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ дважды слѣпъ«, говорилъ онъ и велъ съ нимъ непрерывныя бесѣды

Пабло и Маріанелла, въ сопровожденіи весело прыгавшаго Шото, вышли въ поле.

— Нелла, сказалъ Пабло: — сегодня чудный день: вѣтерокъ такъ мягокъ и свѣжъ, и солнце неочень печетъ. Куда мы идемъ?

— Пойдемъ въ лѣсъ, сказала Нелла, опуская руку въ карманъ пальто молодаго человѣка. — Ну-ка, что̀ ты мнѣ сегодня принесъ?

— Поищи и найдешь кое-что, отвѣтилъ Пабло, смѣясь.

— Ахъ, Матерь Божія! палка шоколаду! постой-ка, постой, еще что-то въ бумагѣ... Матерь Божія! конфеты... Богъ мой, какая я богачка! У меня дома и не видывала такихъ прелестей, Пабло! Мы неособенно роскошно ѣдимъ...

— Куда-жъ мы идемъ? спросилъ снова слѣпой.

— Куда желаешь, мой дорогой, отвѣтила Нелла, развертывая бумажку и кладя конфету въ ротъ. — Ахъ какая прелесть!

Ея черные глаза заблестѣли отъ удовольствія, и ея птичье личико выражало полное удовлетвореніе. Она вся перерождалась, когда была со своимъ другомъ: ея лицо становилось почти красивымъ, фигура — граціозной, душа — чувствительной и нѣжной.

— Нѣтъ, лучше пойдемъ, куда ты хочешь, сказалъ слѣпой. — Я люблю тебѣ повиноваться. Если тебѣ нравится, то пойдемъ въ лѣсъ.

— Хорошо, хорошо, пойдемъ въ лѣсъ. Когда устанемъ, мы присядемъ.

— У источника, знаешь, Нелла, гдѣ стоятъ большіе пни, какъ бы для того и сотворенные, чтобы мы съ тобой отдыхали на нихъ, и гдѣ слышится такая масса птичьихъ голосовъ.

— Пройдемъ мимо мельницы. Ахъ какой чудный день и какъ я счастлива!..

— Очень блеститъ солнышко, Нелла? Ты мнѣ какъ-то говорила объ этомъ, но я не понялъ, что̀ такое блескъ.

— Очень блеститъ, да, мой сеньорито. Но что̀ тебѣ до этого? Солнце очень некрасиво. На него нельзя взглянуть.

— Почему?

— Потому, что рябитъ въ глазахъ. Что ты чувствуешь, когда тебѣ весело?

— Когда я свободенъ, съ тобой, когда мы одни?

— Да.

— Я чувствую въ груди какую-то радость, какое-то сладкое замираніе...

— Матерь Божія! Такъ ты знаешь, какъ блеститъ солнце?

— Какъ радость?

— Нѣтъ, дурачокъ!

— Какже?

— Да такъ!

— Какже: такъ?

— Такъ! убѣдительно подтвердила Нелла.

— Я вижу, что этихъ вещей нельзя объяснить. Прежде я понималъ день такъ: день — когда люди говорятъ, ночь — когда люди молчатъ и поютъ пѣтухи. Теперь я понимаю иначе: для меня день, когда мы съ тобой вмѣстѣ, и ночь, когда мы разстаемся.

— Ай, Матерь Божія! воскликнула Нелла, откинувъ со лба прядь волосъ. — У меня есть глаза, но думаю я точно также.

— Я хочу просить отца, чтобы ты жила у насъ въ домѣ, чтобы намъ не разставаться.

— Хорошо, хорошо, сказала Нелла, хлопая въ ладоши; она отошла на нѣсколько шаговъ и, съ необыкновенной граціей приподнявъ свое платье, начала танцовать.

— Что ты дѣлаешь, Нелла?

— Ахъ, мой дорогой, я танцую... Я такъ счастлива, что мнѣ хочется кружиться и танцовать.

Но надо было перейти небольшой оврагъ — и, подбѣжавъ къ слѣпому, она подала ему руку. Дорогой она заботливо раздвигала вѣтки, чтобы онѣ не ударили его въ лицо.

— Если тебѣ все равно, то сядемъ здѣсь, сказалъ Пабло, когда они дошли до дна оврага. — Шото, поди сюда!

Всѣ трое сѣли.

— Какъ здѣсь много цвѣтовъ! воскликнула дѣвушка:— Матерь Божія, какіе красивые!

— Сплети мнѣ вѣнокъ. Хотя я и не вижу ихъ, но люблю держать въ рукахъ. Мнѣ кажется, что я ихъ слышу... мнѣ чудится, будто они мнѣ шепчутъ, что они прекрасны,

и что въ моей душѣ что-то отвѣчаетъ имъ. Ахъ, Нелла, мнѣ кажется, что я вижу внутри себя.

— О, да, я понимаю! Солнце, трава, луна и большое голубое небо, усѣянное звѣздами — все, все это есть въ природѣ и какъ будто въ насъ самихъ. Ну, вотъ тебѣ цвѣты... Да вѣдь ты не знаешь, что̀ такое цвѣтокъ?

— Цвѣтокъ... проговорилъ слѣпой, нѣсколько смущаясь и дотрогиваясь имъ до своего лица: — мнѣ кажется, цвѣтокъ — это улыбка, которую намъ посылаетъ земля. Я такъ мало понимаю природу...

— Ахъ, какой ты нетерпѣливый! воскликнула Нелла, лаская руки Пабло. — Цвѣты — это звѣздочки земли.

— А звѣзды что̀ такое?

— Звѣзды — это глаза тѣхъ, которые ушли отъ насъ на небо.

— Значитъ, цвѣты...

— Глаза тѣхъ, которые умерли и которые не попали на небо, спокойно подтвердила Нелла съ апломбомъ философа. — Мертвые зарыты въ землю; но такъ какъ они не могутъ лежать тамъ и не знать, что̀ происходитъ на свѣтѣ, такъ вотъ они и посылаютъ отъ себя взглядъ въ видѣ цвѣтка. Если гдѣ много цвѣтовъ, значитъ, тамъ... очень давно похоронено много людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, серьезно возразилъ Пабло. — Не вѣрю этому. Наша религія насъ учитъ, что душа разстается съ тѣломъ, и что жизнь оканчивается. То, что̀ погребено, Нелла, то уже не можетъ ни чувствовать, ни думать, ни видѣть.

— Это говорятъ книги, но онѣ, по словамъ Сеньанны, все врутъ.

— Это говоритъ вѣра и умъ, Нелла. Не вѣрь пустякамъ.

— Ай, ай, Пабло! не могу же я тебѣ вѣрить, когда ты говоришь, что земля вертится, а солнце стоитъ. Пречистая Дѣва! умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, если земля не стоитъ неподвижно, а солнце не плыветъ. Я много ночей провела, глядя на небо, и лучше тебя знаю, какъ ходитъ вся эта машина. Земля стоитъ внизу, а солнце восходитъ вонъ тамъ, а вотъ тутъ садится; солнце — дворецъ Божій.

— Какая дурочка!

— А почему же такъ не можетъ быть?

— Ахъ, Нелла, я научу тебя, какъ надо понимать Бога.

— Меня ничему не учили, беззаботно сказала она: — но я обо многомъ сама думала. Когда я иду ночью одна домой, то всегда смотрю на небо и знаю, что Пресвятая Владычица смотритъ на меня оттуда... не смѣйся, дурачокъ!.. своими очами. А звѣзды — что же онѣ такое, какъ не души святыхъ? Я знаю, что онѣ падаютъ съ неба, для того чтобы сказать намъ что нибудь хорошее.

— Ай, Нелла, Нелла! воскликнулъ горячо Пабло. У тебя такъ много фантазіи, и все это перепутано въ головѣ. Тебѣ необходимо научиться читать, чтобы твоя умная головка вѣрно понимала природу.

— Читать! Кто же меня выучитъ?

— Мой отецъ. Я попрошу его, онъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ. Я вижу если не этими, то внутренними глазами всю красоту твоей души, богато одаренной Создателемъ. Полтора года мы съ тобою почти неразлучны, но мнѣ кажется, что уже тысячу лѣтъ я тебя знаю, потому что у насъ въ мысляхъ и чувствахъ такъ много общаго... Ты сейчасъ наговорила массу несообразностей, но мнѣ кажется, что я никогда не устану слушать тебя.

— О, Матерь Божія! да вѣдь я живу на свѣтѣ лишь для того, чтобы провожать тебя, мои глаза служатъ мнѣ лишь для того, чтобы передать тебѣ все прекрасное, чего ты не можешь видѣть!

Слѣпой наклонился къ ней, обнялъ ее и воскликнулъ:

— Скажи мнѣ, Нелла, какая ты?

Она ничего не отвѣтила и встала съ мѣста.

VI

По дну оврага бѣжалъ узкій ручей, расширяясь въ одномъ мѣстѣ и образуя бассейнъ, откуда брали воду. Нагулявшись до утомленія по лѣсу, молодые люди опустились на траву. Пабло легъ на самомъ берегу ручья; солнце играло на его лицѣ.

— Что ты дѣлаешь, Нелла? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, не слыша шаговъ, ни голоса, ни дыханія своего друга. — Гдѣ ты?

— Здѣсь, отвѣтила Нелла, дотронувшись до его плеча.— Я смотрѣла на море.

— А! Оно далеко?

— Оно виднѣется со стороны Фикобрига.

— Неправда ли, оно такое большое, большое, что можно смотрѣть цѣлый день и всетаки не увидѣть краевъ?

— Отсюда виденъ только кусочекъ величиною съ открытый ротъ.

— А, я понимаю. Послушай, Нелла, что я тебѣ скажу... Но что ты дѣлаешь?

Нелла, раздвинувъ вѣтви свѣсившагося надъ ручьемъ тополя, наклонилась и граціозно качалась.

— Я здѣсь. Я задумалась о томъ, почему Богъ намъ не далъ, какъ птицамъ, крыльевъ? Какъ чудно было бы носиться подъ облаками, надъ моремъ...

— Богъ не далъ намъ крыльевъ, зато далъ мысль, которая можетъ летѣть къ самому Богу. Подумай, Нелла, зачѣмъ бы мнѣ крылья, еслибы Богъ лишилъ меня мысли?

— Я бы хотѣла имѣть и то, и другое. Еслибъ у меня были крылья, я посадила бы тебя на нихъ и унеслась бы за облака.

— Сядь около меня. Ты не устала? сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Немножко, отвѣтила она и довѣрчиво опустила голову на его плечо.

— Какъ ты тяжело дышешь, Неллилья, ты очень устала. Вчера вечеромъ отецъ читалъ мнѣ о красотѣ...

— Эта книга, сказала Нелла, желая показать свою ученость: — вѣроятно, называется: »тысяча и не знаю сколько ночей«.

— Совсѣмъ нѣтъ, дурочка, въ ней говорилось только о красотѣ, понимаешь? объ идеальной красотѣ. Есть красота, которую нельзя видѣть и ощущать.

— Какъ, напр., Пресвятая Дѣва, которую мы не видимъ и не можемъ трогать?

— Ну да, вѣрно... Окончивъ чтеніе, онъ сталъ говорить о различныхъ формахъ красоты. »Къ несчастію, ты не можешь этого понять«, сказалъ онъ мнѣ. Но я понялъ, мнѣ ненужно для этого глазъ. Я сказалъ отцу: »я понимаю типъ обворожительной красоты, типъ, соединяющій въ себѣ всѣ красоты, этотъ типъ — Нелла«. Мой отецъ много смѣялся, но согласился со мной.

Нелла не въ силахъ была ничего отвѣтить. Одну минуту ей показалось, что слѣпой видитъ ее.

— Да, ты красивѣе всѣхъ, Нелла! горячо воскликнулъ слѣпой. — При твоей добротѣ, невинности, очарованіи, пѣніи, воображеніи, глубокой и нѣжной душѣ, услаждающей мои грустные дни, можешь ли ты не быть красива!.. Нелла, Нелла, неправда ли, ты очень хороша?

Нелла молчала. Инстинктивнымъ движеніемъ она закрыла себѣ лицо руками, полными цвѣтовъ, сорванныхъ еще въ долинѣ.

— Не отвѣчаешь? Ты очень скромна. Отвѣчай же!

— Я... промолвила застѣнчиво дѣвушка: — я не знаю... говорятъ, что ребенкомъ я была очень хороша... теперь...

— И теперь также. Поди ко мнѣ, поцѣлуй меня...

Нелла, съ вѣнкомъ изъ яркихъ цвѣтовъ на головѣ, медленно подходила къ слѣпому — и вдругъ ей непреодолимо захотѣлось посмотрѣться въ воду. Опершись руками о берегъ, она наклонилась надъ водой.

— Что ты дѣлаешь, Мариквилья?

— Я смотрюсь въ воду, она словно зеркало, отвѣтила она.

— Тебѣ не нужно смотрѣться, ты хороша, какъ ангелъ.

Душа слѣпаго была полна энтузіазма.

— Вода дрожитъ, также какъ и я, сказала Нелла: — и ничего невидно. Вотъ теперь успокоилась... Теперь я себя вижу...

— Какъ ты хороша! Поди сюда, милая! горячо сказалъ Пабло, протягивая ей объятія.

— Я хороша!.. сказала она со смущеніемъ и недовѣріемъ. Лицо мое не такъ некрасиво, какъ всѣ это говорятъ. О, еслибъ я одѣвалась, какъ одѣваются другія!

— Ты будешь такъ одѣваться.

— И эта книга говоритъ, что я очень хороша? спросила Нелла, разсматривая себя со всѣхъ сторонъ.

— Это говорю я, и это несомнѣнная истина! воскликнулъ слѣпой, весь отдаваясь своей фантазіи.

— Можетъ быть, люди и ошибаются, сказала дѣвушка, отходя отъ своего зеркала. — Но зачѣмъ же они надо мною смѣются?

— О, пусть кто нибудь попробуетъ сказать мнѣ, что ты некрасива, и они увидятъ... Несчастные, какъ они заблуждаются! Поди сюда, моя Нелла, я поцѣлую твою милую головку.

Она подбѣжала и бросилась въ его объятія.

— Малютка моя, какъ я тебя люблю! сказалъ онъ, прижимая ее къ своей груди.

Нелла ничего не говорила. Ея сердце было полно счастья. Онъ прижималъ ее къ себѣ все горячѣе и шепталъ ей на ухо:

— Я тебя люблю больше жизни. Дорогой ангелъ, люби меня, или я умру.

Она вырвалась изъ его объятій и, съ инстинктивным чувствомъ пробуждающейся женщины, снова побѣжала к источнику. Вода отразила ея маленькое веснушчатое личик съ черными глазами, острымъ носикомъ и птичьей физіономіей. Цвѣты съ ея маленькой головы упали въ воду и замутили ее. Дочь Канелла почувствовала, что холодъ проникъ въ ея сердце; она бросилась на земь и прошептала:

— Матерь Божія, какая я дурнушка!

— Что ты говоришь, Нелла?

— Я ничего не говорю, я думаю, мой дорогой... да, думаю, что пора идти обѣдать.

— Хорошо, пойдемъ къ намъ обѣдать, а вечеромъ опять выйдемъ гулять. Дай мнѣ руку.

Когда они подходили къ дому, Нелла увидѣла дона Франциско и обоихъ братьевъ Гольфиновъ.

— Мы ждемъ тебя, сынъ мой, сказалъ отецъ. — Сеньоръ Теодоро хочетъ познакомиться съ тобой.

Пабло, вмѣстѣ съ Гольфинами, вошелъ въ домъ.

— Ты можешь идти домой, Нелла, ласково обратился отецъ Пабло къ задумчиво стоявшей дѣвушкѣ: — мой сынъ не выйдетъ сегодня на прогулку. Зайди въ кухню и спроси у Доротеи себѣ поѣсть.

VII

На слѣдующій день Пабло и его проводница въ обычный часъ отправились въ лѣсъ.

— Нелла, я имѣю сказать тебѣ что-то такое, что заставитъ тебя прыгать отъ радости, сказалъ слѣпой, когда они достаточно отдалились отъ дома. — Я чувствую какой-то переворотъ въ самомъ себѣ. Вчера я познакомился съ братомъ Карлоса Гольфина, знаменитымъ ученымъ. Какой хорошій, симпатичный человѣкъ! Сначала мы просто разго-

ривали, потомъ онъ подвелъ меня къ огню и какимъ-то инструментомъ сталъ трогать мои глаза; въ комнатѣ была такая тишина... всѣ молчали. Потомъ онъ что-то шопотомъ сталъ говорить моему отцу; отецъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: »сынъ мой, я не могу выразить тебѣ всей радости, наполняющей мою душу: этотъ человѣкъ, этотъ ангелъ, посланный намъ Богомъ, далъ мнѣ надежду, что ты будешь видѣть...« По голосу, какимъ онъ говорилъ это, я понялъ, что онъ плакалъ... Что ты дѣлаешь, Нелла, ты танцуешь?

— Нѣтъ, я здѣсь, около тебя.

— Ты прежде всегда танцовала, когда я говорилъ тебѣ что нибудь радостное... Куда мы сегодня пойдемъ?

— Погода нехороша, пойдемъ къ Трасковѣ, потомъ къ Ужасному.

— Хорошо, какъ хочешь... Ай, Нелла, моя дорогая, еслибъ это была правда, что Богъ умилосердится надо мною, дастъ мнѣ увидѣть тебя!

Нелла молчала; вмѣсто того чтобъ выказать неизъяснимую радость, она шла угрюмо, опустивъ глаза въ землю.

— Это навѣрное сбудется, убѣжденно произнесла она наконецъ.

— Почему ты знаешь?

— Мнѣ говоритъ это мое сердце.

— Твое сердце? О, почему бы не сбыться этому предчувствію! Но мнѣ кажется, что ты грустна сегодня?

— Да, мнѣ грустно... и, сказать по правдѣ, я не знаю почему. Мнѣ и очень весело, и очень грустно заразъ. День такой нехорошій сегодня... Лучше бы всегда была ночь...

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть будетъ и день, и ночь, если Богъ судилъ мнѣ видѣть и то, и другое. Мы, кажется, подходимъ къ Трасковѣ? Уйдемъ отсюда, Нелла, я не люблю этого мѣста.

— А какъ она хороша сегодня!

Выпустивъ руку Пабло, она нагнулась надъ пропастью и смотрѣла въ глубину ея. Въ срединѣ зіяло отверстіе, а по краямъ пропасти росли чудные мелкіе цвѣточки, какъ бы усѣявшіе собою бархатный травяной коверъ.

— Почему ты называешь красивой эту страшную Траскову? спросилъ слѣпой.

— Потому что въ ней очень много цвѣтовъ. На прошлой недѣлѣ они еще не распускались, а теперь всѣ зацвѣли. Матерь Божія! какъ тамъ много пчелокъ!

— Меня какъ-то пугаетъ это мѣсто, сказалъ Пабл взявъ ея руку: — пойдемъ къ копямъ. Шото, ступай впередъ. не вертись подъ ногами!

Они поднялись по узкой каменистой тропинкѣ, гдѣ д дня тому назадъ Пабло спускался съ Гольфиномъ. Работ на копяхъ была въ полномъ ходу. Въ воздухѣ стояли тя ный дымъ и красноватая пыль. Молодые люди подош наконецъ къ высокой скалѣ, съ одного бока которой бы сдѣлано большое углубленіе, откуда брали песокъ, и ук лись подъ ней.

— Какъ здѣсь хорошо! произнесъ Пабло: — такъ тих спокойно, слышно только отдаленное рокотанье Трасковы

— Не хочешь ли прилечь? спросила Нелла.

— Ахъ, какъ ты хорошо придумала! Вѣдь я сегодня ночь не спалъ, все думалъ о томъ, что мнѣ сказалъ от о глазахъ... Всю ночь я чувствовалъ чью-то руку на мо глазахъ, открывающую ихъ. — Сказавъ это, онъ положи голову на колѣни Неллы. — Ахъ, Нелла, дорогая моя. ес Господь послалъ мнѣ это счастіе!.. Я считалъ бы себя т счастливѣйшимъ изъ людей, потому что я и теперь счас ливъ, когда ты подлѣ меня. Для того чтобъ никогда не р ставаться съ тобой, чтобы составлять съ тобой одно цѣ мнѣ нужно лишь увидѣть тебя, убѣдиться въ твоей крас Я чувствую твою красоту, но въ ней еще ѣсть что-то та чего безъ глазъ я не могу понять.

— Слышишь? сказала Нелла, какъ бы не обращая вн манія на слова своего друга.

— Что?

— Тамъ внутри... Траскова... она говоритъ.

— Ахъ, суевѣрная! Вода не говоритъ, Неллилья. Тол двѣ вещи говорятъ — языкъ и совѣсть.

— И Траскова... заключила Нелла, блѣднѣя. — Она шепчетъ, и я слышу ясно голосъ моей матери: »дитя к какъ тутъ хорошо!«

— Это твоя фантазія. Фантазія также говоритъ — я забылъ тебѣ сказать.

— Теперь она какъ будто плачетъ... Вотъ голосъ у хаетъ, говорила Нелла, прислушиваясь. Въ это время несся порывъ вѣтра. — Развѣ ты не слышалъ сейчасъ желый вздохъ? Вотъ опять голосъ... онъ говоритъ мнѣ т тихо... такъ тихо...

— Что онъ тебѣ говоритъ?

— Ничего! вдругъ произнесла Нелла, помолчавъ: — ты говоришь, что это глупости, — ты правъ.

— Я уничтожу въ твоей головкѣ эти странныя понятія, сказалъ слѣпой, взявъ ея руку. — Мы всю жизнь будемъ неразлучны. О Боже мой, если ты не исполнишь этого, зачѣмъ Ты далъ мнѣ надежду?! Ахъ, Нелла, когда я увижу твое прелестное личико, я женюсь на тебѣ. Ты будешь моей дорогой женой. Клянусь Богомъ — никогда по собственной волѣ я не разстанусь съ тобой. Что же ты молчишь?

Нелла прижала къ себѣ красивую голову молодаго человѣка и отъ волненія не могла выговорить ни слова.

— А если Господь не дастъ мнѣ счастія тебя увидѣть, ты всетаки будешь моей женой, если только не побоишься связать свою жизнь съ слѣпымъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не приму этой жертвы. При твоей безконечной добротѣ, при твоей красотѣ, ты найдешь себѣ лучшаго мужа. И всетаки я готовъ поклясться передъ Богомъ, что — слѣпой или зрячій — я тебя никогда не забуду; я всю жизнь, до гроба, буду тебя любить. Что же ты не отвѣчаешь мнѣ?

— И я тебя люблю очень, ужасно!.. сказала Нелла, прижимаясь лицомъ къ его лицу: — но не желай слишкомъ горячо меня видѣть: можетъ быть, я не такъ хороша, какъ ты думаешь!

Она вспомнила свое отраженіе въ источникѣ, и крупныя слезы выступили на ея глазахъ.

— Нелла, на мое лицо упала капля, не идетъ ли дождь?

— Да, мой дорогой, кажется, дождь идетъ, отвѣтила она, всхлипывая.

— Нѣтъ, это ты плачешь. Мое сердце говоритъ мнѣ это. Ты — сама доброта, наши души сливаются, мы составляемъ съ тобою одно, правда?

— Правда.

— Твои слезы говорятъ мнѣ лучше словъ. Неправда ли, ты хочешь сказать, что ты и слѣпаго меня будешь любить?

— Да, конечно.

— И ты меня будешь провожать?

— Всегда, всегда.

— Слушай же, воскликнулъ онъ горячо: — еслибъ я долженъ былъ выбирать между тобой и зрѣніемъ...

— Ты выбралъ бы меня... О Матерь Божія, какъ я счастлива!

— Знаешь, Нелла, воскликнулъ онъ: — у меня есть предчувствіе, что я увижу твою красоту, и мы будем счастливы. Не чувствуешь ли и ты того же?

— Я?.. Сердце говоритъ мнѣ, что ты меня увидишь...

— Увижу тебя! восторженно воскликнулъ Пабло. — Если я увижу тебя такой, какъ я себѣ тебя представляю, как чувствуетъ тебя мое сердце...

— Да. да, да, перебила Нелла дрожащими губами и съ какимъ-то дикимъ взглядомъ: — я хороша, я очень хороша.

— Благослови тебя Богъ!

— И тебя также, отвѣтила она, цѣлуя его въ лобъ. — Не хочешь ли заснуть?

— Да, я не спалъ ночь... мнѣ такъ хорошо тутъ...

— Усни, милый...

Она запѣла надъ нимъ тихую пѣсню, которою убаюкиваютъ дѣтей. Онъ скоро заснулъ. Нелла снова услышала голосъ изъ Трасковы: — »дочка моя... сюда, сюда...«

VIII

Теодоро Гольфинъ не оставался безъ дѣла на шахтахъ Сокартесъ. Онъ цѣлые дни проводилъ въ копяхъ, наблюдая за непрерывной работой; все его интересовало — и руда, и люди, вырабатывающіе ее. По вечерамъ онъ, какъ страстный любитель музыки, заслушивался игры на роялѣ Софіи, жены Карлоса, съ которой, впрочемъ, не былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ.

Однажды, подъ вечеръ, Теодоро, его братъ и Софія, гуляя, шли къ дому Франциско, отцу слѣпаго Пабло. Впереди ихъ бѣжала Лили, собачка Софіи, за которую она заплатила большія деньги и которую, за неимѣніемъ дѣтей, любила до обожанія. Когда они подходили къ Трасковѣ, Лили, увидавшая бабочку, побѣжала за ней въ пропасть, поскользнулась и скатилась внизъ на нѣсколько шаговъ. Донья Софія пришла въ ужасъ. Она нагнулась и неожиданно увидѣла Нелли, сидящую у самаго края пропасти.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, дура? закричала она. — Достань мнѣ Лили. Это ты виновата, что она упала: она побѣжала къ тебѣ.

Нелла, не сказавъ ни слова, спустилась и съ трудомъ достала собачку. Донья Софія заботливо осмотрѣла ее и, убѣдившись, что она не ушиблась, подала ее Неллѣ, сказавъ:

— На, неси ее, да не отходи далеко, чтобы я видѣла, что ты дѣлаешь.

Нелла пошла впередъ, а донъ Теодоро продолжалъ начатый разговоръ:

— Да, сказалъ онъ: — когда я былъ еще мальчикомъ, сыномъ бѣднаго, почти нищаго отца, я понялъ, что мнѣ и брату только двѣ дороги: галеры или слава. Я неожиданно для самого себя почувствовалъ приливъ такой энергіи и силы воли, на который не считалъ себя ранѣе способнымъ. Я взялъ братишку, сказалъ: »Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.:. помоги намъ... спаси насъ!« и ушелъ. Я служилъ у разныхъ хозяевъ за кусокъ хлѣба и за позволеніе ходить въ школу. Я научился читать и выучилъ Карлоса. Наконецъ, послѣ большихъ трудовъ, мнѣ удалось поступить въ школу, а брата я помѣстилъ мальчикомъ къ старьевщику.

— Вотъ какъ! воскликнула Софія недовольнымъ голосомъ. — Я спрашиваю, къ чему вспоминать подобное дѣтство? между тѣмъ ты какъ будто съ любовью вспоминаешь о немъ.

— Вспоминая дѣтство, я всегда думаю о бѣдныхъ, брошенныхъ, несчастныхъ дѣтяхъ... сказалъ мягко донъ Теодоро и взглянулъ на Неллу. — Въ школѣ я почувствовалъ влеченіе къ медицинѣ. Но какъ изучить ее, когда надо заботиться о хлѣбѣ насущномъ?.. Помнишь ли, Карлосъ, какъ мы съ тобой пошли наниматься къ парикмахеру, не умѣя держать въ рукахъ бритву? Насъ приняли, и мы скоро прекрасно научились пускать кровь. Помнишь, Карлосъ, когда я отошелъ отъ него, онъ плакалъ... Онъ далъ мнѣ два дуро, а его жена подарила его старыя панталоны. Я поступилъ лакеемъ. Богъ послалъ мнѣ хорошихъ господъ. Они видѣли мое стремленіе къ наукѣ и всячески старались оставить мнѣ побольше свободнаго времени для моихъ занятій. Я учился днемъ, вечеромъ, ночью, даже во снѣ... Помню, когда я чистилъ платье моему господину, я изучалъ человѣческій скелетъ. Въ этомъ домѣ мнѣ давали остатки обѣда, и я носилъ ихъ брату. Помнишь, Карлосъ?

— Помню, отвѣтилъ тотъ съ волненіемъ. — Вскорѣ послѣ этого мнѣ посчастливилось поступить къ отставному полковнику, научившему меня началамъ математики.

— Вдругъ Карлосъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Моему отчаянію не было границъ. Я долженъ былъ остаться безъ платья, чтобы купить лекарства брату. Я заложилъ плащъ, потомъ сюртукъ, потомъ бѣлье... Но Господь видимо заботился о насъ: господа помогли намъ, братъ выздоровѣлъ. Тогда я еще усерднѣе занялся медициной. Мой хозяинъ захворалъ, и я ходилъ за нимъ, какъ сестра милосердія. Онъ умеръ и оставилъ мнѣ наслѣдство.. О да! цѣлое состояніе! Оно состояло изъ его палки, машинки для набиванія папиросъ, охотничьяго рога и четырехъ тысячъ рублей деньгами. Я купилъ брату книгъ и себѣ платье. Когда я одѣлся по человѣчески, то сталъ лечить больныхъ. Практика увеличивалась, и мы съ Карлосомъ повеселѣли. Скоро я занялся изученіемъ глазныхъ болѣзней, но мнѣ этого было мало... Наконецъ Карлосъ окончилъ школу, я могъ уже оставить его и уѣхалъ въ Англію доканчивать свое образованіе.

— Если на свѣтѣ есть герои, то ты — одинъ изъ нихъ, воскликнулъ Карлосъ, восхищаясь братомъ.

— Приготовьтесь теперь, сеньоръ-полубогъ, насмѣшливо сказала Софія: — оправдать вашу ученость на глазахъ бѣднаго Пабло. Вотъ донъ Франциско идетъ къ намъ на встрѣчу.

IX

Донъ Франциско съ большимъ уваженіемъ принялъ гостей. Служанка вынесла подносъ со стаканами великолѣпнаго парнаго молока.

— А гдѣ же Пабло? спросилъ инженеръ.

— Онъ только что спустился на копи. Я сейчасъ пошлю за нимъ.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, пусть себѣ гуляетъ, сказалъ Теодоро.

— Развѣ вы не желаете, сеньоръ, еще разъ взглянуть на его глаза?

— Нѣтъ, я ужъ понялъ его болѣзнь. Можно сдѣлать операцію.

— Вы ручаетесь за успѣхъ? съ замираніемъ сердца спросилъ отецъ.

— О нѣтъ! Я не сказалъ вамъ, какъ другіе: — «Я

дежды нѣтъ«; я говорю, что операція можетъ быть удачна, а можетъ быть — и нѣтъ...

— О, еслибъ Богу угодно было дать зрѣніе моему сыну, я считалъ бы васъ величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ! Мракъ его очей затемняетъ всю мою жизнь... Я богатъ; но на что мнѣ мои богатства, когда онъ не можетъ пользоваться ими? Съ мѣсяцъ назадъ я получилъ извѣстіе, что мой кузенъ Фаустино умеръ и оставилъ мнѣ большое состояніе. Я и мой братъ Мигуэль — мы единственные наслѣдники; у Мигуэля есть дочь, прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвушка. Когда донъ Теодоро далъ мнѣ надежду, я не выдержалъ и написалъ объ этомъ Мигуэлю, и онъ, обрадованный вѣстью, пишетъ... вотъ прочтите... Старикъ досталъ изъ кармана нѣсколько писемъ и прочелъ одно изъ нихъ: — »Жени твоего Паблито на моей Флорентинѣ, и къ своему состоянію ты присоединишь еще полмилліона«. Я жду ихъ со дня на день, они обѣщали пріѣхать погостить и поговорить о наслѣдствѣ. Я уже строилъ планы женитьбы, мнѣ уже видѣлись маленькія дѣтки, семейное счастіе... Если Пабло будетъ видѣть — все это осуществится, а если нѣтъ... все рухнетъ.

— Что ты скажешь на это, Теодоро? спросилъ инженеръ брата.

— Дѣло въ томъ, что тутъ не простое бѣльмо. Если сѣтчатая оболочка не повреждена, то исходъ операціи будетъ хорошъ; но если подъ бѣльмомъ скрывается темная вода, тогда... противъ онѣмѣнія зрительнаго нерва мы ничего не можемъ подѣлать... Попробуемъ, донъ Франциско! Вѣрите ли вы мнѣ?

— О, разумѣется!

— Вы должны приготовиться къ тому, что вашему сыну предстоитъ мучительная операція, послѣ которой онъ все-таки, быть можетъ, не будетъ видѣть...

— — Дѣлайте операцію, а тамъ божья воля! рѣшилъ донъ Франциско.

— Въ такомъ случаѣ завтра я предпишу ему нѣкоторый режимъ, котораго онъ предъ операціей долженъ строго держаться.

Вскорѣ послѣ этого гости съ Неллой ушли, и донъ Франциско пошелъ проводить ихъ. Когда онъ возвращался, его мысли были грустны. Онъ думалъ о наступающихъ ужас-

ныхъ дняхъ неизвѣстности и надежды, волненій и сомнѣній. Дорогою онъ встрѣтилъ Шото. Собака прыгала на него, ласкаясь къ нему. Не имѣя подлѣ себя болѣе близкаго существа, донъ Франциско обнялъ ее и спросилъ съ тоской:

— Шото, что-то будетъ?..

X

Изъ открытаго окна домика Чентеновъ несся дружный храпъ и свистъ на всѣ лады: семья спала.

Челипинъ раздѣвался, когда вдругъ услышалъ голосъ изъ кухни:

— Челипинъ, посмотри-ка, какой подарокъ я тебѣ принесла!

Мальчикъ не могъ ничего разглядѣть, но, протянувъ руку, онъ почувствовалъ, что Нелла положила въ нее два дуро.

— Мнѣ далъ ихъ донъ Теодоро, сказала Нелла: — чтобы я купила себѣ башмаки; но такъ какъ мнѣ вовсе не нужно башмаковъ, то я принесла деньги тебѣ, спрячь ихъ скорѣе.

— О, воскликнулъ онъ: — теперь они увидятъ, что̀ такое Челипинъ!

— Знаешь, мальчикъ, тотъ, кто далъ мнѣ эти деньги, просилъ милостыню, когда былъ ребенкомъ, а потомъ...

— Ахъ, чортъ возьми! а теперь какъ онъ богатъ! Говорятъ, на шести мулахъ не свезешь его золота!

— Онъ спалъ на улицѣ, служилъ лакеемъ, не имѣлъ штановъ... онъ былъ бѣднѣе крысы. Его братъ, донъ Карлосъ, жилъ у старьевщика...

— Господи! И я также поищу себѣ мѣсто у старьевщика.

— Потомъ онъ былъ цырюльникомъ, чтобы только заработать себѣ кусокъ хлѣба и учиться...

— Знаешь что̀, я также думаю идти прямо въ цирюльники. Какъ только я пріѣду въ Мадритъ, я въ два мѣсяца изучу всѣ науки. Мнѣ кажется, лучше всего быть врачемъ, врачи всегда имѣютъ много денегъ.

— Донъ Теодоро имѣлъ меньше, чѣмъ ты имѣешь. У тебя накопилось уже пять дуро, а у него не было ни одного. Донъ Карлосъ изучалъ камни, а донъ Теодоро людей — и вотъ видишь, чего они достигли. И какой онъ добрый, какой ласковый!

— А вотъ ты увидишь, какимъ я буду, когда нажму

сюртукъ и шляпу. На руки я надѣну перчатки и никогда ихъ не буду снимать, развѣ только для того чтобы щупать пульсъ... У меня будетъ палка съ золотымъ набалдашникомъ... бѣлье только полотняное, самое тонкое... Ахъ, чортъ возьми, ты расхохочешься, когда меня увидишь!..

— Не думай объ этихъ вещахъ. Прежде чѣмъ научиться лечить больныхъ, ты еще долженъ выучиться грамотѣ, чтобы написать письмо роднымъ, попросить у нихъ прощенія и объяснить, что ты ушелъ для того, чтобы учиться.

Разумѣется! Мнѣ стоитъ только взять перо въ руки — и ты увидишь, что я буду выводить такія же тонкія буквы, какъ донъ Франциско. Писать? Да я въ четыре дня научусь писать! Нелла, ты не знаешь еще, какъ во мнѣ много талантовъ! Когда мнѣ не спится, я какъ будто чувствую, что у меня уже всѣ науки въ головѣ, и тамъ такой шумъ — бумъ-бумъ-бумъ-бумъ... Я изучу всѣ науки, всѣ до одной... Ты увидишь...

— Такъ и надо! Пабло Пенагвильясъ знаетъ ихъ всѣ, но говоритъ, что имъ еще всю жизнь можно учиться. Хорошо бы тебѣ быть, какъ донъ Карлосъ: говорятъ, онъ можетъ добывать даже золото и серебро.

— А не лучше ли сдѣлаться докторомъ, какъ донъ Теодоро? Говорятъ, онъ одному больному вынулъ глазъ, вставилъ на его мѣсто другой — и больной сталъ прекрасно видѣть. Вотъ увидишь, что такое Челипинъ изъ Сокартесъ! Обо мнѣ слава дойдетъ до самой Гаванны...

— Хорошо, хорошо, радостно сказала Нелла: — только будь хорошимъ сыномъ; у тебя много талантовъ, ты долженъ благодарить за нихъ Пресвятую Дѣву и удѣлить ей частицу твоего заработка.

— Да, я это сдѣлаю. Пойми, я не оттого ухожу отъ родныхъ, что не люблю ихъ, а потому, что не могу здѣсь учиться. Скоро я вернусь сюда франтомъ и привезу платья матери и сестрамъ, шляпу отцу, а тебѣ серьги...

— Какъ ты раздобрился! воскликнула Нелла, подавляя смѣхъ. — Мнѣ сережки!..

— Ахъ, знаешь, мнѣ пришла мысль! Уйдемъ вмѣстѣ. Мы будемъ работать, у тебя вѣдь также много талантовъ. Ты можешь сдѣлаться сеньорой, какъ я — кабалеро.

— Какой ты глупенькій! Я ни на что не гожусь. Я была бы только въ тягость тебѣ.

— Вѣдь говорятъ, что когда Пабло будетъ видѣть т ему болѣе не будешь нужна. Что ты думаешь объ м мысли? Ты молчишь?

Нелла долго ничего не отвѣчала. Челипинъ снова сп силъ ее — и снова остался безъ отвѣта.

— Спи, Челипинъ, сказала она наконецъ, выходя дверь. — Меня очень клонитъ ко сну.

— А мнѣ такъ не спится отъ моихъ талантовъ. Пок ной ночи!

Черезъ минуту послѣ этого онъ уже видѣлъ себя вст ляющимъ новые глаза въ старыя орбиты, вырывающи человѣческія жертвы изъ когтей смерти. Онъ видѣлъ с хорошо одѣтымъ, въ перчаткахъ, видѣлъ себя принима щимъ визиты дамъ, чуть ли не королей и грандовъ; с видѣлъ славу свою, обѣжавшую всѣ земли.

Между тѣмъ Нелла убѣжала въ свой уголъ. Распрост шись на своемъ ложѣ, она говорила: — »Матерь Божія, чего ты не сдѣлала меня красивой? Почему, когда от уронилъ меня, ты не взглянула на меня своими небесны очами? Чѣмъ болѣе я гляжу на себя, тѣмъ хуже я себѣ жусь. Кому я нужна? Только одному, Владычица, тол одному, и то потому, что онъ меня не видитъ. Что бу со мною, когда онъ меня увидитъ и разлюбитъ? А раз можно не разлюбить эту птичью рожицу, эту маленьку лову, этотъ некрасивый ротъ, этотъ острый носъ? Что т кое Нелла? — ничто! Нелла нужна только слѣпому. Е его глаза меня увидятъ, я умру... Царица небесная! Ты, т торая можешь дать ему зрѣніе, дай мнѣ красоту!.. Я хоч чтобы онъ прозрѣлъ; но пусть онъ не видитъ меня так Убей меня, Матерь Божія, или я живая зароюсь въ земл брошусь въ рѣку... Да, да, пусть земля скроетъ мое нев сивое лицо!.. Этотъ слѣпенькій для меня все, Святая Д послѣ тебя! Ахъ, еслибъ я была высока, красива, какъ др гія женщины! О, тогда мои лучшія минуты были бы тѣ, к которыя его взглядъ останавливался бы на мнѣ. Я бы учи лась, стала сеньорой... О матерь и царица моя, ты хочеш отнять у меня единственное, что я имѣю!.. Зачѣмъ ты п пустила, чтобы мы полюбили другъ друга? Лучше бы мн не родиться!« И, проливая горячія слезы, скрестивъ на груд руки, она уже полусоннымъ голосомъ шептала: — »Ахъ какъ я тебя люблю, мой дорогой! Люби меня, люби бѣдную Нел

которую никто не любитъ! Дай мнѣ поцѣловать твою милую голову, но не смотри на меня... не смотри на меня!..«

XI

На другое утро голова Маріанеллы была еще полна вчерашнихъ мыслей. Она видѣла во снѣ Матерь Божію и проснулась съ такимъ чувствомъ, будто и на яву должна была ее увидѣть. Ей казалось, что ея молитва не можетъ не быть услышана, и что Святая Дѣва непремѣнно сотворитъ чудо, сдѣлавъ изъ нея красавицу.

Она поспѣшно вскочила, взяла большой кувшинъ съ водою для умыванья и увидѣла въ водѣ отраженіе своего лица.

— Ничего!.. прошептала она: — такая же дурнушка, какъ и вчера! А Матерь Божія сказала мнѣ ночью, что она меня утѣшитъ... Я чувствую въ себѣ что-то странное, и если не увижу ее передъ собой — то увижу ее въ себѣ. Мнѣ и весело, и грустно.

Умывшись, она пошла къ Пабло. Дорогой она все говорила сама съ собой: — »Святая Дѣва, я знаю, что ты во мнѣ, я чувствую, какъ у меня въ груди трепещутъ твои крылышки... Ты недалеко, я тебя вижу и не вижу — вотъ какъ когда закроешь глаза«.

Нелла закрыла глаза и черезъ минуту открыла ихъ. Она проходила лѣскомъ, гдѣ не разъ гуляла съ Пабло. Вдругъ ей почудилось, что вѣтви раздвигаются, — взглянула... Боже! тамъ среди зелени и цвѣтовъ стояла Святая Дѣва Марія съ ея лицомъ, съ ея очами, въ которыхъ отражалось небо... Нелла остановилась, какъ вкопанная, пораженная видѣніемъ и парализованная страхомъ. Да, это былъ ликъ Дѣвы Назаретской, это былъ чистый образъ, такъ много разъ воспроизводимый кистью Дюрера, Рафаэля, Ванъ-Дейка и Мурильо... Послѣ первой минуты восторга, Неллу привелъ въ смущеніе голубой бантъ на шеѣ у Святой Дѣвы,— такихъ бантовъ она никогда не видѣла на образахъ; потомъ ее смутило еще то, что она была одѣта, какъ одѣваются теперешнія, а не библейскія женщины; но что болѣе всего поразило Неллу — это то, что она рвала ягоды... и ѣла.

— Флорентина, Флорентина! вдругъ послышался мужской голосъ.

— Я здѣсь, папа, я ѣмъ ягоды!

— Что за вкусъ! Не говорилъ ли я тебѣ, что все ... простительно только деревенской дѣвушкѣ, а не свѣтск... барышнѣ... не свѣтской барышнѣ.

Нелла увидѣла подходившаго пожилаго человѣка пріятнымъ лицомъ и хорошо одѣтаго.

— Пойдемъ, милая, ласково сказалъ дочери сень... Мануэль Пенагвильясъ, такъ какъ это былъ онъ. — П... смотри, ты даже перепачкала себѣ платье... перепачк... платье.

Въ это время донъ Мануэль увидѣлъ все еще стоящ... на томъ же мѣстѣ Неллу.

— А! кто ты такая? Нелла?.. Посмотри, Флорентин... это Нелла, — помнишь, намъ говорили вчера о ней, она п... водница твоего кузена. Какъ ты поживаешь, Нелла?

— Хорошо, сеньоръ донъ Мануэль. Какъ вы? отвѣт... Мариквилья, не отрывая глазъ отъ Флорентины.

— Я прекрасно, какъ видишь. А это моя дочь. Как... ты ее находишь? и, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ: ... пойдемъ, Флорентина, Нелла насъ проводитъ домой, а т... право не знаю, какъ намъ выбраться отсюда... какъ бы... браться.

— А вотъ сейчасъ направо, сказала Нелла: — ту... очень недалеко. Но вотъ идетъ самъ донъ Франциско.

— Шоколадъ простылъ! закричалъ имъ издали ... Франциско.

— Что тутъ станешь дѣлать! Моя дочь въ такомъ в... торгѣ отъ этихъ мѣстъ, что ее никакими силами не ... дешь отсюда... не уведешь отсюда.

— Домой, домой! еще нагуляетесь. И ты также. Нел... пойдемъ съ нами, выпьемъ шоколаду, сказалъ донъ Пе... гвильясъ. — Какъ тебѣ нравится моя племянница? непра... ли, красива?

Флорентина ласково и съ улыбкой вглянула на бѣдну... дѣвушку, смотрѣвшую на нее съ восхищеніемъ.

Когда они пришли домой и шоколадъ былъ выпит... донъ Франциско сказалъ Пабло:

— Сынъ мой, сегодня послѣдній день, что тебѣ поз... ляетъ донъ Теодоро выходить изъ дому; воспользуйся ... этимъ и отправляйтесь втроемъ гулять, а мы съ брат... переговоримъ о дѣлахъ.

XII

Флорентина порхала, какъ бабочка, отъ одного куска къ другому; она рвала ягоды и по очереди совала ихъ въ ротъ то Пабло, то Неллѣ, то себѣ. Она съ восхищеніемъ слѣдила за полетомъ птичекъ, срывала вѣтки, обдирала съ нихъ кору и, попробовавъ горечь ихъ сока, съ гримасою далеко отбрасывала ихъ отъ себя. Въ какіе нибудь полчаса она сплошь утыкала цвѣтами плащъ Пабло, волосы Неллы и, наконецъ, свои собственные.

— Я думаю, Флорентинѣ интересно было бы посмотрѣть копи; не проведешь ли ты насъ туда, Неллилья? сказалъ слѣпой.

— Хорошо... Сюда сеньорита.

— Не заставляйте меня только проходить черезъ туннели — я ихъ до смерти боюсь, заявила Флорентина. — Ахъ, я бы съ удовольствіемъ прожила здѣсь всю жизнь! Въ городѣ вѣдь нѣтъ ничего подобнаго. Благослови Господь человѣка, который дастъ тебѣ зрѣніе, Пабло, чтобы увидѣть эту роскошную природу!

— Не думай, Флорентина, что для меня теперь не существуетъ природа: я чувствую красоту также, какъ еслибъ видѣлъ ее, сказалъ слѣпой.

— Почему это маленькая Нелла такъ плохо одѣта? спросила неожиданно Флорентина. — У меня такъ много платьевъ, что я непремѣнно дамъ ей одно, а потомъ куплю ей новое.

Маріанелла, вся красная отъ благодарности и смущенія, не подымала глазъ.

— Я не понимаю, почему одни имѣютъ много, а другіе ничего не имѣютъ, продолжала сеньорита. — Я сержусь на папа, когда онъ смѣется надъ людьми желающими, чтобы все было раздѣлено поровну... Какъ называютъ этихъ людей, Пабло?

— Это соціалисты и коммунисты, отвѣтилъ, смѣясь, слѣпой.

— Ну вотъ, я — какъ они. Почему эта бѣдная сиротка босая, а я нѣтъ? Я знаю, что Нелла очень добра, ты говорилъ мнѣ о ней вчера, какъ только я пріѣхала... У ней нѣтъ ни отца, ни матери, некому о ней позаботиться. Почему это она такъ несчастна? Я не могу спокойно ѣсть, когда знаю, что другіе голодаютъ!

— Вотъ что, сиротка, и ты, Падло, слушайте меня! — Я хочу помогать Неллѣ, но не такъ какъ помогаютъ бѣднымъ, которые попадаются по дорогѣ, а какъ сестрѣ. Я говорилъ ли ты, что она была твоимъ лучшимъ другомъ и проводникомъ? Въ такомъ случаѣ она моя. Я буду ее оберегать, она будетъ жить со мной, я научу ее читать, писать, работать — она будетъ знать все, что я сама знаю. Я беру ее себѣ въ подруги. Полюбишь ли ты меня, Нелла?

Маріанелла, не будучи въ силахъ спокойно выслушать все это, вдругъ залилась слезами.

— Флорентина, выговорила она наконецъ: — ты ангелъ. Мнѣ кажется, что я, слушая тебя, слышу голосъ съ неба.

— Что ты, полно! съ улыбкой произнесла дѣвушка и побѣжала за цвѣткомъ.

— Знаешь что, Нелла, прошепталъ слѣпой, когда Флорентина достаточно удалилась отъ нихъ: — вчера, когда пріѣхала моя кузина, я почувствовалъ къ ней сильную антипатію, самъ не знаю почему. Теперь я начинаю думать, что она недурная дѣвушка.

Нелла снова залилась слезами.

— Ахъ, она ангелъ! воскликнула она, рыдая.

— Нелла, дорогая, упавшимъ голосомъ промолвилъ Пабло. — Знаешь ли, что сказалъ мнѣ отецъ? Онъ объявилъ мнѣ, что, если я выздоровлю, онъ женитъ меня на Флорентинѣ.

Нелла ничего не отвѣтила. Слезы ручьемъ лились изъ ея черныхъ красивыхъ глазъ, но не облегчали ея горя.

— Я знаю, о чемъ ты плачешь, дорогая, воскликнулъ слѣпой, сжимая ея руки. — Для меня нѣтъ женщинъ, кромѣ тебя. Отецъ не будетъ принуждать меня. Я убѣжденъ, что ты хороша, я не могу обманываться. Къ чему же зрѣніе, если оно видитъ не такъ, какъ душа?.

Флорентина подошла къ нимъ, и разговоръ принялъ иное направленіе.

XIII

Слѣдующіе дни были полны тревогъ для семьи Пегвильясъ. Полная тишина царствовала въ домѣ дона Франциско, всѣ ходили нацыпочкахъ, говорили шопотомъ, старались даже глядѣть другъ на друга. Операція была уже произведена, и донъ Теодоро объявилъ, что надо ждать успѣха

Пацієнтъ былъ отдѣленъ отъ всѣхъ посторонніхъ, только отецъ и докторъ входили въ его темную комнату.

Нелла нѣсколько разъ приходила узнавать о больномъ, но въ домъ не входила, а ждала, пока кто нибудь выйдетъ, и тогда спрашивала о Пабло. Сеньорита Флорентина часто выходила къ ней и одинъ разъ проводила ее даже до домика Чентеновъ. Когда она увидѣла уголъ, гдѣ спала Нелла, она воскликнула, выбѣгая изъ сѣней:

— Сейчасъ же переходи жить къ намъ: у тебя будетъ хорошая кровать, бѣлье и одежда. Молись Богу каждый день, чтобы онъ далъ зрѣніе Пабло! Еслибъ ты знала, въ какомъ волненіи мы теперь проводимъ время!.. Я дала обѣщаніе Святой Дѣвѣ, что если она исполнитъ нашу общую молитву, то я буду заботиться о тебѣ. Ты будешь моя сестра, мой другъ; я дамъ тебѣ все, что̀ сама имѣю.

Сказавъ это, Флорентина обняла голову Маріанеллы и поцѣловала ее въ лобъ.

Трудно описать чувства сироты: невыразимый страхъ и ревность удаляли ее отъ дома Пабло, и вмѣстѣ съ тѣмъ Флорентина влекла ее къ себѣ; она чувствовала почти обожаніе къ этой доброй и откровенной сеньоритѣ.

Въ домѣ Чентеновъ замѣчали, что Нелла послѣднее время не ѣстъ, не пьетъ, стала очень задумчива, тяжело вздыхаетъ и совсѣмъ перестала пѣть.

Однажды утромъ, черезъ восемь дней послѣ операціи, Сеньанна послала Неллу отнести что-то въ домъ дона Карлоса, и Софія сказала ей:

— Нелла, говорятъ, сегодня сняли повязку съ глазъ Пабло, и онъ видитъ... Теодоро еще не возвращался отъ него, но Карлосъ пошелъ туда узнать, правда ли это.

Нелла стояла ни жива, ни мертва.

— Буди благословенна Владычица Небесная! это она, она одна это сдѣлала! воскликнула она наконецъ.

— Ты рада?... Я думаю, теперь сеньорита Флорентина исполнитъ свое обѣщаніе. Поздравляю васъ, сеньора донья Нелла! Но ты, конечно, этого не оцѣнишь. Я не знаю еще нищаго, выказавшаго благодарность за благодѣянія....

Въ это время къ балкону подходилъ донъ Карлосъ, его лицо сіяло торжествомъ.

— Полный тріумфъ! воскликнулъ онъ, подходя къ женѣ: — послѣ Бога — мой братъ Теодоро!

— Такъ это правда?..

— Истинная правда. Я не надѣялся на это... Но, какой тріумфъ, Софія, какой тріумфъ! Это царь между людьми. Я повторяю: послѣ Бога — Теодоро!

Радостная вѣсть обѣжала шахты съ различными комментаріями: говорили, что донъ Франциско едва не сошелъ съ ума отъ счастія, а донъ Мануэль обѣщалъ задать пиръ на всѣ копи.

Нелла не рѣшалась идти къ Пабло: какая-то тайная сила удерживала ее. Одинокая, въ тоскѣ, она не могла ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ. Единственный другъ ея была природа. Она уходила куда нибудь подальше отъ глазъ людскихъ и гдѣ нибудь въ оврагѣ или на краю пропасти открывала свою душу небу, солнцу, тучкамъ, деревьямъ, ручью и цвѣтамъ. По ея понятіямъ, природа была живое существо, способное услышать и понять ее.

— Не вернусь больше туда... для меня ужъ все кончено... Кому я теперь нужна? въ отчаяніи говорила она, глядя по направленію дома Пабло. — Нѣтъ, не вернусь больше туда, не соглашусь ни за что на свѣтѣ показаться ему. Убѣгу съ Челипиномъ или уйду къ матери... Теперь никому не нужна... И вдругъ ей становилось невыразимо жаль покинуть этотъ прекрасный, отзывчивый міръ, и вспомнилось все, что ей предлагала Флорентина: дружба, любовь, хорошая жизнь... — Ай, шептала она, закрывая лицо руками: — не могу, не могу я... Святая Богородица, защити меня! Матерь Божія и моя, приди ко мнѣ... Ночь она проводила безъ сна, не находя себѣ нигдѣ покоя.

Такъ прошло еще три дня. Разъ она встрѣтилась въ лѣсу съ Флорентиной.

— Нелла, дорогая сестра, ласково воскликнула та, вушка. — Что съ тобой? Почему ты не показывалась намъ всѣ эти дни? Пойдемъ, Пабло хочетъ тебя видѣть. Ты знаешь, онъ можетъ теперь сказать: »я хочу видѣть«?

— Знаю... отвѣтила Нелла, взявъ руку сеньориты и покрывъ ее поцѣлуями.

— Пойдемъ туда сейчасъ же. Онъ только и спрашиваетъ, что о тебѣ. Сегодня уже четвертый разъ донъ Теодоро снимаетъ ему повязку. Первое лицо, которое онъ увидѣлъ, было мое. Пойдемъ же!

Маріанелла выпустила руку Флорентины.

— Развѣ ты забыла, Нелла, мое обѣщаніе, или ты считаешь меня обманщицей? О, я еще не то хотѣла бы сдѣлать отъ радости! Мнѣ хотѣлось бы, чтобы весь міръ былъ доволенъ и счастливъ. Посмотри, какъ у меня распухли глаза — это все оттого, что я много плакала отъ волненія и счастія всѣ эти дни. Но почему ты молчишь? отчего ты не радуешься, какъ я?

Нелла, молча, остановившимся взоромъ смотрѣла на Флорентину.

— Что съ тобой, почему такъ дрожитъ твоя рука? не больна ли ты? Ты поблѣднѣла, какъ мертвецъ. Если ты больна, я буду тебя лечить, мы съ Пабло будемъ ухаживать за тобой. Для него теперь такое счастіе видѣть... Когда онъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ: — »ахъ, кузина, какъ ты хороша! Отъ всей души благодарю Бога за то, что онъ далъ мнѣ такое величайшее счастіе — видѣть красоту!«

Нелла зашаталась и, какъ подкошенная, упала на землю.

— Что съ тобой?.. зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?

Потухшіе глаза Неллы, большіе и грустные, выражали мольбу и отчаяніе.

— Сеньора, промолвила она дрожащимъ голосомъ: — я васъ не ненавижу, нѣтъ... напротивъ, я очень васъ люблю, я васъ обожаю...

Сказавъ это, она схватила край ея платья, поднесла его къ своимъ сухимъ губамъ и горячо поцѣловала.

— Что ты... кто же можетъ думать, что ты меня ненавидишь? сказала, смущаясь, Флорентина. — Я знаю, ты меня очень любишь, но я боюсь тебя... ты такая странная... встань!

— Я васъ очень люблю, я обожаю васъ, повторила Нелла: — но не могу, не могу...

— Чего ты не можешь? Встань, ради Бога!

Нелла быстро вскочила и, заливаясь слезами, проговорила:

— Не могу, сеньорита моя... не могу...

— Да чего? ради Бога... что съ тобой дѣлается?

— Не могу идти туда! и она показала рукою на домъ Пабло.

— Почему?

— Это знаетъ Святая Дѣва, да благословитъ она ва
Маріанелла бросилась къ Флорентинѣ, спрятала голову на
груди и прошептала, рыдая: — ради Пабло... поцѣлуйте мен
Флорентина горячо обняла ее и поцѣловала. Нелла в
рвалась изъ ея объятій и скрылась въ лѣсу.

XIV

Весь этотъ день Нелла ходила, какъ потерянная. Къ в
черу она сѣла у Трасковы и задумалась. Вдругъ около
раздались чьи-то шаги; она всмотрѣлась въ темноту.

— Челипинъ, куда ты идешь? воскликнула она, узна
мальчика.

— Нелла... это ты? А я думалъ, что ты у сеньор
Флорентины ѣшь ветчину и пьешь сладкій лимонадъ. Ч
ты тутъ дѣлаешь?

— А куда ты идешь?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь, когда знаешь, важно с
залъ онъ ей, указывая на узелокъ, вздернутый на палку.
Идешь ты со мной или нѣтъ?

— Я также иду, сказала она, взявъ руку безстрашн
путешественника.

— Такъ идемъ же. Дорогой мы будемъ просить м
стыню, а когда доберемся до Мадрита, ты можешь по
пить въ услуженіе къ какой нибудь маркизѣ или графи
я къ торговцу старымъ платьемъ. Я буду учиться, а по
немножко поучу и тебя: женщинѣ не нужно знать мно
Сойдемъ съ тропинки: если насъ увидятъ, то порядо
вздуютъ.

Но Нелла сѣла на камень и грустно промолвила:

— Я не иду.

— Нелла, какая ты дура! Чего ты боишься? почему
не идешь?

— Я... зачѣмъ я пойду?

— Развѣ ты не помнишь, — донъ Теодоро сказалъ,
если долго работать здѣсь, то можно самому превратит
въ камень? Нѣтъ ужъ, благодарю покорно, я не хо
сдѣлаться камнемъ, нѣтъ!

— Зачѣмъ мнѣ идти? снова повторила съ грустны
разочарованіемъ дѣвушка. — Тебѣ пора, мнѣ — поздно...
уронила голову на грудь и тяжело вздохнула. — Я не и

Челипинъ говорилъ, убѣждалъ, умолялъ — все было напрасно.

— Что же, ты вернешься домой? спросилъ онъ, наконецъ, видя, что все его краснорѣчіе пропало даромъ.

— Нѣтъ.

— Ты пойдешь къ Пабло?

— О нѣтъ!..

— Такъ, можетъ быть, къ сеньоритѣ Флорентинѣ?

— Нѣтъ.

— Ну такъ куда же, чортъ побери, ты дѣнешься? Хочешь, я дамъ тебѣ песету, чтобы ты купила себѣ лакомства?

— Нѣтъ, Челипинъ, мнѣ ничего не надо... Ступай съ Богомъ, будь здоровъ, не забывай шахтъ Сокартесъ и твоихъ родныхъ.

Отважный путешественникъ почувствовалъ вдругъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и рѣзь въ глазахъ, но, подавивъ свое волненіе, онъ произнесъ крикливымъ голосомъ: — какъ могу я забыть шахты!.. и родныхъ не забуду, и тебя, ты много помогала мнѣ... Прощай, Неллилья, кто-то идетъ...

— Это Шото, сказала Нелла, задрожавъ.

— Прощай!..

Челипинъ скрылся: Мадритъ пріобрѣлъ сеньора, а копи потеряли камень.

Нелла обняла подбѣжавшаго къ ней Шото и залилась слезами; потомъ, услышавъ вдали чьи-то шаги, она сорвалась съ мѣста и быстро подошла къ Трасковѣ. Она была уже около пропасти, когда услышала, что кто-то уже не идетъ, а бѣжитъ за ней. Тогда она стала спускаться все глубже, глубже...

— Нелла... Нелла!.. кричалъ за нею голосъ Теодоро Гольфина, который успѣлъ разсмотрѣть, что это была она. Онъ самъ спустился на нѣсколько шаговъ, но ничего уже не могъ видить и снова позвалъ ее: — Нелла... выходи сію же минуту!

Шото метался туда и сюда вокругъ пропасти, какъ бы выражая свое нетерпѣніе.

— Сейчасъ же выходи! прокричалъ донъ Теодоро, нагибаясь надъ Трасковой.

— Сеньоръ... раздался изъ глубины голосъ Неллы.

— Говорятъ тебѣ — выходи... Что ты тамъ дѣлаешь?

Нелла поднялась немного.

— Выходи... мнѣ нужно сказать тебѣ что-то, нашелся онъ.

— Сказать что-то?..

— Да, да.

Нелла медленно поднималась, и донъ Теодоро тогда лишь вздохнулъ свободно, когда крѣпко держалъ ее за руку.

XV

Донъ Гольфинъ, не говоря ни слова, прошелъ съ Неллой нѣсколько шаговъ, потомъ, сѣвъ на большой выдающійся камень, поставилъ ее передъ собой и, держа за обѣ руки, спросилъ: — что ты тамъ дѣлала?

— Я... гдѣ?

— Тамъ. Ты прекрасно понимаешь, о чемъ я говорю. Отвѣть мнѣ, какъ отвѣтила бы отцу.

— У меня нѣтъ отца, произнесла Нелла съ грустью.

— Это правда, но представь себѣ, что я твой отецъ. Что ты тамъ дѣлала?

—. Тамъ моя мать, отвѣтила она мрачно.

— Твоя мать умерла. Развѣ ты никогда не слыхала, что мертвые переходятъ въ иной міръ?

— Она тамъ, увѣренно произнесла Нелла.

— И ты хочешь пойти къ ней, т. е. лишить себя жизни?

— Да, сеньоръ...

— И ты не знаешь, что твоя мать совершила большой грѣхъ, бросившись туда? и ты хочешь совершить тотъ же грѣхъ?

— Если я хочу убить себя, мнѣ никто не можетъ запретить.

— Но развѣ ты сама не понимаешь, что Богу не можетъ быть пріятно, чтобы мы лишали себя жизни. Вѣдь твоя мать умерла, и отъ нея остались лишь одни кости. Скажи мнѣ, зачѣмъ ты хочешь убить себя, ты желаешь лучшей жизни?

— Да, сеньоръ.

— Какой же?

— Я не буду чувствовать того, что чувствую теперь, и соединюсь съ моей матерью.

— Ахъ ты глупенькая! Будь со мной откровенна. Ты не любишь меня?

— Нѣтъ, сеньоръ, я всѣхъ люблю, а тѣмъ болѣе васъ, вы дали зрѣніе моему другу.

— Ну прекрасно, я хотѣлъ только знать, вѣришь ли ты мнѣ. Скажи же мнѣ, что у тебя на душѣ? Ты увидишь, какъ тебѣ станетъ легко, когда выскажешься.

Нелла грустно улыбнулась.

— Сядь подлѣ меня, сказалъ ласково донъ Гольфинъ: — вѣдь еще недавно ты казалась счастливой и довольной, почему же теперь тебѣ пришла вдругъ въ голову мысль броситься въ пропасть?

— Я хотѣла пойти къ моей матери, отвѣтила она, помолчавъ. — Я не хочу больше жить. На что я годна? Если Богъ не хочетъ послать мнѣ смерть, я сама убью себя...

— Это все оттого, что ты такая одинокая! Кто это тебѣ сказалъ, что ты ни на что негодна? Не всѣ же созданы ворочать камни, какъ Марія и Пепина, есть работа болѣе легкая. Въ другихъ рукахъ ты была бы золото. Ты умна, чувствительна, горда и деликатна, у тебя такая богатая фантазія, но все это такое дикое, непереработанное, перепутанное... Флорентина хотѣла сдѣлать тебя своимъ другомъ, сестрой, а ты какъ отвѣтила ей? ты убѣжала. Что это — неблагодарность или иное какое нибудь чувство, котораго мы не понимаемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не неблагодарна. Я обожаю сеньориту Флорентину...

— Можетъ быть, это и правда, но твое поведеніе доказываетъ, что ты неблагодарна.

— Ахъ нѣтъ же, нѣтъ! воскликнула Нелла, зарыдавъ. — Когда я хотѣла убить себя, то одно и печалило меня, что подумаютъ, будто я неблагодарна. Я такая дура, я не умѣю объяснить сеньоритѣ...

— Я тебя помирю съ нею. Почему ты не приняла ея предложенія?

— Потому что... потому что... потому что сеньорита предлагала мнѣ смерть...

— А, такъ тебѣ такъ дорого твое бродяжничанье, что ты хорошую жизнь считаешь смертью? Ты втянулась въ нее... Была ли ты счастлива въ этой жизни?

— Да, я начинала быть счастливой...

— Когда же это прекратилось?

Нелла помолчала, потомъ прошептала:

— Когда вы пріѣхали...

— Я?.. Какое же зло я тебѣ сдѣлалъ?

— Никакого, только одно хорошее.

— Я возвратилъ зрѣніе твоему другу; развѣ ты этому не рада?

— Очень рада, сеньоръ, очень! проговорила она, устремивъ на доктора глаза, полные слезъ.

— Пабло сказалъ мнѣ, что очень тебя любитъ. Когда онъ сталъ видѣть, его первый вопросъ былъ о тебѣ. Для него во всемъ свѣтѣ дорогъ только одинъ человѣкъ — это Нелла. Для чего ему глаза, если не для того, чтобы смотрѣть на Неллу?

— Смотрѣть на Неллу?! Но онъ не увидитъ Неллу! Она не позволитъ ему себя увидѣть!.. горячо воскликнула она.

— Почему же?

— Потому что я очень некрасива... Съ закрытыми глазами онъ могъ любить дочь Канеллы; но когда глаза его открылись, и онъ увидѣлъ сеньориту Флорентину, развѣ можетъ онъ любить бѣдную маленькую Неллу?..

— Кто знаетъ...

— Не можетъ!.. не можетъ!.. увѣренно и съ отчаяніемъ воскликнула она.

— Ты не можешь утверждать этого, не испытавъ. Я тебя сведу къ нему.

— Не хочу, не хочу! закричала она и отскочила на нѣсколько шаговъ.

— Успокойся, поди сюда. Это правда, ты не очень хороша, но это ничего не значитъ. Ты слишкомъ самолюбива, дѣвочка.

— На землѣ не должно бы быть некрасивыхъ людей и вещей... прошептала она.

— Полно, дитя мое, ты сама не понимаешь, что говоришь. Скажи мнѣ, ты вѣрно очень любишь Пабло?

— Да, да, сеньоръ, отвѣтила она, рыдая.

— Ты не можешь перенести мысли, что онъ тебя разлюбитъ?

— Не могу, не могу, сеньоръ...

— Онъ тебѣ говорилъ о любви, клялся не забывать?..

— Охъ, Матерь Божія! Да, да, сеньоръ. Онъ говорилъ, что будетъ любить меня всю жизнь, и я ему вѣрила... Я была такъ довольна, такъ счастлива, что не думала о моемъ

некрасивомъ лицѣ и маленькомъ ростѣ, потому что онъ не могъ меня видѣть и считалъ меня красивой. Но потомъ...

— Потомъ... прошепталъ Гольфинъ, тронутый до глубины души. — Я вижу, что я всему виною.

— Виною? нѣтъ... потому что вы сдѣлали добро... но онъ увидѣлъ сеньориту Флорентину и сравнить ее со мной... она — какъ ангелъ, а я... Это все равно, что̀ сравнить кирпичъ съ солнышкомъ. Кому я нужна? зачѣмъ я родилась? Богъ ошибся! онъ далъ мнѣ некрасивое лицо, маленькое тѣло и большое сердце. Зачѣмъ мнѣ мое большое сердце, когда я сама никому ненужна?.. О еслибъ я могла, я бы ненавидѣла Бога; но мнѣ не нравится ненавидѣть, я не умѣю... я лучше умру, чтобы мое сердце не мучило меня.

— Ахъ, Нелла, какая ты дикая и милая! Скажи мнѣ, что̀ ты чувствовала, когда Флорентина предлагала тебѣ свою дружбу?

— Стыдъ!.. страхъ! воскликнула Маріанелла, широко открывъ глаза. — Жить съ ними, видѣть ихъ каждый часъ... вѣдь они женятся, я чувствую, что они женятся...

— Но Флорентина такая хорошая, она будетъ тебя очень любить.

— И я ее также очень люблю... но только не въ домѣ Пабло... Она пришла, чтобы отнять у меня послѣднее... потому что онъ былъ мой, мой, сеньоръ... Куда я теперь дѣнусь, кому я нужна? Я все потеряла, все... и хочу идти къ моей матери!

— Нѣтъ, теперь ты моя — волей или неволею, сказалъ донъ Теодоро, взявъ ее за руку. — Я самъ буду заботиться о тебѣ. Посмотрю, удастся ли мнѣ отшлифовать этотъ рѣдкій брилліантъ. Ты будешь другая, ты переродишься, Нелла, въ моихъ рукахъ.

Молчаливая и грустная слушала она его, низко опустивъ голову.

— Пойдемъ туда, сказалъ онъ вдругъ.

Нелла вся вздрогнула. Онъ увидѣлъ капли холоднаго пота на ея лбу, почувствовалъ, что ея руки холодны, какъ ледъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, здѣсь холодно.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ. Вдругъ Нелла упала на колѣни и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О сеньоръ, не ведите меня!..

Она была блѣдна и ослабѣла, какъ больная. Донъ Теодоро поднялъ ее, взялъ на руки и понесъ.

Когда они дошли до дома дона Франциско, Нелла была въ забытьѣ. Служанка, отворившая дверь, очень удивилась, увидѣвъ въ такой необычный часъ дона Гольфина съ такой странной ношей въ рукахъ. Онъ прошелъ прямо въ комнату Флорентины, положилъ Неллу на софу и дрожащимъ голосомъ сказалъ сеньоритѣ:

— Вотъ она...

XVI

Вернемся за нѣсколько дней назадъ.

Когда Теодоро Гольфинъ въ первый разъ, въ комнатѣ со спущенными сторами, снялъ повязку съ глазъ Пабло, молодой человѣкъ страшно вскрикнулъ: всѣ предметы, близкіе и далекіе, смѣшались передъ его глазами въ одну полутемную странную массу. Докторъ снова надѣлъ ему повязку— и когда снялъ ее на слѣдующій день, то Пабло уже могъ отдѣлить одинъ видимый имъ предметъ отъ другаго.

— Гдѣ же Нелла? Покажите мнѣ скорѣе Неллу! воскликнулъ онъ въ нетерпѣніи.

— О, Богъ мой... то, что я вижу, это Нелла?

— Это твоя кузина Флорентина, отвѣтилъ отецъ.

— Ахъ! сконфуженно промолвилъ юноша: — это моя кузина! Я не могъ себѣ представить, что существуетъ подобная красота... Флорентина, мнѣ кажется, глядя на тебя, что я вижу Бога. Теперь я имѣю понятіе объ ангелахъ... Но гдѣ же Нелла? Дайте мнѣ увидѣть мою Неллу!

Когда онъ сравнилъ Флорентину со служанками и другими женщинами, заходившими поздравить дона Франциско съ его радостью, онъ находилъ, что Флорентина несравненно лучше ихъ всѣхъ, что она красавица. Онъ огорчался отсутствіемъ Неллы, но не отпускалъ отъ себя кузину ни на минуту.

На третій день донъ Гольфинъ сказалъ ему:

— Вы уже достаточно ознакомились съ людьми и предметами, теперь вамъ надо увидѣть самого себя.

Принесли зеркало, и Пабло взглянулъ въ него.

— Это я... мнѣ трудно повѣрить. Какъ могу я видѣть себя въ этомъ кускѣ твердой воды? Но мнѣ кажется, что

я... право, недуренъ... неправда ли, кузина?.. Неужели же и ты можешь увидѣть такъ твое ангельское личико? Не можетъ быть!.. посмотрись-ка. А гдѣ же Нелла? снова съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Не знаю, право, что случилось съ этой бѣдной дѣвушкой, отвѣтила Флорентина. — Она, вѣроятно, не хочетъ тебя видѣть.

— Она очень скромна, она боится надоѣдать намъ, сказалъ Пабло. — Я ее очень люблю, Флорентина. Ты ее также очень полюбишь. Мнѣ ужасно хочется видѣть ее!

— Я завтра сама пойду за ней.

— Да, да... но только не уходи надолго: когда я тебя не вижу, я чувствую себя очень одинокимъ. Я уже привыкъ тебя видѣть, и эти три дня кажутся мнѣ годами счастія. Отецъ сказалъ мнѣ вчера, что я теперь не долженъ смотрѣть ни на одну женщину.

— Вотъ глупости! воскликнула сеньорита, вспыхнувъ.— Есть женщины гораздо красивѣе меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, всѣ говорятъ, что нѣтъ. Прежде мнѣ говорили, что ты красива, но я этому не вѣрилъ; теперь же, когда я самъ увидѣлъ тебя, я вѣрю, вѣрю... Дай мнѣ твою руку.

— Тебѣ надо лежать спокойно, Пабло, и уснуть. Если ты не замолчишь, я уйду.

— Развѣ уже ночь?

— Да, ночь.

— Пусть будетъ ночь или день, я хочу говорить. Я замолчу лишь съ однимъ условіемъ, если ты не уйдешь отъ меня и время отъ времени будешь хлопать рукою по подушкѣ, чтобы я зналъ, что ты здѣсь.

— Хорошо, сказала она и хлопнула, смѣясь, по подушкѣ: — только молчи.

— Не могу я молчать... Если я замолчу, то все, что я чувствую, будетъ волновать меня еще сильнѣе. Я всѣ ночи думаю о тебѣ и о Неллѣ. Бѣдная Нелла, какъ мнѣ хочется ее видѣть!..

— Я схожу за ней завтра. Ну, перестань же говорить, вѣдь ты вредишь себѣ. Позовите-ка дона Теодоро, съ улыбкою произнесла она, возвышая голосъ.

— Ну, я буду говорить самъ съ собой. Теперь я буду повторять себѣ то, что ты мнѣ говорила вчера, когда мы были одни...

— Я?!

— Т. е. я представлялъ себѣ, что ты мнѣ говоришь. Теперь молчаніе, сеньорита Флорентина: я бесѣдую съ воображеніемъ.

На слѣдующій день, когда придя къ своему кузену, Флорентина сказала ему:

— Мариквилья убѣжала отъ меня. Какая неблагодарность!

— И ты ее не нашла?

— Да гдѣ же? Она скрылась въ лѣсу. Сегодня вечеромъ я разыщу ее во что бы то ни стало.

— Нѣтъ, не ищи. Она придетъ, она сама придетъ. Знаетъ она, что я вижу?

— Я сказала ей объ этомъ. Но она какая-то странная, какъ помѣшанная.

— Бѣдная дѣвушка! Надо ей помочь, Флорентина, неправда ли?

— Она неблагодарная, сказала грустно сеньорита.

— Ахъ нѣтъ, не думаю. Нелла не можетъ быть неблагодарной. Она очень добра. Необходимо разыскать ее и привести ко мнѣ.

— Я пойду.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ты! воскликнулъ онъ, схвативъ ея руку. — Останься со мной. Если сейчасъ же не придетъ донъ Теодоро, я самъ сорву повязку. Со вчерашняго дня я тебя не видѣлъ, я не могу этого перенести. Пришелъ донъ Теодоро?

— Онъ говоритъ съ твоимъ отцомъ. Сейчасъ придетъ. Будь терпѣливъ; ты похожъ на школьника, мой милый.

Пришелъ донъ Теодоро и снялъ повязку. До поздней ночи проговорилъ Пабло съ кузиной и одинъ разъ лишь спросилъ:

— Не приходила Нелла?

Флорентина отвѣтила, что нѣтъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Въ эту ночь Пабло слышалъ шумъ и голоса въ домѣ; потомъ все стихло, и онъ уснулъ счастливый, спокойный и довольный. На слѣдующій день донъ Гольфинъ позволилъ ему встать съ постели и походить по дому.

XVII

Комната, занимаемая Флорентиной, была самая веселая во всемъ домѣ. Въ ней когда-то помѣщалась мать Пабло. Подобно тому какъ по гнѣзду узнается птица, такъ и по жилищу можно узнать человѣка. Комната Флорентины — чистая, уютная, съ балкономъ, со множествомъ различныхъ бездѣлушекъ и цвѣтовъ — была какъ бы вся полна ею.

Флорентина сидѣла у окна и что-то шила. Невдалекѣ отъ нея, между кроватью и гардеробомъ, стояла стариннаго фасона софа, на которой были положены, одно на другое, два теплыхъ одѣяла; изъ-подъ нижняго выглядывала исхудалая головка бѣдной Неллы. Она спала, но сонъ ея былъ тревоженъ, щеки горѣли, черные кудрявые волосы разметались въ безпорядкѣ.

Въ полдень пришелъ донъ Теодоро и сѣлъ около нея.

— Какъ она провела ночь? спросилъ онъ тихо Флорентину.

— Неспокойно, все металась.

Нелла открыла глаза, съ удивленіемъ обвела взоромъ незнакомую обстановку и увидѣла разговаривающихъ.

— Ты насъ боишься? ласково спросила ее Флорентина.

— Нѣтъ, сеньорита, не боюсь, вы такъ добры и донъ Теодоро также, прошептали сухія губы Неллы.

— Развѣ тебѣ тутъ нехорошо? Зачѣмъ у тебя такое испуганное лицо?

Гольфинъ взялъ ея руку.

— Скажи намъ по совѣсти, Нелла, кого изъ насъ двоихъ ты больше любишь — меня или Флорентину?

Нелла не отвѣчала. Теодоро и Флорентина засмѣялись.

— Послушай, дурочка, ласково сказалъ докторъ: — ты будешь жить теперь или здѣсь, или я возьму тебя къ себѣ. Выбирай.

Маріанелла переводила свои горящіе глаза съ одной на другаго и наконецъ остановила ихъ на докторѣ.

— Мнѣ кажется, что ты выбрала меня. Это несправедливость, Нелла: Флорентина можетъ разсердиться.

Бѣдная больная улыбнулась жалкой улыбкой и, протянувъ руку сеньоритѣ, прошептала:

— Я не хочу, чтобы она сердилась.

Проговоривъ это, она приподняла голову и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ прислушалась.

— Идетъ!.. воскликнулъ Гольфинъ, раздѣляя страхъ своей паціентки.

Вошелъ Пабло; по привычкѣ, пріобрѣтенной за долгое время своей слѣпоты, онъ шелъ все прямо.

— Кузина, сказалъ онъ, подходя къ Флорентинѣ и не видя доктора: — отчего ты не пришла сегодня ко мнѣ?

Флорентина не знала, что отвѣтить, чтобы удалить его отъ софы; она прошла съ нимъ на балконъ.

— Пабло, вѣдь донъ Теодоро не позволилъ тебѣ самому снимать повязки, это нехорошо съ твоей стороны, сказала она, слегка сдвигая свои красивыя брови.

— Я не могъ вытерпѣть. Я чувствую себя хорошо, и не побоялся бы даже ослѣпнуть второй разъ, послѣ того, какъ я видѣлъ тебя. Ахъ, Флорентина, я не могу жить безъ тебя, моя дорогая...

Онъ опустился на колѣни.

— Кузенъ... ради Бога... прошептала она.

— Флорентина, зачѣмъ ты такъ красива!.. воскликнулъ онъ, не слушая ея. — Я думалъ, что не могу тебя любить, мнѣ казалось, что я люблю другую болѣе тебя. Какая глупость! Когда я признался въ этомъ отцу, онъ сказалъ мнѣ, что я любилъ урода... Теперь я обожаю ангела. О Флорентина, Флорентина, я не знаю, что со мной дѣлается!.. Возможно ли, чтобы ты, такая красивая, такая чудная, стала моей женой!

Казалось, онъ готовъ былъ упасть. Флорентина хотѣла поддержать его, онъ схватилъ ея руку и, откинувъ по локоть рукавъ, страстно цѣловалъ ее, считая: — Одинъ, другой, третій... четвертый... Я умираю!..

— Уйди, уйди! испуганно закричала дѣвушка, вскакивая со своего стула. — Сеньоръ докторъ, успокойте его...

— Живо повязку на глаза и въ свою комнату! скомандовалъ донъ Гольфинъ.

Юноша повернулъ къ доктору сконфуженное, еще блѣдное отъ волненія лицо и проговорилъ: — Вы здѣсь, сеньоръ Теодоро...

— Вамъ нужно идти къ себѣ и надѣть повязку.

— Я себя прекрасно чувствую, но, конечно, повинуюсь вамъ. А это что такое?

Его вниманіе было привлечено софой, закрытой одѣялами, изъ-подъ которыхъ высунулась блѣдная маленькая головка съ острымъ носикомъ. Никогда еще Нелла не казалась такой маленькой, такой несчастной, такой измученной, какъ теперь.

— Ахъ, дядя говорилъ мнѣ, Флорентина, что ты пріютила бѣдную. Какъ ты нескончаемо добра!.. А ты, бѣдное созданіе, будь покойна, ты попала въ руки ангела. Ты больна? Эта бѣдняжка, кажется, очень плоха, докторъ, неправда-ли?

— Да, сказалъ Гольфинъ: — ей надо остаться одной и не разговаривать.

— Такъ я ухожу.

Онъ протянулъ руку и съ любопытствомъ коснулся ею головы, казавшейся ему самой уродливой въ мірѣ. Нелла тотчасъ же открыла глаза и устремила ихъ на своего друга. Сколько грусти и безысходнаго горя было въ этомъ молящемъ взглядѣ!.. Она протянула свою худую маленькую дрожащую руку и взяла руку Пабло, который, почувствовавъ это знакомое прикосновеніе, задрожалъ съ головы до ногъ и страшно вскрикнулъ. На мгновеніе все смолкло. Слабымъ, но раздирающимъ душу голосомъ Нелла проговорила:

— Да, сеньорито мой, я Нелла...

Медленно, какъ бы подымая тяжесть, поднесла она его руку къ своимъ воспаленнымъ губамъ и поцѣловала разъ... другой... послѣ третьяго поцѣлуя губы ея похолодѣли.

Всѣ молчали. Пабло первый встрепенулся.

— Это ты!.. это ты!.. закричалъ онъ.

Цѣлая вереница мыслей, воспоминаній и ощущеній пронеслась въ его головѣ, но онъ не могъ ничего сказать, онъ все смотрѣлъ, смотрѣлъ...

Донъ Гольфинъ нагнулся къ умирающей и съ ужасомъ произнесъ:

— Онъ ее убилъ! Проклятое зрѣніе!.. Уйдите сейчасъ же! прибавилъ онъ, обращаясь къ Пабло.

— Умереть... умереть безъ всякой причины... это невѣроятно! воскликнула Флорентина, дотронувшись рукою до лба дѣвушки. — Нелла! Маріанелла!.

— Не отвѣчаетъ... промолвилъ Пабло въ ужасѣ.

Онъ нагнулся надъ ней и, приблизивъ свои губы къ ея уху, закричалъ:

— Нелла, Нелла, дорогой другъ!

Тогда она пошевелилась, открыла глаза. Казалось, что ея мысль вернулась къ ней откуда-то издалека. Увидя, что глаза Пабло устремлены на нее, она съ страшнымъ усиліемъ и страхомъ, исказившимъ ея черты, отвернулась къ стѣнѣ, какъ бы желая спрятаться.

— Нелла, повторилъ Пабло, внѣ себя отъ горя и уже не ужасаясь ея некрасиваго лица: — ты какъ будто боишься меня! что я тебѣ сдѣлалъ?

Больная взяла руку Пабло и Флорентины, положила ихъ къ себѣ на грудь и прижала къ себѣ.

Теодоро поднялъ на ноги весь домъ. Онъ звалъ, кричалъ, послалъ за докторомъ.

— Неужели нѣтъ спасенія? спросила, рыдая, Флорентина, когда донъ Теодоро, выславъ всѣхъ изъ комнаты, позволилъ лишь ей остаться.

— Все въ волѣ божіей.

— Что это за болѣзнь?

— Смерть! съ отчаяніемъ прошепталъ докторъ.

— Но отчего же приключилась смерть? Я нехорошо понимаю...

— О, я не знаю, что ее убило — гордость, несчастіе, отчаяніе или несчастная любовь. О мы, бѣдные людишки, что мы знаемъ?... мы ничего не знаемъ, кромѣ названій.

— Что же это?

— Нервная горячка.

— Что это значитъ?

— Смерть...

— И вы не въ силахъ помочь? вы! врачъ! да побойтесь Бога!

— Я врачъ глазъ, но не страстей.

— Страстей! Какія могли быть у тебя страсти, бѣдное созданіе? промолвила сеньорита, обратившись съ грустью къ Неллѣ.

— Спросите у вашего будущаго мужа.

— Несчастная! Развѣ нравственное горе можетъ убивать?

— Когда я нашелъ ее въ Трасковѣ, она была уже больна. Вспомните, чего она была сейчасъ свидѣтельницею... Она его любила, и онъ ее любилъ, когда былъ слѣпъ, — а теперь онъ ее увидѣлъ... онъ ее увидѣлъ, и это убило ее...

Для него реальность была новой жизнью, для нея — несчастіемъ, отчаяніемъ, смертью...

— И все изъ-за...

— И все изъ-за глазъ, открывшихся для свѣта, для реальности. Я не могу себѣ этого простить! Она была такъ счастлива!

— Но развѣ горе можетъ убить такъ скоро?

— Не знаю, не знаю, не знаю! съ горечью воскликнулъ донъ Теодоро, осторожно обнявъ голову Неллы. — Я только глазной лекарь и больше ничего... Душа, что происходитъ въ тебѣ? спросилъ онъ съ глубокой грустью, нагнувшись надъ Неллой.

Флорентина заплакала еще сильнѣе.

— Душа уже улетѣла, прошептала она.

— Нѣтъ, сказалъ донъ Теодоро: — въ ней еще осталась капля жизни.

— Ея губы шевелятся...

— Говоритъ...

Губы Неллы зашевелились, и она силилась что-то произнести.

— Что она сказала?

— Что сказала?..

Но словъ нельзя было разслышать — агонія уже началась. Скоро губы перестали шевелиться, застыли, полуоткрылись и показали ниточку бѣлыхъ зубовъ. Теодоро Гольфинъ нагнулся, поцѣловалъ лобъ Неллы и прошепталъ:

— Милая, ты хорошо сдѣлала, покинувъ этотъ свѣтъ...

Флорентина рыдала, повторяя дрожащимъ голосомъ:

— Я хотѣла сдѣлать ее счастливой, но она отказалась отъ счастія!

Странная, невѣроятная вещь! Нелла, не имѣвшая никогда ни постели, ни платья, ни башмаковъ, ни чулокъ, ничего своего, — лежала одѣтая, убранная, вся въ цвѣтахъ, въ роскошномъ гробу, на великолѣпномъ катафалкѣ, никогда еще невиданномъ на копяхъ Сокартесъ. Все это великолѣпіе, окружавшее Неллу, казалось злой насмѣшкой судьбы надъ несчастной, покинутой при жизни дѣвушкой. Сеньорита Флорентина, движимая великодушнымъ побужденіемъ, хотѣла доставить Неллѣ хоть послѣ смерти то, отчего она отказалась при жизни.

Когда ее хоронили, то любопытные, пожелавшіе взглянуть на нее, нашли ее почти красивой: смерть наложила спокойствіе и придала много прелести этому милому лицу. Изъ Вильямохады было приглашено нѣсколько священниковъ. Цѣлые полгода только и было разговору, что̀ о Неллѣ и ея похоронахъ.

Перерыли церковныя книги и отыскали Неллѣ имя ея отца. На могилѣ ея поставили изящный бѣлый мраморный памятникъ. На памятникѣ, въ срединѣ розоваго мраморнаго вѣнка, было высѣчено золотыми буквами: *Мариквита Мануэла Тельесъ улетѣла на небо 12 октября 187* года*«.

AP
50
.T85
v.5
no.6

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть первая

XIII

Левъ Станиславовичъ прошелъ къ себѣ и заперся.

Ему было бы тяжело видѣть теперь мать. Онъ хотѣлъ остаться одинъ, и когда она постучала къ нему, онъ притворился спящимъ. Ночь пристально смотрѣла въ окна его башенки. Какая-то звѣздочка робко мигала ему. Издали доносился глухой шумъ опять взволновавшагося моря... Смецкій прислушивался къ нему, и въ то же время передъ нимъ безотвязно стоялъ сегодняшній день — съ его удачею сначала, съ этою кучею золота, бывшею у него въ рукахъ, принадлежавшею ему. Онъ могъ бы уйти съ этимъ богатствомъ, и никто не удержалъ бы его, не вернулъ. Онъ могъ пріѣхать сюда, разсыпать его на столѣ передъ матерью и сказать ей: — »вотъ видишь, это я выигралъ для тебя. Возьми и уѣдемъ куда нибудь. Брось эту жизнь... Я молодъ — стану для тебя работать, служить... Съ этимъ ты долго не узнаешь нищеты, а когда оно будетъ разстрачено, у меня уже окажется положеніе, я успѣю къ тому времени пройти первый, тяжелый искусъ... Возьми, все это твое, только брось этотъ позорный блескъ, этого Фрейгена, хвастающагося тобою, какъ кровною лошадью, дорогою картиной, которую онъ могъ купить и купилъ за свои деньги...

Тамъ, куда мы уѣдемъ, никто не посмѣетъ оскорбить тебя. Тамъ не узнаютъ твоего прошлаго. Дамы не станутъ съ полуулыбкой и полупрезрѣніемъ лорнировать тебя, мужчины не будутъ смотрѣть съ любопытствомъ и жадностью, какъ на дорогое удовольствіе, дорогое, но всетаки доступное — были бы деньги заплатить за него...« И ему казалось, что эти монеты еще блестятъ передъ нимъ, что онъ слышитъ ихъ звонъ, что руки его еще болятъ отъ ихъ тяжести. И Богъ знаетъ въ который разъ онъ повторялъ:

— Да неужели же я такъ глупо проигралъ его!.. Ахъ, отчего я не удержался!.. Еслибы можно было вернуть сегодняшній день!

И голова его безплодно работала надъ разрѣшеніемъ вопроса: когда именно надо было остановиться, уйти изъ той залы, унеся съ собою залогъ своего счастія и спокойствія. Несмотря на открытыя окна, на вѣтерокъ, дувшій съ моря сюда, ему было жарко. Онъ сбросилъ съ себя одѣяло, потомъ всталъ и сѣлъ у окна. Передъ воротами въ виллу горѣли два фонаря. — »Фрейгенъ у мама!« сообразилъ онъ. И краска стыда залила его лицо. Онъ у мама... Онъ распоряжается ею, какъ вещью... Мимо ходятъ и ѣздятъ посторонніе — и они также повторяютъ теперь: »а баронъ у Смецкой... Счастливецъ баронъ!..« — »Дорого она стоитъ ему!« — »Еще бы!..«

Онъ зналъ, какъ они говорятъ въ подобныхъ случаяхъ. Несмотря на свою молодость, онъ уже былъ опытенъ въ этомъ отношеніи: у нихъ въ привилегированномъ заведеніи еще и не такіе разговоры велись на эти темы...

И хоть бы онъ отсылалъ свою карету назадъ! Зачѣмъ ему эта публичная выставка скандала... зачѣмъ?.. Да, впрочемъ, она-то ему и нужна. Иначе онъ не сталъ бы тратиться. Для него эта женщина, »моя мать!« — реклама. Всѣ кричатъ о его богатствѣ, о его щедрости... »О Господи! и еще нѣсколько часовъ назадъ у меня въ рукахъ были средства и возможность положить конецъ всему этому...«

Онъ не помнилъ, когда онъ заснулъ. Очнулся онъ только утромъ. Оказалось, что всю ночь онъ просидѣлъ у окна, прокинувъ голову на его мраморъ. Солнце весело восходило на чистомъ небѣ. Въ розовомъ блескѣ точно отогрѣвались синіе берега. Море смолкло и спокойное, покорное, мерцающее лежало подъ ихъ темными скалами. Вѣтви деревьевъ блистали яркою росою. Цвѣты раскрывали свои вѣнчики; въ платанѣ проснулась какая-то птица и зашуршала въ листвѣ, встрѣчая ясный счастливый день радостной пѣснѣй. Ницца еще спала. Внизу, надъ нею, стоялъ нездоровый туманъ. Болото давало себя знать... Въ туманѣ этомъ едва выдѣлялись стѣны домовъ и круглыя вершины деревьевъ. Только здѣсь, вверху, было хорошо.

»Что случилось такое?« въ тысячный разъ повторилъ онъ себѣ.

И вдругъ Смецкій вдрогнулъ: весь вчерашній день съ его удачей и такъ глупо брошеннымъ на жертву псамъ счастіемъ вспомнился ему... И опять защемило въ душѣ его. — »О еслибы я остановился во-время!.. еслибы можно было еще вернуть все это!«

Онъ перешелъ къ себѣ на кровать и, закутавшись съ головой, хотѣлъ забыться, точно отъ самого себя уйти въ какую-то безсознательность, небытіе, нирвану.

Скоро къ нему постучались: горничная спросила, будетъ ли онъ пить чай внизу. Левъ Станиславовичъ отказался и просилъ подать себѣ наверхъ.

Несмотря на голодъ, ему было отвратительно дотронуться до всего этого... вѣдь это покупалось на деньги Фрейгена... Каждая мелочь кругомъ него стоила ласкъ, которыя его мать расточала этому противному банкиру. На подносѣ съ чаемъ, поданнымъ ему, оказалось письмо. Онъ посмотрѣлъ — почеркъ его отца. Письмо было изъ Москвы.

— Что еще этотъ пишетъ!?

Онъ слишкомъ хорошо зналъ Станислава Александро-

вича, чтобы обманываться въ немъ и питать къ нему чу-
ства сыновняго почтенія.

»Мой другъ, писалъ ему отецъ, тороплюсь отослать т
поскорѣе этотъ конвертъ, потому что не знаю, долго ли
останешься въ Ниццѣ. Дѣло въ томъ, что »твой старик
все это послѣднее время чувствуетъ себя очень нехор-
и посему, пока еще живъ, спѣшитъ дать тебѣ нѣсколь
совѣтовъ — результатъ всей его долгой и многотруд
жизни...« Левъ Станиславовичъ усмѣхнулся. — Многотруд
жизнь, совѣты!.. Посмотримъ, что ты мнѣ порекомену
дѣлать въ моемъ положеніи!.. — »... Я думаю, продолж
отецъ, ты слишкомъ хорошо воспитанъ и уменъ для т
чтобы придавать какую либо цѣну иллюзіямъ юности.
только поповичи да разночинцы увлекаются мыльными
зырями возвышенныхъ чувствъ и эфемерныхъ идеал
Дѣйствительность нужно брать, какъ она есть, и помн
что въ наше время капиталъ является единственной с
и всякій, кто такъ или иначе присосѣдится къ этому ка
талу, дѣлаетъ благо; посему я никогда не претендовал
твою мать, а на мою жену Эмилію, которая, къ сожал
забывая своего снисходительнаго и добродушнаго мужа,
значила мнѣ содержаніе, достаточное для какого нибудь
слѣдняго нищаго, а ужъ никакъ не для единственнаго п
ставителя нашего стараго и славнаго рода...« — Вот
чемъ дѣло! горько улыбнулся Левъ Станиславовичъ. — »
не только не былъ противъ твоей матери, а моей ж
Эмиліи, но неоднократно отдавалъ полную справедли
ея уму, хотя не сердцу: будь у нея таковое — она
не швырнула мнѣ трехъ тысячъ въ годъ, тратя сама —
хомъ земля полнится — по двадцати пяти. Ей бы ни
не стоило накинуть мнѣ двѣ какихъ нибудь тысчен
что, при моей старости, слабости и болѣзненности, явил
бы весьма важнымъ ресурсомъ. Буду говорить съ т
mon ami, откровенно... Я еще не имѣю права счи
тебя недобрымъ сыномъ. Помоги мнѣ — убѣди Эмил

Ей стоитъ только сказать два слова своему жиду — и онъ тотчасъ же исполнитъ это. Долженъ же онъ цѣнить — вѣдь по отцу я потомокъ королей польскихъ, и если нашъ родъ много утратилъ въ своемъ блескѣ, то все-таки онъ достаточно знаменитъ, чтобы баронъ понялъ и оцѣнилъ это по достоинству«. Отвращеніе все больше и больше охватывало Льва Станиславовича. — »Пишу тебѣ это особенно спѣшно вотъ почему: на первыхъ порахъ, на радостяхъ свиданія, мать тебѣ ни въ чемъ не откажетъ; воспользуйся этимъ ея просвѣтленіемъ и выговори мнѣ, старику, прибавку...« — Совсѣмъ какъ мой Платошка!.. И Левъ Станиславовичъ вспомнилъ напутственное откровеніе апельсинщика: — »Вы сейчасъ имъ въ ручку... На первыхъ порахъ онѣ мягкія, мамаши-то!« — Даже и выраженіе то же самое. Ну-съ, чѣмъ дальше вы подѣлитесь со мной, благородный старецъ, какими мудрыми результатами своей многотрудной жизни? — »Не давай ей опомниться, а сейчасъ же изложи свое желаніе и подкрѣпи его своею сыновнею нѣжностью. Она, я знаю, тебѣ не откажетъ, а въ распоряженіи у красивой женщины и умной, каковою я всегда ее почиталъ и почитаю, есть немало ресурсовъ заставить барона исполнить всякую ея прихоть, не только что столь законное свое требованіе... Нужно тебѣ сказать, что портные и сапожники...« — Ну, тутъ обычныя ламентаціи относительно этихъ джентльменовъ, — и Левъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ. — »Что касается тебя, то, отложивъ въ сторону весьма понятную съ твоей стороны, какъ представителя знаменитаго рода, брезгливость, — слѣдуй примѣру своей матери, а моей жены Эмиліи. Постарайся войти въ доброе расположеніе барона Фрейгена, которому ничего не стоитъ устроить твою будущность самымъ завиднымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ помни, что, въ качествѣ финансоваго генія, оказывающаго немалое вліяніе даже на международную политику, онъ заслуживаетъ вполнѣ такого уваженія. Я впередъ благословляю тебя на всякіе авансы твои

съ этой стороны, убѣжденный, что, исполнивъ мой родительскій совѣтъ и войдя къ нему въ доброе расположеніе, ты воспользуешься своимъ вліяніемъ и замолвишь ему за меня доброе слово... Держись барона — пуще всего. Онъ великая по нынѣшнимъ временамъ сила, и руки у него длинныя. Онъ можетъ тебя возвести на высоту, которой ты самъ — будь хоть семи пядей во лбу—не достигнешь... Опять же — но сіе я сообщаю тебѣ конфиденціально... Можетъ быть (между женщинами бываютъ разныя недоразумѣнія), мать твоя, а моя жена Эмилія и будетъ противъ этого прожекта, но обрати свое вниманіе на баронову дочь Софію... Мы молодъ, красивъ, хорошо образованъ. О манерахъ твоихъ не говорю — ты вѣдь носишь фамилію Староградъ-Смецкихъ, и можно даже хлопотать объ утвержденіи за тобою графскаго достоинства (не послѣдній по сему предмету ресурсъ). Сія самая Софія — какъ передавали мнѣ бывшіе въ Ниццѣ и Вѣнѣ свѣдущіе люди — нрава быстраго и характера неудержимаго. Разсказывали даже о нѣкоторомъ романѣ ея — въ бытность ея еще въ дрезденскомъ пансіонѣ, — но полагаю, что ты на вещи смотришь трезвенно, и малозначущимъ глупостямъ никакой важности не придаешь... Такъ вотъ, какъ человѣку безъ предразсудковъ, совѣтую тебѣ отъ души, совѣтую, быть можетъ, на краю — увы!—не столь далекаго отъ меня, какъ полагаешь ты, гроба, не упускай эту Софію, помни, что такую удачу судьба посылаетъ разъ въ жизни — и кто оною не воспользуется, то можетъ почитать себя дуракомъ и неблагодарнымъ сыномъ. Ибо, устроивъ таковымъ бракомъ свою жизнь, ты и мою будущность украсишь своею заботливостью и вспомоществованіемъ... Родители имѣютъ право требовать послѣдняго отъ своихъ дѣтей, въ томъ состоитъ священный законъ природы...« — Ахъ отецъ, отецъ! качалъ головой Левъ Станиславовичъ. — »Съ Софіей совѣтую тебѣ употребить тонъ сдержанно-почтительный. Какъ бы понимая свое положеніе и существуя щедротами ея родителя, ты »любишь ее, но взаимности добиваться

не дерзаешь — по своему отличному благородству«. Когда же она ротъ разинетъ и по довѣрчивости своей подастъ тебѣ къ поступкамъ надлежащій поводъ, ты непреложно дерзни — и засимъ съ раскаяніемъ объяви ей, что готовъ покрыть сіе вѣнцомъ!..«

Но Левъ Станиславовичъ уже не читалъ дальше. Изорвавъ письмо, онъ съ негодованіемъ швырнулъ лоскутки его въ окно.

— Да, отецъ... Ты не ошибаешься... Предразсудковъ и идеаловъ мое воспитаніе мнѣ не дало... Но все же не до такой степени, какъ ты полагаешь... Это ужъ слишкомъ...

Нервно ежась, точно ему было холодно, онъ пошелъ внизъ, въ комнаты Эмиліи Карловны.

XIV

Она умѣла жить — въ этомъ отношеніи ей отдавали полную справедливость. Внизу было пропасть воздуха и прохлады. Громадныя, открытыя настежъ, окна смотрѣли на западъ, и теперь сюда не заглядывало солнце: напротивъ, съ моря вѣяло свѣжестью. Все оно, прекрасное и полувоздушное, далеко уходило подъ этою виллою, уходило съ едва замѣтными полосами отъ пробѣгавшаго по его поверхности вѣтра, съ серебристыми слѣдами куда-то плывшихъ судовъ и съ чуть намѣченными черточками начинавшагося движенія. Волнъ еще не было, но чувствовалось, что онѣ скоро родятся изъ этихъ морщинокъ и побѣгутъ, упругія и пѣвучія, къ скалистому берегу разбиться и умереть въ его зеленыхъ гротахъ... Нѣсколько вѣтокъ, сплошь осыпанныхъ розовыми цвѣтами, колыхалось передъ окнами, рѣзко обрисовываясь на темной синевѣ безоблачнаго сегодня неба... Тяжелыя гардины были подняты, и на свѣту нѣжно и мягко выдѣлялись краски и фигуры картинъ, написанныхъ мастерскою кистью. Баронъ былъ знатокъ въ полномъ смыслѣ этого слова и меценатъ по необходимости. Онъ умѣлъ покупать

лучшія вещи безъ посредниковъ, въ самыхъ мастерски
задолго до того, когда картина оканчивалась художник
поэтому ему сходно доставались драгоцѣнности, и онъ
билъ самъ хвалиться этимъ. Между шедеврами, висѣвш
здѣсь, были рѣдкіе старые мастера: нѣсколько выцвѣт
настоящій Веронезъ — надъ дверями; толстыя румяныя в
ханки точно сверху звали васъ скорѣе переступить за
рогъ; сомнительный Тиціанъ, попавшій къ Фрейгену
одного любителя картинъ за неоплатный долгъ вмѣст
другими, болѣе цѣнными; темный пейзажъ Сальватора Ро
на которомъ только и можно было различить красное пя
костра да рога козла, спящаго около... Зачѣмъ считает
необходимостью держать эту полинявшую живопись не
музеяхъ, а въ домахъ? Можетъ быть, потому, почему
налы и газеты отъ времени до времени помѣщаютъ у
сухія, скучныя и тяжеловѣсныя профессорскія статьи, к
рыя и пишутся завѣдомо для того, чтобы ихъ никт
читалъ. Это придаетъ серьезность, значеніе, вѣсъ...

Комнаты Эмиліи Карловны были убраны дорого и вп
современно, т. е. въ нихъ нельзя было повернуться отъ
кихъ мебелей, дорогихъ бездѣлушекъ, и — какъ любая
нѣшняя гостиная — онѣ ставили себѣ идеаломъ какъ м
болѣе походить на лавку закладчика подороже. Фрей
надо было отдать справедливость — онъ не жалѣлъ ни
на обстановку этой виллы. Оно и понятно — она была
лана на его имя, и онъ ничего не терялъ, тратясь на
купку драгоцѣнныхъ японскихъ вазъ, китайскихъ фар
ровъ, восточнаго шитья золотомъ и шелкомъ, алжирск
и мароканскихъ ковровъ. Ему это было нужно. Онъ к
будто случайно встрѣчался у Эмиліи Карловны съ люд
общественное положеніе которыхъ не позволяло имъ
зываться у него прямо и обнаруживать близкія свои
шенія съ нимъ. Здѣсь подъ шумокъ обдѣлывались бол
дѣла, и часто самыя жирныя биржевыя утки, такъ
иначе вліявшія на государственный кредитъ, выле

менно изъ гостинныхъ этой куртизанки, знавшей о нихъ, прочемъ, столько же, сколько зналъ швейцаръ — необыкновенно толстомордая особа съ такой значительной выпяченной нижней губой, что одинъ изъ дипломатовъ, посѣщавшій здѣсь Фрейгена, никогда, проходя мимо, не могъ подавить въ себѣ зависти къ этому украшенію браваго корсиканца. Надо прибавить, что въ Ниццѣ у себя Фрейгенъ держалъ только корсиканцевъ: во-первыхъ, они были соотечественники Наполеона, а во-вторыхъ, островитяне отличаются беззавѣтною преданностью тому, кто имъ платитъ исправно — разумѣется, до тѣхъ поръ, пока платитъ!

Сойдя внизъ, Левъ Станиславовичъ имѣлъ неудовольствіе замѣтить, какъ къ калиткѣ виллы подъѣхала карета банкира. Самъ Фрейгенъ скоро показался въ аллеѣ; онъ шелъ торопливо, нахмуренный, очевидно, чѣмъ-то взбѣшенный. По пути онъ набросился на садовника-итальянца, стоявшаго передъ нимъ согнувшись и подобострастно называвшаго его »eccellenza« и »signor principe«, и сунулъ свою палку швейцару съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ ударить его. Левъ Станиславовичъ принудилъ себя встать и поклониться ему.

— Вы здѣсь? не подавая руки, процѣдилъ Фрейгенъ и досадливо взглянулъ на молодаго человѣка. — Что вы тутъ дѣлаете? И, не дождавшись отвѣта, онъ прошелъ въ комнату, гдѣ одѣвалась Эмилія Карловна.

»Скотина!« проговорилъ про себя Смецкій. Еще бы... онъ — сынъ — не входилъ туда, а тотъ афишируетъ свои отношенія къ женщинѣ и въ глазахъ всей прислуги, при немъ наконецъ, идетъ въ ея уборную. Тотчасъ же тамъ послышался его раздраженный голосъ — онъ приказывалъ горничной выйти вонъ. Та выскочила сконфуженная и, исподлобья взглянувъ на Льва Станиславовича, прошла въ двери; оттуда она еще разъ оглянулась на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Онъ это понялъ по своему.

»Даже эта... удивляется, какъ я выношу подобное поло-

женіе!« И юноша покраснѣлъ, отходя къ окну. »Мнѣ надо уйти къ себѣ«... сообразилъ онъ, и въ то же время неодолимое любопытство удерживало его здѣсь. Ему хотѣлось выпить чашу до дна, узнать наконецъ, какъ относится этотъ богачъ къ его матери, насколько онъ цѣнитъ ее, вознаграждаетъ ли онъ »несчастную женщину своимъ уваженіемъ« хотя бы за то, что въ этомъ ей отказываютъ другіе.

Увы, и въ этомъ отношеніи Смецкому пришлось горько разочароваться.

— Вы приказали не принимать графа Эйленбурга-фонъ-Гермсталь? обрушился тотъ на нее сразу.

— Да... приказала... робко отвѣтила ему Эмилія Карловна. Что-то болѣзненное послышалось юношѣ въ тонѣ ея отвѣта, въ ея голосѣ.

— Какъ вы смѣли?.. Вѣдь я на этотъ счетъ далъ вамъ положительныя инструкціи.

Льва Станиславовича ударило въ потъ. — »Что это... что-жъ это такое!?« говорилъ онъ про себя.

— Какъ вы осмѣлились не принять его?

— Во-первыхъ, онъ не поклонился мнѣ на улицѣ и прошелъ мимо, въ упоръ на меня глядя.

— Что-жъ такое! вскрикнулъ Фрейгенъ.

— Какъ что-жъ такое!

— У него взрослыя дочери... онъ не могъ вамъ кланяться при нихъ.

— Онъ былъ одинъ.

— Хотя бы!.. Слава Богу, вы должны бы понять разницу въ вашихъ положеніяхъ... Скажите пожалуйста — ей не поклонились!

— Потомъ, онъ позволилъ себѣ оскорбить меня у меня же дома, еще тише проговорила она.

— Фа!.. Что-жъ такое онъ сдѣлалъ?

— Обнялъ меня... поцѣловалъ.

— Что же, это для васъ большая новость?.. Вѣдь вамъ заплатятъ за это!.. послышался насмѣшливый голосъ барона.

Левъ Станиславовичъ вздрогнулъ и, самъ не зная, что̀ дѣлаетъ, бросился туда. Мать его полуодѣтая стояла у трюмо; Фрейгенъ сидѣлъ въ креслѣ, весь покраснѣвъ отъ раздраженія и не снимая шляпы съ головы.

— Какъ вы смѣете... какъ вы смѣете!.. подошелъ къ нему Смецкій.

— Что̀! Отъ изумленія Фрейгенъ даже не понялъ ничего.

— Во-первыхъ, шляпу долой!.. И Смецкій сбилъ ее съ его головы.

— Лева, Лева!.. поблѣднѣла мать его.

— Не безпокойтесь, мама, теперь я здѣсь и съумѣю васъ защитить отъ цѣлаго свѣта, не только отъ такихъ негодяевъ, какъ этотъ...

— Ты съ ума сошелъ...

— Ничего, ничего, пришелъ въ себя Фрейгенъ. — Пожалуйста, не мѣшайте ему... Можетъ быть, онъ имѣетъ для васъ въ виду кого нибудь... кто бы могъ замѣнить меня.

Левъ Станиславовичъ свѣта не взвидѣлъ и бросился было на банкира, но тутъ между ними разомъ выросла его мать.

— Иди вонъ... вонъ отсюда! приказала она сыну. — Ты только глупый мальчишка и ничего больше... Иди... прочь, прочь... и не смѣй входить ко мнѣ безъ приглашенія.

Она взяла его за руки и довела до дверей. Левъ Станиславовичъ, какъ помѣшанный, вышелъ и, не дойдя до залы, упалъ въ кресло. Все кружилось передъ его глазами... онъ слышалъ точно во снѣ голосъ его матери: она о чемъ-то упрашивала Фрейгена.

— Я послѣ сообщу вамъ свое рѣшеніе!.. Во всякомъ случаѣ, помните, я не хочу больше видѣть здѣсь у себя вашего дурака. Выбросьте его вонъ... А сами вы должны помнить, что вы содержанка и только.

Какъ въ туманѣ, замѣтилъ Смецкій барона, прошедшаго мимо, и разслышалъ еще разъ его слова, обращенныя къ нему: — глупый и дерзкій мальчишка...

Въ передней баронъ нарочно приказывалъ громко:

— Когда пріѣдетъ графъ Эйленбургъ-фонъ-Г... принимать его... всегда принимать... хоть бы ночью, все равно... Мадамъ для него всегда слышите?

— Слышу.

— Да еще... молодой господинъ... Вы знаете господина...

— Какого?

— Ну, этого... Баронъ старался говорить еще г что̀ пріѣхалъ...

— Сына мадамъ?

— Ну да... Онъ долженъ ходить другимъ *подъ* а не здѣсь... здѣсь ему дѣлать нечего... онъ не умѣ вести между порядочными людьми.

Вскипавшая все больше злость не давала Фрейг мени опомниться; онъ разомъ повернулся и прошел въ спальню.

— Что касается до васъ, то я долженъ предуп еще такая сцена — и я васъ вмѣстѣ съ вашимъ выброшу на улицу, въ грязь... на тротуаръ! Слы Здѣсь все, все мое... А у себя я хозяинъ и дѣл хочу. И, выходя вновь, онъ нарочно размахнулъ р какъ будто нечаянно задѣлъ ею за плечо Смецкаго мните же!.. крикнулъ онъ изъ дверей: — на улицу, з туаръ! Тамъ ваше настоящее мѣсто. Я плачу за то мнѣ служили, какъ я того желаю!.. Еслибы даже я п залъ вамъ самой поѣхать къ графу — вы должны эт нить, потому что я васъ купилъ... Моя собака не р даетъ, зачѣмъ я ей говорю »кушъ«, а просто ложи ждетъ, когда я прикажу ей — »встань«... И, сдвинувъ ш на затылокъ, онъ вылетѣлъ изъ комнаты.

Въ спальнѣ слышались рыданія.

Левъ Станиславовичъ, не зная, что̀ съ нимъ и п

держась за мебель, за стѣны, поднялся къ себѣ, ощупью нашелъ шляпу и все въ томъ же туманѣ выбрался на улицу. »Куда же идти мнѣ... куда?..« Вдали показались люди. Онъ круто обернулся и двинулся прочь отъ нихъ. Куда бы то ни было — только остаться одному, никого не видѣть и не слышать...

»Господи! зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!« всплеснулъ онъ руками и, какъ подкошенный, упалъ на скамью подъ деревьями — тамъ, гдѣ его не могли замѣтить прохожіе...

XV

Еслибы у Смецкаго спросили, гдѣ онъ провелъ весь этотъ день — едва ли онъ съумѣлъ бы отвѣтить. Онъ слонялся по Ниццѣ, не чувствуя подъ собою ногъ, дошелъ пѣшкомъ до Вильфраншъ и Рокбрюна, сосредоточенно и упорно глядя въ землю и не замѣчая несшихся прямо на него экипажей. Онъ даже не чувствовалъ голода, и когда въ кофейнѣ въ Больё ему подали чашку съ какою-то омерзительной жидкостью вмѣсто чаю, Смецкій проглотилъ ее, не замѣтивъ, заплатилъ и черезъ нѣсколько минутъ съ раздраженіемъ спросилъ человѣка:

— Я же требовалъ чаю... отчего мнѣ не подаютъ его?

— Вы выпили и уже расплатились.

— Ахъ да!..

Ему встрѣтился ѣхавшій откуда-то въ своемъ ландо Крутофоровъ и что-то закричалъ ему. Левъ Станиславовичъ отвѣтилъ, но, очевидно, невпопадъ, потому что Петръ Петровичъ пугливо посмотрѣлъ ему въ лицо и, проѣхавъ впередъ, нѣсколько разъ оглянулся на молодаго человѣка...

— Юнецъ-то того... не въ порядкѣ! повертѣлъ онъ перстами у лба, наткнувшись у себя дома на Поликея Савича.

— А что?

— Спрашиваю его, куда это онъ пѣшедраломъ претъ,

да еще безъ шапки... ну, а онъ: »нѣтъ, благодарю васъ, я уже пилъ...«

— Отъ Бога!..

Поликей Савичъ спустилъ уже данную ему на иголки сумму и посему былъ въ необыкновенно кроткомъ и благочестивомъ настроеніи, даже читалъ въ эту минуту »Сновидѣніе старца Серапіона въ пустынѣ Ливійской, или какимъ путемъ можно достигнуть пониманія истины«.

— Что отъ Бога?

— Смятеніе это. Господь человѣку для смиренія посылаетъ малоуміе.

Крутофоровъ подозрительно посмотрѣлъ на Поликея.

— Ты не того сегодня?

— Чего того?

— Мирабелину съ кофе не пилъ?

— Ты полагаешь, что истинное познаніе истины на человѣка отъ мирабелина, а не отъ Бога нисходитъ?

Крутофоровъ выпучилъ глаза.

— Ну, братъ Поликей, кажется, мнѣ на всякій случай придется цѣпь заказать!

— Что-жъ, посади, еще кротче произнесъ Поликей. — Я по ничтожеству своему инаго и не заслуживаю... Въ скудости и тѣлесномъ озлобленіи познаютъ людіе тщету міра сего!

Крутофоровъ схватилъ его зашиворотъ, поднялъ и потрясъ... Поликей висѣлъ у него въ рукѣ, какъ собака, схваченная за шею.

— Ну, пришелъ въ себя?

— Хвалю Господа своего за уничиженіе сіе.

— Тьфу ты, чортъ адскій! разозлился Крутофоровъ и ушелъ къ себѣ, а Поликей Савичъ развернулъ календарь съ чистыми страницами въ перемежку и на той, которая соотвѣтствовала данному числу, записалъ: »Сегодня, въ 5 часовъ и 15 минутъ пополудни, потерпѣлъ отъ неистоваго и жестоковыйнаго богача Петра Петровича Крутофорова

тѣлесное поврежденіе... Господи, прости ему и вмѣни оное мнѣ въ наказаніе за вольные и невольные грѣхи мои«. И еще кротче сѣлъ читать »Сновидѣніе старца Серапіона«.

Левъ Станиславовичъ вернулся домой поздно вечеромъ. Онъ шелъ къ себѣ, согласно инструкціи барона Фрейгена, заднимъ входомъ, стараясь не видѣть никого изъ прислуги. Въ комнатахъ было темно. Карета барона не стояла у калитки, только въ гостинной тускло свѣтился голубой фонарь. Онъ тихо поднимался къ себѣ по лѣстницѣ.

Двери къ нему были отворены. Эмилія Карловна сидѣла на креслѣ у его стола, безсильно опустивъ руки себѣ на колѣни.

— Это ты, Лева? спросила она, не подымая головы.

— Я, мама...

Она ничего не сказала. Левъ зажегъ свѣчу. Смецкая была очень блѣдна, глаза ея распухли; очевидно, весь день она проплакала.

— Ты гдѣ былъ?

— Такъ... ходилъ...

— Ты обѣдалъ?..

Онъ не отвѣтилъ ей...

— Намъ надо объясниться, Лева... такъ продолжать нельзя... Когда ты ѣхалъ сюда, я думала, что отецъ тебя познакомилъ съ моимъ положеніемъ, и ты его знаешь. Оказалось — нѣтъ... Станиславъ Александровичъ, какъ всегда, думалъ и думаетъ только о себѣ... онъ избѣгаетъ всякаго непріятнаго разговора, предоставляя другимъ расхлебывать кашу, которую... которую... И вдругъ, не окончивъ, она уронила голову и разрыдалась, истерически вздрагивая и поводя плечами.

— Мама... милая!.. бросился онъ, взялъ ея руки и сталъ цѣловать.

— Ничего... оставь, оставь... Это сейчасъ пройдетъ... Гадко... гадко... Ахъ какъ гадко! И зачѣмъ ты только пріѣзжалъ сюда въ эту грязь?.. лучше бы тебѣ не знать ея:

по крайней мѣрѣ, сохранилъ бы уваженіе къ матери... не презиралъ ее теперь, какъ презираютъ другіе... Пароксизмъ прошелъ быстро. — Вотъ и кончено... принуждала она себя улыбнуться. — Это такъ... находитъ иногда... ты не думай... такія сцены, какъ сегодня, бываютъ нечасто... т. е. почти никогда... очень-очень рѣдко... *Онъ* обыкновенно вѣжливъ и предупредителенъ... это только такъ нашло на него... И, притомъ, я его оскорбила, не принявъ необходимаго ему человѣка...

— Мама, зачѣмъ ты стараешься оправдать его въ моихъ глазахъ, къ чему это?

— Нѣтъ, ты вѣдь долженъ знать, разъ уже пріѣхалъ, узналъ... Я думала, тебѣ все извѣстно... терялась она и путалась. — Вѣдь я... вѣдь ты... И вдругъ, неожиданно вставъ, она сдѣлала шагъ къ нему и, какъ подкошенная, упала къ его ногамъ и обняла ихъ.

— Что̀ съ тобою? испугался сынъ, стараясь поднять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... оставь меня... Мое мѣсто здѣсь, пока ты не поймешь и не простишь меня... здѣсь... здѣсь... Я потерянная, продажная женщина... но ты, ты будь моимъ судьей, ты... другаго не хочу я! вдругъ страстно заговорила она. — Ты, ты... Вѣдь это не въ первый разъ... вѣдь не ему одному я продавалась... Всѣмъ, всѣмъ, кому былъ долженъ твой отецъ, всѣмъ... Зачѣмъ же на меня на одну всѣ?.. Выслушай, умоляю, не перебивай меня... дай мнѣ здѣсь лежать на полу... это мое мѣсто... Вѣдь ты знаешь ли — кто меня толкнулъ къ нему, къ этому барону, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву?.. Ему былъ долженъ твой отецъ; и когда баронъ предложилъ ему уступить меня взамѣнъ его векселей... знаешь ли что̀ сдѣлалъ Станиславъ Александровичъ? онъ пришелъ ко мнѣ въ спальню ночью... стоялъ на колѣняхъ и плакалъ... плакалъ, чтобы я отдалась барону... Ты понимаешь это?.. Что̀ же мнѣ было дѣлать? Я уже привыкла къ роскоши... я уже стала бояться нищеты... а развѣ я могла любить послѣ того твоего отца?.. не все ли было равно — кто будетъ?.. я и пошла

къ барону, и вотъ... и вотъ... Будь ты моимъ судьей — я любила тебя одного, только тебя... Что же мнѣ было — отдать тебя въ пріютъ?.. вмѣстѣ съ дѣтьми сапожниковъ и нищихъ выбросить тебя на улицу?.. Я должна была поднять, воспитать тебя... кто же бы помогъ мнѣ въ этомъ? ужъ, разумѣется, не отецъ твой... Напротивъ, онъ самъ поставилъ мнѣ вопросъ: — »Сколько ты будешь давать мнѣ теперь на содержаніе?!«... Ему *на содержаніе*... Я не говорю... баронъ былъ великодушенъ... онъ ему назначилъ довольно... за тебя тоже всегда исправно... Ты его обидѣлъ... онъ думалъ, что ты понимаешь, чѣмъ ему обязанъ. Разумѣется, онъ все привыкъ считать на деньги... Но будь справедливъ и поставь ихъ рядомъ — *его* и твоего отца: кого было выбирать мнѣ?.. ужъ, разумѣется, не Станислава... Чѣмъ я виновата, ну скажи мнѣ, чѣмъ я виновата?

— Да развѣ я... я винилъ тебя когда нибудь?

— Нѣтъ, ты суди... и обвини, если можешь. Что я должна была сдѣлать? бросить тебя на улицу и сама идти въ горничныя, кастеляншки, бонны, что ли?.. Я знаю, что я не героиня: я слабая, несчастная женщина... Но вѣдь стою же я чьей нибудь любви... хоть твоей... И зачѣмъ ты только пріѣзжалъ сюда... зачѣмъ!...

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и обнялъ ее... Мало по малу она успокаивалась: рыданія стихли, голосъ сталъ ровнѣе; только она продолжала дрожать.

— Мнѣ холодно... только ты не безпокойся, это такъ... результатъ истерики... значитъ, проходитъ. Милый мой мальчикъ... нечего сказать, хорошо тебя на первыхъ порахъ встрѣтила жизнь!

— Мама, полно объ этомъ... выпей воды вотъ.

Стаканъ дрожалъ и колебался въ ея рукахъ. Она пролила воду на себя и потомъ вдругъ, подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, опрокинула его разомъ себѣ на голову.

— Такъ лучше... освѣжаетъ...

— Мама, мнѣ тоже надо поговорить съ тобою!..

— Хорошо, завтра... Ахъ какъ все это подло, по... схватился онъ за голову. И вдругъ почему-то ему зах... лось хоть обмануть себя, хоть тѣнь какого нибудь оправ... нія оставить себѣ. — Но, мама, я клянусь тебѣ, уже съ... ланнымъ паѳосомъ началъ онъ: — работать для тебя, ... складывая рукъ... И когда я сдѣлаю состояніе, ты дол... бросить все это и пріѣхать ко мнѣ.

— Хорошо, хорошо, дорогой! уже звала она. — Хор... только этого никогда не будетъ! Состоянія такъ быстр... дѣлаются, да въ тебѣ и выдержки нѣтъ для этого. Не т... себя глупостями...

— Я сегодня получилъ письмо отъ папа.

— Ну?..

— Совѣтуетъ мнѣ жениться на Софи...

— На Фрейгенъ?

— Да...

— Дуракъ... онъ бы самъ пріѣхалъ и женился!..

XVI

Левъ Станиславовичъ дважды брался за ручку звон... дверей барона Фрейгена — и отходилъ прочь, не рѣш... войти къ нему; наконецъ, замѣтивъ, что это обратил... себя вниманіе стоявшаго напротивъ полицейскаго комм... онъ рѣшительно дернулъ ее.

— Monsieur? вопросительно обратился къ нему лак...

— Баронъ дома?.. передайте ему мою карточку...

— Пожалуйте пока въ гостинную: у нихъ графъ ... ленбургъ-фонъ-Гермсталь.

»Дай Богъ не встрѣтиться съ Софи... Вотъ бы... не къ мѣсту!..«

Но судьба такихъ пожеланій никогда не исполня... Первое лицо, которое онъ встрѣтилъ, была именно она. К... савица провожала какого-то высокаго лысаго господина безцвѣтнымъ лицомъ, безцвѣтными глазами, безцвѣтн...

усами; черный сюртукъ былъ застегнутъ до самой шеи, высокіе воротнички подпирали безцвѣтный подбородокъ.

— До свиданья, графъ... А, monsieur Старогradъ-Смецкій! удивилась она.

Графъ, услышавъ его фамилію, вбросилъ стеклышко въ глазъ и съ безцеремоннымъ любопытствомъ осмотрѣлъ его.

— Вы къ кому? спросила дѣвушка.

— Мнѣ надо бы... надо бы видѣть вашего отца...

Графъ замедлилъ въ дверяхъ, еще разъ пристально посмотрѣлъ на юношу и насмѣшливо улыбнулся; потомъ, пожавъ незамѣтно плечами, онъ вышелъ.

— Зачѣмъ вамъ мой отецъ? вы пришли сдѣлать ему сцену? Я все знаю, что произошло у васъ съ нимъ...

— Напротивъ... я сознаю, что погорячился... все больше и больше терялся Левъ Станиславовичъ. — Я не имѣлъ права...

— Что же вамъ угодно? И Софи отступила отъ него назадъ, уже не скрывая своего презрѣнія.

— Вашего отца... намъ надо объясниться.

— Вы пришли, слѣдовательно, просить у него прощенія?

— Да, видите ли, тогда... такъ все это... неожиданно...

— Вы... вы у него... Онъ на вашихъ глазахъ оскорбилъ вашу мать, и вы... и вы... Что это за люди! Вы гадки, monsieur, вы отвратительны... Идите вонъ — вы подлы... вамъ не мѣсто здѣсь... Вы хотите сохранить за вашей матерью то... Впрочемъ, что же я говорю съ вами! развѣ съ подобными *вамъ* разговариваютъ... Стыдитесь... вы молоды... Уже не сдерживаясь, она подошла къ звонку и нажала его. — Выведите этого господина! показала она на него лакею. Но тому не удалось этого сдѣлать: Смецкій смутно видѣлъ, какъ отворилась дверь кабинета, и баронъ самъ вышелъ оттуда.

— Софи... что это?.. кого это ты?.. А, monsieur Смецкій...

— Онъ, папа, пришелъ къ тебѣ просить прощенія... И, еще разъ обдавъ его негодующимъ взглядомъ, она прошла къ себѣ въ комнаты.

Смецкій не зналъ, понимаетъ ли онъ что нибудь въ
минуту. Онъ шелъ, потому что ему открыли дверь.
передъ кресломъ, которое ему указалъ Фрейгенъ. и
только тогда, когда тотъ повторилъ ему, стараясь
свой голосъ ласковымъ: »чего же вы не садитесь?..«
кій сидѣлъ; но въ ушахъ его звенѣло, и всѣ даль
шіе вопросы барона доносились къ нему какъ буд
дали.

— Вамъ, кажется, сказала что-то непріятное моя
а? (Смецкій не отвѣчалъ). — На нее нельзя сердиться —
взбалмошная; отъ нея и мнѣ достается иногда. Ну-съ.
спросить васъ — зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали?.. Мы
стались, кажется, при обстоятельствахъ...

Тутъ только Левъ Станиславовичъ собрался съ ду

— Я пришелъ... пришелъ...

— Я васъ слушаю.

— Я пришелъ... мнѣ такъ больно... тогда я имѣлъ
признаюсь... вы имѣли право.

— Очень вамъ обязанъ за признаніе этого права
явились ко мнѣ извиниться, вѣрно, за свой дрянной
ступокъ?

Смецкій вспыхнулъ и только перевелъ плечами.
ему было холодно.

— Вы пришли, вѣроятно, просить меня, чтобы я
лишалъ васъ своего покровительства?

— О, что̀ касается до этого, вскочилъ тотъ: — я в
шемъ покровительствѣ, баронъ, не нуждаюсь.

— Да... но вы въ немъ нуждались и пользовались
до сихъ поръ... а между тѣмъ я еще отъ васъ не слы
ни одного слова признательности...

— Вы знаете, я не искалъ вашихъ благодѣяній. Я
здѣсь узналъ о нихъ.

— Да?.. недовѣрчиво протянулъ баронъ.

— Я только здѣсь узналъ о нихъ... Все, что̀ вы на
истратили, будетъ вамъ возвращено...

— О, это прекрасно... разумѣется, долги слѣдуетъ платить... хоть бы на словахъ только... и то утѣшительно...

— Нѣтъ... изъ первыхъ же моихъ заработковъ я начну эту уплату. Скажите мнѣ, сколько вы потратили на меня?..

Фрейгенъ насмѣшливо улыбнулся.

— Отлично!.. А сколько на васъ пошло денегъ — я, право, не знаю. Я въ мелочи не вхожу... Обратитесь въ мою контору... тамъ записано все...

— Я даже верну вамъ все израсходованное вами на мою мать.

Фрейгенъ покраснѣлъ и всталъ. Всталъ и Смецкій.

— Довольно-съ... за себя вы можете говорить сколько угодно; что касается до вашей матери, то у насъ съ нею свои счеты... и свои отношенія... вспышка какого нибудь сумасшедшаго мальчугана не можетъ повліять на нихъ... Я только не буду у Эмиліи Карловны до тѣхъ поръ, пока вы гостите у нея...

— О, что касается до этого... я уѣзжаю на дняхъ.

— Счастливой дороги... Баронъ прошелся по кабинету.— Я сегодня получилъ письмо отъ вашего отца.

Смецкій почувствовалъ опять приступъ невыразимаго отчаянія.

— Онъ почему-то особенно распространяется о вашемъ родѣ, о вашихъ предкахъ... очень васъ хвалитъ... прекрасная рекомендація! Въ заключеніе онъ проситъ меня, помимо вашей мама и безъ ея вѣдома, послать ему денегъ...

— Только этого недоставало!..

— Я ему послалъ... Когда богатъ, приходится содержать не только женщину, но и ея семью... До свиданья! И, закончивъ этимъ оскорбленіемъ, онъ, мягко переступая по ковру, исчезъ въ дверяхъ своего кабинета.

Смецкій вышелъ.

»Броситься въ море, застрѣлиться... только жить нельзя... нѣтъ, такъ жить нельзя... нельзя... сегодня же... сегодня же. А мать?« пронеслось въ его памяти: — »а мать?.. О, что

[illegible]

[illegible] надѣнетъ трауръ... трау[illegible]
[illegible] тогда на нее все здѣ[illegible]
[illegible] я житья не станетъ...
[illegible] какъ въ Петербургѣ.
[illegible] какъ будто мож[illegible]
— [illegible] же я достан[illegible]
[illegible] до Москвы.
— [illegible] Я знаю, онъ [illegible]
[illegible] Онъ, пожалу[illegible]
[illegible] мнѣ [illegible]

[illegible] на бере[illegible]
[illegible]
[illegible] жизнь [illegible]
[illegible] безслѣдно [illegible]

[illegible]
[illegible] таинства му[illegible]

[illegible] по [illegible]
[illegible] жизни...
[illegible] отнеслись [illegible]
[illegible] замъ есть больш[illegible]

[illegible] слѣдующ[illegible]
[illegible] читая [illegible]
[illegible]
[illegible] просить.
[illegible] не стоитъ.
[illegible] попрошу [illegible]

[illegible] отвѣтилъ Раздоров[illegible]

— Умирайте — не дастъ...

— Какже мнѣ уѣхать отсюда?

— А Фрейгенъ на что? жидъ всегда скорѣе дастъ.

— Я съ нимъ поссорился.

— Эге... за мамашу... благородно, но глупо... не по вре-ни... Въ книгѣ »Монументъ христіанскаго братолюбія« ска-но: »мудрый ладью свою прицѣпляетъ къ могучему и ве-кому кораблю и ему въ пути слѣдуетъ...« Вотъ бы и вы лжны были прицѣпиться.

— Я въ безвыходномъ положеніи.

— Я вамъ говорю: умирайте — не дастъ... Выдумайте о нибудь.

— Т. е. какъ это?..

— Да-съ! Крутофоровъ, какъ и всѣ они, скучаетъ ашно; ему все надоѣло; потому чѣмъ такимъ новымъ изнь его потѣшитъ? Все, что̀ есть на свѣтѣ, онъ за свои илліоны покупалъ — ну и сдѣлалась у него душевная жога-съ! ото всего теперь его воротитъ... А вы выдумайте го нибудь новое, чего бы онъ не пробовалъ... Ну, тогда... ли вотъ тоже тщеславенъ онъ очень... съумѣйте... А вы ь Питеръ?

— Или въ Москву — служить надо.

— Совѣтую въ военную... Мы съ вашимъ батюшкой азъ въ Бердичевѣ жида вѣшали... и Поликей разомъ пере-елъ совершенно въ другой тонъ: — вотъ какія времена ыли!.. А теперь у Крутофорова въ барбоскахъ... »Пиль, оликей, кушъ, Поликей«... Идите въ гусары, только отъ что̀: цыганокъ не троньте... Я на цыганкахъ разо-ился... лучше ужъ француженокъ, какъ вашъ батюшка!.. французенокъ прификсъ есть, а у цыганокъ никакого рификса, и потому весь въ нихъ влетаешь.

— Такъ какже съ Крутофоровымъ, Поликей Савичъ?..

— Придумайте, говорю... летательную машину, что ли... или подводный буфетъ съ гувернантками...

— Какія вы глупости говорите!

— А то вотъ что: смахайте къ нему сами. Только обругайте его спервоначалу: его всегда надо обремизить, а потомъ милости у него просить... Только не дастъ... нѣтъ, не дастъ...

Поликей Савичъ ошибся.

Вечеромъ того же дня Левъ Станиславовичъ былъ у Крутофорова.

— Слыхалъ, слыхалъ... Поликей доложилъ мнѣ, какъ вы этого самаго барона по хвосту... А я спервоначалу, какъ вы это въ вагонѣ-то про капиталъ разсуждали, думалъ: »ну, съ этимъ парнишкой ухо дѣржи востро... укуситъ...« А вы вотъ какой пузырь вышли... скажите, пожалуйста... По вашему благородству вамъ одного недостаетъ.

— Чего?

— Милліонъ бы вамъ слѣдовало имѣть... Докладывалъ мнѣ Поликей, что вы въ деньгахъ теперь нуждаетесь... домой чтобы доѣхать. А у мамаши вашей нельзя?

— Я не хочу... нахмурился Левъ Станиславовичъ.

— Не хотите?.. И сумма пустячная... Мнѣ все равно, что плюнуть... Не люблю я только деньги давать, пустая ежели.

— Я отдамъ вамъ скоро.

— Вона!... нѣтъ, ужъ это вы оставьте... этакъ мнѣ часто отдавали во сняхъ... Нѣтъ, ужъ вы это будьте столь добры... а то я съ вами и разговаривать не стану... Насчетъ отдачи нынѣ... А вы вотъ что... Я вамъ денегъ дамъ — двѣ катеньки... а вы напослѣдокъ-то Фрейгена Жачка еще разъ облайте, да погорячѣе!

XVII

Станиславъ Александровичъ жилъ въ Москвѣ, на Большой Дмитровкѣ, въ такъ называемыхъ Ахалъ-Текинскихъ нумерахъ. Онъ переѣхалъ сюда недавно и такъ поразилъ ихъ хозяина — русскаго патріота изъ прусскихъ нѣмцевъ —

своимъ величіемъ, что тотъ позабылъ даже спросить у него плату впередъ за комнату. Вообще Старокрадъ-Смецкій, если что̀ и ненавидѣлъ на свѣтѣ искренно, такъ это глаголъ »платить« во всѣхъ его наклоненіяхъ и временахъ; онъ и съ прежней своей квартиры перебрался сюда только потому, что ея хозяйка, вооружась »уставомъ судопроизводства у мировыхъ судей«, рѣшилась во что бы то ни стало познакомить его съ этимъ глаголомъ, — но это оказалось свыше человѣческихъ силъ. Станиславъ Александровичъ, когда ему объявили объ этомъ, удивился и приказалъ позвать къ себѣ эту интересную особу.

— Вы, почтеннѣйшая, вы меня извините... но я долженъ сказать вамъ, что вы легкомысленная женщина, и только.

— Т. е. позвольте...

— Я, мадамъ, вамъ позволялъ слишкомъ много... вы меня съ какими-то пустѣйшими претензіями тревожили неоднократно... приставали, мѣшали мнѣ спокойно переваривать пищу, отравляли мнѣ существованіе...

— Это не пустыя претензіи, полковникъ, я живу этимъ.

— Ну и живите, развѣ я къ вамъ пристаю, развѣ я мѣшаю вамъ жить?..

— Но вы мнѣ должны за пять мѣсяцевъ...

— Что-жъ такое?..

— Какъ что̀... я должна получить эти деньги.

— Вы ихъ и получите... только я не понимаю... сами вы говорите, что должны и желаете получить деньги. Простите меня, мадамъ, но это нелогично... И потомъ какія деньги, что̀ такое деньги... Станиславъ Александровичъ произнесъ это столь удивленнымъ тономъ, точно онъ только сейчасъ узналъ о существованіи денегъ на свѣтѣ.

— Какъ что̀ такое? за вами 250 рублей.

— А развѣ я вамъ говорилъ, что они не за мною?

— Когда же вы ихъ отдадите?

— А вы, любезнѣйшая, желаете ихъ получить непремѣнно?

— Да, разумѣется.

— Скажите, пожалуйста!.. И онъ взглянулъ на не еще бо́льшимъ удивленіемъ. — У васъ, мадамъ, прекра профиль... я удивляюсь, право, на нашихъ художниковъ за натурою шляются чортъ знаетъ по какимъ Италіям Да... Ну, вы ихъ и получите... непремѣнно получите.

— Когда же? съ отчаяніемъ приставала она.

— Когда! это глупо, мадамъ, спрашивать: развѣ я м знать? Еслибы я былъ банкъ, или какія еще тамъ быва финансовыя учрежденія... ну, напримѣръ, будь я мини финансовъ — я бы вамъ сказалъ когда... И какое нел слово *когда*! Можетъ быть, завтра; съѣзжу въ контору м друга барона Фрейгена... и заплачу вамъ ваши пу 250... Я, сударыня, два милліона проѣлъ, а вы прист ко мнѣ изъ-за нѣсколькихъ рублей!..

— Да вѣдь мнѣ надо платить хозяину...

— И платите... развѣ я вамъ говорилъ, чтобы вы платили?.. вѣдь, надѣюсь, я вамъ не запрещалъ плат Хотите платить — это ваше дѣло, а не мое; что же ко мнѣ пристаете?..

— Да, но вѣдь я именно вашими деньгами хо произвести уплату.

— Какъ это моими? Pardon, madame, я васъ не п нимаю. Вы свои долги хотите платить изъ моего к мана... очень вамъ благодаренъ, но я на это никакъ могу согласиться. Съ какой стати, помилуйте... я ваши дѣла не мѣшаюсь — пожалуйста, и вы не мѣш тесь въ мои.

Результатомъ столь странныхъ переговоровъ было то Станиславъ Александровичъ переѣхалъ въ Ахалъ-Текин нумера. Размѣстившись въ двухъ комнатахъ, онъ призва къ себѣ хозяина.

— Вы, почтеннѣйшій, имѣли дѣло съ порядочны людьми?..

— О ja... У меня издѣсь со первокласный господа жив

— Очень радъ... слѣдовательно, вы понимаете... Старайтесь же... У васъ лакеи не пахнутъ?

— Чево?..

— Ваши лакеи... ну тамъ моются, что ли... А то дайте имъ за мой счетъ одеколону... Я свинства не люблю... Кто у васъ рядомъ?

— Одинъ Fräulein... mit... Aber онъ обѣщалъ на ней жениться...

— Ну, это мнѣ все равно... И есть хорошенькія у васъ? Вы имъ скажите, что я полковникъ... что я всегда готовъ... помочь тамъ, что ли...

Собственно говоря, Ахалъ-Текинскіе нумера были сплошь заселены дѣвицами неопредѣленныхъ профессій; у нихъ обыкновенно оказывались знакомые, которые обѣщали на нихъ жениться, что̀ не мѣшало быть и такимъ, которые вовсе этого не обѣщали. По вечерамъ въ разныхъ углахъ коридора слышался визгъ и крики: »ахъ оставьте, если вы честный человѣкъ«; изъ комнатъ доносились унылые звуки разбитыхъ фортепіанъ, и часто въ отворявшихся дверяхъ показывались необыкновенно бравые офицеры и орали въ пространство: — »человѣкъ, а человѣкъ!«

— Чего-съ?.. звучало не то съ небесъ, не то изъ преисподней.

— Сколько разъ мнѣ тебѣ, болвану, приказывать пива подать.

— Сей-минуту-съ.

— Скотина!.. Такъ вы, мадамъ, говорите, что вы собственно капитанская дочь...

— Да, мы благородные.

— Очень пріятно-съ: съ благородными всегда дѣла имѣть пріятнѣе... Что-жъ этотъ капитанъ — кавалеристъ былъ?

— Какже... папаша завсегда верхомъ на лошади и при саблѣ... Имъ сабля по ихъ чину съ боку, какъ у васъ, полагалась.

Жила тутъ необыкновенно тощаго и голоднаго вида гу-

вернантка, которая къ вечеру обыкновенно напива плакала чего-то. Лакеи ее сожалѣли: — »сколь учены могутъ харахтеру своего сдержать. Образованныя вдругъ сейчасъ — »Ефимъ, дайте мнѣ водки, или я Мнѣ что-же-съ!.. Лопайте, если вамъ угодно... Я об исполнять приказанія жильцовъ. Мнѣ все равно... »Вы Ефимъ, въ рукавѣ принесите, чтобы не видно было... все одно, хошь и въ рукавѣ...«

Зато днемъ здѣсь стояла тишина ненарушимая. отдыхали, и только Станиславъ Александровичъ безп лакеевъ необыкновенными, на ихъ взглядъ, притязан

— Человѣкъ... сколько разъ тебя, братецъ, звать

— Я тутъ-съ въ 13-мъ нумерѣ убиралъ.

— Какое мнѣ, другъ мой, до 13-го нумера д живу въ 7-мъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну такъ причемъ же тутъ 13-й?.. Нельзя, лю надо соображать, о чемъ говоришь... Откуда это воняетъ?

— Не могу знать.

— Да ты слышишь?

Лакей крутилъ носомъ. — Никакъ нѣтъ-съ...

— Что же ты скажешь... розами здѣсь пахнетъ, ч вѣдь розами не пахнетъ... Или, можетъ быть, опопон

— Ежели изъ сосѣдняго нумера... такъ сюда в дитъ... Барышня тамъ живетъ. Онѣ завсегда днемъ к номъ голову мажутъ.

— Чего?

— Карасиномъ для приращенія волосъ.

— А развѣ керосинъ помогаетъ?

— Не могу знать.

— Дуракъ... Вели хозяину покурить у меня...

Хозяинъ являлся, тоже крутилъ носомъ и курилъ никакого запаху не слышалъ. По вечерамъ Станисла ксандровичъ ходилъ въ клубъ, гдѣ всѣхъ поражалъ

ими манерами и меланхолическимъ видомъ; домой онъ воз-
ращался очень поздно. Когда давали балетъ, онъ сидѣлъ и
палъ въ балетѣ... Разъ въ недѣлю онъ тщательно запи-
лся и красилъ себѣ волосы...

Въ одно сырое утро Станиславъ Александровичъ полу-
илъ совершенно неожиданно телеграмму отъ сына: »Завтра
уду въ Москвѣ, приготовь мнѣ комнату«. Староградъ-Смецкій
пустилъ ноги съ постели и заморгалъ глазами... Что это
огло значить? Онъ, впрочемъ, тотчасъ же рѣшилъ это
о своему. Позвонилъ. — Послать мнѣ хозяина!.. Хозяинъ
вился.

— Послушайте... у васъ есть роскошное помѣщеніе...
у, понимаете, блестящее... для молодаго человѣка хоро-
ей фамиліи и съ большими средствами?

— Для одинъ человѣкъ и mit Familien... нѣтъ... для
динъ человѣкъ есть...

— Я вамъ про одного и говорю... мой сынъ ѣдетъ сюда...
ы слышали про барона Фрейгена?..

— O ja!.. вдругъ восторженно залепеталъ хозяинъ: —
слыхалъ, какже...

— Ну, такъ онъ, мой сынъ, женится на его дочери...
онимаете? беретъ пять милліоновъ въ приданое... Онъ ѣдетъ
юда получить отъ меня благословеніе... понимаете?.. Это по
ашему русскому закону слѣдуетъ такъ... Поэтому, пожа-
уйста, чтобы все было въ порядкѣ...

Станиславъ Александровичъ столько наболталъ объ этомъ
ъ Ахалъ-Текинскихъ нумерахъ, что, когда онъ пріѣхалъ
мѣстѣ съ сыномъ съ вокзала желѣзной дороги — его вы-
ѣжали встрѣчать въ коридоръ. Даже дѣвица съ керосино-
ой головой показалась въ дверяхъ и сочла нужнымъ сдѣ-
ать книксенъ будущему милліонеру.

— Ну, значитъ, все кончено? спросилъ Льва отецъ.

— Все...

— Обними и поцѣлуй меня.

— Я не думаю, что ты будешь доволенъ этимъ.

— Какъ!.. я же самъ писалъ тебѣ. Скажите, пожалуй
береть милліоны и воображаетъ, что я стану плакать!

— Какіе милліоны?

— Притворяйся... за нею ихъ пять.

— За кѣмъ?

— За Софьей Жаковной.

— Какой Жаковной, папа?.. Ты, значитъ, ничег
понялъ.

— Ну, не Жаковной, такъ Яковлевной...

— Папа, я поссорился совсѣмъ съ ними...

Отецъ отъ неожиданности сѣлъ на стулъ и вдругъ
того, ни съ сего спросилъ: — ты гдѣ покупаешь галсту
Потомъ также вдругъ пришелъ въ себя. — А свадьба?

— Никакой свадьбы не предполагалось.

— Значитъ, ты не съумѣлъ того... воспользовать
Дѣвицы вообще...

— Оставь это... все это фантазіи. На меня съ
Фрейгенъ смотритъ, какъ на лакеевъ, а дочь его —
на мерзавцевъ.

Станиславъ Александровичъ похлопалъ глазами.

— Однако онъ мнѣ перевелъ вчера 500 руб.

— Да вѣдь и лакеямъ, папа, даютъ на чай.

— Но твоя мать, а моя жена Эмилія... развѣ он
могла воспользоваться своимъ вліяніемъ и устроить
Родъ Старокрадъ-Смецкихъ...

— Забудь объ этомъ... мама — несчастнѣйшая
женщинъ.

— Надѣюсь, онъ не бьетъ ее! вдругъ перешелъ въ
гой тонъ Старокрадъ-Смецкій. — Положимъ, онъ грубъ
вотное, но твоя мать, а моя жена Эмилія...

— Хуже, чѣмъ бьетъ... онъ афишируетъ связь съ
Онъ оскорблялъ ее... Онъ даже не стѣснялся при мнѣ

— Однако онъ перевелъ мнѣ вчера 500!

— Это было сдѣлано, чтобы еще больше унизить м

— Ты знаешь что? вдругъ задумался Станиславъ

андровичъ: — я вообще прихожу къ убѣжденію, что люди благодарны... Сколько я сдѣлалъ для тебя, а ты даже е могъ жениться на Софи Жаковнѣ.

— Что же ты сдѣлалъ для меня, папа?

— Однако... вѣдь я отецъ твой... тебѣ предстоялъ слуай отблагодарить меня...

— За что?

Тотъ похлопалъ глазами...

— Кто тебѣ шьетъ платье? теперь панталоны носятъ иструбомъ и въ клѣтку. Я тебѣ порекомендую своего портаго: онъ беретъ дорого, но шьетъ хорошо. И притомъ я му обѣщалъ свое покровительство... Такъ ты дѣйствительно е женишься на Софи Жаковнѣ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же ты тогда пріѣхалъ сюда?.. напрасно было зпокоить меня... Впрочемъ, если хочешь, я на всякій слуай могу благословить тебя; можетъ быть, она еще передуаетъ... У дѣвицъ вѣдь бываютъ разныя фантазіи. Я только е помню, нужно приглашать поповъ или нѣтъ?.. и потомъ на умагѣ или безъ бумаги?..

— Ахъ, отецъ, отецъ!

— Ну да, разумѣется... я всегда считалъ тебя неблагорнымъ... Кстати, ты убѣдилъ твою мать, а мою жену Эмию, посылать мнѣ больше? Вѣдь я не хамъ какой нибудь, гобы на 3.000 существовать...

— Нѣтъ, не убѣдилъ... и не стану... До свиданья, папа... пойду къ себѣ.

— И не женится, и не убѣдилъ... неугодно ли послѣго въ мукахъ рождать дѣтей! горестно воскликнулъ вслѣдъ му Станиславъ Александровичъ. Онъ еще нѣсколько времени росидѣлъ въ креслѣ, меланхолически покачивая головой. — днако баронъ вѣдь прислалъ же мнѣ свадебный подарокъ!

Подачка, которую ему швырнулъ Фрейгенъ, вдругъ выросла въ его воображеніи до размѣровъ брачнаго сюрприза, оторый почему-то онъ долженъ былъ получить.

— Разумѣется, Лева ничего не понимаетъ — гдѣ ему они, очевидно, имѣютъ на него виды. Его мать, а моя пруга Эмилія, хоть и скупая, но умная женщина п. р мѣется, не выпуститъ изъ рукъ Софи Жаковну...

И, вдохновясь этимъ соображеніемъ, онъ вдругъ сѣлъ столу и написалъ телеграмму, которую мы точно перев здѣсь по русски:

»Ницца, барону Жаку Фрейгену. Поздравляю. б дарю. Благословляю издали. Сынъ пріѣхалъ, ждетъ с стій; сердце его полно признательности и любви къ м особѣ«.

— Кажется, достаточно скромно и таинственно. Те его матери, а моей супругѣ:

»Ницца, Эмиліи Карловнѣ Староградъ-Смецкой. П разрѣшенія пріѣхать на семейное торжество. Пере 1.000 рублей на дорогу. Жду нетерпѣливо. Цѣлую заочно и благословляю«.

Вас. Немировичъ-Данченко

Продолженіе будетъ

* * *

Душно. Нивы золотистыя
Усыпилъ недвижный зной.
Смолкли пташки голосистыя,
Притаясь въ глуши лѣсной.

Вонъ надъ балкою лѣсистою
Разметались хутора
И глядятся въ гладь сребристую
Обмелѣвшаго Днѣпра.

Подъ копной травы накошенной
Сномъ тревожнымъ жница спитъ;
Серпъ ея, на солнцѣ брошенный,
Какъ расплавленный, горитъ.

Вонъ, воюя съ тощей клячею,
Проѣзжаетъ малоросъ;
Пыли облако стоячее
Поднялося отъ колесъ...

И гремятъ же окаянныя!
Какъ потрескалась земля!...
Приходи, гроза желанная,
На родимыя поля...

А. Вербовъ

Двойное сознаніе въ здоровомъ состояніи

АЛЬФРЕДА БИНЕ

I

Я обнародовалъ недавно въ различныхъ журналахъ** зультатъ моихъ изслѣдованій по вопросу, весьма любопыт для психологіи, который я изучалъ на истеричныхъ субъекта Это — вопросъ о двойственности сознанія. Мнѣ казалось нымъ попытаться достигнуть аналогичныхъ результатовъ ектовъ нормальныхъ или приблизительно таковыхъ, такъ безъ сомнѣнія, нормальный типъ есть лишь идельное ставленіе. Можно съ увѣренностью сказать, что если удастся уловить у здороваго индивидуума даже самую чительную степень явленія двойственности, столь развит истерическихъ субъектовъ, то явится твердая основа для хологическаго изученія двойнаго сознанія, и каждый наб тель будетъ имѣть возможность провѣрить излагаемые фа Я производилъ мои опыты на пяти лицахъ, которыя был статочно любезны, чтобы подвергаться терпѣливо весьма должительнымъ, весьма мелочнымъ и весьма разнообразны опытамъ. Прежде чѣмъ привести полученные результаты, общу въ краткомъ видѣ опыты, сдѣланные мною первонача на истерическихъ субъектахъ.

Основаніемъ этихъ опытовъ служатъ движенія, какія м

---

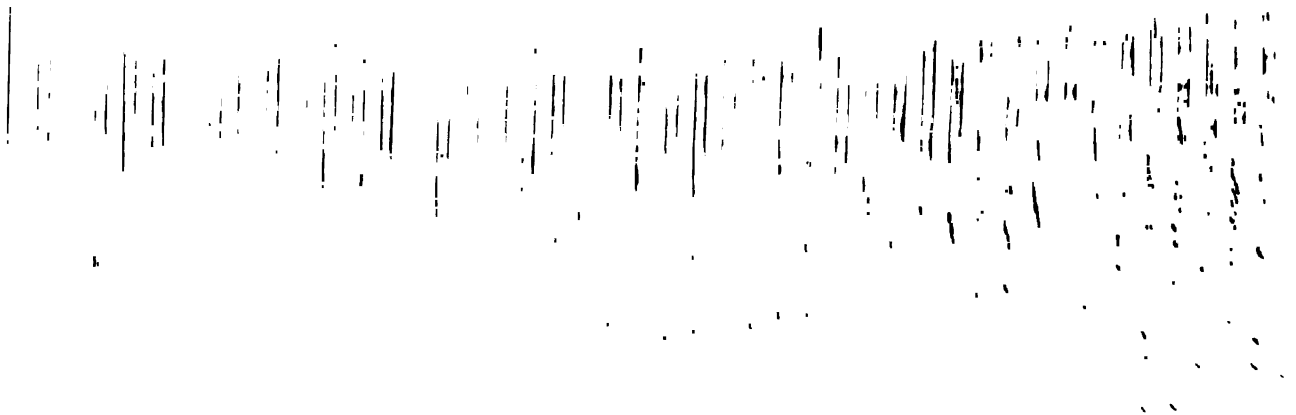
*) Мы заимствуемъ эту статью изъ англ. журнала „Mind“ (LVII 1890), какъ интересную по содержанію и характерную для фран школы экспериментальныхъ психологовъ, представителями которой ются Бонн, Фере, Бине и Рише. Ре

**) „Recherches sur la Physiologie des Mouvements chez les H ques“, en collaboration avec M. Féré, *Archives de Physiologie*, Oct. „Recherches sur les Altérations de la Conscience chez les Hysteriques *ue Philosophique*. Fevrier, 1889; „Note sur l'Anesthesie histérique *es Rendus de l'Académie des Sciences*. Janv. 1889; также въ „R *de la Société de Biologie*“ и въ „*The Open Court*“.

быть вызваны въ нечувствительной части тѣла истеричнаго субъекта безъ вѣдѣнія самого субъекта. Рискуя впасть въ гипотезы, я предложу въ общемъ видѣ теорію этихъ явленій, надѣясь, что это будетъ яснѣе простаго изложенія фактовъ. По моему мнѣнію, дѣло происходитъ у нечувствительнаго истерическаго субъекта такъ, какъ будто существуетъ особая группа состояній сознанія, находящихся въ особомъ соотношеніи съ нечувствительными областями тѣла. Этотъ особый умственный синтезъ вполнѣ отличенъ отъ общаго синтеза, составляющаго личность субъекта: онъ образуетъ какъ бы меньшую личность наряду съ бо́льшей, незнающей о ней — второе „я“ наряду съ первымъ. Эта меньшая личность получаетъ осязательныя, мускульныя и др. впечатлѣнія, безболѣзненныя и болѣзненныя, исходящія изъ нечувствительныхъ областей; она можетъ замѣчать эти впечатлѣнія и въ силу ихъ исполнять подходящія движенія; она можетъ также отвѣчать подходящими движеніями на идеи, принадлежащія первой или главной личности, и такимъ образомъ служить для невольнаго выраженія этихъ идей; наконецъ, она можетъ, въ свою очередь, возбуждать идеи въ сферѣ главной личности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, столь различныхъ между собою, второстепенный синтезъ остается отдѣльнымъ и неравносильнымъ, и господствующее „я“ субъекта не имѣетъ никакого сознанія о немъ. Это и есть двойное сознаніе или одновременное существованіе двухъ сознательныхъ мыслей, незнающихъ другъ о другѣ *).

Теперь я резюмирую факты, которые могутъ служить опорой только что изложенной теоріи. Всѣ эти факты наблюдались подъ одинаковыми условіями, а именно: субъектъ опыта былъ всегда истерическій паціентъ, представляющій полную нечувствительность какой либо части тѣла, напр., руки или ноги, и далѣе: нечувствительная часть была устранена изъ поля его зрѣнія съ помощью экрана такимъ образомъ, что во время опыта субъекту не были доступны ни ея ощущенія, ни ея движенія. Когда истерическій субъектъ представляетъ такую нечувствительность, во многихъ, хотя и не во всѣхъ, случаяхъ было замѣчено, что рефлективныя дѣйствія и движенія, вызывавшіяся въ нечувствительномъ членѣ, были увеличены въ сравненіи съ тѣми, какія происходятъ въ членахъ, сохраняющихъ свою чувствительность. Если извѣстный предметъ, напр., ножницы или карандашъ, помѣщается между пальцами нечувствительной руки, пальцы и рука совершаютъ актъ приспособленія, соотвѣтствующій природѣ предмета; такъ напр., если каран-

*) Не приводя исторію этого вопроса, я упомяну только, что его изучали во Франціи Пьеръ Жане, а въ Англіи — Герней и Майерсъ. *Авт.*



это главные факты, какіе я имѣлъ случай наблюдать въ изованіяхъ, продолжавшихся многіе годы. Они указываютъ, я говорилъ, на существованіе у истерическихъ субъектовъ ь центровъ дѣятельности, которые могутъ оставаться вполнѣ ельными. Многія подробности опыта, а именно послѣднее юденіе, которое мы только что привели, свидѣтельствуютъ, обѣ эти дѣятельности могутъ быть сознательными, и что, овательно, у истерическихъ субъектовъ могутъ быть два временныхъ и различныхъ сознанія.

Можно ли сказать то же самое о неистерическихъ субъек-ъ? Настоящая статья представляетъ попытку отвѣта на ъ вопросъ.

II

Особы, надъ которыми я производилъ мои опыты, были двѣ ы пятидесяти лѣтъ, одна тридцати и двѣ по двадцати пяти ъ. Одна изъ первыхъ двухъ страдаетъ атаксіей, третья ьма анемична; въ остальномъ всѣ онѣ пользуются хорошимъ ровьемъ. Онѣ обладаютъ незначительнымъ умственнымъ разіемъ, вовсе не понимаютъ цѣли этихъ опытовъ и тѣмъ ме-е что либо знаютъ объ изслѣдованіяхъ двойнаго сознанія и п. Мои сеансы съ каждою изъ нихъ происходили въ средмъ по шести разъ въ продолженіе трехъ четвертей часа. Явнія становились постепенно все болѣе и болѣе замѣтными, и, зъ сомнѣнія, ихъ отчетливость усилилась бы, еслибы опыты ли продолжены. Въ послѣднее время я обратилъ вниманіе на просъ — насколько у чувствительныхъ особъ можетъ съужиться поле сознанія, т. е. насколько ихъ можетъ затруднить новременное занятіе различными предметами *). Я полагаю, го относительно моихъ субъектовъ, представляющихъ наибоѣе развитое автоматическое явленіе, объ этомъ вопроса быть е можетъ; дѣйствительно, они могутъ дѣлать въ одно и то же ремя весьма сложныя вещи, напр., складывать цифры въ умѣ нажимать послѣдовательно отъ пяти до шести разъ каучуовую трубку, соединенную съ регистрирующимъ аппаратомъ. Ниже я вернусь къ этому вопросу.

Прежде всего я долженъ сказать нѣсколько словъ объ избранныхъ мною условіяхъ опыта. Когда опыты производятся на истерическомъ субъектѣ съ нечувствительными членами, послѣдніе сравнительно легко поддаются раздраженіямъ, о которыхъ субъектъ не имѣетъ никакого сознанія. Если у субъекта отсутствіемъ чувствительности обладаетъ, напр., рука, она помѣ-

*) Pierre Janet, „L'Automatisme psychologique", p. 456.

щается позади экрана, кожа раздражается такъ, что субъект не замѣчаетъ раздраженія, и кисть руки и самая рука совершаютъ движенія, иногда весьма интеллигентныя, въ отвѣтъ на раздраженія, помимо сознанія субъекта, что̀ можетъ служить доказательствомъ существованія у субъекта второго сознанія.

Но когда субъектъ опыта вовсе лишенъ такой нечувствительности, методъ долженъ быть измѣненъ. Если прикасаются къ его рукѣ, помѣщенной позади экрана, онъ чувствуетъ прикосновеніе и отвѣчаетъ на это ощущеніе также сознательнымъ движеніемъ; двойнаго сознанія здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Чтобы вызвать послѣднее, необходимо, чтобы субъектъ былъ нечувствителенъ къ раздраженіямъ, которымъ подвергаются его члены; съ этою цѣлью его надо развлечь, занявъ чѣмъ нибудь другимъ, какъ ясно показалъ Пьеръ Жане, разсѣяніе есть преходящая анестезія.

Поэтому я просилъ моихъ субъектовъ, — которымъ, конечно давалось никакого объясненія относительно того, что̀ должно было происходить, — садиться передъ столомъ и протягивать мнѣ правыя руки, между тѣмъ какъ я давалъ имъ какое нибудь интересное чтеніе. Въ этихъ условіяхъ прежде всего обнаруживался фактъ, который и самъ по себѣ достоинъ вниманія: если рука одного изъ моихъ субъектовъ испытывала уколы между тѣмъ какъ субъектъ былъ углубленъ въ чтеніе, ощущеніе замѣчалось не такъ ясно, какъ въ томъ случаѣ, когда субъектъ, не видя своей руки, былъ извѣщаемъ, что она подвергнется уколу, и не былъ подготовленъ къ этому ощущенію: такъ разстояніе между двумя ножками циркуля, необходимое для того, чтобы чувствовать ихъ обѣ, было вдвое болѣе въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ анестезію или нечувствительность вслѣдствіе разстоянія; она слаба и преходяща, но всетаки существуетъ.

Я могъ усилить ее посредствомъ слѣдующей уловки. Вызывая различныя движенія въ членѣ, подвергавшемся опыту, я просилъ субъекта не дѣлать никакихъ движеній, напр. оставить свою руку совершенно неподвижной и свободной, а въ то же время заставлялъ его вѣрить, что я, слегка надавливая на карандашъ или на руку, заставлялъ послѣднюю двигаться. Благодаря этому легкому обману, субъектъ не обращалъ вниманія на незначительныя движенія руки и приписывалъ ихъ экспериментатору. Очевидно, эти (весьма тонкія) психологическія условія должны измѣняться для каждаго субъекта; но теперь мы не будемъ останавливаться на этихъ измѣненіяхъ.

III

Одинъ изъ опытовъ, казавшійся мнѣ особенно легко исполнимымъ, было повтореніе пассивныхъ движеній. Въ руку субъекта, внимательно читавшаго газету, вкладывался карандашъ, и я заставлялъ руку дѣлать имъ какое нибудь однообразное движеніе, выбирая особенно легкое, напр. черченіе штриховъ, зигзаговъ или маленькихъ кружковъ. Сообщивъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ эти движенія рукѣ, я очень осторожно оставлялъ ее; рука нѣкоторое время продолжала эти движенія. Послѣ трехъ или четырехъ опытовъ повтореніе движенія становилось еще болѣе удачнымъ, а въ случаѣ съ дѣвицею Ж. на четвертомъ сеансѣ повтореніе уже было такъ замѣтно, что рука начертила безостановочно 80 зигзаговъ.

Наблюдатель долженъ выбрать для каждаго субъекта самый легкій видъ движенія. Я признаю, вообще, самыми легкими тѣ движенія, которыя могутъ производиться безъ перерывовъ.

Въ первыхъ опытахъ, когда рука была съ успѣхомъ пріучена къ повторенію извѣстнаго рода движеній, напр. зигзаговъ, у нея является склонность возвращаться къ этого рода движенію. Если ее заставляли чертить цифру 1 сто разъ и затѣмъ предоставляли ее самой себѣ, характеръ цифры быстро мѣнялся и превращался въ зигзаги.

Когда какой либо родъ движенія повторялся съ успѣхомъ, онъ могъ воспроизводиться самостоятельно всякій разъ, какъ перо вкладывалось въ руку субъекта, и тотъ сосредоточивалъ свое вниманіе на чтеніи. Но если субъектъ думалъ о своей рукѣ, движеніе останавливалось.

Я выбиралъ графическія движенія, такъ какъ они достаточно тонки, чтобы воспроизводиться, не возбуждая вниманія субъекта, между тѣмъ какъ движенія сгибанія или вытягиванія, производимыя надъ пальцами или сочлененіемъ, едва ли могли бы остаться незамѣченными въ началѣ опытовъ.

Тѣмъ не менѣе движенія сгибанія и вытягиванія также могутъ быть развиты, и я убѣждался, что легче вызвать полное автоматическое движеніе кисти руки въ сочлененіи, чѣмъ отдѣльное движеніе сгибанія одного изъ пальцевъ.

Когда эти повторительныя движенія становятся вполнѣ замѣтными, они могутъ обобщаться и повторяться въ другомъ членѣ.

Второе наблюденіе относится къ тому вліянію, какое оказываетъ на руки экспериментируемаго субъекта прикосновеніе экспериментатора. Съ помощью легкаго давленія я могъ заставлять руку двигаться послушно во всѣхъ направленіяхъ

вмѣстѣ съ перомъ. Это не простой механическій толчокъ, такъ какъ достаточно очень слабаго и очень короткаго прикосновенія, чтобы вызвать весьма продолжительное движеніе руки. Я полагаю, это явленіе можно сблизить съ зачаточнымъ внушеніемъ съ помощью чувства осязанія. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ видѣть руку субъекта — вполнѣ бодрствующаго и думающаго, что онъ вполнѣ обладаетъ собою — безусловно повинующеюся приказаніямъ экспериментатора. Въ этихъ условіяхъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ дѣло съ частной гипнотизаціей.

Иногда случается, что субъектъ воспринимаетъ эти движенія, но это воспріятіе далеко не такъ ясно, какъ въ нормальномъ состояніи. Вы можете увѣриться въ томъ, попросивъ субъекта описать съ точностью движеніе, какое его заставляли производить.

IV

Необходимое условіе для полученія предыдущихъ реакцій заключается въ томъ, чтобы вниманіе не было обращено на руку и на все, что происходитъ съ нею. Насколько возможно, я осуществилъ это условіе, обращая вниманіе субъекта на нѣчто иное, а именно на чтеніе, которое представляетъ умственное дѣйствіе, не имѣющее ничего общаго съ раздраженіями, производящими движенія руки. Благодаря этой уловкѣ, раздраженія, какъ, напр., прикосновеніе экспериментатора или вызванныя пассивныя движенія, оказывали полное дѣйствіе на психомоторные центры руки, причемъ вниманіе и воля субъекта своимъ вмѣшательствомъ не измѣняли реакціи.

Любопытно, что подобный же результатъ можетъ быть достигнутъ противоположными средствами. Вмѣсто того чтобы отвлекать вниманіе субъекта чѣмъ либо инымъ, его можно сосредоточить на особомъ возбужденіи, которое приведетъ въ дѣйствіе психомоторный механизмъ руки.

Слѣдующій примѣръ ясно покажетъ, чего мнѣ удалось достигнуть. Поставьте метрономъ передъ субъектомъ и приведите инструментъ въ дѣйствіе. Пусть субъектъ прислушивается съ величайшимъ вниманіемъ къ рѣзкому звуку метронома и въ то же время держитъ въ рукѣ перо. Весьма скоро вы можете пріучить руку субъекта чертить перомъ маленькіе штрихи, слѣдующіе за ритмомъ метронома. Нѣкоторыя лица дѣлаютъ это даже самостоятельно.

Въ этомъ опытѣ достаточно для субъекта прислушиваться со вниманіемъ къ звуку, для того чтобы не замѣчать движеній, происходящихъ въ рукѣ, вслѣдствіе акустическаго возбужденія. Тѣмъ не менѣе, возбужденіе и движеніе представляютъ при-

чину и слѣдствіе. Это два элемента того же психомоторнаго процесса, и можно предположить a priori, что вниманіе, устремленное на одинъ изъ этихъ элементовъ, естественно распространится и на тѣ, какіе связаны съ нимъ.

Возбужденіе движенія руки можетъ быть вызвано не только внѣшними ощущеніями, но также идеями, сильно занимающими умъ субъекта. Если субъектъ усиленно думаетъ о какомъ либо имени или числѣ, держа въ рукѣ перо, и если самъ экспериментаторъ держитъ руку субъекта, случается довольно часто, что рука выполняетъ движенія, достаточно ясныя для экспериментатора, чтобы угадать мысль субъекта. Это — явленіе автоматическаго письма, которое было подробно изучаемо въ послѣдніе годы. Я къ этимъ результатамъ ничего не имѣю прибавить, кромѣ замѣчанія, что сосредоточенія мысли на какомъ либо числѣ достаточно для того, чтобы произвести состояніе отвлеченія отъ движенія руки, пишущей это число.

Опытъ съ метрономомъ даетъ случай для указанія дѣйствія вниманія на интенсивность ощущеній. Пока субъектъ слушаетъ удары метронома, ритмическія движенія руки продолжаются. Они становятся слабѣе и даже могутъ совершенно прекратиться, если субъекта просятъ не слушать болѣе, а думать о чемъ нибудь другомъ. Я сдѣлалъ это наблюденіе на истерическихъ субъектахъ и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; ритмическія движенія у истерическихъ субъектовъ такъ значительны въ нечувствительномъ членѣ, что они превращаются, когда субъектъ держитъ каучуковую трубку, въ надавливанія трубки. Вслѣдствіе того я имѣлъ возможность регистрировать эти движенія графическимъ методомъ, и полученные при этомъ штрихи указываютъ на существованіе значительнаго различія въ размѣрѣ сокращеній, смотря потому — прислушивается ли субъектъ со вниманіемъ къ звуку метронома или старается не слушать его.

Этотъ опытъ на истерическихъ особахъ, сопоставляемый съ только что описаннымъ опытомъ надъ здоровыми субъектами, доказываетъ, по моему мнѣнію, что въ насъ имѣется способность увеличенія интенсивности возбужденія, когда мы обращаемъ на него вниманіе. Вниманіе можно сравнить съ волей; въ дѣйствительности оно ничто иное, какъ воля, направленная на органы чувствъ и мыслительные процессы. Какъ съ помощью воли мы можемъ остановить движеніе или увеличить его энергію, точно также посредствомъ вниманія мы можемъ ослабить или усилить дѣйствіе периферическаго возбужденія. Я оставляю изученіе вниманія до другаго раза.

V

Моею цѣлью было только показать, что зачатокъ этих стояній двойнаго сознанія, какія я изучалъ сперва у истер ских, при нѣкоторомъ вниманіи могутъ быть найдены здоровыхъ субъектовъ. Этого результата уже можно было дать на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ ав тическимъ письмомъ, которыя дѣлались надъ неистерич субъектами. Автоматическое письмо есть фактъ, извѣстный лучше изъ этихъ фактовъ двойнаго сознанія, но мы зн что онъ не представляетъ собою единичнаго явленія. Онъ надлежитъ къ обширному классу явленій, къ которому сятся повтореніе сообщенныхъ движеній, внушеніе чрезъ косновеніе, нечувствительность вслѣдствіе отвлеченія и Всѣ эти явленія, сопоставленныя вмѣстѣ, освѣщаютъ друга и свидѣтельствуютъ о существованіи центра созн дѣйствующаго независимо отъ общаго центра. Какъ мн жется, мои опыты доказываютъ, что многіе, если не всѣ, мальные субъекты наклонны къ подобному разъединенію психомоторныхъ центровъ.

Безъ сомнѣнія, мои опыты были недостаточно сложны того, чтобы доказать, что психомоторные центры руки, рые я заставлялъ дѣйствовать независимо, связаны съ ос состояніями сознанія. Поэтому мнѣ не удалось доказать с ніе двойнаго сознанія у здоровыхъ субъектовъ съ такой ясностью, какъ у истерическихъ. Я установилъ только ствованіе первой ступени этого явленія.

Изъ пяти субъектовъ, спеціально изученныхъ мною, шелъ только одинъ (пятидесятилѣтнюю даму), которая, несм на повторные опыты, не обнаруживала ни автоматичес письма, ни внушенія чрезъ прикосновеніе, ни автоматиче повторенія движеній. Единственный фактъ, наблюдаемый у дамы, заключается въ томъ, что, когда она читаетъ, держ рукѣ перо въ положеніи, потребномъ для письма, ея п рука нечувствительно проводитъ перомъ прямую линію направо. Я долженъ прибавить, что она заявляетъ о своей способности продолжать чтеніе со вниманіемъ въ то время, опыты производятся надъ ея рукой; ея вниманіе, не смот всѣ усилія, съ любопытствомъ обращается къ ея рукѣ и слѣ за тѣмъ, что̀ съ тою происходитъ.

Другія четыре особы, подвергавшіяся моимъ опытамъ, руживали явленія двойнаго сознанія. У двухъ изъ нихъ явленія были зачаточныя; у двухъ другихъ они были в развиты. По ихъ собственному показанію, эти четыре суб

могутъ сосредоточивать свое вниманіе на чтеніи съ силою, достаточной для того, чтобы не чувствовать ничего, что происходитъ у нихъ съ рукой.

Мнѣ казалось, что это вниманіе было важнымъ условіемъ успѣха моихъ изслѣдованій. Соотвѣтственно этому я и сдѣлалъ слѣдующій опытъ на двухъ моихъ лучшихъ субъектахъ.

Я изучилъ сперва повтореніе пассивныхъ движеній въ то время, когда чтеніе занимало ихъ вниманіе. Повтореніе было весьма ясно развитымъ. Оно могло продолжаться болѣе минуты безъ вѣдома субъекта. Если, напр., карандашъ въ рукѣ былъ направленъ къ черченію зигзаговъ, рука сама по себѣ могла чертить ихъ болѣе ста.

Затѣмъ я попросилъ субъекта оставить чтеніе, закрыть глаза и подумать со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ о томъ, что происходило съ его рукою. Въ этихъ новыхъ условіяхъ повтореніе пассивныхъ движеній, повидимому, уменьшилось. Когда я попросилъ субъекта смотрѣть внимательно на его руку въ то время, когда ее заставляли чертить зигзаги, движеніе останавливалось, едва успѣвъ начаться. Остановка производилась здѣсь вниманіемъ субъекта, его волей, однимъ словомъ, всѣми элементами его личности.

И это еще не все. Я просилъ того же субъекта опять взяться за чтеніе и приступилъ вновь къ сообщенію движеній его рукѣ. Подъ вліяніемъ этого умственнаго отвлеченія повтореніе движенія возобновилось, но оно замѣчалось менѣе ясно, чѣмъ сперва. Опыты кое-чему научили субъекта, и весьма вѣроятно, что, несмотря на сосредоточеніе вниманія на чтеніи, онъ наблюдалъ за своей рукой и не давалъ развиваться движеніямъ.

Тогда я придумалъ опытъ, который освѣтилъ очень тонкій механизмъ этихъ психомоторныхъ реакцій: вмѣсто того чтобы занимать субъекта легкимъ чтеніемъ, я предложилъ ему сдѣлать длинное сложеніе и просилъ, чтобы онъ выполнилъ это безъ малѣйшей ошибки. Случилось то, что предвидѣлъ: повтореніе движеній, сообщенныхъ рукѣ, началось вновь съ отчетливостью и постоянствомъ, какими оно не обладало во время чтенія.

Этотъ опытъ далъ мнѣ ключъ къ той задачѣ, какую я пытался разрѣшить. Я полагаю, мой послѣдній результатъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: положеніе произвольнаго отвлеченія, происходящее въ субъектѣ, вслѣдствіе болѣе требовательнаго дѣйствія сложенія, не позволяетъ сознанію, вниманію и волѣ препятствовать движеніямъ руки.

Подобное заключеніе можетъ, пожалуй, съ перваго раза показаться читателю труизмомъ, и я былъ бы очень радъ, еслибы онъ нашелъ его только общимъ мѣстомъ; но я надѣюсь, что

при болѣе тщательномъ изслѣдованіи эти факты окажутся ... любопытными и значительными. Только что описанные ... состоятъ, въ сущности, въ произведеніи двухъ психофиз... ческихъ процессовъ, неимѣющихъ между собою ничего об... каковы чтеніе, съ одной стороны, и повтореніе движенія ... съ другой. У лицъ, подвергавшихся опыту, второй изъ ... процессовъ выполнялся лучше, когда былъ сопровождаем... вымъ. Автоматическія движенія руки были отчетливы ... тогда, когда субъектъ въ то же время былъ занятъ чтеніем... складываніемъ цифръ.

Все это непохоже на нашъ обыденный опытъ. Въ боль... ствѣ случаевъ умъ не можетъ производить одновремен... различныхъ дѣла безъ того, чтобы одно изъ нихъ, а ... оба, отъ того не страдали. Мнѣ удалось установить этотъ ф... наглядно въ опытахъ, какіе я производилъ нѣкоторое ... надъ сочетаніемъ состояній сознанія. Употребленный ... пріемъ, который я опишу подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, ... стоитъ въ томъ, что я заставлялъ кого нибудь нажимать ... мически каучуковую трубку во время чтенія, умственна... дыванія цифръ и т. п. Каучуковая трубка соединена с... стрирующимъ аппаратомъ, и давленіе руки выражается ... таніемъ линій, въ которыхъ могутъ быть замѣчены ма... неправильности. Это начертаніе часто оказывается непра... нымъ въ тѣхъ частяхъ, которыя совпадаютъ съ чтеніем... сложеніемъ, и неправильности тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ слож... труднѣе умственная работа, требуемая отъ субъекта.

Этотъ результатъ можетъ быть названъ обратнымъ и ... противорѣчивымъ тому, какой получился у меня при оп... надъ автоматическими движеніями. Чѣмъ болѣе субъек... влеченъ (чтеніемъ, умственнымъ счисленіемъ и т. п.), ... неправильнѣе становятся *волевыя* движенія руки, передава... каучуковой трубкѣ; и если отвлеченіе весьма напряжен... женія могутъ совершенно прекратиться. Наоборотъ, чѣмъ ... отвлеченъ субъектъ, тѣмъ правильнѣе и значительнѣе ... *тическія* движенія его руки. Контрастъ является вполнѣ ... зительнымъ.

Я нисколько не тороплюсь обобщать эти результа... свидѣтельствую только о томъ, что происходило съ ... субъектами.

Объясненіе различія, наблюдаемаго между условіями ... ваго движенія и движенія автоматическаго, тѣмъ не менѣе ... ставляется мнѣ сравнительно нетруднымъ. Когда какое-... лицо проситъ дѣлать двѣ вещи одновременно, напр... книгу и исполнять вмѣстѣ съ тѣмъ ручную работу, то ... зываются два двигательныхъ импульса, исходящихъ ...

же личности, изъ того же центра сознанія. Именно, если лицо обязывается дѣлать двѣ вещи одновременно, оно должно раздѣлять свое вниманіе и волю между двумя предметами. Это совмѣстное существованіе двухъ дѣйствій должно, очевидно, мѣшать совершенству каждаго изъ нихъ. Чѣмъ болѣе вниманія требуетъ каждое, вслѣдствіе своей сложности, тѣмъ болѣе должны пострадать оба отъ совмѣстнаго исполненія.

Наоборотъ, когда автоматическое дѣйствіе вызывается въ одномъ изъ членовъ посредствомъ извѣстной уловки, когда, напр., заставляютъ руку исполнять нѣкоторыя движенія безъ сознанія, тогда это не касается сознательной личности субъекта. Его сознательная личность, вмѣшиваясь въ опытъ, будетъ только мѣшать движенію. Мы избѣгаемъ этого препятствія, направляя вниманіе въ другую сторону, — и, если препятствіе отсутствуетъ, когда лицо чѣмъ нибудь отвлечено, это происходитъ по той же причинѣ, какая дѣлаетъ его неспособнымъ къ правильному волевому нажиманію трубки во время отвлеченія. Здѣсь мы встрѣчаемъ то, къ чему можетъ быть примѣнено удачное выраженіе Браунъ-Секара — *препятствіе причинъ препятствія.*

Я ожидаю дальнѣйшаго удобнаго случая, чтобы продолжать этотъ интересный рядъ изслѣдованій. Я оповѣщаю эти первые результаты только потому, что они касаются почти нормальныхъ субъектовъ, и потому еще, что каждый можетъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и терпѣніемъ провѣрить все сказанное мной. Быть можетъ, результаты будутъ различны для различныхъ лицъ.

ВОКРУГЪ МАЛОЙ АЗІИ

Изъ путешествія на востокъ *)

Берегъ за Александреттою изъ западнаго превращ въ южный, изъ финикійскаго — въ малоазійскій. Это нается *Караманія*, заключающая въ себѣ древнюю К кію и Памфилію. Она тянется отъ Александреттск зухи вплоть до Адамійскаго залива. Обширныя разва Помпеополиса, отлично видныя намъ съ парохода, ляютъ вполнѣ подходящее вступленіе въ эту страну погибшихъ царствъ. Городокъ Тарсусъ, родина ап Павла, тоже на этомъ берегу Караманіи, въ ближай сосѣдствѣ съ Александреттою.

Мерсину мы увидѣли только рано утромъ 18 мая. тонула въ зеленыхъ садахъ, надъ голубымъ моремъ. ненная снѣгами Тавра, залитая солнцемъ. Таврскій хр настолько удаленъ отъ берега, что не кажется отсюда сокимъ, только бѣлые снѣга, нетронутые даже майскимъ ромъ, краснорѣчиво говорятъ о его дѣйствительной вы

Мерсина, какъ и всякій прибрежный городъ Малой А выросъ изъ развалинъ. Все это новыя растенія, пробивш сквозь тлѣющіе трупы древней исторіи... Каменные ост Клевзы или Себасты, торчащіе около Мерсины, называ теперь Айашъ. Рядомъ съ ними на утесистомъ остров

*) См. 1889 г., т. II, № 11, стр. 508, № 12, стр. 596; № 16, стр. 396, и № 17, стр. 469.

а обрывистомъ мысѣ материка, отлично сохранившіяся раз-алины живописныхъ замковъ Korghos. При яркомъ блескѣ есенняго утра всѣ эти скалы и башни, въ упоръ освѣщен-ыя только что поднявшимся солнцемъ, цѣликомъ опроки-ывавшія свои отраженія въ затихшей глади моря, пред-авляютъ собою ни съ чѣмъ несравнимую картину. Весь ерегъ далеко кругомъ усѣянъ водопроводами, стѣнами, баш-ями, полонъ жизни. Дальнозоркая морская труба, черезъ оторую я теперь любуюсь на окрестности въ высоты ка-итанскаго мостика, слушая объясненія этого опытнаго мо-яка и совѣтуясь съ превосходными картами, на которыхъ бозначенъ каждый камушекъ, выдаетъ мнѣ всѣ тайны этого релестнаго и интереснаго побережья.

Пароходъ двигается такъ плавно и ровно по совершенно покойному морю, что о немъ совсѣмъ забываешь. А между ѣмъ картины, одна красивѣе другой, одна характернѣе ругой, смѣняются въ вашихъ глазахъ. Вонъ видно свер-ающее устье рѣки Каликадна, вонъ опять щетинятся на ереговыхъ холмахъ развалины древней Селевкіи... Мы те-ерь идемъ, не приставая къ берегу, не отдыхая, цѣлыхъ 2 часа сряду. Ни съ чѣмъ несравнимое чувство радости ытія наполняетъ человѣка, когда спокойно и безопасно, удто на крыльяхъ какой нибудь гигантской птицы, проно-ишься въ этомъ огромномъ пловучемъ домѣ, полномъ все-озможныхъ удобствъ, мимо прекраснѣйшихъ странъ міра, ъ чудные весенніе дни, свободный отъ всякихъ дѣлъ и за-отъ, какъ отучившійся ребенокъ въ праздникъ, и неспѣшно ерелистываешь восхищенными глазами одну за другою эти апоенныя южнымъ солнцемъ и дышащія поэтическими вос-оминаніями древности картины живаго альбома, вездѣ про-ожающія васъ. Мы созерцаемъ страну младенческихъ ле-ендъ и первобытныхъ историческихъ событій, нѣкогда по-лѣщавшую въ себѣ, среди этихъ гористыхъ мысовъ и го-убыхъ заливчиковъ, цѣлыя могучія царства; мы любуемся еперь тѣми же волнами, тѣмъ же небомъ, тѣми же горами

и берегами, что̀ видѣли нѣкогда Персей, Геркулесъ и Ахиллъ; ничто не измѣнилось въ нихъ въ теченіе тысячелѣтій, такая же вѣчная чарующая красота приковываетъ къ нимъ взоры человѣка, такая же вѣчная неразгаданная тайна покрываетъ ихъ... Если забыть, что насъ несетъ сила пара, то фантазія можетъ всецѣло представить себя въ обстановкѣ древнихъ вѣковъ, когда смѣлыя скорлупы первыхъ греческихъ и финикійскихъ мореплавателей разрѣзали эти голубыя волны.

Никакая ученая книга, никакое изображеніе художника не въ силахъ замѣнить человѣку этого живаго созерцанія исторической страны, этого невольнаго проникновенія ею всѣхъ чувствъ и мыслей человѣка. Изслѣдователь древности, желающій раскрывать другимъ характерныя особенности жизни и дѣяній исчезнувшаго народа, прежде всего обязанъ воочію узнать страну, служившую ему колыбелью, — иначе онъ самъ не пойметъ этого народа и не будетъ въ силахъ изобразить его другимъ. Необходимо дышать однимъ съ нимъ воздухомъ, необходимо быть окруженнымъ тѣми же самыми впечатлѣніями природы, чтобы сродниться съ его духомъ и вычитать въ немъ его завѣтныя тайны...

Между тѣмъ нашъ пароходъ людиѣетъ все больше и больше. Въ каждой пристани къ намъ пригоняютъ новую толпу рекрутъ, съ тою же простодушною беззаботностью объ ихъ пропитаніи и ихъ удобствахъ, съ какою пригоняли намъ въ Бейрутъ босоногихъ арабовъ. Но здѣшніе рекруты — уже совсѣмъ иной народъ. Начиная съ Александретты, появляются смуглые молодые красавцы строгаго греческаго типа, въ яркомъ и пестромъ турецкомъ одѣяніи, въ тюрбанахъ, живописно нагроможденныхъ на головѣ, въ расшитыхъ золотомъ граціозныхъ курточкахъ. У всякаго свой багажъ, тщательно уложенный, своя постель, своя посуда для ѣды. Они съ горделивымъ презрѣніемъ смотрятъ на ободранную и нечистоплотную арабскую сволочь, что̀ копошится и грызется въ тѣснотѣ своего трюма, какъ стая

загнанныхъ волковъ. Зажиточные и цивилизованные турки совсѣмъ отдѣлились отъ нихъ и сбились въ кучу по другую сторону паровой машины, стараясь не смѣшиваться съ ними ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ играхъ, ни въ молитвѣ. Но, несмотря на это, то и дѣло всцыхиваютъ ссоры и свалки между двумя враждебными становищами. Теперь малолюдное начальство этой правовѣрной арміи можетъ спать спокойно: взаимная ненависть арабовъ и турокъ даетъ имъ надежныхъ союзниковъ въ случаѣ серьезнаго мятежа одной изъ враждующихъ партій. Одинъ разъ дѣло чуть не дошло до мятежа. Грубые и жестокіе офицеры, деспотически распоряжавшіеся этимъ человѣческимъ табуномъ, довели до отчаянія голодныхъ дѣтей пустыни, не давая имъ ничего ѣсть чуть ли не въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Къ портамъ давно уже не приставали, и потому голая бѣднота не могла ничѣмъ раздобыться у торговцевъ, посѣщающихъ палубу парохода, а свое, что было, все давно погрызли. Глухой ревъ поднялся мало по малу на палубѣ, толпа волновалась, глаза сверкали, зубы злобно стискивались, руки энергически взмахивали... Какая-то бритая дочиня черномазая голова безъ ермолки и безъ чалмы, атлетическаго вида, съ свирѣпыми глазами, ораторствовала и жестикулировала отчаяннѣе всѣхъ. Оказалось, что это былъ староста арабскихъ рекрутъ, остроумно выбранный въ эту должность, какъ самый сильный и самый буйный изъ всѣхъ. Волненіе принимало такіе угрожающіе размѣры, что публика наша струхнула не на шутку и упрашивала капитана вооружить на всякій случай матросовъ... Полуголая загорѣлая стая проголодавшихся двуногихъ звѣрей дѣйствительно бросала на насъ снизу самые недвусмысленные взгляды и, будь ея воля, очевидно, распорядилась бы сейчасъ съ нами по своему... И вдругъ среди этой безчисленной ревущей толпы, заполонившей всю палубу парохода, появились двѣ низенькія коренастыя фигуры турецкихъ офицеровъ въ сѣрыхъ суконныхъ мундирахъ съ красными фесками, и впереди ихъ громадная мрач-

ная фигура пароходнаго кафеджи... »Ну, думалъ я, пр... вы теперь, голубчики... Двинутъ васъ сейчасъ — т... мокро отъ васъ будетъ...« Но произошло то, чего я ни... не ожидалъ: подъ гнѣвнымъ натискомъ суроваго начал... вся эта стая звѣрей вдругъ обратилась въ толпу пер... сившихъ школьниковъ. Богатырь-кафеджи безжалостн... лосовалъ ихъ направо и налѣво, ничего не разб... своей короткой и тяжелой плетью по глазамъ, носам... ушамъ... За нимъ неистово напирали двѣ горбоносыя ... стыя обезьяны въ офицерскихъ мундирахъ, безъ пром... безъ отдыха колотя палками по тѣснившимся кругом... ловамъ... Съ дикими воплями давили другъ друга, спа... отъ ударовъ, злосчастные арабскіе воины: одни прыг... падали со всего разбѣгу въ раскрытое отверстіе глуб... трюма, другіе лѣзли черезъ борты парохода и пов... надъ водою, уцѣпившись, какъ клещами, своими костля... пальцами за какой нибудь винтъ или веревку... М... кафеджи хваталъ тщедушныхъ кочевниковъ за шею и ... салъ ихъ, награждая въ догонку кулаками, въ ту же ... трюма, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, го... или бокомъ хватится несчастный тамъ внизу о дуб... полъ. Главною цѣлью этого дружнаго натиска начал... оказался атлетъ-староста, возмутившій своими рѣчам... ватагу. До него наконецъ пробились, и его схватил... трое разомъ... Толпа уже была разсѣяна, смирена и з... ловину ввергнута въ трюмъ. Началась жестокая расп... Громаднаго араба потащили къ кормѣ, за нашу рубк... скрутивъ ему руки назадъ корабельною веревкою, п... лись нещадно хлестать его въ двое рукъ по смуглой ... ленной спинѣ, сразу вспухшей, какъ богровая поду... крутыми веревочными жгутами... Мы всѣ съ ужасом... вернулись отъ этого зрѣлища и спаслись поскорѣе въ ка... чтобы не слыхать этихъ безжалостныхъ ударовъ и этог... убиваемаго звѣря...

А вечеромъ, смотримъ, простодушное звѣрье опять

было: опять, какъ ни въ чемъ не бывало, веселыя дѣтскія пѣсенки съ прихлопываньемъ ладошей, съ присѣданями и потѣшными гримасами, опять плясъ до умора на голодное брюхо.

Когда мы проснулись на другое утро, новой фантастическій пейзажъ рисовался чудными красками по фону зеленяго неба, какъ нѣжная миніатюра на слоновой кости. Высокія нѣжныя вершины горъ Чюраликъ обрамляли берега Адалійскаго залива. Хелидонскій мысъ и о-въ Хелидонія оканчиваютъ собою древнюю Памфилію, и за мысомъ начинается другая область древности — Ликія. Съ Памфиліей кончается и турецкая провинція Карамалія; Ликія уже принадлежитъ къ Анадоліи, куда входитъ все западное побережье Малоазійскаго полуострова.

Большой торговый городъ Адалія расположенъ въ самой глубинѣ Адалійскаго залива. Въ 3 дняхъ пути отъ него городъ Спарта, нѣкогда основанный спартанцами. Вся вообще окрестная страна и весь этотъ берегъ носятъ названіе Спарты. Это богатѣйшая и плодороднѣйшая страна, населенная храбрымъ, дѣятельнымъ и способнымъ племенемъ. Все это исконные греки, хотя уже говорятъ по турецки и молятся Магомету. Вообще все торговое средиземное побережье съ его драгоцѣнными бухтами и островками покоренные греки умѣли удержать за собою, хотя и цѣною полнаго своего отуреченія. Собственно турецкое населеніе вездѣ оттерто отъ моря и скучилось въ горахъ и долинахъ материка. Старая столица первяго турецкаго царства, откуда двинулись на Европу побѣдоносныя полчища османлисовъ, городъ Иконіумъ, эта магометанская Москва, въ которой до сихъ поръ обязаны вѣнчаться на царство турецкіе султаны и гдѣ пребываетъ великій шейхъ, стоитъ нѣсколько правѣе и дальше Спарты, среди той самой христіанской когда-то страны Галатійской, къ жителямъ которой обращалъ апостолъ Павелъ свое »посланіе къ Галатамъ«. Здѣсь въ сущности истинное гнѣздо турецкаго могущества, изъ котораго оно

черпаетъ свои силы и на которое опирается въ минуты опасности.

Мы миновали еще одинъ живописный мысъ и спрятанную за нимъ Феникійскую бухту... На берегу ея, очень близко отъ моря, развалины Миръ-Ликійскихъ, знаменитой родины св. Николая, мощи котораго уже давно увезены отсюда итальянцами въ Калабрію, въ городокъ Бари.

Вообще этотъ уголъ Азіи полонъ мѣстностей, чѣмъ нибудь прославленныхъ въ первые вѣка христіанства. Малоазійскій полуостровъ былъ главнымъ гнѣздомъ первобытной церкви христіанской. Великій апостолъ язычниковъ, »узникъ за нихъ во Господѣ«, какъ онъ называлъ себя, самъ уроженецъ этого малоазійскаго побережья, здѣсь именно сѣялъ неутомимѣе всего слово божіе, »подвизался подвигомъ добрымъ«, »благовѣствуя миръ дальнимъ и близкимъ«, »непрестанно со слезами уча народъ«, и собиралъ свои обильныя первыя жатвы. Здѣсь, въ этихъ укромныхъ домикахъ и тихихъ бухтахъ, незамѣтно укоренялись и росли братскія общины семьи Христовой, и неутомимый проповѣдникъ евангелія своими частыми посѣщеніями и письмами оживлялъ этихъ дѣтей духа своего, »за которыхъ онъ мучился муками рожденія«, по удивительному выраженію его посланія. Посланіе Павла къ Ефесянамъ. Галатамъ, Колосянамъ, Тимоѳею направлены именно въ эти скромные малоазійскіе разсадники Христовой вѣры. Тутъ находилось большинство городовъ, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ при разсказѣ о проповѣди Павла: Пергія, Антіохія Писидійская, Иконія, ликаонскіе города Листра и Дервія, Аталія и др. Тутъ были всѣ семь церквей, поминаемыя въ апокалипсисѣ, которымъ писалъ свое откровеніе тайновидецъ Іоаннъ. Здѣсь же, въ малоизвѣстныхъ теперь городахъ, собирались нѣкогда первые соборы святителей и учителей христіанства, вселенскіе и мѣстные, установившіе главнѣйшіе догматы и обряды еще не раздѣленной тогда церкви

ристіанской. Никея, Халкедонъ, Анкира — все это города алоазійскаго полуострова.

Когда читаешь книгу Дѣяній апостольскихъ, изумляешься ому, что въ какой бы городъ Малой Азіи ни приходилъ огда апостолъ Павелъ, вездѣ рѣшительно, во Фригіи, Ми-іи, Лидіи, Галатіи, также какъ Антіохіи, Дамаскѣ, на стровахъ архипелага, на берегахъ Балканскаго полуострова, въ Ѳессалоникахъ, Коринѳѣ, Аѳинахъ, даже въ самомъ Римѣ, — вездѣ онъ находилъ многочисленныя еврейскія об цины и синагоги, словно эти города входили нѣкогда въ оставъ царства израильскаго. Это показываетъ изумитель-ное распространеніе еврейской расы и еврейскихъ идей по лицу всей земли еще задолго до разоренія Іерусалимскаго рама. Историкъ Іосифъ Флавій дѣйствительно разсказы-аетъ, что въ его время греки Антіохіи, Александріи и др. ородовъ во множествѣ переходили въ еврейство. »Стремле-ніе къ нашему культу до того овладѣло массами, пишетъ онъ, что нѣтъ ни одного города, греческаго или варварскаго, нѣтъ ни одной націи, гдѣ бы не вошло въ обычай празд-новать субботу, держать наши посты, придерживаться на-шихъ правилъ о пищѣ«... Въ Римѣ называлось это вести »vitam judaicam«, и противъ обрѣзанія дѣтей, не принадле-жавшихъ къ еврейству, даже были изданы законы... Не-сомнѣнно, что это повсемѣстное распространеніе еврейства облегчило и апостолу язычниковъ его всесвѣтную проповѣд-ническую миссію, для которой первымъ поприщемъ онъ из-бралъ синагогу съ ея вкоренившимися уже обычаями все-народныхъ поученій и состязаній о вѣрѣ...

Малая Азія — истинная сокровищница имперіи Оттоман-ской. Вся она — огромный торговый портъ, сплошной садъ, кишащій дорогими плодами; археологамъ тутъ можно съ ума сойти отъ непочатыхъ историческихъ кладовъ самой разно-родной и самой глубокой древности. Развалины большихъ, славныхъ городовъ на каждомъ шагу. Въ окрестностяхъ одной Смирны нѣсколько такихъ знаменитыхъ городовъ: и

Ефесъ съ его храмомъ Діаны, однимъ изъ чудесъ свѣ
Сардесъ, роскошная столица Креза, и Пергамъ, гдѣ
недавно совершены поразительныя раскопки гробниц
рей пергамскихъ, и Филадельфія, и Магнезія... Вообщ
рая и богатая Лидія, гдѣ лежитъ нынѣшняя Смирна,
всегда главнымъ торговымъ и политическимъ ядромъ
азійскаго побережья. Между Ликіею и ею помѣщ
прежде еще область Карія съ историческимъ городомъ
летомъ, Марселемъ древности. Теперь всѣ эти стары
ческія области западнаго побережья, Ликія, Карія, Ли
Мизія, вмѣщавшая въ себѣ землю древнихъ троянцевъ
ставляютъ одну турецкую провинцію Анадолію, саму
видную жемчужину въ коронѣ падишаха.

Только къ вечеру мы поравнялись съ о-вомъ Кар
риза, увѣнчаннымъ полуразрушенными романтическими
ками...

Пароходъ нашъ все болѣе и болѣе забираетъ къ
западный курсъ, вмѣсто строго западнаго, которымъ
шли все время отъ Александретты. Мы огибаемъ т
югозападный уголъ Малой Азіи и отъ о-ва Коса пой
уже прямо на сѣверъ. Но еще цѣлая ночь отдѣляетъ
отъ этого поворота, и, къ великому сожалѣнію нашему,
ходится проспать даже живописный о-въ Родосъ, мим
тораго мы проѣдемъ въ самый развалъ ночи.

Съ нами ѣдетъ отъ самой Александретты важный т
кій паша, знатной фамиліи. Онъ прибылъ въ Александ
изъ Аданы, главнаго города цѣлой области, съ боль
семьею и свитою. Съ нимъ его сынъ, офицеръ оттома
арміи, а съ сыномъ — молодая жена сказочной кра
Султанъ за заслуги отца подарилъ юношѣ черкешенку
собственнаго гарема, въ которомъ она сохранялась съ
лѣтъ. Рослая и статная красавица съ огромными глуб
какъ озеро, черными глазами, съ удивительно вырѣзан
маленькимъ ротикомъ, казалась неземною Пери рядо

зьяноподобною глупою рожею своего коротенькаго и суту-
ватаго супруга. Впрочемъ, этотъ владыка дней ея не по-
олялъ никому любоваться на красавицу-черкешенку и пря-
ъ ее, какъ только могъ. Бѣдная женщина только что
нула ребенка и, не успѣвъ оправиться отъ страшнаго
рясенія всего своего организма, должна была вытерпѣть
чительный переѣздъ по непроѣзднымъ горнымъ дорогамъ
тряской арбѣ отъ Аданы до Александретты. Понятно,
) она вся исходила теперь кровью и сдѣлалась блѣдна,
къ воскъ. Невѣжественныя турчанки рѣшительно не знали,
) съ нею дѣлать, а паша и его сынокъ — и того менѣе.
олодой красавицѣ страшно не хотѣлось умирать, а дѣло,
евидно, шло къ этому. И мужъ ея, и старикъ были въ
аяніи, даже непривычныя слезы проступали въ ихъ гла-
къ. Они безпомощно кидались за совѣтами то къ тому, то
другому и, какъ малыя дѣти, слушались всякаго вздора,
торый городилъ имъ первый встрѣчный..

Хотя самъ паша помѣстился въ нашихъ каютахъ I класса,
женщины его, дешевизны ради, заняли помѣщеніе на па-
бѣ. За рубкою каютъ-компаніи, на самой кормѣ, имъ на-
нули тентъ изъ паруса, и онѣ разлеглись тамъ со своими
рошенькими глазастыми дѣтишками, на своихъ подуш-
хъ, тюфякахъ и коврахъ, заваливъ все кругомъ своимъ
опрятнымъ домашнимъ скарбомъ. Онѣ ѣли и пили все
ое, ни за чѣмъ не обращаясь къ ресторатору парохода,
чно также, какъ это дѣлали русскія бабы-богомолки, та-
ившія на собственной спинѣ свои чайники и сухія ле-
шки. Руки всѣ въ драгоцѣнныхъ браслетахъ и перстняхъ,
ея въ жемчугахъ, въ ушахъ золото, на самихъ шелки и
рхаты, а помѣщаются, какъ послѣдняя прислуга, безъ
лѣйшаго удобства и приличія, и ѣдятъ чортъ знаетъ что,
еще желѣзными позеленѣвшими ложками!..

Матросы то и дѣло проходили къ нимъ подъ тентъ, то
бирая канатъ, то выпуская его, то еще за чѣмъ нибудь.
мирающей красавицѣ покоя не давали. По какому-то глу-

пому суевѣрію, старухи-турчанки вообразили, что самое — это дать больной заснуть, и потому всячески гивали и тревожили ее криками и стукомъ. Паша безсмысленно сосалъ свою трубку, покачивая безголовою, а молодой мужъ въ безплодной суетливости терянно слонялся то туда, то сюда... Слабость и бл молодой женщины дошли наконецъ до того, что она к просто мертвою. Теперь уже не только женщины, му свободно проходили подъ тентъ, къ ея одру. Всякій к и совѣтовалъ свое, всѣ лѣзли и толкались, безъ ст разсматривали то, что̀ нужно было было бы скрыв чего ужъ скрывать было невозможно въ этой сутолок тая вслухъ о деликатныхъ и стыдъ возбуждающихъ в словно надъ трупомъ мертваго. Наконецъ г-жа Д'А моя жена, видя, что дѣло можетъ кончиться очень ч ески, рѣшились предложить старому пашѣ свои у Онѣ попросили удалиться всю шумную и праздну лику и съ помощью дорожной аптечки стали при обычныя въ этихъ случаяхъ средства. Невѣжественны и турчанки смотрѣли на ихъ увѣренные пріемы съ нымъ благоговѣніемъ, какъ на таинственныя заклят дуна... Примочки и кислыя капли быстро остановили п румянецъ сталъ мало по малу возвращаться въ вѣвшія щеки молодой красавицы... Скоро она почу вала себя гораздо крѣпче и стала дышать глубоко вильно. Когда совсѣмъ растерянный мужъ подошелъ постели, она уже радостно улыбалась ему... Старухам велѣно было дать ей покой и не пускать къ ней н Черезъ 3 часа она уже говорила и смѣялась, хотя неподвижно, исполняя приказаніе нашихъ дамъ.

А старикъ Д'Абадіа съ ранняго утра до вечера за математическими выкладками. Онъ, повидимому, д выводы изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій, по тѣмъ, что пароходъ уже третьи сутки не пристаетъ

гу. Его сѣдая всклоченная голова съ оголеннымъ круг-
имъ лбомъ, постоянно возбужденная, постоянно требующая
зятельности, работаетъ горячо и неутомимо, словно энер-
ическій паровикъ внутри парохода, все приводящій въ
виженіе, все наполняющій жизнью... Старикъ весь теперь
огруженъ въ интересы своей науки, не слыша и не видя
кружающей его суеты, какъ водолазъ въ своемъ воздуш-
омъ колоколѣ среди водъ взволнованнаго моря... Онъ рабо-
аетъ тутъ же съ нами, за общимъ длиннымъ столомъ каютъ-
омпаніи, на которомъ то и дѣло разстилаютъ скатерти и
бираютъ обѣды и завтраки... Въ крошечной каютѣ и тѣсно,
темно работать.

Рядомъ съ нимъ, какъ нарочно, усѣлся старый паша
зъ Аданы или, какъ его называютъ здѣсь, тефтердарь. Его
патическая физіономія съ заостреннымъ черепомъ, съ по-
нявшими и словно заснувшими глазами, съ отвисшими
люнявыми губами, длинными и мягкими, какъ у коровы,
роизводитъ впечатлѣніе скорѣе какого-то безсмысленнаго
ивотнаго, чѣмъ разумнаго существа... Цѣлые дни онъ си-
итъ, поджавъ ноги, на длинномъ диванѣ и сосетъ, не произ-
ося ни слова, трубку, или перебираетъ висящія на рукѣ
го четки, жуя свои коровьи губы. Толпа услуживающихъ
му турокъ постоянно торчитъ передъ нимъ: кто подаетъ
пичку, кто туфлю, кто перемѣняетъ трубку. И онъ прини-
аетъ всѣ эти ухаживанья неподвижно и важно, никого не
удостоивая даже кивкомъ головы и изрѣдка только бормоча
какой нибудь отрывистый приказъ. По истинѣ, это антарк-
тическій полюсъ ученаго француза — живая иллюстрація
двухъ противоположныхъ міровъ — Европы и Азіи.

Поэтическіе вечера и чудныя лунныя ночи мы подолгу
бесѣдуемъ съ Д'Абадіа. Старикъ неистощимъ и неутоми мъ
Все его горячо интересуетъ, обо всемъ онъ разспрашиваетъ
съ живостью юноши и съ такою же живостью и жаромъ
разсказываетъ и высказывается самъ. Мало по малу намъ
обрисовывается и его собственная нравственная физіономія.

Онъ несомнѣнный клерикалъ и легитимистъ, хотя и
стараго Кассаньяка — вождя бонапартистовъ; перед
тами и ихъ всесвѣтною задачею онъ преклоняется.
передъ чѣмъ-то безконечно высокимъ и спасительны
человѣчества; онъ страстный католикъ и осыпаетъ
Россію за ея отношенія къ Польшѣ, за ея »ненасы
завоеванія«, но вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ искренняго
ствія къ русскимъ и многому русскому и храбро про
что Россія непремѣнно станетъ католическою, что в
все міровое значеніе ея побѣдъ и силы. Онъ съ серь
запальчивостью напалъ на меня, когда я осмѣлился
стороны укорить католическое духовенство въ нравстве
лицемѣріи и политическомъ властолюбіи. По словамъ
это возмутительныя выдумки невѣрующихъ враговъ
личества, и болѣе образцоваго духовенства нельзя и
Между прочимъ онъ увѣрялъ насъ, что многіе изъ
видныхъ представителей науки и государственной жи
Франціи страстно ищутъ теперь возврата къ католи
Нелатонъ, говорилъ онъ, на колѣняхъ молился Богу
своими операціями, а Фрейсине просилъ научить его,
можно увѣровать въ Бога. Старикъ близко знакомъ с
виномъ, съ Вильберфорсомъ (сыномъ) и множествомъ
кихъ ученыхъ и государственныхъ людей, играющих
ную роль въ современной политикѣ Европы. Много
реснаго передавалъ онъ намъ о своихъ встрѣчахъ и
дахъ съ ними. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти
лизованныя знакомства, несмотря на его глубокую и
остороннюю ученость, въ старомъ баскѣ упрямо сказ
лось его полудикое племя древнихъ аборигеновъ Ев
предшественниковъ кельта и пелачга, пустынныя го
мрачныя пещеры которыхъ воспитали въ нихъ въ т
тысячелѣтій глубокую вѣру во все таинственное и ф
стическое. Онъ вѣритъ во всѣ волшебства индусски
кировъ, въ двойное зрѣніе шотландскихъ гайлендеров
даръ пророчества и въ общеніе души черезъ огромны

янія. Множество поразительныхъ примѣровъ этого таинственнаго дара людей разсказалъ онъ намъ. Зато европейскую цивилизацію онъ просто ненавидитъ, особенно же коммерческіе идеалы современнаго запада; типъ левантинца для него воплощеніе всего антипатичнаго его душѣ. Онъ видитъ немъ растлѣвающее вліяніе Европы на сравнительно авственныхъ и простыхъ туземцевъ Азіи и Африки. Нигда, по увѣренію его, онъ не былъ такъ счастливъ, какъ вя вдали отъ всякой цивилизаціи, среди босоногихъ абиснцевъ, наивныхъ и чистыхъ, какъ дѣти... Старикъ забылъ, что ему тогда было не 80, а только 25 лѣтъ, и что е тогда невольно казалось ему »добро зѣло, ибо былъ веръ и было утро — день первый!..«

Просіяла надъ чуднымъ тихимъ моремъ тихая чудная чь, залитая лучами южнаго мѣсяца, и у насъ бысть веръ, и бысть утро, — такое же чарующе-прекрасное утро, чше котораго не могло быть и въ день первый. Югъ догъ тѣмъ, что ясные безоблачные дни съ румяными зарями утъ одни за другими, непрерывною грядою, цѣлые мѣсяцы яду. Мы попали, по счастію, въ эту полосу ясной погоды райскихъ дней...

Утро 20 мая освѣтило намъ новую волшебную декорацію, ею-то всемогущею десницею незримо выдвинутую передъ аши глаза въ теченіе короткой голубой ночи... Мы были перь окружены цѣлымъ хороводомъ острововъ... Они поымались изъ свѣтлой скатерти водъ вблизи и вдали, сверая мраморомъ, малахитово-зеленые, пестрые, какъ яшма, описанныхъ колеровъ, неописанныхъ узоровъ, ярко отпорованные и разволоченные солнцемъ, какъ драгоцѣнные итаи олимпійскихъ боговъ... Дальніе были нарисованы жнымъ жидкимъ золотомъ по нѣжному голубому туману стояли сквозные и легкіе, какъ видѣнія утренней грёзы, йчасъ, кажется, готовые растаять и испариться въ золоыхъ горизонтахъ утра... Пучины моря лежали между этихъ

разноцвѣтныхъ каменныхъ массъ, стихшія, какъ зеркало деревенскаго пруда, хрустально-зеленыя и глубоко синія въ тѣни береговъ, нѣжно голубыя, нѣжно розовыя, ослѣпительно золотыя въ просторѣ далей, по которымъ уже разливались и разсыпались милліонами искръ и струй радостные огни новорожденнаго солнца.

Казалось, пароходъ двигался среди торжественной тишины какого-то необозримаго нерукотворнаго храма, сквозь лабиринтъ мраморныхъ алтарей, курившихся, будто дымомъ кадильнымъ, послѣдними облаками отлетѣвшей ночи по безцѣннымъ багряницамъ и сверкающимъ парчамъ, устилавшимъ это безпредѣльное святилище...

Ничего нѣтъ поразительнѣе и ничего плѣнительнѣе для жителя однообразныхъ черноземныхъ равнинъ сѣвера, какъ эта сказочная фантасмагорія тѣсной стаи прелестныхъ островковъ, усѣявшихъ голубое море юга... Налѣво Косъ, древняя родина Гиппократа и Апеллеса, со своею характерною »горою Пустынника«, съ хорошенькимъ бѣленькимъ городкомъ Станхіо, потонувшимъ въ цѣлой равнинѣ зеленыхъ садовъ, съ бѣлыми стѣнами и бѣлыми башнями своей крѣпости, опрокинувшимися въ неподвижную лазурь моря. На островѣ до сихъ поръ еще показываютъ дерево Гиппократа, лучшій памятникъ великому мужу, прославившему среди всѣхъ народовъ имя этого неизвѣстнаго уголка земли...

За Косомъ, въ туманахъ дали, утесы острова Нисироса, потухшаго вулкана, когда-то поднявшагося со дна моря и теперь обращеннаго въ неистощимый рудникъ сѣры, чуть ли не единственной соперницы съ сѣрою Везувія и Этны. Впереди цѣлый лабиринтъ мелкихъ острововъ и скалъ: Леросъ, Капари, Калимно... На Калимно ярко вырѣзается бѣлая башня маяка. Берега Азіи, родные братья этихъ отдѣлившихся отъ нихъ острововъ, во всѣхъ направленіяхъ протягиваютъ къ нимъ, будто дружелюбныя руки, свои капризно изрѣзанные полуостровки и мысики, то низенькіе, совсѣмъ прилегшіе къ лону водъ, то гористыми пирамидами

рбами, которые издали тоже кажутся островками той многочисленной семьи острововъ... Все это такъ близко ѣсно другъ къ другу, что, кажется, съ берега можно репятственно шагать черезъ всѣ эти безчисленные узень- проливчики по всему прибрежному архипелагу. Неда- ь художественная фантазія древнихъ жителей этого по- жья остановилась именно на статуѣ Колосса Радосскаго, нувшаго своими мѣдными ногами съ одной скалы на гую и пропускавшаго между своихъ разставленныхъ ногъ ашніе корабли...

Налѣво, въ развалъ жаркаго полудня, мы увидѣли вдали мосъ. Онъ стоялъ въ знойныхъ туманахъ солнца, словно ь сотканный изъ огня и дыма, какимъ-то безплотнымъ калипсическимъ видѣніемъ. На его раскаленныхъ уте- ъ. казалось, сами собою должны были зарождаться въ вос- енной головѣ старца-апостола вѣщія грёзы суда божьяго, орыя онъ въ такихъ потрясающихъ картинахъ, въ такихъ аменныхъ краскахъ передавалъ, какъ грозное предостере- ніе отъ того, кто называлъ себя: »Я есмь Альфа и Омега, рвый и послѣдній, имѣющій ключи ада и смерти!..« Но рокъ страшнаго суда даже и въ этихъ страшныхъ про- заніяхъ своихъ вдохновлялся не гибелью грѣшниковъ, а мъ идеаломъ всеобщей человѣческой любви и радости, горый составлялъ всю суть души его. Онъ заканчиваетъ ои содрагающія страницы крови, смерти и ужаса свѣт- мъ видѣніемъ Іерусалима небеснаго, который »не имѣетъ жды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, о слово божіе освѣтило его«; въ которомъ нѣтъ храма, бо Господь Богъ вседержитель храмъ его«. »Ворота его будутъ запираться, и ночи тамъ не будетъ«, »спасенные роды будутъ ходить во свѣтѣ его«, »и не войдетъ въ него что нечистое и никто преданный мерзости и лжи...« Та- й утѣшительный конецъ фантастически-мрачной поэмы требленія и мести гораздо болѣе дышетъ всепрощающимъ строеніемъ любимаго ученика Христова, который юно-

шею возлежалъ на его груди, полный слезъ умиленія, и до глубокой старости оставался восторженнымъ апостоломъ любви.

Самосъ выдвигается изъ-подъ горизонта водъ вправо отъ насъ своими громоздкими голыми утесами... Въ срединѣ его огромная сѣрая скала, угломъ приподнятая вверхъ, и отъ нея во всѣ стороны, прикрытыя и защищенныя ею, зеленыя впадины, цвѣтущіе скаты, лѣса, сады, деревеньки, дачи... Это центральное гнѣздо пиратовъ, какъ и всѣ, впрочемъ, эти прибрежные островки. Самосъ хотя и не успѣлъ освободиться отъ власти турокъ, какъ и Хіосъ, и Лесбосъ, и другіе сосѣди малоазіатскаго берега, но въ незабвенную для грековъ годину возстанія покрылъ себя боевою славою, истребивъ огнемъ флотъ капудана-паши, и пользуется теперь значительною самостоятельностью. Имъ правитъ полунезависимый князь самосскій, избираемый населеніемъ изъ своихъ же грековъ и только утверждаемый султаномъ.

Но острова эти не только логовища морскихъ разбойниковъ, а еще и пловучіе сады своего рода, окруженные со всѣхъ сторонъ влагою теплаго моря и со всѣхъ сторонъ открытые плодотворящимъ лучамъ южнаго солнца; эти колонныя глыбы съ далекой древности уже обратились въ роскошныя кошницы цвѣтовъ, въ природные сады и оранжереи, обильные самыми дорогими плодами.

Косъ — страна винограда, на Хіосѣ — цѣлые лѣса миндаля и апельсинъ. Отсюда идетъ на весь востокъ знаменитая хіосская *мастика*, которую левантинцы предпочитаютъ всякимъ другимъ напиткамъ. »C'est famose!« выражался о ней, тая сладострастною улыбкою, на своемъ комическомъ французскомъ жаргонѣ нашъ американскій израильтянинъ, торгующій лакрицею.

Евгеній Марковъ

Окончаніе будетъ

* *
*

Росой горитъ слеза въ моемъ уныломъ взорѣ;
Какъ ночь безъ мѣсяца, мрачна моя печаль,
Но, будто день, свѣтла и широка, какъ море,
Моихъ надеждъ заманчивая даль.
И если громъ небесъ ударитъ надо мною,
Иль ливень съ бурею обрушитъ небосводъ,
Надежды шепчутъ мнѣ съ улыбкой молодою:
»Гроза пройдетъ, гроза, какъ сонъ, пройдетъ!
И крылья мокрыя степной орелъ расправитъ
И бодро полетитъ въ серебряную даль,
Гдѣ полдень ласковый, какъ золото, расплавитъ
Обрывки тучъ — небесную печаль!«

Ал. Будищевъ

ІИСУСЪ НАВИНЪ

Разсказъ изъ библейскихъ временъ

Георга Эберса

I

— Сойди внизъ, дѣдушка, я не сплю.

Старикъ, къ которому были обращены эти слова. цательно покачалъ остриженною головой.

— Но вѣдь тамъ ты не уснешь?

— А звѣзды? а внизу? Отдыхъ въ такую ужасную в

— Тебѣ холодно. Какъ дрожитъ твоя рука и тв струментъ!

— Такъ поддержи мою руку.

Юноша, къ которому относилось это приказаніе, повиновался, но чрезъ нѣсколько времени вскричалъ:

— Все это напрасно: звѣзды исчезаютъ одна за д въ темныхъ облакахъ. А эти скорбные вопли, долет изъ города... Они доносятся и изъ нашего дома. Мнѣ страшно, дѣдъ: пощупай, какъ пылаетъ моя голова! внизъ, можетъ быть, тамъ нуждаются въ помощи.

— Помощь въ рукахъ боговъ, а мое мѣсто — здѣ тамъ, тамъ... Вѣчные боги! Посмотри къ сѣверу, на Нѣтъ, западнѣе: что-то движется отъ города мертвы

— О дѣдъ, отецъ — тамъ! вскричалъ его собесѣ молодой жрецъ, помогавшій своему дѣду, гороскопу Ам Ра, на обсерваторіи храма этого бога въ Танисѣ, рези фараона на сѣверѣ провинціи Гозенъ, — и отнялъ свое изъ-подъ руки опиравшагося на него старца. — Тамъ Не море ли врывается въ сушу? Не тучи ли низве на землю? О дѣдушка, тамъ!.. Да умилосердятся нашъ

небесныя силы! Открылась преисподняя! Гигантская змѣя Апепъ ползетъ изъ города мертвыхъ! Вотъ она извивается возлѣ храмовъ — я вижу, я слышу ее... Угроза великаго еврея исполняется: наше племя будетъ истреблено съ лица земли. Змѣя! Ея голова обращена къ юго-востоку. Навѣрно она проглотитъ юный свѣтъ, какъ только солнце поднимется къ утру...

Глаза старика слѣдили за указательнымъ пальцемъ юноши, и онъ тоже увидѣлъ какую-то громадную черную, двигавшуюся во тьмѣ, массу, очертанія которой терялись во мракѣ, и съ содроганіемъ услыхалъ ея ревъ.

Напрягая зрѣніе и слухъ, оба они всматривались въ ночную тьму; но, вмѣсто того чтобы смотрѣть вверхъ, глаза звѣздочетовъ были обращены внизъ, на городъ, на дальнее море и на плоскій ландшафтъ.

Вверху царствовало глубокое, но тревожное молчаніе; вѣтеръ то свертывалъ тучи въ какія-то безформенныя массы, то разрывалъ ихъ сѣрый покровъ и стремительно разгонялъ ихъ въ разныя стороны. Мѣсяца не было видно, но облака играли съ яркими звѣздами юга, то заслоняя ихъ, то открывая свободный путь ихъ лучамъ. И какъ наверху, на небѣ, такъ и внизу, на землѣ, происходила безпрестанная смѣна блѣднаго свѣта черной тьмой. Порою море, воды рѣки, гладкая поверхность гранитныхъ обелисковъ въ окружности храма и мѣдная позолоченная кровля увеселительнаго царскаго дворца блестѣли отъ звѣзднаго сіянія; порой и море, и рѣка, и суда въ гавани, и храмы, и улицы города, вмѣстѣ съ окружавшею его покрытою пальмами равниной, исчезали во мракѣ. То, на чемъ жаждали остановиться глаза, тотчасъ отнималось у нихъ снова. Такія же перемѣны представлялись и для слуха. Порою тишина была до того глубока, точно далеко кругомъ исчезли и замерли всякіе звуки жизни; порой рѣзкій жалобный вопль нарушалъ безмолвіе ночи. Тогда, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго затишья, снова слышался тотъ ревъ, который молодой жрецъ принялъ за голосъ змѣи подземнаго міра, и оба они — и дѣдъ, и внукъ — прислушивались къ нему съ возрастающимъ напряженіемъ.

Темная масса, поступательное движеніе которой замѣтно было каждый разъ, какъ только звѣздный свѣтъ пробивался сквозь тучи, шла отъ города мертвыхъ и квартала чужеземцевъ.

Старика, точно также какъ и юношу, охватилъ вн... ный ужасъ; но первому удалось скорѣе придти въ ... чѣмъ послѣднему, и его проницательный взглядъ астро... скоро замѣтилъ, что эта масса представляетъ собою н... какое нибудь гигантское тѣло, выходящее съ кладбищ... равнину, а множество тѣлъ, которыя, подобно волнамъ, в... мались и разливались по городскому выгону. Ревъ и ка... то блеяніе доносились не съ одного какого нибудь мѣст... они слышались то въ меньшемъ, то въ большемъ отдал... Порой старикъ думалъ, что эти звуки выходятъ изъ н... земли, порой ему казалось, что они доносятся сверху, ... воздушныхъ высей.

И вновь имъ овладѣлъ ужасъ. Правой рукой онъ сж... тилъ внука за руку, а лѣвою указалъ ему на городъ и ... выхъ и дрожащимъ голосомъ вскричалъ:

— Мертвецовъ слишкомъ много. Преисподняя изливае... точно Нилъ, когда его ложе слишкомъ тѣсно для воды. ... нувшей съ юга. Какъ стонетъ, вздымается и волнуется ... масса! какъ она разрывается то тамъ, то сямъ! Это — ... сячи душъ, похищенныхъ смертью. Обремененныя пре... тіемъ еврея, безпріютныя, беззащитныя отъ гибели, ... вступили на ступени лѣстницы, ведущей въ вѣчность.

— Да, это онѣ, проговорилъ съ убѣжденіемъ его ... сѣдникъ. Онъ вырвалъ руку изъ руки старика, ударил... своему лихорадочно горѣвшему лбу и, едва владѣя сло... отъ ужаса, вскричалъ: — Да, это онѣ, осужденныя! Б... загнала ихъ въ море, его волны выбросили ихъ на зем... но и священная земля не желаетъ ихъ и изгоняетъ въ ... душное пространство. Чистый эфиръ богини Шу изг... гаетъ ихъ обратно на землю, и вотъ — посмотри, ... слушайся: теперь онѣ съ воемъ отыскиваютъ путь ... пустыню.

— Въ огонь! вскричалъ старикъ. — Очисти ихъ, пла... омой ихъ, вода!

Юноша повторилъ эту формулу заклинанія, произне... ную старцемъ, и между тѣмъ какъ оба они возвысил... лось, чтобы произнести ее вмѣстѣ, опускная дверь обс... торіи, находившейся на вершинѣ самыхъ высокихъ в... храма, поднялась, и какой-то жрецъ низшаго разряда к... нулъ старцу:

— Оставь свою работу. Время ли теперь занимат...

небесными свѣтилами, когда на землѣ угасаетъ все имѣющее жизнь!

Старикъ безмолвно выслушалъ эти слова и, когда жрецъ, дрожа, сказалъ, что его прислала сюда жена гороскопа, проговорилъ:

— Гора? и моего сына взяла смерть?

Жрецъ утвердительно кивнулъ головой, и оба — и дѣдъ, и внукъ — горько заплакали: первый потерялъ своего первенца, а второй — дорогаго отца.

Но когда юноша, дрожа отъ лихорадки и совсѣмъ потерявшись, кинулся на грудь старика, этотъ послѣдній торопливо высвободился изъ его объятій и поспѣшилъ къ опускной двери. Хотя жрецъ и сказалъ, что онъ явился въ качествѣ вѣстника смерти, но для отеческаго сердца старика недостаточно было чужихъ словъ для того, чтобы отказаться отъ права надѣяться, что сынъ еще живъ.

Старикъ быстро шелъ по каменнымъ лѣстницамъ, высокимъ галлереямъ и обширнымъ дворамъ храма, а юноша слѣдовалъ за нимъ, хотя его дрожавшія ноги едва были въ состояніи нести его тѣло, изнемогавшее отъ лихорадки. Ударъ, разразившійся надъ маленькимъ кругомъ домашней жизни старца, заставилъ его забыть страшный призракъ, который, можетъ быть, цѣлому міру грозилъ погибелью; но этотъ призракъ преслѣдовалъ юношу и, когда онъ оставилъ за собою передній дворъ и приблизился къ передовымъ пилонамъ, то его душѣ, взволнованной страхомъ и горемъ, показалось, что тѣни обелисковъ пляшутъ, и двѣ каменныхъ статуи царя Рамзеса по обѣимъ сторонамъ высокихъ воротъ выбиваютъ тактъ для этой пляски.

Наконецъ лихорадка свалила испуганнаго юношу на землю. Спазмы исказили его лицо, молодое тѣло подбрасывали страшныя порывистыя судороги. Старикъ опустился на колѣни и, не давая красивой кудрявой головѣ внука биться о твердыя каменныя плиты, тихимъ жалобнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вотъ схватило и его!

Затѣмъ онъ встрепенулся и сталъ звать людей на помощь, но напрасно. Онъ понизилъ голосъ, ища утѣшенія въ молитвѣ. Вдругъ онъ услыхалъ шумъ по другую сторону пилоновъ, въ аллеѣ сфинксовъ, — и въ его сердцѣ возродилась надежда.

Что же происходило въ так
Къ жалобному вою примѣши
металлическаго систрума, потряс
жества, и мѣрный топотъ богом
цессіи.

Къ храму приближалось праз
поднялъ глаза, и его взглядъ, ско
дамъ гранитныхъ столбовъ, колосса
ковъ на переднемъ дворѣ, устреми
обрѣтенной долгою жизнью, къ зв
улыбка мелькнула на его ввалив
даже богамъ было отказано въ прин
вованіи? Въ другіе годы въ эту ночь,
лунія, въ мѣсяцѣ Фермути, храмъ бог
вался великолѣпными украшеніями из
новеніи тьмы этой безлунной ночи нач
никъ весенняго равноденствія и съ нимъ
жатвы. Затѣмъ, въ честь богини Нейтъ,
щей благословеніе нивамъ, и юнаго Гор
котораго сѣмена пускаютъ ростки, д
указанію книгъ о божественномъ рожден
процессія въ городъ, къ рѣкѣ и гавани.
койствіе смерти царствовало въ святилищ
нѣкогда наполнялся въ этотъ часъ мужчин
и дѣтьми: они приносили жертвенные дар
ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь см
сердца его внука.

Вдругъ яркій свѣтъ хлынулъ въ открыт
до тѣхъ поръ скудно освѣщенное немног
Какъ могла придти въ голову этимъ безумц
начать торжество такого радостнаго праздника,
невыразимый ужасъ этой ночи?

Вѣдь вчера вечеромъ, въ виду безпощадно
щей моровой язвы, совѣтъ жрецовъ рѣшилъ — ост
безъ украшеній и отмѣнить процессію. Должно
храмъ вторгнулось это чудовище, въ то время
гороскопъ, слѣдилъ за движеніемъ звѣздъ; ин
оставили святилище стражи и другіе звѣздочеты
вошли туда вмѣстѣ съ нимъ при закатѣ солнца
обязанность предписывала оставаться здѣсь ночью
Затѣмъ онъ, съ нѣжною заботливостью, снова

му. Но скоро онъ вскочилъ, потому что ворота
на передній дворъ проникъ яркій свѣтъ фона-
въ. Бросивъ быстрый взглядъ на небо, старецъ
что время перешло еще недалеко за полночь,
у, его страхъ имѣлъ основаніе: жрецы шли въ
сдѣлать приготовленія къ завтрашнему празд-

! развѣ бывало когда нибудь, чтобы они для
ли вступали въ святилище съ пѣніемъ и въ
процессіи? Притомъ сюда шли не одни служи-
ства: къ нимъ присоединился народъ; съ торже-
гимнами смѣшивались такіе жалобные вопли
и крики отчаянія, какихъ онъ еще никогда не
этомъ священномъ мѣстѣ во всю свою долгую

манываютъ ли его чувства? Не вторгается ли въ
е бога сонмъ безпокойныхъ душъ, на который ука-
му внукъ съ высоты обсерваторіи?

овладѣлъ полный ужасъ, и, высоко поднявъ руки,
которое время бормоталъ заклинаніе противъ козней
тьмы. Но скоро онъ снова опустилъ руки, потому
тилъ друзей, которыхъ видѣлъ еще наканунѣ: во-
— высокую фигуру втораго пророка своего бога,
— женщинъ, посвященныхъ Аммону-Ра, пѣвцовъ и
; когда же позади гороскоповъ и пастофоровъ онъ
ъ и своего зятя, то ободрился и позвалъ его. Но его
былъ заглушенъ пѣніемъ и криками надвигавшейся

а переднемъ дворѣ сдѣлалось свѣтло, но каждый былъ
го занятъ своимъ собственнымъ горемъ, что никто не
тилъ стараго звѣздочета. Тогда онъ сбросилъ плащъ со
хъ озябшихъ плечъ, чтобы подложить его подъ вздра-
вшую голову юноши, и, дѣлая это съ отеческою забот-
остью, услыхалъ среди пѣнія и криковъ приливающей
лы дикія проклятія противъ евреевъ, навлекшихъ бѣд-
іе на фараона и на его народъ, затѣмъ — снова и снова
торяемое имя наслѣдника престола, царевича Рамзеса.
нъ, которымъ выкрикивалось это имя, показывалъ, что
ерть закрыла глаза и царскому первенцу.

Съ возрастающимъ страхомъ старикъ смотрѣлъ теперь на
лѣдныя черты внука; но такъ какъ плачъ о наслѣдникѣ

престола раздавался все громче и громче, то въ душу старца проникло чувство нѣкоторой отрады при мысли о нелицепріятіи смерти, которая и къ сидящимъ на тронѣ столько же безпощадна, какъ и къ нищему на пути. Теперь онъ зналъ, что̀ привело въ храмъ эту шумную толпу.

Съ быстротою, на какую только были способны его старые члены, онъ поспѣшилъ къ рядамъ сѣтующихъ; но, не дойдя еще до нихъ, увидѣлъ выходившихъ изъ сторожки привратника и его жену, которые выносили оттуда на цыновкѣ трупъ мальчика. Мужъ держалъ одинъ конецъ цыновки, а его маленькая худенькая жена — другой, и сторожъ, обладавшій гигантскимъ ростомъ, долженъ былъ низко наклоняться, чтобы окоченѣвшее тѣло сохранило горизонтальное положеніе и не соскользнуло на грудь жены. Трое дѣтей замыкали печальное шествіе, впереди котораго маленькая дѣвочка несла фонарь.

Можетъ быть, никто не замѣтилъ бы этого шествія, но жалобные вопли маленькой жены привратника были такъ громки и пронзительны, что ихъ не могъ заглушить никакой крикъ. Поэтому сперва второй пророкъ Аммона, а потомъ его спутникъ повернулись къ печальной группѣ. Процессія остановилась, и, когда нѣсколько жрецовъ приблизилось къ трупу, привратникъ вскричалъ: — прочь отъ пути заразы! она поразила нашего первенца!

Между тѣмъ его жена вырвала фонарь изъ руки своей дочери, освѣтила имъ мальчика и простонала:

— И богъ потерпѣлъ это! Онъ допускаетъ этотъ ужасъ подъ своею собственною кровлею! Не его воля — нѣтъ, а проклятіе чужеземца властвуетъ надъ нами и надъ нашею жизнью. Посмотрите сюда! Это былъ нашъ первенецъ. Моровая язва свалила также двухъ служителей храма. Одинъ уже умеръ. Онъ лежитъ тамъ, въ нашей комнатѣ; а тамъ — тамъ лежитъ еще одинъ, молодой Камусъ, внукъ гороскопа Рамери. Мы слышали зовъ старика и видѣли, что̀ произошло; но кто заботится о поддержаніи чужаго дома, когда обваливается свой собственный? Защищайте себя сами, такъ какъ боги отворили свой храмъ для чудовища, и если погибнетъ весь міръ, это не удивитъ меня и, конечно, не опечалитъ! Высокопоставленные господа жрецы! я не болѣе, какъ бѣдная, ничтожная женщина, но не вправѣ ли я спросить: не спятъ ли наши боги, не изувѣчены ли они какимъ ни-

ѵдь волшебствомъ или что они дѣлаютъ, гдѣ они, что озволяютъ еврейскому племени властвовать надъ ними и адъ нашими дѣтьми?

— Идемъ на нихъ! Долой чужеземцевъ! Въ море чаро-ѣя Мезу *), смерть ему! точно эхо въ отвѣтъ на зовъ, эти рики послѣдовали за проклятіемъ женщины, и зять стараго ороскопа, начальникъ стрѣлковъ изъ лука Горнехтъ, горя-ая кровь котораго закипѣла при видѣ его милаго умираю-аго племянника, размахивая своимъ короткимъ мечомъ, скричалъ внѣ себя: — такъ пусть идутъ за мною тѣ, у ого есть сердце! На нихъ! Жизнь за жизнь! Десять евреевъ а каждаго египтянина, умерщвленнаго волшебникомъ!

Подобно тому какъ стадо бросается въ огонь вслѣдъ за редшествующимъ ему бараномъ, толпа была увлечена кри-омъ знатнаго воина. Женщины впереди мужчинъ кинулись ъ воротамъ, и такъ какъ жрецы оставались въ нерѣши-ости, желая узнать сперва мнѣніе пророка, то величе-твенная фигура этого послѣдняго выпрямилась, и онъ спо-ойно вскричалъ:

— Со мною, на молитву, всѣ носящіе жреческое одѣяніе! Іародъ есть орудіе небесныхъ силъ. Возмездіе въ ихъ ру-ахъ. Мы остаемся здѣсь, чтобы молиться объ успѣхѣ от-ищенія.

II

Бай, второй пророкъ Аммона, заступавшій мѣсто пер-аго пророка и верховнаго жреца Руи, одряхлѣвшаго отъ тарости, направился обратно въ святая святыхъ; толпа рочихъ служителей божества приступила къ исполненію ругихъ обязанностей, но яростная толпа ринулась по ули-амъ города къ отдаленному кварталу, населенному евреями.

Подобно тому какъ бурный потокъ въ половодье, съ шу-омъ низвергаясь въ долину, уноситъ съ собой все, что попадается ему на пути, толпы людей, стремившихся къ мести, увлекали за собою всѣхъ встрѣчныхъ. Ни одинъ египтянинъ, у котораго смерть отняла то, что ему было дорого, не отказался присоединиться къ этой толпѣ, и та-имъ образомъ она росла и росла, и сотни людей превра-

*) Египетское имя Моисея.

тились въ тысячи. Мужчины, женщины и дѣти, свободные и рабы, окрыленные бѣшенымъ желаніемъ принести гибель и смерть ненавистнымъ евреямъ, спѣшили въ отдаленный еврейскій кварталъ.

Едва ли сами они знали — какимъ образомъ зат очутился въ рукѣ вотъ этого ремесленника, или топор той хозяйки. Они стремились впередъ, для смерти и ра шенія, и не искали того, что̀ имъ нужно было для этой п оно само попадалось имъ въ руки.

Первымъ, на кого должна была обрушиться ихъ яр былъ еврей Нунъ, уважаемый и многими любимый старикъ гатый стадовладѣлецъ. Онъ дѣлалъ добро даже египтянам но тамъ, гдѣ господствуютъ ненависть и мщеніе, р благодарность молча удаляется.

Его большой домъ, какъ и другіе дома и хижины соплеменниковъ, находился въ западной части Таниса, кварталѣ чужеземцевъ, и ближе всѣхъ примыкалъ къ цамъ, населеннымъ египтянами.

Обыкновенно въ этотъ часъ коровы и овцы Нуна вы нялись на водопой и пастьбу, и тогда большой дворъ пе его домомъ былъ полонъ скота, работниковъ и работ телѣгъ и земледѣльческихъ орудій. Владѣлецъ дома им обыкновеніе наблюдать за выходомъ стада, и его-то вм съ его домочадцами ярость толпы выбрала первою жер

Самые проворные изъ египтянъ достигли теперь обширнаго двора, въ томъ числѣ зять стараго город начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ. Домъ и дворъ были освѣщены утреннимъ солнцемъ. Какой-то сильный куз ударилъ ногою въ крѣпкія ворота; но незамкнутыя ст подались такъ легко, что онъ долженъ былъ схватить столбъ, чтобы не упасть. Другіе прежде него ворвали дворъ, и между ними — начальникъ стрѣлковъ.

Но что̀ это такое? не новое ли какое нибудь волше еще разъ доказало силу еврейскаго вождя Мезу, наслал на страну такія страшныя бѣдствія, и могущество его Дворъ былъ пустъ, совершенно пустъ. Только въ хл лежало нѣсколько убитыхъ больныхъ коровъ и овецъ, и маленькій хромой ягненокъ заковылялъ прочь, когда ув ворвавшуюся толпу.

Даже повозки и телѣги исчезли. Ревущая и бле толпа, которую жрецъ принялъ за души осужденныхъ.

ничто иное, какъ шествіе выселявшихся евреевъ, которые ночью со своими стадами оставили старую родину подъ предводительствомъ Моисея.

Предводитель толпы опустилъ мечъ, и можно бы было подумать, что его пріятно изумило найденное имъ здѣсь; но его сосѣдъ, писецъ изъ казнохранилища царя, разочарованный осматривалъ пустой дворъ съ видомъ обманутаго человѣка.

Море чувствъ и намѣреній, вздымающее ночью высокія волны, понижаетъ свой уровень при яркомъ дневномъ свѣтѣ; такъ и въ душѣ воина легко поддававшаяся возбужденію страсть давно уже уступила мѣсто большему спокойствію. Другихъ евреевъ желательно было бы подвергнуть самымъ тяжкимъ карамъ, но не Нуна, сынъ котораго Іосія былъ его товарищемъ по оружію, однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ военачальниковъ и притомъ другомъ его дома. Еслибы онъ вспомнилъ объ Іосіи и сообразилъ, что первому нападенію подвергнется дворъ его отца, то навѣрное не сталъ бы во главѣ этого движенія мести; онъ раскаивался въ томъ, что забылъ спокойную разсудительность, которую предписывалъ ему его возрастъ.

Однако же, пока многіе грабили и начали разрушать домъ бѣжавшаго Нуна, явились нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые объявили, что и въ сосѣднихъ домахъ не было найдено ни одного живаго существа. Другіе разсказывали о брошенныхъ кошкахъ, притаившихся въ опустѣвшихъ хлѣвахъ, объ убитой старой скотинѣ и о поломанной утвари. Но наконецъ разъяренная толпа приволокла какого-то еврея съ его домочадцами и какую-то слабоумную сѣдую женщину, которую стащила съ соломы. Лукаво хихикая, старуха увѣряла, что ея соплеменники охрипли, звавши ее, но Мегена умна и бѣжать, все бѣжать, какъ они желали, — на это она несогласна: вѣдь ея ноги такъ слабы, и у нея совсѣмъ нѣтъ башмаковъ.

Мужчина, безобразный еврей, котораго даже изъ его соотечественниковъ немногіе признали бы достойнымъ состраданія, увѣрялъ, — то съ приниженностью, доходившею до пресмыкательства, то со свойственною его натурѣ дерзкою наглостью, — что ему нѣтъ никакого дѣла до ложнаго бога, во имя котораго соблазнитель Моисей заманилъ свой народъ въ погибель, и что онъ вмѣстѣ съ женою и ребен-

комъ всегда стоялъ за египтянъ. Въ самомъ дѣлѣ его жел
многіе: онъ былъ ростовщикъ, и между тѣмъ какъ ег
племенники приготовлялись къ странствованію, онъ ст
вался, чтобы продолжать свое нечестное ремесло и не п
пѣть никакого убытка.

Среди разъяреннаго народа находились и нѣкоторые и
его должниковъ; но и безъ нихъ его участь была бы рѣш
такъ какъ онъ былъ первымъ евреемъ, надъ которымъ
бужденная толпа могла показать, что она не шутитъ
своею местью. Она бросилась на него съ дикими крика
и скоро этотъ несчастный и члены его семьи превратил
въ валяющіеся на землѣ трупы. Никто не зналъ, кто б
зачинщикомъ этой кровавой расправы, такъ какъ слиш
много людей накинулось на убитыхъ.

Другіе оставшіеся евреи, забранные въ домахъ и ма
нахъ, — а такихъ было немало, хотя нѣкоторымъ уд
убѣжать, — съ неменьшею быстротой пали жертвою я
народа; и между тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ лилась к
въ другомъ работали топоры, обрушивая балки, ст
стѣны, ворота, чтобы снести съ лица земли жилища в
вистнаго племени.

Пылающіе уголья, принесенные разъяренными ма
нами, были потушены и раздроблены, такъ какъ болѣ
судительные изъ толпы указали на опасность, которая
жаръ въ кварталѣ чужеземцевъ угрожалъ сосѣднимъ с
домамъ египтянъ и городу Танису.

Такимъ образомъ еврейскій кварталъ былъ спасен
пламени; но когда солнце поднялось выше, мѣста, гдѣ
дились прежде жилища пересенцевъ, были окутаны нес
цаемыми облаками бѣловатой пыли, и тамъ, гдѣ еще н
тысячи людей обладали уютнымъ домашнимъ очагомъ
большія стада утоляли свѣжею водою жажду, жаркая
была покрыта только мусоромъ, камнями, расщепленны
ками и поломанными вещами изъ дерева. Собаки и б
брошенныя на произволъ судьбы, бродили между этим
ломками; къ нимъ присоединились женщины и дѣт
нищенскихъ хижинъ, лѣпившихся на окраинѣ сосѣдня
еврейскимъ кварталомъ Некрополя. Закрывая ротъ от
шающей пыли, они искали — не найдется ли какой и
посуды и жизненныхъ припасовъ, оставленныхъ бѣж
и не унесенныхъ грабителями.

Въ полдень Бай, второй пророкъ, котораго несли на осилкахъ, приблизился къ уничтоженному кварталу. Онъ вился сюда не затѣмъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ разрушенія, а въ виду того, что это былъ ближайшій путь отъ екрополя къ его дому. Однако же на его серьезныхъ губахъ елькнула улыбка удовольствія, когда онъ увидѣлъ, какъ новательно народъ выполнилъ свою работу. Правда — то, его желалъ онъ самъ, не было сдѣлано: вожди бѣглецовъ збѣгли его мщенія, но все же ненависть, хотя она и ненытна, бываетъ довольна и немногимъ: ее радуетъ даже и енѣе значительный вредъ, нанесенный врагу, а жрецъ возращался отъ скорбящаго фараона. Ему еще не удалось свободить царя вполнѣ отъ оковъ, въ которыя заковалъ го еврейскій чародѣй, но онъ расшаталъ ихъ.

Когда этотъ сильный волею, честолюбивый человѣкъ ииноко размышлялъ въ святилищѣ о случившемся и обдумывалъ предстоявшій докладъ, то онъ, неимѣвшій въ другихъ случаяхъ обыкновенія говорить самъ съ собою вслухъ, безпрестанно бормоталъ про себя одну фразу: »такъ благослови и меня!«

Съ этою просьбою самъ фараонъ обратился къ одному человѣку, и этимъ человѣкомъ былъ не Руи, главный судья верховный жрецъ, и не онъ самъ, второй пророкъ, — единственныя лица, которымъ приличествовало благословлять царя, — а нечестивѣйшій изъ нечестивыхъ, иноземецъ, еврей Іезу, котораго онъ ненавидѣлъ больше, чѣмъ кого бы то ни было на землѣ.

»Такъ благослови и меня!« Эта благочестивая, исполненная довѣрія просьба, вырвавшаяся изъ устрашенной человѣческой души, точно кинжалъ, вонзилась въ душу жреца. Ему казалось, что подобнымъ желаніемъ, которое такія уста извергли на благоволеніе такого человѣка, былъ сломанъ посохъ и сорвана барсова шкура съ плечъ жреческаго сословія, что эти слова позорятъ весь его народъ, который онъ любитъ.

Онъ зналъ Моисея, какъ одного изъ мудрѣйшихъ людей, вышедшихъ изъ египетскихъ школъ; ему хорошо было извѣстно, что фараонъ находится подъ обаяніемъ этого человѣка, выросшаго въ его царскомъ домѣ и бывшаго другомъ его отца, великаго Рамзеса. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ его повелитель прощалъ Моисею преступленія, которыя дру-

гимъ — будь это хоть самыя высокопоставленныя ли- стоили бы жизни. И какое значеніе долженъ былъ и этотъ еврей для фараона, бога солнца на всемірномъ т если этотъ послѣдній у смертнаго одра своего собстве сына могъ поддаться порыву — поднять къ нему гл вскричать:

»Такъ благослови и меня!«

Все это онъ сказалъ себѣ самому и зрѣло обдум всетаки желалъ и рѣшился не отступать предъ и ственнымъ чужеземцемъ.

Приготовить гибель ему и его народу — онъ сч самою священною и самою настоятельною изъ своихъ занностей. Чтобы привести ее въ исполненіе, онъ не бался наложить свою руку на тронъ. Въ самомъ л фараонъ Менефта своею нечестивою просьбой: — благослови и меня!« — лишился въ его глазахъ права ствовать.

Мезу былъ убійцей первороднаго сына фараона онъ, Бай, и старый верховный жрецъ Аммона им своей власти и благоденствіе, и погибель души у мальчика. Это оружіе было сильно и остро, и онъ слабое измѣнчивое сердце царя. Еслибы верховный Аммона, — единственный человѣкъ, поставленный выше не противился ему изъ-за своихъ старческихъ ни на неосновательныхъ капризовъ, то ему ничего бы не принудить фараона къ уступчивости; но то, на что непостоянный человѣкъ соглашался сегодня, онъ отм завтра, когда еврею снова удавалось стать между н его египетскимъ совѣтомъ. Еще сегодня этотъ недост сынъ великаго Рамзеса, услыхавъ только имя чародѣ мѣнился въ лицѣ и задрожалъ, какъ испуганная анти какимъ же образомъ завтра онъ будетъ его проклин изречетъ надъ нимъ смертный приговоръ? Можетъ быть согласится на это, но послѣзавтра онъ навѣрное приз его опять и снова будетъ у него просить благосло Прочь этого царя, эту колеблющуюся тростинку на т Притомъ онъ нашелъ уже надлежащаго наслѣдника принцами царской крови. Какъ только наступитъ в какъ только закроетъ глаза верховный жрецъ Амм верховный судья Руи, — который давно уже перешел предѣлы времени, даруемаго божествомъ для человѣч

изни, — на его мѣсто вступитъ онъ, Бай, для египтянъ ачнется новая жизнь, и съ Мезу и его племенемъ будетъ окончено.

Во время этихъ размышленій надъ головою пророка про-тѣла пара вороновъ и, каркая, опустилась на пыльныя раз-алины одного изъ разрушенныхъ домовъ. Онъ невольно осмотрѣлъ имъ вслѣдъ и замѣтилъ, что цѣлью ихъ полета ылъ трупъ убитаго еврея, наполовину покрытый мусоромъ. огда по его умнымъ суровымъ чертамъ снова пробѣжала ыбка, которой не умѣли объяснить жрецы низшаго ранга, ружавшіе его носилки.

III

Въ числѣ людей, сопровождавшихъ пророка, находился и ачальникъ стрѣлковъ изъ лука, Горнехтъ. Они были другъ ъ другомъ въ очень короткихъ отношеніяхъ, такъ какъ отъ воинъ стоялъ во главѣ знатныхъ людей, составившихъ аговоръ для низверженія фараона.

Когда они приблизились къ разрушенному дому Нуна, рецъ указалъ военачальнику на развалины и проговорилъ: — отъ, кто нѣкогда владѣлъ этимъ, есть единственный еврей, оторому я даровалъ бы пощаду. Это былъ хорошій чело-ѣкъ, а его сынъ Іосія...

— Онъ на нашей сторонѣ, прервалъ его Горнехтъ. — ъ войскѣ фараона мало людей лучше его и — прибавилъ онъ ихо: — я надѣюсь на него въ виду рѣшительнаго дня.

— Объ этомъ — при немногихъ свидѣтеляхъ, прервалъ о жрецъ. — Впрочемъ, именно я обязанъ ему особенною бла-одарностью. Во время ливійской войны — ты вѣдь знаешь о — я попалъ въ руки непріятеля, и Іосія со своимъ ма-енькимъ отрядомъ вырвалъ меня у дикихъ полчищъ. За-ѣмъ пророкъ, понизивъ голосъ и какъ бы извиняясь въ учившемся здѣсь, продолжалъ своимъ поучительнымъ то-омъ: — такъ происходитъ на землѣ. Тамъ, гдѣ цѣлый ругъ людей дѣлается достойнымъ наказанія, принадлеж-ость къ нему вредитъ даже и невиннымъ. Въ подобномъ лучаѣ даже боги не отмѣчаютъ одинокихъ отъ толпы, мало ого, даже невинныхъ животныхъ постигаетъ несчастіе. По-мотри только на эти стаи голубей на мусорѣ: они напрасно щутъ пріюта. А кошка вонъ тамъ, съ котятами! Беки,

поди и возьми ее съ собой: это наша обязанность — и
лять священныхъ животныхъ отъ голодной смерти.

Эта добрая забота о неразумномъ созданіи была
близка сердцу человѣка, который только что сейчас
дикимъ наслажденіемъ думалъ о погибели многихъ
что онъ велѣлъ остановить носилки и наблюдалъ, как
слуги ловили кошекъ. Но дѣло шло не такъ скоро,
онъ ожидалъ. Одна изъ нихъ скрылась въ ближайш
верстіе погреба, а оно было такъ узко, что, повидим
совершенно защищало ее отъ преслѣдованія слугъ. О
же младшій изъ нихъ, тонкій нубіецъ, схватилъ ее: в
онъ приблизилъ свое лицо къ отверстію, какъ снова
пилъ и закричалъ своему господину:

— Тамъ лежитъ какое-то человѣческое существо
жется, еще живое! Да, вотъ оно подымаетъ руку... Это
чикъ или юноша и, навѣрно, не рабъ, потому что
лова вся въ кудряхъ и — тутъ солнечный лучъ проник
погребъ — и на рукѣ выше локтя широкій золотой

— Можетъ быть, это кто нибудь изъ родствен
Нуна, о которомъ они забыли, сказалъ воинъ, а
Бай прибавилъ съ жаромъ:

— Воля боговъ! Ихъ священныя животныя указы
мнѣ способъ — оказать услугу человѣку, которому
занъ великою благодарностью. Постарайся пролѣзть
гребъ, Беки, и принеси ко мнѣ мальчика.

Между тѣмъ нубіецъ отстранилъ камень, паденіе
раго съузило отверстіе, и скоро затѣмъ передалъ свое
варищу неподвижное молодое тѣло, которое этотъ по
вытащилъ на открытый воздухъ и отнесъ къ колодц
съ помощью свѣжей воды привелъ его въ чувство.

Очнувшись отъ обморока, юноша протеръ глаза,
рѣлъ на себя и — какъ бы не зная, гдѣ онъ находи
вокругъ себя и, точно охваченный горестью и ужасомъ
никъ головой, кудри которой на затылкѣ слиплись от
ныхъ массъ вытекшей крови.

Пророкъ позаботился о томъ, чтобы обмыли
рану, нанесенную мальчику упавшимъ камнемъ,
ему сдѣлана была перевязка, позвалъ его къ своим
силкамъ, прикрытымъ зонтикомъ.

Молодой еврей, послѣ долгаго ночнаго странств
пришелъ предъ восходомъ солнца въ домъ своег

Нуна, изъ Питома, который евреи называли Сикотъ, въ качествѣ посланца. Найдя домъ пустымъ, онъ легъ въ оставленномъ жилищѣ, чтобы нѣсколько отдохнуть. Его разбудилъ шумъ разъяренной толпы, и, когда онъ услыхалъ проклятія противъ своего народа, раздававшіяся по всему дому, онъ убѣжалъ въ погребъ, и крыша, о которую онъ ударился при своемъ входѣ туда, послужила ему спасеніемъ, такъ какъ массы пыли, которыя при своемъ паденіи засыпали все, скрыли его отъ глазъ грабителей.

Пророкъ внимательно смотрѣлъ на него, и хотя раненый стоялъ предъ нимъ запачканный, блѣдный и съ окровавленною повязкой на головѣ, но онъ видѣлъ, что это красивый, великолѣпно сложенный мальчикъ, приближавшійся къ юношескому возрасту.

Почувствовавъ живое участіе къ нему, пророкъ смягчилъ строгую серьезность своихъ взглядовъ и ласково спросилъ его, откуда онъ пришелъ и что̀ привело его въ Танисъ, такъ какъ по лицу спасеннаго нельзя было вывести заключенія о томъ, къ какому народу онъ принадлежалъ.

Юноша безнаказанно могъ бы выдать себя за египтянина, но откровенно признался, что онъ внукъ Нуна. Ему только что исполнилось семнадцать лѣтъ, называется онъ Ефраимъ, какъ его предокъ, сынъ Іосифа, и пришелъ онъ повидаться со своимъ дѣдомъ.

Эти слова звучали сильнымъ чувствомъ своего достоинства и удовольствіемъ по поводу своего незауряднаго происхожденія.

На вопросъ, не посланъ ли онъ сюда съ какимъ нибудь порученіемъ, онъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ; но скоро справился, смѣло посмотрѣвъ пророку въ лицо, и сказалъ:

— Кто бы ты ни былъ, но меня учили всегда говорить правду, — и потому знай, что въ Танисѣ живетъ еще другой мой другъ по крови, Іоссія, сынъ Нуна; онъ служитъ въ войскѣ фараона, въ качествѣ военачальника, и я имѣю кое-что сообщить ему.

— Знай, возразилъ жрецъ: — что это тотъ самый Іоссія, изъ любви къ которому я нахожусь здѣсь и велѣлъ моимъ слугамъ вытащить тебя изъ разрушеннаго дома. Я обязанъ ему благодарностью, и хотя бо̀льшая часть твоихъ соплеменниковъ сдѣлала себя достойною самаго тяжкаго наказанія, ты, ради *его* превосходныхъ качествъ, имѣешь право жить свободнымъ и невредимымъ между нами.

Мальчикъ гордымъ и огненнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на жреца, но, прежде чѣмъ могъ отвѣтить что нибудь, тотъ съ ободряющею лаской продолжалъ:

— По твоимъ глазамъ, мальчикъ, я, кажется, могу заключить, что ты пришелъ сюда съ цѣлью достигнуть, посредствомъ своего дяди Іоссіи, пріема въ войско фараона. Твоя фигура дѣлаетъ тебя способнымъ къ военной службѣ, и у тебя навѣрно нѣтъ недостатка въ неустрашимости.

Улыбка польщеннаго тщеславія пробѣжала по губамъ Эфраима, и, можетъ быть, безсознательно поправляя широкій золотой обручъ на верхней части своей руки, онъ отвѣтилъ съ жаромъ:

— Что я мужественъ — это я довольно часто доказывалъ на охотѣ; но дома у насъ множество коровъ и овецъ, которыя теперь составляютъ уже мою собственность, и быть свободнымъ и повелѣвать пастухамъ мнѣ кажется болѣе желательнымъ, чѣмъ дѣлать то, что мнѣ прикажутъ другіе.

— Такъ, такъ, возразилъ жрецъ. — Можетъ быть, Іоссія научитъ тебя чему нибудь другому, лучшему. Повелѣвать — это заманчивая цѣль для юности! Жаль только, что мы, которые достигли ея, становимся слугами, обремененными тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше кругъ повинующихся намъ людей. Ты понимаешь меня, Горнехтъ, а ты, мальчикъ, поймешь позднѣе, когда сдѣлаешься тѣмъ пальмовымъ деревомъ, въ которое обѣщаетъ превратиться со временемъ дикое деревцо. Но время не терпитъ. Кто послалъ тебя къ Іоссіи?

Юноша снова нерѣшительно опустилъ глаза; но когда пророкъ прервалъ молчаніе вопросомъ: — »гдѣ же правдивость, которой учили тебя?« — онъ отвѣтилъ рѣшительно:

— Я сдѣлалъ это путешествіе по желанію одной женщины, которой вы не знаете.

— Женщины? повторилъ пророкъ и испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо начальника стрѣлковъ. — Храброму воину и прекрасной женщинѣ, ищущимъ другъ друга, охотно помогаютъ гаторы *) и связываютъ ихъ веревками; но служителю божества неприлично быть зрителемъ подобной сцены, и потому я не допытываюсь ничего больше. Распорядись, вождь, чтобы представили мальчика и помоги

*) Египетская богиня любви, изображаемая съ веревкою въ рукѣ.

ему передать его порученіе Іоссіи; вопросъ только въ томъ— вернулся ли онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ воинъ: — но сегодня ждутъ въ казармахъ возвращенія его тысячъ.

— Значитъ, гаторы, благосклонныя къ посланцамъ любви, соединятъ этихъ обоихъ не дальше, какъ завтра, сказалъ пророкъ мальчику; но тотъ возразилъ ему съ негодованіемъ: — никакого любовнаго привѣтствія я не несу никому. Жрецъ, котораго позабавило это рѣзкое возраженіе, весело сказалъ: — я и забылъ, что говорю съ молодымъ княземъ стадъ. Затѣмъ онъ продолжалъ болѣе серьезнымъ тономъ:

— Когда ты увидишь Іоссію, то передай ему мой привѣтъ и скажи ему, что Бай, второй пророкъ Аммона, котораго онъ освободилъ отъ ливійцевъ, считаетъ уплатившимъ часть своего долга ему, принявъ подъ свое покровительство тебя, его племянника. Тебѣ, смѣлый мальчикъ, можетъ быть неизвѣстно, что ты точно какимъ-то чудомъ избѣжалъ двойной опасности. Разъяренная толпа не пощадила бы тебя также, какъ и удушающая пыль разрушенныхъ домовъ. Помни это и скажи Іоссіи отъ меня, Бая, что я заранѣе увѣренъ въ его рѣшимости отречься отъ своихъ соплеменниковъ съ отвращеніемъ, когда онъ узнаетъ о бѣдствіи, въ которое чародѣйство одного изъ вашихъ ввергнуло домъ фараона — вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ городъ и всю страну. Они бѣжали, какъ трусы, послѣ того какъ нанесли тягчайшія раны египтянамъ, и похитили лучшія вещи у людей, среди которыхъ они жили спокойно, пользуясь ихъ покровительствомъ, получая отъ нихъ работу и хлѣбъ въ изобиліи! Вотъ что случилось, и если я не ошибаюсь въ немъ, то онъ отвернется отъ тѣхъ, которые совершили такое преступленіе. Передай ему также, что подобнымъ образомъ поступили уже, по собственному побужденію, низшіе еврейскіе начальники и наемники, состоящіе подъ начальствомъ сирійца Аарсу. Сегодня утромъ — Іоссія узнаетъ это и отъ другихъ — они принесли жертвы не только своему Ваалу и Сету, — которому охотно служили столь многіе изъ вашихъ, пока нечестивый чародѣй Мезу не соблазнилъ васъ, — но и отцу Аммону и священному сонму девяти нашихъ вѣчныхъ боговъ. Если онъ сдѣлаетъ то же, то мы, идя съ нимъ рука въ руку, поднимемся вы-

соко, въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ, и онъ заслу
ваетъ этого. Другую часть моего долга благодарности
нему, все еще остающуюся за мною, я съумѣю
сить другими способами, которые до времени должны
ваться втайнѣ. Но уже и сегодня ты можешь ув
своего дядю, что я съумѣю защитить его честнаго
Нуна, когда наказаніе боговъ и царя постигнетъ др
людей вашего народа. Уже отточенъ — скажи ему
мечъ, и готовится безпощадный приговоръ. Пусть онъ
ситъ себя: что могутъ сдѣлать бѣгущіе пастухи
войска, къ способнымъ вождямъ котораго принадлежи
онъ самъ. Твой отецъ еще живъ, сынъ мой?

— Нѣтъ, его унесли на кладбище уже давно, отв
Эфраимъ, дрожащимъ голосомъ.

Не овладѣла ли имъ моровая язва? не охватилъ
молодую душу стыдъ, что онъ принадлежитъ къ ва
совершившему столь позорныя дѣянія? или же мал
былъ на сторонѣ своихъ соплеменниковъ и то блѣднѣлъ
краснѣлъ не отъ чего инаго, какъ отъ гнѣва и негодо
слыша, какъ горько поносятъ ихъ, и его душа была
щена до того, что онъ едва могъ говорить? Все равно
не былъ подходящимъ вѣстникомъ для того, что
думалъ сообщить его дядѣ. Поэтому жрецъ сдѣлалъ
нику стрѣлковъ знакъ — слѣдовать за нимъ подъ тѣнь
моры, широко раскинувшей свои вѣтви. Было важно у
во что бы то ни стало Іоссію въ войскѣ. Въ виду
пророкъ положилъ руку на плечо Горнехта и сказал

— Ты знаешь, что тебя и другихъ убѣдила пр
ниться къ нашей сторонѣ моя жена. Она служитъ
лучше и ревностнѣе, чѣмъ многіе мужчины; а твоя
насколько она внушаетъ мнѣ удивленіе своею кр
настолько же обладаетъ очарованіемъ невинности, пр
кающимъ сердца.

— Ты хочешь, чтобы Казана участвовала въ за
спросилъ военачальникъ, вздрогнувъ.

— Разумѣется, не въ качествѣ дѣятельной помощ
какъ моя жена, отвѣчалъ жрецъ.

— Да она и не годится для этого, возразилъ Го
болѣе спокойнымъ тономъ: — потому что она все
что дитя.

— И всетаки посредствомъ ея можно привлечь

шему дѣлу одного человѣка, содѣйствіе котораго мнѣ кажется неоцѣнимымъ.

— Ты разумѣешь Іоссію? спросилъ Горнехтъ, и его лобъ снова нахмурился; но пророкъ продолжалъ: — А еслибы и такъ? Развѣ онъ настоящій еврей? Можешь ли ты считать недостойнымъ дочери уважаемаго воина протянуть руку человѣку, котораго, въ случаѣ успѣха нашего предпріятія, мы поставимъ главнокомандующимъ надъ всѣми наемными войсками?

— Нѣтъ, вскричалъ воинъ. — Но къ числу причинъ, побудившихъ меня возстать противъ фараона и обратиться къ Зиптаху, принадлежитъ также и то, что мать перваго была чужеземка, а въ жилахъ послѣдняго течетъ наша кровь. Мать опредѣляетъ происхожденіе человѣка, а матерью Іоссіи была еврейка. Я называю его моимъ другомъ, я умѣю цѣнить его достоинства, — Казана расположена къ нему...

— И всетаки ты желаешь имѣть болѣе знатнаго зятя? прервалъ его жрецъ. — Какимъ образомъ можетъ удаться наше предпріятіе, если отдѣльнымъ людямъ, рискующимъ для него своею жизнью, уже первая жертва кажется слишкомъ великою? Твоя дочь, говоришь ты, расположена къ Іоссіи?

— Была расположена, это вѣрно! вскричалъ Горнехтъ: — ея сердце принадлежало ему, но я съумѣлъ принудить ее къ послушанію, — неужели теперь, когда она овдовѣла, я долженъ отдать ее тому самому человѣку, отъ котораго я принудилъ ее отказаться послѣ тяжкой борьбы? Слыхано ли, возможно ли это въ Египтѣ?

— Это будетъ возможно, возразилъ жрецъ: — когда мужчины и женщины на Нилѣ будутъ имѣть надъ собою столько власти, чтобы ради великаго дѣла подчиниться требованіямъ, несогласнымъ съ ихъ желаніями. Обдумай все это и, кромѣ того, вспомни, что прародительницею Іоссіи — онъ хвалился этимъ въ твоемъ присутствіи — была египтянка, дочь одного изъ людей моего сословія.

— Но сколько поколѣній сошло съ тѣхъ поръ въ могилу!

— Все равно. Это обстоятельство дѣлаетъ его болѣе близкимъ къ намъ, чѣмъ и должны мы удовольствоваться. До свиданія сегодня вечеромъ! Окажи покамѣстъ гостепріимство племяннику Іоссіи, и пусть дружески позаботится о немъ твоя прекрасная дочь, такъ какъ онъ, повидимому, очень нуждается въ этомъ.

IV

Какъ во всемъ городѣ, такъ и въ домѣ начальника стрѣлковъ Горнехта господствуетъ глубокая печаль. Мужчины остригли волосы, женщины покрыли лобъ свой пылью. Жена военачальника умерла уже давно, но его дочь и ея прислужницы встрѣтили его въ траурныхъ покрывалахъ и съ громкимъ плачемъ, потому что у зятя хозяина дома умерли перворожденный сынъ и внукъ... И какъ много было другихъ близко знакомыхъ кружковъ, гдѣ моровая язва потребовала жертвы!..

Но скоро женщины отдались вполнѣ заботѣ о раненомъ мальчикѣ, и послѣ того какъ его выкупали и снова перевязали ему тяжкую рану на головѣ, помазавъ ее цѣлительною мазью, ему были поданы вино и кушанье. Освѣженный и подкрѣпленный, онъ пошелъ на зовъ дочери своего хозяина.

Запыленный и изнеможенный мальчикъ превратился въ красиваго юношу. Умащенные волосы его выбивались изъ-подъ новой бѣлой повязки, окружавшей его голову волнистыми кудрями; окаймленная золотымъ шитьемъ египетская одежда, оставшаяся послѣ умершаго мужа дочери Горнехта, покрывала его эластичное смугловатое тѣло. Онъ, повидимому, чувствовалъ удовольствіе, облачившись въ это народное платье, отъ котораго вѣяло новымъ для него запахомъ нарда: его черные глаза блестѣли на прекрасно очерченномъ лицѣ.

Дочь военачальника давно уже не видѣла болѣе красиваго юноши; сама она тоже обладала весьма привлекательною наружностью. Послѣ кратковременнаго брака съ нелюбимымъ человѣкомъ, Казана, едва проживъ внѣ родительскаго дома одинъ годъ, вернулась туда, такъ какъ этотъ домъ нуждался въ хозяйкѣ, а большое имущество, оставшееся ей въ наслѣдство по смерти мужа, давало ей возможность ввести въ простую домашнюю жизнь воина уютность и великолѣпіе, сдѣлавшіяся для нея потребностью.

Ея отецъ, человѣкъ строгій и часто безмѣрно вспыльчивый, предоставилъ ей теперь дѣлать, что она хотѣла. Въ прежнее время онъ безпощадно противопоставилъ свою волю ея желаніямъ, заставивъ ее, пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, выйти замужъ за человѣка гораздо старше ея. Онъ

сдѣлалъ это, замѣтивъ, что Казана полюбила Іоссію, а ему казалось позорнымъ имѣть зятемъ своимъ еврея, который тогда еще не занималъ выдающагося положенія въ войскѣ. Египетская дѣвушка должна была безпрекословно повиноваться отцу, когда онъ ей выбралъ мужа; поэтому покорилась и Казана, но при этомъ она проливала такія горячія слезы, что Горнехтъ былъ радъ, когда она подчинилась его волѣ и отдала руку нелюбимому супругу.

Но его дочь, будучи и вдовою, любила еврея. Когда войско было въ походѣ, она не переставала бояться за него и цѣлые дни и ночи проводила въ тягостномъ безпокойствѣ. Когда приходили извѣстія о войскахъ, она спрашивала только объ Іоссіи, и ея склонности къ нему глубоко огорченный отецъ приписывалъ то обстоятельство, что она отказывала женихамъ одному за другимъ. Въ качествѣ вдовы она имѣла право располагать своею рукою, и эта нѣжная мягкосердечная молодая женщина изумляла своего отца упрямою рѣшительностью, которую она выказывала не только относительно искателей ея руки, принадлежавшихъ къ ея сословію, но и относительно принца Зиптаха, къ дѣлу котораго примкнулъ ея отецъ.

Свою радость по случаю возвращенія Іоссіи Казана высказала сегодня предъ отцомъ такъ открыто и свободно, что этотъ бѣшеный человѣкъ поспѣшилъ уйти изъ дому, чтобы не допустить себя до какихъ нибудь безразсудныхъ поступковъ и словъ. Своего юнаго гостя онъ предоставилъ попеченіямъ своей дочери и ея кормилицы.

Какое впечатлѣніе производилъ на воспріимчивую душу мальчика домъ военачальника съ его обширными комнатами и открытыми верандами, съ яркою цвѣтною окраской, съ художественными украшеніями и мебелью, мягкими подушками и сладкимъ благоуханіемъ повсюду! Все это было ново и чуждо сыну владѣльца стадъ, привыкшему жить среди голыхъ сѣрыхъ стѣнъ большаго, но совершенно лишеннаго украшеній сельскаго дома и во всѣ времена года въ парусинныхъ шатрахъ между пастухами и стадами, больше на открытомъ воздухѣ, чѣмъ подъ кровлей. Ему казалось, что онъ какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ высшій, болѣе желательный міръ, и что въ роскошной одеждѣ, съ умащенными волосами и омытымъ тѣломъ, онъ какъ разъ подходитъ къ этому міру. Правда, вездѣ міръ прекрасенъ, даже

и на открытомъ воздухѣ — на пастбищѣ среди стадъ и въ вечерней прохладѣ передъ шатромъ, когда пастухи пѣли, а охотники разсказывали о своихъ приключеніяхъ, и когда надъ нимъ такъ чудно сіяли звѣзды. Но всему этому предшествовала тяжкая, противная работа; здѣсь же наслажденіе было даже въ томъ, чтобы смотрѣть и дышать. И когда занавѣска открылась, и молодая вдова заставила его сѣсть противъ нея и то задавала ему вопросы, то съ участіемъ выслушивала его отвѣты, то ему чудилось, что точно также какъ тогда, среди развалинъ разрушеннаго дома, онъ потерялъ сознаніе и видитъ самый пріятный изъ всѣхъ сновъ; что теперь ему грозитъ задушеніемъ, и такъ часто прерываетъ теченіе его рѣчи безмѣрность блаженства, изливаемаго на него великою Ашерой, подругою Ваала. О ней разсказывали ему многіе финикійскіе купцы, снабжавшіе пастуховъ разными хорошими вещами, но дома ему запретила говорить о ней строгая Мирьямъ.

Его соплеменники внѣдрили въ его юную душу ненависть къ египтянамъ, угнетателямъ его народа; но развѣ могли быть дурными людьми и внушать ему отвращеніе тѣ, среди которыхъ было такое существо, какъ эта прекрасная ласковая женщина, съ такою кротостью и теплотою смотрѣвшая ему въ глаза, при видѣ которой его кровь волновалась до того, что онъ не могъ успокоиться и прижималъ руку къ сердцу, чтобы сдержать его порывистое біеніе?

Она сидѣла противъ него на стулѣ, покрытомъ барсовой шкурой, занимаясь пряжей тонкихъ шерстяныхъ нитокъ. Онъ ей нравился, и она приняла его такъ ласково, потому что онъ былъ родственникомъ человѣка, котораго она любила съ дѣтскихъ лѣтъ. Ей казалось также, что онъ имѣетъ сходство съ Іоссіей; но мальчику недоставало серьезности мужчины, которому она, сама не зная какъ и когда, отдала свое юное сердце, хотя онъ никогда не добивался ея любви.

На ея черныхъ, хорошо причесанныхъ кудрявыхъ волосахъ красовался цвѣтокъ лотоса, стебель котораго граціознымъ изгибомъ ниспадалъ на склоненный затылокъ, окаймленный перепутанною массою красивыхъ локончиковъ. Когда она поднимала глаза на Эфраима, ему казалось, что открываются два источника, чтобы пролить въ его юную грудь потоки блаженства, а прелестной руки ея, занятой

ряжею шерсти, онъ уже коснулся при ея привѣтствіи и ржалъ ее въ своей.

Теперь она начала разспрашивать его объ Іоссіи и о енщинѣ, приславшей мальчика къ нему съ порученіемъ: олода ли, красива ли она, и не связываетъ ли ее любовь ъ его дядей.

Эфраимъ весело засмѣялся: пославшая его женщина ыла такъ серьезна и сурова, что мысль о возможности доустить въ ней способность къ нѣжнымъ чувствамъ разнѣшила его. А красива ли она — объ этомъ онъ никогда е задавалъ себѣ вопроса.

Молодая вдова приняла этотъ смѣхъ за отвѣтъ, какого на въ особенности желала; вздохнувъ, она оставила вереено и пригласила Эфраима идти съ нею въ садъ.

Какъ тамъ все цвѣло и благоухало, въ какомъ порядкѣ одержались гряды, дорожки, бесѣдки и пруды! Къ его прогому родительскому дому примыкалъ пустой дворъ, безъ якихъ украшеній, съ хлѣвами для крупнаго и мелкаго огатаго скота, — и однако же ему было извѣстно, что со ременемъ онъ будетъ обладать большимъ имуществомъ, такъ акъ онъ былъ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ заиточнаго отца, а его мать — дочерью богатаго Нуна. Его луги не разъ говорили ему это, и теперь ему было досадно, го его родной домъ былъ немногимъ красивѣе жилища абовъ Горнехта, которое показала ему Казана.

Во время ходьбы по саду Эфраимъ долженъ былъ погать ей рвать цвѣты, и, когда корзина, которую онъ несъ нею, была наполнена, она пригласила его сѣсть съ нею ъ бесѣдкѣ, чтобы помочь ей сплетать вѣнки. Они были редназначены для умершихъ. Въ прошлую ночь ея дядю похожаго на него милаго двоюроднаго брата унесла моовая язва, которую его соплеменники наслали на Танисъ.

Съ прилегавшей къ стѣнѣ сада улицы слышались нерестанные жалобные вопли женщинъ, оплакивавшихъ кагого нибудь покойника или сопровождавшихъ его къ молѣ, — и когда эти вопли сдѣлались особенно громки и орестны, она дружески попрекнула Эфраима тѣмъ, что все го танитяне потерпѣли изъ-за евреевъ, и спросила его: моетъ ли онъ отрицать, что египтяне имѣютъ основаніе ненавидѣть людей, которые причинили имъ такія бѣдствія.

Ему было трудно найти надлежащій отвѣтъ. Онъ слы-

шалъ, что египтянъ караетъ Богъ его народа для осв
денія евреевъ отъ позора и рабства, и онъ не осмѣлив
отречься съ презрѣніемъ отъ тѣхъ, къ которымъ он
надлежалъ по крови. Поэтому онъ молчалъ, чтобы н
лгать или же не согрѣшить. Но она не отставала от
и, наконецъ, онъ отвѣчалъ, что ему прискорбно все, п
няющее ей горе, но его народъ не имѣетъ никакой власт
здоровьемъ и жизнью, потому что заболѣвающіе евре
вольно часто обращаются къ египетскимъ врачамъ. Т
здѣсь случилось, совершено великимъ Богомъ его от
который своимъ могуществомъ превосходитъ другихъ б
Онъ — Эфраимъ — еврей, но она можетъ ему повѣрить
онъ невиновенъ въ моровой язвѣ и охотно возвратит
ея дядю и двоюроднаго брата къ жизни, еслибы у
Для нея онъ готовъ сдѣлать все, даже самое трудное.

Она ласково улыбнулась ему и сказала:

— Бѣдный мальчикъ! если я признаю за тобою к
нибудь вину, то развѣ ту, что ты принадлежишь к
роду, не знающему никакой пощады, никакого состра
Наши милые, несчастные покойники! они принужден
шиться даже оплакиванія своихъ близкихъ, потому
домъ, гдѣ они лежатъ, зачумленъ, и никто не смѣетъ
въ него!

Она молча осушила свои глаза и затѣмъ вновь п
лась за плетеніе вѣнковъ; но при этомъ слезы, од
другою, текли по ея щекамъ. Онъ не зналъ — что ск
ей больше, и только подавалъ ей цвѣты и листья, и
при этомъ касался ея руки, жаръ пробѣгалъ у него п
ламъ. Его раненая голова начала сильно болѣть, и по
менамъ онъ вздрагивалъ отъ легкаго озноба. Онъ чув
валъ, что его лихорадитъ какъ тогда, когда онъ чуть
умеръ отъ скарлатины, но ему стыдно было признать
этомъ, и онъ крѣпился.

Когда солнце склонилось къ закату, въ садъ в
Горнехтъ. Онъ уже видѣлся съ Іоссіею и хотя нем
радовался благополучному возвращенію своего друга, н
всетаки безпокоило и досадовало то, что Іоссія п
всего съ участіемъ освѣдомился о его дочери. Онъ не ск
этого отъ нея, и выраженіе его глазъ свидѣтельство
неудовольствіи, которое внушали ему привѣтствія
Наконецъ онъ обратился къ Эфраиму и сообщилъ ему

ссія стоитъ со своими войсками передъ городомъ. По при-
нѣ моровой язвы, они должны расположить свой лагерь
ѣ Таниса, между городомъ и моремъ. Они скоро должны
дутъ проходить мимо, и дядя велѣлъ сказать Эфраиму,
обы онъ пришелъ попозднѣе въ его палатку.

Увидѣвъ, что юноша помогаетъ его дочери плести вѣнки,
ъ улыбнулся и вскричалъ:

— Сегодня утромъ этотъ задорный мальчуганъ желалъ
ю жизнь оставаться свободнымъ и повелѣвать, и вотъ
перь онъ отдалъ себя въ твое распоряженіе, Казана. Но
го тебѣ краснѣть, мой юный другъ! И если твоя госпожа
и твой дядя убѣдитъ тебя быть однимъ изъ нашихъ и
освятить себя благороднѣйшему ремеслу воина, то это по-
ужитъ къ твоему благу. Посмотри на меня: я владѣю
укомъ болѣе сорока лѣтъ, но до сихъ поръ доволенъ сво-
мъ призваніемъ. Мнѣ приходится повиноваться, но также
повелѣвать, и тѣ тысячи, которыя слушаются меня — не
вцы или коровы, а храбрые люди. Обдумай это самъ съ
обою еще разъ. Изъ него выйдетъ превосходный предво-
итель стрѣлковъ! какъ ты думаешь, Казана?

— Конечно, отвѣтила молодая женщина и хотѣла ска-
ать еще что-то, но за стѣной сада послышался мѣрный
опотъ приближавшагося военнаго отряда. Яркая краска
азлилась по лицу Казаны, ея глаза пріобрѣли жаркій
лескъ, испугавшій Ефраима, и, не обращая вниманія ни
а отца, ни на гостя, она побѣжала мимо пруда, по аллеямъ
грядамъ, вскочила на дерновую скамью вдоль стѣны и
апряженными глазами смотрѣла на улицу и на вооружен-
ый отрядъ, который вскорѣ затѣмъ прошелъ мимо ея.

Іоссія шелъ во главѣ въ полномъ вооруженіи. Подходя
ъ саду Горнехта, онъ повернулъ свою серьезную голову и,
видѣвъ Казану, опустилъ боевую сѣкиру, дружески кла-
яясь.

Эфраимъ послѣдовалъ за Горнехтомъ; этотъ послѣдній
казалъ ему на дядю и сказалъ:

— И къ тебѣ превосходно шелъ бы военный нарядъ:
еловѣкъ идетъ, точно окрыленный, когда гремитъ барабанъ,
аздается труба, и надъ нами развиваются знамена. Сегодня
оенная музыка молчитъ по причинѣ страшнаго бѣдствія,
авлеченнаго на насъ еврейскимъ злодѣемъ. Іоссія — тоже
врей, и хотя я не могу смотрѣть на это сквозь пальцы,

но все-таки долженъ признаться, что онъ — настоящій солдатъ, образецъ для молодаго поколѣнія. Сообщи ему, что я думаю о немъ на этотъ счетъ. Теперь простись съ Казаною и иди за войскомъ, вотъ тамъ калитка въ стѣнѣ отворена. Говоря это, онъ повернулъ къ дому, и Эфраимъ протянулъ на прощаніе руку молодой женщинѣ. Она подала ему свою, но тотчасъ же отняла ее и сказала озабоченнымъ тономъ:

— Какъ горяча твоя рука! у тебя лихорадка!

— Нѣтъ, нѣтъ, пробормоталъ юноша, но, говоря это, онъ опустился на колѣни, и какой-то туманъ распространился надъ измученною волненіями дня душою страждущаго мальчика.

Казана испугалась, но быстро оправилась и освѣжила ему темя и лобъ изъ ближняго пруда. При этомъ она озабоченно посмотрѣла на его лицо, и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, онъ показался ей похожимъ на Іоссію. Да, человѣкъ, котораго она любила, долженъ былъ походить на этого мальчика, когда самъ былъ еще мальчикомъ. Сердце ея забилось быстрѣе, и, держа голову Эфраима въ рукахъ, она тихо поцѣловала ее.

Она считала его лишеннымъ сознанія, но дѣйствіе освѣжающей влаги уже прогнало его легкій обморокъ, и онъ съ сладкимъ трепетомъ почувствовалъ ея поцѣлуй. Онъ не раскрывалъ глазъ и желалъ бы покоиться всю жизнь, прислонясь головой къ ея груди, въ надеждѣ, что ея губы еще разъ прикоснутся къ его губамъ. Но, вмѣсто того чтобы поцѣловать его снова, она громко позвала на помощь. Тогда онъ вскочилъ, дикимъ, пылающимъ взоромъ посмотрѣлъ ей въ лицо и, прежде чѣмъ она могла его остановить, побѣжалъ, точно здоровой, къ воротамъ сада, отворилъ ихъ и послѣдовалъ за военнымъ отрядомъ. Онъ скоро добѣжалъ до первыхъ отдѣленій его, скоро обогналъ много другихъ и когда, наконецъ, очутился возлѣ ихъ начальника, то окликнулъ своего дядю и назвалъ свое имя. Обрадованный Іоссія простеръ къ нему объятія, но прежде чѣмъ Эфраимъ могъ упасть къ нему на грудь, онъ снова лишился чувствъ, и сильные воины понесли мальчика въ шатеръ, уже поставленный квартирьеромъ у моря на песчаномъ холмѣ.

Продолженіе будетъ

»ХОРОШІЙ ТОНЪ«

Записки нью-іоркскаго пролетарія

Изъ „Американскихъ разсказовъ“

Ж. СУДАНА

Нью-Іоркъ, 13 января 188.* — Сегодня мнѣ 29 лѣтъ — ни одного доллара въ карманѣ! Какимъ образомъ увеличить этотъ капиталъ?

Разберемъ это дѣло безпристрастно: вставать рано я не мѣю, удержаться на одномъ мѣстѣ болѣе 2-хъ недѣль — оже. Я пишу безобразно и не въ состояніи вести книгъ, акъ какъ я никогда не могъ выучиться считать безъ по-ощи пальцевъ. Ко всему этому *я не могу* не курить и икогда не съумѣю привыкнуть къ дряннымъ сигарамъ. Работать? какъ именно?

Однако же я не идіотъ. Во всемъ городѣ никто такъ не оворитъ по французски, какъ я, а относительно пѣнія я огу поспорить съ тремя четвертями обыкновенныхъ люби-елей. Наконецъ я недурно сложенъ и если постараюсь, то въ большомъ салонѣ чувствую себя совершенно какъ дома.

И несмотря на всѣ эти преимущества, мое положеніе въ настоящее время совершенно одинаково съ положеніемъ четыреугольнаго гвоздя въ кругломъ отверстіи. Я бы долженъ родиться старшимъ сыномъ владѣтельнаго герцога, съ большимъ майоратомъ. А вмѣсто того я сирота — безъ гроша опредѣленныхъ доходовъ.

Я шучу, а между тѣмъ, право, шутить нечѣмъ. Часы, кольца, булавки, всѣ мои золотыя вещи — въ закладѣ у еврея. Чудо, что у меня еще сохранилась одежда и запонки на случай какого нибудь экстреннаго приглашенія въ гости.

Еслибы не добрая хозяйка моего обиталища, — которая ... рить въ кредитъ, благодаря моему внѣшнему виду. — ... жется, я очутился бы на улицѣ...

Недавно я встрѣтился съ Вильямомъ Кремптономъ.

— Знаете, весело закричалъ онъ мнѣ: — баллотиро... въ Союзномъ клубѣ назначена завтра. Будьте увѣрены, ... пройдете единогласно!

Тотчасъ мнѣ пришло на умъ: »а расходы по выбо... по вступленію въ члены, складчины?« Я принялъ озабо... ный видъ: — благодарю васъ, милый Кремптонъ. Но сдѣ... одоленіе, снимите немедленно мою кандидатуру, ... что я сегодня вечеромъ покидаю на нѣкоторое время ...

Между тѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ моей мечтой ... сдѣлаться членомъ Союзнаго клуба!

Нечего говорить — я погибъ, и до такой степени ... что я серьезно... да, совершенно серьезно спрашивал... не лучше ли было бы для меня въ концѣ концовъ ... диться теперь въ шестифутовой ямѣ подъ землей?..

Ужъ этотъ Кремптонъ! вѣчно ему все удается! ... ему валитъ это сумасшедшее счастіе, которое меня ра... жаетъ и бѣситъ!..

15 января. — Въ часъ доставки почты нахожу на ... столѣ конвертъ. Еще одинъ позабытый счетъ? Нѣтъ, ... куляръ: »Богатымъ американцамъ«. Какая иронія!

»Граждане, которые, благодаря быстрому случаю — ... на биржѣ, наслѣдству, лотереѣ, коммерческой спеку... выборамъ, президентскому биллю, открытію золотых... ковъ, нефтяныхъ промысловъ, изобрѣтенію швейных... шинъ и т. д., или выборамъ на хорошую должность — ... заны на другой же день держать открытый домъ, ... чувствуютъ себя въ огромномъ затрудненіи принимат... себя, давать обѣды, устраивать балы, вечера и т. п. ... тому что ни ихъ происхожденіе, ни ихъ прежнія ... тельства, ни предыдущія занятія не пріучили ихъ ... ціальнымъ и деликатнымъ обязанностямъ хозяина ... зяйки дома. Подъ именемъ »Хорошаго тона« мы орга... вали спеціальное учрежденіе, берущее на себя сня... своихъ кліентовъ въ теченіе 6-ти часовъ и по очень ... вой цѣнѣ — 25 долларовъ за вечеръ — знающими и ... ными руководителями, способности и тактъ которыхъ ... избавить новыхъ богачей отъ скуки возиться съ ...

ѣтскихъ мелочей, несерьезныхъ самихъ по себѣ, но всегда вствительныхъ для самолюбія и даже часто положительно безвредныхъ для самихъ интересовъ дѣла. Будучи хорошо вѣдомлены съ общественными обязанностями, которыхъ невозможно избѣжать въ различныхъ обстоятельствахъ, предматриваемыхъ кодексомъ high life'a, представители »Хорошаго тона« будутъ съ ловкостью замѣнять несовсѣмъ увѣренныхъ въ себѣ хозяевъ; можно будетъ вполнѣ довѣриться умѣю нашихъ агентовъ устраивать всякаго рода праздники и іемы съ придачею имъ съ начала до конца утонченнаго на самаго изысканнаго общества Лондона или Парижа. Для ѣхъ изъ нашихъ новыхъ милліонеровъ, которые пожелаютъ хранить простоту старыхъ добрыхъ нравовъ янки, у асъ имѣются агенты, въ совершенствѣ обладающіе трудмъ искусствомъ развлекать компанію гостей, положительно лишенныхъ таланта держать себя въ обществѣ. Незамѣтно смѣшавшись съ другими гостями, наши представители дутъ насторожѣ всякаго случая, способнаго вызвать тотъ рывъ веселья, который такъ принятъ въ нашихъ собраніяхъ. азсказы, спичи, романсы къ случаю, тосты, гимны, юмористическая болтовня, анекдоты для дамъ — ничто не будетъ абыто или упущено, что только въ состояніи вызвать одушевленіе въ обществѣ. Агенты, выбранные администраціей Хорошаго тона« для этихъ разнообразныхъ ролей, не сѣ, конечно, знатоки своего дѣла въ равной степени. Для амыхъ деликатныхъ функцій, которыя требуютъ спеціальыхъ знаній и практики — увы, столь рѣдко встрѣчаемыхъ въ нашей юной націи! — администрація »Хорошаго она« неизбѣжна должна была обратиться къ столицамъ тараго свѣта. Въ настоящее время мы обезпечены конкуромъ многихъ ladies и gentlemen'овъ, принадлежащихъ къ учшимъ фамиліямъ, и небольшимъ количествомъ тѣхъ, которые, несмотря на свое разстроенное состояніе, вслѣдствіе превратности политическихъ обстоятельствъ, всетаки сохранили элегантныя, изящныя манеры и настоящій патентъ на respectability для залъ, гдѣ имѣешь удовольствіе съ ними встрѣчаться. »Хорошій тонъ«, какъ видно изъ этого, рекомендуетъ себя совершенно одинаково протекціи нашихъ милліонеровъ и всѣмъ патріотамъ, которые съ неудовольствіемъ переносятъ недоброжелательныя эпиграммы путешественниковъ, направленныя противъ наивныхъ нра-

вовъ нашего формирующагося еще только народа. По мысли своихъ основателей, американскій институтъ »Хорошаго тона« долженъ сдѣлаться настоящей практической школой вѣжливости новыхъ временъ, высшей академіей хорошихъ манеръ въ совершенной демократіи. Мы сочтемъ нашу задачу выполненной, если мы ускоримъ — хоть бы всего на нѣсколько дней — пришествіе этой будущей эры, въ которую наша славная республика установитъ на пользу новаго свѣта очищенное искусство новой вѣжливости. Съ почтеніемъ ожидая приказаній вашихъ, — основатель »Хорошаго тона«, американскаго института національной вѣжливости«.

Вотъ, такъ штука! Съ перваго-же взгляда въ этомъ дѣлѣ чувствуется спекуляція. Да, но въ настоящую минуту, конечно. не я обогачу кассу »Хорошаго тона«. Я вовсе не намѣренъ устраивать праздники. Все равно! Мнѣ любопытно увидѣть лица этихъ новыхъ богачей, пользующихся услугами представителей »Хорошаго тона«, и въ особенности этихъ пресловутыхъ »скромныхъ руководителей«.

Идея!.. ну да, конечно! Отчего же нѣтъ! Въ моемъ положеніи я не имѣю ни выбора, ни права быть привередливымъ.

Четвергъ, 18 января. — Дѣло сдѣлано. Я — одинъ изъ »скромныхъ агентовъ«, представитель »Хорошаго тона«. Я недостаточно богатъ, чтобы заплатить за свѣтскаго руководителя, — ну, такъ будутъ платить за руководство другихъ.

Вотъ какъ это произошло: цѣлыхъ два дня я не рѣшался. Сегодня утромъ я, наконецъ, рѣшился. Прихожу въ контору »Хорошаго тона«; меня встрѣчаетъ молодой человѣкъ, полный достоинства. Въ качествѣ рекомендаціи, представляю циркуляръ. Холодный и проницательный взглядъ молодаго человѣка производитъ осмотръ всей моей фигуры. — »Вы хотите записаться«, говоритъ онъ увѣреннымъ тономъ человѣка, угадавшаго цѣль моего прихода. И, не ожидая отвѣта, произноситъ: — »Чортъ возьми, это уже шестидесятый! Не разсчитывайте быть тотчасъ же употребленнымъ въ дѣло... однако...« Онъ вновь окинулъ меня своимъ непристойнымъ взглядомъ и заговорилъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. »Право, недуренъ. Пять футовъ и свѣтлые усы. Хорошая физіономія, и даже очень порядочная. Право, было бы досадно... Подождите минутку!« Онъ сталъ кусать

чку своего пера и задумался. Наконецъ, обращаясь ко мѣ, сказалъ: — »слѣдуйте, пожалуйста, за мной!«

Мы вошли вмѣстѣ въ маленькую залу, гдѣ находился от-ытый рояль съ нотами. Сбоку инструмента стоялъ чело-ѣкъ съ темнобурымъ цвѣтомъ лица. Онъ мнѣ вѣжливо клонился. У меня промелькнуло, не знаю — почему, вос-оминаніе о комнатѣ пытокъ изъ исторіи инквизиціи. Что дутъ дѣлать со мной эти два субъекта?

Прежде чѣмъ приступить къ церемоніи обычнаго допроса, ликій инквизиторъ — то бишь мой экзаменаторъ — почтилъ ня послѣднимъ размышленіемъ, произнесеннымъ тѣмъ же рьезнымъ и важнымъ тономъ: — »вы не осмѣлились бы, онечно, сударь, заставить меня терять время, еслибы не чувствовали себя способнымъ удовлетворить требованіямъ ашей академіи? Я предполагаю, что вы готовы подчи-иться испытанію, которое позволило бы намъ констатиро-ать ваши способности и пріятные таланты«.

Моя сдержанность устранила его сомнѣніе, ибо его брови, а мгновеніе сурово насупившіяся, вдругъ разгладились, и ъ мнѣ сказалъ почти заискивающимъ голосомъ: — »бла-оволите присѣсть и спѣть эту вещицу, акомпанируя себѣ а роялѣ«. Это былъ романсъ изъ »Трубадура«. Я чувство-алъ себя въ голосѣ. Я спѣлъ съ выраженіемъ, на которое олько былъ способенъ. — »Браво!« крикнулъ второй инкви-иторъ, человѣкъ съ темнобурымъ цвѣтомъ лица. Онъ пред-ожилъ мнѣ, по окончаніи романса, нѣсколько вопросовъ на талья[illegible]омъ и на дурномъ французскомъ языкѣ.

Я отвѣтилъ, какъ только могъ. Экзаменъ продолжался; спѣлъ еще одинъ романсъ, потомъ пришла очередь за-тольной пѣсни и аріеты, за которой послѣдовалъ куплетъ зъ оперетки. Кончили мы ирландской балладой. Я почув-твовалъ себя потерянным, когда мнѣ предложили произ-ести какіе либо стихи. Я долженъ былъ признаться, что ичего наизустъ не знаю. — »Не бѣда!« сказалъ молодой еловѣкъ почтеннаго вида. — »Судя по тому, какъ вы пред-тали передъ нами на испытаніи, вы можете быть намъ полез-ы на вечерахъ у американцевъ стараго пошиба. Цѣна, назна-аемая вамъ въ этомъ »отдѣленіи«, 15 долларовъ въ вечеръ!«

— Очень хорошо, сказалъ я почтительно и нѣсколько ипавшимъ голосомъ. Я вышелъ, утомленный этой комнатой ытокъ. Мнѣ предложили еще объявить *настоящее* свое

имя, подъ гарантіей абсолютной тайны. Мое настоящее
Я уже думалъ, что на этотъ разъ не сдержусь. Одна
сдѣлалъ усиліе. Наконецъ потребовали еще кое-какія
тельства въ моей пригодности для дѣла. Къ счастію, я
осторожность захватить съ собой нѣсколько рекомен
ныхъ писемъ извѣстныхъ коммерсантовъ; письма эти
написаны въ то время, когда, за неимѣніемъ лучш
думалъ поступить прикащикомъ въ какое либо завед

Окончивъ съ честью это послѣднее испытаніе, я
лилъ надѣть себѣ петлю на шею и записать себя въ
»представителей Хорошаго тона«.

NB. Если Кремптонъ узнаетъ когда либо объ этом

20 января. — Я только что дебютировалъ въ своей
роли. Я имѣлъ предписаніе быть ежедневно дома от
6 ч. вечера, ожидая изъ конторы »Хорошаго тона«
казаній«. Вчера, дѣйствительно, я получилъ такое
основателя заведенія. Я долженъ былъ въ тотъ же в
около 9 час., явиться въ домъ на улицѣ 104 — Est.
5-й Авеню, и поступить въ распоряженіе господина
пожи С. К. В. Гросеръ.

Въ девять часовъ ровно я былъ уже въ ярко ос
ной залѣ, полной народа. По срединѣ, подъ люстрой
цовали подъ звуки оркестра. У входа толстякъ внуш
наго вида съ сѣрыми баками разговаривалъ съ дамой,
ныя и мясистыя плечи которой, казалось, усиливал
скочить изъ краснаго атласнаго лифа. Господинъ и г
Гросеръ, навѣрно, мои собственники — нѣтъ, какъ бы
зать, мои наемщики на этотъ вечеръ. Какъ имъ пр
виться? Нѣсколько минутъ я колебался, но они меня
тили. Они говорили другъ съ другомъ вполголоса, у
тѣмъ какъ ихъ зрачки упорно уставились на меня.
дошелъ къ нимъ, не колеблясь; къ моему великому
ленію, хозяйка дома назвала меня по имени и сказа
мымъ изысканно-привѣтливымъ голосомъ:

— Здравствуйте, г. Валентинъ; очень рада васъ в

Г. Гросеръ прошамкалъ какую-то невнятную фра
торая, вѣроятно, означала: »какъ ваше здоровье?«

Я отвѣтилъ, что »очень радъ съ ними познакомит
Я поправился: »ихъ отыскать«.

Какая-то дама подходила къ нимъ. Хозяйка дом
нулась къ ней.

— Позвольте, дорогая моя, представить вамъ г. Валенна, одного изъ нашихъ самыхъ близкихъ и старыхъ друй... Госпожа Смайль...

Дама улыбнулась; я раскланялся. Г-жа Гроссръ прибавила съ жеманствомъ:

— М-г Валентинъ очень много бываетъ въ обществѣ; мы ялись лишиться его присутствія сегодня вечеромъ.

Новоприбывшая еще шире улыбнулась.

— Очень рада съ вами познакомиться, м-г Валентинъ: ой дорогой другъ г-жа Гроссръ такъ часто мнѣ о васъ оворила, и я всюду слышала похвалы вамъ.

Я не могъ не найти комплимента нѣсколько сильнымъ, лыша его отъ людей, даже незнавшихъ о моемъ существоаніи наканунѣ этого вечера.

— Предложите мнѣ руку, сказала мнѣ г-жа Смайль: — ройдемся.

Я поспѣшилъ удовлетворить ея желаніе самымъ люезнымъ образомъ, не переставая незамѣтно слѣдить за озяиномъ дома, который чувствовалъ себя, очевидно, не ъ своей тарелкѣ. Онъ, казалось, говорилъ себѣ, что сли я играю роль, то и ему нелегко участвовать въ томъ обманѣ. Что касается г-жи Гроссръ, то она, казалось, была выше всякаго чувства стѣсненія. Ея вечеръ ачался хорошо; это было уже само по себѣ очень важно. Съ добрый часъ! Ея радость и спокойствіе придали и мнѣ бодрость духа. Въ такихъ рукахъ я чувствовалъ увѣренность въ себѣ. Не было ли для нея столь же важно сказать истину, какъ и мнѣ? Мужъ молчалъ. Однако я его считалъ способнымъ испортить дѣло какой нибудь глупой выходкой. Я вскорѣ рѣшился и исполнилъ свой планъ: избѣгать мужа и устроиться такъ, чтобы жена могла утилизировать меня согласно обстоятельствамъ. Я рѣшился исполнять обязанности услужливаго кавалера г-жи Смайль. Когда я удалялся съ ней, я еще разъ посмотрѣлъ на хозяина дома. Вдругъ мнѣ показалось, что я его давно уже знаю. Во всей его фигурѣ было что-то ужасно мнѣ знакомое...

У меня отъ этого вечера остались очень смутныя воспоминанія: ослѣпительное освѣщеніе, цвѣты въ изобиліи, платья розовыя, платья голубыя, платья зеленыя; на этомъ фонѣ тамъ и сямъ пятна фраковъ. Вотъ все, что я припоминаю.

Въ одиннадцать часовъ рѣшили танцовать »бостонъ«.

Одинъ кавалеръ былъ избранъ дирижеромъ танцевъ и предлагать намъ свою шляпу съ билетиками. Я не з что именно нужно дѣлать, и боялся совершить какую-н неловкость. Очень кстати г-жа Гросеръ явилась мнѣ мощь и вывела меня изъ затрудненія нѣсколькими сказанными шопотомъ: чтобы не возбуждать ревности было рѣшено предоставить судьбѣ, кому съ кѣмъ танцова окончаніи вечера каждый кавалеръ долженъ былъ про даму, съ которою судьба назначила ему танцовать »бос

— Вы теперь понимаете, что̀ отъ васъ требуется зала г-жа Гросеръ: — вы, конечно, танцуете?

Она произнесла эти слова тономъ, который мнѣ зался очень спѣсивымъ, тономъ нанимательницы.

Я взялъ билетикъ. На немъ было имя молодой дѣ которая оказалась миссъ Смайль.

Эти замѣтки моего дневника не будутъ прочитан кѣмъ. Поэтому я могу смѣло написать, что въ этотъ я всѣмъ понравился, въ томъ числѣ, конечно, и моей шенькой танцоркѣ — потому что дочь г-жи Смайль изящна и очень мила. Я былъ очень польщенъ ея ви ніемъ. Но въ особенности это свидѣтельствовало о то я имѣлъ успѣхъ въ первомъ »дебютѣ«. Болтать, вать, флиртировать, ѣсть мороженое и за все это чать по 4 доллара въ часъ — вотъ отнынѣ мое ре Итакъ, этотъ первый вечеръ доказалъ мнѣ, что я отличиться въ моей странной профессіи. Меня пр всюду, и я былъ всѣмъ представленъ. Въ концѣ вечер Гросеръ просила меня спѣть. Зала была въ это время я исполнилъ ея просьбу безъ смущенія.

Здѣсь случился маленькій инцидентъ: кончивъ ро мансъ, я услышалъ изъ двери коридора, около которой два голоса. Я различилъ очень ясно слѣдующія пре скія слова: — »гдѣ онъ, ты говоришь? — Тамъ около Славный малый, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ толь лалъ, что пѣлъ всю свою жизнь. — И ты увѣряешь ему платятъ 15 долларовъ за вечеръ? Мы прозѣвали призваніе, Стели!« Я еще слышу до сихъ поръ грубый въ лакейской, вызванный этой шуткой. Я бы свернул этимъ людямъ. Но по какому праву? Они говорили Я удовольствовался тѣмъ, что покраснѣлъ до ушей жется, даже я заскрежеталъ зубами. Къ счастію, в

шенный на меня хозяйкой, призвалъ меня къ порядку, помнилъ объ »обязанностяхъ«. Я бросился впередъ, чтобъ ти свою даму къ ужину.

Во время разъѣзда хозяинъ подошелъ ко мнѣ. У него ло очень почтенное выраженіе лица, но нѣсколько ме-холическое.

— Г. Валентинъ, вы были дѣйствительно очень милы, азалъ онъ мнѣ съ отеческой улыбкой. — Вы были нашимъ ѣйникомъ. Кстати, какъ вы находите нашъ вечеръ? Ска-те мнѣ ваше правдивое мнѣніе.

— Но мнѣ кажется, отвѣтилъ я: — что вы и ваша руга не можете быть имъ недовольны.

Мой голосъ, независимо отъ меня, звучалъ какимъ-то вѣріемъ, точно мы были съ нимъ замѣшаны въ какомъ будь таинственномъ заговорѣ.

— Г-жа Гроверъ, возразилъ онъ: — тщеславна. Ей хо-тся залучить молодыхъ людей другаго общества, чѣмъ тѣ, горыхъ она обыкновенно принимаетъ. Ну что-жъ! И она ъ залучила, продолжалъ онъ, смотря на меня съ гор-стью. — Ей Богу залучила! Неправда ли?

Онъ долго и громко смѣялся. Ну, конечно, я этотъ го-съ знаю... Но пока я тщетно роюсь въ своихъ воспоми-ніяхъ — миссъ Смайль показывается уже въ шубкѣ. Я ощаюсь съ четой Гросеровъ и уѣзжаю со своей дамой.

По дорогѣ она обращается со мной, какъ съ знатнымъ остранцемъ, и говоритъ мнѣ съ миной хитраго кокетства:

— Знаете, г. Валентинъ, всѣ дамы умираютъ отъ злости, о счастливый случай сдѣлалъ васъ моимъ кавалеромъ. Вы ли царемъ вечера.

На порогѣ своего дома она приглашаетъ меня сдѣлать ъ визитъ. Бѣдная миссъ Смайль! Еслибы она могла знать, *по я*. Ея мать уѣхала часомъ раньше.

Я вопрошаю себя — когда мнѣ уплатятъ.

22 января. — Я знаю, гдѣ уже видѣлъ этого Гросера!.. вчера зашелъ къ Стюарду купить перчатки. Я полу-илъ свои 15 долларовъ утромъ. Прикащики окружили меня. динъ голосъ покрылъ всѣ другіе.

— Въ какое отдѣленіе вамъ угодно пожаловать?

— Въ перчаточное, отвѣтилъ я.

Я узналъ Гросера въ одномъ изъ главныхъ прикащиковъ; ъ меня тоже узналъ — и изъ двухъ свободныхъ людей,

каковыми мы были наканунѣ злосчастнаго вечера, воспоминанія о нашемъ обоюдномъ секретѣ обратило насъ въ невольниковъ. Мы разошлись налѣво и направо, не сказавъ другъ другу ни слова. Все равно, я доволенъ, что узналъ, кто онъ...

30 января. — Восемь дней я не записывалъ ничего въ этой тетради. Причина та, что я велъ все это время жалкое существованіе. Это ремесло унизительно. Повсюду я получаю новыя оскорбленія; даже лакеи въ нѣкоторыхъ домахъ смотрятъ на меня подозрительно. Въ одномъ домѣ метрдотель слѣдовалъ за мной повсюду съ цѣлью слѣдить, чтобы я не укралъ серебра. Мнѣ даже показалось, что Кремптонъ, который тоже былъ тамъ, не сводилъ съ меня глазъ, и что онъ кое-что подозрѣвалъ. Когда я подумаю, что онъ можетъ открыть мою тайну и все разсказать въ клубѣ!..

Въ другомъ домѣ у одного милліонера, когда я уѣзжалъ, мнѣ дали чекъ на 25 долларовъ. »Это за ваше пѣніе«, сказали мнѣ. Я со злостью возвратилъ чекъ. Но благодѣтель мой сказалъ: »Не сердитесь. То, что вы сдѣлали для меня, стоитъ мнѣ дороже 25 долларовъ. Вы мнѣ доставили удовольствія вдвое болѣе, чѣмъ на 25 долларовъ. Я не вижу, почему я за это не могу заплатить, какъ и за всякое другое удовольствіе.«

Я принялъ чекъ.

Конечно, я теперь не такъ бѣденъ, какъ нѣсколько недѣль назадъ. Я могъ позволить себѣ нѣкоторыя излишества, которыхъ былъ лишенъ до сихъ поръ. Еще 2 или 3 вечера, и я подамъ въ отставку.

Съ того дня, какъ я получилъ чекъ, я никуда не могу показаться, чтобы не встрѣтить Кремптона. Въ прошлый вечеръ онъ мнѣ сказалъ съ ироніей: — »Право, Валентинъ, я не зналъ, что вы до такой степени любите свѣтъ!« Я тотчасъ подумалъ, что онъ разгадалъ мою тайну. Онъ продолжалъ: — »Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ вы не уѣхали, то въ Союзномъ клубѣ можно возобновить... Все идетъ тамъ all right!« Никогда я не осмѣлюсь вступить ни въ какой клубъ. Ужъ этотъ Кремптонъ! Я его ненавижу. Безъ сомнѣнія, онъ подозрѣваетъ истину; онъ знаетъ, что держитъ меня въ рукахъ, и хочетъ дать мнѣ почувствовать.

5 февраля. — Вотъ о чемъ я не подумалъ!

Прошлый разъ пригласили меня на обѣдъ, на которомъ одинъ изъ четырнадцати приглашенныхъ не могъ присут-

вовать, приславъ отказъ въ послѣднюю минуту. Мой хозяинъ, нѣкто Куртлендъ, былъ при другихъ очень со мной обезенъ. Несмотря на это, я чувствовалъ все униженіе знавать себя въ положеніи обѣденной затычки. Я приворился страшно любезнымъ съ пожилой дамой, которую ровожалъ въ столовую. Но въ сущности я не могъ свести глазъ съ поразительно хорошенькой молоденькой дѣушки, сидѣвшей противъ меня. Ея волосы отливали золомъ, ея глаза были темноголубаго цвѣта. Я вскорѣ догался, что это была племянница хозяина, бездѣтнаго вдовца, оторый сдѣлалъ ее своею наслѣдницей. Послѣ обѣда пошли въ остинную, и я хотѣлъ удалиться; въ это время миссъ Куртендъ подошла къ фортепіано, и всѣ стали просить ее спѣть.

— Охотно, сказала она съ изящной граціей и просто. Ея бѣлыя ручки перелистывали ноты и остановились на уэтѣ для сопрано и тенора. — Но, сказала она вдругъ, похватившись: — кто же будетъ со мной пѣть?

Ея взглядъ прошелся по фракамъ. Никто не отвѣтилъ.

— Роза, г. Валентинъ поетъ, я въ этомъ увѣрена, сказала нѣкая г-жа Макъ-Гоффъ — моя сосѣдка за обѣдомъ.

Куртлендъ бросилъ на меня свирѣпый взглядъ, ясно говорившій: »не осмѣлишься же ты пѣть съ моей племянницей!«

Изъ всѣхъ порученій, къ которымъ я уже сталъ привыкать, это показалось мнѣ самымъ невыносимымъ. Между тѣмъ Куртлендъ, быстро подавивъ первое движеніе, сказалъ:

— Надѣюсь, г. Валентинъ, вы намъ доставите это удовольствіе?

Конечно, я повиновался, несмотря на сильное желаніе извиниться и уйти. Но какъ отказать?! Миссъ Роза стояла передо мной и смотрѣла на меня такъ спокойно и весело. Я сказалъ себѣ, что на нее могу положиться. Что изъ этого выйдетъ? можетъ быть, влеченіе другъ къ другу съ первой же встрѣчи. Я испытывалъ физическое ощущеніе той пропасти, которая насъ раздѣляла. Я спѣлъ, а потомъ незамѣтнымъ образомъ удалился.

Увижу ли я ее когда нибудь вновь? Врядъ ли.

10 февраля. — Нѣсколько разъ въ теченіе этой недѣли я зарабатывалъ свои 15 долларовъ. Въ двухъ домахъ я встрѣтился съ миссъ Розой. Дядя никогда не сопутствуетъ ей: г-жа Макъ-Гоффъ охраняетъ ее при выѣздахъ на французскій манеръ. Мнѣ казалось, что она меня каждый разъ

встрѣчала не безъ удовольствія. Какъ она граціозна! А я около нея кажусь самому себѣ обманщикомъ, мошенникомъ, живымъ укоромъ.

Наконецъ! Воспользуемся удачами, которыя геній-покровитель изрѣдка посылаетъ нашему брату — пролетарію. Проклятый Кремптонъ! Онъ не отходитъ отъ миссъ Куртлендъ. И если ему удастся протанцовать съ ней туръ вальса, онъ тотчасъ же награждаетъ меня ехидной и ироническої улыбкой.

Какое хорошенькое имя Роза, какъ оно идетъ къ ея губкамъ!

15 февраля. — Злости этого человѣка нѣтъ границъ. Я чувствую, что онъ открылъ мой секретъ, я испытываю мученія, когда вижу его болтающимъ съ миссъ Розой, какъ это было вчера въ теченіе цѣлаго получаса. Онъ говорилъ навѣрно обо мнѣ. Она слушала его, изумленно поглядывая на меня. Я во власти этого Кремптона!

20 февраля. — Непростительное безуміе посылать цвѣты миссъ Куртлендъ — по двумъ причинамъ: первая — у меня нечѣмъ будетъ уплатить по счетамъ за эту недѣлю; вторая — я прибавлю еще горечи къ разочарованію, стараясь вызвать ея симпатію... И всетаки я не могъ устоять противъ искушенія.

21 февраля. — Дѣло становится серьезнымъ. Вчера вечеромъ миссъ Роза сказала мнѣ голосомъ, полнымъ ласки: »Я все думаю, г. Валентинъ, почему вы не явились до сихъ поръ сдѣлать мнѣ визитъ. Я вамъ не говорила объ этомъ, думая, что вы сами найдете это нужнымъ, послѣ того какъ обѣдали у моего дяди«. Я съ замѣшательствомъ пробормоталъ:

— Повѣрьте, миссъ, что я давно бы сдѣлалъ этотъ визитъ... но маленькій споръ, легкое разногласіе... о, ничего серьезнаго, конечно!.. который у меня произошелъ съ вашимъ дядей... Я не осмѣливаюсь явиться.

Само собой разумѣется, я прибавлялъ новую ложь къ предыдущимъ. Личико миссъ Розы озарилось хитрой улыбкой.

— Это не отговорка. Послѣзавтра, въ четвергъ, мой день; приходите на чашку чаю. Дядя не бываетъ дома ранѣе 6 часовъ. И, наконецъ, если вы встрѣтитесь, то это будетъ превосходнымъ случаемъ помириться съ нимъ.

Какъ во снѣ, безъ всякаго смущенія, я съ восторгомъ принялъ это предложеніе.

Въ то же мгновеніе прибылъ, расталкивая публику локми, Кремптонъ и нахальнымъ тономъ, который мнѣ крайне понравился, сказалъ:

— Скажите, миссъ Роза, будете вы at home, въ четргъ? Если да, съ вашего позволенія, я навѣщу васъ.

Скотина! онъ насъ слышалъ и захотѣлъ мнѣ напортить. ь счастію, съ миссъ Розой заговорила одна дама, съ корой та и ушла, не отвѣтивъ на вопросъ Кремптона. Меня ізбирала злость. Я схватилъ руку своего соперника и калъ ее, какъ въ тискахъ.

— Кремптонъ, сказалъ я ему на ухо, стиснувъ зубы и ıе сдерживаясь: — вы наконецъ, мой милый, забываетесь!

Онъ бросилъ на меня яростный взглядъ, вырвался отъ еня и скрылся.

22 февраля. — Два часа утра. Мозгъ горитъ. Безпоезно думать заснуть. Лучше запишу все, что произошло: ожетъ быть, это успокоитъ меня.

Когда я сегодня вечеромъ явился въ домъ, куда меня ослала, администрація »Хорошаго тона«, я, къ удивленію зоему, замѣтилъ, что пришелъ раньше всѣхъ. Въ залѣ ниого не было, если не считать хозяйки дома, совсѣмъ сѣдой амы, которая держала въ рукахъ солидную слуховую трубу. другъ кто-то быстро вошелъ. Я узналъ Кремптона. Онъ рошелъ мимо, не замѣчая меня, неловко подошелъ къ стаушкѣ, раскланялся и голосомъ, полнымъ смущенія, сказалъ:

— Я Кремптонъ...

— Какъ? переспросила она, придвигая къ нему трубу.

Кремптонъ приблизилъ ее къ губамъ и повторилъ свое имя.

— Г. Нертонъ? Не знаю такого.

— Кремптонъ, сударыня, Кремптонъ! вопилъ гость.

— А, очень хорошо, Кремптонъ... да, да, г. Кремптонъ зъ »Хорошаго тона«, знаю. Но гдѣ же вашъ товарищъ? Васъ должно быть двое... Да! извините меня, я кое что абыла... Простите, пожалуйста... Я сейчасъ вернусь!.. Она далилась, оставивъ Кремптона въ смущеніи.

Мы очутились лицомъ къ лицу. Онъ понялъ, что я все слышалъ, и умоляющимъ голосомъ вскричалъ.

— Ради всего святаго, Валентинъ, не губите меня! Я съ первыхъ же дней почувствовалъ, что вы подозрѣваете мой секретъ, что я весь былъ въ вашей власти! Я обращаюсь къ вашему доброму сердцу... Валентинъ, въ своемъ

положеніи богатаго человѣка, вы не подозрѣваете, вы не можете себѣ представить ужаса нѣкоторыхъ существованій... въ родѣ моего, напримѣръ!

Я, должно быть, сильно измѣнился въ лицѣ, потому что Кремптонъ вдругъ прервалъ себя, быстро взглянулъ на меня и сказалъ: — Что съ вами?

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, я оправился. Въ то же время вошла старая дама.

— А вотъ и другой! закричала она, увидѣвъ меня. — Вы, г. Валентинъ, изъ »Хорошаго тона«? Очень хорошо. Мои гости могутъ теперь съѣзжаться.

Лакей вводилъ уже приглашенныхъ. Старая дама ихъ встрѣчала. Я вновь очутился вдвоемъ съ Кремптономъ, который смотрѣлъ на меня съ минуту ошеломленнымъ взглядомъ,—потомъ, вздохнувъ въ три пріема, сказалъ:

— Мы квиты. Я у васъ въ рукахъ, какъ вы у меня. Берегитесь!

Мы больше не обмѣнялись ни словомъ въ теченіе всего вечера.

Чѣмъ все это кончится? Завтра я долженъ сдѣлать визитъ миссъ Куртлендъ. Я рѣшился во-время ей признаться.

Что она обо мнѣ подумаетъ? кто знаетъ? Развѣ королева не любила Рюи-Блаза, даже узнавъ, что онъ лакей?..

Что за безумныя мечты приходятъ мнѣ въ голову!

23 февраля. — Кончено. Я былъ сегодня послѣ завтрака у Куртлендовъ. Миссъ Роза была одна въ маленькомъ будуарѣ; пламя камина весело перебѣгало по дровамъ и ярко отражалось на полированномъ деревѣ мебели. Когда она подходила къ камину, ея чудные волосы, на которыхъ игралъ отблескъ огня, казались мнѣ золотымъ вѣнцомъ.

Мое стѣсненіе, безпокойство не ускользнули отъ ея взгляда. Безъ всякихъ предисловій она спросила у меня причину ихъ добрымъ и нѣжнымъ голосомъ, который заставилъ меня рѣшиться на полное признаніе.

— Миссъ Куртлендъ! вскричалъ я: — что подумаете вы, если я вамъ признаюсь, что недостойнымъ образомъ обманулъ васъ — что я не то, чѣмъ кажусь?

— Что вы хотите сказать? спросила она съ тревогой.

Я продолжалъ: — обѣщайте мнѣ повѣрить, что я васъ обманулъ безъ всякаго умысла и, смѣю сказать, съ глубочайшимъ сожалѣніемъ.

Она остановила на мнѣ серьезный взглядъ своихъ больихъ чудныхъ глазъ и сказала: — вы можете быть въ этомъ ѣрены.

Въ немногихъ словахъ я разсказалъ ей о своемъ позорѣ, скрывая ни одной подробности. Она слушала меня серьезно. огда я кончилъ свою исповѣдь, она улыбнулась.

— Въ этомъ ничего нѣтъ безчестнаго, и я остаюсь ваимъ другомъ. Я счастлива, что вы мнѣ сдѣлали это прианіе, потому что г. Кремптонъ вчера мнѣ кое-что разскалъ о васъ...

— Кремптонъ! вскричалъ я: — но онъ послѣдній могъ ы имѣть смѣлость сказать обо мнѣ что либо...

Я рѣзко оборвалъ рѣчь. Миссъ Роза хотѣла знать больше. – Продолжайте, приказала она.

— Нѣтъ, миссъ, ничего. Я не буду говорить о Кремптонѣ. нѣ все равно, потому что вы сохранили ко мнѣ уваженіе.

— Оно принадлежитъ вамъ вмѣстѣ съ моей дружбой.

Она протянула мнѣ свою маленькую бѣлую и нѣжную учку; я схватилъ эту добрую ручку и имѣлъ смѣлость поѣловать ее. Въ это время два человѣка вошли въ будуаръ: ремптонъ въ одну дверь, Куртлендъ — въ другую.

Куртлендъ остановился на мѣстѣ, не сказавъ ни слова. о Кремптонъ, внѣ себя, бросился ко мнѣ.

— Вы осмѣлились!.. Я васъ сейчасъ уничтожу!

— Кремптонъ, сказалъ я, дрожа отъ гнѣва и стыда: — апъ позоръ общій. Будьте осторожны въ вашихъ словахъ.

Однако я произнесъ это громче, чѣмъ хотѣлъ. Миссъ оза услышала это. — А, теперь я понимаю, сказала она, ромко расхохотавшись и не сводя глазъ съ Кремптона.

Кремптонъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и снова поблѣднѣлъ. Изъ его тонкихъ и дрожавшихъ отъ бѣшенства губъ вырвались беззвучныя слова. Я могъ разслышать только: »проало теперь мѣсто!« Наконецъ онъ неловко поклонился и овершенно растерянно удалился.

Куртлендъ между тѣмъ пришелъ въ себя и спокойно казалъ мнѣ:

— Что значитъ эта дерзость? Онъ обернулся къ племянницѣ: — знаешь ли, Роза, сколько получилъ этотъ господинъ за то, что обѣдалъ у меня? Я взялъ этого »наемнаго« господина въ конторѣ »Хорошаго тона«, какъ фигуранта, ради дурнаго числа 13! Я васъ не предупредилъ относи-

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03664 2962